ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

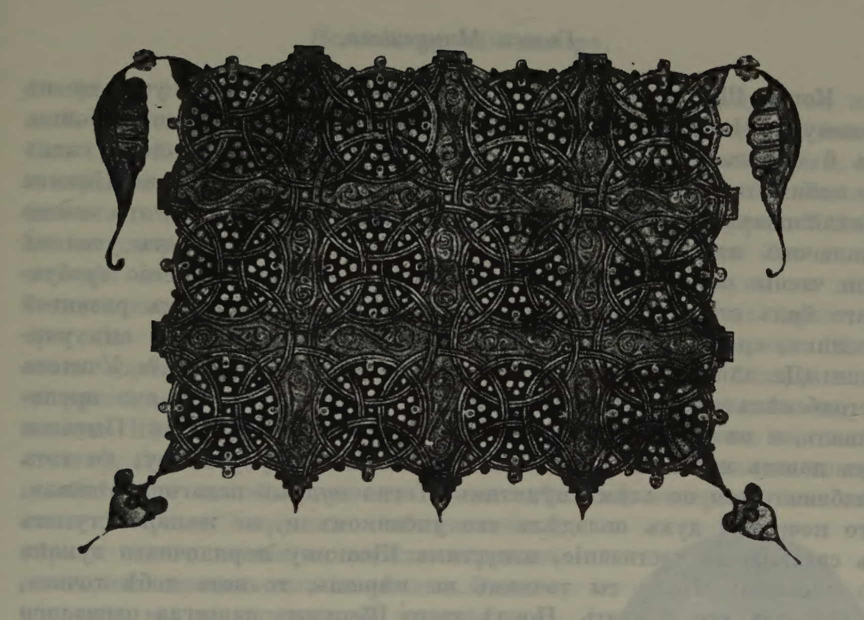
издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 8. Августъ. 1913.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва.—1913.

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Великій русскій актеръ.

(Къ 50-лѣтію со дня кончины М. С. Щепкина 11-го августа 1863 г.). [1]

Московской сцены честь и слава!
Комедій русскихъ красота!
Сердечный смѣхъ—твоя держава,
Игра — природы простота!

С. П. Шевыревъ.

1.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ родился 6-го ноября 1788 г. въ селѣ Красномъ, Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда. Отецъ и мать его были крѣпостными графа Волькенштейна. Отецъ служилъ у графа сначала въ должности камердинера, а затѣмъ, въ знакъ особой господской милости, былъ назначенъ управителемъ дома. Щепкинъ росъ ребенкомъ тихимъ и спокойнымъ.

---

[1]) Перечень матеріаловъ, которыми пользовался авторъ при составленіи біографіи М. С. Щепкина: Записки и письма Щепкина. Воспоминанія о немъ М. А. Щепкина (*Ист. Вѣст.*, 1900 г., кн. 8). М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь. Ст. Н. С. Тихонравова (*Артистъ*, 1890 г., № 5). М. С. Щепкинъ и его сценическая дѣятельность—ст. Вѣтринскаго. Клочки воспоминаній А. Стаховича. Отрывокъ изъ памятной книжки отставного режиссера С. П. Соловьева (приложеніе 1 къ *Ежегоднику Имп. театр.* 1895 г.—1896 г.). Статьи Аполлона Григорьева (*Москвитянинъ*, 1852 г., кн. 8). Соч. Герцена, т. 6. Сочиненія и переводы А. Н. Баженова, т. 1. Сочиненія Бѣлинскаго, т. 3. С. Т. Аксаковъ—Литературныя воспоминанія. Барсуковъ—«Жизнь и труды М. П. Погодина». кн. 14. Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, т. 2. Нильскій.—Закулисная хроника.

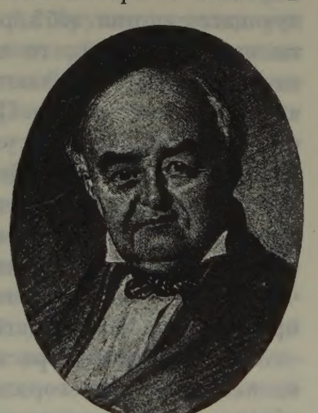
Когда Щепкину исполнилось 5 лѣтъ, его отдали учиться къ какому-то Никитѣ Михайловичу. Занятія его шли хорошо и бойко. Къ 6 годамъ онъ выучилъ часословъ и псалтырь, при чемъ словъ не понималъ, да учитель этого и не требовалъ. Насколько Никита Михайловичъ былъ на высотѣ педагогическаго призванія, это можно заключить изъ слѣдующаго факта: учитель требовалъ отъ ученика при чтеніи останавливаться на точкахъ и за неисполненіе требуемаго билъ его по рукамъ. Смышленый и не по годамъ развитой ученикъ, со слезами на глазахъ отъ боли, спрашиваетъ онъ учителя: «Да для чего же надо останавливаться на точкахъ?» Учитель остолбенѣлъ отъ такого неожиданнаго вопроса. 40 лѣтъ онъ преподавалъ, и ни одинъ ученикъ не спрашивалъ его объ этомъ. Пытался онъ давать неясныя объясненія любознательному ученику, но тотъ разбивалъ его по всѣмъ пунктамъ. Тогда мудрый педагогъ рѣшилъ, что нечистый духъ овладѣлъ его ученикомъ и, не желая вступать съ сатаною въ состязаніе, отпустилъ Щепкину порядочнаго тумака со словами: «Коли ты точкамъ не вѣришь, то вотъ тебѣ точка», и обѣщалъ его выдрать. Послѣ этого Щепкинъ навсегда отказался отъ подобныхъ вопросовъ.

Вскорѣ по настоянію матери его отвезли въ имѣніе графа, Кондратовку, и отдали въ науку тамошнему священнику, отцу Димитрію. Но и этотъ учитель недалеко ушелъ отъ перваго. Онъ самъ плохо разбиралъ тѣ молитвы, которыя на церковныхъ службахъ повторялись не ежедневно. Естественно, что отъ учителей съ подобнымъ уровнемъ развитія даровитый ребенокъ не могъ извлечь никакой пользы. Отецъ Щепкина, Семенъ Григорьевичъ, человѣкъ бывалый, много ѣздившій съ графомъ и неглупый, понималъ все это, а потому надумалъ отдать сына къ одному ученому священнику, жившему въ Бѣлгородѣ. По пути въ Бѣлгородъ семья Щепкина остановилась въ селѣ Красномъ, гдѣ въ то время жилъ графъ. Эта остановка въ Красномъ имѣла громадное значеніе въ жизни Щепкина. Тутъ онъ впервые увидѣлъ въ барскомъ домѣ театръ и представленіе оперы: «Новое семейство». Вѣроятнѣе всего, это первое посѣщеніе театра, какъ искра, зажгла въ немъ страстную любовь къ театру, которая и осталась въ немъ на всю жизнь. Впослѣдствіи судьба, какъ бы нарочно, толкала его къ сценѣ. Однажды, когда онъ уже жилъ въ Суджѣ, одинъ изъ учениковъ принесъ въ школу комедію Сумарокова: «Вздорщица». Ученики были въ недоумѣніи и не знали, что такое комедія. Щепкинъ, уже знакомый съ

Баронъ Н. В. Дризенъ.—Матеріалы по исторіи русскаго театра. Переписка о выкупѣ Щепкина (*Кіевская Старина*, 1904 г., кн. 11). А. Д. Галаховъ — Литературная кофейня въ Москвѣ (*Русская Старина*, 1886 г., кн. 5) и друг.

Есть еще воспоминанія М. С. Щепкина А. В. Щепкиной въ ***Рус. Архивъ***, 1889 г., т. 1, и письма Щепкина къ Шевченку въ ***Кіевлянинъ***, 1870 г., № 40, 41, 43.

театромъ, объяснилъ имъ, какъ можно изобразить комедію въ лицахъ на сценѣ. Товарищи не повѣрили и стали смѣяться надъ нимъ. Онъ съ пѣною у рта отстаивалъ свое мнѣніе. Поднялся шумъ, на который и вышелъ учитель, спавшій въ сосѣдней комнатѣ. Выслушавъ въ чемъ дѣло, онъ сказалъ имъ: «Дураки вы, дураки! Какъ же вы спорите о томъ, чего не знаете? Щепкинъ правъ. Это точно комедія и ее можно сыграть такъ, что другіе примутъ за дѣйствительность». Тутъ же онъ разсказалъ имъ, что есть драма и трагедія, а въ Москвѣ хорошіе актеры: Ожогинъ, Шушеринъ. Щепкинъ торжествовалъ въ своей правдѣ. И учитель на ближайшемъ же урокѣ велъ съ учениками бесѣду о театрѣ. «Въ первый разъ еще,— пишетъ Щепкинъ,—у него въ классѣ не было скучно; не знаю отчего? Отъ того ли, что въ его преподаваніе ворвалась совершенно новая мысль и новостью своею сдѣлалась интересна или онъ самъ впервые нарушилъ обыкновенный образъ своего чтенія и, вмѣсто мертвыхъ словъ, познакомилъ насъ съ мыслью. Однимъ словомъ, мы не скучали въ классѣ, намъ было весело, мы какъ будто вдругъ поумнѣли и даже намъ сдѣлалось скучно, когда пробилъ звонокъ объ окончаніи класса».

М. С. Щепкинъ.
(Портр. Шевченко).

Но еще больше обрадовались ученики, когда учитель, выходя изъ класса, сказалъ имъ: «Вотъ дураки! вмѣсто того, чтобы бѣгать по улицамъ да биться на кулаки, не лучше ли было бы, если бы вы разучили эту комедію да передъ роспускомъ на масленицѣ сыграли бы ее у меня». Послѣ этого восторгъ былъ неописанный. Только и разговоровъ было о «Вздорщицѣ». Но вскорѣ Щепкинымъ овладѣло безпокойство, получитъ ли онъ роль. Ролей въ пьесѣ было мало, а желающихъ играть много изъ дѣтей чиновниковъ, купцовъ, вѣроятно, они и будутъ играть, а не онъ, сынъ крѣпостного. Но какова же была его радость, когда учитель, распредѣляя роли, назначилъ ему роль слуги Разморина. «Я обезпамятилъ отъ радости, даже заплакалъ», пишетъ онъ въ запискахъ. Начались репетиціи и, наконецъ, насталъ давно желаемый день спектакля.

Классную комнату раздѣлили пополамъ: одну половину обратили въ зрительный залъ, другую—въ сцену, повѣсили пологъ съ кровати въ родѣ занавѣса, откуда и выходили юные актеры. Въ 5 часовъ собрались зрители, состоявшіе изъ мѣстныхъ властей: городничаго, судьи, исправника и родственниковъ ихъ. Актеры поумылись и причесались. На Щепкинѣ былъ длинный сюртукъ. Зрители усѣлись. И началось представленіе. «Вначалѣ я какъ буд-

то трусилъ,—вспоминаетъ Щепкинъ,—но потомъ былъ въ такомъ жару, что себя не помнилъ и чувствовалъ какое-то самодовольствіе, видя, что быстрѣе меня никто не говоритъ». Публика была очень довольна, хлопала, а городничій изрѣдка одобрялъ словами: хорошо! лихо! и т. п. восклицаніями. Спектакль этотъ произвелъ на Щепкина такое сильное впечатлѣніе, что онъ не спалъ всю ночь: ему все грезился театръ.

Въ 1802 г. Щепкинъ съ родителями переселился въ Курскъ и поступилъ въ губернское училище. Учился онъ очень хорошо и въ награду получилъ книгу: «О должностяхъ человѣка и гражданина» съ надписью : «за прилежаніе». Преподаватели, и тутъ мало развитые, не способны были заинтересовать учениковъ живой наукой, и все педагогическое дѣло сводили къ одной внѣшней формалистикѣ. Учитель словесности давалъ въ классѣ наставленія въ родѣ слѣдующаго: «когда тебѣ, ракалія, предлагаютъ на экзаменѣ вопросъ и ты его не знаешь, то вмѣсто его отвѣчай изъ той же науки, что знаешь: тогда подумаютъ, что ты не вслушался въ вопросъ, а не то, что ты не знаешь его». Подобная педагогическая система отталкивала отъ себя даровитыхъ учениковъ и заставляла ихъ искать просвѣщенія внѣ школы. Щепкинъ нашелъ его въ чтеніи книгъ. У него былъ пріятель, приказчикъ въ книжномъ магазинѣ, ссужавшій его книгами. Не послѣднюю роль въ его развитіи сыгралъ и авторъ «Душеньки» И. Ѳ. Богдановичъ, который полюбилъ способнаго мальчика, не только давалъ ему книги для чтенія, но и разъяснялъ прочитанное. Къ сожалѣнію, онъ скоро (1802 г.) скончался.

Между тѣмъ страсть къ театру не заглушалась въ Щепкинѣ, а, напротивъ, разгоралась, вслѣдствіе общенія съ театральнымъ міромъ. Черезъ товарища Городенскаго, приходившагося родственникомъ антрепренеру Курскаго театра Барсову, онъ имѣлъ возможность часто посѣщать спектакли.

Въ 1803 г. Щепкинъ кончалъ уже курсъ ученія въ городскомъ училищѣ, которое преобразовалось въ гимназію и двери котораго для него, какъ крѣпостного, были закрыты. Изъ губернскаго училища онъ попалъ прямо въ многочисленную и порядочно распущенную среду дворовыхъ графа и занялъ должность нѣчто въ родѣ письмоводителя или землемѣра, но въ то же время онъ исполнялъ и настоящія лакейскія обязанности. Какъ ловкаго и расторопнаго его выпрашивали у графа въ другіе дома на званные обѣды и ужины и платили по 10 руб. Но, исполняя и лакейскія обязанности, онъ не порывалъ связи со столь любимымъ имъ театромъ. Всѣ свободные вечера онъ посвящалъ ему, иногда суфлируя, иногда переписывая роли, и страсть къ сценическому искусству въ немъ развивалась не по днямъ, а по часамъ. Сдѣлаться настоящимъ актеромъ стало его завѣтной мечтой. Случай къ тому скоро представился. Осенью 1805 г. актриса Лыкова привезла графу Воль-

кенштейну билеты на свой бенефисъ. Графъ, взявъ билетъ и уплативъ за него 10 р., тутъ же стоявшему Щепкину сказалъ: «Миша, проводи г-жу Лыкову въ чайную и скажи Парашѣ, чтобы она напоила кофеемъ. (Въ то время еще не было въ обычаѣ сажать съ собою актеровъ въ гостиной). За кофеемъ, между прочимъ, Лыкова сообщила Мишѣ о своемъ затруднительномъ положеніи. Билеты всѣ распроданы, а она не знаетъ, состоится ли спектакль: одинъ изъ актеровъ, участвующій въ немъ, «закутилъ, сидитъ въ одной рубашкѣ и выйти не можетъ и она не знаетъ, какъ быть». Щепкинъ съ замираніемъ сердца предложилъ свои услуги. Роль Андрея-почтаря, которую долженъ былъ играть закутившій актеръ въ драмѣ «Зоя», Мерсье, Щепкину была хорошо знакома, такъ какъ онъ неоднократно ее суфлировалъ. Лыкова согласилась, но предварительно нужно было спросить антрепренера. Барсовъ ничего не имѣлъ противъ участія Щепкина въ бенефисѣ Лыковой. Трудно описать радость и восторгъ юноши, когда онъ узналъ, что публично выступитъ въ Городскомъ театрѣ. Насталъ день спектакля 26-го ноября 1805 г., знаменательный день въ его жизни. Съ ранняго утра Щепкинъ былъ въ страшномъ волненіи. Чѣмъ ближе шло время къ началу спектакля, тѣмъ становилось ему жарче (хотя всѣ жаловались на холодъ). «Какъ я игралъ, принимала ли меня публика или нѣтъ? этого я совершенно не помню,—пишетъ онъ.—Знаю только, что по окончаніи роли я ушелъ подъ сцену и плакалъ отъ радости, какъ дитя». Послѣ спектакля антрепренеръ и бенефиціантка благодарили его, а графъ даже поцѣловалъ въ голову и подарилъ новый триковый жилетъ. Этотъ вечеръ опредѣлилъ окончательно жизненный путь Щепкина. «Этого дня,—писалъ онъ,—я не забуду никогда: ему я обязанъ всѣмъ, всѣмъ!»

Съ 1808 г. Щепкинъ дѣлается настоящимъ актеромъ, играетъ въ Курскомъ театрѣ у Барсова и получаетъ 350 р. въ годъ, жалованье для того времени очень солидное. Въ 1816 г. антреприза Барсова въ Курскѣ прекратилась, и Щепкинъ, оставаясь крѣпостнымъ графа, ѣдетъ играть въ Харьковъ, въ труппу Штейна, гдѣ въ то время сосредоточились лучшія артистическія силы и среди нихъ Михаилъ Семеновичъ занималъ не послѣднее мѣсто, какъ талантливый комикъ. Въ Харьковѣ труппа Штейна играла недолго и въ 1818 г. была приглашена малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинымъ въ Полтаву. Князь Репнинъ плѣнился талантомъ Щепкина и сталъ хлопотать о выкупѣ его изъ крѣпостной неволи.

По этому поводу онъ написалъ графинѣ письмо (графъ уже померъ). Послѣдняя отвѣтила: «что, хотя сей человѣкъ по своимъ познаніямъ въ землемѣрной наукѣ ей крайне нуженъ, но, видя, что онъ своими малыми талантами доставляетъ удовольствіе полтавской публикѣ и въ то же время, желая угодить князю, увольняетъ Щепкина съ условіемъ немедленно отпустить его въ случаѣ

необходимости». Она была не прочь дать и полную свободу, но за значительный выкупъ, не менѣе 8000 руб. Дирекція Полтавскаго театра, во главѣ которой стоялъ извѣстный авторъ «Наталки Полтавки», Котляревскій, взяла на себя уплату выкупа и съ этою цѣлью 26-го іюля 1818 г. устроила спектакль «въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участи». Кн. Репнинъ заплатилъ за свое кресло 300 р., Потемкинъ 700 р., Разумовскій то же 300 р.; недостающую сумму уплатилъ кн. Репнинъ. Извѣстіе о своемъ выкупѣ Щепкинъ принялъ со слезами признательности и вѣчной благодарности. Окончательную свободу онъ получилъ еще нескоро. Три года онъ былъ крѣпостнымъ кн. Репнина и только въ 1821 г. онъ окончательно вышелъ на свободу, при чемъ для выкупа нѣкоторыхъ членовъ семьи ему съ большимъ трудомъ пришлось искать поручителей по векселямъ, выданнымъ имъ кн. Репнину.

Между тѣмъ слухи о талантливомъ актерѣ дошли и до Москвы. Говорили, будто въ провинціи явился актеръ, талантъ—самородокъ, какого и въ столицахъ не бывало. Заинтересовался имъ директоръ Императорскихъ Московскихъ театровъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, призвалъ къ себѣ своего помощника, извѣстнаго романиста, М. Н. Загоскина и сказалъ ему: «Поѣзжай, милый М. Н., на казенный счетъ въ Тулу, посмотри, дѣйствительно ли хорошъ актеръ, если талантливъ, то обѣщай ему хорошее жалованье и вези сюда, я совершенно полагаюсь на твою опытность и знаніе дѣла». Загоскинъ ѣдетъ въ Тулу и оттуда пишетъ Кокошкину: «актеръ чудо-юдо! но проситъ много денегъ, ссылаясь на свое большое семейство». Кокошкинъ отвѣчаетъ: «ничего не жалѣй, все, что требуетъ, давай, только не упусти сокола и вези скорѣе ко мнѣ». Дебютъ его на Московской сценѣ состоялся 20-го сентября 1822 г. въ комедіи Загоскина: «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» и въ водевилѣ: «Марѳа и угаръ или лакейская война». Послѣ этого дебюта офиціальное приглашеніе на казенную сцену состоялось только 6-го марта 1823 г., такъ какъ до сего времени онъ былъ связанъ контрактомъ съ антрепренеромъ Тульскаго театра. Приглашенъ онъ былъ на окладъ въ 3000 руб. ассигнаціями.

2.

Актеръ въ большинствѣ случаевъ находится въ зависимости отъ репертуара, который не только даетъ матеріалъ ему, но и указываетъ на способъ обработки этого матеріала. Репертуаръ начала XIX стол. по преимуществу состоялъ изъ произведеній ложноклассической литературы и изъ оригинальныхъ пьесъ, представлявшихъ собою рабскій сколокъ съ французскихъ. Условный характеръ репертуара отражался и на манерѣ игры, задача которой заключалась не въ правдивомъ изображеніи дѣйствительности, а только въ

возвышеніи и украшеніи ея. Актеръ стремился передать не реальность, но ту условную красоту, которая жила для современниковъ въ тогдашней литературѣ. М. С. Щепкинъ такъ рисуетъ картину современной ему игры: «превосходство игры видѣли въ томъ, когда никто не говорилъ своимъ голосомъ, когда игра состояла на крайне изуродованной декламаціи. Слова произносились какъ можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно въ роляхъ любовника декламировали такъ страстно, что вспомнить смѣшно; слова: любовь, страсть, измѣна — выкрикивались такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ, но игра физіономіи не помогала актеру: она оставалась въ томъ же натянутомъ неестественномъ положеніи, въ какомъ являлась на сцену. Когда актеръ оканчивалъ свой монологъ и уходилъ со сцены, то принято было за правило приподнимать правую руку вверхъ и такъ удаляться со сцены». Такова сценическая игра того времени. Но должно замѣтить, что указанные выше пріемы были лишь одной формой, въ которую даровитые актеры въ родѣ Плавильщикова, Шушерина и нѣкоторыхъ другихъ умѣли вкладывать и содержаніе, т.-е. картину всѣхъ чувствъ и душевной борьбы человѣка. Романтизмъ внесъ болѣе разнообразія въ пріемы игры: желаніе поразить зрителя огнемъ игры стало преобладать надъ желаніемъ возвысить и украсить роль. Въ то же время появились новыя вѣянія реалистическаго направленія, зародыши котораго можно было видѣть въ комедіяхъ Фонвизина. Въ результатѣ сценическіе пріемы въ началѣ прошлаго вѣка представляли собой порядочный хаосъ. И громадная заслуга Щепкина состоитъ въ томъ, что онъ первый, выйдя на путь реальной игры, сумѣлъ отбросить эти пріемы, когда понялъ, что старыя формы уже отжили свое время и рамки ихъ стали слишкомъ тѣсны для новаго искусства. Но старая школа пустила глубокіе корни въ сценическомъ искусствѣ и жила долго. Бѣлинскій не разъ жаловался на традиціи ложноклассической школы, на дурную манеру игры вслѣдствіе ложнаго понятія о драмѣ, какъ о чемъ-то такомъ, въ чемъ ходули и неестественность составляютъ главное.

Въ исторіи сценическаго искусства Щепкинъ сыгралъ такую же роль реформатора, какую его другъ Гоголь въ исторіи русской литературы. Девизомъ того и другого былъ реализмъ. Стремленіе къ реализму у Щепкина зародилось еще съ юныхъ лѣтъ подъ впечатлѣніемъ видѣнной имъ игры одного любителя, князя Мещерскаго. «Все, что пріобрѣлъ впослѣдствіи,— заявляетъ самъ Михаилъ Семеновичъ, — все, что изъ меня вышло, всѣмъ этимъ я обязанъ ему, потому что онъ первый посѣялъ во мнѣ вѣрное понятіе объ искусствѣ и показалъ мнѣ, что искусство настолько высоко, насколько близко къ природѣ».

Князь, образованный человѣкъ, былъ недюжиннымъ актеромъ-любителемъ. Щепкинъ видалъ его въ комедіи Сумарокова: «Прида-

ное обманомъ» въ роли Салидара. Сначала Щепкину показалось, что онъ совсѣмъ не умѣетъ играть: говорилъ онъ просто, руками не махалъ и нисколько не походилъ на настоящаго актера. Но чѣмъ дальше шла игра, тѣмъ больше увлекался Щепкинъ. «Дѣйствительность, — пишетъ онъ,—овладѣла мною и не выпускала меня уже до окончанія спектакля. Кромѣ князя, я никого уже не видалъ, я, такъ сказать, приросъ къ нему. Его страданія, его звуки отзывались въ душѣ моей, каждое слово его своей естественностью приводило меня въ восторгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ терзало меня». По окончаніи спектакля, отдавая себѣ отчетъ объ игрѣ князя, онъ пришелъ къ заключенію, что достоинство его игры состоитъ въ томъ, что онъ не играетъ на сценѣ, а живетъ. Впослѣдствіи онъ самъ старался жить на сценѣ, но это долго ему не удавалось. Онъ приходилъ въ отчаяніе и не могъ догадаться, что для того, чтобы быть ествественнымъ, нужно прежде всего говорить и чувствовать по-своему, а не передразнивать князя. Но случай на сценѣ помогъ ему создать и положить начало новой реальной школы. Однажды онъ репетировалъ роль Сганареля въ «Школѣ мужей». Репетицій было много, и онѣ достаточно надоѣли, да и голова его была занята чѣмъ-то другимъ. Онъ произносилъ свою роль обыкновеннымъ голосомъ. «И что же? — вспоминаетъ онъ. — Я почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ просто и такъ просто, что если бы не по пьесѣ, а въ жизни мнѣ пришлось говорить эту фразу, то сказалъ бы ее точно такъ же. И всякій разъ, какъ мнѣ удавалось сказать такимъ образомъ, я чувствовалъ наслажденіе, и такъ мнѣ было хорошо, что къ концу пьесы я уже началъ стараться сохранить этотъ тонъ разговора».

Такъ передаетъ великій актеръ о первыхъ шагахъ своихъ на проложенной имъ новой дорогѣ сценическаго реализма, который и сталъ лозунгомъ всей его жизни.

Но новая реальная игра требовала и новыхъ пьесъ реальнаго направленія. А ихъ-то и не было. Щепкинъ ощущалъ недостатокъ такого репертуара, который далъ бы возможность актерамъ вкоренить на сценѣ простоту и естественность игры. Первые годы талантъ Щепкина тратился больше на мелочи. Репертуаръ его до 1832 г. состоялъ по преимуществу изъ комедіи кн. Шаховскаго и Загоскина, забавныхъ, но не глубокихъ по содержанію. Видное мѣсто въ репертуарѣ его занимали мелодрамы, комедіи Мольера и водевили Скриба, нерѣдко передѣланные на русскіе нравы. Поэтому понятно, что русскіе актеры того времени поневолѣ учились изображать на сценѣ французскую буржуазію, а не русскихъ людей. Петербургскіе актеры при первомъ представленіи «Горя отъ ума» (1829 г.) обнаружили полную свою несостоятельность передъ лицомъ этого великаго произведенія. На Московской сценѣ эта комедія шла лучше, но лишь въ немногихъ ро-

ляхъ. Многіе сознавали недостатокъ русскаго самобытнаго репертуара [1]).

Щепкинъ началъ свою карьеру на сценѣ Малаго театра съ водевилей. 2-го іюля 1823 г. онъ выступилъ въ роли повара Суфле въ водевилѣ Скриба и Мелезвиля: «Секретарь и поваръ», и въ комедіи «Чванство Транжирина» въ заглавной роли. 4-го ноября того же года въ бенефисъ Сабуровой онъ игралъ роль Репейкина — хлопотуна въ оперѣ-водевилѣ, передѣлкѣ съ французскаго: «Хлопотунъ или дѣло мастера боится». 27-го декабря 1827 г. выступилъ въ оригинальной русской комедіи Загоскина «Благородный театръ», имѣвшей большой успѣхъ. Этотъ репертуаръ не удовлетворялъ Щепкина: онъ стоялъ выше его. Богато одаренный отъ природы, онъ стремился къ труду, но трудиться было не надъ чѣмъ. Талантъ его тратился на мелочи. Онъ болѣзненно чувствовалъ недостатокъ такихъ пьесъ, которыя давали бы ему возможность вкоренять на русской сценѣ простоту и естественность. Его даже не удовлетворялъ успѣхъ игры. А успѣхъ былъ большой, что можно заключить по восторженнымъ отзывамъ Аксакова и Бѣлинскаго. Первый про исполненіе имъ роли Альвареца въ переводномъ водевилѣ: «Король и поэтъ» замѣчаетъ: «Какая живость! выразительность, мастерская отдѣлка и отчетливость въ самыхъ мелочахъ! Какъ вполнѣ былъ выраженъ характеръ! Какая огненная натура!» Бѣлинскій, дѣлая отзывъ о пьесѣ Полевого: «Дѣдушка русскаго флота», шедшей въ бенефисъ Орловой съ участіемъ Щепкина, восклицаетъ: «Нѣтъ, что бы ни сказали мы объ игрѣ этого великаго артиста въ роли Брандта — ничто не даетъ о ней и приблизительнаго понятія!»

1831 годъ принесъ Щепкину нравственное удовлетвореніе.

Въ этомъ году была поставлена въ Москвѣ комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума»; сначала шло одно третье дѣйствіе, а затѣмъ цѣликомъ. Роль Фамусова игралъ Щепкинъ. Грибоѣдовъ въ бытность свою въ Москвѣ читалъ съ нимъ эту роль и давалъ ему нѣкоторыя объясненія. Первое время Щепкинъ не совсѣмъ овладѣлъ ролью, и прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ выработалъ ее до со-

---

[1]) Въ 1835 г. Гоголь по этому поводу писалъ: «Всеобщія жалобы на недостатокъ таланта въ актерахъ. Но гдѣ развиться талантамъ? На чемъ развиться? Развѣ попадается имъ хоть одно лицо *русское*, которое могли бы они живо представить себѣ? Кого играютъ наши актеры? Какихъ-то нехристей, людей не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого—какихъ-то взбалмошныхъ людей (иначе и трудно назвать героевъ мелодрамы), не имѣющихъ рѣшительно никакой опредѣленной страсти, а тѣмъ болѣе видной физіономіи. Не странно ли? Тогда какъ мы больше всего говорили теперь объ *естественности*, намъ, какъ нарочно, подаютъ подъ носъ верхъ уродливости. *Русскаго* мы просимъ, *своего* дайте намъ! Что намъ французы и весь заморской людъ? Развѣ мало у насъ нашего народа? Русскихъ характеровъ! Своихъ характеровъ! Давайте насъ самихъ!»

вершенства. У А. А. Стаховича въ «Клочкахъ воспоминаній» можно найти характеристику Щепкина-Фамусова.

«Совершенство игры Щепкина,—говоритъ Стаховичъ, — навело меня на мысль, что во многихъ роляхъ великихъ драматическихъ произведеній бываетъ *слово*, которое рельефно опредѣляетъ характеръ лица: *однимъ словомъ* обрисовывается вся роль. Подобное слово въ роли Фамусова подсказалъ мнѣ Щепкинъ своимъ исполненіемъ 4-го акта. Увидавъ дочь съ Чацкимъ, онъ говоритъ:

«Дочь! Софья Павловна, срамница,
Безстыдница! Гдѣ? Съ кѣмъ?..»

Это *съ кѣмъ*... ключъ ко всей роли. Будь на мѣстѣ Чацкаго другой подходящій, хотя бы полковникъ Скалозубъ, Фамусовъ прошелъ бы мимо, ничего не замѣтивъ. Онъ отвернулся бы, какъ, вѣроятно, отворачивался и прежде, не желая видѣть похожденій покойницы жены. Но застаетъ Софью съ Чацкимъ — дѣло другое. Фамусовъ кричитъ, волнуется отъ оскорбленія... «въ сенатъ подамъ».

Прошло 5 лѣтъ послѣ постановки на сценѣ «Горе отъ ума». Современный репертуаръ попрежнему не удовлетворялъ Щепкина. Но вотъ онъ получаетъ отъ своего пріятеля, актера Сосницкаго, извѣстіе о постановкѣ на Петербургской сценѣ комедіи Гоголя: «Ревизоръ». Михаилъ Семеновичъ ожилъ, воспрялъ духомъ и, по полученіи отъ автора экземпляра пьесы, пишетъ ему: «Благодарю Васъ отъ души за «Ревизора» не какъ за книгу, а какъ за комедію, которая, такъ сказать, осуществила всѣ мои надежды, и я совершенно ожилъ. Давно ужъ я не чувствовалъ такой радости, ибо, къ несчастію, мои всѣ радости сосредоточены въ одной сценѣ». Постановка «Ревизора» на Московской сценѣ состоялась 25 мая 1836. Роль городничаго игралъ Щепкинъ. Хотя въ письмѣ къ тому же Сосницкому онъ и высказывалъ недовольство своей игрой, но Гоголь былъ въ восторгѣ отъ его исполненія и приносилъ искреннюю благодарность. Бѣлинскій въ 1838 г. писалъ: «Щепкинъ всегда игралъ городничаго прекрасно, но теперь становится хозяиномъ въ этой роли и играетъ ее все съ большой и съ большой свободой! Его игра творческая, геніальная. Онъ не помощникъ автора, но соперникъ въ созданіи роли».

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда силы уже замѣтно стали измѣнять Щепкину, Аполлонъ Григорьевъ даетъ такую рецензію про Щепкина - Городничаго:

«Городничій въ полномъ смыслѣ отлитъ за разъ Щепкинымъ, отлитъ. какъ отлиты даже имъ самимъ немногія роли. Въ немъ Городничій какъ будто совсѣмъ живетъ передъ вами всей своей натурой, во всѣхъ своихъ привычкахъ. Нельзя разсказывать проще о двухъ видѣнныхъ во снѣ крысахъ, которыя «пришли, понюхали и опять ушли», нельзя съ большею искренностью завидовать Тяпкину-Ляпкину, что уѣздный судъ—такое благодатное мѣсто, въ которое никто никогда не заглядывалъ. Нельзя съ большимъ сознаніемъ своей

правоты и моральнаго превосходства укорять Тяпкина-Ляпкина въ вольнодумствѣ. Все живетъ тутъ и осязательно является передъ зрителями, что хотѣлъ сказать великій поэтъ — и лицемѣріе, и преступность, и загрубѣлость нравственная, и злость человѣка, который, не прибѣгая къ недозволеннымъ закономъ пыткамъ, кормитъ купцовъ селедкой. Щепкинъ такой же великій толкователь личности Сквозника-Дмухановскаго, какимъ, по нашему мнѣнію, былъ Мочаловъ для личности Ричарда III......

Иногда то, иногда другое удается лучше Щепкину, т.-е. выдается рѣзче и комичнѣе, но цѣлость нравственнаго процесса передаетъ онъ здѣсь всегда одинаково вѣрно.

Какъ умѣлъ пользоваться Щепкинъ авторомъ для выраженія только намѣченной имъ мысли, это можно видѣть изъ того, что знаменитую фразу: «Чего смѣетесь? — Надъ собой смѣетесь!» Щепкинъ первый произнесъ, обращаясь ко всему театру, чего вовсе не имѣлъ въ виду Гоголь, о чемъ и заявляетъ въ «Развязкѣ».

Съ тѣхъ поръ это обращеніе къ публикѣ переходитъ по традиціямъ отъ одного исполнителя Городничаго къ другому.

Извѣстно, что Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни отрицательно отнесся ко всей своей литературной дѣятельности, отрекся и отъ Ревизора, какъ жизненнаго произведенія, и пытался объяснить его, какъ аллегорію въ «Развязкѣ Ревизора». Эта развязка возмутила Щепкина, истаго реалиста. Онъ написалъ горячее письмо Гоголю, которое опредѣленно рисуетъ намъ взглядъ Щепкина на реализмъ въ искуствѣ.

«Прочтя ваше окончаніе Ревизора, — писалъ онъ, — я бѣсился на самого себя, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ героевъ «Ревизора», какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ много знакомаго, такъ родного, я такъ свыкся съ Городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе 10 лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмь вы ихъ мнѣ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это де не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это люди, настоящіе живые люди, между которыми я возросъ и почти состарѣлся. Нѣтъ! я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ, а до тѣхъ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ».

5-го февраля 1843 г. въ бенефисъ Щепкина были поставлены впервые въ Москвѣ двѣ піесы Гоголя: «Женитьба» и «Игроки». Роль Подколесина игралъ бенефиціантъ и, по отзыву С. Т. Аксакова, игралъ плохо: онъ былъ не на мѣстѣ. По характеру своего таланта онъ не могъ играть вялаго, нерѣшительнаго, какимъ былъ Подколесинъ, а Живокини, игравшій Кочкарева, передавая живой характеръ, не могъ удержаться отъ обычныхъ своихъ фарсовъ и движеній, безпрестанно выводившихъ его изъ характера изображаемаго имъ лица. Впослѣдствіи Щепкинъ игралъ Кочкарева, а Живокини — Подколесина. И эта перемѣна была къ лучшему. Игра Щепкина роли Кочкарева поражала зрителя необыкновенной живостью, бѣгот-

ней и какимъ-то энергичнымъ проявленіемъ того спокойнаго легкомыслія, съ которымъ Кочкаревъ впутывался въ чужія дѣла и съ увлеченіемъ принималъ успѣхъ или неуспѣхъ своихъ заботъ о женитьбѣ пріятеля. Аполлонъ Григорьевъ даетъ такую характеристику игрѣ Щепкина въ этой роли: «Отвлеченно Кочкаревъ понятъ Щепкинымъ прекрасно и въ высшей степени комично, но типа онъ все-таки не давалъ.

Въ «Игрокахъ» Щепкинъ игралъ Утѣшительнаго. Игра его въ этой роли была верхъ совершенства. А. А. Стаховичъ въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ восторженный отзывъ. Кромѣ вышеуказанныхъ ролей въ репертуарѣ Гоголя Щепкинъ игралъ Бурдюкова въ «Тяжбѣ» и дворецкаго въ «Лакейской».

30-го января 1862 г. въ бенефисъ его шла комедія И. С. Тургенева «Нахлѣбникъ» (напечатанная въ «Современникѣ» подъ названіемъ: «Чужой хлѣбъ» и долгое время находившаяся подъ запретомъ). Бенефиціантъ выступилъ въ роли Кузовкина и, по словамъ извѣстнаго театральнаго критика Баженова, прекраснымъ исполненіемъ своей роли въ первомъ дѣйствіи не оставлялъ желать ничего лучшаго. Особенно ему удалась сцена, когда на него надѣваютъ шутовской колпакъ. Какими искренними невольными слезами заплакалъ онъ подъ этимъ колпакомъ! Это была не простая слезливость, а горячее искреннее чувство.

Въ репертуарѣ Островскаго, за исключеніемъ двухъ пьесъ, Щепкинъ совсѣмъ не участвовалъ, что нѣкоторые объясняли незнаніемъ его среды замоскворѣцкаго купечества, съ чѣмъ трудно согласиться. Щепкинъ, при его тонкой наблюдательности, наврядъ ли могъ упустить изъ вида цѣлый классъ, и довольно значительный, московскаго общества вполнѣ самобытный. Вѣроятнѣе всего, по взглядамъ и убѣжденіямъ принадлежа къ кружку западниковъ (Герцена и Грановскаго), онъ недружелюбно относился къ славянофиламъ, къ которымъ примыкалъ и Островскій. Щепкинъ вообще не признавалъ творчества послѣдняго. Про его пьесу «Бѣдность не порокъ» онъ иронически говорилъ: Бѣдность не порокъ, да и пьянство — не добродѣтель. Въ «Грозѣ» не признавалъ никакихъ достоинствъ. Однажды въ спорѣ о ней онъ до того разгорячился, что стукнулъ костылемъ и сказалъ: «Простите меня! Или я отъ старости поглупѣлъ, или я такой упрямый, что меня сѣчь надо» [1]).

Насколько извѣстно, Щепкинъ выступалъ въ двухъ пьесахъ Островскаго: «Свои люди—сочтемся» и «Бѣдность—не порокъ». Въ первой пьесѣ онъ игралъ роль Большова и передалъ ее не совсѣмъ такою, какою она вышла изъ-подъ пера автора. Послѣдній, какъ видно, хотѣлъ, чтобы одинъ видъ Большова наводилъ паническій ужасъ на окружающихъ. Щепкинъ же думалъ, что онъ вовсе не

---

[1]) Подъ конецъ жизни, сыгравъ роль Любима Торцова, онъ примирился съ творчествомъ Островскаго.

такъ страшенъ, что онъ менѣе самодуръ, чѣмъ Дикіе и Брусковы. Признавая въ немъ всѣ отрицательныя достоинства, онъ все-таки Большова-звѣря очеловѣчилъ. Но вслѣдствіе этого зрителю становилось непонятнымъ, почему Аграфена Кондратьевна сдѣлала изъ Самсона Силыча какое-то пугало и стращаетъ имъ дочь. Въ послѣднемъ дѣйствіи онъ былъ слабѣе, нежели въ 3 первыхъ; онъ не сумѣлъ выразить эту внутреннюю, страшную борьбу, хотя бы могъ сдѣлать это легко, особенно въ послѣднихъ словахъ, обращенныхъ къ дочери, которыми онъ старается разжалобить ее. У Щепкина же въ этихъ словахъ слышалось только одно озлобленіе и желаніе уколоть дочь. «Вообще,—заканчиваетъ свою рецензію Баженовъ, — роль свою Щепкинъ выдержалъ довольно ровно, не доставалось ему только какой-то особенной чисто купеческой турнюры и угловатости въ выговорѣ».

Роль Любима Торцова («Бѣдность не порокъ») онъ игралъ въ Нижнемъ въ 1858 г. [1]). П. В. Анненковъ и В. П. Боткинъ были въ восторгѣ отъ исполненія роли Любима Торцова Щепкинымъ.

Изъ ролей иностраннаго классическаго репертуара ему особенно удавались Мольеровскія роли. Такъ, въ комедіяхъ: «Мнимый больной» и «Лѣкарь поневолѣ» въ его игрѣ были видны живые чудаки, созданные въ воображеніи Мольера и являвшіеся передъ вами въ лицѣ Щепкина, остававшагося всегда немного самимъ собою по внѣшности. Но вы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно переданный характеръ и забывали иногда о томъ, какой націи и какого слоя общества былъ этотъ чудакъ, выходки котораго заставляли смѣяться публику до слезъ. Въ пьесахъ Мольера онъ былъ необыкновенно серьезенъ, и въ то же время одною только выразительностью словъ и жестовъ вызывалъ взрывъ хохота.

Михаилъ Семеновичъ, будучи хорошо знакомъ съ Малороссіей, съ ея нравами и обычаями, неподражаемо игралъ малороссовъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» и въ «Москалѣ Чаровикѣ». Въ этихъ роляхъ никто не могъ сравняться съ нимъ за исключеніемъ извѣстнаго тогда въ Харьковѣ актера Соленика, который приводилъ въ восхищеніе самого Щепкина [2]).

---

[1]) Въ одномъ письмѣ къ своему родственнику онъ, между прочимъ, писалъ: «Я выучилъ лѣтомъ роль Любима Торцова, въ которой Садовскій такъ хорошъ. Сыграть мнѣ ее нужно было во что бы то ни стало. Это являлось потребностью моей души. Въ Москвѣ я не могъ ее сыграть, потому что это было бы не по-товарищески: я какъ будто бы сталъ просить себѣ 40 р. разовыхъ, между тѣмъ Садовскій еще не получаетъ полнаго оклада. Роль сама по себѣ грязна, но и въ ней есть свѣтлыя стороны. Моя старая голова вѣрно поняла, разогрѣтое воображеніе затронуло невѣдомыя дотолѣ струны, которыя сильно зазвучали и подѣйствовали на сердца зрителей».

[2]) Одинъ изъ современниковъ Щепкина, видѣвшій въ этой роли его и Садовскаго, передавалъ автору означенной статьи, что игра Щепкина была только посредственна, между тѣмъ какъ Садовскій игралъ, какъ богъ.

Внѣшнія данныя Щепкина были не совсѣмъ сценичны. Небольшого роста, съ тучной, но подвижной фигурой, съ жидкимъ и, по выраженію С. Т. Аксакова, съ трехнотнымъ голосомъ, онъ, повидимому, былъ созданъ для однѣхъ только комическихъ ролей. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ на столько же великъ въ драмѣ, на сколько и въ комедіи, благодаря тому жару, который онъ умѣлъ вкладывать въ выраженіе задушевныхъ чувствъ человѣка. Въ этомъ отношеніи онъ былъ артистомъ «сочувствующимъ», онъ жилъ на сценѣ. «На сценѣ,—говаривалъ онъ,—гораздо легче передавать все механическое: для этого нуженъ только разсудокъ и актеръ (какъ, напр., В. Каратыгинъ), разсчитывающій только на внѣшнее свое искусство, постепенно будетъ приближаться къ горю и радости настолько, насколько подражаніе можетъ приблизиться къ истинѣ. Сочувствующій артистъ—не то: ему предстоитъ невыразимый трудъ: онъ долженъ отрѣшиться отъ своей личности и сдѣлаться тѣмъ лицомъ, какое далъ ему авторъ». Изучая роль, Михаилъ Семеновичъ усвоивалъ больше внутреннія движенія души. Онъ никогда не подражалъ внѣшнимъ привычкамъ: голосу, манерамъ. У него была особая способность схватить сущность изображаемаго лица. Въ его глазахъ вы читали мысль этого лица, а тонъ, рѣчи и движенія подходили къ характеру роли сами.

Способностью отрѣшиться отъ индивидуальности и перевоплотиться въ другое лицо онъ обладалъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Вотъ что по этому поводу разсказываетъ одна почтенная старушка, жительница города Курска. Однажды графъ Волькенштейнъ, выходя послѣ обѣда изъ Коренскаго монастыря, чрезвычайно поразился жалкою внѣшностью и жалобнымъ ноющимъ тономъ какого-то нищаго. Сильно растроганный его причитаніями, графъ приказалъ сопровождавшему его дворецкому дать нищему какую-нибудь серебряную монету. И по возвращеніи домой онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ нищимъ, о которой онъ и разсказалъ своимъ домашнимъ. Каково же было его удивленіе, когда въ тотъ же день открылось, что нищій, такъ растрогавшій его, былъ никто иной, какъ Миша Щепкинъ, который передъ этимъ держалъ пари съ дворецкимъ, что тотъ будетъ видѣть его, разговаривать и не узнаетъ. Въ доказательство своей тождественности съ нищимъ онъ представилъ серебряную монету, полученную отъ дворецкаго.

Отличительной чертой его игры было стремленіе вездѣ, гдѣ только возможно, «очеловѣчить» роль, сдѣлать ее симпатичной, что иногда вредило дѣйствительности, какъ это мы видѣли въ сыгранной имъ роли Большова.

Обаятельность была присуща его игрѣ и достигалась она громаднымъ талантомъ въ соединеніи съ неустаннымъ трудомъ. Постоянное стремленіе къ усовершенствованію было девизомъ его жизни. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на пренебрежительное отно-

шеніе нѣкоторыхъ артистовъ къ ролямъ. Его огорчало, что русскій человѣкъ при всей своей даровитости не доросъ еще до добросовѣстнаго труда, а потому за нимъ нужно присмотрѣть. Самъ онъ могъ служить примѣромъ добросовѣстнаго отношенія къ пьесамъ. Какъ извѣстно, онъ держался принципа подчиненія творчества актера автору, поэтому онъ говорилъ: «Избави Богъ не знать роли или передавать ее своими словами. Какъ публика и критика могутъ судить объ языкѣ автора, если мы будемъ сочинять по-своему?» Онъ былъ заклятымъ врагомъ такъ называемой *убавки* пьесы, особенно своевольной, безъ авторскаго согласія. Разъ была считка пьесы. Одна актриса, не особенно грамотная, стала сокращать свою роль, вычеркивая карандашомъ цѣлыя фразы. Присутствовавшій на считкѣ Щепкинъ все это видѣлъ и ничего не сказалъ. На слѣдующій день эта актриса на репетицію не явилась, приславъ режиссеру записку, что она больна. Щепкинъ попросилъ у режиссера эту записку, прочелъ ее и бережно уложилъ въ бумажникъ. Черезъ нѣсколько дней выздоровѣвшая актриса пріѣхала на репетицію. Когда она сидѣла между актерами и актрисами, къ ней подошелъ Михаилъ Семеновичъ. «Вы писали эту записку?» спросилъ онъ, показывая ее.

— «Да, я», отвѣчала она удивленная и не понимая, къ чему такой вопросъ.

— «Вы, прекрасно! Въ вашей запискѣ пять строкъ, и въ нихъ вы сдѣлали десять ошибокъ, а кто пишетъ такія безграмотныя записки, тотъ не имѣетъ права убавлять піесу, написанную грамотнымъ человѣкомъ». Этотъ урокъ не прошелъ даромъ и для другихъ актеровъ. Какъ самъ онъ относился къ своимъ обязанностямъ, это можно видѣть изъ того, что за 50 лѣтъ своей театральной службы онъ не только не пропустилъ ни одной репетиціи, но даже ни разу не опоздалъ. Никогда никакой роли, хотя бы въ сотый разъ, онъ не игралъ, не прочитавъ ее наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой. «Я знаю роль, а все повторяю,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—и почти каждый разъ не даромъ: что-нибудь да и замѣтишь новое» [1]).

Никогда онъ не тяготился репетиціями, напротивъ, самъ просилъ назначить ихъ, а когда нѣкоторые актеры изъявляли на это неудовольствіе, онъ всегда говаривалъ: «Друзья мои, репетиція, лишняя для насъ, никогда не лишняя для искусства». Никто изъ акте-

---

[1]) Слѣдующій эпизодъ ясно показываетъ, какія строгія требованія предъявлялъ онъ въ отношеніи сценическаго искусства. На одной репетиціи онъ внимательно прислушивался къ репликамъ игравшихъ съ нимъ актеровъ. Вдругъ онъ прерываетъ одного изъ нихъ и говоритъ: «Я не понимаю, какъ ты играть будешь. Дай, пожалуйста, мнѣ *ноту*». Актеръ недоумѣвающе спрашиваетъ: «Какую ноту? Для чего?» — «Какъ для чего? Для актера», отвѣчаетъ Щепкинъ. Другими словами, въ простомъ разговорѣ во время дѣйствія онъ желалъ достигнуть музыкальнаго ансамбля.

ровъ не былъ такимъ строгимъ судьей къ самому себѣ, какъ Щепкинъ. Въ эпоху блистательнаго торжества, пишетъ С. Т. Аксаковъ, когда Петровскій театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ рукоплесканій, былъ въ театрѣ одинъ человѣкъ, постоянно недовольный Щепкинымъ: этотъ человѣкъ былъ самъ Щепкинъ.

На театръ онъ смотрѣлъ какъ на храмъ искусства. Онъ не долюбливалъ молодыхъ актеровъ, которые въ шапкахъ и пальто свободно расхаживались по сценѣ.

Это непочтеніе къ сценѣ возмущало его, и онъ обыкновенно говорилъ: «Театръ для актеровъ храмъ, это его святилище. Твоя жизнь, твоя честь,—все принадлежитъ безповоротно сценѣ, которой ты отдалъ себя. Твоя судьба зависитъ отъ этихъ подмостокъ. Относись съ уваженіемъ къ этому храму и заставь уважать его другихъ. Священнодѣйствуй или убирайся вонъ!»

Осенью 1832 г. Михаилъ Семенычъ былъ назначенъ преподавателемъ драматическаго искусства въ Театральное училище. Заниматься ему приходилось съ учениками при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Для занятій не полагалось опредѣленныхъ часовъ. Занимался онъ только съ учениками, не занятыми въ балетныхъ спектакляхъ. По его словамъ, по вечерамъ ему не полагалось даже освѣщенія приличнаго, а велъ занятія при одной сальной свѣчѣ, да и ту выпрашивалъ у эконома. Но и при этихъ, самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ отдался любимому имъ дѣлу со страстью, свойственной его натурѣ. Многимъ своимъ ученикамъ, между прочимъ, И. В. Самарину и С. В. Шумскому, онъ указалъ надлежащій путь къ усовершенствованію таланта. Какъ онъ преподавалъ и какой держался системы, неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ училъ не съ голоса, какъ тогда было принято, а требовалъ, чтобы ученикъ привыкалъ къ самостоятельному труду, къ вдумчивой работѣ. Когда одинъ ученикъ спросилъ его: «Научите меня, какъ сказать». — «Этого нельзя, — отвѣтилъ онъ. — Я скажу, можетъ-быть, и хорошо, по-своему, а ты можешь сказать лучше, тоже по-своему: у всякаго человѣка есть манеры, присущія только ему». До насъ сохранились совѣты, которые онъ давалъ ученикамъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

«Помни, любезный другъ, — говаривалъ онъ, — сцена не любитъ мертвечины: ей подавай живого человѣка и живого не однимъ только тѣломъ, а чтобы онъ жилъ и головой и сердцемъ. Дѣлая шагъ на сцену, оставь за порогомъ всѣ твои личныя заботы и попеченія, забудь, что ты былъ, и помни только, что ты теперь. Никогда не учи роли, не прочитавъ всей пьесы. Помни, что на сценѣ нѣтъ совершеннаго молчанія, кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда этого требуетъ сама пьеса. Когда тебѣ говорятъ, ты слушаешь, но не молчишь. Нѣтъ, на каждое услышанное слово ты долженъ отвѣчать своими взглядами, каждой чертой лица, всѣмъ твоимъ существомъ, у тебя тутъ должна быть нѣмая игра, которая бываетъ краснорѣчивѣе самыхъ словъ, и сохрани

тебя Богъ взглянуть въ это время безъ причины въ сторону или посмотрѣть на какой-нибудь посторонній предметъ — тогда все пропало! Этотъ взглядъ въ одну минуту убьетъ въ тебѣ живого человѣка и вычеркнетъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Слѣди неусыпно за собой. Пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея и вѣрь, что внутренняя награда выше аплодисментовъ. Старайся быть въ обществѣ, сколько позволитъ время. Изучай человѣка въ массѣ».

Ко всему, что являлось на сценѣ хорошаго и новаго, Михаилъ Семенычъ относился съ горячей любовью и замѣчательной проницательностью. Такъ, онъ съ теплымъ участіемъ встрѣтилъ таланты Г. Н. Ѳедотовой (тогда дѣвицы Поздняковой) и Н. А. Никулиной и разгадалъ въ нихъ источникъ великаго дарованія въ то время, какъ многіе колебались, признать въ нихъ талантъ или нѣтъ. Онъ же первый открылъ и талантъ П. М. Садовскаго.

Любовь Щепкина къ театру и ко всему, что соприкасалось съ нимъ, была безпредѣльна. Жить для него значило играть на сценѣ и играть значило жить. Въ письмѣ къ Гоголю онъ писалъ, что его любовь къ театру почти сумасшествіе. И это не были одни слова. Общій упадокъ театральнаго дѣла его искренне огорчалъ, но за-то стоило видѣть его радость, когда появлялись на сценѣ хорошія пьесы въ родѣ «Ревизора». Для своихъ личныхъ выгодъ никогда не унижалъ искусства, никогда не жертвовалъ истинной игрой для эффекта. Общіе интересы искусства ставилъ выше личныхъ. Онъ первый сталъ заботиться объ общемъ ансамблѣ на сценѣ, выходя въ заботахъ о пьесахъ далеко за предѣлы одной своей только роли. Безпредѣльная любовь къ искусству, умѣнье личные интересы принести въ жертву общественнымъ, — вотъ завѣты, оставленные Щепкинымъ послѣдующему поколѣнію сценическихъ дѣятелей. Современная ему труппа, видя такое отношеніе къ дѣлу со стороны великаго актера, какимъ дѣйствительно былъ Щепкинъ, невольно преклонялась передъ его авторитетомъ и шла съ нимъ рука объ руку. Одушевленные общею любовью къ искусству, вышедшіе изъ школы Щепкина актеры послѣдующихъ поколѣній сплотились, сыгрались и образовали ту труппу Малаго театра, которая считается образцовой. Правда, иногда въ этой труппѣ является какая-то шаткость, завѣты Щепкина какъ бы затуманиваются. Но это явленіе временное и по большой части происходитъ въ періодъ новыхъ вѣяній и исканія новыхъ путей. Настоящее живетъ капиталомъ прошлаго. Московскій Малый театръ еще до сего времени живетъ завѣтами Щепкина, не даромъ онъ и называется Щепкинскимъ домомъ. Можетъ-быть, это мало замѣтно и самимъ актерамъ, какъ людямъ, уже привыкшимъ къ извѣстной атмосферѣ. Но актеръ, пришедшій со стороны, чуждый щепкинскимъ традиціямъ, чувствуетъ на сценѣ Малаго театра громадную разницу съ провинціей и въ общей постановкѣ дѣла и въ отношеніи къ послѣднему актеровъ.

3.

Михаилъ Семенычъ обладалъ умомъ живымъ и крайне воспріимчивымъ. Онъ вѣрилъ въ прогрессъ человѣчества, любилъ молодежь, былъ отзывчивъ къ ихъ нуждамъ и, вращаясь въ либеральной профессорской и литературной средѣ, даже навлекъ на себя подозрѣніе въ «неблагонадежности»; по крайней мѣрѣ, московскій генералъ-губернаторъ Закревскій въ 1858 г. о семидесятилѣтнемъ старикѣ далъ такую аттестацію: «Актеръ Щепкинъ на одномъ изъ своихъ вечеровъ подалъ мысль, чтобы авторы писали пьесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненія Герцена, и дарили эти пьесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы»; здѣсь же было обозначено мѣстожительство Щепкина и прибавлено: «желаетъ переворотовъ и на все готовъ».

Самъ на своихъ плечахъ вынесшій иго крѣпостного права, онъ былъ врагомъ всякаго насилія и произвола. Онъ уважалъ свободу личности и человѣческое достоинство. Положеніе актеровъ въ обществѣ въ то время было далеко не завидное. На нихъ смотрѣли, какъ на рабовъ. Щепкинъ старался возвысить ихъ положеніе и самъ подавалъ тому примѣръ. Однажды одинъ аристократъ предложилъ воспитаннику Щепкина мѣсто съ ничтожнымъ окладомъ жалованья, но въ утѣшенье сказалъ Щепкину, что его воспитанникъ будетъ имѣть счастье ежедневно обѣдать съ нимъ, съ порядочнымъ человѣкомъ, чего, вѣроятно, съ нимъ никогда не случалось. Оскорбленный Щепкинъ съ достоинствомъ отвѣтилъ: «До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, это ему удавалось, ваше сіятельство; онъ съ самаго дѣтства обѣдаетъ со мной, и я съ него за это денегъ не бралъ». Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ онъ былъ приглашенъ въ Аничковъ дворецъ разсказывать сцены изъ русскаго быта. Въ присутствіи имп. Николая Павловича онъ много читалъ, разсказывалъ и имѣлъ успѣхъ, особенно понравился монологъ охотника и привелъ въ восторгъ великаго князя Константина Николаевича, бывшаго тогда еще ребенкомъ. Великій князь очень просилъ Щепкина повторить этотъ монологъ. Услышавъ эту просьбу, государь сказалъ великому князю: «Ты еще дитя, а Щепкинъ не молодъ, ты долженъ понять, что ему тяжело повторять такую трудную сцену». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Щепкинъ гастролировалъ въ Кіевѣ. По болѣзни или усталости послѣ спектакля онъ не могъ явиться на вечеръ по приглашенію генералъ-губернатора Бибикова, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе послѣдняго. При встрѣчѣ съ нимъ Щепкинъ разсказалъ бывшій съ нимъ случай въ Аничковомъ дворцѣ. Передавъ, какъ милостиво государь не приказалъ повторять трудную сцену, и онъ закончилъ разсказъ слѣдующими словами: «Ваше Высокопревосходительство! Мы, русскіе, привыкли считать царя земнымъ Богомъ. Ежели меня пожалѣлъ самъ Богъ, то неужели меня не помилуютъ его святые *угодники?*»

Благодаря Щепкину актеры Императорскихъ театровъ за 20-лѣтнюю безпорочную службу получили право почетнаго гражданства. Онъ хлопоталъ о дарованіи его черезъ директора Гедеонова. Интересно то, что это ходатайство, отвергнутое Государственнымъ Совѣтомъ, было лично принято императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Пришлось Щепкину и еще разъ выступить ходатаемъ за своихъ товарищей. Дирекція Московскихъ театровъ задерживала какія-то экономическія деньги, которыя слѣдовали въ награду артистамъ. Директоръ Гедеоновъ отказалъ наотрѣзъ выдать деньги за прошлое время. Разговоръ сталъ упорнѣе со стороны Щепкина и дерзче со стороны директора. «Я долженъ буду безпокоить министра», замѣтилъ артистъ. «Хорошо, что вы сказали: я ему доложу о дѣлѣ и вамъ будетъ отказъ».—«Въ такомъ случаѣ я подамъ просьбу государю».—«Что вы это? Съ такими дрязгами соваться къ императору. Я, какъ начальникъ, запрещаю вамъ это».—«Ваше Превосходительство,—сказалъ откланиваясь Щепкинъ,—деньги эти принадлежатъ бѣднымъ артистамъ, они мнѣ поручили ходатайствовать объ ихъ полученіи, Вы мнѣ отказали и обѣщаете отказъ министра. Я хочу просить государя, Вы мнѣ запрещаете, какъ начальникъ... мнѣ остается одно средство: я передамъ все дѣло въ «Колоколъ».—«Вы съ ума сошли. Я велю Васъ арестовать. Я извиняю Васъ только тѣмъ, что Вы сгоряча сказали. Изъ эдакихъ пустяковъ дѣлать кутерьму. Какъ Вамъ не стыдно? Приходите завтра въ контору. Я посмотрю». На другой день должная сумма денегъ была назначена артистамъ.

У Михаила Семеныча была многочисленная семья. Женатъ онъ былъ на турчанкѣ. Во время турецкой войны, послѣ взятія Анапы, солдаты нашли въ крѣпости брошеннаго турками ребенка, котораго крестилъ и взялъ къ себѣ на воспитаніе генералъ Чаликовъ. Эта дѣвочка, впослѣдствіи Елена Дмитріевна, выросши и ставъ положительной красавицей, плѣнила Щепкина и онъ женился на ней въ 1812 г. Отъ этого брака родились сыновья: Петръ, Дмитрій [1]) и дочь Вѣра. Кромѣ дѣтей, въ семьѣ его жилъ братъ Абрамъ Семенычъ и много родныхъ и даже чужихъ: его бывшій ученикъ актеръ С. В. Шумскій, мать поэта-актера Цыганова, парикмахеръ Пантелей Ивановичъ, котораго Щепкинъ очень любилъ за привязанность. Домъ Щепкина славился своимъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. За обѣденный столъ садилось не менѣе 20 человѣкъ. Михаилъ Семенычъ занималъ мѣсто всегда въ концѣ стола. Дочь его, Вѣра Михайловна, обыкновенно завязывала ему салфетку, какъ маленькимъ дѣтямъ, вокругъ шеи. Послѣ обѣда удалялся къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ, облекшись въ халатъ и заложивъ руки назадъ, начиналъ ходить изъ угла въ уголъ. Останавливаясь около спора-

[1]) Петръ Михайловичъ одно время служилъ въ Сенатѣ, въ Москвѣ; Дмитрій Михайловичъ, магистръ Московскаго университета, скончался въ 1858 году.

щихъ, иногда вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе или начиналъ разсказывать что-нибудь изъ малороссійской жизни. Собесѣдникъ онъ былъ интересный. Юморъ присущъ ему былъ и на сценѣ, и въ жизни. Своими разсказами по желанію онъ могъ заставить слушателей хохотать до упада или растрогать до слезъ. Самъ крайне впечатлительный и чувствительный (въ старости слезы текли у него при малѣйшемъ волненіи) онъ умѣлъ передавать свои чувства и другимъ. Въ шестомъ часу, если былъ занятъ, онъ уѣзжалъ въ театръ, куда пріѣзжалъ обыкновенно рано. Въ 6 часовъ уже совершенно одѣтый, онъ выходилъ на сцену, осматривать обстановку, ходилъ по уборнымъ, присматривался, кто какъ одѣтъ, боясь во время спектакля натолкнуться на какую-нибудь случайность. Послѣ спектакля иногда ѣздилъ въ Англійскій глубъ.

Семья Щепкина, какъ было замѣчено выше, была велика, расходовъ на содержаніе ея требовалось много, а доходъ—одна Дирекція. Въ сороковыхъ годахъ денежныя дѣла его были такъ плохи, что онъ обратился къ ней съ просьбой назначить ему ссуду въ размѣрѣ 10000 руб. ассигнаціями съ уплатой въ теченіе 5 лѣтъ. Во вниманіе лестной аттестаціи театральнаго начальства государь, не въ примѣръ прочимъ, повелѣлъ выдать ему изъ Кабинета пособіе безъ возврата въ 4000 р.

Вообще Щепкинъ былъ въ фаворѣ у начальства: въ то время, какъ актерамъ за выслугу давались бенефисы только пополамъ съ дирекціей, Щепкинъ одинъ получалъ полные [1]).

Въ семейной жизни онъ былъ нѣсколько скуповатъ, но на дѣло никогда денегъ не жалѣлъ и всегда готовъ былъ помочь въ нуждѣ. Извѣстный, недавно умершій антрепренеръ, М. В. Лентовскій, пріѣхалъ въ Москву изъ Саратова на деньги, высланныя Щепкинымъ, и, учась въ Театральной школѣ, жилъ въ его семьѣ. Дѣтямъ своимъ Михаилъ Семеновичъ далъ хорошее образованіе. Оба сына кончили университетъ. Самъ онъ всю жизнь сожалѣлъ, что образованіе его самого ограничилось только курсомъ городского училища.

Литературныя и профессорскія связи у него были обширныя. Онъ вращался въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ художественнаго и литературнаго міра. Начиная съ Пушкина, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ всю жизнь и рукою котораго написаны первыя строки его «Записокъ», и кончая М. Н. Катковымъ — всѣ болѣе или менѣе видные писатели и ученые группировались около него. Люди разныхъ направленій, съ одной стороны — западники: Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, Огаревъ, И. С. Тургеневъ, съ другой — славянофилы: семья Аксаковыхъ, Хомя-

[1]) Въ 1844 г. онъ получалъ 1142 р. 85 к. пенсіи, 1143 р. 60 к. жалованья, 285 р. 90 к. гардеробныхъ, 571 р. 80 к. квартирныхъ и столько же за преподаваніе въ Театральной школѣ, всего 3715 р. 95 к. Когда введены были *разовыя*, онъ получалъ за выходъ высшій окладъ 37 р. 70 к.

ковъ, Погодинъ, Шевыревъ,—всѣ они сходились въ одномъ: въ оцѣнкѣ таланта и личныхъ качествъ Щепкина.

Самымъ близкимъ человѣкомъ къ Михаилу Семенычу былъ Гоголь, который любилъ его. Украйнофильство связывало ихъ тѣсными узами. Много и подолгу бесѣдовали они о Малороссіи. Изъ разсказовъ Щепкина Гоголь черпалъ новыя черты для своихъ типовъ, а иногда цѣликомъ вставлялъ цѣлые разсказы. Такъ, Михаилъ Семенычъ передалъ ему разсказъ о городничемъ, которому нашлось мѣсто въ тѣсной толпѣ, и о сравненіи его съ лакомымъ кускомъ, попадающимъ въ желудокъ. Слова въ «Мертвыхъ душахъ»: «полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ» — были переданы Гоголю имъ же. Разъ Щепкинъ передалъ ему, какъ его бабка приняла появленіе одичалой кошки за предвѣстіе своей близкой кончины. Гоголь воспользовался этимъ разсказомъ и помѣстилъ его въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Прочитавъ эту повѣсть, Щепкинъ при встрѣчѣ съ авторомъ сказалъ: «А кошка-то моя».—«Зато коты мои», отвѣтилъ Гоголь.

Смерть Гоголя въ 1852 г. подѣйствовала на Щепкина удручающе. Онъ долго не могъ забыть его, и память о немъ чтилъ свято. Посмертное изданіе сочиненій Гоголя увидѣло свѣтъ благодаря Щепкину. Цензура не пропускала его. Въ концѣ 1852 г., въ бытность свою въ Петербургѣ, Щепкинъ былъ приглашенъ въ концертъ читать изъ Гоголя въ присутствіи великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича. По окончаніи мастерскаго чтенія Щепкинъ такъ трогательно изображалъ передъ великимъ княземъ всю несправедливость гоненій цензуры на произведенія Гоголя, что великій князь обратился къ государю, и сочиненія Гоголя въ 1853 г. вышли въ свѣтъ.

Съ Т. Шевченко Щепкинъ былъ связанъ также узами племенного и духовнаго родства. Оба были малороссы, оба вышли изъ темной среды и вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть крѣпостного права. Щепкинъ былъ однимъ изъ первыхъ, увидавшій въ молодомъ авторѣ «Кобзаря» талантливаго поэта. Очарованный прелестью его стиха и глубиною чувства, онъ сразу сталъ восторженнымъ его поклонникомъ и популяризовалъ его имя въ Московскихъ литературныхъ кружкахъ, читая часто его стихотвореніе: «Думы мои, лыхо мыни зъ вами». Самая тѣсная дружба соединяла этихъ людей. Ни годы разлуки, ни опала и ссылка не могли охладить ее. Въ изгнаніи Шевченко мысленно обращался къ своему другу, повѣрялъ свое горе и черпалъ бодрость и надежду въ его письмахъ. Когда Шевченко было разрѣшено жить въ столицѣ, онъ нашелъ пріютъ въ Москвѣ, въ семьѣ Щепкина.

И другой опальный, Герценъ, былъ также дорогъ сердцу Михаила Семеныча. Въ бытность свою за границей, въ 1853 г. онъ пріѣхалъ нарочно въ Лондонъ повидаться съ другомъ-эмигран-

томъ, и это со стороны его былъ подвигъ. Большинство русскихъ, пріѣзжавшихъ въ этотъ городъ, изъ боязни навлечь недовольство своего правительства, избѣгали встрѣчи съ Герценомъ. А онъ, артистъ Императорскихъ театровъ, не побоялся протянуть руку опальному другу. При свиданіи Щепкинъ горячо и долго убѣждалъ Герцена закрыть вольную типографію и тогда обѣщалъ ходатайствовать съ друзьями передъ государемъ объ его амнистіи[1]).

Подобно Гоголю Герценъ черпалъ иногда матеріалъ для своихъ повѣстей изъ разсказовъ Щепкина. Такъ, разсказъ послѣдняго объ ужасной судьбѣ одной талантливой актрисы, съ которой познакомился во время провинціальныхъ скитаній, послужилъ темой для разсказа Герцена: «Сорока-воровка».

Съ Лермонтовымъ онъ сблизился во время недолгаго пребыванія послѣдняго въ Москвѣ передъ смертью.

И. С. Тургеневъ, пріѣзжая въ Москву, постоянно навѣщалъ маститаго актера, иногда самъ читалъ ему свои пьесы и вмѣстѣ съ нимъ разбиралъ характеры.

Изъ профессорской среды онъ былъ близокъ съ профессоромъ астрономіи Перевощиковымъ, астрономическія объясненія котораго онъ слушалъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и Бѣлинскаго со Станкевичемъ, когда тѣ вели горячіе споры объ эстетикѣ. Особенную благодарность онъ питалъ къ Грановскому, бесѣды котораго, по его словамъ, нравственно поднимали и укрѣпляли въ немъ упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству. Эта связь Щепкина съ блестящей средой научно-художественнаго міра была весьма выгодна для него. Онъ учился у нихъ, пользовался ихъ совѣтами и указаніями. Для него спеціально переводились съ иностраннаго статьи о театрѣ, комедіи Мольера. Даровитая натура великаго артиста искала себѣ родственной атмосферы и, найдя ее среди тогдашнихъ кружковъ, подчинилась ихъ вліянію и свободно развила свои духовныя силы. Чувства искренней благодарности и признательности къ этому кругу людей Щепкинъ высказалъ въ отвѣтной рѣчи на привѣтствіе его друзей во время устроеннаго въ честь него обѣда въ домѣ Погодина 10-го мая 1853 г.

«Къ тому же все, что вы находите во мнѣ достойнымъ какой-либо оцѣнки,— говорилъ онъ, — принадлежитъ, собственно, не мнѣ — все это принадлежитъ Москвѣ, т.-е. тому избранному высокообразованному обществу, умѣющему глубоко понимать искусство, которымъ Москва всегда была богата. Это общество при самомъ появленіи на Московской сценѣ приняло меня въ свой кругъ, гдѣ было все — и литераторы, и поэты, и преподаватели Московскаго университета. 30 лѣтъ я находился въ этомъ кругу. Правда, я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостью скажу, что я многимъ обязанъ Московскому университету въ лицѣ его преподавателей: одни научили меня мыслить, другіе глубоко понимать искусство. Бесѣды объ искусствѣ, собственно, для меня

[1]) См. въ отдѣлѣ матеріаловъ сообщенія Вѣтринскаго объ этой встрѣчѣ и о письмѣ Щепкина. *Ред.*

не умолкали, и я съ глубочайшимъ вниманіемъ вслушивался въ нихъ. Итакъ, м. г., вы сами видите, что все, что вы находите во мнѣ замѣчательнаго, принадлежитъ, собственно, вамъ — вы были, такъ сказать, сѣятели, а мнѣ, какъ счастливому, досталась жатва».

Въ мая мѣсяцѣ 1853 г., взявъ пятимѣсячный отпускъ, Щепкинъ съ больнымъ сыномъ Дмитріемъ уѣхалъ на югъ Франціи. По пути онъ заѣхалъ въ Парижъ. Ему очень хотѣлось побывать въ Comedie Française и посмотрѣть Рашель. Но театръ въ это время былъ закрытъ, а съ Рашель ему все-таки пришлось познакомиться черезъ одного общаго знакомаго. Онъ посѣтилъ ее на дому. Интересенъ разговоръ черезъ переводчика двухъ театральныхъ знаменитостей. «Я пріѣхалъ изъ-за моря, чтобы видѣть васъ», сказалъ Щепкинъ. «Я очень рада познакомиться въ вами, — отвѣчала Рашель, — такъ много слышала о Васъ не столько отъ русскихъ, какъ отъ французскихъ актеровъ, игравшихъ въ Москвѣ».

«Да, я самъ думалъ когда-то, что имѣю талантъ, но чѣмъ больше живу, чѣмъ больше играю, тѣмъ живѣе удостовѣряюсь, что не умѣю играть». — «Это скромность», возразила Рашель. «Нѣтъ, это одно изъ моихъ убѣжденій, которыя составилъ я себѣ о драматическомъ искусствѣ, живя на сценѣ почти 50 лѣтъ, я хотѣлъ видѣть васъ. Вы утвердите ихъ или разрушите». — «Я разрушу ихъ». Повидимому, Рашель хотѣла этими словами сказать, что она не оправдаетъ ожиданій Щепкина. Онъ это понялъ и отвѣчалъ своей собесѣдницѣ любезностью: «Вотъ почему мнѣ особенно жаль, что не увижу васъ на сценѣ». — «Но я ѣду въ Петербургъ, вы увидите меня тамъ; вы, вѣрно, сдѣлаете мнѣ эту честь». — «Если я пріѣхалъ въ Парижъ нарочно для васъ, то, разумѣется, буду въ Петербургѣ». — «А я буду просить ваше начальство, чтобы оно дало мнѣ случай видѣть васъ тамъ. Что скажете вы о нашихъ театрахъ?» — «Пьесы, — отвѣтилъ Щепкинъ, — простыя, явленія обыкновенныя изъ жизни, разыгрываются какъ нельзя лучше, это верхъ совершенства; но гдѣ должно говорить чувство, страсть, тамъ я вездѣ слышалъ декламацію, одни и тѣ же заученные тоны, — у кого пріятнѣе, сильнѣе, у кого непріятнѣе, слабѣе, смотря по средствамъ». Рашель удивилась такому вѣрному взгляду. Какъ бывшая ученица консерваторіи, она высказала свое мнѣніе о представленіи драматическаго искусства: «У кого нѣтъ таланта, тому консерваторія обработаетъ всѣ его средства и сдѣлаетъ его порядочнымъ актеромъ, но всякій талантъ она убиваетъ, заставляя играть по-своему». Разставаясь съ гостемъ, Рашель подарила ему на память рукопись Расиновой Эсѳири.

Въ сезонъ 1854 г. знаменитая актриса посѣтила Москву и выступила передъ московской публикой въ «Федрѣ», «Маріи Стюартъ», «Адріанѣ Лекувреръ» и «Гораціяхъ». Щепкинъ видѣлъ ее почти во всѣхъ этихъ пьесахъ и высказалъ свое мнѣніе объ ея игрѣ въ письмѣ къ П. В. Анненкову. Ему не понравилась въ ней

напыщенная декламація, и «богатство украшенія», но поразило самое изученіе роли. «Главное,—писалъ онъ,—она ясно показала, какъ нужно изученіе. Да! актеръ непремѣнно долженъ изучить, какъ сказать всякую рѣчь, не представляя случаю или, какъ говорятъ, натурѣ, потому что натура дѣйствующаго лица и моя — совершенно противоположны и, надѣляя роль своею собственною персоной, тратится физіономія играющаго лица. Да, надо изучать такъ, что мысль всегда должна сказать хорошо, потому что, если не одушевить ея, все же не все дѣло пропало: скажутъ: «холодно», а не «дурно».

1855 годъ былъ знаменательнымъ въ жизни Щепкина. 26-го ноября 1855 г. торжественно былъ отпразднованъ 50-лѣтній юбилей его сценической дѣятельности, первый юбилей русскаго актера (до этого времени ихъ не чествовали). «Если, — писалъ въ одномъ письмѣ С. Т. Аксаковъ,—его юбилей пройдетъ безо всякихъ знаковъ уваженія къ его таланту и къ его постоянному художественному труду, то это будетъ стыдно московскому обществу». Но московское общество откликнулось на этотъ призывъ почтить маститаго актера съ такою сердечностью и единодушіемъ, что объ этомъ юбилеѣ много говорили не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Впервые въ Россіи талантъ и трудъ актера былъ офиціально признанъ достойнымъ почета наравнѣ съ талантомъ и трудомъ другихъ художниковъ. 26-го ноября въ залѣ Художественнаго собранія [1]) былъ устроенъ торжественный обѣдъ въ честь юбиляра, на которомъ присутствовало до 200 человѣкъ писателей, артистовъ, художниковъ профессоровъ и общественныхъ дѣятелей. Тутъ былъ цвѣтъ московской интеллигенціи. За обѣдомъ было произнесено много рѣчей, характеризовавшихъ Щепкина и какъ художника, и какъ человѣка. Рѣчи говорили профессора: М. П. Погодинъ, К. П. Барсовъ, С. П. Шевыревъ, историкъ С. М. Соловьевъ, скульпторъ Н. А. Рамазановъ. Были прочитаны и письменныя привѣтствія отъ И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, графовъ Л. и А. Толстыхъ и М. Н. Каткова. Привѣтствіямъ и поздравленіямъ не было конца. Погодинъ предложилъ тостъ за старшаго изъ друзей Щепкина, С. Т. Аксакова. При этомъ тостѣ всѣ встали съ своихъ мѣстъ, чокались и обнимались [2]). Между прочими подарками отъ имени славянофиловъ юби-

---

[1]) Нынѣ зданіе школы живописи и ваянія на Мясницкой.

[2]) Въ связи съ этимъ тостомъ произошелъ характерный эпизодъ. Отвѣчая за отца, К. С. Аксаковъ, между прочимъ, сказалъ: «Выраженіе общественнаго сочувствія, общественнаго мнѣнія драгоцѣнно, и отецъ мой ставитъ его выше всего. Я не могу лучше отвѣчать на вашъ тостъ, столь для меня драгоцѣнный, какъ предложить тостъ въ честь общественнаго мнѣнія». Тогда, говорится въ хроникѣ Барсукова («Жизнь и труды» Погодина, XV, 440), «раздались новыя рукоплесканія». Но въ то время одно лишь воспоминаніе о какомъ-то общественномъ мнѣніи было слишкомъ оппозиціонно. Выпадъ Аксакова на Щепкинскомъ юбилеѣ припомнили черезъ два года, и когда въ Москвѣ задумали отпраздновать торжественнымъ обѣдомъ рескриптъ Назимову 20 ноября

ляру былъ поднесенъ серебряный ковшъ, а отъ западниковъ бокалъ. Въ знакъ общаго единенія тутъ же ихъ наполнили виномъ, которое и пили съ разными присловіями. Въ 8 часовъ вечера Щепкинъ уѣхалъ домой [1]). Домъ былъ иллюминованъ. Актрисы-красавицы: Медвѣдева, Бороздина и Косицкая, встрѣтили юбиляра въ гостиной съ цвѣтами и осыпали его поцѣлуями. «Ну вотъ изъ 50 лѣтъ большая половина и съ костей долой», сказалъ при этомъ старецъ. Затѣмъ начались поздравленія домашнихъ—жены, дѣтей, внучатъ. Грянула музыка, начались танцы и продолжались всю ночь. А Михаилъ Семенычъ и въ этотъ, исключительный день его жизни не измѣнилъ своимъ привычкамъ: въ обычное время онъ удалился въ спальню и передъ сномъ прочелъ роль, которую долженъ былъ играть на слѣдующій день.

Между тѣмъ годы давали себя чувствовать, и Щепкинъ все рѣже и рѣже являлся передъ публикой тѣмъ великимъ артистомъ, которымъ когда-то такъ восхищался Бѣлинскій [2]). Самъ Щепкинъ, сознавая упадокъ силъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ, но дирекція не приняла ее, чему Щепкинъ былъ радъ. «Спасибо имъ: для меня разстаться со сценой, значило бы разстаться съ жизнью. Я могу быть полезенъ хоть своей бранью, меня, какъ старика, простятъ, а иной разъ и послушаютъ» [3]).

Въ послѣдніе годы своей жизни Щепкинъ все еще продолжалъ ѣздить на гастроли. Но гастроли эти были уже не такъ удачны. Старость и упадокъ силъ отражались на исполненіи. Публика уже не узнавала прежняго Щепкина. Были случаи, что за недостаткомъ сбора спектакли отмѣнялись. Все это нравственно удручало ста-

---

1857 г., то Кавелинъ, пріѣхавшій съ этой цѣлью изъ Петербурга, приглашая на обѣдъ Погодина, писалъ: «Условлено не приглашать одного только Константина Аксакова, не изъ духа партій, а *единственно* (курс. под.) изъ опасенія, что онъ произнесетъ спичъ, который испортитъ дѣло...» (*Барсуковъ*, XVI, 172). Какъ это характерно и для эпохи, и для Кавелина! *Ред.*

[1]) Онъ жилъ на 3-й Мѣщанской въ домѣ Осоргина.

[2]) Баженовъ про бенефисъ его 8-го января 1860 г. писалъ: «Изъ участвовавшихъ публика вызвала только бенефиціанта, но и то, кажется, больше изъ приличія, потому что исполненная имъ роль не представляла для артиста никакихъ данныхъ. Вообще, говоря объ игрѣ г. Щепкина въ настоящее время, какъ-то больно становится при мысли, какъ постепенно разрушается когда-то мощный талантъ любимаго артиста, какъ замѣтно падаютъ его силы, какъ неумолимое время и надъ нимъ оказываетъ свое губительное вліяніе. Память ему, видно, измѣняетъ, собой владѣетъ онъ не вполнѣ, въ игрѣ его нѣтъ необходимой сдержанности, артистъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ чисто искусственнымъ, напр., начинаетъ онъ, вовсе неумѣстно, трястись всѣмъ корпусомъ, махать руками безо всякой нужды; только лицо его, и до сихъ поръ довольно выразительное, помогаетъ зрителю добиваться до истиннаго смысла того или другого мѣста въ роли».

[3]) Въ 1860 г. онъ просилъ дирекцію назначить ему вмѣсто поспектальной платы ежегодно 2000 руб. Просьба его, не въ примѣръ прочимъ, была исполнена.

рика. Здоровье его разстроилось. Одышка усилилась. Онъ началъ часто задумываться и даже пересталъ на ночь по обыкновенію перечитывать роли. «Душой-то я какъ будто и бодръ, а тѣло мое становится мнѣ поперекъ дороги. Ну, да ничего, подтянемся», скажетъ онъ и пойдетъ подбадривать другихъ. А здоровье съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Доктора совѣтовали ему ѣхать въ Крымъ. Весной 1863 г., получивъ отъ дирекціи отпускъ и пособіе на лѣченіе въ размѣрѣ 500 р., онъ уѣхалъ въ Ялту.

Уѣзжая изъ Москвы, онъ какъ бы предчувствовалъ, что болѣе не увидитъ ее. При прощаніи съ дочерью, онъ взялъ ее за руку и сказалъ: «Прощай, Вѣрочка, будь счастлива, помни меня, старика, а вотъ, смотри, теперь весна, все вокругъ насъ цвѣтетъ, и такъ радостно на душѣ. Но придетъ еще весна, и меня уже не будетъ». Онъ обнялъ ее со слезами на глазахъ и вышелъ изъ комнаты.

Живительный морской воздухъ сначала подѣйствовалъ на него благотворно. Въ Ялтѣ онъ поселился у своихъ знакомыхъ. Роднымъ писалъ въ Москву письма, что чувствуетъ себя недурно и читаетъ вслухъ пьесы Гоголя безъ особой усталости. При одномъ изъ такихъ чтеній, оставшись долго вечеромъ на балконѣ, онъ простудился. Къ одышкѣ присоединился сильный кашель. Онъ слегъ. Отъ знакомыхъ безнадежно больного старика перевезли въ гостиницу на набережной [1]). Заболѣвъ, онъ почти сутки былъ въ забытьи. Вдругъ неожиданно вскочилъ съ постели. «Скорѣй, скорѣй, одѣваться!» закричалъ онъ. «Куда вы, Михаилъ Семенычъ! Что вы? Богъ съ вами, лягте», успокаивалъ его слуга Александръ. «Какъ куда? Скорѣй къ Гоголю!»—«Къ какому Гоголю?»—«Какъ къ какому? Къ Николаю Васильевичу».—«Да что вы, родной, Господь съ вами, успокойтесь, лягте, Гоголь давно умеръ».—«Умеръ?—спросилъ Михаилъ Семенычъ.—Умеръ... да вотъ что»... Низко опустилъ голову, покачалъ ею, отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и навѣкъ заснулъ (11-го августа 1863 г.). Скончался онъ одинокимъ. Жена его умерла раньше. Дѣти оставались въ Москвѣ. И чужая рука закрыла глаза великаго актера. При послѣднихъ минутахъ его жизни, кромѣ слуги Александра, присутствовали вдова попечителя Виленскаго округа Грибергъ и Галаховъ. «Прахъ Щепкина,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ актриса Шубертъ,—распорядились уложить въ мебельный ящикъ и никто не зналъ, когда его привезли. Въ южныхъ городахъ готовились къ встрѣчѣ. Я въ это время была въ Орлѣ, а мы ждали, ждали... уже изъ Москвы получили телеграмму, что тѣло прибыло послѣ того, какъ двое сутокъ стояло въ Орлѣ, въ багажѣ вмѣстѣ съ мебелью. Похоронили Щепкина 22-го сентября, согласно его волѣ, на Пятницкомъ кладбищѣ рядомъ

[1]) Во второй половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія на мѣстѣ этой гостиницы помѣщалась женская прогимназія.

съ могилой его друга Т. Н. Грановскаго. На могилѣ поставили памятникъ въ видѣ цилиндрической глыбы съ надписью: «Михаилу Семеновичу Щепкину, артисту-человѣку».

Извѣстіе о смерти Щепкина поразило всѣхъ его друзей. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты Погодинъ написалъ слѣдующія строки: «Онъ долго жилъ, много и ревностно потрудился для искусства, для общества, для семейства. Сколько вытерпѣлъ, и по своей винѣ, какъ всѣ мы грѣшные, и по чужой! Сколько принесъ онъ всѣмъ намъ и удовольствія, и пользы! Художнику мы рукоплескали, съ комикомъ мы смѣялись, теперь мы плачемъ, соболѣзнуемъ о добромъ любезномъ человѣкѣ, благодаримъ его»...

«У него была любимая поговорка: «*послѣ насъ не будетъ насъ, будутъ люди, да не мы*». Правда, не будетъ насъ, но и не мы, точно какъ мы, а тѣ, что будутъ послѣ насъ, сохранятъ надолго одинаковое благодарное воспоминаніе объ умномъ, добромъ, любезномъ, живомъ человѣкѣ Михаилѣ Семеновичѣ Щепкинѣ, а въ лѣтописяхъ русскаго искусства имя его останется безсмертнымъ».

И другой другъ Щепкина, А. И. Герценъ «съ того берега» прислалъ нѣсколько теплыхъ строкъ, посвященныхъ памяти покойнаго. «Пустѣетъ Москва,—писалъ онъ,—и патріархальное лицо Щепкина исчезло... а оно было крѣпко вплетено во всѣ воспоминанія нашего Московскаго круга. Четверть столѣтія старше насъ, онъ былъ съ нами на короткой дружеской ногѣ родного дяди или старшаго брата. Его всѣ любили безъ ума: дамы и студенты, пожилые люди и дѣвочки. Его появленіе вносило покой, его добродушный упрекъ останавливалъ юные споры, его кроткая улыбка любящаго старика заставляла улыбаться, его безграничная способность извинять другого, находить облегчающія средства—была школой гуманности. Артистъ по призваніи и по труду—онъ создалъ *правду* на русской сценѣ, онъ первый сталъ *не театраленъ* на театрѣ, его воспроизведенія были безъ малѣйшей фразы, безъ аффектаціи, безъ шаржа». Герценъ заканчиваетъ некрологъ грустнымъ вопросомъ: «А какъ потухала его жизнь? Декораціи, актеры и сама пьеса еще разъ измѣнились. Что дѣлалъ старикъ, дожившій до осуществленія своей вѣчной мечты объ освобожденіи крестьянъ?» Какою болью сжалось бы сердце друга, если онъ зналъ, въ какой обстановкѣ потухала жизнь великаго артиста, вдали отъ родныхъ и близкихъ, на рукахъ чужого человѣка?—прибавимъ мы отъ себя.

9-го мая 1895 г.—день знаменательный въ исторіи русскаго актера. Въ этотъ день впервые на Руси былъ воздвигнутъ памятникъ въ честь русскаго актера, впервые заслуги его передъ обществомъ были оцѣнены наравнѣ съ заслугами другихъ славныхъ общественныхъ дѣятелей, и память о Щепкинѣ увѣковѣчена постановкой ему монумента въ городѣ Суджѣ, Курской губерніи, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе и гдѣ впервые выступилъ на школьной сценѣ.

В. Михайловскій.

Польскіе романтики „Украинской школы“.

II.

Богданъ Залѣсскій.

Вмѣстѣ съ Северином Гощинскимъ, которому посвящена была предыдущая статья [1]), въ первомъ ряду представителей «польско-украинской школы» стоитъ Богданъ Залѣсскій, другъ юности Гощинскаго, родившійся годомъ позже (въ 1802 г.), прожившій, какъ и Гощинскій, большую часть жизни эмигрантомъ, вдали отъ Польши и Украины, и умершій глубокимъ старцемъ во Франціи въ 1886 г.

Не представляя собой такой яркой, романтической, мятежной личности, какъ Гощинскій, болѣе спокойный и благодушный поэтъ, черпавшій свое вдохновеніе въ природѣ и пѣсняхъ Украины, Богданъ Залѣсскій въ исторіи польско-украинскихъ отношеній занялъ, однако, болѣе видное мѣсто, чѣмъ его другъ, оставившій болѣе яркій слѣдъ въ развитіи демократическихъ идей. Украина и національные (украино- и славяно-фильскіе) мотивы въ поэзіи Залѣсскаго занимаютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ въ творчествѣ Гощинскаго. Этимъ и объясняется то, что историки литературы, интересующіеся по преимуществу національными вопросами, удѣляютъ больше вниманія Залѣсскому.

С. Ефремовъ называетъ его самымъ выдающимся представителемъ польско-украинской школы [2]).

Такъ же смотритъ и польскій историкъ литературы, краковскій профессоръ Третякъ. Называя польско-украинскую школу «третьей

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго», февраль. По поводу этой статьи Н. П. Василенко въ «Кіевской Мысли» упрекнулъ меня въ томъ, что, останавливаясь на личности и творчествѣ Гощинскаго, я не даю общей характеристики «польской украинской школы». Этотъ пробѣлъ отчасти восполненъ въ настоящей статьѣ, но лишь отчасти, т. к. задача моихъ очерковъ дать личныя характеристики двухъ самыхъ яркихъ представителей литературной школы, которая нашла уже общую оцѣнку у русскихъ историковъ (Пыпина, Дашкевича).

[2]) С. Ефремовъ. «Исторія українського письменства», стр. 213.

СЕВЕРИНЪ ГОЩИНСКІЙ.

уніей» — поэтической уніей послѣ политической и религіозной,—онъ говоритъ: «Если въ этой уніи Мальчевскій и Гощинскій рядомъ съ Залѣсскимъ играютъ болѣе или менѣе выдающуюся роль, то ни одинъ изъ нихъ, однако, въ этомъ отношеніи не можетъ равняться съ Залѣсскимъ, ибо только этотъ послѣдній проникнутъ до глубины души идеей этой уніи, избралъ ее путеводной звѣздой своей поэзіи... Въ поэзіи этой не только рождается, развивается, но и созрѣваетъ во всей полнотѣ это романтическое увлеченіе родственной русской стихіей, вѣками соединенное съ польской жизнью, это стремленіе вовлечь народную русскую культуру въ широкій, освѣщенный лучами западной культуры, міръ польской поэзіи» [1]).

Въ дѣлѣ этой «поэтической уніи», не только внесшей украйнскіе мотивы въ польскую поэзію, но и вызвавшей писаніе стиховъ польскими поэтами на украинскомъ языкѣ, Залѣсскій, несомнѣнно, игралъ бóльшую роль, нежели Гощинскій, и въ связи съ его личностью удобнѣе остановиться на общей характеристикѣ польской украинской школы.

Какъ возникло это своеобразное направленіе, это поэтическое увлеченіе народнымъ бытомъ и творчествомъ другой національности, не той, къ которой принадлежали сами поэты—представители этого направленія?

Среди украинскихъ писателей, въ особенности среди такъ называемыхъ «украинцевъ польской культуры», можно встрѣтить такое объясненіе польскаго украинофильства: это пробужденіе національнаго сознанія «остатокъ любви къ своему родному старорусскому, теряемому по мѣрѣ ополяченія русиновъ» [2]). Несомнѣнно, что этотъ мотивъ національный игралъ роль у представителей «украинства

---

[1]) Iózef Tretiak. «Bohdan Zaleski». Kraków. 1911. Стр. VII—VIII. Книга эта краковскаго профессора является новѣйшей біографіей Залѣсскаго, доведенной до 1831 г. Изъ болѣе раннихъ изслѣдованій можно отмѣтить: M. Mazanowski. «Iózef Bohdan Zaleski». Zarys biograficzny. Petersburg. 1901. Zdzpiarski. «Bohdan Zaleski». Lwow. 1902. M. Konopnicka. «O Bohdanie Zaleskim». Bibl. Warszawska. 1902. Chmielowski. «Studya i szkice». 1886, II. Blumenstock. Die Ukraine und ihre Dichter. Bohdan Zaleski. Wien. 1877. Колесса О. Українські народни пісні въ поезіяхъ Б. Залэського. «Записки наук. тов. ім. Шевченка». Т. I. Кромѣ того, Б. Залѣсскому отводится мѣсто во всѣхъ общихъ исторіяхъ польской литературы XIX. Спасовича, Хмѣлевскаго, Брикнера и др., въ исторіяхъ украинской литературы Огоновскаго (Исторія литературы русской. Львівъ, 1889 — 91), С. Ефремова и др., въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ малорусско-польскимъ отношеніямъ Пыпина («Исторія русской этнографіи». Т. III). И. Дашкевича (Отзывъ о сочиненіи г. Петрова. Спб. 1888). Проф. Дашкевичъ, разбирая книгу Петрова «Очерки исторіи украинской литературы», останавливается подробно на польскихъ вліяніяхъ, въ трудѣ Петрова совершенно не отмѣченныхъ.

[2]) См., напр., воспоминанія Б. С. Познанскаго въ «Украинской Жизни», кн. 2 за 1913, а также предисловіе В. Липинскаго къ книгѣ «Z dziejow Ukrainj». Kijów. M. C. M. XII.

польской культуры» (Антоновичъ, Рыльскій), но объяснять вообще симпатіи къ украинскому народу въ средѣ польской дворянской молодежи юго-западнаго края воспоминаніемъ о своемъ русскомъ происхожденіи «голосомъ крови» трудно, потому что польское дворянство этого края смѣшаннаго происхожденія: оно явилось въ результатѣ не только ополяченія русскаго дворянства, но и колонизаціи этого края дворянствомъ, чисто польскимъ по крови, переселившимся изъ болѣе густо населенныхъ коренныхъ польскихъ областей на Украину, гдѣ было больше свободныхъ земель. Поэтому, если говорить о «голосѣ крови», заговорившей въ польскихъ украинцахъ, то нужно было бы заняться предварительно спеціальнымъ изслѣдованіемъ, какая кровь течетъ въ жилахъ каждаго изъ нихъ. И вотъ, возвращаясь къ нашимъ двумъ самымъ яркимъ представителямъ польско-украинской школы въ поэзіи — Гощинскому и Залѣсскому — мы видимъ, что первый — несомнѣнно, чисто польскаго происхожденія (родъ Гощинскаго принадлежалъ къ шляхтѣ такъ называемаго Мазовша и только отецъ его, какъ я уже говорилъ, переселился на Украину въ поискахъ службы), а второй, если и предположить, что родъ его русскаго происхожденія, то все же едва ли много сохранилъ въ себѣ русской крови. Родъ его уже въ XVI в. значится въ спискахъ польской шляхты и только въ XVIII в. поселяется на Украинѣ семья Залѣсскихъ [1]), изъ которой вышелъ поэтъ. Но такъ какъ національнаго состава крови опредѣлить нельзя, то въ вопросѣ о національности даннаго лица рѣшаетъ, въ концѣ-концовъ, его сознаніе; существенно то, кѣмъ самъ считаетъ себя человѣкъ. И вотъ польскіе украинцы, какъ Гощинскій и Залѣсскій, считали себя поляками и увлекались украинствомъ не потому, чтобы хотѣли вернуться къ своимъ предкамъ. Въ этомъ увлеченіи помимо впечатлѣній дѣтства, вліянія украинской природы, украинскихъ пѣсенъ, преданій, сказокъ, рѣшающую роль сыграли идейныя теченія, подъ вліяніемъ которыхъ созрѣвали оба поэта.

Польскаго «украинства» первой четверти XIX в. нельзя разсматривать независимо отъ всей той идейной атмосферы, которой дышала польская интеллигенція того времени. Въ романтическомъ увлеченіи польской дворянской молодежи украинскимъ народомъ сказались вліянія и соціальнаго, и политическаго, и чисто литературнаго характера.

Увлеченіе украинствомъ той польской дворянской молодежи, которая знала лишь украинскій народъ, было формой, въ которую вылилось ея сочувствіе къ крестьянству, затѣмъ польское украинофильство того времени было частью болѣе широкаго *славянофильскаго* направленія польской общественной мысли, и, наконецъ, здѣсь

---

[1]) Tretiak. «Bohdan Zaleski»; 3—5.

сказалось и романтическое требованіе «народности» въ искусствѣ, увлеченіе народнымъ творчествомъ, пѣснями, преданіями, вѣрованіями, сказками: всего этого вѣдь требовала исторія новаго, то-есть романтическаго, искусства.

Передовая польская молодежь двадцатыхъ годовъ, такъ же, какъ и русская, проникается сознаніемъ неправды крѣпостного права. Помимо соціальной несправедливости она усматриваетъ въ рабствѣ народа главную причину паденія Польши. Уже въ XVIII в. въ демократическихъ польскихъ умахъ зарождается мысль о необходимости раскрѣпощенія крестьянъ. Реформа Наполеона въ Герцогствѣ Варшавскомъ, давшая крестьянамъ личную свободу безъ земли и оставившая ихъ въ фактической кабалѣ у помѣщиковъ, крестьянскаго вопроса не рѣшила. Въ бывшихъ польскихъ земляхъ, отошедшихъ къ Россіи, крѣпостное право еще сильнѣе пустило корни.

При слабости центральной государственной власти старой Польши и незначительности постояннаго войска, крестьянскія волненія и гайдамацкія возстанія были постоянной угрозой, висѣвшей надъ польскими помѣщиками Украины и сдерживающей до нѣкоторой степени барскій произволъ. Только русское государство замиряло этотъ вѣчно волнующійся край и, преслѣдуя сословно-дворянскую политику, укрѣпило власть польскихъ помѣщиковъ надъ малорусскимъ крестьянствомъ. Этой сословной политикой правительства Екатерины II и объясняется тяготѣніе къ Россіи польскихъ магнатовъ Западнаго края и то равнодушіе, съ какимъ большинство дворянства этого края отнеслось къ присоединенію его къ Россіи.

Патріотическое чувство было оскорблено, несомнѣнно, но сословный интересъ заставилъ его умолкнуть. Этой дворянской политикой русскаго государства, продолжавшейся и при преемникахъ Екатерины II, объясняется и то, что въ глазахъ демократически и патріотически настроенной передовой польской молодежи протестъ противъ крѣпостного права сливался съ протестомъ противъ русской государственности. Это сказалось очень ярко, между прочимъ, и въ статьѣ Богдана Залѣсскаго о надѣленіи крестьянъ землею.

«Всякій деспотизмъ, всякая аристократія,—писалъ поэтъ, — будучи преградой къ развитію человѣческаго духа, являются прирожденными врагами цивилизацій народа, а рабство и крѣпостное право—главной причиной его гибели... Рабство народа, самой многочисленной части націи, привело къ тому, что послѣ блестящихъ тріумфовъ всегда побѣждающая Польша погибла. Деспотизмъ и жестокій крѣпостной строй въ Россіи грозитъ уже паденіемъ этому государству. Скоро упадетъ колоссъ, который своими чудовищными размѣрами пугалъ Европу, но своимъ паденіемъ онъ не удивитъ вселенной, и не оставитъ по себѣ сожалѣнія въ исторіи. На развалинахъ уничтоженной свободы русскаго народа основали цари деспо-

тизмъ и могущество свое, подняли ихъ до такой высоты, до какой только можно поднять такое зло. За это преступленіе часъ отмщенія скоро пробьетъ»... Въ противоположность этому, обреченному на гибель, государству возрождающаяся Польша должна дать свободу и землю крестьянамъ. «Воскресеніе ея должно возвѣстить радость и счастье всѣмъ полякамъ, должно принести свободу, политическія права и земельную собственность нашимъ крестьянамъ. Только на такомъ фундаментѣ можетъ непоколебимо стоять зданіе сильнаго и великаго государства»... Далѣе Залѣсскій, возражая знаменитому польскому историку Лелевелю, вѣрившему въ добровольное освобожденіе крестьянъ помѣщиками, говоритъ: «Зная почтенныхъ земельныхъ собственниковъ, будучи убѣжденнымъ, что большинство ихъ противъ реформы и даже осуждаетъ всякую мысль о ней, я думаю, что необходимо закономъ установить крестьянскую собственность, такого закона требуютъ нужды времени, счастье и цѣлость Польши. Нѣтъ, нельзя оставить на произволъ защитниковъ цивилизаціи девятнадцатаго вѣка. Земля эта, ихъ слезами и пóтомъ поливаемая, не должна быть дольше мачехой для нихъ» [1]).

Богданъ Залѣсскій писалъ это въ 1831 г. во время возстанія, но и еще раньше въ 20-хъ годахъ, когда онъ вступалъ въ сознательную жизнь, протестъ противъ крѣпостного права назрѣвалъ въ средѣ передовой польской молодежи. И юный Залѣсскій писалъ стихи, въ которыхъ громилъ «помѣщиковъ-тирановъ»,—стихи, въ художественномъ отношеніи далеко уступающіе Пушкинской «Деревнѣ», но проникнутые тѣмъ же настроеніемъ. Среди польской молодежи на Украинѣ сочувствіе къ закрѣпощенному народу принимало естественно форму увлеченія украинскимъ народомъ, находившимся подъ властью польскихъ помѣщиковъ.

Этотъ соціальный мотивъ польскаго украинофильства звучалъ, разумѣется, въ душѣ лишь наиболѣе чуткой, передовой и отзывчивой, идеалистическо настроенной молодежи; болѣе доступнымъ широкому кругу былъ другой мотивъ національно-политическій: украинофильство явилось частью славянофильства. Конецъ XVIII и начало XIX в. въ польской общественной мысли ознаменованы, между прочимъ, и возникновеніемъ славянофильскаго направленія. Пробужденіе интереса къ славянству въ польской интеллигенціи того времени является однимъ изъ слѣдствій политической катастрофы, потрясшей польское общество. Потеря независимости заставила польскіе умы усиленно искать причинъ этого явленія, а также путей къ возстановленію политическаго быта. И вотъ, какъ одинъ изъ такихъ путей, явилось братство славянскихъ народовъ — панславизмъ. Начинается изученіе славянскаго міра въ историческихъ и

---

[1]) «Nowa Polska», 1831. № 105. Цитирую по книгѣ Третяка.

географическихъ трудахъ, поэты воспѣваютъ единую славянскую семью [1]).

Этотъ интересъ къ славянству, вытекающій изъ политическихъ мотивовъ, нашелъ подкрѣпленіе въ романтической теоріи искусства, требовавшей обращенія къ народнымъ источникамъ творчества. Поэтъ Казиміръ Бродзинскій, одинъ изъ первыхъ ознакомившій польское общество съ романтической теоріей искусства, является въ одно и то же время и славянофиломъ и горячимъ защитникомъ «народности» въ поэзіи вообще. Это совпаденіе эстетическихъ и патріотическихъ тенденцій въ увлеченіи славянствомъ ярко сказывается въ письмѣ Ляха Ширмы, появившемся въ «Виленскомъ дневникѣ» въ 1818 г.

«На равнинахъ славянскихъ, на поляхъ предковъ нашихъ, среди братьи нашей попадаются намъ скромные, но очаровательные цвѣты: будемъ же собирать ихъ заботливо, проникаясь чувствомъ благодарности къ нашимъ отцамъ... Цвѣты эти при внимательномъ уходѣ могутъ размножиться и дать богатую жатву для отечественной литературы. Если мы хотимъ въ изящныхъ искусствахъ не быть только подражателями и обладать оригинальными и, стало-быть, чисто національными твореніями, то будемъ же охранять эти остатки старины, которымъ угрожаетъ все бо́льшая опасность исчезновенія. Они являются обломками зданія, нѣкогда грандіознаго: оно рухнуло и лежитъ въ развалинахъ, но можетъ еще со временемъ послужитъ краеугольнымъ камнемъ для постройки храма народности. Заглянемъ подъ соломенныя крыши—тамъ наша древняя народность» (Dziennik Wilenski 1818 [2]).

«Народностью» и славянствомъ былъ увлеченъ и Богданъ Залѣсскій. Годы его юности и начало литературной дѣятельности совпали съ литературными событіями, усилившими интересъ къ славянству. Въ 1814—1815 г. появляются сербскія пѣсни Вука Стефановича Караджича, въ 1818 г. «Сборникъ Кирши Данилова», составленный Калайдовичемъ, въ 1819 г. новое изданіе «Слова о полку Игоревѣ», въ 1820 г. появляются «Краледворская рукопись» и «Судъ Любуши», въ 1822 г. сборникъ славянскихъ пѣсенъ Челяковскаго, въ 1823 г. сборникъ Коллара. Къ этимъ же годамъ относится изданіе многочисленныхъ русскихъ, польскихъ и чешскихъ этнографическихъ сборниковъ, въ это же время всходятъ и два свѣтила новой славянской поэзіи—Мицкевичъ и Пушкинъ. Б. Залѣсскій зналъ рус-

---

[1]) О польскомъ славянофильствѣ начала XIX в. см. Пыпинъ. «Исторія русской энтографіи», т. III. Францевъ. «Раннее польское славянофильство». Zdziarski, «Pierwiastek ludowy w polskiej poezji». Maurycy Straszewski. Dzieje filozoficznej mysli polskiej. Tretiak. «Bohdan Zaleski».

[2]) Цитирую по книгѣ Здярскаго «Pierwiastek ludowy w poezji polskiej XIX». Warszawa. 1901.

скій языкъ и былъ знакомъ съ поэзіей Пушкина, Рылѣева, Козлова и Жуковскаго (послѣднему онъ даже подражалъ въ своихъ первыхъ опытахъ [1]). Онъ зналъ также чешскій языкъ и въ 1822 г. перевелъ двѣ старочешскія пѣсни; позднѣе онъ переводилъ и съ сербскаго. Увлеченіе славянствомъ у Залѣсскаго было настолько сильно, что одно время онъ думалъ посвятить себя всецѣло изученію славянскихъ литературъ и языковъ и даже претендовалъ на каѳедру славянской филологіи при Варшавскомъ университетѣ [2]).

Естественно, что въ семьѣ славянскихъ языковъ самымъ близкимъ для Залѣсскаго послѣ родного польскаго былъ украинскій. Онъ зналъ съ дѣтства украинскій народъ, его языкъ и пѣсни, и ему не пришлось ждать романтическихъ призывовъ, чтобы заглянуть подъ соломенную крышу крестьянской избы.

Залѣсскій происходилъ изъ очень небогатой дворянской семьи, отецъ его, какъ и отецъ Гощинскаго, былъ экономомъ, но только жизнь его текла гораздо ровнѣе и покойнѣе, чѣмъ жизнь послѣдняго. Въ награду за усердную службу отецъ поэта получилъ отъ богатаго родственника, имѣніемъ котораго завѣдывалъ, небольшой клочекъ земли и построилъ себѣ небольшой домикъ, въ которомъ помѣстилась огромная семья — самый младшій ея членъ Богданъ былъ тринадцатымъ по счету ребенкомъ. Жизнь такой многочисленной семьи въ небольшомъ деревенскомъ домикѣ немногимъ отличалась отъ жизни зажиточной крестьянской семьи, а одно время будущій поэтъ жилъ въ настоящей крестьянской обстановкѣ, въ деревенской избѣ. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ захватилъ какую-то упорную накожную болѣзнь, и тетка, воспитывавшая его за смертью матери и отъѣздомъ отца, отдала его на излѣченіе деревенскому знахарю—богатому крестьянину, въ семьѣ котораго ребенокъ и прожилъ полтора года, пользуясь полной свободой. Время это, проведенное въ малороссійской деревнѣ, живописно расположенной на берегу Днѣпра (въ Каневскомъ уѣздѣ), Залѣсскій считалъ лучшей порой своей жизни, онъ воспѣвалъ его въ стихахъ, всегда съ любовью вспоминалъ о немъ. Тогда-то въ его душу и запали украинскія пѣсни, которыя съ тѣхъ поръ не переставали звучать въ ней.

Вотъ эти-то дѣтскія впечатлѣнія и вообще вся обстановка, въ которой росъ поэтъ, подготовляли въ его умѣ почву, въ высшей степени благопріятную для воспріятія романтическихъ идей, съ которыми онъ сталъ знакомиться въ Уманской школѣ. Какъ не увлечься было ему романтическимъ призывомъ искать вдохновенія въ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и прошломъ народа, когда эти пѣсни звучали въ его душѣ, когда онъ съ дѣтства такъ хорошо зналъ эти

---

[1]) Вліянію Жуковскаго на Залѣсскаго посвящена спеціальная работа Колессы. «Сліди впливу Жуковського въ поезіяхъ Б. Залеськаго».

[2]) Третякъ, стр. 110—111.

сказки, когда разсказы, которыхъ онъ наслушался съ дѣтскихъ лѣтъ, курганы и развалины старыхъ замковъ, на которые насмотрѣлся, говорили ему о яркомъ красочномъ, увлекательномъ прошломъ, о геройскихъ битвахъ съ татарами, объ удали и волѣ запорожцевъ. Въ душѣ уже было то, чего искалъ романтизмъ, и слѣдуя одновременно и голосу души и поэтическимъ лозунгамъ, увлекавшимъ молодежь, Залѣсскій сталъ самымъ цѣльнымъ и постояннымъ выразителемъ того своеобразнаго литературнаго теченія, которое называется «украинской школой» въ польской литературѣ. Своеобразіе этого литературнаго теченія заключалось въ томъ, что пѣвцы его вдохновлялись народнымъ творчествомъ не того народа, къ которому принадлежали сами. Конечно, пользованіе мотивами, заимствованными изъ исторіи, быта и творчества другихъ народовъ— явленіе самое обычное въ литературѣ, но обычно это заимствованіе носитъ эпизодическій характеръ; поэтъ увлекается драматическимъ событіемъ изъ чужой исторіи, красивой легендою, рожденной въ чужой странѣ, красочностью бытовыхъ особенностей чужого народа, красотой его пѣсенъ, но все это не перестаетъ считать чужимъ, внѣшнимъ, не дѣлаетъ единственнымъ и постояннымъ источникомъ своего вдохновенія, не увлекается духомъ чужого народнаго творчества настолько, чтобы считать его духомъ своей поэзіи. Залѣсскій же видѣлъ въ украинскихъ мотивахъ, которые неизмѣнно звучали въ его творчествѣ, свое родное, хотѣлъ быть польскимъ пѣвцомъ Украины, выразить «русскую мелодію въ польской рѣчи». Когда тотъ же Залѣсскій увлекался чешскими или сербскими пѣснями, это было эпизодомъ въ его творчествѣ, украинскіе же мотивы — постоянное содержаніе этого творчества. И въ то же время Залѣсскій не переставалъ быть *польскимъ* поэтомъ, не только писалъ на польскомъ языкѣ, но былъ польскимъ патріотомъ и въ жизни (участвовалъ въ возстаніи 1831 г.) и въ творчествѣ: создавая украинскую школу, обогащалъ польскую литературу, участвовалъ въ томъ польскомъ литературномъ движеніи, въ которомъ патріоты видѣли начало національнаго возрожденія. Нужно вспомнить, что весь польскій романтизмъ, пѣвцомъ котораго былъ и Залѣсскій, окрашенъ былъ въ яркій патріотическій цвѣтъ: литературное творчество считалось важнымъ патріотическимъ дѣломъ, польскій языкъ былъ вѣдь единственнымъ выраженіемъ національной связи польской интеллигенціи, живущей въ разрозненныхъ частяхъ бывшаго польскаго государства, а заимствованная изъ Германіи идеалистическая философія искусства провозглашала послѣднее высшимъ выраженіемъ національнаго духа. Работать надъ выраженіемъ этого духа въ глазахъ романтиковъ значило сохранять самое бытіе націи [1]).

---

[1]) Эти взгляды нашли краснорѣчивое выраженіе въ книгѣ Маврикія Мохнацкаго (знаменитаго польскаго критика, застрѣльщика романтизма и дѣятеля

И Богданъ Залѣсскій, создававшій «украинскую школу» въ польской поэзіи, въ то время, какъ въ Литвѣ она возрождалась въ лицѣ Мицкевича, видѣлъ, несомнѣнно, въ своемъ творчествѣ патріотическое дѣло. Въ эпоху романтическаго культа поэзіи въ возникновеніи польской украинской поэтической школы можно было видѣть дѣйствительно «третью унію» польской и русской народностей, какъ выражается проф. Третякъ. Этотъ своеобразный характеръ «польско-украинской школы» опредѣлилъ еще одинъ изъ ея первыхъ представителей, школьный товарищъ и другъ Гощинскаго и Залѣсскаго—извѣстный критикъ Михаилъ Грабовскій.

«Въ польской поэзіи, — писалъ онъ въ 1840 г.,— есть, дѣйствительно, особая украинская школа. Это не столь обычная вещь, какъ можетъ казаться. Кто же не знаетъ, что въ вѣкъ повсюду разлитого просвѣщенія характерныя особенности самыхъ далекихъ странъ, обычаи ихъ и событія, когда-либо въ нихъ происходившіе, могутъ быть хорошо знакомы образованнымъ людямъ другого народа и потому могутъ служить темой поэтическихъ произведеній писателей этого народа. Такъ, ирландецъ Муръ избираетъ ареной для своихъ вымысловъ Индію, Кашмиръ, Персію... но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ англійской поэзіи была школа индійская... Польскіе поэты украинцы представляютъ собой особую украинскую школу не потому, что темы для своихъ произведеній они берутъ изъ исторіи Украины, а потому, что они восприняли цѣликомъ духъ и краски подлинной украинской поэзіи, одной изъ самыхъ совершенныхъ вѣтвей самородной славянской поэзіи»... Сравнивая съ украинскими пѣснями польскихъ поэтовъ «Полтаву» Пушкина, Грабовскій находитъ, что въ послѣдней нѣтъ украинскаго колорита.

«Поэма эта обязана своей популярностью многимъ поистинѣ прекраснымъ страницамъ, которыя не могли не выйти изъ-подъ пера человѣка, одареннаго такой творческой силой, къ нимъ принадлежатъ описаніе битвы, фигура Петра В. и другія, но, какъ картина Украины, поэма эта сохраняетъ лишь профиль политическаго историческаго событія, на частную же жизнь этой страны, на особенный характеръ ея обитателей, ихъ обычаи, на все, что образуетъ красочную внѣшность странъ и народовъ, она не проливаетъ ни малѣйшаго свѣта. Дѣйствующія лица являются украинскими лишь по своимъ фамиліямъ и извѣстнымъ событіямъ изъ ихъ жизни, но въ ихъ рѣчи, въ мотивахъ ихъ поступковъ не выступаетъ ихъ природный характеръ, не сказывается ихъ бытъ того времени,—бытъ одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ и по своей дикой простотѣ въ высшей степени благодарный для возсозданія въ поэзіи». «По-моему, по крайней мѣрѣ, личному мнѣнію, — говоритъ польскій

возстанія 1830—31 гг.) «О польской литературѣ XIX в.». О книгѣ этой уже упоминалось въ статьѣ о Гощинскомъ.

критикъ,—Мазепа и Марія очень похожи на Дожа и Догаресу въ драмѣ Марино Фальери, а отъ Венеціи до Полтавы, однако, очень далеко. Самую природу украинскую поэтъ трактуетъ легко и вскользь, употребляя самыя общія опредѣленія: «необозримыя поля», «синій Днѣпръ», «украинская ночь»...

Наоборотъ, польскіе поэты, по мнѣнію Грабовскаго, «глубоко восприняли своеобразный украинскій колоритъ, *сдѣлали его частью своей народности*». Другими словами, это — эстетическое пріобрѣтеніе Украины для Польши, «поэтическая Унія», по выраженію пр. Третяка.

Грабовскаго можно считать не только однимъ изъ первыхъ истолкователей, но и однимъ изъ основателей «украинской школы» въ польской литературѣ. Дружескій союзъ учениковъ Уманской школы, литературная троица, извѣстная подъ кличкой «За-Го-Гра» (Залѣсскій, Гощинскій, Грабовскій) — это и была ячейка этого направленія. Правда, къ «украинской школѣ» принадлежитъ и знаменитая поэма «Марія» Мальчевскаго, поэта старшаго поколѣнія [1]). Но поэма «Марія» принадлежитъ къ украинской школѣ лишь постольку, поскольку въ ней дѣйствіе происходитъ на Украинѣ, и возсоздана природа послѣдней, а самъ авторъ ея, Мальчевскій стоитъ совершенно особнякомъ въ исторіи польской литературы вообще, и внѣ связи съ идейными симпатіями къ украинству. Какъ извѣстное идейное теченіе, оставившее значительный слѣдъ въ исторіи, находящееся въ связи съ позднѣйшимъ польскимъ украинофильствомъ, съ «хлопоманствомъ», «украинская школа» рождается съ упомянутою троицей: Залѣсскимъ, Гощинскимъ и Грабовскимъ. Эта молодежь жадно прислушивается къ новымъ голосамъ въ польской поэзіи, раздающимся въ Варшавѣ и Вильнѣ, жадно впитываетъ въ себя новыя идеи, демократическія въ политикѣ и романтическія въ поэзіи и, придавая этимъ идеямъ своеобразный украинскій колоритъ, вноситъ съ своей стороны новую струю въ польскую литературу.

Въ этомъ юношескомъ кружкѣ Михаилъ Грабовскій, болѣе образованный и начитанный, чѣмъ его друзья, знавшій хорошо и русскую литературу и западно-европейскую, игралъ большую роль, но вскорѣ жизненные пути и убѣжденія польскихъ украинцевъ стали расходиться. Въ то время, какъ Залѣсскій и въ особенности Гощинскій, входили въ тайныя патріотическія общества, Грабовскій мечталъ о дипломатической карьерѣ на русской службѣ. Когда вспыхнуло польское возстаніе 1830—1831 гг., Грабовскій не

---

[1]) Антоній Мальчевскій (1793—1826), первый польскій байронистъ, знакомый съ Байрономъ не только по произведеніямъ послѣдняго, но и по личнымъ встрѣчамъ въ Венеціи. Существуетъ предположеніе, что Мальчевскій заинтересовалъ Байрона личностью Мазепы и познакомилъ его съ характеромъ украинской природы.

только не принялъ въ немъ активнаго участья, какъ его друзья, но и идейно ему не сочувствовалъ. Проникаясь все болѣе и болѣе консервативно-аристократическими тенденціями, Грабовскій сталъ со временемъ идеологомъ той части польскаго дворянства, которая искала примиренія съ русскою государственностью. Въ 1843 г. онъ затѣваетъ въ Кіевѣ неосуществившійся, впрочемъ, журналъ «Славянинъ», который долженъ былъ проповѣдывать объединеніе славянъ подъ эгидой Россіи. Свое политическое credo Грабовскій формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Самостоятельное бытіе Польши кончилось, отнынѣ она можетъ существовать лишь какъ членъ Россіи или славянства. Поэтому патріотизмъ поляка долженъ состоять въ томъ, чтобы быть дѣятелемъ благоразумнымъ и полезнымъ въ судьбахъ великаго русскаго государства... Объединеніе славянства осуществимо лишь подъ покровительствомъ Россіи... Русское единодержавіе я считаю единственнымъ и неизбѣжнымъ орудіемъ въ дѣлѣ этого объединенія. Сверхъ того, въ этомъ единодержавіи вижу залогъ мощи и превосходства сѣвера надъ малѣющей и слабѣющей Европой, вижу въ немъ самый прочный фундаментъ порядка, спокойствія и счастья народовъ» [1]).

Такимъ образомъ другъ юности Гощинскаго, демократа и революціонера, пришелъ къ міросозерцанію, родственному идеологіи русской «оффиціальной народности».

Эти три первыхъ представителя «украинской школы», утро жизни которыхъ совпало съ зарей польскаго романтизма, служатъ прекрасной иллюстраціей того, какъ подъ вліяніемъ различныхъ матеріальныхъ условій разный эффектъ даютъ одни и тѣ же идейныя вліянія. Гощинскій, интеллигентъ-пролетарій, бившійся съ нуждой съ ранней юности, изъ тѣхъ идейныхъ вліяній, въ которыхъ росъ, больше всего воспринялъ идею равенства, бунта противъ соціальныхъ привилегій, сталъ въ романтизмѣ народникомъ и демократомъ. Грабовскій, происходившій изъ богатой помѣщичьей семьи, свой романтизмъ выразилъ въ реакціонной политической идеологіи. Богданъ Залѣсскій, занимавшій между этими двумя крайними направленіями среднюю позицію, занималъ такое же среднее положеніе и въ соціальномъ отношеніи. Онъ не зналъ той обезпеченности, въ которой жилъ Грабовскій, но не испытывалъ нищеты, которая всю жизнь преслѣдовала Гощинскаго. Отецъ Залѣсскаго, какъ я уже говорилъ, былъ экономомъ, какъ и отецъ Гощинскаго, но онъ не терялъ постоянно мѣста, какъ этотъ послѣдній, не оставался безъ средствъ къ жизни, за вѣрную службу получилъ небольшой клочекъ земли, у него была, хоть и маленькая, собственность, былъ

---

[1]) Цитату эту заимствую изъ статьи М. Кридля о М. Грабовскомъ въ VII т. изданія «Wiek XIX. Sto lat myśli polskiej». Warszawa. 1913.

свой домъ. Кромѣ того, у Б. Заллѣсскаго были богатые родственники, которые не забывали его и помогали ему, и когда онъ перешелъ на положеніе эмигранта, онъ не только не испытывалъ такой острой нужды какъ Гощинскій, но былъ въ состояніи даже помогать другимъ [1]). Скромныя средства, которыя всегда находились у Залѣсскаго, приближали его соціальное положеніе къ положенію мелко-буржуазной интеллигенціи, и его міросозерцаніе—этотъ гуманитарный мечтательный патріотизмъ, эта вѣра въ братское объединеніе польскаго и украинскаго народовъ, все это тоже родственно идеологіи мелко-буржуазной интеллигенціи: вѣдь именно послѣдняя и на Западѣ явилась носительницей демократическаго идеала національной солидарности, тогда какъ интеллигенція пролетарская болѣе склонна къ соціалистической идеѣ классовой борьбы.

То же самое видимъ мы и здѣсь въ раннемъ польскомъ украинствѣ: интеллигентъ-пролетарій Гощинскій поэтизировалъ, какъ мы видѣли, въ прошломъ Украины классовую борьбу, гайдамацкое движеніе, возстаніе украинскихъ крестьянъ противъ польскихъ помѣщиковъ; Залѣсскій же, несмотря на весь свой демократизмъ, на отрицаніе крѣпостного права, этой стороной прошлаго польско-украинскихъ отношеній не интересовался, онъ воспѣвалъ солидарную борьбу поляковъ и казаковъ съ татарами, онъ не могъ совершенно закрывать глазъ на распрю польско-украинскую, но онъ не считалъ ее неизбѣжной, объяснялъ ее политическими ошибками, не видѣлъ ея соціальной подкладки.

Личныя свойства Залѣсскаго въ высшей степени содѣйствовали выработкѣ этого мечтательнаго взгляда на польско-украинскія отношенія. Мягкій, добродушный, мечтательный онъ во всемъ стремился къ гармоніи, любилъ примирять, объединять.

Онъ избѣгалъ крайностей во всемъ, любилъ золотую средину и самъ былъ образцомъ средняго честнаго, уравновѣшеннаго человѣка, хорошаго семьянина, преданнаго друга, гражданина и патріота. Геройскихъ подвиговъ и мученическаго вѣнца въ жизни онъ не искалъ, но смѣло и честно исполнялъ то, чего требовалъ долгъ. Въ подготовкѣ патріотическаго движенія онъ не принималъ большого участья, не тяготѣлъ къ революціоннымъ обществамъ, какъ Гощинскій, но когда возстаніе вспыхнуло, онъ пошелъ въ бой и проявилъ большую храбрость, о чемъ свидѣтельствуетъ полученный имъ отъ польскаго революціоннаго правительства золотой крестъ «Virtuti militari».

---

[1]) За границей Богданъ Залѣсскій жилъ вмѣстѣ съ однофамильцемъ и другомъ своимъ Іосифомъ Залѣсскимъ. Дружба между ними была настолько тѣсная, что они считали общими не только свои идеи, но и свои средства. И т. к. Іосифъ Залѣсскій былъ человѣкомъ обезпеченнымъ, то этотъ тѣсный союзъ давалъ возможность нашему поэту прожить въ изгнаніи безъ матеріальныхъ лишеній и вѣчной заботы о завтрашнемъ днѣ.

Ставъ эмигрантомъ на всю остальную жизнь, онъ скромно и стойко переносилъ тоску эмигрантскаго существованія, но въ жизни эмигрантской, во фракціонныхъ распряхъ участья почти не принималъ. Онъ вступилъ въ религіозно патріотическое братство, основанное Мицкевичемъ, раздѣлялъ мессіанистическія идеи послѣдняго, но особенно ими не увлекался, въ мистическій экстазъ не приходилъ.

Свое спокойное, вѣрующее отношеніе къ жизни онъ самъ выразилъ въ стихотвореніи «Śpiew poety» («пѣсня поэта»): «Никогда не жалуюсь сверхъ мѣры, въ обманѣ пріятномъ блаженно живу; весна цвѣла и значитъ отцвѣтетъ, но зацвѣтетъ гдѣ-либо въ иныхъ мѣстахъ. Не всегда медомъ чаша жизни полна: и когда придется выпить цикуту, какъ христіанинъ выпью до дна и радостно взгляну въ небо. Духъ не угаснетъ со смертью... а на землѣ у могилы останутся перышки, что къ небу меня возносили».

Основная идея польско-украинской поэзіи Б. Залѣсскаго и была такимъ «пріятнымъ обманомъ», въ которомъ «блаженно жилъ» поэтъ. Онъ воспѣвалъ польско-казацкую дружбу, геройскую борьбу въ защитѣ общей родины Польши — Украины. Что въ этой поэзіи нѣтъ исторической правды, что казаки герои Залѣсскаго взяты не изъ исторической дѣйствительности, а изъ поэтической грезы, окрашенной въ цвѣтъ польскаго патріотизма, это настолько очевидно, это столько разъ указывалось историками литературы—русскими, украинскими и польскими (Пыпинъ, Спасовичъ, Колесса, Ефремовъ, Хмѣлевскій, Мазановскій, Третякъ), что распространяться здѣсь на эту тему излишне. Интереснѣе, наоборотъ, объяснить, какъ могло возникнуть это фантастическое представленіе. Неужели Залѣсскій не зналъ о кровавой распрѣ польско-украинской? Конечно, зналъ и онъ самъ говоритъ о ней въ примѣчаніяхъ къ своей «Думѣ Мазепы»:

«Уже въ царствованіе Сигизмунда III казаки запорожскіе были угнетаемы польскими магнатами. При королѣ Владиславѣ IV вслѣдствіе жалобъ Порты ихъ совсѣмъ разоружили, хотя ихъ нападенія на татаръ были вызываемы грабежами послѣднихъ. Такая несправедливость со стороны поляковъ послѣ стольких жертвъ и заслугъ казаковъ должна была вызвать въ нихъ раздраженіе. Угнетаемые казаки долго сдерживали ненависть»... «Дума Мазепы» и воспѣваетъ тотъ моментъ, когда прорвалась долго сдерживаемая ненависть, устами юнаго Мазепы поэтъ восхваляетъ Хмѣльницкаго, сочувственно говоритъ о казацкомъ возстаніи, о мстительныхъ набѣгахъ ихъ на польскія земли: «Мы ляхамъ были вѣрны,—говоритъ Мазепа,—мы отражали каждый мигъ татарскія орды, еще не успѣвали прійти тяжело вооруженные польскіе полки, какъ мы уже гнали врага. И что же въ награду за это мы получили, кромѣ неволи и угнетенія?»

Такимъ образомъ Залѣсскій видѣлъ, что въ XVII в. польско-украинской дружбы уже не существовало, и винилъ въ этомъ не казаковъ, а поляковъ; но онъ вѣрилъ, что былъ золотой вѣкъ этой дружбы. Такимъ золотымъ вѣкомъ онъ считалъ время отъ начала Уніи Польши и Литвы и кончая царствованіемъ Стефана Баторія. «Мы, поляки,—писалъ онъ въ предисловіи къ своей поэмѣ «Даміанъ, князь Висневецкій»,—можемъ утверждать вопреки обоимъ Бантышамъ Каменскимъ и новѣйшимъ малороссійскимъ историкамъ, что Украина, начиная съ Уніи Польши съ Литвой-Русью, и въ продолженіе всего царствованія династіи Ягеллоновъ и при Стефанѣ Баторіи, пользовалась наравнѣ съ нами правами и вольностями. Кое-гдѣ случались столкновенія съ духовенствомъ польскимъ и съ магнатами, но они не нарушали общаго спокойствія и согласія. И я скажу (а въ этомъ насъ должно убѣдить болѣе глубокое изученіе русскихъ думъ и лѣтописей), что поляки пользовались самой искренней любовью, благодаря тому, что охотно и разумно приспособлялись къ обычаямъ, къ мужественному и свободолюбивому характеру мѣстнаго населенія. Этимъ путемъ стала стираться грань между двумя братними племенами,—грань, образованная вслѣдствіе разныхъ правъ, обычаевъ и языка; этотъ періодъ двухъ вѣковъ—отъ 1386 до 1586 г.—оставилъ самыя славныя для насъ воспоминанія какъ въ гражданской, такъ и въ военной исторіи».

Въ этихъ вѣкахъ Залѣсскій и находилъ источникъ вдохновенія, какъ и для своихъ раннихъ «думъ», писанныхъ на Украинѣ и въ Варшавѣ, такъ и для позднѣйшихъ эпическихъ поэмъ, возникшихъ за границей: «Золотая Дума» и «Збаражское дѣло». Онъ воспѣваетъ первыхъ казацкихъ гетмановъ, олицетворявшихъ союзъ Польши и Украины въ борьбѣ съ татарами и турками, воспѣваетъ Запорожскую Сѣчь и особенно ея возникновеніе. Сѣчь рисовалась Залѣсскому въ необычайно поэтическомъ ореолѣ. Для него это не было мѣсто беззаботнаго веселія и разгула, какъ изображаетъ Сѣчь Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ».

«Вся сѣчь,—читаемъ у Гоголя,—представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество, балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Всякій приходящій сюда позабывалъ и бросалъ все, что дома его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и беззаботно предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, гулякъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей»...

Совершенно иначе рисуется Сѣчь Залѣсскому:

«Сѣчь со своими сорока куренями стояла среди широкой степи, словно огромный военный монастырь необычайно суроваго устава. Повиновеніе избранному гетману и старшимъ, безпрекословное, какъ въ монастырѣ, и братская любовь товарищей спаивали не-

разрывно это удивительное общество, основанное для отпора грозной и быстро растущей въ то время мусульманской силы...

Женщины ни подъ какимъ видомъ не могли проникать въ Кошъ: вино, водка и медъ только разъ въ годъ, только для дней неистовой разгульной свободы доставлялись воднымъ путемъ изъ Кіева. Господа молойцы развлекались, если не постоянными боями съ бусурманами, то рыбной ловлей, охотой, долбленіемъ дубовъ для лодокъ и т. п.».

У Гоголя, въ свободное отъ войны время, запорожцы все время кутятъ и веселятся: «Казаки считали скучнымъ занимать промежутки изученіемъ какой-нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль да изрѣдка конской скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ—признаку широкаго размаха душевной воли». У Залѣсскаго, наоборотъ, дни разгула—исключеніе. Сравнивая представленія объ Украинѣ русскаго романтика и польскаго, нельзя не отмѣтить, что Гоголь рисуетъ еще болѣе фантастическую картину, чѣмъ Залѣсскій. У Гоголя не только Сѣчь, но вся Украина вообще живетъ для военной славы, трудъ существуетъ въ видѣ исключенія, и при первомъ удобномъ моментѣ сами хлѣбопашцы разбиваютъ свои плуги, ремесленники — свои инструменты, такъ что является вопросъ: чѣмъ же питалась эта страна?

Вспомнимъ въ самомъ дѣлѣ эту фантастическую картину:

«Стоитъ только есуаламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу: «Эй, вы, пивники, броварники! полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцепасы, баболюбы! полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои чоботы, да подбираться къ жинкамъ и губить силу рыцарскую! пора доставать казацкой славы». И слова эти были—какъ искры, падавшія на сухое дерево. Пахарь ломалъ свой плугъ, бровари и пивовары кидали срои кади и разбивали бочки, ремесленникъ и торгашъ посылалъ къ чорту и ремесло и лавку, билъ горшки въ домѣ, — и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, русскій характеръ получилъ здѣсь могучій широкій размахъ, крѣпкую наружность».

Романтикъ Залѣсскій очень далекъ отъ реалистическаго изображенія минувшей жизни Украины, но все же онъ сознавалъ, что, кромѣ военныхъ подвиговъ и казацкой удали, была тамъ жизнь и другая, мирная, трудовая,—что крестьянинъ не рвался къ войнѣ, а, наоборотъ, страдалъ отъ нея.

Въ коротенькой поэмѣ «Янушъ Бѣнявскій» (Ianusz Biéniawski), написанной въ 1823 г., дающей очень яркую картину бѣшеной скачки въ степи казацкаго войска въ погонѣ за татарами и битвы

съ послѣдними, Залѣсскій оплакиваетъ печальную участь землепашца, поля котораго топчутъ и чужія и свои войска:

«Въ мигъ одинъ погибли посѣвы за цѣлый годъ, все снесъ бурный потокъ; топчутъ луга, мнутъ кусты, не имъ улыбается нива колосьями своими. Увы, пахарь! хлѣба не жди, и чужіе и свои топчутъ хлѣба твои; буря не солнце, война не миръ. Плачъ, жалобы не помогутъ.

Самъ Днѣпръ, когда растаютъ снѣга, и черные потоки и сотни рѣчекъ съ нимъ соединятся, и онъ выйдетъ изъ береговъ, рветъ и уничтожаетъ все въ быстромъ бѣгѣ, все же менѣе разрушителенъ и не такъ стремителенъ».

Пожалѣвъ пахаря, поэтъ нашъ, правда, не останавливается долго на немъ, не задумывается надъ его судьбой и дальше съ увлеченіемъ говоритъ о военныхъ подвигахъ казаковъ. Но все же онъ не увлекается ими до того, чтобы и крестьянину приписывать жажду военной славы, во имя которой онъ якобы готовъ ломать свой плугъ и съ радостью бросить землю.

Украинскій крестьянинъ, несомнѣнно, такъ же какъ и крестьяне всѣхъ странъ и вѣковъ, любилъ свою землю и ненавидѣлъ войну, смотрѣлъ на нее, какъ на величайшее бѣдствіе, и Гоголь, приписывавшій ему жажду военной славы, былъ такъ же далекъ отъ дѣйствительности, какъ и Залѣсскій, воспѣвавшій преданныхъ Польшѣ казаковъ, несмотря на то, что сцены, человѣческія фигуры и языкъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» обладаютъ красочностью, жизненностью, рельефностью, чего совершенно лишены романтическіе образы «думъ» Залѣсскаго

Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ» изображалъ именно ту эпоху, которой не любилъ касаться Залѣсскій, XVII вѣкъ—вѣкъ кровавой польско-украинской распри. Онъ пытался воскресить, какъ я уже говорилъ, болѣе отдаленное время—XV и XVI вѣка, въ которыхъ ему грезился воплощеннымъ его идеалъ—польско-украинскій союзъ; но оба они окрашивали эти минувшіе вѣка въ свой субъективный цвѣтъ, навязывали имъ свою идеологію: Гоголь — идеологію русской оффиціальной народности; Залѣсскій — польскихъ патріотовъ идеалистовъ. У Гоголя казаки борятся не только за русскую православную вѣру, но и за русскую государственную идею. Умирающій Тарасъ Бульба восклицаетъ: «придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже теперь чуютъ дальніе и близкіе народы, подымается изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему». Здѣсь Тарасъ Бульба говоритъ языкомъ позднѣйшимъ, самого Гоголя-публициста, становится идеологомъ русскаго самодержавія, что совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ историческимъ тенденціямъ казачества, представителемъ котораго является Тарасъ Бульба. У Залѣсскаго первые казацкіе гетманы являются

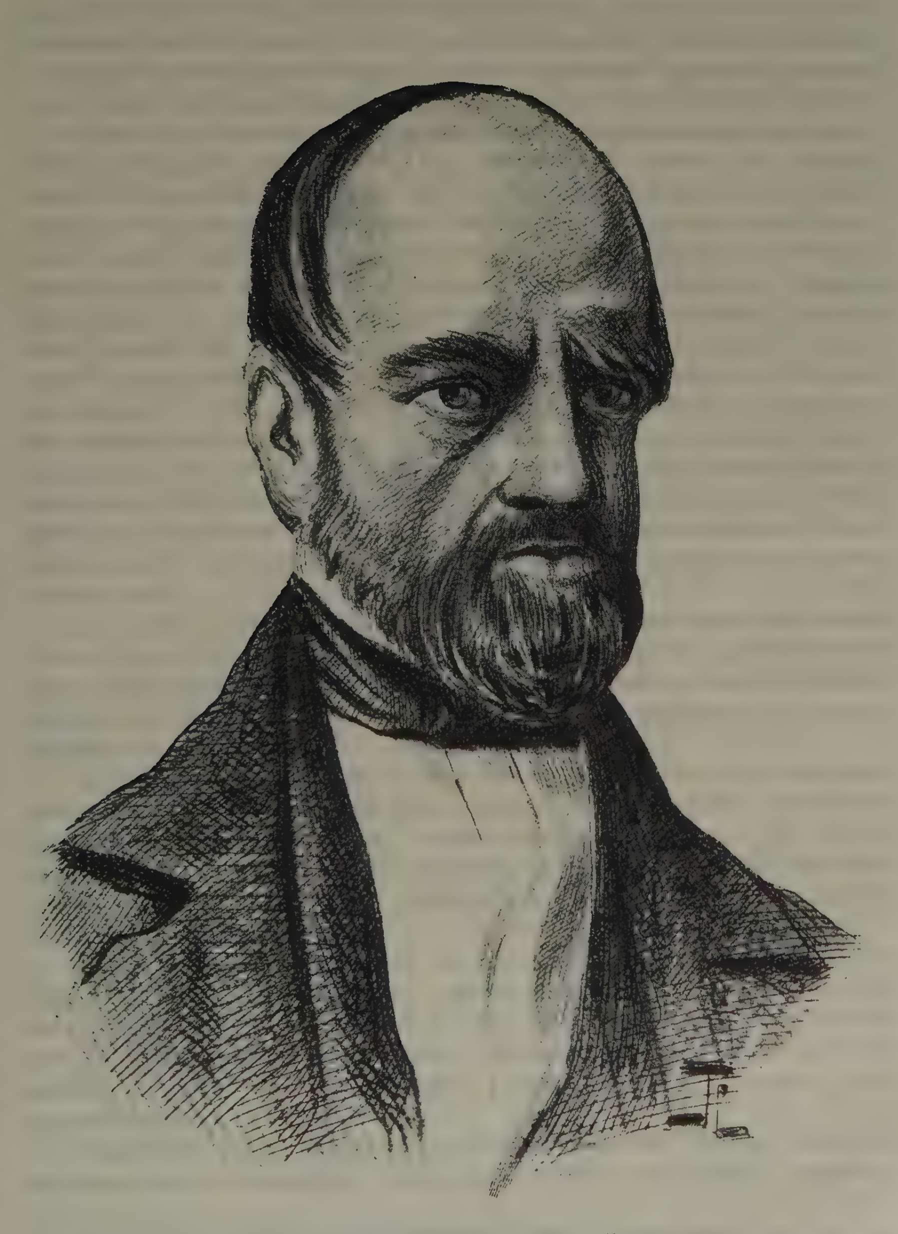
носителями современной поэту и дорогой ему патріотической, идеалистической мечты, согласно которой Польша должна быть союзомъ свободныхъ и равноправныхъ народовъ. Этотъ союзъ въ прошломъ Украйны-Польши освящается въ поэзіи Залѣсскаго высшей идеей борьбы христіанства съ грозной мусульманской силой.

Оба писателя, погрѣшивъ противъ исторической правды, были совершенно искренни въ своемъ заблужденіи, они были романтиками, а вѣдь одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ романтизма и является умѣніе видѣть въ дѣйствительности не то, что есть, а то, чего хочешь, не сущее, а желанное. Оцѣнивая безпристрастно «украинскую школу» въ лицѣ Залѣсскаго, нельзя забывать, что онъ слагалъ свои думы въ расцвѣтъ романтизма. «Въ пріятномъ обманѣ блаженно живя», онъ грѣшилъ противъ истины не больше, чѣмъ другіе романтики [1]).

Этой романтической идеализаціей прошлаго Польши-Украины не ограничивается содержаніе украинской поэзіи Б. Залѣсскаго. Кромѣ думъ на историческія темы, онъ писалъ такъ называемыя «думки», «шумки», «веснянки»: это — лирическія стихотворенія, воспроизводящія на польскомъ языкѣ не только содержаніе, но часто даже форму и ритмъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Переводами съ украинскаго ихъ назвать нельзя, для этого они слишкомъ далеко отступаютъ отъ своего первообраза; это не украинскія пѣсни, переложенныя на польскій языкъ, а своеобразное индивидуальное творчество, сложившееся подъ вліяніемъ народнаго творчества. «Мать Украина въ пѣсни пеленала» поэта, по его собственному выраженію, и онъ такъ сросся съ этими украинскими пѣснями, что когда чувствовалъ потребность самъ пѣть, то невольно вспоминалъ знакомыя мелодіи. Любовно, хотя и не совсѣмъ вѣрно, воспроизводя въ своей поэзіи народный украинскій міръ, Залѣсскій былъ однимъ изъ предтечей народническаго направленія въ польской литературѣ. Не даромъ Элиза Ожешко называетъ его въ числѣ своихъ предшественниковъ, не даромъ съ такой любовью говоритъ о немъ Марія Конопницкая. Народный элементъ въ поэзіи Б. Залѣсскаго ставитъ послѣдняго въ преемственную связь

---

[1]) Романтическимъ является изображеніе прошлаго Украины и въ самой украинской литературѣ, чего не замѣчаютъ тѣ, кто нападаетъ на романтическую идеализацію прошлаго въ произведеніяхъ польско-украинской школы. Справедливо говоритъ проф. Дашковичъ: «Украинскимъ критикамъ и вождямъ украинскаго литературнаго движенія издавна и до послѣдняго времени не нравились произведенія польско-украинской школы вслѣдствіе невѣрности представленія ея о казачествѣ и задней мысли, проникающей эти произведенія. Однако при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи самой украинской литературы романтическаго періода, въ ней оказываются совпаденія съ польско-украинской романтической литературой, указывающія на родство той и другой. (Дашкевичъ. «Отзывъ о сочиненіи Петрова», стр. 176—177).

БОГДАНЪ ЗАЛѢССКІЙ.

съ позднѣйшимъ народническимъ движеніемъ среди польской интеллигенціи юго-западнаго края такъ называемой «хлопоманствомъ», а романтическая идеализація польско-казацкой дружбы роднитъ Залѣсскаго съ позднѣйшимъ политическимъ «козакофильствомъ» [1]).

Я не буду останавливаться на этихъ своеобразныхъ направленіяхъ, которыя потребовали бы спеціальной статьи, и, отсылая читателя къ указаннымъ уже на русскомъ языкѣ работамъ, я закончу свой этюдъ о Богданѣ Залѣсскомъ указаніемъ на художественную красоту его лирическихъ произведеній, непотерявшихъ благодаря именно этой красотѣ своей популярности. Лирика его отличается необычайной музыкальностью, простотою и легкостью ритма. Въ стихотвореніяхъ Залѣсскаго очень часто встрѣчаются звукоподражанія, таково, напр., стихотвореніе «Вмѣстѣ съ соловьемъ» (We wspólce ze slowikiem), гдѣ цѣлыя строфы просто сочетаніемъ звуковъ заставляютъ вспоминать соловьиныя трели. Это легкая по своему ритму поэзія проникнута необычайно радостнымъ, яснымъ утреннимъ настроеніемъ. Не даромъ Мицкевичъ, очень любившій Залѣсскаго и, кстати сказать, очень переоцѣнивавшій его (онъ ставилъ его выше Словацкаго), называлъ украинскаго поэта «соловушко».

Въ 1841 г. Мицкевичъ, подъ вліяніемъ религіознаго перелома уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказавшійся отъ художественнаго творчества, мечтавшій о томъ, чтобы поэзію слова замѣнить поэзіей жизни (такъ же, какъ и Гощинскій), призывалъ къ этому подвигу и Залѣсскаго:

«Соловушко мой, лети и пой! На прощаніе пой слезамъ пролитымъ и сбывшимся снамъ и оконченной пѣснѣ твоей! Соловушко мой!.. свои перышки брось, сокола крылья возьми...» Но «соловушко» перышекъ своихъ не бросалъ, сокола крылья не для него были, онъ продолжалъ пѣть свои пѣсни, выражая въ нихъ тоску по своей родинѣ Украинѣ.

«И нынѣ пою, потому что въ тѣлѣ Богъ заключилъ пѣсенную душу», пишетъ Б. Залѣсскій, уже глубокій старецъ, пережившій себя и свое время, доживающій дни свои въ эпоху, когда давно уже отзвучали пѣсни романтизма, умерли вожди его, даже погасли послѣдніе лучи того поэтическаго солнца, которое золотило утро жизни поэта.

Чувствуя мракъ, надвигавшійся на него со всѣхъ сторонъ, сознавая свое одиночество среди новыхъ людей и новыхъ временъ,

---

[1]) «Козакофильство» — фантастическая мечта о возрожденіи въ настоящихъ условіяхъ того, что Залѣсскій воспѣвалъ въ прошломъ: казачества, преданнаго Польшѣ. Своего крайняго предѣла «козакофильство» достигло въ лицѣ Михаила Чайковскаго (см. статью «Михаилъ Чайковскій и козакофильство» въ «Кіевской Старинѣ», 1886, кн. IV, а также названные выше труды Пыпина и Дашкевича).

поэтъ искалъ утѣшенія въ религіи и писалъ религіозные гимны, которые имѣютъ своихъ поклонниковъ, но которыхъ никоимъ образомъ нельзя поставить на одинъ уровень съ пѣснями, воспѣвшими Украину. Ею была запечатлѣна «пѣсенная душа» поэта и самыя лучшія страницы его—это тѣ, которыя говорятъ объ украинской природѣ, ея степяхъ и просторѣ, ея печальныхъ могилахъ и безоблачномъ, ясномъ небѣ, цвѣтущихъ садахъ, росистыхъ поляхъ.

«Смѣло можно сказать, — писала Марія Конопницкая о немъ,— что ни у одного изъ нашихъ поэтовъ не было души, такъ растворявшейся въ росѣ, такъ пахнущей цвѣтами, такъ струящейся въ ручьяхъ, такъ довѣрчиво отдающейся матери-землѣ съ единственнымъ желаніемъ раствориться въ ней, затеряться, зарыться. Вслушиваясь въ пѣсни Богдана Залѣсскаго, мы слышимъ въ нихъ почти непосредственно голоса украинской природы, словно мы слушаемъ шумъ вѣтра, шопотъ травы, трепетъ птичьихъ крыльевъ, гулъ водъ Днѣпра или безбрежную тишину степей». Вотъ этотъ-то запахъ украинской земли и сохранился въ поэзіи Залѣсскаго и придаетъ и теперь ей обаяніе. Остальное вывѣтрилось съ теченіемъ времени и не производитъ уже на насъ впечатлѣнія. Теперь требуется извѣстное умственное усиліе, чтобы понять, что же составляло душу этой романтической грезы о «томъ, чего не было», о польско-украинской дружбѣ? Душой этой былъ гуманитарно-демократическій духъ, пытавшійся раздвинуть рамки болѣе узкаго патріотизма. Воспѣвая двѣ родины Польшу и Украину, мечтая объ ихъ братскомъ союзѣ, Залѣсскій въ сущности говорилъ на своемъ языкѣ и въ своей области то же, что и его болѣе великій современникъ Мицкевичъ:

«Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся...»

Л. Козловскій.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Біографическій очеркъ преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ.

VI.

Двѣ библіотеки петрашевцевъ.—Что читали они.—Отзывъ Петрашевскаго о Фурье и о фурьеризмѣ.—Его попытка устроить совмѣстное жительство своихъ крестьянъ.—Участіе Петрашевскаго въ обѣдѣ 7 апрѣля 1849 г.—Сочувствіе республиканскому строю.—Его мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ и судебной реформѣ.

Въ 1845 г. Петрашевскій предложилъ нѣсколькимъ знакомымъ выписывать въ складчину иностранныя книги и такимъ образомъ составить библіотеку, изъ которой вкладчики брали бы книги для чтенія. Въ этомъ дѣлѣ участвовали прежде всего А. Н. Плещеевъ, М. Е. Салтыковъ, В. Н. Майковъ, Н. Я. Данилевскій, Кайдановъ, Есаковъ, Штрандманъ, потомъ Барановскій, Ханыковъ и многіе другіе. Относительно этой библіотеки происходили совѣщанія; объ одномъ изъ нихъ (весною 1846 г. у Штрандмана) разсказалъ въ своемъ показаніи Барановскій, а затѣмъ и самъ Штрандманъ. Петрашевскій принесъ съ собою очень большой списокъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія, который сохранился въ его бумагахъ. Относительно выбора ихъ произошло разногласіе. Если вѣрить Штрандману, онъ, В. Майковъ и нѣкоторые другіе желали выписывать книги преимущественно историческія, собранія сочиненій «образцовыхъ» писателей, отчасти сочиненія по естествознанію, и при томъ книги по цѣнѣ слишкомъ дорогія и недоступныя людямъ недостаточнымъ. Петрашевскій же предлагалъ преимущественно сочиненія по вопросамъ общественнымъ, въ томъ числѣ и неизвѣстныхъ авторовъ, много брошюръ и періодическихъ изданій. Свидѣтельство Штрандмана, будто бы «едва ли не всѣ предложенныя» Петрашевскимъ «сочиненія были отвергнуты», весьма сомнительно, такъ какъ оно противорѣчитъ указаніямъ на то, что брали изъ общественной библіотеки ея вкладчики. Салтыковъ въ своемъ показаніи говоритъ, что Петрашевскій предлагалъ выписать сочиненія преимущественно школы Фурье, но Данилевскій, Майковъ, Есаковъ и онъ, Салтыковъ, настояли, чтобы библіотека состояла «не изъ однѣхъ книгъ, касающихся соціальныхъ системъ, но по

преимуществу изъ сочиненій политико-экономистовъ»[1]). Впрочемъ, по словамъ Салтыкова, Петрашевскій выписывалъ и многія другія книги и брошюры. Размѣръ ежегоднаго взноса былъ опредѣленъ въ 20 руб. На совѣщаніи о библіотекѣ въ 1847 г. Ханыковъ, большой знатокъ ученія Фурье, подавалъ голосъ преимущественно за научныя книги по соціальнымъ вопросамъ. «Душою биліотеки» и распорядителемъ ея Ханыковъ называетъ Петрашевскаго.

Другая библіотека стала составляться позднѣе кружкомъ Кашкина; совѣщанія о ней происходили у Кашкина, а также у Отто, участвовавшаго въ его кружкѣ, въ которомъ преимущественно занимались изученіемъ соціализма. Распорядителемъ этой библіотеки былъ Дебу I, но выписка книгъ происходила чрезъ Петрашевскаго. Участниками этой библіотеки Д. Д. Ахшарумовъ, кромѣ себя и своего брата, называетъ Спѣшнева, двухъ Дебу, двухъ Европеусовъ. Кашкина, Отто, Ващенко, Рахманинова, Николаева, Каншина, Яковлева и Пенскаго; Кашкинъ же въ своемъ показаніи говоритъ, что въ ихъ библіотекѣ не принимали участія Петрашевскій, Есаковъ и Европеусъ 2; однако двое послѣднихъ названы въ спискѣ вкладчиковъ, сохранившемся у Дебу I. Имена нѣсколькихъ членовъ кружка Кашкина (Спѣшневъ, Д. Ахшарумовъ) встрѣчаются и въ спискѣ лицъ, бравшихъ книги изъ библіотеки, иниціаторомъ которой былъ Петрашевскій[2]), но этотъ списокъ относится къ нѣсколько болѣе раннему времени.

28 марта 1849 г. Антонелли засталъ Петрашевскаго за составленіемъ списка книгъ, выписываемыхъ имъ «для себя и своихъ знакомыхъ изъ-за границы чрезъ книгопродавца Лури»: это были сочиненія Прудона, Фурье и т. п. (Быть-можетъ, именно для библіотеки кружка Кашкина, потому что въ библіотекѣ, устроенной Петрашевскимъ, они, конечно, должны были уже быть). Петрашевскій имѣлъ неосторожность поручить Антонелли отнести заказъ книгопродавцу Лури, и онъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, заказалъ нѣсколько запрещенныхъ книгъ и для себя, а затѣмъ немедленно донесъ о томъ, что книги для него и Петрашевскаго «придутъ съ первымъ или вторымъ пароходомъ». Лури впослѣдствіи былъ арестованъ и подвергся административной ссылкѣ.

Въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ Ахшарумовъ говоритъ о Петрашевскомъ: «Онъ имѣлъ большую библіотеку новѣйшихъ сочиненій, преимущественно по части исторіи, политической экономіи и соціальныхъ наукъ, и охотно дѣлился ею не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми, ему мало знакомыми,

---

[1]) По требованію Салтыкова были выписаны нѣкоторыя сочиненія о тюремной системѣ, какъ, напримѣръ, въ 1846 г. Ch. Lucas Théorie de l'emprisonnement и Gustave Beaumont Du système penitentiaire en Amerique.

[2]) Ранѣе, чѣмъ Ахшарумовъ и Дебу лично съ нимъ познакомились, они брали книги у Петрашевскаго чрезъ Ханыкова.

но которые казались ему порядочными, и дѣлалъ это по убѣжденію для общественной пользы. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около 8 лѣтъ много людей перебывало у него и разъѣхалось въ разные города Россіи, преимущественно въ университетскіе. Онъ давалъ читать всѣмъ просившимъ его и снабжалъ уѣзжающихъ книгами, которыя, по его мнѣнію, «были полезны для умственнаго развитія общества». Въ своемъ показаніи Ахшарумовъ говоритъ: «Выписывать какъ можно больше книгъ и раздавать читать было первымъ и самымъ важнымъ средствомъ» Петрашевскаго. «Книги переходили изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ затѣяна была пропаганда» посредствомъ чтенія. «Книги читались охотно, и это болѣе, нежели что-нибудь другое, имѣло вліяніе. Книгъ у него было много по разнообразнымъ предметамъ, и всякій находилъ по своему вкусу: такъ, г. Толь читалъ «книгу Штейна о коммунизмѣ и соціализмѣ во Франціи» (на нѣмецк. языкѣ), Львовъ—«Органическую химію» Распайля (на франц. яз.). «Такъ какъ недоставало книгъ, то многіе изъ знакомыхъ просили Петрашевскаго выписать для нихъ «тѣ или другія сочиненія и давали ему для этого деньги». Ахшарумовъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, сочиненіе Фурье «Nouveau monde industriel». Ахшарумовъ не отличаетъ тутъ личной библіотеки Петрашевскаго отъ общественной, относительно которой, судя по словамъ Салтыкова, онъ настаивалъ, чтобы ею пользовались только участвовавшіе въ складчинѣ. Петрашевскій въ январѣ 1849 г. сказалъ Антонелли: «У меня есть большой запасъ книгъ какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ. Если кто желаетъ знать о существованіи Бога, то даже на этотъ счетъ у меня есть сочиненія».

Въ бумагахъ Петрашевскаго сохранился списокъ книгъ, которыя брали изъ библіотеки разныя лица въ 1845—48 гг. Къ сожалѣнію, онъ написалъ довольно неразборчиво и съ сокращеніями заглавій. Отмѣтимъ, что читали наиболѣе извѣстные участники библіотеки и другіе знакомые Петрашевскаго.

М. Е. Салтыковъ бралъ сочиненія Консидерана «Destinée sociale (3 тома), Ад. Смита, Прудона, Vidal «De la répartition de la richesse» (P. 1846), другое сочиненіе Видаля (вѣроятно, «Exposé d'une nouvelle organisation du travail»), Pereire. Des banques (вѣроятно, сенъ-симонистская брошюра: «Leçons sur l'industrie et les finances, prononcées à la salle de l'Athénée, suivies d'un projet de banque. P. 1832 (Extrait du «Globe»), Questions des prisons и два номера Revue 1846 (вѣроятно, Revue Indépendante, журналъ, издаваемый Пьеромъ Леру, Жоржъ Зандъ и Луи Віардо). Рядомъ съ именемъ Салтыкова находимъ запись его пріятеля В. А. Милютина, за которымъ значится какое-то сочиненіе Луи Блана, три тома сочиненій Дидро, St. Paul De l'esclavage. За Ханыковымъ числились сочиненія Фурье (La Fausse industrie, Théorie des quatre mouvements и 4 тома «Théorie de l'unité universelle), Исторія (вѣроятно, французской революціи) Мишле, Organisation du travail [1]), Le

[1]) Петрашевскій рекомендовалъ брошюру фурьериста Briancourt'a Organisation du travail (1848), но таково же заглавіе извѣстной книги Луи Блана, Лабулэ и Hennequin'a.

Droit au travail (собраніе рѣчей разныхъ политическихъ дѣятелей въ Національномъ собраніи въ 1848 г.), «La Démocratie pacifique» (журналъ, издаваемый съ 1843 г. подъ редакціею Коснидерана), брошюру Консидерана «Contre M. Arago... suivi de la théorie du droit de propriété (1840), статью фурьериста Пелларена изъ какого-то журнала 1847 г., фурьеристскій журналъ Phalange 1848 и нѣкоторые другіе.

А. Н. Плещеевъ бралъ читать сочиненія Консидерана, Кабэ (Voyage en Icarie), Виллегарделя (Histoire des idées sociales, 1846, или Théorie sociale — обѣ книги были выписаны), Кондорсе, Токвиля, какое-то сочиненіе Оуэна или о немъ, Jacques (романъ Жоржъ Зандъ), Amours au Phalanstere, Solidarité (очевидно: Renaud, Solidarité. Vue synthétique de la doctrine de Ch. Fourier, I ed. 1842) и Journaux rouges (эта книга взята при обыскѣ у Петрашевскаго).—Спѣшневъ бралъ въ чтеніе извѣстную книгу Pellarin Fourier, sa vie et sa théorie, сочиненіе Видаля, Cabet. Le vrai christianisme suivant Jesus Christ. (I изд. 1846), Прудона Contradictions économiques ou philosophie de la misère и критическое по поводу этой книги сочиненіе Маркса Misère de la philosophie de la misère [1]). За Кайдановымъ записаны сочиненія Огюста Конта (2 т.), Лейбница (2 т.), Кондорсе, Considerant Destinée sociale, Cabet Voyage en Icarie, Phalange 1845 и 1847 гг., Mystéres de la Russie.—Д. Д. Ахшарумовъ читалъ книгу Консидерана, Quinet Révolution d'Italie и Le droit au travail. — Ястржембскій взялъ сочиненіе Фурье Nouveau monde industriel. Кузьминъ—это же сочиненіе Фурье и Contradictions économiques Прудона, Львовъ—исторію французской революціи Э. Кине.—В. А. Энгельсонъ, товарищъ Петрашевскаго по лицею, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и составлявшій тамъ выписки изъ «иностранныхъ нецензурованныхъ журналовъ» для государя, бывавшій у Петрашевскаго въ 1844 г., а впослѣдствіи эмигрантъ и знакомый Герцена, читалъ сочиненія Огюста Конта (Cours de philosophie positive), Макса Штирнера, Консидерана и Phalange.

Разными лицами были взяты еще сочиненія Вольтера, Emile Rousseau. Helvetius De l'homme, Morelly (Code de la nature), baron d'Holbach La morale universelle ou les devoirs de l'homme, fondés sur la nature, Ламеннэ Paroles d'un croyant, нѣкоторые романы Жоржъ Занда (Mauprat, Picinino), сочиненіе Сисмонди (вѣроятно, политико-экономическое), сочиненія Фейербаха, Michelet, Le prêtre, la femme et la famille, Condorcet, Esquisse de l'histoire de l'humanité, сочиненіе фурьериста Мюирона «Sur les vices de nos procédés industriels, aperçu démontrant l'urgence d'introduire le procédé societaire (I изд. 1824, 3 изд. 1846), Emancipation de la femme (вѣроятно, Флоры Тристанъ), Консидерана «De la politique nouvelle, convenant aux intérêts actuels de la société», 1843, Réligion St. Simonienne, какое-то сочиненіе P. Leroux, книгу Распайля «De la Pologne sur les bords de la Vistule et dans l'émigration en 1839», сочиненіе Gabet (вѣроятно, Traité de science de l'homme, которое Петрашевскій предлагалъ перевести), книга Бенжамена Констана Cours de la politique constitutionelle, Vie de Jesus (французскій переводъ извѣстной книги Штрауса) и, наконецъ, извѣстное сочиненіе Н. И. Тургенева «Теорія налоговъ» (1818).

Необходимо отмѣтить книги, отобранныя у Петрашевскаго при обыскѣ; это были: одинъ томъ сочиненій Гельвеція, одинъ томъ франц. перевода «Жизни Іисуса» Штрауса, одинъ томъ сочиненій Людвига Фрейербаха, книги Прудона «Avertissement aux propriétaires ou lettre à M. Considerant, redacteur de la Phalange, sur

[1]) Выписана была и книга Энгельса Die Lage der arbeitenden Klassen in England.

une «Défense de la propriété» (P. 1841), Pierre Leroux De l'égalité (P. 1848) [1]). Выборъ забранныхъ книгъ былъ довольно случаенъ; при обыскѣ, который производилъ самъ знаменитый Л. В. Дубельтъ, у Петрашевскаго, несомнѣнно, могло быть забрано гораздо болѣе запрещенныхъ книгъ.

Кругъ научныхъ интересовъ Петрашевскаго былъ вообще очень великъ: онъ читалъ Бентама, въ бумагахъ его были найдены выписки изъ извѣстнаго сочиненія о Россіи Гакстгаузена (о раскольникахъ), изъ рѣчи Ламартина, въ русскомъ переводѣ [2]), изъ книги Biedermann'a Vorlesungen über Socialismus und sociale Fragen (1847), изъ исторіи монтаньяровъ, замѣчанія на сочиненіе Прудона Philosophie de la misère (Contradictions économiques), изъ сочиненій Мицкевича на французскомъ языкѣ (между прочимъ, изъ «Странствованій польскаго народа»), изъ статьи Desprez въ «Revue des deux Mondes» о соціальныхъ вопросахъ въ Турціи. Онъ интересовался также естественными науками и медициною, занимался юридическими науками.

Было уже указано, что Петрашевскій еще въ самомъ началѣ своихъ пятницъ горячо восхвалялъ ученіе Фурье. «Когда я въ первый разъ прочиталъ его сочиненія,—говоритъ онъ въ запискѣ объ ученіи Фурье, представленной въ слѣдственную комиссію,—я какъ бы заново родился, благоговѣлъ предъ величіемъ его генія; будь я не христіаннинъ, а язычникъ, я бъ разбилъ всѣхъ моихъ другихъ

---

[1]) Кромѣ названныхъ сочиненій, у Петрашевскаго были взяты при обыскѣ слѣдующія книги: «Durand Bibliothèque de l'armée. Des tendances pacifique de la société européenne et du role des armées dans l'avenir (Brux, 1847), «Procés des dix-neufs citoyens accusés de complot tendant à remplacer le gouvernement royal dans la république contenant leur défenses et celles de leurs avocats. (P. 1831), «Curiosités révolutionnaires. Les journaux rouges. Histoire critique de tous les journaux ultra-republicains, publiés à Paris depuis de 24 février jusqu'au 1 octobre 1848 avec un préface par un jirondin (P. 1848), Robert (du Var) Histoire de la classe ouvrière, depuis l'Esclave jusqu'au Prolétaire de nos jours (обширное четырехтомное сочиненіе) и нѣкоторыя другія. Кромѣ того, взяты были нѣсколько нумеровъ иностранныхъ журналовъ второй половины 1840-хъ гг.: La Revue Indépendante, фурьеристскаго журнала La Phalange и нѣмецкаго Die Grenzboten.

[2]) Приведемъ часть этой выписки: «Дѣйствительно существующее не должно быть потрясено, но слѣдуетъ всякому дѣльному человѣку задать себѣ такой вопросъ: что существуетъ, зачѣмъ оно такъ, какъ есть, и если на такой вопросъ не нашлось отвѣта удовлетворительнаго въ существующемъ порядкѣ вещей, тогда необходимо признать, что этотъ порядокъ плохъ, если не выдерживаетъ таковаго анализа; и тогда должно согласиться съ соціалистами, что они вполнѣ правы въ своихъ требованіяхъ, когда они требовали совершеннаго преобразованія всѣхъ общественныхъ отношеній. Единственнымъ способомъ избѣгать намъ тѣхъ потрясеній общественныхъ и тѣхъ безпорядковъ, которыми все грозитъ намъ въ будущемъ, можетъ служить подтвержденіе всего сущаго, всѣхъ настоящихъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ отшеній безпристрастной, но вмѣстѣ и безпощадной критики».

боговъ.., сдѣлалъ бы его единымъ моимъ божествомъ». Петрашевскому хотѣлось даже слѣдователей по своему дѣлу, всѣхъ этихъ Гагариныхъ, Ростовцевыхъ и К⁰ превратить въ фурьеристовъ. Онъ совѣтовалъ имъ прочесть сочиненіе Фурье «Traité de l'unité universelle».

«Если прочтете, осудите насъ, послѣдователей Фурье,... не за пламенность, не за увлеченіе другихъ къ послѣдованію этому ученію.., но, можетъ-быть, удивитесь нашей холодности не по лѣтамъ, нашему недостатку рвенія.., осудите за то, что мало было въ насъ увлекательной силы... Такое осужденіе будетъ и законно, и справедливо». За одно изображеніе фаланстера, «организаціи труда въ общинѣ», Фурье, по словамъ Петрашевскаго, «заслуживаетъ названіе генія изъ геніевъ. Впрочемъ, не одна организація работы или занятій въ фаланстерѣ даетъ Фурье право на названіе генія изъ геніевъ: взглядъ его глубокій на природу человѣческую, разборъ естественныхъ склонностей человѣка, страстей,—вотъ въ этомъ онъ превосходитъ всѣхъ философовъ. Взглядъ его на исторію, кратко очерченный, хорошо разработанный, можетъ объяснить множество явленій изъ прошедшей исторіи человѣчества и даже будущей. Такъ, напримѣръ, тѣ явленія промышленности—именно господство большихъ капиталовъ и капитала вообще подъ именемъ Féodalité industrielle имъ было предсказано еще въ 1800 г., когда еще оно вовсе не обнаружилось вовнѣ. Такъ имъ ясно опредѣлено, что нашъ вѣкъ есть эпоха гарантизма, т.-е. стремленія къ взаимному обезпеченію.

«Читать его сочиненія и ихъ перечитывать всегда наставительно: въ его сочиненіяхъ разбросаны тысячи мѣръ, общеполезныхъ предложеній по всѣмъ отраслямъ промышленности, по части кредита... это сокровище поднесь еще непочатое. Chambres d'asile—его мысль, комнаты ночлега тоже. Это источникъ живительный жизни общественной всякому, кто только желаетъ быть полезнымъ гражданиномъ: изучай его, и кто думаетъ быть государственнымъ человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, прочти, отдай должное уваженіе этому великому уму. Умѣть чтить достойное почитанія не малаго требуетъ: это значитъ одержать самую трудную побѣду—побѣдить гордость своего разума, подавить въ себѣ чувство самолюбія своего ума и проникнуться нелицепріятнымъ чувствомъ любви и уваженія къ истинѣ. Это дѣло негромкое, скромное, но великое».

Петрашевскій сознавалъ, однако, и недостатки сочиненій Фурье, и видѣлъ въ нихъ одну изъ причинъ того, что они менѣе извѣстны, чѣмъ того заслуживаютъ. Въ той же запискѣ онъ говоритъ:

«Вычурность (даже страстность) языка, которымъ написаны всѣ сочиненія Фурье, оригинальность взгляда, непослѣдованіе въ изложеніи своихъ мнѣній обыкновенно принятымъ формамъ систематическаго или ученаго изложенія, рѣзкость или даже пренебреженіе, съ которымъ вездѣ отзывается Фурье о философахъ, политикахъ, моралистахъ, филантропахъ, политико-экономахъ, необходимость для того, чтобъ понимать хорошо его, быть многосторонне и основательно образованнымъ и имѣть философское воззрѣніе,—все это было причиною того, что его оригинальныя сочиненія читались немногими, а система его могла быть хорошо понята еще меньшимъ количествомъ людей; и того, что система эта вошла во всеобщую извѣстность только въ послѣднее шестилѣтіе. Вотъ почему противъ нея въ общемъ мнѣніи въ людяхъ, незнакомыхъ съ нею по самымъ сочиненіямъ, признаннымъ школою фурьеристскою хорошими, остаются до сихъ поръ несправедливыя противъ нея предубѣжденія».

А между тѣмъ «прочесть его критическій разборъ жизни общественной, указаніе ея несообразности даже для человѣка безъ предразсудковъ, съ хорошимъ философскимъ образованіемъ—все равно, что заново родиться».

И вотъ въ своей запискѣ Петрашевскій описываетъ устройство фаланстера, выставляетъ всѣ выгоды соединеннаго хозяйства, использованія способностей не только женщинъ, но и дѣтей, всю привлекательность разнообразія труда и увеличеніе вслѣдствіе этого его производительности, а также и соревнованія и утверждаетъ, что «если бы описать одинъ день фаланстерійской жизни, то это превзошло (бы) разсказъ тысячи одной ночи». Онъ указываетъ на то, что осуществить сразу этотъ планъ Фурье невозможно, ибо «люди уже искажены предшествующей жизнью». Для «тяжелыхъ работъ» первоначально пришлось бы нанять работниковъ, не могло бы быть и «хорошаго распредѣленія занятій по способностямъ». Но онъ полагаетъ, что метода воспитанія, предложенная Фурье и показывающая въ немъ «глубокое знаніе природы человѣческой,.. можетъ быть примѣнено и въ первоначальномъ фаланстерѣ». Онъ думаетъ, что, «по истеченіи 5 лѣтъ, а можетъ-быть, и скорѣе» послѣ его устройства, «должно необходимо само собою установиться лучшее распредѣленіе занятій». Ему казалось мало вѣроятнымъ, чтобы «въ теченіе этого времени не завелись другіе фаланстеры, и тогда могло бы чрезъ перемѣщеніе лицъ изъ одного фаланстера въ другой установиться» лучшее «распредѣленіе всѣхъ по ихъ способностямъ и ихъ занятіямъ». По мнѣнію Петрашевскаго, воспитательные дома могли бы представить достаточный матеріалъ для испытанія методы воспитанія по Фурье, но нѣтъ годныхъ для этого людей, такъ какъ «наши воспитатели скорѣе уродуютъ людей, даже лицъ высокопоставленныхъ, нежели ихъ развиваютъ».

Привыкнувъ указывать наилучшія пособія для изученія системы Фурье, Петрашевскій въ запискѣ для слѣдователей говоритъ:

«Всякому отцу, который желаетъ, чтобы его дѣти не сдѣлались нравственными уродами, я совѣтую прочесть сочиненіе Considerant «Éducation»... третья часть его «Destinée sociale» и слѣдовать этой методѣ воспитанія. Результаты ея превзойдутъ ожиданія. Этого сочиненія прочесть достаточно, чтобы оставить тысячу предубѣжденій противъ Фурье. Или прочесть «Traité de la science de l'homme» par Gabet, въ 3 ч.; если это сочиненіе по величинѣ его читателю покажется утомительнымъ, то взамѣнъ этого можно прочесть брошюру Briancourt'a «De l'organisation du travail» [1]) или «Fou du palais royal» [2]),— оба эти сочиненія... излагаютъ систему Фурье. Въ комъ существуютъ ложныя мнѣнія о безнравственности этой системы, тотъ пусть прочтетъ «De l'immoralité de la doctrine de Fourier», изданное и отдѣльной брошюрой, и въ видѣ предисловія у второго изданія полныхъ сочиненій Фурье при его сочиненіи «De l'unité universelle»

---

[1]) P. 1845, 3 ed. 1846.

[2]) Cantagrel. Le Fou du palais royal, dialogue sur la théorie phalansterienne. P. 1841.

«Тѣ, кто обвиняютъ эту систему въ безнравственности и т. п., ясно сими утвержденіями обнаруживаютъ, что имъ неизвѣстна система ни изъ одного настоящаго изложенія» ея, «или знаютъ ее изъ тѣхъ несчастныхъ опроверженій этой системы, которыя въ гг. опровергателяхъ обнаруживаютъ отсутствіе знанія предмета, смысла или прямо въ высочайшей степени недобросовѣстность. Такъ, напримѣръ, не слѣдуетъ никакой вѣры давать сочиненію Reybaud «Les socialistes modernes» [1]), соч. Cherbuliez [2]), соч. Franc, статьямъ объ этой системѣ всѣмъ безъ исключенія, помѣщеннымъ въ Revue des deux mondes, особенно статьямъ Ferrari [3]), статьямъ Journal des Debats, даже соч. Proudhon, который взвелъ много небылицъ на эту систему, чтобы скрыть свои покражи изъ нея».

Такимъ образомъ Петрашевскій признавалъ себя фуерьеристомъ не только до ареста [4]), но и предъ слѣдственною комиссіею; когда же однажды Ростовцевъ замѣтилъ ему, что, по показанію нѣкоторыхъ, онъ «не совсѣмъ чистый» фурьеристъ, а имѣетъ какую-то свою систему, вслѣдствіе чего фурьеристы не признаютъ его своимъ единомышленникомъ, то Петрашевскій сказалъ: «Да, я не признаю истинными нѣкоторыхъ идей Фурье, какъ, напримѣръ, космогоніи, переселенія душъ и т. п., но все, относящееся до организаціи фаланстера, вполнѣ признаю справедливымъ и удобоисполнимымъ на практикѣ».

По показанію Дебу 2, «Петрашевскій говорилъ» ему, «что онъ первый здѣсь» (въ Петербургѣ) «читалъ систему Фурье, призналъ ее и давалъ сочиненія этого автора читать другимъ».

Петрашевскій говорилъ объ ученіи Фурье не только на своихъ пятницахъ, но старался всюду его пропагандировать. Такъ онъ читалъ о немъ докладъ у Спѣшнева при обсужденіи вопроса объ учрежденіи, по предложенію Момбелли, братства взаимной помощи. Самъ распространяя фурьеризмъ, Петрашевскій желалъ, чтобы это дѣлали и другіе: такъ, онъ совѣтовалъ Модерскому, бывшему вольнослушателю университета, человѣку мало развитому, который жилъ у него, завести у себя вечера и распространять сочиненія о системѣ Фурье. Но тотъ не исполнилъ этого, такъ какъ «самъ мало былъ знакомъ съ нею и не зналъ цѣли ея».

Петрашевскій такъ вѣрилъ во всѣ выгоды фаланстера [5]), что сдѣлалъ въ 1847 г. попытку примѣнить идеи Фурье въ своемъ

---

[1]) Études sur les reformateurs ou socialistes modernes, I ed. 1840, 5 ed. 1848, 7 ed. 2 vol. 1864.

[2]) «Le socialisme c'est la barbarie. Examen des questions sociales, qu' a soulevées la révolution du 24 février 1848». P. 1848.

[3]) Авторъ книги «Socialisme. Trois leçons sur Fourier, son école et son système». 1844.

[4]) По показанію Н. Я. Данилевскаго, Петрашевскій называлъ себя фурьеристомъ, а по словамъ Баласогло, въ тѣхъ литературныхъ кружкахъ, гдѣ онъ бывалъ до знакомства съ Петрашевскимъ, его называли отчаяннымъ фурьеристомъ.

[5]) Въ разговорѣ со Спѣшневымъ и Черносвитовымъ онъ сказалъ, что «надѣется на своемъ вѣку жить въ фаланстерѣ».

имѣніи. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ его товарищъ по лицею, писатель В. Р. Зотовъ:

«Былъ у него недалеко отъ уѣзднаго города небольшой выселокъ въ семь дворовъ, ютившихся на болотѣ, у опушки огромнаго сосноваго бора. Во всѣхъ дворахъ было душъ 40 и съ ребятами; земли было достаточно, съ десятокъ лошадей, но коровы не приживались, да и жилье самихъ мужиковъ на болотистомъ грунтѣ было неказисто, и хозяйство у нихъ велось плохое: допотопные плуги и бороны работали плохо, избы подгнили, лѣсъ хоть подъ бокомъ, да господскій. Староста пришелъ просить бревенъ на починку развалившихся лачугъ. Тогда Петрашевскій повелъ бесѣду о томъ, не лучше ли будетъ крестьянамъ вмѣсто того, чтобы подновить свои избы на завѣдомо нездоровомъ мѣстѣ, выстроить въ бору, на сухой почвѣ, одну просторную новую избу, гдѣ бы помѣстились всѣ семь семействъ, каждая въ отдѣльной комнатѣ, но съ одной общей кухней для стряпни и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидковъ (посидѣлокъ) съ надворными пристройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны быть общими, какъ и вообще все крестьянское хозяйство. Баринъ долго развивалъ всѣ выгоды такого общежитія, обѣщая, конечно, все устроить на свой счетъ, купить заново всѣ необходимыя сельскія орудія и домашнюю утварь: горшки, чашки, ложки. Староста слушалъ, . . . низко кланялся... и на всѣ вопросы: «вѣдь такъ будетъ не въ примѣръ лучше и выгоднѣе?» отвѣчалъ: «Воля ваша; вамъ лучше знать, мы люди темные; какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ». Баринъ напрасно старался добиться отъ него самостоятельнаго мнѣнія объ удобствахъ такого общежитія...

«Нежеланіе мужиковъ измѣнить исконный, заповѣдный образъ жизни было очевидно, хотя и не высказывалось прямо, но оно было такъ естественно, что баринъ не удивлялся этому... и рѣшилъ все-таки привести въ исполненіе свою идею, надѣясь, что, испытавъ на дѣлѣ всѣ удобства новаго рода жизни, они оцѣнятъ заботы объ улучшеніи ихъ быта... «Не вытащить ихъ изъ ихъ болота, такъ они и совсѣмъ въ немъ завязнутъ», говорилъ онъ и началъ строить въ лѣсу фаланстерію. Работа подвигалась быстро, и къ зимѣ все было готово. Бесѣды и разъясненія шли своимъ чередомъ во время построекъ. Нѣсколько разъ баринъ водилъ стариковъ въ готовящееся для нихъ помѣщеніе, знакомилъ предварительно съ его планомъ и расположеніемъ комнатъ, съ новыми порядками, какимъ надо было слѣдовать въ общежитіи, спрашивалъ, довольны ли они. Они ходили за нимъ по постройкѣ съ видомъ приговоренныхъ къ тюремному заключенію, бормотали угрюмо: «много довольны! какъ будетъ угодно вашей милости!»

При свиданіяхъ съ Зотовымъ Петрашевскій не разъ сообщалъ ему о ходѣ дѣла. Предполагалось, что крестьяне начнутъ жить въ новомъ помѣщеніи съ Рождества 1847 г. Наканунѣ ихъ переѣзда Петрашевскій «еще разъ обошелъ съ ними всю постройку, назначилъ каждой семьѣ ея помѣщеніе, указалъ на всѣ его удобства, выгоды, передалъ всю утварь, какую закупилъ для нихъ, всѣ инструменты, велѣлъ перевести съ утра скотъ и лошадей въ новые хлѣва и конюшни, перенести весь скарбъ и запасы въ амбары». Когда на другое утро онъ пріѣхалъ къ нимъ на новоселье изъ дома лѣсничаго, гдѣ обыкновенно жилъ во время пріѣзда въ деревню, то на мѣсто фаланстера нашелъ однѣ обгорѣлые балки: въ ночь они сожгли его со всѣмъ, что было выстроено и куплено

для нихъ. Петрашевскій разсказывалъ объ этомъ, Зотову съ величайшей горечью и глубокимъ разочарованіемъ [1]). Онъ, конечно, ошибался, надѣясь примѣнить идеи объ улучшеніи быта крѣпостныхъ, которыми онъ увлекался, путемъ просвѣщеннаго абсолютизма, но нужно помнить, что онъ не только дѣйствовалъ при этомъ совершенно безкорыстно, но даже сдѣлалъ на пользу своихъ крестьянъ значительныя затраты. Тѣмъ не менѣе, въ запискѣ объ ученіи Фурье, представленной слѣдственной комиссіи, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого неудачнаго опыта, онъ указывалъ уже на то, что нуженъ пятилѣтній срокъ для того, чтобы примѣнить распредѣленіе занятій согласно ученію Фурье къ людямъ, искаженнымъ предшествующей жизнью [2]). Нужно замѣтить, что не одинъ Петрашевскій считалъ возможнымъ примѣненіе ученія Фурье къ устройству совмѣстной жизни крестьянъ: ту же мысль подробно развивалъ Александръ Петр. Беклемишевъ, въ запискѣ подъ заглавіемъ «О выгодахъ собщенія (sic) сравнительно съ дробленіемъ по разнымъ отраслямъ труда», написанной осенью 1848.

Не разъ перечитывая прежде разсказъ Зотова, я съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относился къ нему, задавая себѣ вопросъ, не выдуманъ ли онъ, не является ли онъ однимъ изъ тѣхъ многихъ анекдотовъ, которые разсказывали о Петрашевскомъ по Петербургу [3]). Но что Петрашевскій, дѣйствительно, стремился завести фаланстеръ среди крестьянъ, можно заключить и изъ его показаній слѣдственной комиссіи. Доказывая, что нельзя обвинять его и нѣкоторыхъ его товарищей за то, что они были фурьеристами, онъ говоритъ:

«Положимъ, есть нѣкто въ Россіи, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, говорю нѣсколькихъ тысячъ потому, что въ фаланстерѣ должно быть около 2000 чел. разнаго пола и возраста..., къ тому же имѣющій капиталъ для заведенія фаланстера (такихъ богачей есть немало). Спрошу себя: въ правѣ ли онъ завести фаланстеръ? Я скажу: положительно въ правѣ, даже нисколько не спрашивая о семъ предметѣ никакого разрѣшенія у правительства, въ силу существующихъ законовъ, до собственности и пользованія ею относящихся; а именно, въ X т. Гражд. Зак., въ статьѣ о собственности говорится: «всякій имѣетъ полное право располагать своимъ имуществомъ не во вредъ

---

[1]) *В. Р. Зотовъ.* «Петербургъ въ сороковыхъ годахъ». «Историческій Вѣстникъ», 1890 г., № 6, стр. 541—543.

[2]) И предъ военно-судною комиссіей Петрашевскій заявилъ, что онъ фурьеристъ, «что ученіе Фурье не утопія, и что оно въ пять-шесть лѣтъ можетъ осуществиться».

[3]) Таковъ, вѣроятно, разсказъ К. С. Веселовскаго о томъ, какъ Петрашевскій, собравъ дворниковъ своихъ и сосѣднихъ домовъ, прочелъ имъ лекцію о фурьеризмѣ; когда они заявили, что поняли ее, онъ далъ имъ по двугривенному, а въ другой разъ, когда, по его приглашенію, они пришли вмѣстѣ съ товарищами, и послѣ болѣе продолжительной лекціи получили по пятаку, то выразили огорченіе, что времени потратили болѣе, а денегъ получили менѣе. «Русск. Старина», 1900 г., № 9, стр. 453—454.

другимъ, т.-е. продавать, закладывать, дѣлать постройки, измѣненія въ немъ, какія сочтетъ нужными». Въ другой статьѣ того же X т. Св. гр. зак. говорится, что подъ недвижимыми имуществами разумѣются населенныя и ненаселенныя земли, дома и т. п.; въ IX т. Св. ... въ законахъ о дворянствѣ и дворянской граматѣ говорится, что «всякій помѣщикъ имѣетъ право заводить въ своемъ имѣніи фабрики, заводы, переселять крестьянъ, продать ихъ съ землею или безъ земли» и вообще пользоваться работою крестьянъ, не доводя ихъ до разоренія.

«Руководствуясь этими законами, такой помѣщикъ въ правѣ завести фаланстеръ,—и какъ значительная экономизація труда не только не доведетъ его крестьянъ до разоренія, но, напротивъ того, должна улучшить ихъ быть, то на основаніи законовъ правительство не въ правѣ вмѣшиваться въ его дѣйствія...

«Объявлять дворянина, не имѣющаго 2000 душъ, *государственнымъ преступникомъ* за то только, что онъ разсуждалъ о способахъ пользованія правильно собственностью, значитъ: *нарушать право собственности, уничтожать право договора*, разрывать дворянскую грамату».

Разсказъ К. Веселовскаго о двухъ лекціяхъ Петрашевскаго дворникамъ, вѣроятно, анекдотъ, но это не значитъ, что онъ избѣгалъ пропаганды и непосредственно среди народа. Былъ уже приведенъ разсказъ Петрашевскаго Антонелли, какъ онъ возмущалъ народъ въ Екатерингофѣ противъ полиціи; упомянуто было и о томъ, какъ онъ пытался развивать чтеніемъ статьи изъ «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ» нѣкоего мѣщанина Наумова, который былъ не что иное, какъ агентъ Липранди. Крайне неосторожно говорилъ въ этотъ же разъ Петрашевскій съ Наумовымъ, который пришелъ къ нему, по порученію студента Толстова, чтобы сообщить дошедшій до него слухъ о бунтѣ въ Москвѣ. «Петрашевскій былъ пораженъ,—доносилъ Наумовъ,—но потомъ сказалъ, что этого теперь быть не можетъ, ибо для бунта нуженъ какой-нибудь удобный случай: 1) когда истощится казна, 2) при перемѣнѣ государя, 3) когда совершенно ожесточатся многочисленные раскольники; теперь же могутъ быть однѣ только вспышки по случаю несвоевременнаго рекрутскаго набора, потому что онъ назначенъ въ такое время, когда мужики должны заниматься обработкою полей, и при отдачѣ рекрутъ нужны имъ деньги, которыя бы они могли употребить на земледѣліе. Это можетъ породить недовольныхъ, но у правительства теперь напихано вездѣ много войска: въ одномъ Петербургѣ до 60 тысячъ человѣкъ,—что тутъ сдѣлаешь?» Наумовъ спросилъ: «Неужели войска будутъ противъ своихъ дѣйствовать?» Петрашевскій отвѣчалъ: «А какъ же, этому былъ уже примѣръ; они теперь еще ничего не понимаютъ, ихъ надо прежде приспособить, что мы и дѣлаемъ, и уже не первый годъ мы это созидаемъ.., и тогда, когда имъ прикажутъ стрѣлять, они повернутъ ружья дуломъ въ землю». Далѣе Петрашевскій замѣтилъ: «для насъ главное Петербургъ и Москва; остальные всѣ послѣдуютъ примѣру. Государь ужъ всѣмъ надоѣлъ. Что онъ въ 23 года сдѣлалъ хорошаго для

Россіи?.. Лучшія мѣста Петербурга и около дворца застроилъ казармами, а тутъ могли бы быть обывательскіе дома и получали бы доходъ»..

Въ разговорѣ Петрашевскаго съ Наумовымъ весьма любопытенъ его намекъ на пропаганду въ войскѣ. Очевидно, Петрашевскій измѣнилъ взглядъ съ того времени, когда говорилъ Антонелли, что «не стоитъ трогать этихъ дураковъ» (военныхъ), «такъ какъ ихъ все равно перебьютъ». Съ цѣлью такой пропаганды и была, конечно, написана Филипповымъ «Солдатская бесѣда».

Полезнымъ пропагандистомъ Петрашевскій считалъ владѣльца табачной лавочки на Петербургской сторонѣ, Петра Гр. Шапошникова, котораго, впрочемъ, онъ видѣлъ всего два раза. Онъ сказалъ о немъ Наумову, что Шапошниковъ человѣкъ «умный,... онъ хорошъ для того, чтобы въ случаѣ чего-нибудь собрать народъ, тѣмъ болѣе, что къ нему много ходитъ офицеровъ, кадетъ, учителей и вообще чиновниковъ за табакомъ и сигарами, курятъ у него, а онъ имъ разсказываетъ въ нашемъ духѣ»; но въ упрекъ ему онъ ставилъ большую неосторожность, которая ведетъ къ тому, «что заставятъ обсушивать сырость крѣпости». Изъ донесенія агентовъ видно, что студентъ Толстовъ, съ которымъ Петрашевскій познакомился у Ханыкова, обѣщалъ одному изъ нихъ, Наумову, дать прочесть тетрадки, полученныя (очевидно, съ цѣлью пропаганды) отъ Петрашевскаго. При этомъ, насколько понялъ невѣжественный агентъ, Толстовъ сказалъ: «Вотъ тетрадки Петрашевскаго или отъ Петрашевскаго; ты со временемъ можешь ихъ прочитать, возьмешь вечеромъ и со свѣтомъ возвратишь. Я далъ бы теперь, но нѣтъ у меня уже первыхъ номеровъ, а съ 16-го начинать нельзя. Эти тетрадки—признаніе въ народѣ равенства», чтобы всѣ понимали, что «каждый благородный человѣкъ долженъ проживать столько, сколько заслуживаетъ... Со временемъ мы вытребуемъ отъ правительства всѣ акты и увидимъ, куда что растрачено».

7 апрѣля 1849 г., по предложенію Кашкина, 10 членовъ его кружка рѣшили устроить у Александра Ив. Европеуса, который по окончаніи курса въ лицеѣ слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, обѣдъ въ складчину въ день рожденія Фурье. Эти десять человѣкъ были: Кашкинъ, два брата Дебу, Ханыковъ, Спѣшневъ, Д. Д. Ахшарумовъ, два брата Европеусы, Есаковъ и Ващенко. Одиннадцатымъ былъ приглашенъ несостоявшій членомъ кружка Кашкина, Петрашевскій, въ виду его заслугъ относительно распространенія въ Россіи фурьеризма. Приглашенъ былъ и Н. Я. Данилевскій, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ ученія Фурье, но онъ изъ осторожности не явился. По словамъ Д. Ахшарумова, Петрашевскій предлагалъ пригласить на обѣдъ Момбелли, Львова, Дурова «и другихъ нефурьеристовъ и сдѣлать обѣдъ болѣе политическій, нежели соціальный. Но этого не хотѣли остальные..., и

особенно воспрепятствовали этому двое братьевъ Дебу». Я остановлюсь здѣсь только на участіи въ этомъ обѣдѣ Петрашевскаго.

Въ его бумагахъ сохранилось нѣсколько набросковъ, связанныхъ съ рѣчью, которую онъ сказалъ на этомъ обѣдѣ, но возстановить по нимъ, что именно было имъ сказано и въ какомъ порядкѣ, не легко, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ, онъ, быть-можетъ, сказалъ не все, что предполагалъ сказать. Судя по этимъ наброскамъ и сравнивъ ихъ съ показаніями присутствовавшихъ, вотъ что, между прочимъ, мы находимъ въ рѣчи Петрашевскаго:

«Явясь среди васъ, господа, и получивъ право рѣчи, какъ одинъ изъ старѣйшихъ, сколько мнѣ это извѣстно, пропагаторовъ соціализма, я осмѣлюсь предложить вамъ тостъ, который выразитъ содержаніе моей рѣчи, который можетъ показаться съ перваго взгляда даже антисоціальнымъ,—именно тостъ за знаніе дѣйствительности.—Если позволено будетъ разъяснить его значеніе, надѣюсь, что онъ заслужитъ ваше одобреніе и самое содержаніе рѣчи—ваше сочувствіе».

«Всякое знаніе, какое бы оно ни было, есть въ нѣкоторомъ отношеніи—знаніе дѣйствительности. Никогда не было моимъ желаніемъ мои убѣжденія, мой взглядъ на вещи предъ другими закрывать завѣсою таинственности и общими фразами отдѣлаться отъ серьезнаго вопроса. Почему и въ этомъ случаѣ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, я постараюсь въ нѣсколькихъ чертахъ обозначить мой взглядъ на знаніе дѣйствительности съ точки зрѣнія пропаганды соціальной, чтобы вы, господа, всѣ сочувствующіе дѣлу общественнаго развитія, могли исправить тѣ невѣрности, которыя неизбѣжны во всѣхъ мнѣніяхъ, какъ результаты не абсолютнаго мышленія, но мышленія извѣстныхъ данныхъ личностей, развившихся подъ извѣстными обстоятельствами... Я никогда ни въ чемъ не желалъ обманываться, быть обманутъ, обманывать другихъ.

«Начнемъ наше разсужденіе объ этомъ вопросѣ, чтобы не подпасть подъ гибельное вліяніе самообольщенія, съ скромнаго признанія въ томъ, что первое препятствіе въ достиженіи нами избранной цѣли лежитъ въ насъ самихъ и заключается—грустно признаться—въ нашемъ малознаніи, въ нашемъ невѣжествѣ. Невѣжество наше есть нашъ первый врагъ, врагъ опаснѣйшій, врагъ внутренній, котораго побѣдить намъ слѣдуетъ сперва. Признаніе, говорятъ, есть начало исправленія. Исправиться отъ этого можно всякому и должно всякому, кто только не хочетъ захирѣть отъ этого бездѣйствія.

«Легко, скажутъ нѣкоторые, принести такое торжественное покаяніе въ тягчайшемъ изъ грѣховъ человѣческихъ—невѣжествѣ,—освободиться отъ него дѣло другое. Сфера знаній обширна, но не всякое знаніе равноцѣнно, и не знаніе милліоновъ фактовъ, явленій, наблюденій даруетъ намъ благодѣтельные результаты, но сближеніе или сравненіе двухъ или нѣсколькихъ явленій производитъ ихъ.

«Тутъ необходимо нѣсколько коснуться самого соціализма и опредѣлить, что такое соціализмъ. По нашему понятію, подъ словомъ соціализмъ слѣдуетъ разумѣть ученіе или ученія, имѣющія цѣлью устройство быта общественнаго, сдѣлать согласными дѣйствія съ потребностями природы человѣческой.

«Нечего въ припадкѣ ребяческой гордости ломать голову надъ выдумкою какой-нибудь новой системы. Разумѣется, намъ, настоящимъ фурьеристамъ, не къ лицу такая вычурная блажь, разумѣется, мы не позволимъ себѣ поддаться до такой степени обаятельному вліянію (желанію?) прослыть геніальными и умами глубокомысленными и самостоятельными, (не) рѣшимся на весь-

ма замысловатую литературную покражу,—однимъ словомъ, (не) дерзнемъ изъ всѣхъ соціальныхъ ученій заимствовать что есть худого и противоестественнаго, такъ (напр., не) вознесемъ на степень общественнаго догмата обязательность срочной работы изъ системы Морелли или мнѣніе ложное Гельвеціуса о возможности всѣхъ людей быть равными по уму. Если (бы) даже и предстала передъ нами подобная личность, (она) не можетъ удивить [1]).

«Намъ, фурьеристамъ, смотрящимъ на человѣка не въ отвлеченіи, но берущимъ человѣка такимъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности,—ревнителямъ мирныхъ преобразованій общественныхъ,—нельзя до такой степени смѣшивать понятія, чтобы принимать помѣшательство за оригинальность, а сумасшествіе—за геніальность. Говоря это, мы не желаемъ ни сами быть посмѣшищемъ для другихъ, ни чтобъ другіе, близкіе намъ, подѣлались предметомъ посмѣшища, а нашего, тяжело это сказать, невольно презрѣнія».

Рѣчь Петрашевскаго произвела неблагопріятное впечатлѣніе (хотя ему все же аплодировали), какъ это видно изъ показанія Дебу 2. По его словамъ, «Петрашевскій говорилъ сперва о томъ, что открытіе Фурье должно быть признано, и что смѣшно думать, что можно изобрѣсть что-нибудь новое для лучшаго устройства экономическаго быта, и при этомъ дѣлалъ различныя отступленія, которыя были приняты многими за личности; потомъ онъ говорилъ, что прежде всего должно изучить дѣйствительность, и что тутъ увидишь, что есть еще и другіе вопросы не экономическіе, которые, по его мнѣнію», должно прежде рѣшить. «Но, вѣроятно, увидѣвъ, что слова его произвели дурное впечатлѣніе, онъ остановился и сказалъ, что не знаетъ, продолжать ли ему или нѣтъ подробно разсматривать и обозначать эти вопросы. На это братъ мой отвѣчалъ ему, что, по его мнѣнію», продолжать не нужно. И Петрашевскій прекратилъ свою рѣчь. «Послѣ обѣда Европеусъ сказалъ мнѣ: «Какъ это Петрашевскій, увѣряющій, что онъ давно знакомъ съ Фурье, говоритъ противъ него, именно, что не все... основаніе довольства и покоя заключается въ экономическихъ вопросахъ, и говорилъ личности противъ Спѣшнева. Ежели вашъ братъ не остановилъ бы его, то я бы сказалъ ему, что его рѣчь совершенно не кстати». И мнѣ слова Петрашевскаго очень не нравились, но, желая провести этотъ день весело, я отвѣчалъ Европеусу: «Я вполнѣ согласенъ, что рѣчь Петрашевскаго не кстати, но... никто не согласенъ съ Петрашевскимъ, а потому не стоитъ объ этомъ и говорить. Такъ же отзывались о рѣчи Петрашевскаго братъ мой, Кашкинъ и Ващенко [2])».

Заключеніемъ рѣчи Петрашевскаго, повидимому, были или должны были быть слѣдующія слова:

---

[1]) Вѣроятно, сказанное въ этомъ абзацѣ было принято слушателями за намекъ на Спѣшнева (см. ниже).

[2]) А. Европеусъ въ своемъ показаніи говоритъ, что послѣ тоста Петрашевскаго онъ не поднялъ бокала, потому что «мнѣ было извѣстно, что въ «его рѣчи» должны были находиться личности» (очевидно, противъ Спѣшнева).

«Наша mission, какъ спеціалистовъ фурьеристскаго толка въ Россіи, не такъ легка, какъ можетъ показаться она съ перваго взгляда. Если мы освобождены судьбою отъ труда изобрѣтательности, если имѣемъ эту звѣзду путеводную въ ученіи Фурье, то при самомъ актѣ практическаго примѣненія могутъ, или, лучше сказать, должны встрѣтиться такія трудности.., мѣстныя неудобства, которыя никакъ не могли быть предвидѣны ни самимъ нашимъ учителемъ, ни его талантливыми истолкователями на Западѣ. Условіе мѣстности никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Трудностей много. Пристальный взглядъ на дѣйствительность насъ можетъ ознакомить съ ними, открытый врагъ не опасенъ, такъ и трудности, препятствія, доставляемыя намъ самымъ бытомъ общественнымъ, эти враги, противодѣйствующіе намъ, не должны нимало устрашать людей, сознательно положившихъ стремиться къ достиженію извѣстной цѣли. Знаніе трудностей и препятствій, ожидающихъ какого-либо общественнаго дѣйствователя на пути его къ достиженію его цѣли, отнюдь не должно печалить, но скорѣе должно радовать его: чѣмъ полнѣе будетъ знаніе его дѣйствительности, тѣмъ положительнѣе можетъ быть его увѣренность въ успѣхѣ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ каждое его дѣйствіе, тѣмъ съ наименьшими средствами можно будетъ произвести наибольшіе результаты. Знанія, больше знанія, и торжество поборниковъ истины и общечеловѣческаго счастья несомнѣнно... Постараемся мы въ семъ случаѣ совершить, такъ сказать, актъ коллективнаго самосознанія. Заявить предъ окружающей насъ дѣйствительностью свою отдѣльность и индивидуальность. Признаніе того, что мы соціалисты фурьерисисткаго толку, и есть первый (актъ) нашего самосознанія, т.-е. люди, признающіе настоящее устройство быта общественнаго несоотвѣтственнымъ естественнымъ потребностямъ человѣка и потому требующимъ преобразованія совершеннаго, согласнаго требованіямъ природы человѣческой, и желающіе, вмѣсто настоящаго, противуестественнаго устройства быта общественнаго, установить (другой?).

«Вотъ кто мы, и каковы наши желанія. Не подтверждаю законность этихъ желаній критикой быта общественнаго: это было бы... неумѣстнымъ распространеніемъ.

«Мы осудили на смерть настоящій бытъ общественный, надо приговоръ нашъ исполнить».

На допросѣ Петрашевскій заявилъ, что послѣднія слова «не входили въ составъ рѣчи, сказанной» имъ «на обѣдѣ у Европеуса, и не были произнесены, а написаны были по возвращеніи съ обѣда». По словамъ же Д. Ахшарумова въ его показаніи, Петрашевскій и Ханыковъ, «можно сказать, произнесли смертный приговоръ надъ всѣми присутствовавшими на обѣдѣ». Ахшарумовъ приводитъ еще такую черту изъ рѣчи Петрашевскаго: онъ говорилъ, что «теперь еще примѣненіе ученія соціальнаго невозможно; что надо образовать народъ. Ставилъ въ примѣръ Моисея, котораго называлъ осломъ въ сравненіи съ нами, людьми XIX вѣка, и что мы можемъ не менѣе его сдѣлать для своего народа». Ханыковъ въ своемъ показаніи отмѣтилъ, что Петрашевскій говорилъ «о необходимости соединить пропаганду соціальную съ политическою». Когда Петрашевскому предъявили это показаніе, онъ отвѣчалъ: «Ни о' какой пропагандѣ, ни о соединеніи политической пропаганды съ соціальною мною говорено не было». Комиссія спросила Ханыкова: «какія произвела послѣдствія» рѣчь Пет-

рашевскаго; тотъ отвѣчалъ, что сперва ей «изъ учтивости апплодировали, потомъ она встрѣтила возраженія» со стороны Дебу 2-го и, въ концѣ-концовъ, «прошла незамѣченною». По словамъ Д. Ахшарумова рѣчь Петрашевскаго «менѣе другихъ произвела впечатлѣніе», но все же выпили за его здоровье. Намеки на Спѣшнева были вызваны разногласіемъ съ нимъ по поводу рѣчи Тимковскаго.

Петрашевскій принесъ на обѣдъ стихотвореніе Беранже «Чудаки», которое и было прочитано Кашкинымъ [1]).

Выше было указано, что Петрашевскій не разъ высказывалъ мысль о необходимости не только политической свободы вообще, но и республиканской формы правленія. Такъ, напримѣръ, уже въ «Моихъ афоризмахъ» онъ говорилъ, что «правленіе должно быть представительно-республиканское». Какъ тамъ, такъ и въ бесѣдахъ съ Антонелли, и въ планѣ пропаганды среди черкесовъ, сказалось сочувствіе республиканско-федеративному строю [2]). На своихъ пятницахъ Петрашевскій высказался за то, что недостаточно однихъ политическихъ преобразованій, но должны быть и реформы соціальныя [3]). Толь сказалъ Антонелли, что цѣль Петрашевскаго и другихъ близкихъ ему кружковъ «приготовлять способныхъ людей на случай какой-нибудь революціи, чтобы, при избраніи новаго рода пра-

---

[1]) Стихотвореніе это (въ которомъ поэтъ съ сочувствіемъ говоритъ о Сенъ-Симонѣ, Фурье и Анфантенѣ), въ переводѣ Коринѳскаго подъ заглавіемъ «Безумцы», см. въ «Полномъ собраніи пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ поэтовъ», подъ ред. *Трубачева*, Спб. 1905 г., т. III, 310—312.

[2]) Петрашевскій разсказывалъ Антонелли о смотрителѣ лужскаго уѣзднаго училища Ромашевѣ, воспитывавшемся въ Харьковскомъ университетѣ, что онъ принадлежалъ къ обществу, организованному въ Харьковѣ «съ цѣлью измѣнить образъ правленія въ славянскихъ племенахъ и раздѣлить эти племена по полосамъ, обществу, которое существуетъ и до сихъ поръ и къ которому», по его словамъ, «принадлежалъ» и Петрашевскій. По офиціальной справкѣ оказалось, что Ромашевъ въ 1846 г. былъ назначенъ смотрителемъ не лужскаго, а гдовскаго уѣзднаго училища, составилъ проектъ республиканской конституціи для Россіи, послалъ его гр. Коновницыну, у котораго былъ прежде управляющимъ и, по доносу графа, былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Допрошенный тамъ, вслѣдствіе доноса Антонелли, Ромашевъ показалъ, что Петрашевскаго совершенно не знаетъ и отрицалъ существованіе общества, о которомъ тотъ упомянулъ.

[3]) Ханыковъ далъ такое показаніе о цѣли, поставленной себѣ Петрашевскимъ: «Другой цѣли, кромѣ... взаимнаго образованія для достиженія посредствомъ этого самыхъ высокихъ результатовъ гражданственности, которые осуществляются въ системѣ Фурье, чему, по мнѣнію «Петрашевскаго, должны были необходимо предшествовать свободныя институціи политическія и прежде всего свободное тисненіе и публичное судопроизводство,—у него не было, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ извѣстно. Будемъ взаимно товарищественно образовываться, говорилъ онъ, и тогда мирно мы преобразуемъ себя, другихъ,—цѣлое общество». Молодому піанисту А. Г. Рубинштейну Петрашевскій давалъ читать «разныя либеральныя на иностранныхъ языкахъ книги» и толковалъ съ нимъ «о конституціи, о парламентахъ и проч.». «Русск Стар»., 1889 г., № 11, стр. 539—540.

вленія, не было недоразумѣній и различія мнѣній, но чтобы большая часть уже были согласны въ общихъ началахъ; наконецъ приготовлять массы къ воспріятію всякихъ перемѣнъ». Въ официальной запискѣ о Петрашевскомъ, составленной до его ареста, его обвиняли въ томъ, что онъ «уже около пяти лѣтъ стремится къ перемѣнѣ правительства». Герценъ въ своей характеристикѣ Петрашевскаго также утверждаетъ, что «онъ постоянно занятъ былъ изысканіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для ниспроверженія существующаго правительства въ Россіи». Петрашевскій, очевидно, дѣйствительно, мечталъ о революціи въ Россіи, но лишь послѣ того, когда она будетъ подготовлена пропагандою въ обществѣ и народѣ.

Было уже упомянуто, что въ свой «Запасъ общеполезнаго», онъ включилъ (10 мая 1843 г.) тему «о образѣ устройства освобождаемыхъ крестьянъ». Въ его бумагахъ сохранился «проектъ объ освобожденіи крестьянъ», написанный имъ самимъ. По мнѣнію автора, первымъ «и самымъ простымъ способомъ» освобожденія крестьянъ можетъ быть «безусловное освобожденіе ихъ съ тою землею, которая ими была обрабатываема, безъ всякаго вознагражденія за то помѣщика. Такое разрѣшеніе этого вопроса просто, да и не слишкомъ несправедливо, на томъ основаніи, что родъ человѣческій есть въ совокупности обладатель земного шара», и «всякій отдѣльный членъ человѣчества имѣть можетъ ту часть въ своемъ владѣніи земного шара, которая пришлась бы на его долю по раздѣлу поровну между всѣми его обитателями», ту «часть земли, которую прочіе его совладѣтели на земномъ шарѣ изъ нашей планеты ему заблагоразсудили за что-либо свободно уступить». Принявъ въ соображеніе, что на земной поверхности есть еще много невоздѣланной земли, авторъ находитъ, что «пай, нами данный крестьянину, будетъ несравненно менѣе того, какой ему слѣдовало бы по-настоящему получить. Имѣя это въ виду, нельзя не признаться..., что все-таки при семъ раздѣлѣ на долю помѣщиковъ придется хорошая, чуть не львиная часть. Ибо въ пользу ихъ останутся тѣ поля, кои не нужны для пропитанія освобожденныхъ крестьянъ, строенія, ими для нихъ сдѣланныя, и тому подобнаго рода разныя хозяйственныя и сельскія работы».

Итакъ, освобожденіе крестьянъ съ землею, которая обрабатывалась ими (для себя) безъ всякаго вознагражденія за нея помѣщикамъ — вотъ, по мнѣнію Петрашевскаго, самое простое и справедливое рѣшеніе крестьянскаго вопроса; но онъ самъ чувствуетъ всю трудность осуществленія его на дѣлѣ. «Такое рѣшеніе вопроса объ уничтоженіи рабства,—говоритъ онъ,—было (бы) единственно годнымъ или возможнымъ, если бы у разныхъ людей было тождество въ развитіи,—тогда это ничего не представило (бы) неудобнаго. Это рѣшеніе сего вопроса можно назвать справедливымъ». Здѣсь обрывается записка Петрашевскаго.

Высказавъ свое собственное мнѣніе, онъ долженъ былъ, конечно, считаться и съ мнѣніями другихъ по этому предмету. На одномъ изъ собраній у него былъ прочитанъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ, составленный Беклемишевымъ, въ которомъ предлагалось освобожденіе ихъ съ землею, находившеюся въ ихъ пользованіи, за опредѣленный выкупъ, вносимый крестьянами [1]).

Беклемишевъ, сынъ помѣщика Алексинскаго уѣзда Тульской губ., окончилъ курсъ лицея въ 1841 г., служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и, отправленный на ревизію въ Эстляндскую и Лифляндскую губерніи, жилъ въ Ревелѣ. Подъ вліяніемъ своего товарища по лицею, Н. Я. Данилевскаго, онъ сталъ изучать систему Фурье, въ февралѣ 1848 г., пріѣхавъ по обязанностямъ службы въ Петербургъ, бывалъ у Петрашевскаго, осенью того же года написалъ статью въ духѣ этого ученія, подъ заглавіемъ «Изъ переписки двухъ помѣщиковъ», и черезъ своего брата переслалъ его въ Петербургъ А. Н. Плещееву, котораго зналъ еще находясь въ лицеѣ, а тотъ передалъ рукопись Спѣшневу. Одно изъ этихъ писемъ и составляетъ проектъ, прочитанный у Петрашевскаго, а другія носятъ заглавія: 1) «Нѣсколько мыслей о положеніи помѣщиковъ въ Россіи», 2) «О выгодахъ сообщенія (sic) сравнительно съ дробленіемъ по разнымъ отраслямъ труда» и 3) «О страстяхъ и возможности сдѣлать трудъ привлекательнымъ».

Ни въ проектѣ Петрашевскаго, ни въ произведеніи Беклемишева не затрогивается вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія; но изъ записки Петрашевскаго, подъ заглавіемъ «Объясненіе, что такое соціализмъ», видно, что онъ, какъ это вполнѣ естественно для соціалиста, былъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. Онъ говоритъ здѣсь: «Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей юродивости не дошедшаго до той нищеты, которая бы его лѣни соотвѣтствовала,—ищите причину, вы найдете, что передѣлъ полей, общее пользованіе землею и есть этому причина».

Выше было разсказано о неудачной попыткѣ Петрашевскаго въ 1848 г. обратить вниманіе петербургскаго дворянства на крестьянскій вопросъ своею запискою «О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній». Быть-можетъ, эта неудача, а также печальное окончаніе его попытки устроить совмѣстное жительство своихъ крестьянъ были причиною того, что въ 1849 г., при обсужденіи на его пятницахъ вопроса о томъ, какую изъ трехъ реформъ—крестьянской, судебной и цензурной—слѣдуетъ поставить на первое мѣсто, онъ отдавалъ предпочтеніе судебной ре-

---

[1]) Подробнѣе объ этихъ запискахъ по крестьянскому вопросу см. въ моей статьѣ «Петрашевцы и крестьянскій вопросъ» въ изданіи «Великая реформа», подъ редакціею А. К. Дживедегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета, т. III, стр. 410—414.

формѣ. Онъ доказывалъ, что отъ несовершенствъ судебныхъ порядковъ страдаетъ все населеніе Россіи, а отъ крѣпостного права только 12 милліоновъ человѣкъ и что послѣ улучшенія судопроизводства необходимо станутъ на очередь двѣ другія реформы. Отвѣчая на возраженія Головинскаго, Петрашевскій утверждалъ, будто бы «въ крестьянахъ самосознаніе своего положенія совсѣмъ не такъ велико», какъ думаетъ Головинскій, «потому что почти на-половину изъ нихъ даже и не желаютъ своего освобожденія, ссылаясь на то, что, находясь подъ властью помѣщика, они хотя и платятъ значительные оброки, но вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ торговлю безъ всякой за то платы». Петрашевскому казалось также, что «при освобожденіи крестьянъ должно непремѣнно произойти столкновеніе сословій, которое, будучи бѣдственно уже само по себѣ, можетъ быть еще бѣдственнѣе, породивъ военный деспотизмъ» [1]). Головинскій замѣтилъ, что такъ какъ образъ правленія государствомъ не можетъ измѣниться вдругъ, то можно учредить диктатуру, но Петрашевскій отвѣчалъ, что онъ «первый подниметъ руку на диктатора».

По поводу разногласія между Головинскимъ и Петрашевскимъ по вопросу о временной необходимости диктатуры, напомню, что Пестель стоялъ за диктатуру временнаго верховнаго правленія [2]). Мысль о диктатурѣ являлась и у Бабёфа и его товарищей: по свидѣтельству Буонарроти инсуррекціонный комитетъ «остановился на мысли назначенія парижскими инсургентами временной власти, которой и должно было быть поручено управленіе націей». По мнѣнію Сенъ-Симона, до тѣхъ поръ, пока политическая власть не перейдетъ въ руки ученыхъ, предпочтительна диктатура одного лица. «Наибольшая услуга,—говоритъ Сенъ-Симонъ,—которую королевская власть можетъ оказать націи при современныхъ условіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы она, присвоивъ себѣ диктаторскія полномочія, уничтожила бы феодальный и теологическій режимъ и установила режимъ научный и промышленный... Радикальное измѣненіе соціальной системы можетъ быть произведено или путемъ возстанія, или посредствомъ диктатуры; безспорно, диктатура является меньшимъ зломъ, чѣмъ возстаніе». Мы увидимъ ниже, какъ относился Петрашевскій къ народнымъ возстаніямъ. Сенъ-

---

[1]) Въ письмѣ къ Кузьмину отъ 27 ноября 1848 г. Петрашевскій сообщаетъ, что кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ привезъ извѣстіе, будто въ смежныхъ съ Галиціею губерніяхъ крестьяне весьма расположены вырѣзать помѣщиковъ, и что это извѣстіе имѣло свое вліяніе на возобновленіе общаго вниманія къ «эманципаціи крестьянъ». И тутъ Петрашевскій высказываетъ мысль, что этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго введенія гласныхъ судовъ съ присяжными.

[2]) См. мою книгу «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». Спб., 1909 г., стр. 491.

симонисты также допускали идею диктатуры: когда послѣ іюльской революціи 1830 г. власть фактически перешла въ руки Лафайета, нѣкогда товарища Базара по организаціи французскихъ карбонаріевъ, Базаръ пытался убѣдить его объявить себя диктаторомъ съ цѣлью проведенія соціальныхъ реформъ [1]).

Слѣдуетъ, однако, помнить, что Петрашевскій считалъ справедливымъ освобожденіе крестьянъ съ землею и безъ вознагражденія за нее помѣщиковъ.

Въ составленномъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крѣпости духовномъ завѣщаніи Петрашевскій, между прочимъ, говоритъ о крѣпостныхъ въ имѣніи его семьи: «крестьянъ освободить, если только они по раздѣлу могли бы достаться на мою долю», но не входитъ ни въ какія подробности относительно этого.

Петрашевскій интересовался и вопросомъ объ улучшеніи городского самоуправленія. Въ письмѣ къ Кузьмину (27 ноября 1848 г.) онъ сообщаетъ: «Еще говорятъ, — это офиціальное извѣстіе, — что преобразованія, сдѣланныя въ городскомъ устройствѣ въ послѣднее время въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, нашли сочувствіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и что для преобразованія по сему образцу управленія губернскихъ и уѣздныхъ городовъ поступило много прошеній изъ разныхъ городовъ, что на сей предметъ обращено вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не прочь помочь развитію муниципальности въ Россіи, какъ благонадежнѣйшаго способа улучшить администрацію и внушить къ законамъ и справедливости должное уваженіе... Въ завѣдываніи городского хозяйства должны принять участіе тѣ лица въ уѣздахъ и въ губернскихъ городахъ, которыя сравнительно съ другими (т.-е. съ массою населенія) могли быть названы умственною аристократіею, и ихъ участіе весьма благодѣтельно должно быть для общественнаго развитія.—Этому не мѣшало (бы) дать ходъ, тѣмъ болѣе, что пословица русская во всякой администраціи имѣетъ свое значеніе: «пока дитя не заплачетъ, мать не разумѣетъ». Надо, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ было вразумлено и въ этой потребности. Выборы представляютъ удобство; къ тому же просить можно обо всемъ, и предметъ прошеній не обозначенъ въ законодательствѣ».

Мы видѣли, что, соотвѣтственно этимъ взглядамъ, Петрашевскій стремился принять и личное участіе въ петербургскомъ городскомъ самоуправленіи, но его попытка осуществить это желаніе успѣхомъ не увѣнчалась.

---

[1]) *С. Прокоповичъ.* «Проблемы соціализма». СПБ. 1911 г., стр. 158—160. Ср. о сочувствіи О. Конта диктатурѣ конвента и его взглядѣ на диктатуру вообще въ соч. *Ив. Иванова* «Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты». М. 1901 г., стр. 306—308.

VII.

Черносвитовъ.—Спѣшневъ.—Бесѣды ихъ съ Петрашевскимъ о народномъ возстаніи.—Момбелли и обсужденіе его предположенія о «братствѣ взаимной помощи».

Въ ноябрѣ 1848 г. на вечерахъ Петрашевскаго появилась новая личность. Студентъ Петербургскаго университета, П. Латкинъ, изъ семейства енисейскихъ золотопромышленниковъ, привелъ съ собою своего хорошаго знакомаго Черносвитова, пайщика золотыхъ промысловъ Голубкова и Кузнецова въ Сѣверной Енисейской тайгѣ. Его считали богатымъ человѣкомъ; въ Ирбитѣ онъ имѣлъ собственный домъ.

Черносвитовъ, которому въ это время было около 40 лѣтъ, происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи. О немъ ходили слухи, будто бы при выходѣ изъ какого-то учебнаго заведенія онъ разбилъ бюстъ императора, а самъ онъ разсказывалъ, что, служа въ военной службѣ, былъ разжалованъ за какіе-то «ругательные» стихи. Во время турецкой войны онъ былъ раненъ, ему отняли ногу, и онъ самъ сдѣлалъ себѣ деревянную. По словамъ Латкина, Черносвитовъ участвовалъ и въ польской кампаніи. Въ 1838—42 г. онъ служилъ исправникомъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, и во время волненія въ 1842 г. тамошнихъ государственныхъ крестьянъ, вызваннаго требованіемъ разводить картофель, учрежденіемъ сельскихъ расправъ съ назначеніемъ жалованья волостному начальству и слухами о томъ, что это начальство продало ихъ въ удѣльное вѣдомство [1]), усердно усмирялъ ихъ [2]) и вообще считался весьма распорядительнымъ чиновникомъ. Въ Сибири на него смотрѣли, какъ на очень умнаго и образованнаго человѣка, къ тому же онъ умѣлъ пустить пыль въ глаза. Въ его бумагахъ нашлась переведенная (въ Красноярскѣ въ 1847 г.) съ французскаго языка статья «О свободѣ воли», съ эпиграфомъ изъ Вольтера, и другая—небольшая статейка «Взглядъ на теорію дѣйствій». Во время пребыванія въ Петербургѣ онъ бралъ изъ библіотеки Петрашевскаго нѣкоторыя книги и, между прочимъ, насколько помнилось Петрашевскому, «Organisation du travail». Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе человѣка бывалаго, какъ говорится, «прошедшаго огонь и воду». Спѣшневъ подмѣтилъ въ немъ «практичность, мѣткость взгляда» [3]). Петрашев-

---

[1]) Волненіе распространялось и на уѣзды: Камышловскій, Ирбитскій и Екатеринбургскій, Пермской губ.

[2]) Спѣшневу Черносвитовъ говорилъ, что правительство обязано ему: онъ «затушилъ» эту вспышку. Ср. *Валевскій.* «Волненія крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края въ 1842—43 гг.». «Русск. Стар.», 1879 г., № 11, стр. 425, 431.

[3]) По словамъ Латкина, «главная характеристическая черта» Черносвитова «восторженная любознательность: онъ знаетъ и математику, вообще всѣ

скій же утверждалъ, что Черносвитовъ желалъ казаться «великимъ мыслителемъ», а между тѣмъ, «какъ видно, онъ большой мистикъ». Онъ хвасталъ Петрашевскому, что имѣетъ на генералъ-губернатора Восточной Сибири, Муравьева, неограниченное вліяніе. Петрашевскому казалось, что онъ можетъ вліять и на раскольниковъ (съ ними ему пришлось имѣть дѣло, какъ исправнику, во время усмиренія волненія въ Пермской губ., въ 1842 г.). По словамъ Черносвитова, рабочіе на золотыхъ промыслахъ внушали ему мысль отправиться съ ними на Амуръ, изъявляя сожалѣніе, что они не имѣютъ хорошаго руководителя. Онъ много разсказывалъ о Сибири и говорилъ, что это «совсѣмъ отдѣльная отъ Россіи страна, богатая, прекрасная, и что ей, вѣрно, когда-нибудь суждено быть отдѣльною имперіей» [1]. Болталъ онъ и о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и доказывалъ, что онъ на все мастеръ. Онъ сказалъ Спѣшневу, что всѣ политическіе ссыльные въ Сибири «глупы, что они на той точкѣ и остались, какъ были, и слышать не хотятъ о фурьеризмѣ и соціализмѣ», а на вечерахъ Петрашевскаго, по поводу чтенія Тимковскаго, пытался доказывать, что либерализмъ и соціализмъ одно и то же [2]. По словамъ Спѣшнева, Черносвитовъ говорилъ «умно и не безъ знанія», «очень красно,—только какъ-то все завертывался въ апологи [3]) и анекдоты, и старался всѣхъ вызвать на рѣзкость»,

---

естественныя науки, много читалъ разныхъ сочиненій по исторіи и другимъ отраслямъ знаній», но преимущественно по «механикѣ, много видѣлъ, но главные недостатки его неположительность, неаккуратность и любитъ говорить пустяки, такъ что Черносвитову, кто его зналъ, вѣрили только въ половину. Онъ зналъ много прибаутокъ, остротъ, анекдотовъ, какъ изъ военной, такъ и изъ прочей жизни».

Слѣдственная комиссія такъ характеризуетъ Черносвитова: онъ «человѣкъ съ выразительною наружностью, мысли свои изъясняетъ съ пылкостью, но нѣтъ часто опредѣлительности; вообще въ немъ замѣтны самостоятельность, способности, но болѣе всего чрезвычайное самолюбіе и увѣренность, что онъ и познаніями, и умомъ превосходилъ всѣхъ, коихъ встрѣчалъ у Петрашевскаго». Въ своихъ показаніяхъ онъ призналъ, что желалъ уничтоженія крѣпостного права и «класса чиновниковъ», допущенія на административныя должности лицъ всѣхъ сословій.

[1]) Черносвитовъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ часто называлъ Сибирь Америкою, Калифорніею, русскою Мексикою и, «увлекаясь иногда въ сужденіяхъ» о ея будущности, «не разъ называлъ ее великою имперіею».

[2]) На это Петрашевскій возразилъ ему: «соціализмъ въ современномъ обществѣ, вытекающій даже не изъ общаго философскаго воззрѣнія», а «изъ простого наблюденія дѣйствительности, есть не что иное, какъ реакція духа человѣческаго противъ анархическаго, разрушительнаго для быта общественнаго вліянія началъ либерализма — противоестественныхъ явленій въ жизни общественной» (принесеніе человѣческой личности въ жертву капиталу, неправильное распредѣленіе богатствъ, голодъ при урожаѣ хлѣба и проч.).

[3]) Такъ, онъ, подобно Н. С. Мордвинову, доказывалъ, что лѣстницу нельзя мести снизу.

ПЕТРАШЕВЕЦЪ ЧЕРНОСВИТОВЪ.

что ему и удавалось [1]). «Онъ поддѣлывался подъ вкусъ каждаго и опять выставлялъ какой-нибудь парадоксъ». Придравшись къ чему-то, онъ сказалъ: «Да вотъ, господа, бѣда намъ, русскимъ: къ палкѣ-то мы очень привыкли, она намъ нипочемъ». А когда Спѣшневъ отвѣтилъ ему: «Палка о двухъ концахъ», Черносвитовъ, не задумываясь, отпарировалъ: «Да другого-то конца мы сыскать не умѣемъ». Онъ умѣлъ сдѣлаться центромъ разговора и многихъ приводилъ въ восторгъ. Послѣ перваго вечера, когда онъ появился у Петрашевскаго, Спѣшнева, по обыкновенію сидѣвшаго въ другой комнатѣ, отдѣльно отъ большинства гостей, многіе спрашивали: «Слышали вы, видѣли вы, какой должно быть замѣчательный человѣкъ!»—«Да кто такой?»—«Да этотъ хромой Черносвитовъ!»—«Объ чемъ онъ говоритъ?»—«Да обо всемъ, о чемъ угодно, и какъ ловко говоритъ!» Возвращаясь вмѣстѣ со Спѣшневымъ съ другого вечера Петрашевскаго, Ѳ. М. Достоевскій сказалъ ему: «Чортъ знаетъ, этотъ человѣкъ говоритъ по-русски, точно Гоголь пишетъ, и потомъ прибавилъ: «Знаете что, Спѣшневъ, мнѣ кажется, что Черносвитовъ просто шпіонъ» [2]). — «Я думаю», отвѣчалъ Спѣшневъ, у котораго также начинало являться подозрѣніе, «что онъ человѣкъ съ задними мыслями». Спѣшневъ признавался потомъ, что Черносвитовъ произвелъ на него впечатлѣніе эмиссара или главы какого-нибудь тайнаго общества въ Сибири, который пріѣхалъ вербовать въ него членовъ: не даромъ онъ всѣхъ звалъ въ Сибирь, говоря: «славная страна, славные люди!» Нужно замѣтить, что до сихъ поръ подозрѣнія о шпіонствѣ или провокаторствѣ Черносвитова ничѣмъ не подтвердились: никакихъ слѣдовъ сношеній его съ тайною полиціею не имѣется [3]). Возможно, что онъ жадно выспрашивалъ все въ кружкѣ Петрашевскаго вслѣдствіе того, что, подъ вліяніемъ знакомства съ политическими ссыльными въ Сибири, былъ не чуждъ либерализма, а въ Петербургѣ членовъ соціалистическаго кружка старался убѣдить, что онъ въ то же время можетъ быть и соціалистомъ.

Н. А. Спѣшневъ заинтересовался Черносвитовымъ, но прежде чѣмъ останавливаться на ихъ бесѣдахъ, необходимо ближе позна-

---

[1]) Самъ же Черносвитовъ заявилъ въ своемъ показаніи, что, «хорошо владѣя русскимъ языкомъ, говоритъ всегда рѣзко и опредѣлительно», что «могло быть принято за вызовъ на рѣзкость».

[2]) Спѣшневъ сообщилъ о подозрѣніяхъ своихъ и Достоевскаго Петрашевскому, а тотъ разсказалъ о нихъ Черносвитову. Онъ казался подозрительнымъ также и Момбелли. Львовъ счелъ его за агента-провокатора. Достоевскій, впрочемъ, заявилъ, что предположеніе о шпіонствѣ Черносвитова было у него только «мгновенною мыслью, ему показалось, что въ разговорѣ Черносвитова есть что-то увертливое, какъ будто себѣ на умѣ». Послѣ того онъ видѣлъ Черносвитова всего одинъ разъ и забылъ о своемъ замѣчаніи.

[3]) Къ сожалѣнію, дѣло о немъ утрачено такъ же, какъ дѣла о Спѣшневѣ, Толѣ и М. М. Достоевскомъ.

комиться съ личностью Спѣшнева. Онъ воспитывался въ лицеѣ, но вышелъ изъ него (не окончивъ курса), судя по показаніямъ Беклемишева, въ 1837 г. Онъ могъ не гнаться за окончаніемъ курса, потому что былъ богатъ: у него были имѣнія въ Щигровскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ, Курской губерніи (до 500 душъ м. п.) и домъ въ Петербургѣ на Шестилавочной улицѣ (нынѣ Надеждинская). Въ 1840 г. Спѣшневъ сошелся съ госпожею Савельевою, урожденною Цѣхановецкою. Она покинула мужа, помѣщика Александра Савельева, и уѣхала со Спѣшневымъ въ Гельсингфорсъ, откуда тотъ увезъ ее за границу, гдѣ прожилъ, если точны свѣдѣнія слѣдственной комиссіи, четыре года (1842—46 г.) [1]). Но Савельева умерла въ 1844 г. въ Вѣнѣ (если вѣрить Бакунину, отравилась изъ ревности) и оставила Спѣшневу двухъ прижитыхъ съ нимъ сыновей. Послѣ ея смерти онъ пріѣзжалъ въ Россію, чтобы устроить дѣтей, и затѣмъ опять пожелалъ уѣхать. Онъ хотѣлъ взять съ собой Энгельсона. Государь пожелалъ знать, что они за люди. На докладѣ о нихъ шефа жандармовъ Орлова, имп. Николай, 1 нояб. 1844 г., написалъ: «Можидъ и здесь въ университетѣ учится, а въ ихъ лѣта шататься по бѣлому свѣту, вмѣсто службы, и стыдно, и недостойно благороднаго званія; за симъ ѣхать могудъ, ежели хотятъ». Тогда Энгельсонъ заявилъ Орлову, что желаетъ поступить на службу, относительно же Спѣшнева шефъ жандармовъ лично убѣдился, что онъ «страдаетъ глазною болью, которая можетъ требовать лѣченія за границею», о чемъ и сообщилъ С.-Петербургскому генералъ-губернатору Кавелину [2]). Сохранился паспортъ Спѣшнева и его лакея, подписанный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Перовскимъ, 10 ноября 1844 г., который явленъ былъ въ ковенской таможнѣ, Варшавѣ и затѣмъ 28 марта—9 апрѣля 1845 г. въ русскомъ посольствѣ въ Дрезденѣ по дорогѣ въ Вѣну. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ III-му отдѣленію Соб. Его Вел. Канц. Савельевымъ, дѣти были привезены въ Россію и воспитывались у Цѣхановецкихъ, а послѣ того, какъ Спѣшневъ былъ сосланъ, его мать подала прошеніе о причисленіи его незаконнорожденныхъ сыновей къ сословію мѣщанъ. Но почему-то это не было исполнено [3]).

---

[1]) По словамъ Энгельсона, его товарища по лицею, Спѣшневъ жилъ за границей съ 1842 по 1845 г. Энгельсонъ писалъ ему за границу, а Спѣшневъ черезъ него посылалъ письма своимъ роднымъ.

[2]) Приносимъ искреннюю благодарность М. К. Лемке за сообщеніе копіи съ дѣла Энгельсона въ III отд. Соб. Е. В. Канц. Къ Энгельсону я со временемъ возвращусь.

[3]) Братъ Анны Савельевой, матери этихъ дѣтей, въ 1855 г. подалъ на имя гр. А. Ѳ. Орлова прошеніе о помѣщеніи мальчиковъ въ какое-либо учебное заведеніе. Но оказалось, что они должны были быть предварительно записаны въ какое-либо податное сословіе, а такъ какъ этого не было сдѣлано, то Орловъ написалъ: «Нельзя. Къ сожалѣнію».

Живя въ Швейцаріи, Спѣшневъ принялъ участіе въ столкновеніи между либеральными кантонами и зандербундомъ, состоявшимъ изъ семи ультромантскихъ кантоновъ, по вопросу объ изгнаніи іезуитовъ, и находился волонтеромъ въ войскѣ полковника Оксенбейна, когда онъ шелъ на Люцернъ. Вѣроятно, онъ имѣлъ личныя знакомства среди заграничныхъ соціалистовъ, судя по письму изъ Парижа неизвѣстнаго лица отъ 24 марта 1847 г., которое было найдено въ его бумагахъ. Это лицо извѣщаетъ Спѣшнева, что оно участвуетъ въ редактированіи извѣстнаго журнала Revue Independante, который издавали въ 1841—48 гг. Пьеръ Леру, Жоржъ Зандъ и Луи Віардо, и предлагаетъ ему помѣщать въ журналѣ статьи о Россіи. Бакунинъ, впервые познакомившійся со Спѣшневымъ въ Сибири, во время ссылки ихъ обоихъ, сообщаетъ въ письмѣ оттуда Герцену, что Спѣшневъ «въ 1846 г. слылъ львомъ иностраннаго, особенно же польско-русскаго дрезденскаго общества. По его словамъ, Е. П. Языкова, ея дочь «и всѣ ихъ пріятельницы, даже одна 70-лѣтняя польская графиня, были въ него влюблены. Другомъ, неразлучнымъ его сеидомъ, былъ... шарлатанъ Эдмондъ Хоецкій. Но не однѣ дамы, молодые поляки, преимущественно аристократической партіи Чарторыжскаго, были отъ него безъ ума». Эти свѣдѣнія остаются на отвѣтственности Бакунина, который вслѣдствіе своей близости съ Муравьевымъ, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, во время ссылки былъ враждебно настроенъ противъ Петрашевскаго и его друзей, послѣ извѣстной дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ. По словамъ Ратча, Спѣшневъ будто бы «привезъ въ Россію статуты польской революціонной организаціи» [1]). Но слѣдственная комиссія по дѣлу о петрашевцахъ не обнаружила никакихъ слѣдовъ польскихъ революціонныхъ вліяній, да и вообще первое мѣсто въ ихъ кружкахъ занимали вопросы не національные, а соціальные и затѣмъ политическіе.

Спѣшневъ былъ не фурьеристъ, а коммунистъ [2]), какъ это было объяснено выше [3]). Коммунизмъ его являлся причиною его несогласій съ Петрашевскимъ, а затѣмъ и ссоры, хотя, какъ товарищи по лицею, они говорили другъ другу «ты». По показаніямъ Момбелли, Спѣшневъ «объявлялъ себя коммунистомъ, но вообще мнѣній своихъ не любилъ высказывать, держа себя какъ-то таинственно, что въ особенности не нравилось Петрашевскому, короче другихъ знакомому съ нимъ». «Петрашевскій часто жаловался на

---

[1]) Ratch. «La question polonaise dans la Russie occidentale. Materiaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863», P. 1868, p. 103.

[2]) Слѣдственная комиссія изъ показанія Спѣшнева, прочитаннаго 2 іюня 1849 года., заключила, что онъ «возвратился въ Россію, проникнутый коммунистскими идеями и мечтами о способахъ въ томъ же духѣ произвести переворотъ и въ нашемъ общественномъ бытѣ».

[3]) См. «Голосъ Минувшаго», 1913 г., № 4, стр. 120—123.

скрытность Спѣшнева и говорилъ, что онъ всегда хочетъ казаться не тѣмъ, что есть. Въ своемъ показанiи Петрашевскiй заявилъ, что «уважаетъ Спѣшнева за его сердце, талантливость и умъ, но не за его самолюбiе». Спѣшневъ говорилъ у себя лишь «столько, сколько нужно, чтобы заставить другихъ говорить, поддержать разговоръ, а самъ только слушалъ». Даже о томъ, что онъ былъ за границей, Момбелли узналъ отъ другихъ, а не отъ него самого. Къ гостямъ онъ былъ привѣтливъ и внимателенъ, «но всегда холоденъ, ненарушимо спокоенъ, наружность его никогда не измѣняла выраженiя». По взглядамъ на религiю онъ былъ атеистомъ [1]). Балосогло говоритъ о большихъ познанiяхъ Спѣшнева въ наукахъ общественныхъ и философiи. По его словамъ, «съ необыкновенною радостью онъ нашелъ въ Спѣшневѣ «при ближайшихъ бесѣдахъ умъ вполнѣ философскiй и самыя разнообразныя познанiя, что весьма рѣдко встрѣчалъ въ жизни... Я зналъ, что онъ прилежно занимается науками». Книги, взятыя у Спѣшнева при обыскѣ, показываютъ, что онъ интересовался исторiею новѣйшей нѣмецкой философiи, политическою экономiею, фурьеризмомъ, исторiею великой французской революцiи, крестьянскимъ вопросомъ: онъ считалъ самою важною реформою освобожденiе крестьянъ; напомнимъ, что онъ былъ противникомъ iезуитовъ [2]). Вмѣстѣ съ Филипповымъ Спѣшневъ задумывалъ устроить типографiю для печатанiя сочиненiй, недозволенныхъ цензурою. Нѣкоторыя типографскiя принадлежности Филипповъ уже прiобрѣлъ и привезъ въ квартиру Спѣшнева, при обыскѣ у котораго были найдены, впрочемъ, только два пустыхъ ящика. Спѣшневъ принялъ отвѣтственность за этотъ заказъ на себя и показалъ, что Филипповъ дѣйствовалъ по его указанiю.

---

[1]) «Въ бумагахъ Спѣшнева было взято при обыскѣ его «разсужденiе въ формѣ рѣчи», въ которомъ опровергалось существованiе Бога» (вѣроятно, то, которое было прочитано на одномъ изъ собранiй у Петрашевскаго).

[2]) Въ бумагахъ Спѣшнева была взята рукопись «Разсужденiе о крѣпостномъ состоянiи, о необходимости неотлагательнаго уничтоженiя его въ Россiи и о составленiи общества изъ лицъ, дѣйствующихъ для достиженiя сей цѣли». Къ сожалѣнiю, дѣло Спѣшнева цѣликомъ не сохранилось, и есть только извлеченiя изъ его показанiй. При обыскѣ у Спѣшнева были взяты слѣдующiя иностранныя книги: Proudhon. Système des contradictions économiques. (P. 1846), Ch. Fourier. Le nouveau monde industriel (1840, 2 vol), Pellarin. Ch. Fourier, sa vie et sa théorie (2 ed. P. 1843), L. Blanc. Histoire de la Révolution française (t. II, P. 1847), J. Garnier. Eléments de l'économie politique (P. 1848, 2 ed.), Almanach Phalansterien pour 1846, Carl Biedermann. Die deutsche Philosophie von Kant bis auf unsere Zeit (I Bd., 1842). «Die weisse Sclaverei oder die Leibeigenschaft in Russland» (I — III Th., 1845—46), «Le Jesuitisme vaincu et anéanti par le socialisme ou les constitutions de Jesuites et leurs instructions secrètes et parallèle avec un projet d'organisation du travail par Th. Dèzamy auteur du code de l'organisation sociale» (1845).

Несмотря на то, что къ Черносвитову Спѣшневъ относился подозрительно, его «подмывало любопытство», и онъ рѣшилъ «во что бы то ни стало вывѣдать или самъ, или черезъ Петрашевскаго, что такое затѣвается, и затѣвается ли что». Въ одну изъ пятницъ. по разъѣздѣ гостей, Петрашевскій свелъ Черносвитова со Спѣшневымъ, сталъ наводить ихъ на мысль, что въ Россіи существуетъ тайное общество, и доказывалъ это пожарами въ 1848 г. и волненіями въ низовыхъ губерніяхъ. Вскорѣ послѣ того Спѣшневъ навѣстилъ заболѣвшаго Черносвитова, а тотъ отдалъ ему визитъ и сталъ говорить о томъ, что на пермскихъ заводахъ 400 тысячъ народа, оружіе подъ рукою и всѣ только и ждутъ первой вспышки. Черносвитовъ просилъ Спѣшнева пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ Петрашевскимъ, такъ какъ опасался говорить у Спѣшнева, въ виду многочисленности у него прислуги. Когда они втроемъ сошлись въ квартирѣ Черносвитова, тотъ сталъ излагать планъ возстанія въ Восточной Сибири и на Уралѣ. По его мнѣнію, необходимо, чтобы возстаніе вспыхнуло сначала въ восточной Сибири; туда пошлютъ корпусъ войскъ, но едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ поднимется все уральское населеніе, и войско останется въ Сибири. Тогда съ 400 тысячъ заводскихъ крестьянъ можно будетъ кинуться на низовыя губерніи и землю Войска Донского [1]). На усмиреніе этого возстанія потребуются всѣ войска, если же къ этому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и все кончено: революціонная партія выиграла. Когда Спѣшневъ сказалъ: «Да помилуйте, если Уралъ весь подкопанъ, то это будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: черни не удержишь». Черносвитовъ отвѣчалъ: «Ну нѣтъ, надо, по крайней мѣрѣ, годъ, чтобы приготовить все къ возстанію, впрочемъ, можно въ теперешнемъ положеніи попридержать еще лѣтъ пять-шесть». Но потому-то, по словамъ Черносвитова, ему и нужно знать, есть ли тайное общество въ Петербургѣ или Москвѣ. Петрашевскій сталъ возражать противъ бунта и возстаній черни, развивалъ фурьеристскія воззрѣнія, и въ заключеніе сказалъ, что надѣется видѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ [2]).

Послѣ того какъ Спѣшневъ разсказалъ все это въ своемъ показаніи, Петрашевскій на вопросы комиссіи подтвердилъ его слова и добавилъ, что во время послѣдняго разговора Черносви-

---

[1]) Спѣшневъ, по показанію Черносвитова, назвалъ это «Пугачевскимъ путемъ». Ему Черносвитовъ приписывалъ и самую мысль о перенесеніи мятежа въ низовыя губерніи. Черносвитовъ надѣялся также повліять и на раскольниковъ.

[2]) Черносвитовъ подтвердилъ въ своемъ показаніи, что между Петрашевскимъ и Спѣшневымъ произошло разногласіе. Послѣдній полагалъ, что для улучшенія настоящаго положенія Россіи долженъ произойти насильственный переворотъ, а Петрашевскій утверждалъ, что этого можно достигнуть легальнымъ путемъ, благоразумно улучшая и направляя законы.

товъ, между прочимъ, сказалъ: «Надобно всѣхъ запереть и разомъ схватить». На вопросъ комиссіи о значеніи этихъ словъ, Петрашевскій отвѣчалъ, что, конечно, они не могутъ не относиться «къ высшему правительству безъ исключенія». Въ другой разъ Петрашевскій, психически заболѣвшій, какъ увидимъ ниже, въ крѣпости, заявилъ, что Черносвитовъ «неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, разсказывалъ, что онъ членъ какого-то тайнаго общества въ высшемъ аристократическомъ кругу».

Въ числѣ обычныхъ посѣтителей Петрашевскаго былъ поручикъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, Николай Александр. Момбелли, дворянинъ Черниговской губерніи. Онъ родился 12 февраля 1823 г. въ гор. Новозыбковѣ, учился на казенный счетъ въ Дворянскомъ полку съ 1837 или 1838 г. по 1842 и выпущенъ оттуда прапорщикомъ въ л.-гв. московскій полкъ. Слѣпой отецъ его, подполковникъ въ отставкѣ, съ 1816 г. не имѣлъ никакого имущества и жилъ въ г. Козельцѣ, Черниговской губ. Не имѣя никакой матеріальной поддержки отъ семьи, Н. А. Момбелли началъ дѣлать долги и скоро очутился въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Приходилось иной разъ по нѣскольку дней сидѣть безъ обѣда, да еще придумывать средства, какъ скрыть это отъ своего денщика. Нужда доводила его въ послѣдніе годы предъ арестомъ до тяжелой ипохондріи [1]. Къ этому присоединилась еще болѣзнь, такъ что онъ покушался даже на свою жизнь, и только вслѣдствіе осѣчки револьвера, не сразу выстрѣлившаго, не убилъ себя, а только ранилъ въ руку. Онъ страшно тяготился службою, строгостью дисциплины и необходимостью присутствовать иногда, по служебнымъ обязанностямъ, при такихъ ужасныхъ зрѣлищахъ, какъ наказаніе солдатъ шпицрутенами. Въ 1846 г. у него явилась мысль попытать счастья въ литературѣ; онъ сообщилъ о своемъ предположеніи товарищамъ-офицерамъ, и они рѣшили собираться разъ въ недѣлю, писать оригинальныя и переводныя статьи и сообща обсуждать ихъ. Собранія эти происходили съ сентября 1846 до конца февраля 1847 г. Прочитанныя статьи были очень разнообразнаго содержанія: тутъ были переводы изъ Вольтера (св. Марія Магдалина, царь Соломонъ въ переводѣ Момбелли), изъ Вольнея (Взглядъ на религію, О происхожденіи религіи), статья Момбелли о Марсельезѣ, статьи по русской исторіи, напр., «Паденіе Новгорода», «Вступленіе ко взгляду на Бориса Годунова», процессъ царевича Алексѣя Петровича; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., «Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича», «Екатерина I», были переведены съ французскаго изъ сочиненій гр. П. В. Долгорукова,

---

[1]) Петрашевскій отозвался о Момбелли, что это «человѣкъ сангвинико-меланхолическаго характера, склонный къ ипохондріи».

писавшаго подъ псевдонимомъ графа Альмагро [1]), переводы изъ книги Левека: о Петрѣ II и восшествіи на престолъ Екатерины II, изъ книги Сегюра «Les femmes» объ Екатеринѣ II, «Основаніе Рима и царствованіе Ромула и «Аспазія» — статьи Момбелли, его же компиляція о скопцахъ. Читались статьи по естественнымъ наукамъ; о глазѣ человѣка (изъ анатоміи Мильнъ-Эдвардса), «Любовь растеній» статья Момбелли, напечатанная въ «Иллюстраціи», статьи Ѳ. Н. Львова (единственнаго петрашевца, принимавшаго участіе въ собраніяхъ Момбелли) «Взглядъ химика на природу», «Символы основныхъ элементовъ», «Мѣсто химіи въ средѣ наукъ», «Яды», «О мужчинѣ и женщинѣ въ отвлеченномъ смыслѣ» его же, статья о польской революціи Макшеева, «Донъ-Жуанъ» Байрона (читалъ по корректурнымъ листамъ самъ переводчикъ Василій Романовичъ), «Начала духовной войны на Кавказѣ» — записки капитана Пружановскаго.

Статьи Момбелли, несмотря на ихъ невинныя заглавія, заключали въ себѣ очень много радикальныхъ мнѣній по поводу современныхъ событій. Такъ, въ чтеніи «Основаніе Рима и царствованіе Ромула», авторъ упоминалъ о внѣшнихъ займахъ Россіи, говорилъ объ ужасномъ хлѣбѣ, которымъ питаются крестьяне Витебской губ. и которымъ слѣдовало бы, по мнѣнію Момбелли, покормить «чадолюбиваго императора», высказывалъ мнѣніе, что римскій сенатъ «имѣлъ болѣе основанія поднести Ромулу прозваніе мудраго, чѣмъ русскій сенатъ имп. Николаю: первый заботился объ общемъ благѣ гражданъ, второй же объ уничтоженіи блага подданныхъ и объ увеличеніи своего собственнаго: искусство увеличить только свое личное благосостояніе въ ущербъ общему въ царѣ никакъ не можетъ назваться мудростью». Тутъ же авторъ дѣлалъ краткую характеристику общественнаго движенія въ различныхъ государствахъ Европы.

Такъ, о Франціи онъ говоритъ, что она «быстро стремится къ утвержденію совершеннаго равенства передъ закономъ, полной независимости гражданина и къ признанію во всякомъ человѣкѣ правъ и достоинствъ его», а также «старается о распространеніи въ Европѣ своихъ высокихъ и благородныхъ идей». Швейцарія, «искони» стремившаяся «къ господству демократіи», ей сочувствуетъ. «Пылкая Италія, приходящая въ энтузіазмъ отъ всего прекраснаго, наконецъ, возстаетъ отъ продолжительнаго летаргическаго сна и обѣщаетъ энергическую опору идеямъ истины»; «во главѣ возрождающейся Италіи становится» папа Пій IX, который, пренебрегая «заманчивостью самодержавія», вводитъ въ своихъ владѣніяхъ «конституціонное правленіе». Мом-

---

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ вышла въ 1842 г. въ Парижѣ его книга «Notices sur les principales familles de la Russie».

белли предсказываетъ, что въ Пруссіи, усвоившей «основныя идеи Франціи» и развивающей ихъ по-своему, «права гражданской свободы и равенства передъ закономъ скоро восторжествуютъ надъ притѣсненіями и беззаконностью». И если король будетъ далѣе откладывать исполненіе обѣщанія ввести конституцію, то «нація выйдетъ изъ терпѣнія и распорядится безъ короля, что, можетъ, и лучше будетъ». Австрійскій царствующій домъ, съ его «хитрою и безнравственною политикою», связанъ съ Россіею «безчестнымъ желаніемъ поддержать и распространить деспотизмъ». Тѣмъ не менѣе, поляки, «несмотря на всю бѣдственность настоящаго положенія, еще надѣются, и не безъ основанія, на возвращеніе своей независимости». На долю Ромула и Рима во всемъ очеркѣ осталось мало мѣста [1]).

Вечера Момбелли и его собственныя чтенія доставили ему прозвище «либерала», объ нихъ началась въ городѣ болтовня, и ему пришлось прекратить собранія. Слухи о нихъ дошли до Петрашевскаго, и онъ пригласилъ Момбелли на свои пятницы.

За нечисто выбритый подбородокъ вел. князь Михаилъ Павловичъ отправилъ Момбелли на три недѣли подъ арестъ, и начавшееся преслѣдованіе со стороны начальства привело къ тому, что Момбелли было предложено въ декабрѣ 1848 г. пріискать другой родъ службы, а такъ какъ онъ этого не исполнилъ, то въ концѣ марта 1849 г. велѣно было сдѣлать представленіе объ увольненіи его въ отставку по болѣзни. Ѳед. Ник. Львовъ, пріятель Момбелли, сказалъ о немъ въ своемъ показаніи, что у него «теплая и впечатлительная душа» [2]), и что онъ, «начитавшись новыхъ французскихъ писателей, осуждающихъ настоящій порядокъ вещей, (не соціальный)», полагалъ, что, «осуждая его, онъ служитъ истинѣ». Д. Ахшарумовъ заявилъ, что Момбелли не фурьеристъ. Однако послѣ знакомства съ Петрашевскимъ Момбелли, по его собственнымъ словамъ, «одаренный какою-то алчной любознательностью, желаніемъ знать возможно болѣе», заинтересовался и соціализмомъ. Въ своемъ показаніи онъ заявилъ, что, когда у Петрашевскаго и Спѣшнева «говорили объ измѣненіяхъ съ обѣщаніемъ лучшаго, я сочувствовалъ всему, несмотря на очевидныя противорѣчія и неправдоподобія. Идеологіи Fourier, Enfantin'а, Cabet, Villegardelle'я, Louis Blanc'а и другихъ меня не увлекали безусловно,—въ нихъ химеричность и ложность бросаются въ глаза, однако, не раздѣляя ихъ фантазій, я имъ всѣмъ сочувствовалъ за то только, что обѣщали людямъ лучшую жизнь... Я сочувствовалъ

---

[1]) Подъ статьею подпись: «Le citoyen Nicolas.

[2]) Въ статьѣ «Объ основаніи Рима и царствованіи Ромула» Момбелли говоритъ: «Я хочу вѣрить въ хорошее и думаю, что, наконецъ, добро восторжествуетъ надъ порокомъ, уничтожитъ его, и тогда люди сдѣлаются нравственными божествами»

и идеѣ республиканскаго образа правленія, какъ идеально болѣе кроткаго, болѣе и скорѣе смягчающаго нравы».

Момбелли пришла мысль составить «братство взаимной помощи»: по его объясненію на слѣдствіи, она родилась у него вслѣдствіе желанія пріобрѣсти искреннихъ и преданныхъ друзей, съ которыми можно было бы отвести душу. Мысль эту онъ сообщилъ Ѳ. Н. Львову еще до знакомства ихъ съ Петрашевскимъ. Вотъ какъ излагалъ Момбелли въ показаніи для слѣдственной комиссіи свое первоначальное предположеніе:

«Въ обществѣ всюду сталкиваемся съ однимъ только эгоизмомъ, всюду одно только самолюбіе, забота только о своихъ личныхъ интересахъ, да изрѣдка попеченіе о своихъ родныхъ, и только; нѣтъ человѣколюбія вообще, нѣтъ любви къ ближнему. Любовь идеальная приходитъ временно, согрѣваетъ не надолго и не всѣхъ. Только въ кругу родныхъ и можно найти пищу чувствамъ, пользоваться любовью искреннею, непритворною. Но не всѣ родныхъ имѣютъ; многіе живутъ далеко отъ своихъ близкихъ; другіе по какимъ-нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ не ладятъ съ ними. Поэтому многіе достойные молодые люди, видя всеобщую холодность, черствѣютъ и потомъ сами, въ свою очередь, дѣлаются эгоистами и себялюбцами. Почему нахожу спасительнымъ соединиться многимъ вмѣстѣ въ братство, въ семью, гдѣ бы всѣхъ связывали взаимная искренность, дружба, любовь, довѣренность и, какъ необходимое слѣдствіе, и уваженіе. Въ братствѣ, въ этой семьѣ новаго рода, можно бы было во всякую минуту найти, съ кѣмъ согрѣть душу, передъ кѣмъ раскрыть, въ минуты настроенности, свои мечты, свои помышленія. Всѣ братья помогали бы одинъ другому во всемъ,—въ матеріальномъ отношеніи, и главное въ нравственномъ.

«Одинъ человѣкъ слишкомъ слабъ, и какъ бы хороши ни были его намѣренія, какъ бы ни были высоки его стремленія, онъ упадетъ, будетъ смятъ въ грязи, если не имѣетъ протекціи или сильныхъ родственниковъ. Математическая аксіома—«соединенныя силы сильнѣе дѣйствуютъ суммы тѣхъ же силъ, дѣйствующихъ порознь»—въ мірѣ нравственномъ еще сильнѣе, чѣмъ въ мірѣ физическомъ; поэтому братство взаимной помощи могло бы замѣнить протекцію и удовлетворить потребности подѣлиться чувствами. Кромѣ нравственной поддержки, при встрѣчѣ въ обществахъ наблюдать одинъ за другимъ, замѣчая взаимно странности, неловкости и промахи и также, на чемъ основываются невыгодные толки или мнѣнія, чьи бы они ни были. Потомъ всѣ такія замѣчанія взаимно сообщать съ полною откровенностью, не боясь оскорбить или задѣть за живое, потому что между собою была бы отвергнута возможность оскорбленія, любовь и довѣренность должны были превосходить щекотливость, раздражительность самолюбія, каждый долженъ быть увѣренъ, что что бы ни говорилъ другой, то говорится для его же пользы, изъ желанія его исправить, а не изъ намѣренія оскорбить. Такъ же братство общими силами должно стараться о возможной помощи несчастнымъ и страждущимъ, даже отыскивать ихъ самимъ. Въ этомъ случаѣ помощь полагалась не столько матеріальная, сколько нравственная, т.-е. чтобы нищихъ, пьяницъ и т. п. извлекать изъ грязныхъ условій и, исправивъ, доставлять возоможность честнаго существованія».

Момбелли, убѣждая Львова, сказалъ ему, что если соединяются въ общества, напримѣръ, іезуитское, съ злою цѣлью, то отчего же не соединиться съ доброю цѣлью, съ цѣлью братства.

Львовъ замѣтилъ, что «подобное общество могло бы имѣть важное значеніе впослѣдствіи, если въ Россіи случится какой-либо политическій переворотъ, потому что вынесло бы изъ себя много людей достойныхъ». Момбелли отвѣчалъ: «объ этомъ и думать еще нечего. Въ Россіи еще долго нельзя ожидать никакого переворота».—«Да, вѣрно лѣтъ двадцать пройдетъ», сказалъ Львовъ.

Познакомившись съ Петрашевскимъ, Момбелли, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1848 г., упомянулъ ему о своей мысли, тотъ посовѣтовалъ переговорить со Спѣшневымъ. Момбелли согласился. Въ первомъ разговорѣ, въ кабинетѣ Петрашевскаго, Момбелли настолько неясно изложилъ свою мысль, что Петрашевскій и Спѣшневъ его, видимо, не поняли. Рѣшено было собраться у Спѣшнева, но вмѣстѣ съ тѣмъ было выражено желаніе увеличить число участниковъ совѣщанія, и Момбелли назвалъ Львова, Петрашевскій—Дебу I, а Спѣшневъ сказалъ, что полагается только на самого себя. Въ первыхъ двухъ собраніяхъ у Спѣшнева (а всѣхъ ихъ у него было въ теченіе декабря 1848 и началѣ января 1849 отъ 4 до 6) не пришли къ соглашенію и потому рѣшили для большей ясности письменно изложить свои мнѣнія. Момбелли такъ пересказываетъ въ своемъ показаніи то, что имъ было прочитано.

«Люди добра и прогресса встрѣчаются рѣдко, да и тѣ скоро погибаютъ въ жизненномъ водоворотѣ, потому что они не могутъ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, къ какимъ прибѣгаютъ другіе. Призваніе, стремленіе къ благу, къ добру, какое они чувствуютъ въ себѣ, скоро потухаетъ, не встрѣчая поддержки, подавляемое всеобщимъ эгоизмомъ, и они, въ свою очередь, сами черствѣютъ, превращаясь въ эгоистовъ или мизантроповъ. Такъ, покамѣстъ не потухъ тотъ жаръ, полагаю полезнымъ предупредить иначе почти неизбѣжное, соединиться вмѣстѣ, подать братски руки, соединить свои силы, слиться сердцемъ, породниться духомъ.—Потомъ слѣдовало изложеніе мысли уже высказанной мною, но съ употребленіемъ словъ прогрессъ, передовыя понятія и проч. Главное вниманіе я старался обратить на то, чтобы щепетильность, амбиціонность, щекотливость въ обращеніи между собою были бы совершенно изгнаны: что бы одинъ другому ни говорилъ, то ни въ какомъ случаѣ не принималось бы за оскорбленіе другимъ, потому что должно быть извѣстно и признано, что все то говорится единственно въ видахъ взаимной всѣхъ пользы. Между собою всѣ бы говорили съ совершенною откровенностью, безъ уклончивости, не примѣняясь къ личности, не щадя самолюбія. Доказывая нравственныя и матеріальныя выгоды такого соединенія, я для поясненія приводилъ нѣсколько примѣровъ, а именно: какъ много талантовъ блистательныхъ кончаютъ земное поприще незамѣченными и часто неимѣвши средствъ вполнѣ развиться, потому единственно, что никто на нихъ не обратилъ вниманія, никто во-время не открылъ ихъ достоинствъ». Слѣдуетъ «стараться о доставленіи извѣстности и славы членамъ, занимающимся спеціально какимъ-либо предметомъ. Будетъ ли то артистъ, художникъ, литераторъ, театральный писатель или ученый, извѣстность и удача поощрятъ его, ободрятъ, придадутъ болѣе энергіи и терпѣнія заняться съ большимъ напряженіемъ избраннымъ предметомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставятъ болѣе средствъ и способовъ къ развитію таланта, распространятъ кругъ спеціальной дѣятельности. Но, доставляя такимъ образомъ... извѣстность спеціалистамъ, не позволять

имъ слишкомъ увлекаться удачею, и между собою въ собраніяхъ подвергать ихъ произведенія строжайшей критикѣ, не щадя самолюбія. Также въ своей статьѣ говорилъ, что многіе терпятъ отъ того, что случай поставилъ ихъ въ жизненныя условія, несоотвѣтственныя съ ихъ способностями и желаніями,— такъ (нужно) стараться доставить имъ мѣста по ихъ наклонностямъ и способностямъ. Вообще содѣйствовать взаимному возвышенію какъ въ мнѣніи общественномъ, такъ и въ положеніи. О себѣ хлопотать, просить за себя, даже передъ лицомъ, въ расположеніи котораго не сомнѣваешься, всегда какъ-то неловко, непріятно; тогда какъ за другихъ именно пріятно... Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать черезъ посредниковъ удобнѣе и даже короче. — Вотъ содержаніе моей статьи. Она была написана разгонистымъ почеркомъ на трехъ полулистахъ».

Петрашевскій иначе передаетъ предложеніе Момбелли; по его словамъ, онъ сказалъ:

«Есть много золъ, удручающихъ нашу общественную жизнь (за симъ слѣдовало ихъ перечисленіе); ихъ исправить можетъ одно общественное мнѣніе» (затѣмъ слѣдовало объясненіе его вліянія и значенія). «У насъ, въ Россіи, нѣтъ здраваго общественнаго мнѣнія (означены причины сему) и способовъ его исправленія, почему и нужно составить товарищество, которое, вникая во всѣ общественныя отношенія и потребности, дало бы правильное направленіе общественному мнѣнію. Одинъ же изъ важнѣйшихъ предметовъ, на которые имѣетъ оно обратить свое вниманіе, есть предосудительныя дѣйствія или злоупотребленія административныхъ лицъ.., наиболѣе имѣющія вредное вліяніе на жизнь общественную. Товарищество должно стараться ихъ обнаруживать, дабы нарушителей законовъ постигла должная мзда. Такъ какъ сіе можетъ быть совершено съ успѣхомъ единственно людьми умными и образованными, и какъ недостатокъ таковаго благодѣтельнаго вліянія здраваго общественнаго мнѣнія происходитъ отъ разрозненности людей образованныхъ и отсутствія между ними связи, то и слѣдуетъ учредить съ цѣлью совершенія этого товарищество, состоящее изъ людей образованныхъ и съ передовыми мнѣніями, дабы они и могли дать жизни общественной въ нравственномъ отношеніи надлежащее развитіе» [1]).

Петрашевскій при обсужденіи вопроса объ учрежденіи товарищества говорилъ по конспекту.

Судя по показанію Момбели, онъ настаивалъ преимущественно на томъ, чтобы составить «ученый комитетъ, комитетъ разсужденій, въ которомъ бы критически разбирались различныя мнѣнія. Онъ говорилъ, что истина одна и что если расходятся мнѣнія, то это потому, что одинъ знаетъ болѣе фактовъ, а другой менѣе, и при томъ одинъ знаетъ одни факты, а другой—другіе, и что поэтому путемъ разсужденія и анализа всегда можно дойти до мнѣнія, болѣе близкаго къ истинѣ, чѣмъ отдѣльныя мнѣнія каждаго, основанныя на неполномъ числѣ фактовъ». Онъ желалъ, чтобы прежде чѣмъ приступить къ разсужденіямъ, каждый написалъ свою біографію [2]), «въ которой бы изложилъ исторію своего умственнаго и нравственнаго развитія, а также и высказалъ бы въ подробности свои настоящія мнѣнія. Такимъ образомъ поочередный разборъ мнѣній каждаго по поводу біографій долженъ былъ служить началомъ къ систематическому анализу мнѣній вообще по всѣмъ предметамъ. Онъ говорилъ по обыкновенію и о фурьеризмѣ. Помнится, говорилъ и о пропагандѣ».

---

[1]) Въ позднѣйшемъ показаніи Момбелли говоритъ: «Цѣлью выставляли перемѣну въ обществѣ, но не одинаково».

[2]) Это еще ранѣе предложилъ Момбелли въ одномъ изъ тѣхъ же собраній.

Петрашевскій доказывалъ необходимость распространенія ученія Фурье съ тою цѣлью, чтобы, когда придетъ время, были люди готовые, но не отказывался разсуждать о томъ, какой путь избрать для этого. Въ другой разъ Петрашевскій показалъ, что онъ читалъ статью, гдѣ излагалъ свое мнѣніе относительно важности системы философской, и доказывалъ, что система Фурье, хорошо разработанная, можетъ удовлетворить всѣмъ такимъ требованіямъ.

Момбелли предлагалъ составить капиталъ, чтобы такимъ образомъ опредѣлять число членовъ и помогать тѣмъ, кто попадется. На вопросъ Спѣшнева, кто будетъ собирать деньги, онъ отвѣчалъ: «Ну, будетъ касса, и разумѣется, будетъ комитетъ».—«А кто же будетъ составлять этотъ комитетъ?» спросилъ Спѣшневъ. «Основатели общества,—отвѣчалъ Момбели:—хоть мы пятеро, если согласимся основать такое общество».—«Кого же будутъ приглашать въ это общество? Разумѣется, соціалистовъ вообще, а потомъ людей передовыхъ мнѣній, т.-е. республиканцевъ и конституціонныхъ (sic), такъ, что ли?» спросилъ Спѣшневъ. «Ну да, пожалуй,—отвѣчалъ кто-то,—только конституціонныхъ не надо допускать въ комитетъ». Начались споры.

Львовъ говорилъ о формахъ общества и высказалъ мнѣніе, что оно должно состоять изъ одиннадцати человѣкъ, а если послѣ будутъ составляться афиліаціи, то чтобы въ каждой изъ нихъ было по два члена. Цѣлью общества, какъ показалъ Львовъ, онъ сначала предполагалъ взаимную помощь, а потомъ, если будутъ благопріятствовать обстоятельства, устройство общества на тѣхъ же началахъ, которыя будутъ признаны лучшими [1]). Относительно средства сохранить тайну Момбелли, между прочимъ, сказалъ: «въ одномъ изъ параграфовъ» (правилъ) «пріема можно включить угрозу наказанія смертью за измѣну... Написанная или сообщенная словесно, угроза будетъ еще болѣе скрѣплять тайну, обезпечивать ея» (сохраненіе), «и недѣйствительность ея должна быть извѣстна только однимъ основателямъ или, въ случаѣ составленія другихъ комитетовъ, одному только главному комитету».

Дебу І-й выразилъ сомнѣніе, чтобы «чистый фурьеристъ» могъ сойтись съ либераломъ; кромѣ того, онъ сказалъ: «Предполагаемое общество будетъ тайное, а онъ въ тайномъ обществѣ участія не приметъ: для того, чтобы говорить о Фурье, не нужно тайнаго общества». Онъ не совѣтовалъ и Петрашевскому принимать участія въ обществѣ, предложенномъ Спѣшневымъ. Пріѣхавъ однажды къ Петрашевскому, Спѣшневъ выразилъ увѣренность, что у Момбелли нѣтъ никакого

---

[1]) Въ показаніи онъ такъ формулировалъ свои слова: «я желалъ бы такого общества, въ которомъ бы возможна была всякая свободно-разумная дѣятельность каждаго. И общественный этотъ порядокъ я полагаю близкимъ къ тому, который показываетъ Фурье, но только желалъ бы, чтобы онъ былъ подвергнутъ строгой критикѣ и принятъ не по принужденію».

общества. Спѣшневъ заявилъ, что желаетъ «дѣйствовать исключительно съ политическою цѣлью и составить общество чисто политическое». Онъ полагалъ, что переворотъ можетъ случиться черезъ нѣсколько лѣтъ. По его мнѣнію, есть три способа дѣйствія: іезуитскій, пропагандный и возстаніе, или революціонный. Каждый изъ нихъ не обѣщаетъ полной удачи, и потому болѣе шансовъ успѣхи, если пользоваться всѣми тремя способами. Для этого надо учредить центральный комитетъ, который долженъ будетъ создать частные комитеты: комитетъ товарищества для взаимной поддержки другъ друга, комитетъ для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистской и либеральной и, наконецъ, комитетъ тайнаго общества на возстаніе.

Въ концѣ-концовъ участники совѣщанія не пришли къ соглашенію, и рѣшено было общества не устраивать; они дали другъ другу слово никому не разсказывать объ этомъ предположеніи. Петрашевскій сдѣлалъ еще попытку наладить дѣло. Момбелли объясняетъ его побужденія тѣмъ, что онъ въ послѣдній вечеръ требовалъ отъ Спѣшнева открытаго объясненія его взглядовъ на коммунизмъ и могъ думать, что его считаютъ виновникомъ неудачи этого дѣла. Петрашевскій, Дебу и Момбелли еще разъ собрались у Львова, и было поручено Дебу спросить Спѣшнева, желаетъ ли онъ еще разъ попытаться прійти къ соглашенію. Спѣшневъ письменно отвѣтилъ Петрашевскому, при чемъ иронически отозвался о затѣѣ Момбелли, назвалъ ее «chasse aux places», говорилъ о Момбелли и Львовѣ, какъ о молодыхъ людяхъ, желалъ имъ всякаго счастья и отказывался отъ предложенія потому, что связанъ другими условіями, болѣе положительными. По словамъ Петрашевскаго въ его показаніи, Спѣшневъ написалъ еще, что, «будучи съ нимъ совсѣмъ противоположныхъ мнѣній, онъ не можетъ быть вмѣстѣ ни въ какомъ дѣлѣ». Разговоры Спѣшнева и Петрашевскаго съ Черносвитовымъ и обсужденіе предложенія Момбелли о братствѣ взаимной помощи раскрылись вслѣдствіе того, что при обыскѣ у Спѣшнева, вмѣстѣ съ другими его бумагами, была взята слѣдующая обязательная подписка, написанная рукою Спѣшнева:

«Я нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду: 1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ, т.-е. по извѣщенію отъ комитета обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мнѣ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда, и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или и тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и какъ только могу споспѣшествовать успѣху возстанія. 2) Я беру на себя обязанность увеличить силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти не

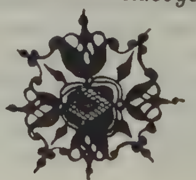
афильировать. 3) Афильировать, т.-е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ, обязываюсь не наобумъ, а по строгому соображенію, и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, если бы даже и отступились послѣ отъ меня, вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждаго мной афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, все съ перваго до послѣдняго слова и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе»...

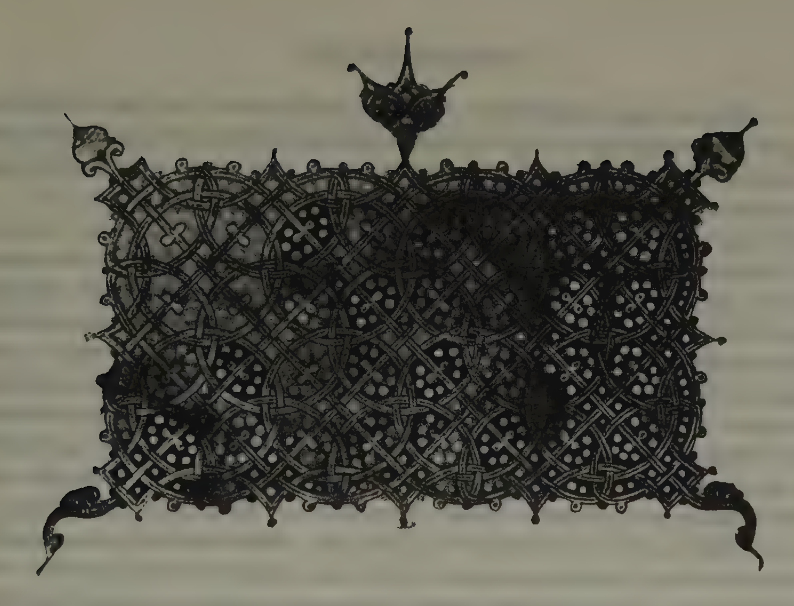
Спѣшневъ на допросѣ въ слѣдственной комиссіи утверждалъ, что только что приведенный документъ—проектъ подписки, давно забытый въ его бумагахъ, и что онъ никогда и никому его не показывалъ, участники же совѣщаній объ учрежденіи братства взаимопомощи показали, что подписка эта Спѣшневымъ не была имъ предъявлена. Но комиссія не вѣрила Спѣшневу, предполагала, что эта подписка служитъ доказательствомъ существованія тайнаго общества и, чтобы понудить Спѣшнева раскрыть замыселъ, собиралась наложить на него оковы. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ изъявилъ на это согласіе, а также и на принятіе этой мѣры относительно другихъ обвиняемыхъ, если она употреблялась прежде съ тѣмъ, чтобы комиссія, по своему усмотрѣнію, приказывала снимать оковы. Проценты нашлись въ наложеніи оковъ на декабристовъ Цебрикова и Якубовича.

Въ засѣданіи 2 іюня комиссія предъявила Спѣшневу первый пунктъ 157 ст. Улож. о Нак., по которому, если преступникъ учинитъ полное чистосердечное признаніе и, сверхъ того, своевременнымъ доставленіемъ вѣрныхъ свѣдѣній предупредитъ исполненіе злого умысла, то наказаніе можетъ быть значительно уменьшено. Тогда Спѣшневъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ угрозъ и настояній комиссіи, открылъ два обстоятельства ей неизвѣстныя, а именно, разговоръ съ Черносвитовымъ и обсужденіе предложенія Момбелли. Онъ, какъ и нѣкоторые другіе петрашевцы, вѣроятно, предполагалъ, что если онъ откровенно покается рѣшительно во всемъ, то будетъ видно, какъ въ сущности невелики ихъ вины сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ. Вслѣдствіе даннаго имъ показанія было приказано разыскать Черносвитова, уѣхавшаго въ Сибирь и арестовать его. Спѣшневъ признался, что прежде мечталъ о бунтѣ, затѣмъ о пропагандѣ, но утверждалъ, что это были лишь теоретическія разсужденія.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Во имя братства.

ГЛАВА I.

У окна.

Давно, давно ужъ это было...
Но хоть и кончилось давно,
Все сердце свято сохранило:
Ему такъ дорого оно!

— Я такъ счастлива! — сказала мнѣ Алексѣева, когда мы вдвоемъ дружески сидѣли лѣтнимъ вечеромъ 1874 г. въ ея квартиркѣ близъ Московскаго университета, держа другъ друга за руку. — Знаете, мнѣ хотѣлось бы растаять, раствориться въ воздухѣ. Вы понимаете это чувство?

Я подумалъ и откровенно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не понимаю, хотя и я тоже сознаю себя страшно счастливымъ! Кажется, нельзя чувствовать высшаго счастья, чѣмъ я въ послѣдній мѣсяцъ жизни, послѣ того, какъ все личное отдалъ для человѣчества. Но мнѣ именно поэтому и не хотѣлось бы растаять и исчезнуть, потому что тогда исчезло бы и мое счастье.

— Знаете, у вас еще много осталось индивидуализма, — отвѣтила она. — Если бы ваша индивидуальность вся потонула у васъ въ безпредѣльной любви къ всему міру, вамъ тоже захотѣлось бы потерять личность и совершенно раствориться въ окружающемъ.

— Да, теперь я понимаю васъ! — отвѣтилъ я. — Такіе порывы бываютъ и у меня, но только мнѣ всегда хочется не раствориться въ окружающемъ мірѣ, а пожертвовать для него своей жизнью въ какомъ-нибудь великомъ подвигѣ.

И мы оба замолчали въ раздумьѣ.

Ясно вспоминаю я теперь этотъ нашъ разговоръ, и ясно снова встаетъ въ моемъ воображеніи открытое окно, на которомъ мы сидѣли, и фасады домовъ напротивъ, и голубой полумракъ теплой іюльской ночи, и блѣдная полная луна, бросающая на насъ и, за нами, на полъ не освѣщенной гостиной полосы серебристаго свѣта. И я уже не знаю, воспоминанье ли это или я теперь непроизвольно возстановляю прошлое по настоящему, но мнѣ ясно рисуется на правой сторонѣ луннаго круга даже и характеризующее его темное овальное пятно — Море Кризисовъ. Мнѣ кажется, что я вижу и блѣднаго, желтоватаго Арктура, мерцающаго на западѣ, и свѣтлую Вегу надъ нашими головами,—однимъ словомъ, все, что дѣйствительно должно было смотрѣть на насъ двоихъ, счастливцевъ, изъ окружающаго насъ безконечнаго міра, въ которомъ намъ такъ хотѣлось бы исчезнуть и раствориться, ей просто, а мнѣ въ какомъ-нибудь великомъ самоотверженіи.

Что же давало намъ тогда это необъятное счастье? Это не была только личная любовь другъ къ другу, хотя мы оба знали, что, не задумываясь, сейчасъ же пожертвовали бы одинъ за другого своей жизнью и пошли бы на всякія жертвы. Это было совсѣмъ другое. Мы добровольно обрекли себя на гибель во имя высокихъ безкорыстныхъ идеаловъ всеобщей братской любви и равенства, и именно, этотъ порывъ энтузіазма дѣлалъ насъ такими счастливыми.

Нѣтъ человѣка несчастнѣе злого и эгоистическаго. Онъ прежде всего самъ себя мучитъ, и потому злые по природѣ люди обыкновенно бываютъ болѣзненны и недолговѣчны. Привычка злиться и составлять въ воображеніи колкости окружающимъ способствуетъ раздраженью, раздраженіе портитъ нервы, нервы парализуютъ сердечную дѣятельность, а она побуждаетъ несчастнаго все болѣе и болѣе раздражаться. Такъ процессъ психологическаго и физическаго взаимодѣйствія идетъ заколдованнымъ кругомъ, пока организмъ не перегораетъ совсѣмъ.

Другое дѣло могучіе порывы любви и самоотреченія. Еще раньше, чѣмъ вы успѣли проявить свои благородные порывы, уже одно чувство полнаго довѣрія къ окружающимъ вызываетъ въ вашей душѣ чувство счастья и покоя, ваше любящее сердце работаетъ спокойно и еще усиливаетъ ваше состояніе счастья. Весь вашъ организмъ какъ бы впитываетъ новыя силы изъ окружающихъ васъ любимыхъ и любящихъ людей и даетъ имъ, въ свою очередь, новыя силы и новое здоровье и долгую жизнь... если они не погибнутъ еще въ юности, какъ это чаще всего бываетъ въ нашей современной жизни.

Да... только тотъ знаетъ высшее состоянiе человѣческаго счастья, кто позабывалъ о себѣ для другихъ или, вѣрнѣе сказать, привыкъ смотрѣть на себя, какъ на орудiе для счастья другихъ.

Обыкновенные не идейные люди видятъ лишь уголокъ этого счастья въ перiодъ взаимной влюбленности, когда основной характеристикой ощущенья безконечнаго счастья является опять та же полная готовность пожертвовать собою за любимое существо. У кого влюбленность не доходила (хотя бы въ воображенiи) до этой степени, кто въ глубинѣ души сознаетъ, что въ рѣшительную минуту онъ все-таки пожертвуетъ любимымъ существомъ для своихъ личныхъ выгодъ, а не своими выгодами для него одного, тотъ никогда не зналъ того, какъ могутъ быть счастливы люди, способные на это, и не пойметъ того, что я хочу сказать далѣе, какъ слѣпой отъ рожденья не пойметъ, что такое прекрасные оттѣнки разгорающейся утренней зари, которыхъ ему не было суждено никогда видѣть.

Но тотъ изъ не идейныхъ людей, кто испыталъ хотя на время всепоглощающую личную любовь,—тотъ видѣлъ одинъ уголокъ этого счастья, наполняющаго у идейныхъ людей всю ихъ душу. Тотъ повѣритъ мнѣ, когда я ему скажу, что совершенно такое же счастье, какъ раздѣленная влюбленность, даетъ намъ всякое безкорыстное увлеченье идеаломъ, и оно почти всегда сопровождается порывомъ лирическаго творчества.

Не даромъ почти всѣ влюбленные пытаются писать стихи, и почти всѣ великiе генiи добра и безкорыстной любви были вмѣстѣ съ тѣмъ и писателями-художниками. Вотъ почему я никогда не повѣрю, что великимъ поэтомъ и художникомъ красоты можетъ быть, какъ думаютъ нѣкоторые, дурной по натурѣ, но умный человѣкъ. Это несовмѣстимо одно съ другимъ. Дурной человѣкъ, которому приписываются великiя научныя открытiя или возвышающiя душу литературныя произведенiя, просто укралъ ихъ у умершихъ своихъ знакомыхъ и выдалъ за свои. Только сатирикъ можетъ еще быть злымъ, но умнымъ человѣкомъ, но вѣдь сатира—вовсе не художество *красоты и добра*, о которомъ я говорю теперь. Мы съ Алексѣевой были безконечно счастливы въ описываемый вечеръ, такъ счастливы, какъ если бъ только сейчасъ признались другъ другу въ любви и еще ощущали на губахъ первый поцѣлуй скрѣпленной взаимности. Но мы не признавались въ любви и были счастливы только потому, что оба готовы были сейчасъ же отдать свою жизнь за одинъ и тотъ же великiй идеалъ и знали, что каждый изъ насъ сейчасъ же сдѣлаетъ это и другъ для друга. Въ нашихъ душахъ еще свѣжо было воспоминанье о томъ, какъ мы доказали это на дѣлѣ въ тотъ вечеръ, когда я «по-индiйски» проползъ къ ней въ домъ, окруженный стражею, съ цѣлью освободить ее изъ-подъ ареста [1]). Въ этотъ нашъ новый вечеръ мы говорили

[1]) Объ этомъ въ моей книгѣ: «Въ началѣ жизни».

съ ней о многомъ, и чисто философскомъ и практическомъ. Мы говорили о томъ, будутъ ли грядущіе люди имѣть періоды такого же безконечнаго счастья, какъ мы? Я очень безпокоился что нѣтъ.

— Вѣдь если не будетъ злыхъ,—говорилъ я ей,—то некого будетъ и спасать отъ нихъ. Тогда какъ же будетъ проявляться самопожертвованіе? Только въ стихійныхъ бѣдствіяхъ, при пожарахъ, землетрясеніяхъ, крушеніи кораблей, но эти бѣдствія страшно рѣдки и при всеобщей любви, равенствѣ и братствѣ, когда не будетъ ни войнъ, ни деспотизма, ни даже ссоръ, не будетъ ли жизнь слишкомъ однообразна?

— Но у людей тогда будетъ другая психологія, — возражала она.—У нихъ при всеобщей взаимной любви будутъ такіе источники, еще болѣе высшаго блаженства, какіе совершенно недоступны для насъ. Мы должны сознаться, что даже и представить не можемъ душевнаго состоянія будущихъ высшихъ, чѣмъ мы, людей, а можемъ только быть увѣрены, что они будутъ еще счастливѣе насъ.

— Да, это вѣрно,—согласился я.—Вѣдь если бъ кто предложилъ нашимъ доисторическимъ предкамъ, пещернымъ людямъ ледниковаго періода, представить себѣ, какъ мы, ихъ потомки, будемъ чувствовать себя счастливыми въ этотъ вечеръ, то, вѣроятно, людоѣдъ былъ бы совершенно пораженъ идеей, что можно быть счастливымъ отъ самопожертвованія. А мы еще болѣе не доросли до будущаго человѣка, чѣмъ этотъ пещерный человѣкъ до насъ.

Она задумалась, глядя на луну и на крыши противоположныхъ домовъ, и полной грудью вдыхала теплый воздухъ лѣтней ночи. Ея стройная высокая фигура, уютно сидящая на подоконникѣ, была до пояса освѣщена луннымъ свѣтомъ, и двѣ длинныя косы, перекинутыя черезъ плечи на грудь, свѣшивались двумя черными линіями до самаго пояса.

— Читали вы,—прервалъ я, наконецъ, молчаніе,—послѣднія стихотворенія Ришпена?

— Нѣтъ.

— Вотъ онъ воспѣваетъ поэзію городовъ. Для меня, выросшаго въ деревнѣ, она стала понятна только послѣ его стихотвореній. До нихъ я не могъ ее представить; городъ казался мнѣ только пыльнымъ и тѣснымъ, улицы какъ овраги. Я часто думалъ: если населеніе будетъ очень густо, то вся земная поверхность обратится въ сплошной городъ, и лучшія наслажденія, доставляемыя намъ природою, утратятся. А вотъ онъ нашелъ истинную поэзію въ утреннемъ пробужденіи городскихъ улицъ, въ рынкахъ, въ толпѣ идущей по нимъ, и я впервые понялъ, что въ душѣ человѣка, выросшаго въ городѣ, все это будетъ такъ же окружено поэзіей, какъ для насъ лѣсъ, луга, рѣки и полевые цвѣты. Значитъ, вы правы, говоря, что человѣческая душа во всемъ найдетъ источникъ для поэзіи.

Она улыбнувшись хотѣла мнѣ что-то ласково отвѣтить, но, взглянувъ внизъ подъ окно, воскликнула:

— Вотъ спѣшитъ Саблинъ, вѣрно, что-нибудь случилось. Такъ поздно!

Я тоже взглянулъ внизъ и увидѣлъ его фигуру, быстро вошедшую въ подъѣздъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ явился къ намъ въ комнату.

— Телеграмма изъ Петербурга и очень непріятная!

Онъ вынулъ ее изъ кармана и подалъ Алексѣевой.

— «На Алексѣеву подано ко взысканію»,—прочла она.

Мы всѣ понимали, что это значитъ... чей-то доносъ...

— Кто бы это могъ послать предупрежденіе?—спросила она, когда первое ощущенье внезапной опасности прошло.

— Отправлено было на имя Лебедевой, а кто послалъ, неизвѣстно.

— Кто-то зналъ, что черезъ Лебедеву дойдетъ! Значитъ, свой,—сказала она.

— И значитъ сегодня же ночью васъ арестуютъ, — сказалъ Саблинъ.

— Надо вамъ уйти съ квартиры сейчасъ же съ нами, — замѣтилъ я ей.

— Но я не могу уйти,—сказала Алексѣева такъ же печально, какъ и двѣ недѣли назадъ, когда она уже была подъ домашнимъ арестомъ въ Потаповѣ,—у меня дѣти.

И она кивнула на сосѣднюю комнату, гдѣ спали вмѣстѣ со своей нянею ея маленькій сынъ и дочка.

Мы нѣкоторое время молча сидѣли, и я все болѣе и болѣе убѣждался въ справедливости существовавшаго въ нашей средѣ мнѣнія, что личная жизнь и личная любовь не для тѣхъ, кто обрекъ себя на гибель во имя освобожденія своей родины.

— Но вамъ надо уходить! Скорѣе, скорѣе!—воскликнула она, наконецъ, обращаясь къ намъ.—Каждую минуту жандармы могутъ появиться у подъѣзда, и тогда будетъ поздно!

Мы долго не рѣшались покинуть ее одну въ такой опасности. Тоскливо и темно стало у меня, бывшаго счастливца, на душѣ, да и у Саблина, очевидно, не легче. Она встала и начала насъ гнать.

— Если не придутъ сегодня, или если все обойдется благополучно,—сказалъ я ей, подчиняясь снова ея рѣшенью,—то поставьте этотъ подсвѣчникъ со свѣчей на правой сторонѣ окна.

Такъ мои конспиративныя наклонности впервые проявились здѣсь. И я показалъ ей куда поставить.

— А до тѣхъ поръ пусть онъ стоитъ на столѣ!—окончилъ я.—Завтра утромъ я приду. У васъ ничего нѣтъ унести?

— Ничего, ничего!—воскликнула она нетерпѣливо.—Да уходите же скорѣе!

Мы посмотрѣли въ окно. Никакихъ признаковъ опасности на улицѣ не было видно, но мы все-таки рѣшили уйти отдѣльно. Саблинъ вышелъ первымъ и повернулъ направо, я вышелъ вслѣдъ за нимъ и повернулъ налѣво.

ГЛАВА II.

Тревожные дни.

— Куда же мнѣ итти?—сказалъ я самъ себѣ, пройдя улицу.

До сихъ поръ я предполагалъ переночевать, какъ часто дѣлалъ до тѣхъ поръ, въ гостиной у Алексѣевой, на диванѣ, на которомъ няня уже положила для меня кучкой подушку, простыню и одѣяло. Теперь въ первомъ часу ночи было уже поздно стучаться къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Не переночевать ли здѣсь поблизости у крѣпостной стѣны Китай-города, гдѣ идетъ бульваръ, а за нимъ растутъ деревья и густыя заросли какихъ-то кустарниковъ? Тамъ все темно отъ лунной тѣни. Но оттуда мнѣ не будетъ видно, что происходитъ у Алексѣевой. На улицѣ же около ея дома ходить нельзя. На меня въ ночномъ безлюдьи обратятъ вниманіе шпіоны, которыхъ разставятъ передъ приходомъ жандармовъ.

Неожиданно я вспомнилъ, что при домѣ, гдѣ живетъ мой товарищъ Мокрицкій, находится садъ, а въ саду бесѣдка, въ родѣ домика, но вся изъ стеколъ.

«Вотъ,—подумалъ я,—гдѣ удобно переночевать заговорщику, скрывающемуся, какъ я, отъ властей!»

Я быстро направился туда, перескочилъ въ садъ съ улицы черезъ заборъ, убѣдившись предварительно, что никто меня не видитъ, и, прокравшись въ стеклянную бесѣдку, положилъ подъ голову вмѣсто подушки свою руку, прикрылся своимъ легкимъ пальто и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Ясное утро уже свѣтилось сквозь многочисленныя стекла моей спальни и заливало внутренность бесѣдки алымъ свѣтомъ, когда я проснулся и оглядѣлся кругомъ себя, припоминая, зачѣмъ я здѣсь.

Все было тихо, только деревья, окружающія бесѣдку, слегка покачивали своими вѣтвями. Мысль о томъ, что Алексѣева, можетъ-быть, арестована въ эту ночь, ударила меня по сердцу, какъ гальваническимъ тономъ. Я вскочилъ и осмотрѣлся, но выйти было еще нельзя. Изъ-за дома показался дворникъ и началъ накачивать воду изъ колодца въ ведро, что-то недовольно говоря воображаемому слушателю.

«Почему простой народъ, когда въ задумчивости разговариваетъ самъ съ собою, всегда кого-то попрекаетъ?» пришло мнѣ въ голову. И я, присѣвъ въ своей бесѣдкѣ на полъ, чтобъ меня не бы-

ло видно сквозь стекла, тихо наблюдалъ, какъ, набравъ воды, онъ пошелъ за уголъ, затѣмъ тотчасъ снова вышелъ, выплеснувъ что-то въ помойную яму, началъ неторопясь поливать цвѣты, опять ушелъ, снова приходилъ зачѣмъ-то и, наконецъ, отперъ входныя ворота. Этого только я и ждалъ, такъ какъ скакать черезъ заборъ изъ сада на улицу при дневномъ освѣщенiи было неудобно въ моемъ положенiи разыскиваемаго самодержавiемъ заговорщика. Едва ушелъ изъ виду дворникъ, какъ я уже вышелъ изъ бесѣдки и, пройдя съ беззаботнымъ видомъ, никѣмъ незамѣченный, въ ворота, отправился на Моховую къ квартирѣ Алексѣевой.

Подсвѣчникъ со свѣчей уже стоялъ на правой сторонѣ ея окна!

«Слава Богу, ничего не было», подумалъ я, и на душѣ стало совсѣмъ легко.

— Но что же мнѣ дѣлать?

Было всего шесть часовъ утра. Итти будить ее такимъ раннимъ утромъ нельзя.

Пойду же гулять по улицамъ, куда глаза глядятъ, пока не настанетъ время ея обычнаго пробужденiя!

И я пошелъ, изслѣдуя нарочно, на всякiй случай, мало знакомые мнѣ переулки этой части Москвы. Я осмотрѣлъ затѣмъ рѣдко посѣщаемыя заросли крапивы и лопуховъ, существовавшiя въ то время вдоль всѣхъ старинныхъ стѣнъ Кремля и Китай-города, на случай, если понадобится тамъ когда-нибудь скрываться на ночь, и когда стрѣлка моихъ карманныхъ часовъ приблизилась къ восьми, снова пошелъ къ Алексѣевой, чтобы посмотрѣть еще разъ на ея окна.

Улицы были все еще пустынны въ этой части города. Только рѣдкiе дворники кое-гдѣ мели мостовыя, когда я, приближаясь къ ея квартирѣ, увидѣлъ высокую фигуру дѣвушки въ соломенной шляпкѣ быстро и, очевидно, въ сильномъ волненiи спѣшащую по другой сторонѣ улицы, по временамъ оглядываясь назадъ и, очевидно, ничего не видя передъ собой.

— Да это, Дубенская!—мелькнуло у меня въ головѣ, и, быстро перейдя на ея сторону, я прямо направился къ ней.

— Не подходите, не подходите ко мнѣ! Я зачумлена!—воскликнула она, съ испугомъ отскакивая отъ меня.—За мной слѣдятъ!

— Да полноте, никто за вами не слѣдитъ! Я, подходя къ вамъ, видѣлъ, что вся улица за вами пуста! Посмотрите сами!

Она оглянулась. Кромѣ занятаго на мостовой дворника да дѣвушки съ сумкой, шедшей въ противоположную сторону, рѣшительно никого не было.

— Но они могутъ слѣдить незамѣтно!

— А какъ же это они сдѣлаютъ на пустой улицѣ? Увѣряю васъ, что никого нѣтъ! Да что съ вами случилось?

— Въ эту ночь у моей сестры, Лебедевой, былъ обыскъ. Все въ домѣ перерыли, но ничего не нашли и ушли. Это, вѣрно, по причинѣ полученной ею телеграммы объ Алексѣевой.

— А не потому, что вашъ братъ тоже участвуетъ въ кружкахъ?

— Можетъ-быть, это обратило вниманіе на нашъ домъ, и потому донесли и о телеграммѣ.

— Но у Алексѣевой еще ничего не было! На окнѣ выставленъ знакъ, что все благополучно. Пойдемте сейчасъ же къ ней. Ручаюсь вамъ, что никого не ведете за собой!

Мы быстро отправились далѣе и черезъ десять минутъ постучались въ двери къ Алексѣевой, окончательно убѣдившись передъ тѣмъ, что за нами никто не слѣдитъ.

— Войдите!—послышался ея звонкій голосъ.

Мы вошли и остановились въ изумленіи.

Вся комната передъ нами представляла картину полнаго разгрома. Вся мебель лежала посрединѣ въ одной хаотической кучѣ, вмѣстѣ съ вынутыми ящиками комода, бѣльемъ и платьемъ, раскиданными здѣсь и тамъ, посудой и книгами, лежавшими въ смѣси, и среди нихъ стояла сама хозяйка этого имущества, очевидно, только что вставшая и пытавшаяся снова водворить порядокъ.

— Видите!—воскликнула она, смѣясь.—Все перевернули ночью вверхъ дномъ, а меня не тронули. Ровно ничего не нашли!

— И у Лебедевыхъ произвели то же самое!—воскликнулъ я.

— Да, да! — быстро заговорила Дубенская и начала снова разсказывать всю исторію.

«Вѣрно, была цѣлая облава въ эту ночь. Кто-нибудь неосторожно велъ дѣло и обратилъ на себя вниманіе, а другихъ выслѣдили по нему», пришло мнѣ въ голову.

— Какъ бы убѣдиться, что остальные цѣлы?—сказалъ я, наконецъ, послѣ того, какъ мы всѣ, радуясь миновавшему насъ удару, общими силами, и все время стараясь шутить, привели въ порядокъ комнату.—Знаете, я сейчасъ сбѣгаю ко всѣмъ и узнаю.

— Но вы еще попадете въ засаду!—забезпокоилась опять обо мнѣ Алексѣева.

— Нѣтъ! вы знаете, что это не такъ легко. Не поймали же, когда я приходилъ къ вамъ въ Потаповѣ! — съ убѣжденіемъ юноши отвѣчалъ я, чувствуя съ удовольствіемъ, что теперь начинаются, наконецъ, тѣ опасности и романическія приключенія, о которыхъ я мечталъ.

Алексѣева грустно посмотрѣла на меня, какъ на человѣка, которому недолго осталось жить на свѣтѣ, но не удерживала, понимая, что я все равно не послушаюсь. И я чувствовалъ, что не послушаюсь въ этомъ мигъ никого, пока не побываю у всѣхъ, кому грозила опасность, и не посмотрю на мѣстѣ, нельзя ли ихъ освободить какъ-нибудь.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ мнѣ только что пришедшій Саблинъ, — тебѣ прежде всего нужно побывать на дачѣ у Вани и узнать, не случилось ли чего-нибудь съ тамошними, а затѣмъ въ Петровскомъ - Разумовскомъ узнать о Павелкѣ. Относительно здѣшнихъ мы все равно сами узнаемъ за день.

— Вотъ и отлично!—воскликнулъ я, вскакивая.—Сейчасъ же бѣгу!

— Да вы бы взяли хоть извозчика!—сказала Алексѣева.

— Нѣтъ! Вы знаете, что я хожу лишь немного тише, чѣмъ ѣдутъ на извозчикѣ.

Я дѣйствительно тогда совсѣмъ не ходилъ, а почти бѣгалъ, даже въ припрыжку, когда приходилось соскакивать съ тротуара или вскакивать на него при переходѣ черезъ улицу, и отъ этого со мной бывало даже немало приключеній. Такъ, однажды я зацѣпился крючкомъ своего накинутаго на плечи пальто за мантилью какой-то встрѣчной дамы и, сорвавъ ее съ ея плечъ, умчался за нѣсколько десятковъ шаговъ, прежде чѣмъ успѣлъ остановиться и, краснѣя, возвратить съ извиненіями ея принадлежность. Другой разъ я налетѣлъ на встрѣчнаго и тоже замечтавшагося господина среднихъ лѣтъ, и мы такъ ловко стукнулись прямо лбами, что искры дождями посыпались у насъ изъ глазъ, а изъ носовъ закапала кровь. Мы оба сначала повернулись раза два на мѣстѣ отъ сотрясенія въ мозгахъ, а затѣмъ — послѣ обоюднаго восклицанья: охъ! — начали усердно извиняться другъ передъ другомъ и разошлись съ товарищескимъ рукопожатіемъ, инстинктивно почувствовавъ между собой много общаго.

Мои теперешніе собесѣдники уже знали это мое свойство и потому не уговаривали ѣхать, принимая во вниманіе, кромѣ того, что, послѣ того какъ мы отдали все свое имущество на общее дѣло, намъ необходимо быть страшно экономными на самихъ себя.

— Когда же вы возвратитесь?—спросила Алексѣева.

— Часамъ къ шести все успѣю и непремѣнно возвращусь, если чего-нибудь не надо будетъ предпринять для нихъ.

— Вамъ надо захватить съ собой съѣстного,—заботливо сказала она и сейчасъ же надѣлала мнѣ бутербротовъ съ масломъ, сыромъ и колбасой.

Черезъ минуту я уже мчался за городъ. Сначала мнѣ трудно было толкаться на тротуарахъ въ вереницахъ снующаго взадъ и впередъ народа, и я, какъ часто до тѣхъ поръ, побѣжалъ по мостовой. Одна за другой проходили передо моими глазами картины знакомыхъ улицъ, по которымъ я когда-то не разъ раннимъ утромъ отправлялся «на экскурсіи» за окаменѣлостями. Вотъ показался знакомый мостъ черезъ ручей и рѣшетчатая калитка Зоологическаго сада, черезъ которую можно было только выйти, а не войти. Потомъ пошли предмѣстья, и я вновь вышелъ изъ городской пыли и

духоты на свѣжій воздухъ и просторъ полей. День былъ ясный, но не жаркій. Легкій вѣтерокъ дулъ мнѣ въ разгоряченное отъ быстраго движенія лицо, и мнѣ казалось, что онъ братски меня ласкаетъ. Вотъ впереди показалась голубоватая извилистая лента Москвы-рѣки, а внизу, подъ обрывомъ, у воды и въ самой водѣ тѣ же кучи окаменѣлостей, за которыми я прежде такъ часто ходилъ со своими товарищами по «Тайному естественно-научному обществу», основанному мною еще во второмъ классѣ гимназіи. Забывъ на минуту все остальное на свѣтѣ, я соскочилъ опять внизъ и пошелъ по слоямъ изъ обломковъ окаменѣлыхъ ракушекъ, аммонитовъ и белемнитовъ юрскаго періода, поднимая и кладя въ карманъ нѣсколько наиболѣе сохранившихся образчиковъ. Но черезъ минуту я уже спросилъ себя:

— Зачѣмъ я это дѣлаю? Развѣ не оставилъ я науку для революціонной дѣятельности? Зачѣмъ же глядѣть въ прошлое и растравлять напрасно раны въ своей душѣ?

Но въ тотъ же мигъ новая идея блеснула въ умѣ.

— Вѣдь окаменѣлости въ карманѣ могутъ мнѣ пригодиться для объясненія, зачѣмъ я пришелъ въ эти мѣста, если на дачѣ окажется засада! И я воспользовался своимъ соображеніемъ, чтобъ оставить у себя въ карманѣ милые для меня остатки прошлой жизни на нашей планетѣ.

Въ сторонѣ отъ Москвы-рѣки показалась небольшая деревня, въ которой тогда жилъ «Ваня». Вотъ и новая покрашенная крыша его дачи выдѣляется,—какъ четыреугольный красно-желтый кусокъ ситца въ старинномъ ватномъ лоскутчатомъ одѣялѣ,—среди крышъ сосѣдей. Ничего живого не было видно кругомъ. Я быстро пошелъ въ деревню по пыльной проселочной дорогѣ, или, вѣрнѣе сказать, по пѣшеходной тропинкѣ, бѣгущей по обыкновенію то по одной, то по другой сторонѣ дороги, и при самомъ входѣ въ деревню увидѣлъ толпу оживленно разговаривающихъ между собой крестьянъ. При моемъ появленіи они всѣ замолчали и уставились на меня.

— Вы куда идете?—спросилъ сурово одинъ изъ переднихъ, въ родѣ волостного писаря.

Я вынулъ изъ кармана свои окаменѣлости и, показывая ему, отвѣтилъ:

— Вотъ собираю такіе камни. У васъ нѣтъ?

— У насъ такихъ нѣтъ. Это ходятъ собирать тамъ на берегу,— отвѣтилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ.

— Да, особенно у Троицкаго. — отвѣтилъ я. — Я туда часто хожу, но въ вырытыхъ ямахъ и здѣсь они должны быть. А что это вы тутъ дѣлаете вмѣстѣ?

— Да вотъ тамъ,—и онъ указалъ на дачу,—выслѣдили важнаго государственнаго преступника и увезли въ тюрьму въ Москву! — отвѣтилъ онъ уже совсѣмъ другимъ тономъ, очевидно, хорошо зная,

что за окаменѣлостями ходятъ въ эти мѣста ученые и даже платятъ за нихъ деньги мальчишкамъ, и успокоившись насчетъ меня. Остальные крестьяне всѣ тоже заговорили разомъ, явно желая разсказать прохожему свои новости.

— Противъ царя пошелъ!—прервалъ ихъ писарь, важнымъ тономъ, но былъ, въ свою очередь, прерванъ одной изъ двухъ, подошедшихъ къ намъ крестьянокъ.

— А и не вѣрится что-то, такіе добрые господа!—заговорила она.

— Уйдите вы, уйдите!—строго сказалъ имъ писарь.—Не бабье это дѣло.

Обѣ женщины, не обижаясь, отошли немного въ сторону и сѣли на землю, съ любопытствомъ смотря на насъ.

— Книжки народу читали, бунтъ и неповиновеніе хотѣли сдѣлать!—ораторствовалъ писарь.—Вотъ за это и сошлютъ ихъ въ Сибирь, на каторгу!—дополнилъ онъ, обратившись къ сидѣвшимъ заступницамъ.—А намъ велѣли смотрѣть, чтобы если кто придетъ къ нимъ, сейчасъ же представлять по начальству.

Мнѣ стало нѣсколько неловко. Вѣдь я бывалъ здѣсь раза два, хотя и по вечерамъ. Кто-нибудь изъ присутствующихъ могъ меня узнать, и мнѣ даже показалось, что одна изъ женщинъ помоложе смотритъ на меня съ особеннымъ любопытствомъ, не какъ на совершенно неизвѣстнаго ей. Но надо было продолжать разговоръ.

— А что же никто къ нимъ теперь не приходилъ?

— Пока никого. И въ домѣ тоже посадили двоихъ въ засаду.

— А много было арестованныхъ здѣсь?

— Только одинъ, другіе, вѣрно, уѣхали еще нѣсколько дней назадъ.

Очевидно, мнѣ нечего оставалось здѣсь болѣе дѣлать. Чтобъ удобнѣе было уходить, я еще разъ спросилъ, нѣтъ ли гдѣ мѣстъ съ «блестящими камушками», въ родѣ моихъ, и отправился снова на берегъ Москвы-рѣки, гдѣ, скрывшись за его обрывомъ, быстро пошелъ по направленію къ городу и, не заходя въ него, повернулъ въ Петровское-Разумовское. Тамъ, у «Павелка» я ни разу не былъ. Я пошелъ по улицѣ и нашелъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Около него по наружности не было ничего особеннаго. Замѣтивъ, что напротивъ его, на перекресткѣ дачныхъ улицъ, находилась фруктово-колоніальная лавочка, я вошелъ въ нее и прежде всего купилъ пару большихъ пряниковъ. Въ лавочкѣ была только одна ея хозяйка, полнокровная молодая женщина, съ веселыми глазами и видомъ.

— Что это у васъ тутъ случилось?—спросилъ я ее прямо, какъ только заплатилъ за пряники.

Собственно говоря, я даже еще не зналъ, случилось ли дѣйствительно тутъ что-нибудь, но думалъ, что если въ окрестности все благополучно, то на ея недоумѣніе отвѣчу, будто слышалъ о какой-то дракѣ на улицѣ. Но она такъ и подпрыгнула на своемъ мѣстѣ.

— Какъ же, какъ же!—затараторила она съ величайшимъ оживленіемъ.—Вотъ тамъ напротивъ въ домѣ всю ночь рылись жандармы! Въ самую позднюю, что ни на есть ночь пріѣхали и такъ тихо. что у насъ никто и не проснулся! Человѣкъ тридцать пріѣхали и самъ ихній капитанъ съ ними! И увезли въ Москву всѣхъ, кто тамъ былъ, и никто не знаетъ куда! А въ ихъ квартиру посадили жандармовъ, чтобы, значитъ, отпирали всякому, а какъ только взойдетъ, сейчасъ же хватали за обѣ руки и отводили въ участокъ! А утромъ-то пришла молочница. Какъ ее схватили за обѣ руки, а она уронила молоко-то, разлила по всему полу-то, да какъ завизжитъ, думала, что грабители, да и сѣла со страху въ молоко-то! А сторожъ-то здѣшній былъ на улицѣ и ничего не зналъ. Какъ услышалъ, да и прибѣжалъ на крикъ и говоритъ имъ: «Что вы, злодѣи, съ ней дѣлаете? Вѣдь это моя дочь!» Все же отвели сначала обоихъ въ участокъ, а потомъ выпустили, отъ нихъ самихъ я и слышала! А потомъ мальчикъ отъ булочника приходилъ, и этого схватили и хотѣли вести въ участокъ, да одумались, больно малъ, повели въ его булочную и спросили — тамошній ли онъ. Говорили булочнику, что никакъ нельзя отпускать, что строго приказано всякаго арестовать и за отпускъ взяли у него восемь булокъ! А теперь сидятъ и ждутъ, вонъ одинъ выглядываетъ и сейчасъ въ окно.

Я посмотрѣлъ въ отворенную дверь и дѣйствительно увидѣлъ выглядывающую въ окно изъ-за его края усатую физіономію.

— А больше нигдѣ не были?—спрашиваю.

— Были, были! Еще въ трехъ мѣстахъ!—И она назвала мнѣ дома и самыя фамиліи жильцовъ. Это все были студенты Петровской академіи изъ кружка «петровцевъ», большинство котораго еще «ходили въ народѣ».

Итакъ, аресты были значительны... Мнѣ особенно горько было, что всѣ захваченные увезены въ Москву, что никто не сидитъ подъ домашнимъ арестомъ, чтобъ я могъ какъ-нибудь къ нему тихонько пробраться съ наступленіемъ ночи и попытаться его освободить.

Безпокойство за друзей, оставшихся въ Москвѣ, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало мною. Распростившись, наконецъ, съ торговкой, которая, казалось, готова была говорить цѣлыя сутки, я поспѣшилъ къ линейкѣ, отправляющейся въ Москву, доѣхалъ въ ней до Тверского монастыря внутри города и оттуда прямо къ Алексѣевой.

Глава III.

Какое счастье быть принятымъ въ тайное общество!

Вхожу и вижу, тамъ сидятъ цѣлы и невредимы всѣ мои московскіе друзья.

— Что ни у кого изъ васъ не было обыска? — спрашиваю.

— Ни у кого! — отвѣчаетъ Кравчинскій, по обыкновенію крѣпко меня обнимая при встрѣчѣ, такъ что у меня затрещали кости.

— Ну, а за городомъ плохо! — отвѣчаю я, и разсказалъ имъ о моемъ путешествіи приключенія.

— Тебя непремѣнно забралъ бы этотъ писарь, — сказалъ, подумавъ, Кравчинскій,—если бъ не твои окаменѣлости.

— Мнѣ самому тоже кажется, — согласился я. — Но какъ ихъ жалко! Можетъ-быть, ихъ уже долго не выпустятъ, или сошлютъ въ Сибирь.

Всѣ задумались, и мнѣ казалось по выраженью лицъ, что не у одного изъ присутствовавшихъ промелькнула мысль: «можетъ-быть, и до меня не далека очередь».

Первымъ прервалъ молчаніе Саблинъ, и, какъ бы отвѣчая на вопросъ, весело сказалъ:

— Ну, а теперь мы имѣемъ для себя безопасное убѣжище!

— Гдѣ? — спросила Алексѣева.

— А здѣсь, у васъ!

— Почему у меня?

— Да вѣдь разъ у васъ уже сдѣлали обыскъ и ничего не нашли, — догадался Кравчинскій, — то можно быть увѣреннымъ, что не придутъ второй разъ, раньше, какъ черезъ мѣсяцъ. А о всѣхъ другихъ мѣстахъ этого нельзя сказать.

Всѣ засмѣялись, Саблинъ взялъ гармонику и, чтобъ ознаменовать появленіе у насъ безопасной квартиры, началъ отплясывать трепака посрединѣ комнаты. Кравчинскій, отведя въ дальній уголъ Цакни, началъ тихо разговаривать съ нимъ à part. Его курчавая голова низко склонилась къ греческому профилю Цакни, и оба при разговорѣ часто взглядывали на меня. Я понялъ, что они говорили обо мнѣ, но только на слѣдующій день, послѣ того, какъ я переночевалъ здѣсь на «безопасной квартирѣ» и, побывавши въ нѣсколькихъ мѣстахъ, снова явился къ Алексѣевой, я узналъ въ чемъ дѣло.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, — сказалъ при видѣ меня сидѣвшій уже тамъ Цакни.

Онъ отвелъ меня въ другую комнату и, сѣвъ рядомъ со мной, тихо сказалъ:

— Я присланъ сюда къ вамъ отъ имени одного тайнаго общества, самаго большого и дѣятельнаго изъ всѣхъ, существующихъ теперь. Оно приглашаетъ васъ вступить въ его члены.

— Та среда, въ которой мы теперь находимся,—среда сочувствующихъ и отчасти дѣйствующихъ, но она не организована. Существуетъ большое революціонное тайное общество. По общему правилу туда не принимаются люди, не достигшіе двадцати одного года, но для васъ общество готово сдѣлать исключеніе, если вы желаете вступить въ него.

У меня сердце такъ и замерло отъ восторга. Вотъ именно то, о чемъ я мечталъ! Въ воображенiи пронеслась все, что я читалъ въ романахъ о политическихъ заговорахъ: о свѣтѣ одинокаго фонаря, мелькающаго бурной ночью въ окнѣ одинокой хижины у границы чужой, сосѣдней страны, на берегу моря... Онъ указываетъ мѣсто пристани товарищамъ (въ числѣ которыхъ и я), плывущимъ въ лодкѣ среди подводныхъ камней и утесовъ и везущихъ съ собою предметы, нужные для водворенiя республики; о мрачномъ зданiи съ подземными ходами, гдѣ ночью собираются члены общества и рѣшаютъ дальнѣйшiя свои дѣйствiя,—однимъ словомъ, о всемъ, что, послѣ служенiя наукѣ, казалось мнѣ самымъ привлекательнымъ въ жизни.

— Конечно, я сейчасъ же готовъ вступить и исполнить все, что можетъ потребовать отъ меня общество, — отвѣтилъ я ему.

— Въ такомъ случаѣ приходите завтра въ двѣнадцать часовъ дня на Арбатъ, первый подъѣздъ направо отъ площади и тамъ во второмъ этажѣ позвоните въ единственную дверь и спросите Михайлова. О вашемъ приходѣ будутъ уже предупреждены...

— Хорошо, приду.

— А то, что я сейчасъ говорилъ съ вами, пусть будетъ въ полной тайнѣ. Не говорите никому, даже Алексѣевой.

— Хорошо. А для прiема требуются какiя-либо испытанiя присутствiя духа, находчивости? — спросилъ я.

— А вотъ увидите! — улыбаясь, отвѣчалъ онъ.

Весь этотъ день я мечталъ о завтрашнемъ свиданьи.

— Что-то ожидаетъ меня на Арбатѣ? кого я тамъ увижу? найдутъ ли меня достойнымъ? Не будетъ ли тамъ какихъ-нибудь необычныхъ испытанiй, въ родѣ масонскихъ, чтобъ убѣдиться въ моей смѣлости и готовности на все? Я, конечно, не отступлю ни передъ чѣмъ, для того, чтобы быть принятымъ. Вѣдь если бъ испытанья были непосильны для человѣка вообще, то никто не могъ бы поступать въ тайныя общества. А разъ тамъ есть члены, то, значитъ, требуютъ физически возможнаго, хотя, можетъ-быть, и дѣйствительно опаснаго поступка и большого присутствiя духа въ чемъ-нибудь неожиданномъ. Цакни въ этомъ обществѣ, — подумалъ я, и его греческая смуглая сильная фигура съ черной большой бородой, дѣйствительно напоминающая собой заговорщика, показалась мнѣ теперь особенно интересной.

Въ назначенное время я позвонилъ въ указанную мнѣ незнакомую дверь. И кто же отворилъ мнѣ ее? Мой лучшiй другъ — Кравчинскiй, который тутъ же стиснулъ меня въ своихъ объятiяхъ. Это онъ жилъ въ квартирѣ.

— Я радъ, что ты будешь теперь окончательно съ нами! — сказалъ онъ мнѣ.

Потомъ онъ взялъ меня за талію однѣми кистями рукъ и со своей поистинѣ необыкновенной силой перевернулъ меня три раза колесомъ вверхъ ногами и головой, какъ маленькаго ребенка, хотя я былъ уже почти того же роста, какъ и теперь. У меня все пошло кругомъ въ глазахъ, когда онъ, наконецъ, поставилъ меня на полъ.

— Это, — сказалъ онъ мнѣ — будетъ единственнымъ испытаніемъ при моемъ пріемѣ въ тайное общество. Въ другихъ ты не нуждаешься, — сказалъ онъ мнѣ, ласково улыбаясь. — Ты и безъ того уже достаточно показывалъ свою преданность друзьямъ и присутствіе духа въ опасностяхъ.

Я догадался, что Цакни ему передалъ мой вопросъ объ испытаніяхъ и сообразилъ, что они, вѣроятно, очень смѣялись надъ моимъ наивнымъ романтизмомъ.

Онъ повелъ меня въ сосѣднюю комнату, изъ которой я слышалъ уже знакомый мнѣ голосъ Клеменца, съ его характернымъ простонароднымъ выговоромъ фразъ и остановками въ ихъ срединѣ, какъ бы подыскивая нужное слово.

Дѣйствительно, онъ самъ сидѣлъ тутъ около столика на диванѣ, а кругомъ него группировалось нѣсколько другихъ, большею частью уже знакомыхъ мнѣ людей. Тутъ была и блѣдная бѣлокурая голова Шишко, автора народной брошюрки «Чтой-то, братцы, плохо живется на святой Руси» и будущаго автора народной исторіи Россіи. Тутъ былъ и извѣстный уже читателю Цакни и, насколько помню, его жена, высокая полная и стройная красавица въ русскомъ стилѣ, съ плавными движеніями, съ пенснэ на носу, чрезвычайно шедшимъ къ ея округлому лицу. Тутъ былъ и Львовъ, мой товарищъ по приключеніямъ въ Даниловскомъ уѣздѣ, и Батюшкова — бѣлокурая Маргарита, которую я впервые увидѣлъ у Алексѣевой. Въ дополненіе къ этимъ знакомымъ уже мнѣ людямъ, здѣсь сидѣла и внимательно смотрѣла на меня еще дѣвушка гигантскаго роста и соотвѣтствующей полноты, которой я еще никогда не видѣлъ ранѣе. Она отрекомендовалась мнѣ Наталіей Армфельдъ и, какъ я узналъ потомъ, была дочерью артиллерійскаго генерала, умершаго недавно передъ этимъ, и со связями въ московской аристократіи. Она и ея семейство были, между прочимъ, хорошо знакомы со Львомъ Толстымъ, который время отъ времени бывалъ въ ихъ домѣ близъ Арбата. Ни Саблина, ни даже Алексѣевой, которая казалась мнѣ самымъ яркимъ представителемъ этой среды, здѣсь, къ моему удивленію, не было.

— Мы будемъ очень рады, — началъ говорить, явно отъ имени всѣхъ, Цакни, когда прежній ихъ разговоръ умолкъ при моемъ приходѣ, — имѣть васъ нашимъ товарищемъ. Но вступленіе въ тайное общество дѣло серьезное, опасное и безвозвратное. Оно тре-

буетъ, чтобъ человѣкъ пожертвовалъ для его цѣлей всей своей жизнью. Вы видите здѣсь одну группу этого общества и потому можете судить о своихъ будущихъ товарищахъ. Что же касается до цѣли этого общества, то она заключается въ подготовленіи государственнаго и общественнаго переворота, сначала путемъ распространенія въ народѣ и обществѣ идей о необходимости и возможности лучшаго новаго строя жизни, а когда масса будетъ подготовлена, то и въ осуществленіи новаго строя съ оружіемъ въ рукахъ. Вы уже знаете изъ нашей литературы о цѣляхъ этого общества. Согласны ли вы и теперь вступить въ него? Хорошо ли вы обдумали дѣло?

— Согласенъ, — отвѣтилъ я, — я все обдумалъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы приняты единогласно, такъ какъ вопросъ о васъ обсуждали еще послѣ вашего пріѣзда изъ Даниловскаго уѣзда и мы тогда же писали въ Петербургское отдѣленіе, служащее центромъ, о вашихъ приключеніяхъ. Оттуда было получено, уже болѣе недѣли назадъ, согласіе на вашъ пріемъ, если окажется, что вы не охладѣли къ дѣлу, послѣ перваго своего опыта. Мы присматривались къ вамъ за послѣднее время и убѣдились, что нѣтъ.

— Теперь, — сказалъ Кравчинскій, — надо сообщить ему основные принципы устава и исторію нашего общества.

— Оно возникло,—продолжалъ Цакни, — постепенно, еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Четыре студента Петербургскаго университета (и онъ назвалъ мнѣ фамиліи) пришли къ заключенію о необходимости распространять въ обществѣ сочиненія, направленныя противъ предразсудковъ и суевѣрія во всѣхъ смыслахъ. Вы читали сочиненіе Милля «О равноправности женщинъ», романъ Швейцера «Эмма», книги Карла Фохта, Дарвина, «Азбуку соціальныхъ наукъ» Флеровскаго?

— Да, читалъ.

— Это были первыя книги, распространеніемъ которыхъ задался тогда первоначальный небольшой кружокъ. Онѣ всѣ были изданы легально разными книгоиздателями, но онѣ расходились плохо. Чтобъ помочь ихъ распространенію и способствовать изданію и другихъ, кружокъ предлагалъ издателямъ распространять ихъ по провинціи черезъ разъѣзжающихся на каникулы студентовъ, которымъ книги будутъ сдаваться на комиссіи. Въ первое лѣто многіе книгопродавцы не довѣряли и дали мало книгъ, но нѣкоторые отнеслись лучше, и книгъ у кружка оказалось достаточно. Всѣ эти книги за лѣто были распространены, и съ давшими ихъ книгопродавцами правильно разсчитались. Большинство студентовъ охотно брали отъ кружка книги, такъ какъ за распространеніе получали съ каждаго экземпляра комиссіонные проценты. Такъ быстро организовался способъ сбыта хорошихъ книгъ.

На второй и третій годы дѣло пошло такъ успѣшно, что книгопродавцы сами стали предлагать кружку книги и оказывать ему кредитъ даже въ тысячи рублей... Только потому почти у каждаго интеллигентнаго человѣка въ обществѣ вы и найдете теперь десятки хорошихъ книгъ.

— Иначе они такъ и залежались бы у издателей, — прибавилъ Клеменцъ, — у насъ рѣдко кто рѣшится пойти въ магазинъ и купить книгу, пока ему не принесутъ ее на домъ.

— Потомъ, — продолжалъ Цакни, — въ кружокъ былъ принятъ Чайковскій, котораго теперь сильно разыскиваетъ полиція и о которомъ вы уже не разъ слыхали послѣ знакомства съ нами. Онъ особенно энергично принялся за дѣло. А такъ какъ всѣ посторонніе имѣли сношенія, главнымъ образомъ, черезъ него, то и кружокъ этотъ они стали называть по его имени,—чайковцами, даже и теперь называютъ его такъ, хотя Чайковскій добровольно удалился, разочаровавшись въ возможности осуществленія новаго строя силой, и рѣшилъ уѣхать въ Америку основывать тамъ соціалистическую колонію. На самомъ же дѣлѣ его именемъ называется большое тайное общество, не имѣющее никакого названія.

— Это просто — общество подготовленія соціальнаго, умственнаго и политическаго переворота, — замѣтилъ Кравчинскій.

— Еще во время Чайковскаго, — продолжалъ Цакни, — этотъ студенческій кружокъ, давшій намъ начало, сталъ не только распространять уже готовыя книги, которыя онъ считалъ полезными для всесторонняго освобожденія Россіи, но и разыскивать другія иностранныя, устраивать ихъ переводы, а также рекомендовать издателямъ и оригинальныя книги, ручаясь за ихъ быстрое распространеніе. Но оказалось, что цензура часто уничтожала всѣ усилія кружка, запрещая и уродуя издаваемую по его иниціативѣ, книгу, и кружокъ такимъ образомъ принужденъ былъ перейти къ устройству типографіи за границей, куда и былъ посланъ одинъ изъ его членовъ — Александровъ, а потомъ его замѣстилъ эмигрантъ Гольденбергъ. Въ этой типографіи и напечатаны почти всѣ безъ исключенія книжки, которыя распространяются теперь въ народѣ.

— Только благодаря невозможности печатать хорошія книги въ Россіи, кружокъ и перешелъ къ прямымъ революціоннымъ изданіямъ, — замѣтилъ кто-то.

— Также было рѣшено издавать за границей и толстый революціонный журналъ, — снова продолжалъ Цакни.—Редакцію его рѣшили поручить Лаврову. Онъ жилъ тогда въ административной ссылкѣ, въ одномъ изъ городовъ Европейской Россіи, но соглашался уѣхать за границу, если ему дадутъ средства для органа, въ родѣ Герценовскаго «Колокола», прекратившагося послѣ смерти Герцена. Ему обѣщали, и онъ уѣхалъ за гра-

ницу, но представленная имъ оттуда въ рукописи программа журнала такъ значительно расходилась съ предлагаемой кружкомъ, что Лавровъ предпочелъ дѣйствовать самостоятельно. Такимъ образомъ и возникъ извѣстный вамъ журналъ «Впередъ».

Онъ замолчалъ на минуту, обдумывая дальнѣйшій разсказъ. Я сидѣлъ совершенно очарованный.

«Такъ вотъ,—думалось мнѣ,—какое это дѣятельное тайное общество! Предполагалъ ли я, читая когда-то Дарвина, Милля, Флеровскаго, что эти хорошія книги потому и попадались мнѣ на глаза, что ихъ распространило тайное общество, въ которомъ потомъ мнѣ придется быть членомъ!»

Но Цакни не далъ мнѣ времени сосредоточиться и продолжалъ.

— Общество наше не имѣетъ письменнаго устава или списка членовъ, чтобъ не давать правительству возможности сдѣлать процессъ. Мы считаемъ губительной всякую канцелярщину. Программа наша всегда ясна изъ статей въ нашихъ изданіяхъ, а уставъ заключается въ немногомъ: въ каждомъ значительномъ городѣ долженъ быть устроенъ одинъ изъ его кружковъ. Такіе пока есть въ Петербургѣ, у насъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ и въ Одессѣ. Центромъ служитъ Петербургскій кружекъ, какъ самый большой и дѣятельный, но каждый изъ нихъ самостоятеленъ во всѣхъ своихъ собственныхъ дѣлахъ и сообщаетъ другимъ лишь общіе отчеты о своей дѣятельности черезъ избираемыхъ у себя лицъ, служащихъ секретарями, а въ случаѣ нужды посылаетъ въ другіе кружки кого-нибудь изъ своихъ членовъ. Всѣ члены равноправны и избираются каждымъ кружкомъ единогласно и притомъ лишь въ томъ случаѣ, когда и отъ другихъ кружковъ нѣтъ возраженій. Единогласность здѣсь считается необходимой, такъ какъ при общей опасности необходимо полное братское сочувствіе и довѣріе другъ къ другу. Оно одно можетъ обезпечить отъ отступниковъ и предателей, если тому или другому изъ членовъ придется погибать въ государственныхъ тюрьмахъ или Сибирскихъ рудникахъ. Всякій вступающій обѣщается отдать обществу безраздѣльно всю свою жизнь и все свое имущество. Изъ имущественныхъ пожертвованій составляется и капиталъ, нужный на различныя предпріятія общества. Въ настоящее время онъ у насъ достигаетъ пятисотъ тысячъ рублей. Это, главнымъ образомъ, средства, предоставленныя обществу Лизогубомъ, однимъ петербургскимъ студентомъ изъ помѣщиковъ, вступившимъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

Я посмотрѣлъ на него въ изумленіи.

«Какъ могущественно должно быть въ своихъ предпріятіяхъ общество съ такими средствами!» подумалъ я.

— Я говорю вамъ все это потому, что при пріемѣ новаго члена у насъ считается необходимымъ откровенно разсказать ему все, чѣмъ можетъ располагать общество. Только тогда онъ и бу-

детъ полноправнымъ лицомъ, способнымъ обсуждать всѣ вопросы. Вотъ, кажется, и все, что мнѣ полагалось разсказать вамъ. А если что-нибудь еще не ясно, то вы прямо спросите, и мы отвѣтимъ!—закончилъ онъ.

— А Алексѣева состоитъ въ вашемъ обществѣ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Ее не принимали до сихъ поръ, главнымъ образомъ, потому, что у нея на квартирѣ вѣчное сборище всякаго народа. У нея всеобщій клубъ, толкучка всѣхъ пріѣзжихъ безъ разбора. Мы уже обсуждали вопросъ о ней и считаемъ, что при такихъ условіяхъ принять ее опасно. Она не можетъ долго остаться не замѣченной шпіонами.

Это меня сильно огорчило. Алексѣева, несомнѣнно, была самымъ преданнымъ и самымъ симпатичнымъ образчикомъ новыхъ людей, съ которыми я такъ недавно сблизился. И я рѣшилъ предложить ее, какъ только поднимется вопросъ о новыхъ членахъ.

— И Саблинъ тоже не состоитъ?

— Тоже пока не состоитъ. Вообще всѣ присутствующіе въ Москвѣ члены находятся теперь передъ вами. Какъ видите, насъ немного, но дѣло не въ числѣ, а въ энергіи, въ надежности и въ томъ, чтобы посторонніе даже и не догадывались ни о чемъ.

— А другія общества есть? Я слыхалъ, напримѣръ, о кружкѣ Ковалика и Войнаральскаго, о кружкѣ петровцевъ и разныхъ другихъ.

— Это все—товарищескія компаніи, безъ выбора членовъ, безъ опредѣленныхъ обязательствъ. Кружокъ Ковалика это просто молодежь, собирающаяся у Ковалика. Если кто перестанетъ къ нему ходить, говорятъ, что онъ отсталъ отъ кружка. А если кто начнетъ постоянно ходить, то считается приставшимъ къ кружку. Таковы же и кружокъ петровцевъ и остальные. Обязательныя отношенія, на сколько намъ извѣстно, существуютъ только у насъ.

— А въ чемъ же будутъ заключаться мои обязательства въ обществѣ?—спросилъ я, помолчавъ.—Что я буду дѣлать?

— А вотъ я предложила бы вамъ одно очень полезное дѣло, если у васъ нѣтъ на примѣтѣ въ ближайшемъ будущемъ чего-нибудь своего,—сказала, въ первый разъ обращаясь ко мнѣ, дѣвушка-гигантъ. — У меня есть братъ гимназистъ седьмого класса Первой гимназіи. Онъ съ очень хорошими задатками. У него собирается по субботамъ цѣлая компанія товарищей гимназистовъ, читаютъ Тургенева, обсуждаютъ литературные вопросы, но совершенно чуждаются общественныхъ дѣлъ и даже находятъ ихъ для себя вредными занятіями. Все это благодаря вліянію одного изъ товарищей, Карелина, который, кромѣ естетики да искусства, ничего не признаетъ. Они устраиваютъ особыя эстетическія прогулки за городъ по праздникамъ съ бутылками вина и пива, которыя и распи-

ваютъ гдѣ-нибудь въ живописномъ мѣстѣ. Я пробовала какъ-то говорить съ ними, но на мои слова не обратили ни малѣйшаго вниманія, на маму тоже, выслушали и даже не спорили. Но если бы вы пошли къ нимъ и поговорили, это, навѣрно, имѣло бы дѣйствіе, потому что вы почти того же возраста. Съ вами стали бы спорить и, можетъ-быть, въ концѣ-концовъ, убѣдились бы, что общественные вопросы лежатъ въ основѣ жизни.

— Мы ужъ давно интересуемся этимъ кружкомъ,—прибавилъ Кравчинскій.—Изъ него могло бы выйти что-нибудь хорошее, и передъ самымъ твоимъ приходомъ мы какъ разъ говорили, что это было бы лучше всего поручить тебѣ.

Меня охватилъ порывъ отчаянія отъ такого порученія. Что я могу сдѣлать, Я никогда не былъ склоненъ къ спорамъ, особенно публичнымъ. Навѣрное меня переспорятъ, и ничего не выйдетъ. Но, вспомнивъ правило, которымъ я руководствовался съ дѣтства, что если чего-нибудь боишься, то это именно и сдѣлай, кромѣ, конечно, дурного, чтобъ потомъ не считать себя трусомъ, я сказалъ, стараясь принять солидный видъ:

— Хорошо, попытаюсь.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте сейчасъ же со мной, я покажу вамъ нашъ домъ и познакомлю васъ съ братомъ.

— Погодите еще на минутку, — сказалъ Клеменцъ. Сегодня пріѣхалъ въ Москву одинъ рабочій, чтобъ просить насъ о чемъ-то отъ имени кружка Войнаральскаго. Не думаю, чтобъ о чемъ-нибудь путномъ, но я назначилъ ему для осторожности свиданье въ особомъ номерѣ Тверского ресторана. Выберемте четырехъ уполномоченныхъ и предоставимъ имъ рѣшить дѣло.

Предложили Клеменца Кравчинскаго, Цакни и меня, и мы, согласившись, условились о времени на слѣдующій день.

Затѣмъ я и Наташа Армфельдъ пошли въ ея домъ. Здѣсь я впервые увидѣлъ неудобство огромнаго роста. Она была на цѣлую голову выше толпы, и всѣ оглядывались на насъ при проходѣ.

«Какъ, должно-быть, надоѣдаетъ ей это! — подумалось мнѣ. — И кромѣ того, при такомъ ростѣ нѣтъ ни малѣйшей возможности исчезнуть съ глазъ шпіоновъ въ толпѣ людей! Ея голову отовсюду видно на улицѣ. Вотъ я бы, несмотря на всю симпатію къ ней, — она, очевидно, чрезвычайно добрая,—не принялъ бы ее въ тайное общество!»

Она обратилась ко мнѣ съ какимъ-то ласковымъ вопросомъ, и мы не замѣтили, какъ, въ разговорахъ, дошли до ея жилища. Это былъ ихъ собственный домъ-особнякъ. Она представила меня своей матери, тоже очень высокой, но не гигантской женщинѣ, и та прямо пригласила меня пообѣдать у нихъ. Къ обѣду пришелъ и ея сынъ Николай, гимназистъ огромнаго роста, съ которымъ мы и пошли потомъ толковать въ его комнату. При первыхъ же его

словахъ оказалось, что онъ не былъ ужъ вовсе такой исключительный эстетъ, какъ мнѣ рекомендовала его сестра. Онъ такъ же, какъ и я, читалъ много романовъ и собирался когда-то, какъ и я, бѣжать въ американскіе лѣса къ краснокожимъ индѣйцамъ. Эти воспоминанія о прежнихъ замыслахъ тотчасъ же насъ сблизили, а когда я разсказалъ ему о томъ, какъ по способу краснокожихъ индѣйцевъ прошелъ въ деревенскій домъ, гдѣ находилась подъ домашнимъ арестомъ Алексѣева, и снова выползъ оттуда, то у него такъ и заблестѣли глаза отъ удовольствія. Но онъ этого не обнаружилъ словами, а завелъ разговоръ, можетъ ли изъ этого что-нибудь выйти?

Скептическое отношеніе къ современной русской дѣйствительности было у него, очевидно, очень сильно, но оно было и у меня, и потому тема разговора невольно перешла не на возможность успѣха, а на то, надо ли что-либо дѣлать, чтобъ разсѣять окружающую спячку, или сложить спокойно руки, занимаясь литературой, искусствомъ? Здѣсь я чувствовалъ подъ собой твердую почву, утверждая, что надо дѣйствовать, и Армфельдъ понемногу началъ соглашаться со мною.

— Приходите,—сказалъ онъ мнѣ, —на субботнее засѣданье нашего кружка. Тамъ будетъ товарищъ, который лучше меня сумѣетъ возразить вамъ.

— Непремѣнно приду. Это очень интересно!—отвѣчалъ я, не подавая вида, что меня для этого и пригласила его сестра.

«Итакъ, начало вышло удачно! — думалъ я, выходя изъ ихъ дома.—Я тотчасъ же получилъ приглашенье и притомъ прямо на завтра! Увидимъ, что будетъ. Не стану приготовлять заранѣе разныхъ умныхъ фразъ, такъ какъ, сколько разъ я ни дѣлалъ этого, а въ дѣйствительности всегда приходилось говорить что-нибудь другое».

Я быстро направился къ Алексѣевой, гдѣ засталъ по обыкновенію большую компанію. Мнѣ грустно было не разсказать ей о томъ, что со мной случилось сегодня утромъ, но тайну надо было держать отъ всѣхъ, и я мечталъ лишь, что при первой возможности предложу и ее въ это тайное общество, чтобъ намъ снова не имѣть другъ отъ друга никакихъ секретовъ...

ГЛАВА IV.

Тайная депутація.

Я переночевалъ у Алексѣевой въ гостиной на диванѣ, помечталъ съ нею утромъ о будущемъ счастьи человѣчества и къ назначенному часу поспѣшилъ въ Тверскую гостиницу. Тамъ въ номерѣ былъ Цакни, Кравчинскій и незнакомый мнѣ, смуглый высокій человѣкъ въ синихъ очкахъ-консервахъ и съ небольшой бо-

родкой. Это, очевидно, былъ посланный изъ кружка Войнаральскаго.

Я поздоровался съ нимъ, не называя себя, какъ знакомый, и мы стали продолжать начавшійся разговоръ о томъ, гдѣ кто находится изъ общихъ знакомыхъ, которыхъ, однако, оказалось очень немного. Разговоръ вяло продолжался до прихода Клеменца, по обыкновенію запоздавшаго, и какъ только онъ явился, весь личный составъ нашей комиссіи оказался налицо. Незнакомецъ въ синихъ консервахъ заговорилъ первый, очевидно, по заранѣе приготовленному плану.

— Около деревни, гдѣ теперь живетъ Войнаральскій, находится лѣсъ, о которомъ долго шла тяжба между помѣщикомъ и крестьянами нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревень. Крестьяне имѣли всѣ права на него по давности владѣнья, а судъ недавно присудилъ его помѣщику. Они страшно раздражены и хотятъ поджечь этотъ лѣсъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не доставался никому. Намъ съ Войнаральскимъ пришло въ голову, что здѣсь является хорошая почва для возстанья. Уже до станового дошли слухи о возможности поджога, и онъ нарочно сказалъ на сходѣ, что если загорится лѣсъ, онъ всѣ деревни погонитъ полиціей—тушить его. Крестьяне уже говорили Войнаральскому, что примутъ станового въ колья, если онъ погонитъ ихъ...

Тутъ посланный, видимо волнуясь, остановился на минуту, но затѣмъ, овладѣвъ собой, закончилъ:

— Такъ вотъ намъ и пришло въ голову поджечь самимъ лѣсъ, и когда исправникъ погонитъ крестьянъ тушить, то и поднять возстаніе уже не противъ помѣщика, а противъ правительства, заставляющаго крестьянъ оберегать отнятое у нихъ же добро. Надо только достать фосфору, чтобъ смазать деревья въ разныхъ мѣстахъ, и Войнаральскій говоритъ, что вы можете получить его въ знакомой вамъ одномъ аптекѣ сколько хотите.

— Мы не занимаемся поджогами!—рѣзко отвѣтилъ ему Цакни.

— Мы боремся съ вредными идеями, а не съ полезными предметами,—прибавилъ Кравчинскій.

Посланникъ совершенно сконфузился и покраснѣлъ. Мнѣ стало очень жаль его.

— Но вѣдь здѣсь борьба на самомъ дѣлѣ не съ предметами,— сказалъ я, краснѣя,—а только представляется возможность вызвать народное возстаніе, котораго мы всѣ желаемъ. Можетъ-быть, оно разрастется въ цѣлую революцію... Почему же не пожертвовать для этого однимъ несправедливо отнятымъ лѣсомъ? Вѣдь жертвуемъ же мы сами всѣмъ, что имѣемъ!

Посланникъ радостно взглянулъ на меня, какъ на неожиданнаго друга. Онъ былъ явно одинъ изъ тѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ рабочихъ, которые одни во всемъ народномъ морѣ того времени

были пробуждены только что появившимися пропагандистами къ гражданскому сознанью, и потому конфузился еще въ нашей средѣ, какъ конфузился и всякій изъ насъ, будучи ученикомъ, если вдругъ попадалъ въ общество своихъ учителей и принужденъ былъ вести съ ними теоретическій разговоръ. Онъ съ видимымъ облегченіемъ передалъ мнѣ всецѣло свою защиту и явно былъ намѣренъ далѣе лишь слушать.

— Каждый,—возразилъ мнѣ Клеменцъ,—имѣетъ право жертвовать всѣмъ своимъ, но не имѣетъ права жертвовать ничѣмъ чужимъ.

— Однако вѣдь признаемъ же мы принудительную передачу частной собственности народу, значитъ жертвуемъ и чужимъ?

— Мы признаемъ передачу, но не уничтоженіе и притомъ только передачу изъ частнаго владѣнья въ общее, при чемъ и прежній собственникъ получаетъ свою равную долю! Какъ ты можешь оправдывать поджоги?

— Я не оправдываю, но мнѣ хотѣлось бы только выяснить вопросъ. Съ перваго взгляда кажется, что Войнаральскій дѣйствуетъ послѣдовательно со своей точки зрѣнія.

— Съ точки зрѣнія вспышко-пускателей это, пожалуй, и вѣрно! Они думаютъ не вызвать революцію, они понимаютъ, что изъ деревенскаго бунта по поводу лѣса ничего не выйдетъ, кромѣ порки крестьянъ, но они хотятъ, дѣлая свои вспышки въ разныхъ мѣстахъ Россіи, разжечь страсти и подготовить общее возстаніе. Но это возстаніе, въ основѣ котораго ненависть, не будетъ сознательное и не приведетъ ни къ чему, кромѣ огромнаго кровопролитія и вражды. А наша цѣль—идейно подготовить народъ къ соціальному перевороту, чтобы онъ разумно и справедливо устроилъ свою будущую жизнь!

Мнѣ хотѣлось возразить ему, что эти его идеи о необходимости подготовки народа находятся въ явномъ противорѣчіи съ основными воззрѣніями нашей среды, гдѣ крестьянство съ его общиной и простотой жизни считается идеаломъ совершенства, въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы должны слиться съ народомъ, учиться у него, а не учить, но, понимая, что это отвлечетъ насъ отъ предмета въ такую область, гдѣ можно спорить недѣли, я не возражалъ. Кравчинскій и Цакни продолжали начавшіеся дебаты, и я уже не помню, о чемъ они спорили, но окончательнымъ результатомъ былъ полный и принципіальный отказъ посланнику въ какой бы то ни было помощи, и въ результатѣ, какъ я узналъ потомъ, его предпріятіе такъ и не осуществилось.

Когда мы, распростившись, вышли изъ этого отдѣльнаго номера ресторана и пошли каждый въ свою сторону, я, оставшись одинъ на улицѣ, началъ обдумывать по дорогѣ вставшій передо мной вопросъ: хорошо ли мы сдѣлали, что отказали Войнаральскому? И этотъ вопросъ невольно вызвалъ другіе.

«Для того, чтобы ясно представить, гдѣ справедливость, — думалъ я,—надо поставить себя въ положеніе каждой изъ двухъ сторонъ. Положимъ, я помѣщикъ, лѣсъ достался мнѣ по наслѣдству отъ отца. У меня есть дочери гимназистки и сыновья гимназисты, и лѣсъ мнѣ нужно продать, чтобы ихъ воспитать. А крестьяне считаютъ его своимъ. Имѣю ли я право судиться съ ними? Правда, моему дѣду и прадѣду лѣсъ былъ подаренъ Екатериной изъ общихъ государственныхъ лѣсовъ. Онъ пріобрѣтенъ не собственнымъ трудомъ, и потому я права на него не имѣю, я долженъ самъ отдать его народу и работать, какъ и онъ, а дѣтей взять изъ гимназіи и тоже отдать въ земледѣльческія работы или на общественную фабрику. Но фабрикъ общественныхъ у насъ нѣтъ, и, кромѣ того, жалко бросать науку, и если всѣ бросятъ науку, то погибнутъ и соціалистическіе идеалы, которые въ своей наивысшей степени доступны только интеллигентнымъ умамъ. Кромѣ того, не будетъ образованныхъ докторовъ, инженеровъ, какъ теперь ихъ нѣтъ у первобытныхъ народовъ Африки»...

Я чувствовалъ, что разобраться мнѣ здѣсь очень трудно. Справедливость индивидуальная, съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка, говорила мнѣ: надо отдать все, что не сдѣлано твоимъ собственнымъ трудомъ, и какая-то высшая общенародная справедливость требовала еще, чтобъ современныя поколѣнья цѣликомъ заботились не о своемъ только счастьи и довольствѣ, а, главнымъ образомъ, о счастьи и довольствѣ огромнаго числа слѣдующихъ за нимъ поколѣній, для которыхъ мы должны жить и работать... И она, казалось мнѣ, говорила: пусть лучше лѣсъ несправедливо останется у помѣщика, но пусть онъ успѣетъ воспитать своихъ дѣтей, изъ которыхъ выйдутъ, можетъ-быть, великіе ученые или такіе же чудные люди, какъ Кравчинскій, Алексѣева, и они вознаградятъ будущія поколѣнія народа съ избыткомъ за несправедливость, нанесенную ихъ отцомъ окрестнымъ крестьянамъ. Но можно ли раздѣлять такъ двѣ справедливости? Не значитъ ли это въ каждомъ поколѣніи санкціонировать несправедливость? Вѣдь это значило бы санкціонировать ее безъ конца, потому что такимъ образомъ можно разсуждать и въ каждомъ слѣдующемъ поколѣніи... Я чувствовалъ, что этимъ моимъ способомъ, всегда представлять себя при спорныхъ вопросахъ то той, то другой изъ враждующихъ сторонъ, я ничего не выигралъ въ данномъ случаѣ, кромѣ представленія о какихъ-то *двухъ* справедливостяхъ, индивидуальной и исторической, а это приводило къ представленію о какой-то органической эволюціи обществъ, въ родѣ роста человѣческаго тѣла, который по временамъ нарушаетъ наилучшее равновѣсіе его отдѣльныхъ клѣточекъ и безжалостно разрываетъ ихъ ради общаго развитія, какъ я отлично зналъ изъ своихъ физіологій и анатомій. Не въ этомъ ли справедливость и самихъ революціи и насильственныхъ переворотовъ?—думалось мнѣ.

Свиданіе съ посланникомъ Войнаральскаго навело меня и еще на одинъ моральный вопросъ.

Вотъ кругомъ меня люди, которыхъ я въ буквальномъ смыслѣ обожаю и готовъ за нихъ отдать свою жизнь. За что же я ихъ такъ люблю? Не за ихъ научныя знанья! Я уже знаю теперь, что почти ни одинъ изъ нихъ не перечислитъ по порядку даже планетъ нашей солнечной системы, или геологическихъ періодовъ, или классовъ животныхъ и растеній... Они не сидѣли за научными книгами съ самаго дѣтства, какъ сидѣлъ я. Но я за нихъ отдамъ свою жизнь, потому что они смѣлые, честные, умные и безкорыстные, потому что они дали все, что имѣли, и даже свою собственную жизнь за будущее счастье людей... Да, я ихъ обожаю именно за то, что они отдали все свое. Но чему же они учатъ рабочаго и крестьянина: они ему не говорятъ: отдай все свое, а говорятъ: возьми себѣ обратно то, что у тебя отобрали другіе. Это — справедливо. Но тутъ нѣтъ героизма, который я такъ люблю въ окружающихъ меня теперь. Развѣ и всякій деревенскій кулакъ не сдѣлалъ бы охотно того же самого, если бъ только могъ? Да, соціализмъ справедливъ — это ясно. Но героями добра, передъ которыми я всегда готовъ стать на колѣни, будутъ для меня только тѣ соціалисты, которые при общественномъ переворотѣ не выиграютъ, потеряютъ.

Мнѣ снова вспомнился посланникъ Войнаральскаго, не получившій отъ насъ фосфора для лѣса.

Разъ лѣсъ отнятъ у крестьянъ несправедливо, имѣютъ ли они право сжечь его, чтобъ не доставался отнявшему? Выходило какъ будто да, съ точки зрѣнія одной справедливости, и нѣтъ, съ точки зрѣнія другой, потому что крестьяне *сами* судились за лѣсъ, и судъ рѣшилъ дѣло не въ ихъ пользу. Правда, это былъ судъ казенный, пристрастный, несправедливый, но изъ этого слѣдуетъ только то, что надо устроить прежде всего справедливые суды, а справедливыхъ судовъ во всѣхъ отдѣльныхъ мѣстахъ не можетъ быть,— думалъ я, — пока не будетъ гражданскаго равенства и гражданской свободы въ цѣлой странѣ, пока не будетъ у насъ республиканской федераціи въ родѣ швейцарскихъ кантоновъ. Тогда выборные представители въ общемъ конвентѣ будутъ рѣшать всѣ общія дѣла, а отдѣльные представители — всѣ частныя.

Но въ такомъ случаѣ,—пришло мнѣ въ голову — путемъ вооруженнаго возстанія можно совершать только политическіе перевороты, а никакъ не передѣлъ имуществъ. Передѣлъ можетъ быть только по спокойному рѣшенію народныхъ представителей. Не въ этомъ ли заключается, — думалось мнѣ, — справедливое рѣшеніе всѣхъ возникающихъ во мнѣ недоумѣній? И мнѣ стало казаться, что да. что Клеменцъ и Цакни были правы, настоявъ на отказѣ въ фосфорѣ.

Я нарочно остановился здѣсь подробнѣе на этихъ моихъ давнишнихъ размышленіяхъ, потому что они рѣшили мое послѣдующее отношеніе къ такъ называемому аграрному террору. Если вы просмотрите какъ-нибудь мои статьи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ редактированномъ мною журналѣ «Листокъ Земли и Воли», то вы увидите, что я тогда былъ страстнымъ приверженцемъ индивидуальной борьбы съ оружіемъ въ рукахъ противъ «правительственнаго произвола»,. Вильгельмъ Телль былъ моимъ любимымъ героемъ въ литературѣ, но и тогда я былъ противникомъ рѣшенья имущественныхъ вопросовъ вооруженной борьбой, хотя бы оружіемъ и служили простые каменья. Однако, вспоминая о томъ, какимъ сложнымъ путемъ пришелъ я къ такимъ выводамъ, я никогда не бросалъ камня ни въ одного изъ тѣхъ, кого безкорыстный энтузіазмъ вовлекалъ по временамъ въ аграрный терроръ. Мнѣ было только страшно горько за ихъ погубленныя такъ рано жизни, и въ душѣ господствовало одно желанье, чтобъ у нихъ хватило силъ перенести разочарованье, чтобъ оно не разбило ихъ силъ, нужныхъ для болѣе плодотворной работы.

ГЛАВА V.

Я организую свой кружокъ!..

Съ наступленіемъ назначеннаго мнѣ вечера я былъ уже у Армфельда, съ трепетомъ готовясь къ предстоящему дебату.

Въ его комнатахъ, во второмъ этажѣ дома, было уже около двухъ десятковъ гимназистовъ старшаго возраста, сидѣвшихъ или стоявшихъ группами. На большомъ столѣ у окна помѣщались стаканы съ чаемъ и бутербротами, и часть публики уже занималась ими. Армфельдъ представилъ меня компаніи и, поздоровавшись со всѣми, я тоже присѣлъ къ столу съ закусками, не зная, какъ начать разговоръ, урывками разсматривалъ компанію, какъ и она меня. Это была пестрая и, повидимому, ничего особеннаго несулящая толпа гимназистовъ, но какъ ошибочно было такое первое впечатлѣніе! Здѣсь былъ въ лицѣ моего предстоящаго, какъ я уже узналъ, главнаго оппонента — Карелина, невысокаго юноши, почти мальчика, — будущій популярный профессоръ Московскаго университета; въ лицѣ другого юноши Баженова — будущій докторъ и извѣстный московскій общественный дѣятель. Самому хозяину этихъ комнатъ предстояло умереть въ заключеніи, тремъ другимъ испытать темницу и долгую ссылку, а предо мной мельканье въ грядущемъ нѣсколько лѣтъ бурной заговорщической дѣятельности и долгіе годы «пожизненнаго» одиночнаго заключенія!

Вспоминая теперь объ этомъ вечерѣ, я часто думаю: «Какъ несправедливы бываютъ взрослые къ подрастающей молодежи! Всѣ взрослые смотрѣли на насъ тогда свысока и видѣли только, что у насъ въ прошломъ не было ничего особенно выдающагося, а не хотѣли видѣть, что передъ нами было цѣлое будущее! Если кто-нибудь изъ насъ умиралъ, о немъ плакали только мать и нѣсколько близкихъ, если кого-нибудь исключали за запрещенную книжку изъ учебнаго заведенія, безъ правъ поступить въ какое-либо другое, то не только исключители, но даже и окружающіе не представляли себѣ, что, можетъ-быть, этимъ гасятъ въ наукѣ одного изъ предназначавшихся ей свѣточей! Такъ смотрятъ на молодежь и теперь и долго еще будутъ такъ смотрѣть, пока у людей не разовьется, кромѣ внѣшняго, еще внутреннее зрѣнье, проникающее сквозь завѣсу временъ».

Армфельдъ допилъ свой стаканъ и, видя, что всѣ чего-то ждутъ, и никто ничего не начинаетъ, всталъ и заговорилъ, видимо подготовившись въ эти нѣсколько минутъ, неестественно низкимъ тембромъ:

— Господа! Въ настоящее время, какъ вы знаете, уже многіе изъ студентовъ идутъ въ народъ и говорятъ о необходимости революціи. Вотъ и онъ тоже такъ думаетъ (кивокъ на меня). Было бы интересно обсудить это. Возможна ли у насъ республика? Необходимы ли измѣненія существующаго въ Россіи общественнаго строя? И какія нужны?

Онъ замолчалъ. Карелинъ нервно заговорилъ съ мѣста:

— Объ этомъ нѣтъ нужды даже и разговаривать! Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся!—говоритъ пословица.

— Но вѣдь монастырь для насъ не чужой, — возразилъ я, — а нашъ собственный. Мы всѣ выросли въ немъ и имѣемъ право измѣнять въ немъ порядки.

— Чѣмъ измѣнять, гораздо проще уѣхать изъ него за границу всякому недовольному и найти себѣ тамъ общественный строй по вкусу.

Не было болѣе неудачнаго начала, какъ этотъ его сразу же рѣзкій тонъ, усвоенный имъ, повидимому, непроизвольно, благодаря внутреннему сознанію, что моя позиція сильнѣе. Чуткая, доброжелательная и искренняя по натурѣ молодежь всегда въ этихъ случаяхъ чувствуетъ неловкость и потребность стать на сторону обижаемаго, если онъ не принимаетъ вызова и не отвѣчаетъ рѣзко въ томъ же родѣ. Въ послѣднемъ случаѣ споръ становится особаго рода перебранкой и не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Но я не умѣлъ никогда спорить такимъ образомъ, и потому инцидентъ закончилъ Армфельдъ.

— Такъ нельзя говорить. — сказалъ онъ, — нельзя же гнать изъ монастыря всякаго, кто въ немъ думаетъ иначе, чѣмъ боль-

шинство. Вѣдь можетъ и дѣйствительно оказаться, что въ монастырѣ-то стало темно, и тѣсно, и тяжело жить и что его самого и всѣ его уставы надо передѣлать заново. Будемъ же говорить объ этомъ.

— Я хотѣлъ только сказать, — возразилъ Карелинъ, спокойнѣе, чѣмъ прежде, — что мы еще не можемъ считать себя полноправными членами этого монастыря. Намъ надо прежде всего еще окончить свое ученье, и тогда узнаемъ многое, что можетъ перемѣнить наши мнѣнія.

— Но что же мы узнаемъ такого? — сказалъ я. — Вотъ въ гимназіи насъ кормятъ мертвыми грамматиками, греческой и латинской, священными исторіями, въ которыхъ разсказываются невѣроятныя вещи, катихизисами и богослуженіями, которыя мы всѣ пародируемъ въ смѣшномъ видѣ передъ урокомъ. Неужели это можетъ перемѣнить наше мнѣнье? Я самъ стою за науку, но не за казенную, которая только опутываетъ, — прибавилъ я, вспоминая прежнія слова Алексѣевой, которыми она примирила меня съ перспективой оставить учебное заведеніе.

— Какова у насъ наука ни есть, но она пока единственная, и если мы хотимъ другой, то должны сначала сами доучиться и потомъ уже учить другихъ, какъ хотимъ.

— Но вѣдь правительство намъ не дастъ дѣлать этого, а велитъ учить, какъ учили прежде, или убираться вонъ изъ монастыря!

— Но безъ правительства нельзя. Я вѣдь тоже читалъ запрещенныя книги и нахожу, что анархія, которую въ нихъ проповѣдуютъ, приведетъ только къ всеобщему грабежу, и въ результатѣ будетъ деспотизмъ еще хуже, чѣмъ теперь. Такъ было и во Франціи послѣ революціи, такъ будетъ и у насъ!

Оправившись отъ перваго волненья, онъ началъ теперь спорить серьезно и по существу. Ему недоставало еще лѣтъ трехъ до совершеннолѣтія, но было видно, что онъ читалъ и думалъ не менѣе, чѣмъ многіе изъ совершеннолѣтнихъ. Будущій талантливый профессоръ началъ въ немъ чувствоваться и теперь.

— Неужели вы думаете, — сказалъ онъ, — что наши крестьяне, тоже поголовно безграмотные или мало свѣдущіе, сумѣютъ устроить что-нибудь путное въ общественной жизни, если имъ предоставить полныя гражданскія права? Вотъ помѣщикъ, рядомъ съ селомъ, гдѣ я живу, тоже захотѣлъ посовѣтоваться съ ними на сходѣ при устройствѣ школы и спрашиваетъ: «Чему учить вашихъ дѣтей?» А они отвѣчаютъ: «Научи считать по счетамъ, да чтобъ читали псалтирь надъ упокойникомъ!» И больше ничего не могли прибавить!

Всѣ засмѣялись. Мое положеніе становилось плохо. Онъ быстро воспользовался своимъ преимуществомъ.

— Для того, чтобы знать, чему учить другихъ, нужно прежде всего самому знать всѣ науки, а то и мы можемъ оказаться въ такомъ же смѣшномъ видѣ передъ тѣми, кто ихъ уже изучилъ.

— Но вѣдь и кончившіе университетъ говорятъ, что тамъ теперь чисто казенное, сухое, спеціальное обученіе въ одной какой-нибудь области, и всеобщаго знанья не дается. Оно теперь лучше всего достигается самообразованіемъ.

— Развѣ я,—возразилъ онъ, — противъ чтенія и самообразованія? Мы здѣсь всѣ читаемъ много, и вмѣстѣ, и порознь, такое, чему насъ не учатъ. Я только говорю, что безъ правительства нельзя жить, что будетъ всеобщій грабежъ и начнутъ убивать другъ друга.

Меня такъ и подмывало отпарировать ему часто слышанной мною всеупрощающей фразой Кравчинскаго и Алексѣевой: какъ только не будетъ частной собственности и начальства съ палкой, такъ всѣ люди почувствуютъ себя братьями и сестрами и никому и въ голову не придетъ дѣлать что-нибудь дурное. Но въ глубинѣ души я самъ не вѣрилъ въ этотъ всеобщій рецептъ, бывшій тогда въ ходу среди молодежи.

— Анархію, — отвѣтилъ я,—въ тѣхъ книгахъ понимаютъ какъ такой строй, гдѣ не будетъ больше начальства съ кулакомъ надъ головами всѣхъ неначальствующихъ? И она придетъ рано или поздно!

— Какъ же она придетъ?

— Вы вѣдь убѣждены, — хитро спросилъ я его, — что человѣчество идетъ впередъ съ каждымъ поколѣньемъ и совершенствуется?

— Да, это ясно видно изъ исторіи.

— Ну вотъ! — воскликнулъ я, торжествуя, что онъ попался.— Представьте, что наступило такое время, когда всѣ вопросы между народами стали обязательно рѣшаться по согласію, безъ войнъ. Вѣдь тогда не надо будетъ и войскъ, а съ ними и военнаго министерства! А когда человѣчество нравственно разовьется до того, что воровство, грабежъ, насиліе станутъ ему также противны, какъ намъ теперь людоѣдство, тоже процвѣтавшее у дикихъ, но уже никому изъ насъ не приходящее въ голову, такъ не нужно будетъ и полиціи и судовъ! Значитъ, и министерство юстиціи и полиціи исчезнутъ съ лица земли. Что же станется тогда отъ правительства?—только министерство народнаго просвѣщенія, а оно уже и не начальство, потому что ему подчиняются только дѣти! Вотъ вамъ и наступила анархія, о которой говоритъ Бакунинъ, и разъ вы убѣждены, что человѣчество совершенствуется съ каждымъ столѣтіемъ, то вы должны сознаться, что оно идетъ именно къ анархіи, какъ къ окончательному идеалу.

— Только слово анархія ужъ очень непріятное,—замѣтилъ Армфельдъ,—лучше бы Бакунинъ придумалъ какое-нибудь другое названіе. А то сразу всегда представляешь себѣ, что это какой-то безпорядокъ, въ родѣ анаѳемы!

Опять всѣ улыбнулись, но это было уже не по существу дѣла. Я былъ очень доволенъ: идея о постепенномъ уничтоженіи всѣхъ начальническихъ министерствъ по мѣрѣ моральнаго развитія человѣчества пришла мнѣ въ голову тутъ же въ спорѣ, и я почувствовалъ, какъ будто выбрался изъ вязкаго болота на берегъ. Я видѣлъ, что я тутъ стою прочно и что сбить меня съ этой позиціи можно только отверженіемъ общей идеи о безконечномъ совершенствованіи человѣчества, а ее, очевидно, всѣ признавали.

— Ну,—возразилъ нерѣшительно Карелинъ,—уроды будутъ рождаться по временамъ и у будущихъ людей. Это даже неизбѣжно. Будутъ рождаться и идіоты.

— Но начальство тогда и будетъ только надъ ними въ родѣ докторовъ, а не надъ всѣми нормальными людьми, какъ теперь. Идіотамъ и въ голову не придетъ самимъ грабить и убивать, если они не видятъ кругомъ себѣ примѣровъ. Вѣдь не приходитъ же имъ въ голову ѣсть людей, когда кругомъ насъ не ѣдятъ. А если бъ ѣли, то они, конечно, ѣли бы больше всѣхъ.

— Но вѣдь вы думаете, что все это можно устранить сразу теперь же!—возразилъ онъ.

— А вотъ я и не думаю этого. Я думаю только, что у насъ теперь можно устроить федеративную республику, какъ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

— Но другіе думаютъ и хотятъ это дѣлать. А вы идете съ ними, значитъ, и вы думаете такъ, какъ они, или дѣлаете то, во что сами не вѣрите.

— Я иду съ ними, потому что они готовы сейчасъ же пожертвовать своей жизнью и всѣмъ, что имѣютъ, для свободы и для осуществленія своихъ убѣжденій. Всѣ другіе, — трусы, имъ жаль себя или своего имущества и они неспособны ни на что героическое. Если я и не вѣрю, что все изъ ихъ замысловъ осуществится скоро, то ихъ дѣятельность, навѣрно, осуществитъ теперь то, что окажется возможнымъ изъ ихъ идеаловъ, а безъ нихъ человѣческая жизнь такъ и остановилась бы на мѣстѣ.

— А я вамъ говорю,—сказалъ Карелинъ, — что они только даромъ погибнутъ, да и мы съ ними, если съ самаго начала не отойдемъ отъ нихъ. Такъ лучше отстранимся теперь же и не будемъ бросать своихъ собственныхъ цѣлей для чужихъ.

Я, конечно, не помню всѣхъ деталей этого памятнаго для меня вечера, гдѣ я впервые исполнялъ порученіе только что принявшаго меня въ свои члены «тайнаго общества» и отъ результатовъ своей миссіи ждалъ того или иного отношенія ко мнѣ товарищей. Я мно-

гое совсѣмъ позабылъ, но послѣдній эпизодъ спора ярко остался у меня въ памяти. Когда мы оба утомились, Армфельдъ снова заговорилъ тѣмъ слишкомъ солиднымъ низкимъ тембромъ.

— Теперь, когда вопросъ уже выяснился, было бы желательно опредѣлить къ нему наше отношеніе, которое осталось неясно, такъ какъ говорили, главнымъ образомъ, только двое, а большинство лишь слушало молча. Пусть же кто находитъ, что мы должны принять участіе въ революціонномъ движеніи, которое происходитъ теперь, поднимутъ одну руку.

Поднялось огромное большинство рукъ.

— А теперь пусть поднимутъ руки тѣ, кто думаетъ, что надо устраниться!

Поднялось только четыре руки въ томъ числѣ и Карелина.

Это было такъ неожиданно для меня! Считая себя пришельцемъ извнѣ въ этотъ уже сформировавшійся товарищескій кружокъ, я всѣхъ молчавшихъ считалъ настроенными противъ себя, и вдругъ оказалось совершенно наоборотъ!

Карелинъ, напротивъ, казался очень опечаленнымъ. Теперь я понялъ, почему онъ началъ свой споръ въ этотъ вечеръ такъ раздражительно. Они,—подумалъ я,—очевидно, видѣлись уже другъ съ другомъ еще до моего прихода, и интересъ большинства къ начавшемуся движенію тогда же выяснился. Значитъ, моя сегодняшняя заслуга для расширенія революціоннаго движенія вовсе ужъ не такъ велика въ дѣйствительности! Это не я вызвалъ переворотъ среди нихъ своимъ приходомъ! Онъ былъ подготовленъ въ ихъ душахъ еще ранѣе, я прямо попалъ на благодатную почву!

Намъ принесли разныхъ холодныхъ закусокъ вмѣсто ужина. Въ первомъ часу ночи всѣ остальные разошлись, а я остался ночевать у Армфельдовъ. Передъ сномъ меня пригласили еще внизъ, посидѣть съ его матерью и сестрой, и послѣдняя, узнавъ отъ брата о результатахъ голосованія, была, очевидно, чрезвычайно довольна. Она приписала все мнѣ и передъ прощаніемъ крѣпко и многозначительно пожала мою руку.

Такъ начался новый кружокъ въ Москвѣ, постановившій своей цѣлью распространеніе революціонныхъ идей среди учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и его начали называть по моему имени. Къ этому кружку я вскорѣ присоединилъ и свой прежній, бывшее «Тайное Общество Естествоиспытателей». Мы собрали въ разныхъ мѣстахъ съ тысячу книгъ научнаго и литературнаго содержанія и, присоединивъ къ нимъ и заграничныя изданія, полученныя для меня черезъ Петербургское отдѣленіе, устроили у Армфельда общественную библіотеку, въ которой могли бывать всѣ рекомендованные кѣмъ-либо изъ членовъ. Способъ устройства библіотекъ казался тогда лучшимъ средствомъ для знакомства съ наиболѣе активной въ

умственномъ отношенiи частью молодежи и для привлеченія ее къ движенію.

Только Карелинъ и трое изъ его ближайшихъ друзей не вошли въ этотъ преобразовавшійся кружокъ. Вспоминая теперь ретроспективно прошлое и задавая себѣ вопросъ, дѣйствительно ли былъ правъ Карелинъ, отстранившись отъ начавшагося движенія, я могу сказать лишь одно: по внѣшности онъ былъ правъ, потому что сбылись всѣ его предсказанія о гибели. Вся активная часть кружка попала въ слѣдующемъ же году въ темницы, въ ссылку, а нѣкоторые и на каторгу. Но онъ былъ правъ именно лишь по внѣшности, а не по внутреннему содержанію, такъ какъ дальнѣйшая исторія движенія показала, что эти труды не погибли безслѣдно, хотя цѣль пробужденія Россіи отъ ея тысячелѣтняго сна и была достигнута не такъ, какъ предполагали важнѣйшіе вожди тогдашняго движенія, а, какъ увидимъ дальше, нѣсколько своеобразно, при чемъ враги наши помогли развитію и распространенію освободительныхъ идей несравненно больше, чѣмъ сами ихъ провозвѣстники. Да и въ личномъ отношеніи выигралъ не онъ. И не казалось ли ему не разъ потомъ, черезъ много лѣтъ, въ тиши его профессорскаго кабинета, что молодость его прошла слишкомъ тускло, и въ ней не было ни одного выдающагося пункта для того, чтобы остановиться на немъ съ отрадой? И не завидовалъ ли онъ порой намъ, погибшимъ и погибавшимъ, но жившимъ яркой жизнью. Кто можетъ разсказать это теперь, послѣ его смерти?

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ репортера [1]).

(Окончаніе.)

Кромѣ главныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ, работала въ «Кіевскомъ Словѣ» плеяда сотрудниковъ случайныхъ, пишущихъ время отъ времени за плату или же въ качествѣ безплатныхъ (какъ мы, постоянные, называли ихъ) «добровольцевъ». Звали мы ихъ еще: «графоманами», и отношеніе къ нимъ было у насъ недоброжелательное, потому что они занимали газетные столбцы, хотя и нужнымъ, но безплатнымъ матеріаломъ и тѣмъ сокращали наши заработки...

Возникшее на обломкахъ «Зари» «Кіевское Слово» заняло послѣ «Зари» еще теплое мѣсто. Благодаря этому во многихъ кругахъ кіевскаго общества оно считалось, сравнительно съ «Кіевляниномъ», органомъ прогрессивнымъ. Но въ дѣйствительности «Кіевское Слово» было газетой націоналистической, предусмотрительно избѣгавшей національной травли. А составъ сотрудниковъ былъ у него удивительно пестрый, неподдающійся занесеніямъ за общія скобки. Къ этому составу примѣнимо было бы болѣе позднее суворинское выраженіе: парламентъ мнѣній. Сотрудники «Кіевскаго Слова» представляли собою поистинѣ «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». На столбцахъ этой газеты печатался (и весьма часто) Л. А. Куперникъ, котораго называли передовымъ, даже «лѣвымъ». И тутъ же выступалъ миссіонеръ В. М. Скворцовъ, пріобрѣвшій со временемъ столь опредѣленную извѣстность; или же И. А. Баженовъ—впослѣдствіи редакторъ Финляндской Газеты и комаровскаго «Свѣта».

Л. А. Куперникъ сотрудничалъ дѣятельно и часто заходилъ въ редакцію. Очаровательный собесѣдникъ, блестящій ораторъ и софистъ, онъ, однако, не имѣлъ публицистической жилки. Статьи и фельетоны его были не яркіе, хотя всегда умные и послѣдовательные. Непредставительный и некрасивый, маленькаго роста, полный, съ круглой головой и короткой шеей, съ узенькими глазками, утолщеннымъ носомъ и утолщенными губами, онъ самъ высмѣивалъ

---

[1]) См. № 7.

свою внѣшность, находилъ себя похожимъ «на куль съ мукою». И все же приводилъ въ восторгъ всѣхъ, кому доводилось съ нимъ встрѣчаться.

Пока онъ молчалъ, дефекты его наружности на первыхъ порахъ, конечно, подмѣчались. Но стоило Л. А. заговорить, и его признавали очаровательнымъ. А затѣмъ вопросъ объ его внѣшности какъ-то исчезалъ, оставались лишь впечатлѣнія отъ его бесѣдъ, остротъ, шутокъ, каламбуровъ, художественно-интересныхъ разсказовъ, мѣткихъ характеристикъ и эпитетовъ... Онъ умѣлъ безпощадно анализировать даже и то, что лично ему было дорого. Такъ, онъ безспорно былъ огорченъ смертью друга своего, П. А. Андреевскаго. Куперникъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи похоронъ Павлика. Но когда въ редакціи черезъ нѣсколько дней послѣ погребенья заговорили о помпёзности похоронъ и когда кто-то изъ зеленой редакціонной молодежи восторженно замѣтилъ: «Вотъ, если бы Кіевъ похоронилъ когда-нибудь такъ же и меня!» Левъ Абрамовичъ иронически глянулъ на говорившаго и съ неописуемымъ оттѣнкомъ въ голосѣ саркастически произнесъ: «Охъ, что вы? Нѣтъ, нѣтъ! Я бы вамъ не пожелалъ подобныхъ похоронъ. Желаю иныхъ. Очень нескорыхъ... Такихъ же или еще болѣе многолюдныхъ. Но иныхъ... получше».

Былъ онъ еще не старъ, но адвокатскій престижъ его уже клонился къ закату. То - есть, у него еще оставалась въ Кіевѣ громкая репутація и хорошая практика, однако, это было уже не то, что раньше. И Левъ Абрамовичъ, обремененный дѣтьми всѣхъ возрастовъ (отъ нѣсколькихъ браковъ), уже былъ недоволенъ своими не возраставшими, а падавшими доходами. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ покинулъ Кіевъ и переѣхалъ въ Одессу, затѣмъ снова вернулся въ Кіевъ и скончался здѣсь въ «дни свободъ», при чемъ и его провожала на Аскольдову могилу громадная толпа кіевлянъ. Еще при жизни П. А. Андреевскаго разыгралась у Куперника не лишенная комизма исторія съ исключеніемъ его изъ состава кіевскаго драматическаго общества. Куперникъ былъ учредителемъ и рьянымъ дѣятелемъ этого общества. Долгое время онъ состоялъ предсѣдателемъ общества, и, наконецъ, въ предсѣдатели его не выбрали. Какъ-то онъ напечаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» фельетонъ подъ названіемъ: «Правила театра»; въ фельетонѣ критиковалъ новые порядки въ театрѣ драматическаго общества и больше всего не совсѣмъ грамотныя правила, вывѣшенныя въ театрѣ для свѣдѣнія артистовъ. Правила, между прочимъ, гласили: «Незнаніе роли влечетъ виновнаго къ штрафу». «Артисты обязаны соблюдать строгую тишину въ разговорахъ». «Никто изъ артистовъ исключительнаго права на какую-нибудь роль не имѣетъ». «Артисты подчиняются безусловно всѣмъ замѣчаніямъ режиссера сцены («что это за режиссеръ сцены?» спрашивалъ въ фельетонѣ Л. А. Куперникъ)

относительно постановки пьесъ, тона, которымъ необходимо вести роль» и т. д.

Куперникъ, подчеркнувъ безграмотность составителей правилъ, назвалъ самыя правила результатомъ «законодательнаго зуда», объявившагося у театральныхъ заправилъ. Онъ забавно сгруппировалъ перечисленія въ правилахъ тѣхъ случаевъ, когда артистъ подвергается штрафу за ту или иную провинность. Такъ, напримѣръ: 1) за утраченную или испорченную чернилами роль; 2) за прибавку или убавку словъ въ пьесѣ; 3) за опозданіе; 4) за куреніе табаку; 5) за присутствіе на репетаціи въ пальто и калошахъ; 6) за громкіе разговоры, за ненужные фарсы ради возбужденія смѣха у публики, и, наконецъ, 7) за несвоевременное ухаживанье за артистками... Возмущенные члены драматическаго общества назначили общее собраніе и на немъ пришли къ выводу, будто Куперникъ оттого ополчился на общество, что не попалъ больше ни въ предсѣдатели, ни въ члены правленія. Ораторы требовали признанія поведенія К. явно предосудительнымъ, настаивали на необходимости самаго строгаго за это возмездія. И въ концѣ-концовъ, постановленіемъ общаго собранія, К. исключенъ былъ изъ членовъ драматическаго общества большинствомъ 18 противъ 9 голосовъ. Куперника, впрочемъ, все это нимало не уязвило. Въ своемъ письмѣ въ редакцію «Кіевскаго Слова» онъ невозмутимо писалъ: «Исключеніе меня не сдѣлаетъ правила театра лучшими или болѣе грамотными»...

Вообще онъ охотнѣе всего писалъ о театрѣ подъ рубрикой «Театральные фельетоны». Но его перу принадлежали также статьи на всякія иныя темы, напримѣръ, рядъ фельетоновъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ», въ которыхъ Л. А. описывалъ свое заграничное путешествіе. Онъ проводилъ параллель между порядками заграничными и русскими, разсказывалъ про горечь сопоставленія тѣхъ и другихъ порядковъ. И признавался, что хотя *тамъ* лучше, но его неудержимо тянуло *домой*, въ Россію. «Тянетъ тебя тоска по своимъ, по своему», замѣчалъ онъ въ фельетонѣ, и повторялъ это въ редакціи почти съ досадой на себя.

О Куперникѣ, какъ и объ Андреевскомъ, ходили по Кіеву многочисленные анекдоты. Нѣкоторые изъ нихъ получили потомъ широкое распространеніе въ повседневной прессѣ. Напримѣръ, разсказъ о судебной защитѣ съ часами въ рукахъ, когда Куперникъ попросилъ предсѣдательствующаго на судѣ сообщить съ точностью, какое время показываютъ его часы; дальше обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ членамъ суда, къ товарищу прокурора, къ старшинѣ присяжныхъ засѣдателей; потомъ сказалъ, глядя на свои часы: «а у меня столько-то»... Оказалось, всѣ эти сообщенія разнились одно отъ другого. И на этомъ Куперникъ съ успѣхомъ построилъ свою защиту, доказывая несовершенность и приблизительность свидѣтельскихъ опредѣленій времени, что для защиты было весьма важно.

Въ другой разъ, защищая какого-то явнаго «жулика» по назначенію суда, Куперникъ, вмѣсто защитительной, произнесъ обвинительную рѣчь, которую закончилъ словами: «да совершится правосудіе!» И изъ-за этого возникла исторія, довольно-таки непріятная для Куперника.

Циркулировалъ въ Кіевѣ, не знаю, справедливый ли, но подробный разсказъ о томъ, какъ, торопясь по отвратительной дорогѣ съ уѣздной сессіи суда къ поѣзду и боясь опоздать, Куперникъ производилъ непрерывные выстрѣлы изъ револьвера, цѣлясь мимо уха своего ямщика.

— Если не поспѣешь, убью!—кричалъ будто бы при этомъ Куперникъ. И перепуганный дополусмерти ямщикъ домчалъ его къ поѣзду съ сверхъестественной быстротой.

Припоминается о Куперникѣ цѣлый рядъ и другихъ анекдотическихъ повѣствованій, но я не увѣрена въ ихъ правдивости и потому боюсь ихъ повторять.

Въ «Кіевскомъ Словѣ» печатался также извѣстный русскій философъ А. А. Козловъ. Помню его остроумный фельетонъ: «Мэонизмъ г. Минскаго». Фельетонъ былъ написанъ по поводу книги Н. М. Минскаго: «При свѣтѣ совѣсти» и имѣлъ подзаголовокъ: «Мысли и мечты о цѣли жизни». «Книга г. Минскаго распадается на двѣ части: совсѣмъ мрачную и нѣсколько освѣщенную», писалъ А. А. Козловъ. Онъ съ тонкой ироніей нападалъ на скептическое отношеніе г. М. къ нравственному ученію о безкорыстіи и самоотверженности любви и справедливости къ ближнему и къ дѣятельности, вытекающей изъ этой любви.

Присылали въ «Кіевское Слово» свои статьи многіе изъ профессоровъ мѣстнаго университета: психіатръ И. А. Сикорскій, извѣстный профессоръ судебной медицины Ф. Ф. Эргардтъ, О. О. Эйхельманъ, С. М. Богдановъ и другіе. Много писалъ часто пріѣзжавшій въ Кіевъ корреспондентъ «Новаго Времени» А. Н. Молчановъ. Сотрудничали: прославленный народный пѣвецъ Агреневъ-Славянскій, романистъ В. А. Радичъ, небезызвѣстные поэты: Сергѣй Бердяевъ и Петръ Гольденовъ, А. Д. Эртель (не беллетристъ, а кіевлянинъ, оказавшійся въ недавніе дни свободъ однимъ изъ дѣятелей союза русскаго народа).

Артистъ и антрепренеръ, Николай Николаевичъ Соловцовъ, основавшій въ Кіевѣ постоянный драматическій театръ, печаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» свою драму «Евлалія Рамина» и еще какую-то пьесу. Онъ нерѣдко заходилъ въ редакцію и подолгу тамъ просиживалъ. Тогда онъ выглядѣлъ цвѣтущимъ, рослымъ блондиномъ, говорилъ авторитетнымъ и громовымъ голосомъ. Прекрасный организаторъ и администраторъ, поставившій кіевскую труппу на небывалую для провинціи высоту (достаточно сказать, что у него постоянно выступали такія крупныя сценическія величины, какъ И. П.

Киселевскій, М. М. Глѣбова, Н. Н. Рощинъ-Инсаровъ, Чужбиновъ, Глама-Мщерская и другіе),—Соловцовъ у себя въ театрѣ и внѣ театра проявлялъ обостренную самоувѣренность и властность, а временами держалъ себя безапеляціоннымъ самодержцемъ и даже болѣе того,—театральнымъ деспотомъ. Впрочемъ, это не мѣшало ему хорошо ладить съ своенравными и тоже властными артистами,—какимъ былъ, напримѣръ, изящнѣйшій Киселевскій. Да и въ сношеніяхъ съ лицами иного—не театральнаго міра—обычно грубоватый и «надутый» Соловцовъ становился, если этого требовали обстоятельства, сговорчивымъ, выдержаннымъ и тактичнымъ человѣкомъ.

Музыкально-критическія рецензіи одно время писалъ въ «Кіевскомъ Словѣ» талантливый геникологъ и хирургъ Александръ Ивановичъ Юскевичъ-Красковскій, умершій совсѣмъ молодымъ. Онъ былъ недюжиннымъ музыкантомъ и музыкальныя рецензіи его имѣли успѣхъ, хотя врачи-конкуренты не безъ злобной ироніи говорили о немъ: «лучшій операторъ среди музыкантовъ и лучшій музыкантъ среди гинекологовъ»...

Работалъ также въ качествѣ сотрудника и члена редакціи на опредѣленномъ жалованьи извѣстный теперь криминалистъ Моисей Леонтьевичъ Гольдштейнъ, кіевлянинъ по происхожденію. Онъ велъ «Дневникъ печати», сопровождая вырѣзки изъ газетъ остроумными, но очень краткими замѣчаніями. Его коротенькіе афоризмы сразу обратили на себя вниманіе, ихъ стали перепечатывать въ разныхъ газетахъ. А кромѣ того писалъ онъ фельетоны, которые подписывалъ псевдонимомъ: Принцъ Гамлетъ. Фельетоны эти были, главнымъ образомъ, литературно-критическаго содержанія и назывались: «Впечатлѣнія профана». Писалъ М. Л. Гольдштейнъ и вещицы пародійнаго или юмористическаго характера. Вообще онъ искусно пародировалъ и придумывалъ для своихъ фельетоновъ заглавія, которыя запечатлѣвались въ памяти.

Критическіе фельетоны М. Л. были изданы въ Кіевѣ отдѣльной книгой. Кіевляне уже начинали привыкать къ остроумному «Принцу Гамлету», начинали интересоваться его личностью. По крайней мѣрѣ, ко мнѣ все чаще и чаще обращались съ вопросомъ: «Кто такой Принцъ Гамлетъ?» Но въ это время Принцъ Гамлетъ былъ похищенъ у кіевлянъ. Пріѣхалъ въ Кіевъ на безконечно затянувшійся процессъ милліонеровъ (старообрядцевъ Черниговской губерніи) Шведовыхъ петербургскій адвокатъ Утинъ. И послѣ того М. Л. Гольдштейнъ покинулъ Кіевъ, приписавшись къ Утину въ помощники.

Изъ литераторовъ, пріобрѣвшихъ потомъ болѣе или менѣе крупную извѣстность, выступалъ на столбцахъ «Кіевскаго Слова» популярный нынѣ беллетристъ Александръ Ивановичъ Купринъ, тогда молодой человѣкъ, незадолго передъ тѣмъ разставшійся съ

офицерской службой. Онъ печаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» много небольшихъ разсказовъ.

Разсказы эти носили на себѣ отблескъ мопассановскихъ настроеній. И самого г. Куприна (съ легкой руки одной бойкой кіевлянки) многіе звали: «Маленькій Мопассанъ». Небольшія новелки А. И. Куприна, появлявшіяся въ кіевскихъ газетахъ, изданы были въ Кіевѣ отдѣльнымъ сборникомъ подъ общимъ названіемъ: «Миніатюры». Кромѣ г. Куприна, сотрудничали въ «Кіевскомъ Словѣ» поэты: Д. Ратгаузъ и Л. Мундштейнъ (Lolo). Lolo, тогда юный студентъ, подписывался Л. Мун — ъ. Веселый, всегда оживленный и жизнерадостный, онъ почти ежедневно бывалъ въ редакціи, гдѣ поражалъ всѣхъ тою легкостью, съ какою овладѣвалъ риѳмой. Онъ свободно, безъ камней преткновенія и помарокъ, писалъ стихами въ любой моментъ, на любую тему, не спотыкаясь даже на сонетахъ. И стихи у него выходили звучные, гладкіе, безупречные по формѣ, неглубокіе по содержанію, но остающіеся въ памяти у читателя. Перечисленіе остальныхъ случайныхъ сотрудниковъ «Кіевскаго Слова» заняло бы слишкомъ много мѣста. Это были интеллигенты всѣхъ толковъ и профессій, а преобладали среди нихъ мѣстные адвокаты, врачи и педагоги. Наѣзжали время отъ времени и появлялись у насъ въ редакціи и петербургскіе писатели-беллетристы и иные, которыхъ мы называли «гастролерами». Бывалъ Василій Ив. Немировичъ-Данченко, Іеронимъ Ясинскій и другіе. У В. И. Немировича-Данченко было въ Кіевѣ немало почитателей. Почитатели чествовали его лукулловскими пиршествами съ раздачей золотыхъ жетоновъ въ память чествованія. Дружной толпой сопровождали они Вас. Ив., какъ почетная свита, въ театрахъ и повсюду, гдѣ появлялся писатель.

Всѣхъ этихъ разнородныхъ, ничѣмъ необъединенныхъ другъ съ другомъ людей, энергично привлекалъ къ сотрудничеству въ газетѣ А. Я. Антоновичъ. Если сотрудникъ оказывался пригоднымъ и полезнымъ, А. Я. умѣло удерживалъ его, искусно вызывая на дальнѣйшую работу.

Кипѣло, бывало, редакціонное дѣло, неутомимо дѣйствовали ножницы и клей, скрипѣли перья, секретарь Иванъ Александровичъ утопалъ въ грудѣ прочитанныхъ имъ иностранныхъ газетъ, щелкали счеты въ сосѣдней конторѣ, трещалъ пронзительный (старинной системы) телефонъ, прибѣгали изъ типографіи за матеріалами для набора метранпажъ или наборщики и, наконецъ, безшумно и всегда невзначай появлялся въ редакціи самъ «Аѳиногенъ» (такъ упрощенно называли его и сотрудники, и служащіе въ конторѣ, и наборщики, и бородатый сторожъ редакціи, и очень многіе изъ кіевлянъ). Онъ навѣдывался поглядѣть, все ли въ должномъ порядкѣ. Садился, улыбался своею никому недовѣряющею улыбкой, пощелкивалъ пальцами по табакеркѣ, часто нюхалъ табакъ, вы-

тирался большими цвѣтными платками, похваливалъ однихъ и поддразнивалъ другихъ насмѣшливыми шуточками, а попутно вникалъ во всѣ мелочи, никому не довѣряя вполнѣ, всѣхъ съ опаской остерегаясь.

Недавно мнѣ пришлось узнать, что о благополучно здравствующемъ А. Я. Антоновичѣ, какъ о редакторѣ «Кіевскаго Слова», уже появились воспоминанья, выставляющія Антоновича исключительно съ отрицательной стороны, въ видѣ эксплуататора сотрудниковъ, человѣка цинично-безпринципнаго и проч. Мнѣ не случилось узнать А. Я. ближе. Ни съ нимъ, ни съ его семьей у меня не было личнаго внѣредакціоннаго знакомства. Не берусь судить о немъ ни какъ объ ученомъ (тутъ я не компетентна), ни со стороны его идейнаго багажа или характера сыгранной имъ общественной роли: тутъ его фигура настолько законченно опредѣлилась, что передъ нею, кажется, не остается мѣста для двухъ мнѣній. Своихъ воззрѣній на вещи онъ ни отъ кого не таилъ, высказывалъ ихъ въ газетныхъ статьяхъ, въ научныхъ трудахъ, въ частныхъ бесѣдахъ. И тѣ сознательные люди, которые сознательно шли къ нему въ сотрудники, должны же были видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, знать, куда они идутъ, съ кѣмъ вступаютъ въ общеніе... Но если говорить объ Антоновичѣ, какъ о редакторѣ-издателѣ, эксплоатирующемъ чужой трудъ и угнетающемъ сотрудниковъ, то здѣсь получится, на мой взглядъ, отклоненіе отъ истины. Платилъ онъ сотрудникамъ не больше и не меньше, чѣмъ въ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ того времени. Расплачивался всегда самымъ аккуратнымъ образомъ и къ сотрудникамъ, пока они бывали ему нужны, относился неплохо. Правда, издатель онъ былъ расчетливый, даже скуповатый. Но вѣдь самая сущность издательскаго дѣла такова, что для нея требуется непремѣнная наличность расчетливости,—иначе грозитъ гибель всему предпріятію издательства. Разумѣется, тутъ важна степень этой расчетливости и степень издательской добросовѣстности. По-моему, издательская добросовѣстность скуповатаго Антоновича стояла внѣ сомнѣній. Газету онъ любилъ и велъ ее съ увлеченьемъ, заботясь сперва о себѣ, потомъ о сотрудникахъ. Впослѣдствіи, съ отъѣздомъ А. Я. въ Петербургъ на постъ товарища министра финансовъ (онъ вызвалъ за собою и редакціоннаго секретаря, Ивана Александровича), тиражъ газеты началъ стремительно падать. Тогда съ большей настойчивостью стали проявляться стремленія владѣльца «Кіевскаго Слова» сокращать газетные расходы, урѣзывать гонорары, отказываться отъ болѣе дорогихъ сотрудниковъ. Это былъ періодъ неустаннаго метанія для газеты. Она попадала то въ однѣ, то въ другія редакторскія руки, но ко всѣмъ не надолго и какъ бы случайно къ каждому изъ редакторовъ въ отдѣльности. Одно время во главѣ «Кіевскаго Слова» стояла группа мѣстныхъ прогрессивныхъ

профессоровъ, образовавшихъ редакціонный комитетъ, привлекшихъ въ сотрудники многихъ видныхъ литераторовъ. Потомъ это предпріятіе быстро распалось, газета то лѣвѣла, то правѣла, то не носила никакой опредѣленной физіономіи, пока, наконецъ, не угасла окончательно, кажется, въ дни свободъ. Но эти колебанія въ жизни «Кіевскаго Слова» я знаю лишь по наслышкѣ и мнѣ трудно говорить о нихъ подробнѣе. А въ мое время, когда дѣла газеты шли хорошо, вознаграждались и сотрудники недурно. Мнѣ самой, при трехкопеечномъ построчномъ гонорарѣ, случалось вырабатывать по 300 — 400 рублей въ мѣсяцъ. И даже въ неурожайныя для мѣстной хроники полосы каждая двухнедѣльная получка моя (въ «Кіевскомъ Словѣ» расплата производилась два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа) бывала не менѣе 100 — 120 рублей. Неплохо вознаграждались и остальные сотрудники. Ихъ заработокъ (помимо полагавшагося инымъ изъ нихъ жалованья) колебался въ зависимости отъ количества поставляемаго ими оригинальнаго матеріала, и мнѣ не приходилось слышать ни отъ кого изъ нихъ жалобъ на эксплоатацію.

Иногда, когда я «зарывалась» въ своемъ репортерскомъ усердіи и двухнедѣльная получка моя подбиралась къ 250 — 260 руб., Антоновичъ приходилъ въ ужасъ, нарекалъ, жалуясь, будто я «обобрала» «Кіевское Слово»... Послѣ того замѣтки мои нѣкоторое время «черкались» А. Я. на глазомѣръ и безудержно. Но затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, Антоновичъ, входя въ редакцію, ворчалъ недовольно:

— Хо-оро-ошая сегодня хроника въ «Кіевлянинѣ»! Есть о сервитутныхъ угодьяхъ, а у насъ нѣтъ. И о подготовленьяхъ Юго-западныхъ дорогъ къ волынскимъ маневрамъ... И о канализаціи... Интересная хроника въ «Кіевлянинѣ». А у насъ ничего нѣтъ.

Тогда я, со всею, доступной мнѣ, кротостью, скромно отвѣчала:

— Это все было бы и у насъ, Аѳиногенъ Яковлевичъ. И не сегодня, а еще третьяго дня. Но вы это вычеркнули. Признали неинтереснымъ.

Секретарь редакціи, Иванъ Александровичъ, подтверждалъ нелицепріятно справедливость моихъ словъ.

— Да-а! — ворчалъ, уже сдаваясь, ревнивый по отношенію къ «Кіевлянину» Антоновичъ, — небось, сами же... (онъ укоризненно взглядывалъ на меня) сами передали это кіевлянскимъ репортерамъ? Чтобъ допечь меня... Вотъ тебѣ! Чувствуй!

Вслѣдъ за тѣмъ онъ переставалъ нагонять экономію, и сообщенія мои опять начинали появляться въ свѣтъ въ нормальномъ объемѣ.

Чего не выносилъ Антоновичъ, какъ издатель, такъ это просьбъ объ авансахъ. Онѣ портили ему настроеніе и равновѣсіе духа, вы-

зывали непріязненныя чувства къ просителямъ. Но, дипломатичный и уклончивый, онъ никогда не отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ прямымъ отказомъ. Опуская глаза на свою табакерку, онъ обыкновенно говаривалъ:

— Да не знаю, право я... есть ли деньги въ кассѣ? Вы тамъ спросите у Данила Ивановича. Если есть, пусть дастъ.

— Но Данила Ивановичъ не дастъ безъ вашей записки.

— А, да... Ну, что жъ. Я сейчасъ напишу ордеръ.

Онъ писалъ на клочкѣ бумажки:

«Выдать такому-то, такую-то сумму авансомъ». И подписывался двумя буквами: А. А., при чемъ вторую букву заканчивалъ особымъ условнымъ, какъ у масоновъ, знакомъ: опредѣленнымъ «крючкомъ», означавшимъ: денегъ не выдавать ни въ какомъ случаѣ. Если сотрудникъ былъ свой, опытный, то онъ, взглянувъ на подпись съ «хвостикомъ», даже и не шелъ въ контору къ Данилѣ Ивановичу. А направлялся къ редакціонному секретарю, прося его исходатайствовать иной ордеръ безъ «хвостика». Сотрудникъ же, менѣе опытный, на эту удочку попадался. Идетъ онъ, полный надеждъ, къ Данилѣ Ивановичу. А Данило Ивановичъ К—ко былъ безпредѣльно преданъ хозяйскимъ интересамъ. Вышедшій изъ наборщиковъ, способный и смышленый, себѣ на умѣ, хитрый, практичный и дѣловитый, К. управлялъ типографіей и завѣдывалъ конторой «Кіевскаго Слова». Былъ онъ юркій, лысоватый, маленькій и розовый, съ толстымъ носомъ лепешкою, съ закругленными, какъ у птицы, сине-сѣрыми, довольно большими навыкатѣ глазами. Онъ носилъ длинные, пушистые усы и небольшую бороду, всегда пріятно улыбался, но избѣгалъ глядѣть въ чужіе глаза, а глядѣлъ все какъ-то мимо своихъ собесѣдниковъ. Одѣвался чистенько и заботливо, стараясь быть во всемъ не хуже людей, даже импонировать своею внѣшностью. На кругломъ животѣ его позванивали навѣшенные на толстый цѣпи отъ часовъ массивные золотые брелоки. Шубы онъ носилъ дорогія, на мѣху, немногимъ похуже, чѣмъ у самого «Аѳиногена»...

Подаетъ наивный сотрудникъ Данилѣ Ивановичу ордеръ и говоритъ:

— Дайте-ка авансъ, Данило Ивановичъ. Вотъ: Аѳиногенъ вамъ написалъ...

Зоркій Данило Ивановичъ не беретъ и въ руки бумажки, если на ней есть роковой крючечекъ. Онъ вертится, позванивая брелоками, и самымъ непочтительнымъ образомъ принимается распекать отсутствующаго «Аѳиногена».

— Аѳиногенъ... Аѳиногенъ... что мнѣ вашъ Аѳиногенъ!? Будетъ еще онъ мнѣ писать тутъ... ерунду всякую! Гдѣ я вамъ возьму авансъ, когда у меня ни копейки денегъ? Онъ пишетъ, пусть онъ и даетъ. А я не могу: нѣтъ въ кассѣ денегъ. Не народить же мнѣ

ихъ для васъ. А на Аѳиногена мнѣ плевать! Еще чего онъ напишетъ? Не знаетъ уже, что выдумывать. Идите, жалуйтесь ему на меня... а я денегъ не дамъ. Нѣту.

Въ концѣ-концовъ такъ и остается сотрудникъ безъ аванса.

Зато, если «крючекъ» отсутствуетъ и на ордерѣ стоятъ двѣ цѣломудренно-кругленькія буквы: А. А. съ точками послѣ каждой, авансъ выдается съ молніеносной поспѣшностью. И Данило Ивановичъ — сама предупредительность, сама любезность, и брелоки его почтительно безмолвствуютъ, и голосъ у него, радушно-тихій. доброжелательно-товарищескій...

Отвращеніе А. Я. Антоновича къ выдачѣ авансовъ имѣло, впрочемъ, свои предѣлы. Мнѣ извѣстны случаи, когда онъ не только выдавалъ немалые авансы, но самъ предлагалъ ихъ, переставая скупиться. Я уже упоминала о широкомъ кредитѣ, открытомъ «Кіевскимъ Словомъ» на лѣченье и похороны П. А. Андреевскаго. Положимъ, Андреевскій былъ въ редакціи видной фигурой, состоялъ на особомъ положеніи редакціоннаго любимца. Но случилось, что Антоновичъ охотно шелъ на помощь и другимъ, менѣе замѣтнымъ работникамъ прессы. При мнѣ у одного изъ корректоровъ «Кіевскаго Слова» К. внезапно скончалась жена. Не считаю себя вправѣ разсказывать объ этомъ эпизодѣ подробно, но положеніе К., оставшагося съ малолѣтнимъ сыномъ на рукахъ, и въ нравственномъ, и въ юридическомъ отношеніи было прямо трагическое. Не блестящи были, конечно, и матеріальныя средства К. Тогда конторой «Кіевскаго Слова» по распоряженію Антоновича выданъ былъ К. солидный авансъ. К. не скоро оправился отъ своего горя, но появившись въ редакціи, при первой же получкѣ денегъ спросилъ у Антоновича, въ какомъ размѣрѣ дѣлать вычеты изъ его корректорскаго жалованья для погашенія долга.

— А вы мнѣ отдайте этотъ долгъ единовременно, когда у васъ будетъ своя газета или такой домъ, какъ у меня, — постукивая пальцами по табакеркѣ, отвѣтилъ Антоновичъ.

Настойчиво и по собственной иниціативѣ предлагалъ онъ авансъ и мнѣ, когда я серьезно захворала въ 1892 году. Кіевское свѣтило діагностики, покойный профессоръ Евг. Ив. Аѳанасьевъ, приговорилъ тогда меня къ скорой гибели, заподозрѣвъ чахотку. И хотя ассистентъ Аѳанасьева, популярный въ Кіевѣ и понынѣ Ѳед. Ѳед. Рындовскій, ежедневно навѣщавшій меня, увѣрялъ, что «никакой чахотки нѣтъ, никогда не будетъ и быть не можетъ», а просто я переутомилась и оттого у меня кровохарканье, однако состояніе здоровья моего было скверное. Все время держалась рѣзко повышенная температура, упадокъ силъ прогрессировалъ. Д-ръ Рындовскій посылалъ меня хорошенько отдохнуть гдѣ-нибудь въ сосновомъ лѣсу при условіи полнаго покоя и усиленнаго питанія. Для меня сняли дачу среди сосноваго лѣса подъ Кіевомъ, и въ

половинѣ мая я собиралась уѣхать. За нѣсколько дней до моего отъѣзда зашелъ ко мнѣ одинъ изъ сотрудниковъ «Кіевскаго Слова», Вас. Андр. П — къ, уполномоченный предложить «отъ имени Аѳиногена» авансъ въ размѣрѣ по моему усмотрѣнію.

— Аѳиногенъ такъ и сказалъ: «Пусть беретъ, сколько ей надо»,— дословно передавалъ мнѣ П.

Я не успѣвала проживать мои крупные заработки, и деньги у меня были. Въ авансѣ я не нуждалась. Но меня тревожило опасенье, какъ бы въ отсутствіи моемъ не замѣнили меня кѣмъ-нибудь новымъ и какъ бы этотъ «новый» не отрѣзалъ мнѣ потомъ пути къ возврату. Наканунѣ отъѣзда, улучивъ минуту нѣсколько лучшаго самочувствія, отправилась я въ редакцію, игнорируя свою повышенную температуру. Успокаивая мою ревность, меня увѣряли въ редакціи, что никого новаго не возьмутъ, ибо лѣтомъ въ хроникѣ всегда затишье, что моя работа будетъ распредѣлена между остальными сотрудниками. Какъ разъ въ это время появился Антоновичъ. Онъ радушно привѣтствовалъ меня, и опять самъ заговорилъ объ авансѣ. Я поблагодарила и отвѣтила, что аванса мнѣ не нужно.

— Вотъ чудеса-то! — посмѣиваясь, поражался онъ. — Сотрудникъ, который отказывается отъ аванса? Первый разъ въ жизни вижу. И вѣрно послѣдній тоже. Ему предлагаютъ: бери, сколько хочешь. А онъ говоритъ: не надо!

— А вдругъ я умру и не погашу аванса? — пошутила и я, въ свою очередь.

— На томъ свѣтѣ сочтемся, — благодушно протянулъ Антоновичъ. — Всѣ тамъ будемъ. Авось, встрѣтимся.

И принялся увѣрять меня, что я проживу еще очень долго, что онъ это «по глазамъ» моимъ видитъ.

Я еще разъ поблагодарила его за долгосрочный кредитъ, но аванса не взяла и заговорила снова о томъ, что погнало меня въ редакцію при повышенной температурѣ: чтобы меня не замѣняли никѣмъ, пока я поправлюсь. Антоновичъ сталъ галантно увѣрять, будто меня невозможно замѣнить, и далъ слово ждать,—хотя бы годъ цѣлый.

Слово онъ сдержалъ. Къ осени я вернулась на свой постъ значительно поздоровѣвшей.

А. Я. Антоновичу не разъ ставили въ вину, что съ тѣми изъ сотрудниковъ, которые становились безполезными или уже непригодными, онъ разставался съ легкимъ сердцемъ, безъ всякой сентиментальности, «какъ съ ненужной вещью». Это иногда случалось, но можно ли за это обвинять какого бы то ни было издателя? Антоновичъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своихъ сотрудниковъ былъ заботливъ, хорошо и то...

Вообще о немъ, объ его личныхъ качествахъ говорили хуже, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Причиной этого была, между прочимъ,

присущая ему (какъ и многимъ инымъ малороссамъ) склонность рисовать себя въ невыгодномъ для себя же свѣтѣ. Дѣлается это не то въ видѣ остроумной выходки, не то изъ желанія убѣдиться, какого мнѣнія о говорящемъ его собесѣдники. Можетъ-быть, тутъ играютъ роль еще какія-нибудь, болѣе глубокія и менѣе сознательныя психическія побужденія, но это встрѣчается нерѣдко, а среди малороссовъ — часто. Злоупотреблялъ этимъ и Антоновичъ. Иногда даже непріятно за него бывало, когда онъ при комъ-нибудь пришломъ начиналъ толковать, бравируя своимъ цинизмомъ:

— Рубль, и только рубль, — вотъ основа всѣхъ человѣческихъ поступковъ, всякой добродѣтели. Все можно купить, и все продается. Надо только угадать и предложить надлежащую цѣну...

И прочее на тѣ же мотивы.

А когда посѣтитель, разговаривавшій съ нимъ, уходилъ изъ редакціи, Антоновичъ пренебрежительно замѣчалъ, открывая табакерку:

— N. теперь пойдетъ и скажетъ: вотъ-то прохвостъ Аѳиногенъ! А прохвостъ онъ самъ. И не узнаетъ себя, какъ мартышка въ зеркалѣ. Не понимаетъ, что я излагалъ ему его же кредо!

Въ редакціи Антоновичъ любилъ разсказывать о своей убогой юности, о «бурсацкихъ», семинарскихъ и студенческихъ временахъ своей жизни, когда онъ остро нуждался и обѣдать могъ не каждый день, а два-три раза въ недѣлю. Помню его разсказъ, какъ онъ, полуголодный и въ лѣтнемъ «дрянненькомъ» пальтишкѣ, сидѣлъ въ холодный день у Золотыхъ воротъ, мечтая, какъ бы хорошо было теперь взять и пообѣдать!..

— И думалъ ли я, — не безъ торжественности заканчивалъ онъ,—что противъ этихъ же Золотыхъ воротъ воздвигну этакій, какъ мой, домище?!

На улицу онъ выходилъ, демонстрируя свое издательское благополучіе, въ дорогихъ мѣхахъ, въ шубѣ, сшитой наподобіе священнической, въ бобровой не то боярской, не то поповской шапкѣ и съ высокимъ «посохомъ», у котораго былъ серебряный набалдачникъ, совсѣмъ по образцу пастырскихъ посоховъ, какіе бываютъ у священниковъ.

А. Я. былъ примѣрный семьянинъ. Въ театрахъ, общественныхъ мѣстахъ и на прогулкахъ онъ появлялся не иначе, какъ съ женою. И когда шли они по кіевскимъ улицамъ, оба еще молодые, дородно-крупные и цвѣтущіе здоровьемъ, въ цѣнныхъ мѣхахъ на пышныхъ фигурахъ, кіевляне увѣряли, что, глядя на нихъ, такъ и хочется сказать:

— Вонъ молодые батюшка съ матушкой вышли прогуляться. Вѣрно изъ Софійскаго собора.

А. Я. (происходившему изъ «духовной» семьи) нравилось это сходство. Онъ подчеркивалъ его и посохами, и шляпами, и фасо-

нами своихъ шубъ. Съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ, какъ гдѣ-то на вокзалѣ бросилась къ нему «подъ благословеніе» какая-то набожная баба — «Батюшка! благослови!»

— И что же вы тогда? — спрашивали у А. Я.

— Да что? Я благословилъ... Богъ съ нею. Только руки поцѣловать не далъ.

Внушительно принаряженный на людяхъ, А. Я. ходилъ у себя дома полураздѣтымъ, въ старомъ и изношенномъ, чуть ли не бурсацкомъ своемъ лѣтнемъ пальтишкѣ, еле налѣзавшемъ на его располнѣвшія плечи. Порой одѣвался и того откровеннѣй. Случалось, войдя въ редакцію и завидѣвъ меня, онъ вдругъ начиналъ запахиваться и прикрываться, принимая позы классическихъ венеръ... Стѣсняла я его и въ отношеніи свободы слова. А. Я. любилъ употреблять крѣпкія словечки. Бывало, повѣствуютъ ему о какомъ-либо возмутительномъ поступкѣ того или другого изъ кіевскихъ гражданъ. Онъ слушаетъ сперва спокойно, невозмутимо понюхивая изъ своей табакерки. Потомъ возмущенье въ немъ нарастаетъ и нарастаетъ и, наконецъ, онъ разражается началомъ краснорѣчивой тирады:

— А-ахъ! С-с-с-с-с... у-у-у-у!..

И вдругъ умолкаетъ, обративъ мимолетный взоръ въ мою сторону. А затѣмъ послѣ продленнаго снова звука: с-с-с... произноситъ не то, что хотѣлъ сказать первоначально, а болѣе корректное:

— ...с-скотина!!

Всѣ его разсказы о своемъ прошломъ пропитаны были образнымъ, чисто-хохлацкимъ юморомъ. Занятно вспоминалъ онъ о первой встрѣчѣ съ Сергѣемъ Юльевичемъ Витте.

— ...Витте тогда, — эпически начиналъ Антоновичъ, — управляющимъ Юго-Западныхъ дорогъ былъ, и книжку свою писалъ О желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Рѣшилъ онъ поговорить по поводу книжки со мною, какъ съ профессоромъ политической экономіи. До тѣхъ поръ знакомы мы не были. Я уже издавалъ «Кіевское Слово», но редакція помѣщалась еще въ старомъ нашемъ домѣ. Въ Кудрявскомъ переулкѣ. Вотъ какъ-то въ жаркое время, когда я сидѣлъ въ кабинетѣ, и былъ такъ... «только слава», что одѣтъ, раздается стукъ въ дверь. И входитъ Витте.

Въ хорошемъ сюртукѣ, съ первымъ визитомъ. Я, понятно, бросаюсь къ одѣянію. Витте останавливаетъ меня и говоритъ:

— Нѣтъ, знаете... не надо. А чтобы вы себя удобнѣй чувствовали, лучше я сюртукъ сниму.

Раздѣлся, и потекла тутъ у насъ бесѣда. И объ трудѣ его, и о «Кіевскомъ Словѣ», и о многомъ... о чемъ мы тогда не переговорили. Умный человѣкъ... съ такимъ и поговорить пріятно.

Возникшая послѣ этой встрѣчи близость А. Я. съ С. Ю. Витте породила въ Кіевѣ легенду, будто Юго-Западныя дороги субсиди-

ровали «Кіевское Слово». Отъ многихъ, казалось бы, достовѣрно, освѣдомленныхъ лицъ слышала я, что это неправда. Самъ Антоновичъ то же категорически опровергалъ этотъ слухъ, многократно повторяя:

— То была брехня. И теперь, если говорятъ, то брешутъ. Никакой субсидіи не было. Но на станціяхъ всюду по линіямъ, по приказу Витте, развѣшаны были плакаты о подпискѣ на «Кіевское Слово». И подписка принималась во всѣхъ желѣзнодорожныхъ конторахъ по Юго-Западнымъ дорогамъ. Отсюда и пошла брехня о субсидіи.

Охотно вспоминалъ А. Я., какъ «ни съ чѣмъ» начиналъ онъ изданіе газеты, и какъ потомъ повезло ему въ этомъ дѣлѣ.

— Ото жъ, какъ не стало «Зари», надумалъ я издавать вмѣсто нея свою газету. Денегъ у меня не было. И заключилъ я тутъ договоръ съ типографіей Кульженка. Чтобы Кульженко печаталъ мнѣ газету, а за то принималъ подписныя суммы и доходъ съ объявленій. До тѣхъ поръ, пока не погаситъ своихъ расходовъ по изданію «Кіевскаго Слова». Въ обезпеченіе же Кульженка, если бы не хватило доходовъ съ газеты, я отдавалъ ему въ залогъ старый домъ нашъ въ Кудрявскомъ переулкѣ (кажется, домъ этотъ А. Я. получилъ въ приданое за женою, дочерью священника Софійскаго собора, Богданова), а на случай, если бы истощился у Кульженка весь мой кредитъ, я обязывался прекратить дальнѣйшее изданіе газеты. Однако кредитъ не только не истощился, но къ концу перваго года получился большой плюсъ. Съ Кульженкой я поквитался полностью и перевелъ контору къ себѣ въ домъ. А тамъ и пошло, и пошло... Не успѣлъ оглянуться, а у меня уже и типографія своя, и не домина, а настоящій дворецъ Николаевъ мнѣ противъ Золотыхъ воротъ строитъ. И подписчикъ ко мнѣ валитъ, и объявленія... и все, въ добрый часъ сказать, у меня, какъ по маслу.

Сергѣя Юльевича Витте я въ Кіевѣ не застала. Онъ уже начиналъ свою карьеру въ Петербургѣ въ должности директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ. Антоновичъ относился къ нему, повидимому, съ большими симпатіями и постоянно предсказывалъ:

— О, этотъ человѣкъ далеко пойдетъ. Попомните тогда мое слово. Во-первыхъ, голова. Умный онъ... Во-вторыхъ, кіевлянинъ... почти кіевлянинъ, что онъ тамъ въ своей Одессѣ безъ году недѣлю мальчикомъ жилъ! Какой изъ него одесситъ? Онъ— кіевлянинъ, а кіевлянамъ везетъ въ Петербургѣ. Возьмите Бунге, Вышнеградскаго... все изъ Кіева? Кіевлянамъ не можетъ тамъ не везти. Во-первыхъ, кіевляне — народъ толковый и дѣльный. Во-вторыхъ, знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Кіевлянина не проведешь, онъ самъ проведетъ кого угодно... А Витте далеко пойдетъ. Вспомните мое слово.

А. Я. былъ патріотомъ города Кіева. По временамъ онъ начиналъ носиться съ идеей перенесенія въ «стольный градъ» Кіевъ столицы Россійской имперіи и писалъ, разрабатывая этотъ вопросъ, горячія утопическія статьи. Но еще больше развитъ былъ у него патріотизмъ Волынской губерніи, откуда онъ происходилъ родомъ. Стоило заговорить съ нимъ о Волыни, и его лицо преображалось, блестѣли глаза, на губахъ появлялась умиленная улыбка. Эту его слабость къ роднымъ мѣстамъ эксплоатировали кіевскіе беллетристы, у которыхъ по какой-то странной случайности дѣйствіе очень часто происходило «на Волыни». И никогда не хватало у А. Я. силы воли забраковать даже наиболѣе слабый разсказъ, если только онъ былъ написанъ на волынскомъ фонѣ. Если чье-либо произведеніе начиналось словами: «Хороша и привольно наша Волынь»—автору можно было предсказать въ «Кіевскомъ Словѣ» успѣхъ, не читая рукописи дальше. Тутъ сказывалась въ А. Я. сентиментальная привязанность малоросса къ своему родному уголку, къ «ридному» краю, всегда опоэтизированному и пріукрашенному въ воображеніи украинца. Рѣзко проявлялась въ А. Я. и еще одна специфически-малорусская черта—непреоборимое упрямство. Если онъ, бывало, заупрямится на чемъ-нибудь,—конечно, уже не отступитъ отъ своего. Упрямство его одинаково упорно распространялось на серьезное и на мелочное, порой доходило до комизма. Онъ, напримѣръ, не захотѣлъ признать моего брака, когда я вышла замужъ, спустя немногимъ больше года послѣ пріѣзда моего въ Кіевъ. Должно-быть, потому, что замужество мое было своевольное, совершенное даже безъ оповѣщенія редакціи о предстоящемъ событіи,—но А. Я., узнавъ о немъ, упрямо продолжалъ называть меня «барышней». И если приходилось ему знакомить меня съ кѣмъ-нибудь въ редакціи, онъ неуклонно называлъ мою дѣвическую фамилію. Когда же у него, указывая на моего мужа, спрашивали: «А что это за молодой человѣкъ у васъ въ редакціи?» Онъ отвѣчалъ, хмурясь: «Да это такъ.. тутъ одинъ... Студентъ одинъ, медикъ... Будущій докторъ. И сотрудничаетъ у насъ,—пока ничего, сотрудникъ усердный». И только при повторныхъ разспросахъ, наконецъ, пояснялъ немножко недовольно: «Да это... ну,—мужъ нашей барышни».

Въ личныхъ или дѣловыхъ сношеніяхъ съ людьми Антоновичъ, какъ и А. С. Суворинъ, отличался широкой терпимостью. Какъ у Суворина, у него работали въ «Кіевскомъ Словѣ» люди всякихъ національностей, взглядовъ и убѣжденій. Въ этомъ отношеніи для него не было ни эллина, ни іудея, были только сотрудники,—плохіе, хорошіе или средніе, полезные или безразличные для газеѳы. Объ одномъ изъ нихъ,—типичномъ полякѣ—«короняжѣ», уроженцѣ Царства польскаго изъ-подъ самой Варшавы,—Антоновичъ говорилъ съ олимпійскимъ безпристрастьемъ:

— Не то бѣда, что онъ полякъ. Что не говоритъ, а поетъ съ наиваршавскимъ, «прошенъ паньство, акцентэмъ»... Полякъ— такъ полякъ. И если окажется завзятый полякъ, — не важно тоже. «Лицо, несомнѣнно, польскаго происхожденія» меня въ редакціи не пугаетъ. Пусть онъ себѣ думаетъ: «Еще Польска не згинела», «Виватъ Полонія!» и все такое. То — его право. Мнѣ-то что? Пусть, въ случаѣ повстанія, начнетъ «утекать за ойчизну до лясу», — и это меня не касается. Я бы, можетъ-быть, и самъ на его мѣстѣ «утекалъ»... Это все ничего... пустое. Но зачѣмъ онъ думаетъ по-польски?! Думаетъ по-польски, а пишетъ по-русски. Слогъ у него хромаетъ. Полонизмы... вотъ что плохо. Научите его, господа, думать по-русски, если онъ хочетъ работать въ «Кіевскомъ Словѣ». Не въ цѣляхъ обрусенія... Господь съ нимъ! къ чему онъ Россіи? Пускай себѣ остается «короняжемъ». Но пусть пишетъ правильно по-русски. Отучите его отъ полонизмовъ.

Сотрудниковъ «Кіевскаго Слова» Антоновичъ стойко защищалъ, если возникали нападки на нихъ въ прессѣ. Это, между прочимъ, пришлось испытать и мнѣ, и въ значительной степени. Въ 1890 и 91-мъ годахъ нѣкоторыя столичныя, а за ними и провинціальныя газеты вдругъ занялись моей особой, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было темъ въ разгарѣ лѣтняго сезона. Началось это съ «Гражданина». Въ органѣ князя В. П. Мещерскаго (выходившемъ тогда въ большомъ форматѣ и ежедневно) появилась длинная (болѣе газетнаго столбца) замѣтка, озаглавленная: «Въ кіевскомъ газетномъ мірѣ». Замѣтка носила весьма игривый и оскорбительный для меня характеръ. Въ ней сообщали, что «завелась» въ Кіевѣ «молоденькая дама», «къ счастью не жидовка, а русская», которая занялась репортерствомъ. Дальше, щедро расточая преувеличенные комплименты моему «веселому нраву» и моей внѣшности, авторъ статьи нагромоздилъ кучу сообщеній очень пикантнаго свойства. «Разумѣется, — повѣствовалъ «Гражданинъ», — что, выступивши съ вышеперечисленными качествами на репортерское поприще, она сразу пріобрѣла массу друзей и поклонниковъ, при чемъ поспѣшила вступить въ болѣе тѣсную дружбу съ сильными кіевскаго міра. И—Боже мой!—сколько всевозможныхъ курьезовъ произошло въ кіевскихъ учрежденіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ на мѣстныхъ горизонтахъ появилась «единственная!» Тутъ же приводились образчики «курьезовъ», рѣшительно несовпадающіе съ дѣйствительностью. «Кіевское Слово» отвѣтило тогда «Гражданину» достаточно рѣзкой отповѣдью, напечатавши слѣдующую замѣтку.

Изъ нравовъ столичной печати.

Князь В. П. Мещерскій, издающій «Гражданинъ» и, какъ пишется на каждомъ нумерѣ, редактирующій его, очевидно, любитъ устраивать для себя неожиданные сюрпризы. Онъ дѣлаетъ это очень просто: не читаетъ собствен-

ной газеты до тѣхъ поръ, пока добрые люди не обратятъ его вниманія на какую-нибудь возмутительную выходку «Гражданина». Тогда онъ извиняется, кричитъ: «Mea culpa, mea maxima culpa!», сознается, что самъ не читалъ якобы редактируемой имъ газеты, и продолжаетъ дѣйствовать по старому до новаго случая. Иначе какъ *такого* рода любовью къ сюрпризамъ нельзя объяснить появленія въ № 204 «Гражд.» статьи подъ заглавіемъ «Въ кіевскомъ газетномъ мірѣ». Ни одна порядочная газета, навѣрно, не рѣшилась бы помѣстить на своихъ столбцахъ такой грязной клеветы на женщину за то, что она трудится «въ газетномъ мірѣ», доставляя свѣдѣнія изъ мѣстной хроники. Авторъ, постыдившійся подписать свою статью, говоритъ о «женѣ Пентефрія и нецѣломудренныхъ Іосифахъ», о «нѣжныхъ взглядахъ» и многомъ другомъ изъ той же нечистоплотной области сплетенъ и пересудовъ, и еще имѣетъ смѣлость разсуждать о томъ, кому подвѣдомственны попавшіеся недавно въ Петербургѣ «газетные репортеры-шантажисты: суду, полиціи или редакторской расправѣ!» Отмѣчая этотъ любопытный нравъ петербургской печати, предлагаемъ князю В. П. Мещерскому хотя теперь прочитать 204 № «Гражданина» и поручаемъ его «редакторской расправѣ» корреспондента-шантажиста, автора упомянутой статьи.

Помимо того мобилизованы были на мою защиту и фельетонисты «Кіевскаго Слова». Но дѣло «Гражданина» было сдѣлано, и пикантная вѣсть о кіевской «репортершѣ» покатилась по столичнымъ и провинціальнымъ органамъ прессы, попала даже въ сибирскія изданія. Подхватили, конечно, номеръ своего репертуара «Стрекоза» и «Будильникъ». Въ «Будильникѣ» на «Провинціальной страницѣ» появились карикатуры, изображающія (не безъ отдаленнаго сходства) мою фигуру съ огромнымъ, остро-отточеннымъ гусинымъ перомъ въ рукѣ и пронзенныхъ подписчиковъ, повисшихъ на перѣ въ смѣшныхъ позахъ. Тутъ же, на картинкѣ рядомъ изображалась репортерша въ кабинетѣ дѣльца и ревнивая жена дѣльца, врывающаяся въ комнату со словами: «Знаю я ваши свѣдѣнія! Извольте сейчасъ во всемъ признаваться!» «Стрекоза» въ отдѣлѣ «Цвѣты и ягоды прогресса» (писалъ г. Буква) рекомендовала «Кіевлянину» «пригласить для репортерскаго отдѣла молоденькую же брюнетку» и такимъ образомъ «сбить съ ногъ своего изобрѣтательнаго противника и соперника», т.-е. «Кіевское Слово». Въ харьковскомъ «Южномъ Краѣ» фельетонистъ Шпилька воспѣвалъ кіевскую «репортершу» въ своихъ стихахъ... А нынѣшній «король фельетонистовъ», В. М. Дорошевичъ, работавшій тогда въ московской газетѣ «Новости Дня» и уже обратившій на себя общее вниманіе своими талантливыми отрывочными строчками, посвятилъ мнѣ особый фельетонъ. Не видя меня въ глаза и повѣривъ «Гражданину» на слово, г. Дорошевичъ пересыпалъ свои строки неистовыми комплиментами моей внѣшности.

«Сударыни! Сударыни! Сударыни!—писалъ г. Дорошевичъ, разрывая строчки и фразы:—...блондинка, живущая въ Кіевѣ, открыла для васъ цѣлую Америку. Новая область женскаго труда, женщина будетъ здѣсь незамѣнима, внѣ конкуренціи! Слушайте! Слушайте! Слушайте!

...Кіевская блондинка рѣшила заняться убійствами, грабежами, кражами, утопіями молодыхъ дѣвушекъ и упадками съ крышъ рабочихъ. Она репор-

теръ, и репортеръ прекрасный. Она достаетъ пропасть извѣстій. Еще бы!.. Женщина создана быть репортеромъ! Узнавать чужіе секреты и разсказывать ихъ всѣмъ. Кто сумѣетъ сдѣлать это лучше женщины? Какое другое занятіе женщинѣ больше по душѣ? Репортеръ обязанъ вездѣ проникать. Кто затворитъ двери передъ женщиной? Репортеръ обязанъ «все узнавать». Кто лучше женщины сумѣетъ вызвать на откровенность? Бѣднаго репортерчика затираютъ, съ нимъ нелюбезны. Хорошенькую дамочку всюду и вездѣ посадятъ на первое мѣсто, ей все разскажутъ и все покажутъ. Визитъ репортера! Что можетъ быть ужаснѣе визита репортера? Визитъ репортерши!!! Сударыня, да человѣкъ нарочно какое-нибудь происшествіе сдѣлаетъ, чтобъ васъ лишній разъ увидать! Самъ глава московскихъ репортеровъ (намекъ на убитаго впослѣдствіи московскаго городского голову, — Алексѣева, который незадолго передъ тѣмъ властительно удалилъ представителей печати изъ какого-то засѣданія), — и тотъ не сказалъ бы дамѣ: «Сударыня, поторопитесь уйти!» И какъ это облагородитъ репортерское званіе. Репортеръ, отъ котораго пахнетъ духами, репортеръ безусловно трезвый, репортеръ, за которымъ ухаживаютъ, репортеръ, которому цѣлуютъ ручки! Пресса! О, моя мать! мечтала ли ты, чтобы твоимъ представителямъ цѣловали руки! Куда не проникаетъ репортеръ, туда проникнетъ репортерша. Репортеры болѣе не существуютъ. Да здравствуетъ репортерша!»...

Одновременно съ назначеніемъ С. Ю. Витте (въ началѣ 1892 года) управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, кіевляне, обращаясь ко мнѣ, стали повторять, точно сговорившись:

– Ну! Теперь и Аѳиногенъ вашъ не усидитъ долго въ Кіевѣ. Перетащитъ его Витте.

Антоновичъ такія предположенія опровергалъ, но успѣхомъ С. Ю. Витте гордился, какъ собственнымъ, и ликовалъ, сіяя:

— А что? Не говорилъ я вамъ? Я же вамъ говорилъ! Вотъ уже министръ. И это еще не все. «Еще не вечеръ» — какъ говорится. Витте дальше пойдетъ. Дальше, дальше... попомните мое слово. Кіевлянамъ везетъ въ Петербургѣ.

Дѣйствительно, въ сентябрѣ того же года, — послѣ внезапнаго паденія Вышнеградскаго, — С. Ю. Витте снова вернулся въ финансовое вѣдомство и вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ.

Городскіе слухи о предстоящемъ уходѣ изъ Кіева «Аѳиногена» становились ярче и опредѣленнѣй, а самъ Аѳиногенъ Яковлевичъ не переставалъ пророчествовать о Витте:

— И дальше пойдетъ... Еще дальше. Вотъ увидите.

Теперь Антоновичъ сдѣлался болѣе нервнымъ и разсѣяннымъ, ходилъ, точно человѣкъ, переполненный какими-то колебаньями, небрежнѣе относился къ лекціямъ своимъ въ университетѣ, охладѣвалъ къ редакторскимъ обязанностямъ. Такъ прошла зима, а въ концѣ мая слѣдующаго года въ телеграммахъ «Кіевскаго Слова» появилось строго-офиціальное сообщеніе телеграфнаго агентства изъ Петербурга: «Ординарный профессоръ университета Св. Владиміра, докторъ политической экономіи и статистики, Аѳиногенъ Антоновичъ, назначенъ товарищемъ министра финансовъ». Въ Кіевѣ

назначеніе произвело потрясающую сенсацію: ухода «Аѳиногена» ждали, но не на такой высокій постъ. «Кіевское Слово» объективно оповѣстило объ этомъ своихъ читателей агентской телеграммой, не прибавивъ къ ней отъ себя ни слова.

Помню, что въ тотъ же день остроязычный Оттонъ Ѳомичъ Глинка, — недавно скончавшійся польскій литераторъ, игравшій значительную роль въ кіевскомъ польскомъ обществѣ, кіевскій корреспондентъ польскихъ газетъ и, между прочимъ, большой мой пріятель, — говорилъ мнѣ въ управленіи Юго-Западныхъ дорогъ, когда я зашла къ нему въ кабинетъ коммерческихъ агентовъ (Глинка въ то время служилъ однимъ изъ коммерческихъ агентовъ) за обычными свѣдѣніями для газеты:

— Вотъ-то вашъ Аѳиногенъ задеретъ теперь носъ! И станетъ прославлять себя въ своей же газетѣ. Завтра тиснетъ собственную передовицу на тему: «вотъ како-ой я человѣ-къ». Весь номеръ будетъ имъ наполненъ.

Ожиданія Глинки оказались ошибочными. Антоновичъ тактично промолчалъ о своемъ преуспѣяньи. На утро передовица «Кіевскаго Слова» начиналась фразой: «Событіе дня во Франціи — безспорно тулузская рѣчь Констана». Дальше въ текстѣ шли сообщенія Фигаро о Клемансо и Фрейсине, о жителяхъ Тулузы и о французахъ вообще. Потомъ въ мѣстной хроникѣ о санитарномъ осмотрѣ «Прозоровской и Обсерваторной свалокъ навоза», о засѣданіи славянскаго благотворительнаго общества, объ утонувшемъ переселенцѣ, о состояніи погоды, объ инфлуэнцѣ въ Кіевѣ... И — ни звука о новомъ товарищѣ министра финансовъ. Редакторская подпись Антоновича исчезла со столбцовъ газеты, но «Кіевское Слово» продолжало молчать о своемъ недавнемъ редакторѣ. Оно лишь потомъ, значительно позже, — черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Антоновича въ Петербургъ, — перепечатало изъ другихъ газетъ рядъ отзывовъ и комментарій по случаю «нежданнаго» назначенія «профессора кіевскаго университета» А. Я. Антоновича.

Интересны были эти газетные отклики. Назначеніе, конечно, привѣтствовалось. «Новое Время» называло Антоновича «разночинцемъ» и доказывало, что разночинцамъ надобно давать широкую дорогу, если они заслуживаютъ того по своимъ качествамъ и дарованьямъ. Все равно-де, равно или поздно, но разночинецъ укрѣпится на верхахъ общественной лѣстницы, куда его усиленно стараются не пускать. Прежде, говорило «Новое Время», быть сановникомъ, вельможей—значило по преимуществу быть важнымъ бариномъ. Теперь быть сановникомъ — значитъ прежде всего быть работникомъ. Мало одной важности, даже совсѣмъ безъ нея можно обойтись. Зато совершенно необходимы: знанія, таланты, трудолюбіе, т.-е. именно то самое, что и выдвигаетъ теперь «разночинца». Князь В. П. Мещерскій, сообщившій въ «Гражданинѣ», что «свѣт-

скія кумушки» никакъ не предвидѣли и не учитывали назначенія Антоновича, говорилъ: «Способные люди берутся тамъ, гдѣ они обрѣтаются». А «Петербургскія Вѣдомости» къ титулу Кіева «мать городовъ русскихъ» добавляли: «и мать русскихъ финансистовъ».

Персоналъ работниковъ «Кіевскаго Слова» въ полномъ своемъ составѣ провожалъ А. Я. Антоновича на вокзалъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Ему, какъ лицу уже высокаго ранга, предоставленъ былъ отдѣльный вагонъ въ курьерскомъ поѣздѣ. На вокзалѣ присутствовали высшіе чины полиціи, въ томъ числѣ полицмейстеръ Живоглядовъ, еще недавно враждовавшій съ «Кіевскимъ Словомъ», упразднившій въ городской полиціи выдачу этой газетѣ свѣдѣній о полицейскихъ происшествіяхъ. «Кіевское Слово» какъ бы перестало существовать для Живоглядова. И изъ-за этого мнѣ пришлось заводить непосредственныя сношенія съ многими городовыми и съ извѣстнымъ въ Кіевѣ сторожемъ анатомическаго театра, — престарѣлымъ «Михалкой», — воспитавшемъ не одно поколѣніе кіевскихъ врачей въ области анатоміи... Теперь Живоглядовъ стоялъ у вагона «господина товарища министра» навытяжку, съ окаменѣлымъ, какъ у статуи, лицомъ, переполненный почтеніемъ и готовностью оберегать и защищать хотя бы собственной грудью, если бы понадобилось. Въ проводахъ принимали участіе представители кредитныхъ учрежденій Кіева, явился кое-кто изъ думскихъ гласныхъ, нѣсколько профессоровъ...

Женѣ и дочерямъ А. Я. были поднесены букеты цвѣтовъ, все честь-честью. Однако виновникъ этихъ почестей не выглядѣлъ тріумфаторомъ. Онъ какъ-то недоумѣнно оглядывался по сторонамъ, словно удивляясь и не понимая, что же это такое на него свалилось? Повидимому, его пугала столь коренная перемѣна жизни и жаль было ему покидать Кіевъ, гдѣ такъ много удалось достигнуть въ теченіе совсѣмъ короткаго срока. Но и манилъ къ себѣ Петербургъ возможностью новыхъ, болѣе грандіозныхъ достиженій. Въ пыльный іюньскій, еще непотемнѣвшій вечеръ загромыхалъ у кіевскаго перрона курьерскій поѣздъ, мелькнули въ открытыхъ окнахъ вагона яркіе букеты дамъ, потомъ поблѣднѣвшее лицо Антоновича, и поѣздъ умчался.

Тогда завѣдующій конторой «Кіевскаго Слова» К., — вдоль и поперекъ изучившій «Аѳиногена» и по-своему ему преданный, — вздохнулъ съ растроганностью и меланхолическимъ сожалѣньемъ.

— Ну, вотъ...: и проводили! — тихо произнесъ онъ, а затѣмъ, выдержавъ паузу, съ опаской добавилъ: — Только надолго ли? Удержится ли онъ тамъ,—такой упрямый? Тамъ, небось, другихъ надо слушаться?.. а ему, если что втемяшится въ голову,—коломъ не выбьешь!

К. былъ правъ: въ Петербургѣ Антоновичъ не «удержался». Спустя нѣкоторое время, онъ не поладилъ съ С. Ю. Витте. Когда

состоялась его отставка (съ возвратомъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и съ зачисленіемъ въ члены совѣта при этомъ министерствѣ), онъ прожилъ послѣ того нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, а затѣмъ пріобрѣлъ имѣніе въ Юго-Западномъ краѣ и поселился въ деревнѣ. Послѣ его возвращенія мнѣ не пришлось съ нимъ встрѣтиться. Но въ концѣ 1898 года онъ уполномочилъ тогдашняго помощника редактора «Кіевскаго Слова»,—С. В. Миркина-Гицевича,—передать мнѣ нѣсколько словъ. Тогда я хотѣла испробовать свои силы въ беллетристикѣ и, въ видѣ опыта, отослала черезъ третье лицо въ «Кіевское Слово» разсказъ «Больничная идиллія». Мнѣ не хотѣлось, чтобы въ Кіевѣ знали, что разсказъ принадлежитъ мнѣ. И я сказала подателю рукописи, будто больничная идиллія написана моей младшей сестрой. Вмѣстѣ съ сестрой придумали мы неблагозвучный псевдонимъ: Ольнемъ, получившійся отъ сліянія начальныхъ слоговъ ея имени и фамиліи воедино, оставили и ея иниціалы: О. Н... Редактировалъ въ то время «Кіевское Слово» Емельянъ Игнатьевичъ Игнатьевъ, молодой педагогъ, впослѣдствіи петербургскій литераторъ, авторъ беллетристическаго сборника «Безъ руля и безъ вѣтрилъ», а также книги: «Въ царствѣ смекалки» и другихъ педагогическихъ пособій. О «Больничной идилліи» онъ далъ лестный отзывъ. Разсказъ вскорѣ былъ напечатанъ, и я получила за него гонораръ для передачи моей сестрѣ. Встрѣчается потомъ со мной С. В. Миркинъ-Гицевичъ и, оживленно жестикулируя, начинаетъ разсказывать: «А тутъ, знаете ли, на этихъ дняхъ пріѣзжалъ Аѳиногенъ. И спрашиваетъ: «А кто это такой — Ольнемъ?» Я ему говорю: «Сестра Варвары Николаевны»... а онъ такъ и замахалъ руками: «Какая тамъ — сестра! Не сестра, а она сама. Меня не проведетъ. Скажите ей, что ея маскарадъ не удался... Что я узналъ ее тотчасъ». При этомъ Миркинъ сообщилъ о желаніи Антоновича увидѣть въ «Кіевскомъ Словѣ» и другіе мои разсказы, но прибавилъ: «Только Аѳиногенъ просилъ — не длинные. Передайте, — говоритъ, — ей, что теперь «Кіевское Слово» обѣднѣло и не въ состояніи платить такіе гонорары, къ какимъ она когда-то у насъ привыкла»...

Хочется еще разсказать о разныхъ событіяхъ той эпохи въ Кіевѣ, а также о многихъ кіевлянахъ, съ которыми мнѣ, какъ репортеру, — доводилось часто сталкиваться. Но тутъ у меня до такой степени перегружена матеріалами память, передо мной плыветъ и плыветъ такое количество разновидныхъ фигуръ и событій, что я теряюсь среди нихъ, не зная, на комъ и на чемъ остановиться. На моихъ глазахъ начался и быстро пошелъ впередъ стремительный ростъ города Кіева, который продолжается и сейчасъ чѣмъ дальше, тѣмъ интенсивнѣй. При мнѣ Кіевъ обзавелся электрическими трамваями, изрѣзавшими и опоясавшими городъ во всѣхъ направленіяхъ.

Канализація, электрическое освѣщеніе, артезіанская вода въ водопроводахъ, новыя мостовыя и прочія культурныя блага Кіева зародились и были осуществлены на моихъ глазахъ и мнѣ поневолѣ приходилось внимательно слѣдить за исторіей развитія этихъ предпріятій. Сгорѣлъ старый оперный театръ (гдѣ подвизались еще Лавровская, Кадмина и Пускова) и выстроенъ новый, открытъ бактереологическій институтъ, новыя больницы, политехникумъ, расширена и переведена въ новое зданіе публичная библіотека, воздвигнуты музеи, открыты иныя просвѣтительныя учрежденія. Сколько юбилеевъ, чествованій, освященій и закладокъ, крупныхъ судебныхъ процессовъ, научныхъ и промышленныхъ съѣздовъ... А вокругъ нихъ — люди и эпизоды, эпизоды и люди, то водевили и фарсы жизни, то драмы и трагедіи. Сколько видныхъ кіевлянъ сошло при мнѣ въ могилы, сколько появилось новыхъ фигуръ на кіевскихъ горизонтахъ... И когда изъ всего этого надо выбрать вкратцѣ самое интересное или самое значительное, — невольно останавливаешься, какъ въ тупикѣ, среди десятковъ разбѣгающихся во всѣ стороны дорогъ и тропинокъ къ прошлому. Тогда ужъ лучше задержаться на первомъ, болѣе или менѣе интересномъ событіи, какое случайно всплыветъ въ памяти. Вспоминаю, напримѣръ, пріѣздъ въ Кіевъ Петра Ильича Чайковскаго и постановку въ городскомъ оперномъ (старомъ, который потомъ сгорѣлъ) театрѣ Пиковой дамы, увидѣвшей свѣтъ рампы первоначально въ Кіевѣ. О пріѣздѣ Чайковскаго въ кіевскомъ музыкальномъ мірѣ говорили заранѣе, его ждали, какъ крупнаго событія. Чайковскій пріѣхалъ и сразу весь ушелъ въ репетиціи, стараясь — какъ можно совершеннѣй подготовить постановку оперы. Говорили, что уже на первой оркестровой репетиціи онъ остался доволенъ. Хвалилъ потомъ и исполнителей, и декораціи, особенно понравился ему видъ Зимней Канавки у Зимняго дворца.

17 декабря (1890 года) происходила генеральная репетиція «Пиковой дамы» при полной обстановкѣ, съ артистами въ гримѣ. Антреприза опернаго театра была тогда въ рукахъ извѣстнаго пѣвца И. П. Прянишникова, который разослалъ кіевлянамъ приглашенія на эту репетицію. Съ семи часовъ вечера театръ былъ окруженъ экипажами и пѣшей публикой. Входили въ театральное зданіе со стороны сцены, и такъ было странно проходить черезъ покатую сцену, гдѣ толпились и расхаживали уже одѣтые и загримированные артисты - исполнители. Театръ былъ ярко освѣщенъ, музыканты сидѣли на мѣстахъ, все выглядѣло, какъ во время обычныхъ спектаклей. Была только одна особенность: съ лѣвой стороны авансцены, у литерныхъ ложъ перекинутъ былъ черезъ оркестръ мостикъ, соединяющій сцену съ партеромъ. Черезъ этотъ мостикъ проходили приглашенные, спускаясь по ступенькамъ въ зрительный залъ. Они размѣщались въ партерѣ,—

кто гдѣ хотѣлъ, а ярусы ложъ и галлерея остались пустыми. Партеръ былъ заполненъ, когда изъ-за занавѣса показался некрупный по росту, худощавый и изящный Петръ Ильичъ Чайковскій. За нимъ шли: г. Прянишниковъ, Л. А. Куперникъ и еще два-три лица изъ извѣстныхъ кіевлянъ. Громкіе, полные воодушевленія аплодисменты понеслись навстрѣчу композитору, всѣ встали, какъ одинъ человѣкъ, грянулъ оркестръ, заигравъ тушъ. Петръ Ильичъ сошелъ въ партеръ, прослушалъ тушъ и долго раскланивался съ привѣтствовавшей его публикой. Потомъ, оставивъ своихъ спутниковъ, прошелъ въ боковую ложу надъ оркестромъ. Все утихло, дирижеръ І. В. Прибикъ торжественно взмахнулъ руками, и раздались первые звуки увертюры. Петръ Ильичъ облокотился о барьеръ ложи, — какъ будто съ такимъ расчетомъ, чтобы прикрыть рукою свое лицо отъ взоровъ публики. Одиноко сидѣлъ онъ въ ложѣ, — весь олицетворенное вниманье. Увертюра кончена, подняли занавѣсъ. На сценѣ былъ Лѣтній садъ, играющія дѣти съ няньками и мамушками - кормилицами. Напряженно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ на сценѣ и И. П. Прянишниковъ, который оставался на мостикѣ, перекинутомъ черезъ оркестръ. Когда ему что-нибудь не нравилось, онъ входилъ на сцену, поправлялъ хористовъ, указывалъ имъ мѣста, говорилъ что-то, но дѣлалъ это такъ искусно и почти непримѣтно, что не нарушалъ хода дѣйствія, не мѣшалъ поющимъ. Красовался на сценѣ М. Е. Медвѣдевъ,— любимецъ, даже кумиръ кіевскихъ дамъ, — эффектный, какъ никогда, — въ костюмѣ и въ роли Германа. И звуки музыки, и голоса артистовъ неслись все увѣреннѣй, все стройнѣе, а П. И. Чайковскій продолжалъ прислушиваться, сдвинувъ брови, съ отраженіемъ на лицѣ тревоги и какого-то словно принужденья по отношенію къ самому себѣ. Казалось, будто онъ старается отрѣшиться отъ мысли о своемъ композиторствѣ и слушать *свое* спокойно и критически, *какъ чужое*, но что это ему не удается, потому что изощренная музыкальная память при каждомъ предыдущемъ мотивѣ диктуетъ напередъ мотивъ послѣдующій. Онъ волновался, и это было замѣтно. Тонко-очерченное, будто выточенное лицо его было гораздо блѣднѣе обычнаго, глаза не переставали глядѣть на сцену съ тревогой...

Присутствующихъ захватила опера. Въ перерывахъ между актами не затихали бурныя оваціи и аплодисменты. Въ толпѣ напѣвали только что услышанные мотивы, хвалили, восхищались... «Три карты! Три карты! Три карты!» поднимался оперный мотивъ надъ зрительнымъ заломъ, и нельзя было уловить, кто же повторяетъ это? Чѣмъ дальше, тѣмъ больше внутренно разогрѣвались слушатели. Вызывали Чайковскаго и бѣшено аплодировали ему, вызывали Прянишникова, исполнителей, дирижера Прибика. Тревога сбѣжала съ блѣднаго, изящно-тонкаго лица

Чайковскаго. Онъ чуть порозовѣлъ, глядѣлъ блестящими глазами, кланялся, слегка улыбаясь, и на глазахъ у слушателей обнималъ и цѣловалъ М. Е. Медвѣдева, талантливо перевоплотившагося въ Германа.

Первое представленіе «Пиковой дамы» 19 декабря обратилось для Петра Ильича въ сплошное торжество. Театръ биткомъ былъ набитъ элегантной и оживленно-нетерпѣливой на этотъ разъ публикой. Фраки, эполеты, бальные туалеты дамъ и бурная, пламенно-восторженная южная молодежь, темнѣющая сплошнымъ полукруглымъ пятномъ подъ потолкомъ на галлереѣ. Композиторъ сидѣлъ у сцены въ боковой «директорской» ложѣ и теперь не казался взволнованнымъ. Было ли то результатомъ большаго, чѣмъ на генеральной репетиціи, самообладанья, или генеральная репетиція успокоила композиторскія сомнѣнія и тревогу, — кто знаетъ? Но Петръ Ильичъ былъ невозмутимъ на видъ, онъ теперь не закрывался рукою отъ публики. Когда послѣ заключительной сцены первой картины среди громовыхъ ударовъ и блеска молній опустился занавѣсъ, — въ залѣ началась своя буря восторженныхъ криковъ. «Чайковскаго! Чайковскаго!» — кричали театральные верхи, низы и ложи, не утихая. Чайковскій вышелъ на вызовы и аплодисменты, опять, — какъ два дня назадъ, — поднялась съ своихъ мѣстъ публика и встрѣтила композитора самыми горячими оваціями. Оркестръ игралъ тушъ, но его никто не слушалъ, а дирижеръ Прибикъ тоже всталъ и съ увлеченьемъ аплодировалъ Чайковскому. Оваціи повторялись много разъ, послѣ каждой картины. По окончаніи второго акта подняли занавѣсъ и композитора окружила на сценѣ вся оперная труппа: артисты, весь хоръ и музыканты оркестра. Герою вечера поднесенъ былъ большой и красивый, серебряный вѣнокъ съ простою надписью: «Дорогому гостю П. И. Чайковскому—кіевское оперное товарищество». На серебряныхъ лентахъ вѣнка вырѣзаны были имена всѣхъ членовъ товарищества. Дальше стали вручать композитору еще какія-то подношенія. Помню среди нихъ изящный письменный приборъ (изъ серебра съ эмалью) парижской работы отъ г-жи фонъ-Т. и лавровый вѣнокъ отъ директора кіевскаго общества любителей музыки, В. Н. Гартевельда. Послѣ оперы вызывали безъ конца и Чайковскаго и Прянишникова, и Прибика, и, конечно, Медвѣдева съ остальными исполнителями. Въ залѣ нѣсколько разъ гасили свѣтъ, а часть публики не хотѣла расходиться, и гулко разносилось надъ душнымъ, уже наполовину опустѣвшимъ, заломъ все одно и то же несмолкаемое имя: «Чайковскаго». Наконецъ кто-то пустилъ слухъ: Чайковскій уѣзжаетъ. И толпа молодежи, не одѣваясь, хлынула къ артистическому подъѣзду театра, — еще разъ поаплодировать композитору. Усталаго Чайковскаго не отпустили сразу домой. Сейчасъ же послѣ «Пиковой дамы» оперное товари-

щество давало ужинъ въ честь «дорогого гостя». Ужинали въ ресторанѣ гостиницы Метрополь (нынѣ Франсуа) противъ опернаго театра. Не стихали здравицы, рѣчи, прославленія и пожеланья. П. И. Чайковскій былъ, повидимому, растроганъ и доволенъ, и подробно разсказывалъ о своихъ планахъ и проектахъ на ближайшее будущее. Къ веснѣ онъ собирался въ Парижъ, гдѣ въ театрѣ Chatelet предполагался рядъ концертовъ подъ управленіемъ Петра Ильича, оттуда (изъ Гавра) предполагалъ проѣхать пароходомъ въ Америку и вернуться въ концѣ мая, а будущей зимой обѣщалъ пріѣхать въ Кіевъ, чтобы организовать здѣсь большой симфоническій концертъ. Охотно сообщалъ Чайковскій и о своихъ музыкальныхъ работахъ. Работалъ онъ тогда, по его словамъ, надъ музыкой 2-актнаго балета для императорскаго петербургскаго театра и писалъ одноактную оперу. Обѣщалъ, что она — по окончаніи — появится одновременно на петербургской и кіевской сценахъ. Сюжетъ оперы, говорилъ онъ, взятъ изъ области французскихъ историческихъ легендъ. Названіе: «Дочь короля Рене». Передъ тѣмъ разнесся въ Кіевѣ слухъ, будто П. И. Чайковскій пишетъ оперу на тему лермонтовскаго «Героя нашего времени», и теперь П. И. опровергалъ это.

Всѣ прислушивались къ его негромкимъ рѣчамъ, и казалось, что этотъ неутомимый талантъ и работникъ музыки долго будетъ еще украшать Россію своимъ творчествомъ, подаритъ всѣмъ намъ еще много незабываемыхъ мелодій и музыкальныхъ пьесъ, напишетъ не одну оперу... А между тѣмъ прошелъ годъ, не успѣлъ закончиться другой, и тотъ же музыкальный Кіевъ, который чествовалъ Чайковскаго послѣ «Пиковой дамы», горько оплакивалъ скончавшагося композитора на панихидахъ и собраніяхъ, посвященныхъ памяти покойнаго. И звучали уже иныя — не заздравныя — рѣчи, и говорили о Чайковскомъ: «Закатилось солнце музыки русской»...

Изъ многообразныхъ встрѣчъ моихъ съ кіевлянами вспоминаются мнѣ встрѣчи съ кіевскимъ профессоромъ Владиміромъ Бонифатьевичемъ Антоновичемъ (однофамильцемъ Аѳиногена Яковлевича). Извѣстный историкъ и археологъ (не такъ давно скончавшійся), онъ отличался большой и неподдѣльной простотой, какой-то особенной скромностью. Это не была та нѣсколько аффектированная и по преимуществу показная скромность, которая иногда встрѣчается у людей одаренныхъ и прославленныхъ, или мнящихъ себя таковыми. Во всемъ обликѣ В. Б. сквозило что-то безсознательно скромное, присущее ему почти органически. Родившійся въ католической семьѣ и принявшій потомъ православіе изъ-за желанія полнаго сліянія съ «своимъ» украинскимъ народомъ (извѣстная исторія, которой многіе не прощали В. Б. при жизни его, да не

простили, кажется, и послѣ его смерти), — онъ по складу ума своего, по привычкамъ, личнымъ требованіямъ и образу жизни— былъ демократъ до глубины души, чуждый всего показного, напыщеннаго или ходульнаго. И при томъ — демократъ мягко-деликатный, съ удивительной бережностью относящійся къ чужому и собственному достоинству, снисходительный къ другимъ и строгій къ себѣ, безпощадный лишь въ одномъ случаѣ, когда дѣло шло о дорогихъ для него принципіальныхъ вопросахъ. Тутъ не зналъ онъ ни жалости, ни снисхожденья, обнаруживалъ твердость духа, подчасъ жестокую.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ Владиміромъ Бонифатьевичемъ у Катерины Николаевны Мельникъ, которая была ученицей В. Б. (по кіевскимъ женскимъ курсамъ), а впослѣдствіи, когда В. Б. овдовѣлъ, вышла за него замужъ. К. Н. Мельникъ я считала своею землячкой, такъ какъ отецъ ея, — Николай Матвѣевичъ Мельникъ, — симпатичный и хорошій человѣкъ,—былъ общеизвѣстнымъ врачемъ въ Кременчугѣ. Кажется, акушеръ по спеціальности, онъ успѣшно врачевалъ самыя различныя болѣзни, числился гимназическимъ докторомъ, лѣчилъ всѣхъ и вся отъ мала до велика и въ семьѣ моего отца. При непремѣнномъ участіи и наблюденіи Н. М. Мельника протекали и у меня всѣ неизбѣжныя дѣтскія болѣзни. Ко мнѣ онъ благоволилъ и даже сравнивалъ меня съ дочерью своей, Катериной Николаевной, которою, видимо, гордился. Объ этой дочери Николай Матвѣевичъ любилъ разсказывать, о томъ, что она — ученица «Владиміра Антоновича», что занимается археологическими раскопками, печатаетъ статьи свои въ «Кіевской Старинѣ», выступаетъ съ рефератами въ историческихъ обществахъ и на археологическихъ съѣздахъ. Благодаря его разсказамъ, К. Н. Мельникъ представлялась мнѣ не чужою, а кѣмъ-то своимъ, близкимъ, почти такимъ же близкимъ, какъ и ея отецъ. Устремляясь въ Кіевъ, я неясно надѣялась на Катерину Николаевну. Казалось, что стоитъ мнѣ явиться къ этой знакомой незнакомкѣ, сказать ей: вотъ, такъ и такъ... я — ваша землячка, знаю хорошо отца вашего, Николая Матвѣевича, и маму вашу знаю немного... а затѣмъ — все дальнѣйшее наладится само собою, и Катерина Николаевна поможетъ мнѣ отыскать то неопредѣленное «что-нибудь», о которомъ мечтала я, уѣзжая изъ Кременчуга. Но Катерины Николаевны я не застала въ Кіевѣ. Она была командирована московскимъ археологическимъ обществомъ на лѣтнія раскопки и еще не возвратилась съ раскопокъ, которыя производила въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, между порогами Сурскимъ и Лаханскимъ. По возвращеніи Екатерины Николаевны я побывала у нея, — уже въ качествѣ сотрудницы «Кіевскаго Слова», — и мы познакомились. Жила она тогда на Мало-Васильковской улицѣ, въ домѣ № 22. Это былъ скромный деревянный домикъ съ тремя

окнами на улицу и палисадникомъ вдоль лицевого фасада. Чѣмъ то деревенскимъ вѣяло отъ него, какъ и отъ всей Мало-Васильковской улицы, — тихой и словно полусонной, — съ сочными деревьями съ «чернобрівцами» и душистымъ табакомъ въ уличныхъ палисадникахъ... Мы разсматривали съ Катериной Николаевной трофеи только что законченныхъ ею раскопокъ. Въ томъ году ей удалось найти много кремневыхъ орудій, орудій изъ полированнаго камня и другихъ предметовъ изъ первобытной жизни человѣка. Такъ какъ я собиралась описать все это въ «Кіевскомъ Словѣ», то Катерина Николаевна подробно сообщала мнѣ свѣдѣнія, касавшіяся найденныхъ вещей. Она говорила, я записывала.

— Боевой каменный молотокъ, — отмѣчала она для моей записи. — Пращные камни. Точильные камни. Нѣсколько цѣлыхъ костяныхъ шилъ... Два долота... Грузило для сѣти и два вида раковинъ: двухстворчатая (unio pictorum) и спиральная (limax)...

— Ой, какую вы тутъ разводите метафизику! Можно ли и войти къ вамъ? — пугливо произнесъ за неприкрытой входной дверью чей-то негромкій и глуховатый голосъ.

— Владиміръ Бонифатьевичъ! — обрадовалась Катерина Николаевна. — Входите, входите. Мы метафизику отложимъ на послѣ.

Вошелъ Владиміръ Бонифатьевичъ,—невысокій, худощавый, съ непропорціонально-большой,—сравнительно съ ростомъ, — головою, съ длинными и густыми чуть рыжеватыми и уже припудренными сѣдиной волосами, которыхъ было у него такъ много, что казалось, будто онъ не снялъ еще шляпы. Онъ пришелъ безъ пальто (теплая осень все не уступала мѣста ни зимѣ, ни слякоти), въ затрапезномъ сѣренькомъ пиджачкѣ, въ порыжѣлыхъ, словно давно нечищенныхъ сапогахъ, въ мягкой, вышитой бѣлой мережкой, малорусской рубахѣ.

— Познакомьтесь съ землячкой моей,—сказала Катерина Николаевна и назвала меня.—Безстрашная особа. Пріѣхала въ Кіевъ, собиралась меня дождаться, чтобы устроиться съ работой. Да не дождалась и устроилась сама, у Аѳиногена, въ «Кіевскомъ Словѣ». И какія загребаетъ деньги теперь! Мнѣ и не снились подобные заработки.

Владиміръ Бонифатьевичъ улыбался; лицо его очень выигрывало отъ улыбки. Поговорили объ «устроившемъ» меня В. Н. Николаевѣ. Антоновичъ замѣтилъ:

— Я знаю его. Онъ человѣкъ добрый.

Потомъ Катерина Николаевна занялась приготовленьями къ чаю, а Влад. Бониф. сталъ сообщать мнѣ свѣдѣнія о привезенныхъ Катер. Никол. кремневыхъ орудіяхъ, о «бытовыхъ» горшкахъ, о погребальныхъ урнахъ. Въ его обработкѣ газетная замѣтка выходила болѣе живой и доступной для широкой публики, интересной для того, кто имѣлъ по археологіи самыя смутныя познанія.

Послѣ мы пили чай, и Влад. Бониф. очень просто, серьезнымъ тономъ, не улыбаясь, но съ большимъ комизмомъ разсказывалъ

эпизоды изъ своей жизни. Говорилъ онъ не по-украински, а по-русски, съ легкимъ, скорѣе польскимъ, чѣмъ малорусскимъ акцентомъ. Тутъ я въ первый и отъ него самого услышала извѣстнѣйшій разсказъ о томъ, какъ какое-то медицинское свѣтило (какъ будто, онъ называлъ имя московскаго Захарьина, но я не увѣрена въ этомъ), къ которому В. Б. зашелъ посовѣтоваться о своемъ здоровьѣ, фамильярно спросило у него, принимая его за мастерового: «Пьешь? Навѣрно, пьянствуешь!» — «Пью, — отвѣчаю я (разсказывалъ съ серьезнымъ лицомъ В. Б.),—но не пьянствую. Такъ, чарку-другую выпью иной разъ въ компаніи». — «Разсказывай! «Въ компаніи»! а что же у тебя носъ такой красный?» — «Не знаю. А только не отъ пьянства. Отъ другой, вѣрно, какой-то причины». — «Жизнь ведешь сидячую?» — «Больше — сижу». — «Чѣмъ занимаешься? Мастеровой? Сапожникъ, что ли?» — «Нѣтъ. Я... въ университетѣ»...—«Служишь педелемъ?»—«Нѣтъ. Я... я... лекціи студентамъ читаю». Тутъ, конечно, табло! Свѣтило вскакиваетъ на ноги: «Профессоръ! ради Бога! У меня голова кругомъ идетъ: до того утомленъ я! Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?» И такъ далѣе.

Сообщилъ тогда В. Б. и еще нѣсколько комическихъ случаевъ, возникшихъ на той же почвѣ изъ-за его внѣшней непредставительности. «А то еще, — говорилъ онъ, — на археологическомъ съѣздѣ дѣло было. Избранъ я былъ предсѣдателемъ одной изъ секцій, и въ тотъ же день вечеромъ на первомъ собраніи секціи долженъ былъ прочитать докладъ свой. Прихожу первымъ, нарочно пошелъ пораньше, чтобы разложить бумаги свои и справки передъ докладомъ. Вошелъ и иду къ предсѣдательскому мѣсту. А одинъ изъ молодыхъ служителей окликаетъ меня: «Ну, куда лѣзешь?» — «Иду на свое мѣсто», говорю я. «Тутъ профессора Антоновича мѣсто, а ты—лѣзешь».—«Да я,—говорю,—и есть профессоръ Антоновичъ».—«Ну, проходи, проходи. Нечего шутки шутить, некогда. Не видно развѣ тебя, какой ты профессоръ? Проваливай».

И еще разсказывалъ онъ:

— «А рекордъ въ этомъ направленіи побитъ былъ молодымъ московскимъ историкомъ N. (В. Б. называлъ имя этого историка, но оно ничего не говорило мнѣ тогда, и—къ сожалѣнью—я его не помню). Онъ интересовался исторіей Малороссіи и вступилъ со мной въ переписку. Переписка у насъ продолжалась долго, была оживленная. Мы заочно успѣли другъ друга узнать и цѣнить начали. Наконецъ пишетъ онъ мнѣ, что проведетъ нѣсколько дней въ Кіевѣ и что побываетъ непремѣнно у меня. Я отвѣчаю, чтобы заѣзжалъ онъ ко мнѣ—прямо съ вокзала, съ вещами. Приготовляю для него комнату и жду. Какъ-то рано утромъ (а встаю я всегда очень рано) сижу за работой въ кабинетѣ и слышу—звонокъ съ параднаго хода. Наши всѣ еще спали, иду самъ отворить дверь. А былъ я въ скверненькомъ пиджакѣ, ку-уда хуже этого, что на мнѣ сейчасъ! И съ утра, разу-

мѣется,.. растрепанъ, — несовсѣмъ еще въ порядкѣ. Отворяю дверь, передо мной неизвѣстный молодой человѣкъ представительный такой, элегантный. Я моментально сообразилъ, кто это, но не успѣлъ открыть ротъ, какъ онъ говоритъ мнѣ: «Здравствуй, голубчикъ. Что профессоръ Антоновичъ дома?» — «Здравствуйте, — отвѣчаю, — дома». — «Снеси-ка, братецъ, пожалуйста, мои вещи. Тутъ у васъ для меня комната приготовлена. Я — N изъ Москвы».— «Знаю, — говорю, — мы васъ давно поджидаемъ». Даю я извозчику какую-то мелочь, беру вещи: чемоданъ, портпледъ, еще что-то... несу въ комнаты. N. идетъ за мною. «Что, — спрашиваетъ, — Владиміръ Бонифатьевичъ встаетъ поздно?» — «Нѣтъ,— говорю, — рано». — «А онъ еще спитъ?» — «Нѣтъ, уже не спитъ».— «Гдѣ же онъ?»—«Да это,—говорю,—я». Ну, потомъ мы оба порядкомъ-таки посмѣялись, а сперва N ужасно какъ былъ сконфуженъ».

Какъ и Л. А. Куперникъ, Владиміръ Бонифатьевичъ охотно подшучивалъ надъ своей «мизерабельной» наружностью. Да и правда; сказать, что онъ выглядѣлъ некрасивымъ, — этого было бы мало. Лицо его — помимо недостатка гармоничности въ чертахъ — казалось неодухотвореннымъ, лишеннымъ выразительности и отпечатка внутреннихъ утонченныхъ переживаній. По внѣшности этого тонко-интеллигентнаго человѣка легко можно было принять не только за забулдыгу-мастеровогo, но еще за подозрительнаго субъекта безъ опредѣленныхъ занятій... Ходячее мнѣніе, будто лицо—есть зеркало души—онъ опровергалъ своей наружностью наглядно и несокрушимо...

Разставаясь, мы порѣшили осмотрѣть въ ближайшій праздничный день новинки археологическаго музея при кіевскомъ университетѣ, которымъ завѣдывалъ Владиміръ Бониф., и затѣмъ описать эти новинки въ «Кіевскомъ Словѣ».

— Для «Кіевскаго Слова» я готовъ давать какія только могу сообщенья, — сказалъ Влад. Бониф. — Я и для «Зари» всегда давалъ. «Кіевское Слово»—умѣреннѣй «Зари», но оно все же приличное. А вотъ «Кіевлянину» не дамъ ни строчки. Ко мнѣ какъ-то явился Г—чъ. Я раньше зналъ его, какъ сотрудника «Зари». При томъ онъ самъ археологъ, самъ производилъ раскопки. Сталъ разсказывать мнѣ про свои послѣднія находки. Я слушаю, заинтересовался. Потомъ онъ говоритъ: «А я пришелъ поразспросить о вашихъ въ это лѣто раскопкахъ, хочу тиснуть замѣтку въ газетѣ». — «Съ удовольствіемъ, — отвѣчаю я. — Вы теперь въ «Кіевскомъ Словѣ»?— «Нѣтъ,—говоритъ.—Я—въ «Кіевлянинѣ». Я такъ и подпрыгнулъ. «Что?! Въ «Кіевлянинѣ»? Да какъ же вы явились ко мнѣ? У васъ травятъ украинцевъ, пишутъ, будто я въ «батьки-гетманы» мѣчу... а я буду сообщать имъ о моихъ раскопкахъ? Да никогда... пока живу на свѣтѣ!»

Въ назначенный день зашла я къ Катеринѣ Николаевнѣ, и мы отправились съ нею за Владиміромъ Бониф., чтобы потомъ

пойти въ университетъ. В. Б. жилъ въ собственномъ домѣ (или это, кажется, былъ домъ его жены, не помню навѣрное) на углу Жилянской и Кузнечной улицъ. Домъ былъ деревянный, типичной старой кіевской постройки съ мезониномъ наверху. Уже и тогда немного такихъ домовъ оставалось въ Кіевѣ, теперь ихъ не видно вовсе.

Кабинетъ В. Б. былъ такой же скромный, какъ и его хозяинъ. Въ немъ не было ничего лишняго, вдоль стѣнъ стояли темные, наглухо закрытые библіотечные шкапы съ раздвижными дверцами. Катерина Никол. сообщила мнѣ, что В. Б. трунитъ надъ тѣми учеными, которые демонстрируютъ свою ученость, обкладывая себя книгами и выставляя ихъ на показъ. Потому-то онъ самъ и прячетъ свою обширную, прекрасно-подобранную библіотеку за глухими дверцами шкаповъ.

Въ зданіи университета долго шли мы безконечными коридорами и долго послѣ того позванивалъ В. Б. массивными ключами, пока отперъ нѣсколько массивныхъ дверей. Мы прошли нумизматическій кабинетъ, гдѣ въ примѣрномъ порядкѣ разложены были въ застекленныхъ витринахъ всевозможныя древнія монеты, и вступили въ археологическій музей. Порядокъ и здѣсь былъ образцовый. Новинками являлись двѣ коллекціи, пріобрѣтенныя недавно. Одна изъ нихъ собрана была на Княжьей горѣ вблизи Канева, на территоріи села Пекари, и заключала въ себѣ цѣнные предметы, относящіеся къ княжеской эпохѣ. Другая составлена была изъ предметовъ, собранныхъ въ Волынской губерніи. Я едва успѣвала записывать въ своей книжкѣ незнакомыя мнѣ доселѣ наименованія древнихъ вещей.

Бронзовыя серьги кіевскаго типа... Бронзовые складные тыльники, стрѣлы ромбообразнаго (азіатскаго) и бородчатаго (европейскаго) типа... Грудныя фибулы... Шейныя гривни... и прочее, и прочее. Вещей было утомительно много. Влад. Бониф. относился къ нимъ съ такимъ заботливымъ вниманіемъ, точно это были живыя существа. Ему было боязно, какъ бы я не напутала при составленіи замѣтки о музеѣ, не переврала названій предметовъ. Вообще онъ опасался, что напишу я, въ силу неподготовленности своей, не то, что надо... И неловко было ему обидѣть меня недовѣріемъ къ моимъ репортерскимъ силамъ. А потому онъ сказалъ съ большою осторожностью:

— Вы, когда напишете о музеѣ, занесите рукопись мнѣ. Знаете, умъ хорошо, а два лучше. Можетъ-быть, я теперь упустилъ что-нибудь изъ виду... то потомъ можно будетъ добавить. Такъ вѣдь сразу не охватишь всего, даже и при хорошемъ знакомствѣ съ предметомъ.

Я поняла его маневръ и на другой день послала ему рукопись. Къ замѣткѣ моей онъ добавилъ немного, но то, что было написано, выправилъ весьма основательно.

Послѣ мнѣ частенько доводилось встрѣчаться съ нимъ, то у Кат. Никол., то у Антонины Ростилавовны Вольманъ, урожден-

ной Рыльской. А. Р. Вольманъ была родною сестрой Ѳаддея (Тадеуша) Ростиславовича Рыльскаго, стариннаго друга Владиміра Бонифатьевича. У нея бывало много разнаго народа, преимущественно изъ кіевскихъ украинцевъ: нынѣшній извѣстный профессоръ М. Грушевскій, Х. И. Волкова, М. Довнаръ-Запольскій, Н. Дирдовскій и многіе другіе. Среди этой тогда молодой компаніи Х. И. Волкова и В. Б. Антоновичъ казались патріархами въ кругу молодежи. Когда Влад. Бониф. бывалъ въ ударѣ, онъ хорошо передавалъ анекдотическія сценки. Былъ у него отдѣльный циклъ разсказовъ о католическихъ ксендзахъ, — разсказовъ, полныхъ незлобиваго юмора, подчасъ нѣсколько рискованныхъ...

Но что особенно бросалось въ глаза, — даже при отдаленномъ знакомствѣ съ Влад. Бониф., — это его большая участливость, активная отзывчивость на чужую бѣду или затрудненье, способность проникаться чужими интересами, забывая о своихъ, не обращая вниманья на незначительность чужого затрудненья въ сравненіи съ собственной бѣдою. По поводу этой трогательной черты В. Б. вспоминается мнѣ комическій эпизодъ, столкнувшій меня съ Владим. Бониф. однажды въ предутренній часъ теплаго весенняго дня. Эпизодъ — самъ по себѣ мелочной, но вскрывающій сущность человѣческаго характера, какъ это часто бываетъ именно съ мелочами. Въ то раннее утро я была экстренно разбужена почти на разсвѣтѣ. Оказалось, что въ городѣ произошло сенсаціонное убійство, совершенное передъ разсвѣтомъ неизвѣстно кѣмъ и по загадочно-непонятнымъ на первый взглядъ мотивамъ. Сообщить мнѣ объ этомъ спѣшно примчался на извозчикѣ одинъ изъ кіевскихъ полицейскихъ городовыхъ, — мой испытанный (въ борьбѣ «Кіевскаго Слова» съ полицмейстеромъ Живоглядовымъ) приверженецъ. Кратко, но обстоятельно изложилъ онъ все, что ему самому о происшествіи было извѣстно и закончилъ, подчеркивая свою расторопность:

— Такъ что... вѣрно еще и полицмейстеръ не узнавши про это! Онъ — поспать гораздъ. Пока добудятся передъ утромъ. Я такъ полагаю, что еще не знаетъ. Доложить ему не успѣвши. Вы поспѣете прежде его.—Боюсь назвать хотя бы начальную букву фамиліи моего городового, чтобы случайно не повредить его полицейской карьерѣ, которую онъ сдѣлалъ навѣрное, такъ какъ у него были для того всѣ данныя. Бравая при военной выправкѣ внѣшность, умѣнье извлекать пользу изъ всякихъ обстоятельствъ, быстрота дѣйствій, недурная сообразительность, точная наблюдательность и планомѣрная осторожность... Получивъ повышенный (строго регламентированный для такихъ чрезвычайныхъ случаевъ) гонораръ, онъ откланялся и со словами: «Счастливо оставаться!» — исчезъ, какъ призракъ, словно растаявъ въ утреннемъ полусвѣтѣ. Я же стремглавъ бросилась къ мѣсту кроваваго происшествія. Выбѣгаю на свою (Большую Подвальную) улицу, — день едва

сѣрѣетъ, и — какъ на грѣхъ — ни одного извозчика. Бѣгу, сколько хватаетъ духу, и вижу впереди себя тоже бѣгущаго небольшого худощаваго человѣка. Онъ передвигается съ быстротой и легкостью, но съ тою неуклюжестью, съ какою бѣгаютъ люди, привыкшіе къ сидячей жизни. «Вѣрно, тоже на убійство? Куда бы онъ такъ бѣжалъ въ такое раннее время?» предполагаю я, и стараюсь нагнать бѣгущаго. Но разстояніе между нами довольно велико, онъ уходитъ отъ меня, а у меня созрѣваетъ твердое убѣжденье: «На убійство, не иначе!» Наконецъ, пустившись ускореннымъ бѣгомъ, нагоняю его и вижу передъ собой... Владиміра Бонифатьевича Антоновича.

— Вы куда это мчитесь? — пораженно спрашиваетъ онъ, узнавъ меня, даже пріостанавливается, слегка задыхаясь.

— У меня — убійство. А вы?

— А у меня операція. Утромъ около восьми часовъ. Опять рецидивъ у жены. Врачи торопятъ, назначили на сегодня, а ассистентъ — самъ заболѣлъ. Такъ я тутъ по разнымъ докторамъ бѣгаю, чтобы не откладывать.

Жена Влад. Бониф.,—Варвара Иван. Антоновичъ,—больна была ракомъ груди. Жизнь ея удавалось поддерживать въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, благодаря своевременнымъ операціямъ и тщательному уходу.

— Господи! — сокрушенно взываю я. — И нужно же, чтобы ни одного извозчика! А я то мечтала раньше полицмейстера пріѣхать. Думала: вотъ посрамленъ будетъ Живоглядовъ.

Должно-быть, у меня очень огорченный видъ, и это заставляетъ Влад. Бон. проникнуться моимъ затрудненьемъ, невзирая на его семейное горе.

— Извозчика? — сочувственно переспрашиваетъ онъ и начинаетъ кричать на авось во весь голосъ: «Извозчикъ! Извозчикъ!» Вдали, откуда-то изъ-за Золотоворотскаго сквера появляется силуэтъ изозчичьей пролетки.

— Извозчикъ! — кричу и я, уже окрыленная надеждой.

Черезъ нѣсколько секундъ — я въ пролеткѣ, и говорю Влад. Бон. «А вы? Садитесь, подвезу и васъ?» Онъ вмѣсто отвѣта машетъ рукою: «Мнѣ еще въ аптеку надо!» До мѣста убійства далеко, но извозчикъ, подгоняемый обѣщаннымъ рублемъ на чай, изо всѣхъ силъ хлещетъ лошаденку. Мы не ѣдемъ, а несемся вскачь и достигаемъ цѣли: Живоглядова на мѣстѣ происшествія нѣтъ еще и въ поминѣ. У меня уже занесены въ книжку многія подробности кроваваго событія, когда, наконецъ, подкатываетъ въ коляскѣ на парѣ вороныхъ заспанный Живоглядовъ. Завидѣвъ меня, онъ не можетъ скрыть на лицѣ своемъ досадливаго изумленья, но приближается и любезно здоровается со мною, такъ какъ его вражда съ «нападающимъ» на полицію «Кіевскимъ Словомъ» лично на меня (можетъ-быть, потому, что я все же «протеже» вице-губернатора) не распространяется.

— А вы уже здѣсь? — говоритъ онъ, будто шутливо, но въ полуукоризненномъ тонѣ его прорываются отзвуки профессіональной ревности. — Право, васъ когда-нибудь арестуетъ слѣдственная власть! Вы о всякомъ происшествіи узнаете за полчаса раньше, чѣмъ оно случится. Ну, долженъ признать, хорошая у васъ агентура. И дорого бы я далъ, чтобы развѣдать, гдѣ ея штабъ-квартира?

Я непроницаемо молчу, потому что не могу же отвѣтить: «Мнѣ это тоже стоитъ не дешево. А штабъ-квартира моей агентуры тамъ же, гдѣ и вашей: Софійская площадь, помѣщеніе адреснаго стола и городской полиціи».

Спустя дня три, встрѣчаю снова Влад. Бониф. на какомъ-то засѣданіи въ университетѣ. Онъ, здороваясь со мной, участливо спрашиваетъ: «Ну, что? Какъ? Поспѣли тогда во-время?» — «Вовремя», отвѣчаю я и благодарю его за содѣйствіе. «И Живоглядовъ былъ посрамленъ?» продолжаетъ онъ, снисходя къ моему тщеславію. «Да какъ! — похваливаюсь я. — Черезъ полчаса послѣ меня пріѣхалъ! это уже не посрамленъ, а разбитъ на голову». Влад. Бониф. добродушно усмѣхается...

У Антонины Ростиславовны Вольманъ встрѣчала я и Ѳаддея Рыльскаго (брата А. Р. Вольманъ), наѣзжавшаго въ Кіевъ изъ деревни своей, Романовки, Сквирскаго уѣзда. Однажды въ этой Романовкѣ случилось мнѣ провесть часть рождественскихъ святокъ, и тамъ — единственный разъ въ моей жизни — видѣла я неподдѣльно-дружескія и неподдѣльно искреннія отношенія между деревней и помѣщичьей усадьбой, между «паномъ» и «мужиками». Впрочемъ, Ѳаддея Ростиславовича никто изъ «мужиковъ» не называлъ паномъ. И онъ былъ бы жестоко обиженъ, если бы кто-нибудь изъ романовцевъ такъ его назвалъ. Человѣкъ глубокой души, интеллигентный, умный и чуткій, женатый вторымъ бракомъ (первая жена его была изъ аристократическаго общества, а мать— извѣстная въ свое время красавица, княжна Трубецкая) на крестьянкѣ изъ той же Романовки, — онъ сливался съ крестьянской средой и съ крестьянской жизнью такъ отъ души и такъ прочно, какъ только возможно для интеллигента. Когда я читала нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ трогательно хоронили романовцы скончавшагося Ѳаддея Рыльскаго, какъ, соблюдая старинные (еще козацкіе) обычаи похоронъ, несли на рукахъ до могилы его «трумну» и навзрыдъ плакали надъ нею, — меня не удивило это описаніе. Оно не показалось мнѣ пріукрашеннымъ. Ѳаддей Рыльскій также искренно относился къ романовцамъ, какъ искренни были ихъ слезы надъ его «трумной». Съ Ѳ. Р. Рыльскимъ мнѣ случалось встрѣчаться чаще, чѣмъ съ В. Б. Антоновичемъ. Но о встрѣчахъ съ Рыльскимъ пришлось бы разсказывать много, а уже пора кончать.

О. Н. Ольнемъ.

Записки Тимоѳея Зайца.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ печатаемыхъ здѣсь Записокъ, Тимоѳей Артемьевичъ Заяцъ, крестьянинъ Кіевской губерніи, Сквирскаго уѣзда, с. Скибенцы, былъ однимъ изъ старѣйшихъ сектантовъ раціоналистическаго направленія, отпавшій отъ господствующей церкви еще, какъ онъ самъ пишетъ, въ 1875 году. Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ самородковъ, зарождающихся въ глубокихъ слояхъ русской народной жизни, которые живутъ и развиваются большей частью самобытно, и одинокіе — иногда такъ и оставаясь невѣдомыми нашему образованному міру — уходятъ изъ жизни...

Къ счастью, Тимоѳей Заяцъ не затерялся безслѣдно въ нѣдрахъ народныхъ слоевъ: его духовный переворотъ и личный примѣръ замѣчательной подвижнической жизни породили религіозное броженіе среди его односельчанъ и, несмотря на насильственное удаленіе его изъ ихъ среды и 30-лѣтнюю ссылку въ Закавказье, движеніе это, какъ отъ брошеннаго камня въ воду, концентрическими кругами продолжало развиваться и, по скольку намъ извѣстно, не заглохло и по сіе время.

Первыя свѣдѣнія о Тимоѳеѣ Зайцѣ мы получили въ 1892 году. Въ то время до насъ съ разныхъ сторонъ стали доходить слухи и письма объ усиливавшихся гоненіяхъ на сектантовъ различныхъ толковъ. Эти свѣдѣнія и побудили насъ взяться за систематическое собираніе матеріаловъ о религіозныхъ движеніяхъ въ народѣ.

Печатаемыя нами Записки Тимоѳея Зайца имѣютъ свою оригинальную исторію.

Въ ноябрѣ 1895 года на имя Трегубова и Черткова было получено письмо отъ Т. А. Зайца, въ которомъ онъ на своемъ украинскомъ нарѣчіи разсказываетъ кратко о своей прошлой и настоящей жизни. Письмо это было переведено нашими друзьями на русскій

ТИМОФЕЙ ЗАЯЦЪ.

литературный языкъ (для болѣе удобнаго чтенія и пониманія русскими интеллигентными читателями) и должно было войти въ составъ нашей большой книги: «Изслѣдованіе современныхъ сектантскихъ движеній и гоненія на нихъ», составленіемъ которой мы были заняты въ теченіе нѣскольких лѣтъ и которую предполагали распространять хотя бы въ рукописномъ или гектографированномъ видѣ между прочимъ, среди вліятельныхъ лицъ, могущихъ заступиться за людей, преслѣдуемыхъ и гонимыхъ, разоряемыхъ и избиваемыхъ, умирающихъ въ тюрьмахъ и ссылкахъ за ихъ религіозныя убѣжденія. Въ тѣ темныя времена дѣло сношеній съ сектантами, собираніе матеріала и храненіе его и самая работа надъ этимъ матеріаломъ была сопряжена съ огромными трудностями и рискомъ... «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...» И вотъ въ началѣ 1897 года у насъ и у нашихъ друзей посредствомъ обысковъ былъ отнятъ рѣшительно весь матеріалъ, скопленный нами въ теченіе пяти лѣтъ усердной работы. Но рукописи сохранились у одного изъ нашихъ друзей въ Россіи, — это «Сказаніе о себѣ самомъ Тимоѳея Зайца», было напечатано въ русскомъ переводѣ, въ нашемъ альманахѣ «Свободное Слово» № 2 подъ редакціей П. И. Бирюкова, вышедшемъ въ Женевѣ въ 1899 году [1]).

Кромѣ этого краткаго жизнеописанія, по просьбѣ И. М. Трегубова (работавшаго тогда съ нами вмѣстѣ надъ собираніемъ матеріаловъ о сектантахъ), Тимоѳей Заяцъ написалъ еще пространныя Записки, которыя были имъ пересланы И. М. Трегубову въ Воронежскую губернію. Но по дорогѣ въ Петербургъ, на желѣзнодорожной станціи Михайловка, И. М. Трегубовъ подвергся тщательному обыску (по предписанію высшихъ властей) и въ числѣ множества другихъ рукописей были отобраны и Записки Зайца, копію съ которыхъ мы еще не успѣли снять. (Это было въ началѣ 1897 г.).

Первое время послѣ высылки В. Г. Черткова изъ Россіи (въ 1897 г.) наши сношенія съ сектантами были прерваны вслѣдствіе потери всѣхъ адресовъ, уничтоженныхъ изъ предосторожности въ критическій моментъ.

Когда извѣстіе о пропажѣ рукописи дошло до Тимоѳея Зайца, онъ тотчасъ же взялся сызнова за описаніе своей жизни и при томъ въ болѣе подробномъ изложеніи и, закончивъ ее, передалъ лично одному молодому человѣку (знакомому одного изъ нашихъ друзей), съ просьбой доставить эту рукопись Л. Н. Толстому, такъ какъ Тимоѳею Зайцу былъ неизвѣстенъ нашъ заграничный адресъ. Но молодой человѣкъ «страха ради...» уничтожилъ эту

---

[1]) Перепечатано В. Д. Бончъ-Бруевичемъ съ нѣкоторыми письмами въ вып. III. «Матеріаловъ къ исторіи изученію русскаго сектантства и старообрядчества» *(Ред.)*.

рукопись, и, къ сожалѣнію, не потрудился извѣстить Л. Н—ча о судьбѣ ея.

Вотъ какъ пишетъ объ этомъ Тимоѳей Заяцъ въ письмѣ къ намъ отъ 1-го января 1901 года, обращаясь, между прочимъ, и къ Л. Н. Толстому:

«Дорогой братецъ, Л. Николаевичъ, получылы вы кныгу, описаніе моей жизни, 700 и зъ лышкомъ страницъ на почтовой бімагѣ? Я по совѣту брата Іосипа К. Дитерихса передалъ черезъ студента Ш, ѣхавшаго въ Москву у училище ище у 1898 году и до сихъ поръ я не получилъ отвѣта... Прошу отвѣта. Прощайте усѣ дорогіе моему сердцу, всѣ трудящіеся въ мирѣ и любящіе правду, братіе и сестры. Тимофей А. Заяцъ».

Когда же мало-по-малу намъ удалось снова возстановить потерянные адреса и снова завязались наши сношенія съ Тимоѳеемъ Зайцемъ, — мы, первымъ дѣломъ, обратились къ нему съ просьбой возстановить, по возможности цѣликомъ, потерянную, драгоцѣнную для насъ его автобіографію. И тутъ только при взаимной перепискѣ намъ удалось установить фактъ вторичной пропажи его большой рукописи и одновременно съ этимъ получить отъ автора его ободрительное письмо съ обѣщаніемъ въ третій разъ возстановить свои Записки. Однако прошло еще чуть ли не два года, пока эта новая рукопись дошла до насъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тимоѳей Заяцъ сообщалъ намъ о приготовленной уже для насъ рукописи и о томъ, что онъ долгое время выжидалъ случая для того, чтобы наиболѣе вѣрнымъ путемъ доставить ее къ намъ въ Англію; нѣсколько лѣтъ поэтому, для большей сохранности, онъ держалъ эту рукопись въ ящикѣ, закопанномъ въ землю. Повидимому Тимоѳей Заяцъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не дождавшись увѣдомленія о доставленіи по назначенію своей рукописи, довѣренной молодому человѣку, началъ сызнова писать свои воспоминанія. И вотъ объ этой-то рукописи и идетъ рѣчь.

Однажды, въ 1898 году, его навѣстилъ одинъ баптистскій пресвитеръ [1]) (объѣзжавшій свою Елизаветпольскую паству ссыльныхъ сектантовъ), которому Тимоѳей Заяцъ рѣшился довѣрить на храненіе свою рукопись съ тѣмъ, чтобы при случаѣ переправить ее въ Англію. Но упомянутый пресвитеръ, будучи истымъ баптистомъ, просмотрѣвъ рукопись, нашелъ ее настолько «еретической», что рѣшилъ за лучшее спрятать ее какъ можно дальше, никому не передавая и даже не сообщая намъ о томъ.

---

[1]) В. Н. Ивановъ. *(Ред.)*.

5чъ

ГЛАВА 58'

(ЗАКЛЯЧЕННЕ)

А ·Т· 'Л· З·

ГОСТАВЛАЮ НАПОСЛН СВОЕН
СМЕРТН КНИГУ ННЖЕ
ОПЫСАНО О МОЕН ЖЫЗНН
ДЕ А НЗЪ МАЛЫХЪ
ЛНТЪ БУВЪ НАКЪ
ЖЫВЪ Н ЧО БАЧЫВЪ НЗА
ЧО ЛЫШЫВСА ОТЕЧЫСТВА
Н·ВЫСЛАНЪ НЗЪ РОСНН
НЗЪ КЫЇНВСКОН ГУБЕРНН
ЗАКАВКАЗЪ НА ЖЫ
ТЕЛСТВО ДЕ А ТЕПЕРЪ
УНАСТОАЧЕЕ ВРЕМА А
НАХОЖУСА Н ЧО А У
СЕН КННГЕ ~~НА~~ НАПЫСА
ВЪ ТО НЫ ОТЪ КАЖУ
СА БО ЧЕ А НАПЫСАВЪ
СОБЪСТВЫНОЮ МЕЮ РУКОЮ
1897! Г! МЕ! ОКТА! 25

(конецъ)! ТН! А! З!

Въ то же время Т. Заяцъ, сообщая намъ адресъ баптистскаго пресвитера (нынѣ уже умершаго), находившагося въ то время въ Харьковѣ, поручалъ намъ розыскать его и въ письмѣ этомъ приложилъ копію своего письма къ нему, въ которомъ онъ напоминалъ ему о его обѣщаніи «хранить и передать эту рукопись Чертковымъ при случаѣ». Нечего и говорить, что мы, не теряя времени, стали настойчиво добиваться отъ баптистскаго пресвитера драгоцѣнной для насъ рукописи, которую онъ на первыхъ порахъ подъ разными предлогами отказывался намъ выдать, несмотря на троекратное посѣщеніе его однимъ изъ нашихъ друзей, взявшимъ на себя эту миссію, сопряженную для него съ немалыми хлопотами. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ переговоровъ и переписки нашему другу удалось, наконецъ, добиться согласія несговорчиваго баптиста. И, въ концѣ-концовъ, заплативъ ему «за храненіе» крупную сумму, нашъ другъ получилъ эту рукопись и переправилъ къ намъ за границу черезъ посредство одного близкаго лица (въ 1903 году).

Таковы своеобразныя приключенія и мытарства, которымъ пришлось въ свое время подвергнуться этимъ запискамъ.

Записки Зайца написаны всѣ рукой самаго автора, писавшаго не скорописью, а крупными, отдѣльными, печатнаго образца, буквами, похожими скорѣе на славянскій шрифтъ [1]).

Рукопись эта представляетъ изъ себя тетрадь въ 781 страницу убористаго, хотя и крупнаго, почерка, въ черномъ клеенчатомъ самодѣльномъ переплетѣ.

Записки эти какъ и первая рукопись Зайца, на украинскомъ, природномъ нарѣчіи автора, полныя глубокихъ мыслей и художественныхъ описаній какъ внѣшнихъ событій, такъ и внутреннихъ его переживаній,—въ то же время, блещутъ остроуміемъ и чисто хохлацкимъ юморомъ, къ сожалѣнію, часто теряющимъ свою соль при передачѣ на русскій языкъ.

Переводъ нашъ сдѣланъ возможно ближе къ подлиннику и только въ немногихъ мѣстахъ, съ разрѣшенія автора, мы нашли

---

[1]) Одна изъ страницъ этой рукописи воспроизводится здѣсь факсимилэ. Страница эта въ оригиналѣ обозначена цифрою 573, а глава 58 названа Заключеніемъ; но, какъ видно дальше, авторъ дополнилъ свои воспоминанія еще многими главами, и потому мы сочли себя въ правѣ помѣстить эту заключительную главу въ концѣ Записокъ.

На заглавной страницѣ этой рукописи стоитъ написанное рукою автора: «З а я ч а к н ы г а 21 о к т я б р я 1897 г о д а». Означаетъ ли эта дата начало его Записокъ (этого печатаемаго варіанта), или запись эта обозначаетъ просто принадлежность тетради, пріобрѣтенной имъ въ такое-то время, и которую онъ, вообще, намѣревался заполнять своими мыслями и впечатлѣніями, мы не знаемъ; но имѣемъ основаніе думать, что наполнилъ онъ эту свою тетрадь «Записками» уже позднѣе, а именно, годъ спустя послѣ того, какъ убѣдился въ пропажѣ своихъ первыхъ двухъ тетрадей, что видно изъ его писемъ.

удобнымъ переставить въ хронологической послѣдовательности нѣкоторые эпизоды, которые онъ, очевидно, по мѣрѣ воспоминанія, вписывалъ иногда въ сбивчивомъ порядкѣ. Мѣстами также пришлось сдѣлать небольшія сокращенія излишнихъ повтореній, отдѣльныхъ фразъ или словъ, а нѣкоторыя мѣста снабдить подстрочными примѣчаніями. Вотъ все, въ чемъ заключалась наша редакція. Тѣмъ не менѣе, лично я, участвуя въ этой редакціи, очень сожалѣю, что въ силу обстоятельствъ приходится печатать въ русскомъ переводѣ, а не въ оригиналѣ произведеніе этого, въ своемъ родѣ, единственнаго писателя. Но мы не теряемъ надежды въ недалекомъ будущемъ издать эти записки и въ подлинникѣ, вмѣстѣ со многими письмами автора.

Въ добавленіе къ этой рукописи мы надѣемся издать впослѣдствіи *книгу вторую* того же автора, состоящую изъ многихъ писемъ его (еще нигдѣ не напечатанныхъ), относящихся къ исторіи его рукописи и, главное, писемъ автобіографическаго характера, въ которыхъ онъ разсказываетъ о своей дальнѣйшей судьбѣ, о жизни въ Закавказьи, затѣмъ въ Сибири, куда онъ, освобожденный по манифесту 1905 г. изъ ссылки, добровольно переѣхалъ по приглашенію своей дочери, и гдѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ строгой, подвижнической жизни, онъ скончался, кажется, въ декабрѣ 1907 года, на 75-мъ году жизни. (Въ письмѣ отъ 28 сент. 1899 г. Т. З. пишетъ мнѣ будетъ 66»).

Выпуская, наконецъ, въ свѣтъ Записки этого замѣчательнаго народнаго мыслителя, и поистинѣ, праведника, я чувствую глубокое нравственное облегченіе передъ памятью почтеннаго старца, предоставившаго намъ для храненія и изданія свой трудъ, который вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ не могъ до сего времени появиться въ печати. Дай Богъ, чтобы опубликованіе этого большого труда, исполненнаго авторомъ съ такой любовью, терпѣніемъ и поразительной настойчивостью, поспособствовало осуществленію вдохновлявшаго его желанія—внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ своей жизни принести посильную пользу людямъ-братьямъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ пусть изданіе это сохранитъ въ людяхъ память объ удивительно свѣтломъ и высокомъ душевномъ обликѣ человѣка—столь простого и скромнаго по внѣшней жизни, но столь сильнаго волей и богатаго духомъ.

Анна Черткова.

18 мая
1913 года.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Видъ жизни [1]).

Кіевской губерніи, Сквирскаго уѣзда, Бабинетской волости, селенія Скибенцы, Тимоѳей Артемьевичъ Заяцъ, малороссійскій хохолъ, будетъ описывать свою жизнь, старую и новую, для будущаго рода, съ древнихъ временъ, и какъ люди въ тѣ времена жили, и какіе были въ старину уставы, обряды, обычаи, и какъ проводили земную жизнь и какъ молилися Богу.

I. 1842 годъ. Старая и новая молитва [2]).

Меня отецъ въ то время училъ креститься со словами: «Отца и Сына и Святого Духа»; а молился я Богу такъ: «*За молитвовъ* святыхъ отецъ нашихъ»... Это было начало, а середина: «Богородица, дѣво, радуйся, обрадованная Маріе, Господь съ тобою, благословенная ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего»... А подъ конецъ — 10 Божьихъ приказаній: первое—не имѣй у себя чужихъ боговъ; 2-ое — не изображай меня, Господа Бога твоего, изъ дерева; 3-е — не употребляй имени Господа Бога твоего напрасно; 4-ое — помни святой день и святую недѣлю; 5-ое — чти отца и матерь твою; 6-ое — не убивай; 7-ое — не чужеложь; 8-ое — не укради; 9-ое — не будь фальшивымъ свидѣтелемъ; 10-ое — не жадничай и не завидуй ближнему твоему.

Въ-третьихъ, постъ, наказаніе соблюдать; въ-четвертыхъ, исповѣдываться и причащаться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, около Великаго дня, въ своемъ приходѣ. Потомъ отецъ училъ меня, что есть обычай совершать семь таинствъ: крещеніе, муропомазаніе, причащеніе, покаяніе, маслосвятіе, бракъ, наложеніе рукъ; есть семь грѣховъ смертныхъ: убійство, гордость, нечистота, гнѣвъ, зависть, обжорство, лѣность къ службѣ Божьей; училъ слушать съ вѣрою, что есть Богъ на небѣ и на землѣ, и на всякомъ мѣстѣ, грѣшныхъ караетъ пекломъ, а добрымъ даетъ небо; что сдѣлался Сынъ Божій для насъ человѣкомъ, терпѣлъ муки и за насъ и умеръ на крестѣ.

А угодниковъ Божьихъ нужно отдѣльно поминать; я одного пропишу: «Святителю, отче Христовъ, Миколаю, скорый помощнику, теплый заступнику, сохрани и заступи отъ поганской руки, отъ несвицкой срамоты, отъ наглой смерти, отъ морового повѣтра, отъ лихого человѣка, отъ напрасника; напраслины бойся. Господеви молюся, кланяюся, покланяюся, предаюся духови твоему и всѣмъ святымъ ангеламъ хранителямъ и Божьему наставнику. Стереги меня, Господи, не отходи и не отступай отъ души и отъ тѣла моего грѣшнаго, и меня, Господи, надѣли счастьемъ, здоровьемъ, разумомъ добрымъ, долею доброю, памятью доброю и сподоби мене, Господи, въ день сей безъ грѣха сохранится, и благослови, Господи, поклонъ забить».

А «Сонъ Пресвятой Богородицы» кто будетъ при себѣ носить, то хоть бы у него было грѣховъ столько, какъ въ морѣ песку или

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ, очевидно, подразумѣваетъ *планъ* своего жизнеописанія, что видно изъ нижеслѣдующихъ объяснительныхъ строкъ. *А. Ч.*

[2]) Мы сохраняемъ всѣ характерные заголовки отдѣльныхъ главъ. *(Ред.)*

на деревѣ листу — всѣ простятся; и я носилъ при себѣ «Сонъ», когда и красть шелъ.

И меня отецъ научилъ такъ Богу молиться, и молился я безъ вниманія. А какъ было затменіе солнца, то брали ребятъ учить грамотѣ, и учили уже креститься не «Отца и Сына и Святого Духа», а «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», и не «За молитвовъ», а «Царю небесный». И я научился въ другой формѣ Богу молиться. А отецъ и мать услыхали, какъ я молюсь, и говорятъ мнѣ: «По-твоему, какъ ты научился, лучше Богу молиться, чѣмъ мы молимся». И заставилъ меня отецъ, чтобы я училъ своихъ братьевъ и сестеръ новымъ молитвамъ. А отецъ и мать молились по-старому: «За молитвовъ», до самой смерти.

А я съ малыхъ лѣтъ очень любилъ Богу молиться. Бывало, возьму гдѣ у ребятъ картину съ портретомъ, схоронюсь гдѣ-нибудь въ сараѣ или на полѣ въ травѣ, и молюсь на картинку Богу и цѣлую ее, но такъ, чтобы меня никто не видалъ.

А какъ мнѣ было лѣтъ 15, то у меня были уже свои образа, кромѣ отцовскихъ. У отца образа были на полотнѣ, а я себѣ облюбовалъ образа на картинахъ про страшный судъ. На моемъ образѣ видно было и Бога, и дьявола, и рай и адъ, и двѣ партіи людей: одни богатые, а другіе бѣдные. Въ рай идутъ всякаго рода люди, и въ пекло — тоже всякаго рода. Впереди всѣхъ идутъ цари и митрополиты, и монахи, и попы, а мужики сзади всѣхъ плетутся. И я смотрю, кто за какое преступленіе въ аду мучится, читаю и разсказываю отцу и матери, кто за что мучится и горитъ въ огнѣ.

Еще при Николаѣ (императорѣ) отецъ меня поженилъ, а потомъ неожиданно умеръ, и мнѣ пришлось отрабатывать барину барщину. Тутъ ужъ некогда было Богу молиться, да на образа смотрѣть — не до того было.

II. Освобожденіе крестьянъ и путешествіе моей матери въ Кіевъ на богомолье.

А тутъ стали говорить, что будетъ какая-то воля; но никто не зналъ, что это за воля. Но вотъ Богъ далъ, на 1861-ый годъ, 19 февраля, выходитъ воля: будетъ ужъ господамъ барщину работать! А въ 1862-мъ и 1863-мъ годахъ стали строитъ школы и учить ребятъ. А господа тогда сами приняли участіе въ мятежѣ [1]), и становой, тысяцкій и волостной съ писаремъ приказали мужикамъ сдѣлать пики и ловить господъ. И я сдѣлалъ пику, но, слава Богу, я ею хоть никого не заколол̆ъ.

При Николаѣ мужикамъ только и было радости, что цыганы имъ поворожатъ и скажутъ, кому какой талантъ будетъ въ жизни и счастье; а какъ вышла воля, то оставили хохлы цыганъ и перестали имъ даватъ денегъ, куръ и яйца и стали говорить, что цыганы обманываютъ и врутъ. И стали старые люди обращаться къ Богу и за волю благодарить Бога и царя, и начали люди ходить въ Кіевъ на богомолье. Моя мать часто ходила въ Кіевъ, и какъ, бывало, придетъ оттуда, то чего только ни принесетъ съ собою: и крестиковъ, и оливы, и святой воды отъ Варвары, и пщеницы зеренъ десять, и какихъ-то деревянныхъ стружекъ, и изъ старой ма-

---

1) Рѣчь идетъ о польскомъ возстаніи 1863 года. (Пр. *Ред.).*

теріи какихъ-то мелко нарѣзанныхъ клинчиковъ — должно, монахи ножницами старые штаны прорѣзали на мелкіе кусочки, а бабы все покупали и приносили домой. И если случится какая болѣзнь, то у бабъ есть чѣмъ лѣчить; у моей матери только что птичьяго молока не было, а то все было. Какъ начнетъ мать разсказывать: «Ахъ, Боже, Боже, что тамъ, въ этомъ Кіевѣ! какъ начнешь все осматривать такъ даже глаза заболятъ. А въ монастырь какъ войдешь, такъ — Боже мой! какая красота! все блеститъ, да сіяетъ, такъ что не можешь налюбоваться. А нигдѣ нѣтъ лучше, какъ въ Лаврѣ — вотъ тамъ ужъ есть, на что посмотрѣть. А въ пещеры какъ пойдешь, то если бы монахъ не вывелъ, то самъ бы сроду не вышелъ, а такъ тамъ бы и заблудился. А то монахъ идетъ впереди, а народъ за монахомъ, всѣ по двое, по двое, и у всѣхъ свѣчки въ рукахъ. Идешь прямо, а какъ посвѣтишь свѣчкой въ сторону, то видишь, что лежатъ святыя мощи; а монахъ разсказываетъ, какого это святого мощи. Всѣ перекрестятся, и монахъ ведетъ дальше. И увидали мы 12 братьевъ, всѣ вмѣстѣ лежатъ, у одного нога согнута; монахъ разсказалъ, что эти 12 братьевъ ставили высокую колокольню, и 11 не брали денегъ, а тотъ одинъ взялъ; и какъ они поумирали, то тѣхъ 11 Богъ принялъ въ пещеры, а того, что взялъ деньги, не принялъ; и онъ какъ сталъ Бога просить и плакать, то Богъ сказалъ тѣмъ одиннадцати: «Подвиньтесь, пусть ужъ и онъ ляжетъ». Они всѣ подвинулись, и онъ легъ, а одной ноги негдѣ протянуть, и она осталась согнутая. А идешь дальше, такъ и церковь найдешь въ пещерахъ, монахъ правитъ службу Божію».

«А Иванъ почти что весь вошелъ въ камень, только чуть-чуть плечи у него видно да голову. И монахъ сказалъ, что какъ войдетъ Иванъ весь съ головой въ камень, то сейчасъ и настанетъ страшный судъ. Мы все скрозь обходили; а денегъ около каждыхъ мощей цѣлая куча лежитъ: и мѣдныя, и серебряныя. И монахъ насъ вывелъ куда-то въ другія двери».

И мать удивляется: «Господи милостивый! почему это Богъ такъ устроилъ, что если изъ нашего брата мужикъ или баба не то что умретъ, а только заболѣетъ, то и дышать нельзя, такъ воняетъ, а монаховъ мощи — Богъ ихъ знаетъ, съ какихъ временъ давнихъ лежатъ, и не только что не воняютъ, а еще чѣмъ-то пахнутъ».

И мать все разсказываетъ, а я слушаю ея разсказы о такихъ неслыханныхъ святыняхъ. И началъ я молиться Богу, чтобы мнѣ Богъ привелъ увидѣть все это своими глазами. И сталъ я читать житія святыхъ, какъ они жили, и сталъ думать о томъ, какъ я живу, и какъ люди, и господа, и попы живутъ. И я думалъ, что всѣ мы не такъ живемъ, какъ святые жили.

III. Баринъ, попъ, дьячекъ и хохлы.

Баринъ нашъ былъ неженатый и требовалъ себѣ бабъ съ села насильно. Бабы плачутъ, а защиты имъ ни отъ кого нѣтъ. Баринъ даетъ бабѣ пару воловъ и корову на хозяйство; а если хохолъ не пускаетъ своей жены, то баринъ будетъ бить его, пока не умретъ или не смирится. Моего старшаго брата какъ стали бить, то онъ поболѣлъ и умеръ. А Семена Сачка баринъ не выпустилъ изъ рукъ, пока не забилъ на смерть. Звали нашего барина — Францискъ Ганскій. Онъ не крестился и Богу не молился и старые люди называли

его фармазономъ. А какъ мужикъ придетъ къ барину чего просить, какую-нибудь необходимую вещь, то баринъ сейчасъ же начнетъ бить того мужика и внушаетъ ему: «Промысломъ живи, воруй». А мужикъ скажетъ: «А гдѣ же я, баринъ, украду?» А баринъ отвѣчаетъ: «У меня украдь, но чтобы я тебя не поймалъ, а поймаю — опять буду бить».

Хлѣба у барина было много, но никому не давалъ и не продавалъ, пока не погніетъ. И баринъ такъ людей пріучилъ, что крали не только ночью, но и днемъ всѣ, а кого поймаетъ, то поколотитъ здорово, тѣмъ и дѣлу конецъ: суда тогда не было, а была господкая власть, что баринъ хотѣлъ, то и дѣлалъ. А на барщину каждый день ходили, отъ недѣли до недѣли. Францискъ жилъ до ста лѣтъ и такъ холостымъ и померъ, а имѣніе его и деньги забрали въ казну. Теперь ужъ нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого пана.

А попъ, Николай Збановскій, тою же дорогою шелъ, что и баринъ, но попъ былъ женатый, такъ у него отъ попадьи были дѣти, и отъ бабъ были дѣти. И дьячокъ, Максимъ Томашевскій, то же самое дѣлалъ, и у него отъ дьячихи были дѣти, и отъ бабъ были дѣти. И такое безобразіе дѣлалось между хохлами и отъ господъ, и отъ поповъ, и отъ дьячковъ, что сохрани насъ Боже!

Народъ и теперь еще споритъ другъ съ другомъ и даже дерутся и дразнятъ одинъ другого: «Ты панскій сынъ». — «А ты поповъ сынъ, а коли не поповъ, такъ дьяковъ». Я думаю, что грѣхъ описывать и грѣхъ и не описывать, какіе ледащіе мы были и какъ жили въ старину попы, дьячки и хохлы.

IV. Баринъ и псарникъ.

Баринъ нашъ былъ очень богатый, имѣлъ много селеній, земли, луговъ, лѣсу, много рогатаго скота и лошадей и больше сотни собакъ всякой породы: были и лягавыя, такія, что и зайца догонятъ, и британы, которыя и волка задушатъ, и пудели, и простыя собаки, и маленькія были какъ кошки. Эти маленькія за бариномъ бѣгали и съ бариномъ на подушкахъ спали и пищу ѣли ту же, что и баринъ ѣлъ. А къ большимъ собакамъ баринъ приставилъ хохла, по имени Григорій Рыбачукъ, но баринъ далъ ему новое имя: псарникъ. И далъ ему баринъ особую прислугу и власть надъ собаками и надъ прислугой, и пошилъ ему особую одежду.

И этотъ псарникъ такъ барину собакъ выучилъ, что баринъ удивлялся, такъ ихъ вымуштровалъ, все равно какъ солдатъ. Закричитъ, засвиститъ псарникъ — и всѣ собаки сбѣгутся къ нему, все равно какъ стадо овецъ. И псарникъ какъ имъ скомандуетъ становиться по породамъ, то собаки собираются въ кучки по породамъ и становятся рядами: гончія къ гончимъ, британы къ британамъ, пудели къ пуделямъ, простыя къ простымъ, а маленькія собачата не понимаютъ своей породы, такъ псарникъ беретъ ее за ухо, бьетъ кнутомъ и ведетъ къ ея породѣ. Заведетъ онъ такъ ее за ухо раза два, три — и собачонка уже сама понимаетъ свою породу, какъ солдатъ свою роту или мужикъ свое село и своего барина.

И пища приготовлялась собакамъ для каждой породы особо, и псарникъ вызоветъ къ одной посудѣ одну породу, и подходятъ собаки и ѣдятъ, а тѣ всѣ стоятъ и дожидаются очереди. Потомъ скажетъ другой породѣ, и тѣ собаки подходятъ къ другой посудѣ,

третьи къ третьей, четвертыя къ четвертой. А наѣдятся, то что псарникъ скажетъ собакамъ сдѣлать, то они и исполняютъ.

И баринъ за это такъ полюбилъ псарника, что хотѣлъ взять отъ собакъ и поставить надъ людьми, чтобъ и людей выучилъ такому же порядку, какъ и собакъ, но этого нельзя было, потому что псарникъ былъ уже старый; такъ баринъ поставилъ псарникова сына, Прокопа Григорьевича Рыбачука, управляющимъ надъ всѣмъ своимъ хозяйствомъ, и далъ ему надъ всѣми людьми право и власть, и ключи отъ всего. И баринъ уѣхалъ въ Кіевъ на свою должность, а псарникъ управлялъ собаками, а сынъ его, Прокопъ, управлялъ людьми годовъ 15. И въ его управленіе однимъ людямъ былъ рай, а другимъ адъ. Какъ выйдетъ Прокопъ къ косарямъ или ко жнецамъ — какъ вѣтеръ на дорогѣ пылью или буря соломой на крышѣ бушуетъ. Свистятъ арапники и розги; сколько шуму, крику, слезъ. Какъ начнетъ человѣка сѣчь въ двѣ розги, то человѣкъ кровью плюетъ, а отъ розогъ куски мяса отлетаютъ. А Прокопъ съ своими товарищами напьются водки, такъ не то что бьютъ, а прямо живыми людей рѣжутъ.

А баринъ пріѣдетъ изъ Кіева, созоветъ гостей, такихъ же, какъ и самъ, и хвастается передъ ними своими управляющими, псарникомъ и Прокопомъ, и велитъ псарнику показать гостямъ собачью муштровку и радуется, что управляющіе его держатъ порядки такіе, какіе ему угодно. Погоститъ баринъ, порадуется и уѣдетъ опять въ Кіевъ.

Въ 1855 году пріѣзжаетъ баринъ, и доложили ему, что псарникъ уже померъ и собаки остались сиротами. Баринъ не ждалъ этого, не знаетъ, что и дѣлать; крикнулъ: Прокопъ, но Прокопъ, всѣ знаютъ, что пьяный. Потребовалъ баринъ ключи, а ключи у Прокопа. Дали знать Прокопу, что баринъ его требуетъ, а Прокопъ безъ чувствъ и на ноги встать не можетъ. Разозлился баринъ, вырвалъ у Прокопа изъ кармана ключи, да какъ начнетъ его бить ключами по головѣ, по лицу и по носу. А связка была большая, и такъ страшно избилъ Прокопа, что онъ лежитъ въ лужѣ крови, какъ мертвый, а гдѣ былъ носъ, тамъ дыра и кости торчатъ. И никто не смѣлъ барину ничего сказать.

Бросилъ баринъ Прокопа бить, ходитъ и злится, и не найдетъ ни въ чемъ радости. Псарника нѣтъ — и порядка нѣтъ; собаки всѣхъ породъ ходятъ кучей, некому теперь ими командовать. А товарищи прокоповы пришли въ ужасъ и трепетъ, плачутъ и ожидаютъ Прокоповой смерти. И никто не знаетъ, что будетъ.

А Прокопъ черезъ два дня сдѣлался отвратительнымъ чудовищемъ: видно, что живъ, потому что дышитъ, но ничѣмъ не двигаетъ, голова распухла, какъ котелъ, по всей головѣ раны, а изъ ранъ на головѣ, на носу и во рту выползаютъ черви. И баринъ позвалъ доктора, и взяли Прокопа въ лазаретъ. А рабочіе люди тайно, чтобъ не увидалъ баринъ или его слуги, встаютъ на колѣни, крестятся, поклоны бьютъ, Богу молятся, подняли головы и руки къ небу и просятъ Бога, чтобъ Прокопъ умеръ.

И лѣчили доктора Прокопа три года, и онъ лѣтъ 10 былъ боленъ и на всю жизнь до самой смерти остался калѣкой: гдѣ былъ носъ, стала одна яма, и уже не говорилъ, а въ носъ шепелявилъ. А на руки и на ноги былъ здоровъ.

19 февраля 1861 года вышла воля: господа уже не имѣютъ права бить, ужъ міръ самъ выбираетъ волостного, старосту и сотскаго,

а господа не мѣшаются. И вотъ выбрали у насъ волостного и старосту, а Прокопъ и заявляетъ міру: «Я буду сотскимъ!» Но старые люди закричали: «Не нужно Прокопа, не нужно! Прокопъ изъ нашихъ отцовъ и изъ насъ кровь высасывалъ, а теперь еще и изъ нашихъ дѣтей хочетъ высосать. Не нужно, не нужно Прокопа! Въ немъ Бога нѣтъ, онъ брехунъ, господскій подлизала, людоѣдъ, пусть теперь господамъ идетъ служить».

Но молодые люди подняли голосъ противъ старыхъ: «Пускай Прокопъ будетъ сотскимъ, потому что хорошаго человѣка жалко ставить мірскимъ брехуномъ, а Прокопъ свою душу давно ужъ погубилъ, пусть ужъ брешетъ до конца жизни». Однако больше голосовъ не хотятъ Прокопа, но тутъ попъ присталъ къ меньшей части и началъ людей уговаривать: «Пусть будетъ Прокопъ, онъ уже старый человѣкъ, онъ покается». И поставили Прокопа сотскимъ насильно, черезъ попа, видно, попъ брехуна любилъ.

И вотъ уже Прокопъ сотскимъ, слушаетъ міръ и попа. Пошелъ разъ онъ въ становую квартиру и получилъ отъ станового приказъ, чтобъ не было на селѣ пьянства и шуму, чтобъ разгонялъ по ночамъ вечерницы и досвитки [1]) и запрещалъ ночныя игры, и обходъ на ночь поставилъ. Приходитъ сотскій и объявляетъ обществу приказъ.

Въ ночь на Ивана Купалу сошлася со всего села молодежь, нанесли вербовыхъ вѣтокъ, затыкали въ землю, сдѣлали чучело, поставили котелокъ, приготовили водки и начали по отцовскому преданію воспѣвать Ивану Купалу. И сотскій, по приказу станового, разогналъ ихъ. А въ Филиповку, на святую Катерину, молодежь ночью варитъ кашу и за околицей ѣдятъ, и сотскій разогналъ. А на апостола Андрея, бывало, ночью пекутъ пампушки и тоже съ молитвою, съ пѣснями и съ водкой проводятъ съ шумомъ цѣлую ночь. И сотскій по приказу станового всѣ эти сборища разгонялъ.

И люди собрались на сходъ и обсудили дѣло, и рѣшили перемѣнить сотскаго. И старики говорятъ молодымъ: «Дураки вы! мы вамъ говорили: Не становите Прокопа сотскимъ, а вы насъ не послушали, а послушали попа. А Прокоповъ и отецъ отъ Бога отступилъ, и Прокопъ и вамъ не даетъ Богу служить: какъ на праздникъ сойдетесь, онъ поразгонитъ. Идемъ къ попу».

Пришли.

— Батюшка! что это такое у насъ настало? сойдутся дѣти на праздникъ помолиться Богу, а сотскій придетъ и разгонитъ. У насъ этого не было отъ начала вѣка. Ужъ господа какіе были людоѣды, а Богу служить не запрещали.

А попъ говоритъ: «Это не мое дѣло, это правительство приказываетъ».

— А мы, батюшка, хотимъ Прокопа прогнать, а поставить сотскимъ честнаго человѣка, чтобъ на праздники не разгонялъ нашихъ дѣтей.

А попъ говоритъ: «Боже васъ упаси! не трогайте сотскаго, онъ человѣкъ хорошій, это онъ не по своей волѣ дѣлаетъ, а по приказу станового пристава. Если вы самоуправно нарушите законъ, то будете строго отвѣчать за это».

— Ну, пусть ужъ добудетъ срокъ, коли такая строгость.

И пошелъ сотскій опять за приказомъ къ становому. Получилъ приказъ и заночевалъ на дорогѣ. Утромъ идетъ и слышитъ кругомъ

[1]) Собранія молодежи въ предразсвѣтное время. *(Ред.)*.

по деревнямъ звонъ колоколовъ — было Успеніе. Пришелъ въ свою деревню, смотритъ — на помѣщичьихъ поляхъ три женщины носятъ снопы просяные и складываютъ въ копны. Ужаснулся сотскій: прошелъ три деревни, и вездѣ люди празднуютъ, а въ его деревнѣ снопы носятъ. Идетъ онъ прямо къ бабамъ, бабы увидали сотскаго и бросились бѣжать, а одну бабу онъ поймалъ, Марію, Данилы Губаря жену.

Ведетъ сотскій Марію въ село и взялъ одинъ снопъ просяной изъ тѣхъ, что Марія носила, привязалъ его на веревку и повѣсилъ ей на шею. Ведетъ онъ ее прямо въ церковь, а попъ только что сталъ на службу, а людей полна церковь. Поставилъ онъ ее около ограды и приставилъ къ ней сторожа стеречь, пока не окончится служба, а самъ пошелъ въ церковь.

А люди какъ услыхали, что стоитъ баба съ снопомъ на шеѣ, всѣ поспѣшно стали выходить изъ церкви въ ограду. А дьячокъ не знаетъ, почему это всѣ люди выбѣжали изъ церкви, онъ думалъ, что пожаръ, и тоже выбѣжалъ.

А попъ въ алтарѣ и не видитъ, что людей въ церкви нѣтъ и продолжаетъ себѣ службу: «Паки и паки миромъ Господу помолимся!» И слушаетъ попъ, и удивляется, отчего это дьячокъ не отвѣчаетъ? И думаетъ попъ, что дьячокъ не дослышалъ и еще разъ повторяетъ громче: «Паки и паки миромъ Господу помолимся!» И опять нѣтъ отвѣта. Попъ вышелъ изъ алтаря, видитъ, церковь пустая, никого нѣтъ, одинъ только сотскій стоитъ на колѣняхъ, крестится, поклоны бьетъ и Богу молится. И спрашиваетъ у него попъ: «А куда же это люди дѣвались, что нѣтъ никого?»

Сотскій отвѣчаетъ: «Я шелъ изъ становой квартиры, несъ приказъ и знаю, что сегодня великій годовой праздникъ, а бабы у помѣщика носили снопы. Я одну бабу поймалъ, да и привелъ къ церкви и повѣсилъ ей на шею снопъ, вотъ люди и пошли смотрѣть на бабу со снопомъ».

Попъ: «Ахъ, накажи тебя, Боже! что же это ты мнѣ церковь обезлюдилъ? Праздникъ не въ снопахъ, а праздникъ въ церкви. И что это ты выдумалъ, лукавый, проклятая тварь! Долго ли ты еще будешь этакія чудеса выдѣлывать? Я тебѣ далъ хлѣбъ, а ты мнѣ даешь камень. Кабы не я, ты бы не былъ сотскимъ. Иди скорѣй, гони народъ въ церковь, пусть идутъ службу дослушать до конца».

Пошелъ сотскій гнать людей въ церковь, а люди одни смѣются, другіе дерутся, а третьи плачутъ. Увидѣли идущаго къ нимъ сотскаго и начали съ крикомъ грозить ему: «Прогонимъ изъ сотскихъ и посадимъ въ холодную, а то еще и въ тюрьму запакуемъ, міръ — великъ человѣкъ, — тамъ и пропадешь. Откуда ты приказы такіе берешь, чтобъ разгонять на Ивана Купалу или на Екатерину и на Андрея? Отъ вѣка, отъ старыхъ людей, не слышно было, чтобъ кто разгонялъ на праздникъ людей. Ты знаешь, какъ бабы на Ивана Купалу насбираютъ межевой, степной и лѣсной травы, цвѣтовъ и кореньевъ отъ всякой болѣзни — сколькихъ они людей вылѣчиваютъ! А то и скотина какъ заболѣетъ, то бабы помогутъ. А ты ишь какой умный выискался, разгоняешь людей и Бога не боишься, гдѣ твоя душа будетъ на томъ свѣтѣ. Или вотъ Данилиха Марья. Всѣмъ извѣстно, что у нихъ своей земли нѣтъ, вотъ они и работаютъ у помѣщика по 9 и по 10 копеекъ за копну. И помѣщикъ самъ вчера приказалъ: «Просо сухое, такъ сегодня не носите сноповъ, а понесете завтра, по росѣ, не такъ будетъ сыпаться». А ты

Марьѣ повѣсилъ на шею снопъ и привелъ въ церковь, и насъ всѣхъ въ грѣхъ ввелъ: всѣ выбѣжали изъ церкви и службы Божьей не дослушали. Теперь съ сегодняшняго дня ты намъ больше не нуженъ, попъ тебя поставилъ, попу и служи, а мы себѣ честнаго человѣка поставимъ сотскимъ».

И попъ поднялъ голосъ: «Староста! сними съ Прокопа знакъ, выберите другого сотскаго, а Прокопу нѣтъ мѣста въ общественной части».

Староста: «А что, міръ честной, кого вы теперь выберете сотскимъ?»

И раздѣлилось общество на кучки, тихонько пошептались и послышались разные голоса, одинъ кричитъ одного, другой другого, спорятъ и не могутъ сойтись на одномъ. А попъ говоритъ: «Вотъ поставьте Никифора Александровича Черненькаго, онъ человѣкъ бывалый, весь свѣтъ исходилъ, служилъ Богу и царю, онъ уже все извѣдалъ, и горе, и радость».

Никифоръ былъ старый николаевскій солдатъ. И выбрали его сотскимъ, а онъ и не отказывается, становится сотскимъ.

И онъ изобрѣлъ себѣ новое ремесло; напишетъ на конвертѣ: «Въ волость, получить волостному старшинѣ», а въ конвертъ положитъ бѣлую бумагу, запечатаетъ и носитъ это письмо съ собою все утро. Люди соберутся въ поле жать или косить, а Никифоръ принесетъ мужику письмо и говоритъ: «На, отнеси въ волость». А мужикъ просится: «Дяденька, у меня теперь нѣтъ времени, пошли другого, а я послѣ когда-нибудь другое снесу, а теперь я собрался жать».

А сотскій скажетъ: «Дай мнѣ на полбутылку, тогда освобожу». Мужикъ дастъ ему пятачокъ, а онъ несетъ письмо другому, и у того возьметъ пятачокъ, и у третьяго, и по всему селу носитъ это письмо и пятачки набираетъ. Люди въ полѣ жнутъ и косятъ, сотскій въ кабакѣ пьянствуетъ. И такъ постоянно утромъ письмо по селу носилъ, пока не насбираетъ пятачковъ.

Разъ Пантелеймонъ Заяцъ собрался жать, выѣзжаетъ на телѣгѣ изъ дому, а сотскій несетъ письмо и кричитъ ему: «Подожди, не поѣдешь сегодня жать, а понесешь письмо въ волость, твоя нынче очередь». И даетъ ему письмо въ руки. А Пантелеймонъ взялъ письмо и говоритъ: «Я отнесу, я тамъ недалеко буду жать и отдамъ». А сотскій говоритъ: «Дай мнѣ на полбутылки, я тебя смѣню».— «Не нужно меня смѣнять, я отнесу». Ударилъ коня палкой и поѣхалъ.

А сотскій кричитъ: «Подожди, это письмо не въ волость, его нужно въ другое мѣсто подать». Но Пантелеймонъ поѣхалъ и подалъ письмо въ волости. Писарь разорвалъ конвертъ, вынулъ письмо и удивился, что одна только бѣлая бумага и ничего на ней не написано. И спрашиваетъ онъ у Зайца: «Кто это тебѣ далъ это письмо?»

— Мнѣ сотскій далъ, я и принесъ.

А какъ уѣхалъ отъ него Пантелеймонъ, сотскій испугался, не знаетъ, что и дѣлать. Сгоряча поспѣшно останавливаетъ онъ на дорогѣ человѣка, ѣдущаго въ поле жать, выпрягаетъ у него лошадь, садится и пускается догонять Пантелеймона. Но лошадь не хочетъ бѣжать, скучаетъ по другой лошади, и начала скакать и брыкать задними ногами и скинула сотскаго, онъ упалъ на землю и ушибъ себѣ руку и ногу и изъ носа кровь идетъ.

И кричитъ онъ людямъ: «Садитесь скорѣе на лошадь и догоните Зайца, отберите у него письмо, а если не послушаете, то будете строго отвѣчать».

Садится человѣкъ на лошадь и бросается догонять Зайца. Пріѣзжаетъ въ волость, писарь спрашиваетъ: «Чего ты?»

— Мнѣ сотскій приказалъ догнать Зайца и отобрать у него письмо, потому что это письмо не въ волость, а куда-то въ другое село, его сотскій самъ передастъ.

А писарь поговорилъ съ волостнымъ и удивляется: «Кто это надъ нами насмѣхается?» И отправилъ писарь пословъ, принесшихъ письмо, и сказалъ имъ: «Идите, скажите сотскому, что письмо это волостной старшина самъ привезетъ въ село».

Пришли посланные и увѣдомили сотскаго объ этомъ. Сотскій услышалъ и говоритъ: «Ахъ, Боже мой, Боже мой, что же я теперь, несчастный, на старости лѣтъ буду дѣлать? Пропалъ я».

А люди смотрятъ на него и говорятъ: «Что это сотскій такъ убивается?» А старики , николаевскіе солдаты, сошлись и начали людямъ толковать: «Онъ солдатъ, служилъ Богу и царю, его на то учили и били, чтобъ онъ зналъ дисциплину, всѣ пункты, не такъ, какъ мужикъ: станетъ сотскимъ, — что важно, а что не важно, а ему все равно. А солдату нужно все выучить, чтобы умѣлъ на память сказать, потому что все спрашиваютъ».

А мужики удивляются, что солдатская служба такая строгая, и говорятъ: «Вотъ и хорошо, что намъ попъ тогда сказалъ: поставьте солдата сотскимъ, это вамъ будетъ лучше, чѣмъ мужика».

Въ воскресенье весь народъ дома, а старшина съ писаремъ пріѣзжаютъ въ деревню и спрашиваютъ: «А гдѣ вашъ сотскій?»

— Сотскій нашъ заболѣлъ, Богъ его знаетъ, что съ нимъ и будетъ.

— Съ чего же это онъ заболѣлъ?

— Господинъ старшина, и вы, господинъ писарь, мы винимъ своего человѣка: тутъ сотскій горячку поролъ съ письмами, куда-то нести, а тотъ, дуракъ, не разобралъ, да и понесъ письмо въ волость, а его нужно было нести куда-то въ другое село. Сотскій подошелъ на дорогѣ къ мужику, выпрягъ лошадь у его, хотѣлъ догнать Зайца, а лошадь такая дура, что скидаетъ, и начала скакать и брыкать, и сотскій упалъ и ушибъ себѣ бокъ, руку и ногу. Мы всѣ его жалѣемъ, такой былъ добрый человѣкъ, уважный, какъ случится почта или письмо, куда нужно нести, а у тебя нѣтъ времени — попросишь его, онъ и освободитъ и будетъ ходить по всѣмъ избамъ, пока не найдется такого человѣка, что ему есть время нести.

А писарь говоритъ: «Дураки вы! сами вы себя губите. Жнива, рабочее время, а два человѣка пустое письмо принесли. Приведите сюда сотскаго».

Привезли сотскаго на телѣгѣ; онъ уже умирать собрался. А писарь спрашиваетъ: «А откуда ты это письмо получилъ, что съ двумя провожатыми, все равно, какъ арестанта, въ волость доставилъ? Признавайся по правдѣ».

Сотскій: «Господинъ старшина и вы, господинъ писарь, я вамъ все разскажу по правдѣ, врать не буду, можетъ, я скоро умру, а у меня есть душа. Прошу васъ всѣхъ, міръ честной, прежде попрощаемся, а потомъ я вамъ все разскажу. Простите меня, грѣшнаго, разъ и другой, и третій разъ».

И послышалось много изъ всего общества голосовъ: «Богъ тебя проститъ! Богъ тебя проститъ и помилуетъ!»

— Ну, спасибо вамъ, міръ честной, что вы меня простили, пусть ужъ я хоть на томъ свѣтѣ буду спокоенъ. А теперь я вамъ все разскажу. Ну, слушайте. Вы меня поставили сотскимъ и заплатили мнѣ 15 рублей за цѣлый годъ. Я купилъ себѣ серемягу, сапоги, штаны, рубаху, шапку, и все жалованье туда-сюда и истра-

тилъ. А своего у меня ничего нѣтъ, вы сами знаете: какъ пришелъ изъ солдатъ, одну трубку принесъ, больше ничего не было. А міру служить — жизнь собачья — брехать нужно, а ѣсть нечего. Дастъ кто ложку борща или каши — спасибо, а не дастъ, такъ долженъ голодный брехать. Вотъ я и сталъ думать: изъ чего же мнѣ жить? И придумалъ: написалъ я на конвертѣ «въ волость», а въ конвертъ вложилъ бѣлую бумагу. А теперь людямъ работа, я даю письмо, чтобъ несъ въ волость. Мужикъ мнѣ дастъ пятачекъ, я несу къ другому и къ третьему, и къ четвертому. И на эти деньги выпью стаканчикъ водочки, и куплю хлѣбъ и табаку.

Міръ: «Вотъ какъ нашего брата обманываютъ-то, да надуваютъ... А вѣдь пропалъ бы ты! Какой же ты хитрый: сначала попрощался, а потомъ разсказалъ. Кабы мы знали, мы бы тебя, можетъ, и не простили»...

И отвезли сотскаго домой, и скоро померъ.

V. Попъ и кобыла.

У попа Николая Збановскаго была кобыла, онъ на ней ѣздилъ и кормилъ ее хлѣбомъ и сухарями. И не можетъ попъ понять: что это значитъ? даетъ онъ кобылѣ хлѣбъ, а кобыла худа. Вынесъ онъ ей разъ сухарей, а самъ схитрилъ: пошелъ въ избу, а въ другія двери вышелъ съ другой стороны. Смотритъ, а работники забрали отъ кобылы сухари и ѣдятъ ихъ сами, а кобыла ѣстъ солому. И началъ попъ рабочихъ ругать: «Еге-ге! вотъ какъ вы, голубчики, кобылу сушите. Вонъ пошли изъ моей обители!» Но работники стали просить попа, руки у него цѣлуютъ и клянутся, что больше не будутъ обижать кобылу, и попъ ихъ простилъ.

И началъ попъ давать кобылѣ сухари и хлѣбъ изъ своихъ рукъ, и далъ кобылѣ имя Буланка. И попъ возьметъ въ руки сухарь и скажетъ: «Буланка, пойди сюда», и Буланка идетъ и беретъ зубами изъ рукъ у попа сухарь. И съ этого времени стала Буланка поправляться, и сдѣлалась Буланка гладкая, холеная и толстая, и что ей попъ скажетъ, то Буланка все понимаетъ.

Были у попа гости, а Буланка паслась въ саду. И захотѣлъ попъ похвастаться гостямъ: беретъ въ руки сухарь и вышли всѣ гости на дворъ, и попъ кличетъ: «Буланка, пойди сюда». Идетъ Буланка изъ саду прямо по дорожкѣ и взяла у попа изъ рукъ сухарь, и поповы гости удивляются, что животное понимаетъ русскую рѣчь и повинуется человѣку.

И говоритъ попъ работнику: «Семенъ, отвори ограду, пусть Буланка около церкви немного попасется». И началъ попъ гулять.

Приходятъ кумы крестить ребенка, а попъ увидалъ и выслалъ къ нимъ служанку сказать: «Батюшка велѣлъ: идите домой, теперь у батюшки гости, послѣ придете». И пошли кумы. Приходятъ второй разъ уже къ вечеру. Попъ выбѣгаетъ къ нимъ и кричитъ: «Ахъ вы, свиньи, что вы лѣзете ко мнѣ, когда я занятъ? На другой день придете».

Кумы: «Батюшка! ребенокъ больной, что если умретъ ночью некрещеный?

Попъ: «Герасимъ! сходи къ дьячку и къ старостѣ, пусть придутъ, а я гостей выпровожу, тогда и окрестимъ».

Пошелъ Герасимъ, привелъ дьячка и старосту, собрались всѣ и ждутъ попа. Уже и стемнѣло совсѣмъ, а попы все еще гостятъ.

Но вотъ спровадилъ попъ гостей и говоритъ старостѣ: «Ступай въ церковь и возьми крестильныя принадлежности, принеси въ кухню, теперь тепло, въ избѣ окрестимъ».

Пошелъ староста. Вошелъ въ церковь, и вдругъ слышитъ, что-то застучало такъ сильно, что онъ испугался и выбѣжалъ изъ церкви черезъ другія двери. Бѣжитъ къ попу, и отъ страха не можетъ слова выговорить. «Они! они! они! что - то есть въ церкви. Я только что отворилъ двери и вошелъ въ церковь, вдругъ за мной вслѣдъ что-то застучало, какъ молоткомъ». И староста трясется, еле стоитъ на ногахъ, а попъ пьяный, тоже не можетъ на ногахъ устоять. И всѣ дрожатъ со страха. А кумы говорятъ: «Ужъ не рано, пожалуй, ужъ около полуночи, а то и полночь уже есть. Пѣтухи-то ужъ давно пропѣли. Это навѣрное либо мертвецъ, либо привидѣніе какое. Ахъ, Боже нашъ, Боже нашъ! А тутъ еще и ребенокъ некрещеный».

И начали женщины руками ребенка крестить. А попъ говоритъ: «Скорѣй, зажигайте фонари, пойдемте вмѣстѣ, можетъ-быть, это воръ». Взялъ попъ крестъ въ руки и пошли всѣ въ церковь.

Приходятъ, а двери въ церковь отворены и тѣ, и другія, и страхъ на всѣхъ напалъ, никто не хочетъ впередъ итти. А въ церкви что-то стучитъ и скрипитъ. На самый передъ идетъ попъ съ крестомъ, а кумовья одинъ за другого хоронятся и крестятся и молитву говорятъ.

Вошли въ церковь, а около клироса Буланка стоитъ, чешется, стучитъ и скрипитъ. И начали всѣ мало-по-малу приходить въ себя отъ страха, разинули рты, оскалили зубы и начали смѣяться. И выгнали изъ церкви Буланку, окрестили ребенка и разошлись.

А Буланка думала, что попъ ей сухарей несетъ и пошла за старостой въ церковь. И была потѣха народу!

И дожила Буланка до преклонныхъ лѣтъ и заболѣла, а попъ купилъ себѣ другую лошадь.

Дѣло было весной. Далъ попъ дома распоряженія рабочимъ, которые магазины починяли и огородъ садили, — много было мужчинъ и женщинъ, — и уѣхалъ въ поле смотрѣть, чтобы хорошо сѣяли. А сынъ его, Викторъ, былъ дома. Пошелъ онъ въ загонъ, смотритъ,—а Буланка уже издохла. Выбѣжалъ Викторъ на дворъ и отъ радости кричитъ и въ ладони хлопаетъ и говоритъ Ефтею: «Ефтей! иди по душу звонить: наша Буланка уже приказала долго жить». А Ефтей былъ дурачекъ и не понялъ, что ему Викторъ сказалъ, но рабочіе ему растолковали: «Викторъ сказалъ: иди по душу звонить, но звони долго, за рубль».

Ефтей пошелъ и началъ звонить во всѣ колокола. Народъ услыхалъ, крестятся и молятся за упокой души и желаютъ душѣ царства небеснаго, а тѣлу, чтобъ земля была легка, и спрашиваютъ другъ у друга: «Кто это померъ, что такъ долго звонятъ?» И попъ на полѣ услыхалъ, а рабочіе оставили сѣять, крестятся и молятся за упокой души. А попъ запрягъ лошадь и говоритъ рабочимъ: «Сѣйте хорошенько, а я поѣду домой». Пріѣзжаетъ и спрашиваетъ рабочихъ: «Кто это такое умеръ?»

— А Богъ его знаетъ, мы не знаемъ, молодой баринъ сказалъ Ефтею: «Иди по душу звонить», вотъ онъ и звонитъ.

Попъ: «Ефтей! кто это померъ?»

Ефтей: «Я не знаю, кто померъ, мнѣ молодой баринъ сказали звонить, вотъ я и звоню. Спросите у молодого барина».

Попъ: «Викторъ, кто это померъ?»

А Викторъ давай Богъ ноги, побѣжалъ въ садъ, даже пыль за собой поднялъ, и спрятался въ саду.

А меньшія дѣти говорятъ попу: «Папаша, это Викторъ увидалъ, что наша Буланка издохла, вотъ онъ и говоритъ Ефтею: «Иди по душу звонить. Викторъ это пошутилъ, а Ефтей пошелъ, да и звонитъ».

И началъ попъ руками себя по колѣнамъ хлопать, потомъ схватилъ палку и побѣжалъ, и пыль за нимъ зачернѣлась, все равно какъ и за Викторомъ, и бросился искать Виктора. А Викторъ какъ почуялъ, что будетъ бѣда, убѣжалъ на другое село къ своему дядѣ.

А попъ изъ себя выходитъ, разогналъ всѣхъ рабочихъ, кричитъ и не знаетъ, что и дѣлать съ погребеніемъ. А люди, какъ узнали, что это поповой кобылѣ такъ долго звонили, начали смѣяться сами надъ собой, что за лошадь Богу молились, чтобъ Богъ принялъ ея душу въ рай. И такъ попова Буланка христіанскую пищу ѣла и христіанскою смертью умерла.

Прежде попъ приказывалъ Ефтею понемножку звонить по душу, какъ кто умретъ, чтобъ не разбивать даромъ колокола; и если кто дастъ мало денегъ, то мало и звонили, а кто дастъ больше, то дольше и звонили. А послѣ Буланки люди стали попу доказывать: «Что же вы, батюшка, по своей кобылѣ дольше звоните, чѣмъ по христіанину». И попъ приказалъ Ефтею, чтобъ долго по душу звонить: «Сколько бы кто ни далъ, кто больше, а кто меньше, а ты за всякую душу звони ровно и долго».

И люди дивомъ дивятся на такое чудо: кто дастъ 15 копеекъ, кто 20, кто 40 и 50, и 80 копеекъ, и рубль, а Ефтей звонитъ всѣмъ ровно на рубль. И стало бѣднымъ людямъ легче: мало даютъ денегъ, а имъ долго звонятъ по души, а богатымъ стало тяжелѣе: много денегъ даютъ, а Ефтей звонитъ одинаково по бѣдной и по богатой душѣ.

VI. Попъ, Заяцъ и крестъ.

Я умѣлъ немного ковать. Вотъ разъ зоветъ меня къ себѣ попъ и прежде всего угощаетъ меня водкой и говоритъ: «Сдѣлай мнѣ для дверей въ магазинѣ крючки и задвижки». А самъ не даетъ мнѣ желѣза, а даетъ отъ старой церкви крестъ желѣзный, такой высокій, что выше меня. Я остановился, вытаращилъ на него глаза и говорю: «Дайте мнѣ желѣза, потому что я крестъ боюсь въ огонь класть да молоткомъ бить». Но попъ набросился на меня съ крикомъ и угрозами, и я взялъ крестъ на плечи и понесъ домой. Какъ увидали люди, что я несу крестъ, бѣгутъ за мной и старые, и малые. Принесъ я крестъ домой; увидали жена и мать, перекрестились, поцѣловали и спрашиваютъ: «Куда это ты крестъ несешь?»

— Я буду задвижки изъ него дѣлать.

Мать: «Побойся Бога, что ты говоришь?»

— Да я попу сказалъ, что я боюсь крестъ на огнѣ жечь да молоткомъ бить, такъ попъ на меня пригрозилъ и накричалъ за то, что я сказалъ: давайте мнѣ желѣза.

Но жена и мать и старые люди говорятъ мнѣ: «Не бери грѣха на душу, а лучше отнеси назадъ попу».

— Да я боюсь назадъ нести; онъ меня водкой угостилъ.

А мать плачетъ и говоритъ: «Что ты, одурѣлъ, что ли? белены, что ли, объѣлся? ты хочешь, чтобъ черезъ тебя одного мы всѣ съ душами нашими пропали».

Беру я на плечи крестъ и несу къ попу. Идутъ и всѣ люди за мной. И встрѣчаемъ мы на дорогѣ дьячка, и говоритъ онъ мнѣ: «Куда это ты крестъ несешь?»

— Къ попу. Попъ мнѣ далъ, чтобъ задвижекъ изъ него надѣлать, а я боюсь крестъ въ огонь класть да молоткомъ бить.

— Воротись назадъ. Меня попъ послалъ помогать тебѣ дѣлать задвижки.

И толкуетъ мнѣ дьячекъ: «Ты думаешь, этотъ крестъ всегда крестомъ и былъ? Нѣтъ, онъ былъ—просто желѣзо; его жарили и молоткомъ били и сдѣлали крестъ. И онъ тогда былъ крестъ, когда стоялъ на церкви, а когда церковь стала старая, то крестъ съ нея сняли, а церковь раскидали и поставили новую, другой формы. А старый крестъ можно теперь опять передѣлать на желѣзо, потому что теперь такіе кресты вышли изъ моды. Воротись назадъ».

Беру я опять крестъ на плечи и смѣло иду въ кузницу. А мать съ женою идутъ за мной и плачутъ. Принесъ я крестъ въ кузницу, и дьячекъ пришелъ вмѣстѣ со мною, оставили мы крестъ въ кузницѣ, заперли ее, и пошли оба въ трактиръ. Дорогой опять дьячекъ толкуетъ мнѣ про крестъ. Выпили мы съ дьячкомъ по полштофу и закусили, потомъ еще выпили по стаканчику. Идемъ въ кузницу и дорогой спотыкаемся и говоримъ про крестъ. Приходимъ въ кузницу, а страхъ уже совсѣмъ прошелъ. Смѣло кладу я крестъ въ огонь, и начали мы съ дьячкомъ бить его молотками; разбили и разглядываемъ мелкія части креста. Одна часть понравилась дьячку, а другая мнѣ. Сдѣлалъ я дьячку для воза четыре подоска, а себѣ сдѣлалъ сапу (тяпку) — женѣ бураки очищать. И такъ мы съ дьячкомъ украли у попа самыя большія части креста, а изъ мелкихъ кусковъ надѣлали попу крючковъ и задвижекъ, и пошли опять въ трактиръ, выпили водки по стольку, сколько слѣдуетъ выпить кузнецу и дьячку, и пошли домой. И я взялъ своихъ лошадей, а дьячекъ — своихъ и повели ихъ на ночь пастись прямо въ ксендзову рожь. Лошади во ржи пасутся, а мы съ дьячкомъ цѣлую ночь говоримъ про законъ Божій. А на другую ночь опять идемъ съ дьячкомъ съ лошадьми, но уже не въ рожъ, а въ господскій овесъ.

И понесъ я попу крючки и задвижки, и далъ мнѣ попъ сейчасъ же двѣ рюмки водки и говоритъ: «Пойдемъ въ магазинъ [1]), прибь шь задвижки къ дверямъ». Приходимъ мы въ магазинъ, а тамъ лежала сухарей куча, пудовъ 15; они валялись по всему полу подъ ногами, такъ что негдѣ было пройти и нужно было итти по сухарямъ [2]). И попъ пошелъ по сухарямъ, какъ лошадь, а я остановился, боюсь грѣха, потому что я слышалъ отъ матери и отъ старыхъ людей, что если ѣшь хлѣбъ и упадетъ крошка хлѣба, то ищи ее, пока не найдешь и съѣшь; и если — избави Богъ — заболѣешь и не будешь ничего ѣсть, то твоя душа мѣсяцъ будетъ жить этой крошкой и не умретъ. И я это вспомнилъ и не пошелъ за попомъ, а сталъ подбирать сухари. Но попъ крикнулъ: «Иди скорѣй, некогда тамъ сухари подбирать, прибивай задвижки». Пересталъ я подбирать сухари и пошелъ по сухарямъ, и мы уже оба съ попомъ топтали сухари ногами.

---

[1]) Магазинъ или «магазея»,—по-крестьянски,—амбаръ для ссыпки зерна. *(Ред.)*.

[2]) Накопившійся сухой хлѣбъ, собранный духовенствомъ отъ своихъ прихожанъ. *(Ред.)*.

Прибилъ я задвижки, и попъ далъ мнѣ водки. Это дѣло было лѣтомъ, но я ужъ не помню, не то попъ мнѣ велѣлъ, не то онъ приказалъ работникамъ и сторожу — только сухари всѣ вынесли на чердакъ магазина.

VII. Попъ, сухари и собака.

А зима въ тотъ годъ была снѣжная, и снѣгу вѣтромъ нанесло вровень съ магазиномъ. Ходила по этому снѣгу собака и почуяла носомъ сухари, продрала на крышѣ дыру и стала лазить и ѣсть сухари и обижать попа. И попъ сказалъ своимъ работникамъ: «Узнайте, чья это собака». Работники разузнали и сказали, что это собака Данилы Бугая. Попъ пришелъ къ Данилѣ и говоритъ ему: «А что же ты, хозяинъ, собакъ любишь держать, а ѣсть имъ не любишь давать? а собака ко мнѣ лазитъ да убытокъ мнѣ дѣлаетъ». А Данила отвѣчаетъ: «Мнѣ и самому нечего ѣсть, у меня дѣти ѣсть просятъ, да и имъ дать нечего, а не то что собакъ кормить». Попъ выругалъ его и велѣлъ привязать собаку. Но собака продолжала ходить за сухарями, и попъ сказалъ сторожу, который караулилъ церковь (имя его — Александръ Рыбачукъ): «Ты не спишь цѣлую ночь, такъ покарауль мой магазинъ: какъ придетъ собака за сухарями, такъ скажи мнѣ». И легъ попъ спать, а Александръ караулитъ магазинъ. И вотъ увидалъ Александръ: идетъ собака и лѣзетъ въ дыру прямо къ сухарямъ. Бѣжитъ Александръ къ попу и тихимъ голосомъ будитъ его: «Батюшка! батюшка! собака полѣзла въ дыру за сухарями». Попъ скорѣй всталъ спросонья, разбудилъ работниковъ и работницъ и приказалъ имъ итти тихо, чтобъ не было шуму, и взять съ собой пики. Они окружили магазинъ и заткнули ту дыру, въ которую собака влѣзла. А собака почуяла со всѣхъ сторонъ тревогу, испугалась и схоронилась за сухарями, какъ будто ея и нѣтъ. А попъ зажегъ фонарь и пошелъ съ Александромъ въ магазинъ и велитъ ему: «Лѣзь на чердакъ и гони сюда собаку». Вскарабкался Александръ на чердакъ и началъ гнать собаку: ага! ага! га!» Не слыхать собаки. А попъ поставилъ скамейку и говоритъ: «Подожди, я примощусь повыше и посвѣчу: она здѣсь схоронилась, собачья ужа». Влѣзъ попъ на скамейку, поднялся на пальцы и поднялъ фонарь вверхъ, какъ можно выше, чтобъ видно было Александру, гдѣ скрылась собака. А Александръ взялъ пику и началъ совать ею по темнымъ закоулкамъ, и попалъ собакѣ въ животъ. Собака завизжала: «Ай! ай! ай! ай!» и побѣжала по сухарямъ и волочитъ кишки за собою. Покровавила всѣ сухари и бѣжитъ на свѣтъ и наскочила прямо на фонарь и на попову голову. И попъ вмѣстѣ съ собакою упалъ на землю; фонарь разбился, свѣтъ погасъ, и стало совсѣмъ темно. А работники съ пиками стоятъ на дворѣ и не понимаютъ, что такое въ магазинѣ дѣлается, а только слышатъ, что попъ кричитъ, и собака кричитъ. И Алексан-сандръ съ чердака закричалъ работникамъ: «Давайте, давайте другой фонарь: собака наскочила на фонарь и на попа, фонарь разбила и попа со скамейки спихнула, и Богъ его знаетъ, что тамъ въ темнотѣ дѣлается. Свѣтите, свѣтите скорѣй!»

Работники зажгли фонарь, приходятъ въ магазинъ — собака лежитъ мертвая, а попъ стоитъ въ углу, закрылъ себѣ руками глаза и жалуется, что какъ падалъ со скамейки, то ушибъ себѣ плечи и голову, а фонаремъ поранилъ щеки и носъ. И кричитъ попъ:

«Давайте скорѣй платки обвязать голову: кровь идетъ!» И завязали попу голову и глаза и привели домой, легъ попъ и стонетъ. А собаку выволокли въ канаву.

И попъ понесъ большой убытокъ, потому что какъ узнали люди, что попъ на сухаряхъ закололъ собаку, то перестали покупать сухари: «собачьей кровью сухари погадилъ». И когда пришла весна, то попъ велѣлъ работникамъ выбросить сухари въ рѣку, гдѣ плавали гуси и утки — они ихъ и поклевали, а тѣ, которые вода выносила на берегъ, подбирали свиньи и собаки.

И далеко пронесся слухъ о поповой побѣдѣ надъ собакой. И многіе люди задумались надъ тѣмъ, что людскіе труды и жертвоприношенія, которыя люди съ трудомъ, въ потѣ лица, добывали и приносили за упокой своихъ родителей и были вполнѣ увѣрены, что эти приношенія и жертвы приняты Богомъ, по водѣ плаваютъ и ихъ гуси, и утки, и свиньи, и собаки волочатъ. И многіе люди подняли голосъ: «Не давать попамъ ничего! потому что у нихъ пропадаетъ даромъ. Наши дѣти съѣли бъ то, что мы попу несемъ, а у попа свиньи да собаки — и тѣ не хотятъ ѣсть. Обманъ одинъ—и больше ничего».

VIII. Становой и дѣвка.

Въ нашемъ селѣ, въ лѣсу, жилъ старый полякъ, у котораго было 5 человѣкъ дѣтей. Старшій сынъ, Степанъ, караулилъ лѣсъ, а самъ онъ ходилъ по-міру, просилъ хлѣба для трехъ меньшихъ дѣтей. И стали на нихъ пустые люди нападать; и когда становой пріѣхалъ въ волость по своимъ дѣламъ, Степанъ вмѣстѣ съ сестрой своей, Людвигой, пришелъ къ нему съ жалобой. Становой выслушалъ и велѣлъ Степану итти домой, а дѣвкѣ говоритъ: «А ты иди на кухню, сбожди тамъ, твоя просьба будетъ исполнена». И не исполнилъ становой просьбы этой дѣвки, а исполнилъ свою похоть: изнасиловалъ дѣвку. То была одна жалоба, а то стало двѣ: Степанъ съ Людвигой подали исправнику жалобу на становаго. Дѣло разслѣдовали, и лишили становаго должности за то, что согрѣшилъ въ канцеляріи, въ присутствіи, тамъ, гдѣ царскій портретъ висѣлъ.

IX. Понамарь и хохлацкое наказаніе за прелюбодѣяніе.

Въ селѣ Бабинцахъ понамарь ходилъ къ хохлацкой женѣ. Хохлы словили его; сошлось все общество, обсудили дѣло, запутали его ногой въ желѣзное путо и привязали къ столбу на проѣзжей дорогѣ. И люди идутъ жать, косить, снопы вязать, и всякій проѣзжій и прохожій любуется и поздравляетъ понамаря съ пятницей, а малые ребята собрались со всего села и сидѣли около понамаря цѣлый день. Къ вечеру понамаря отвязали и пустили съ такимъ уговоромъ «со всякаго хозяина слѣдуетъ 15 копеекъ понамарю за то, что онъ по души звонитъ, какъ кто умретъ, — такъ эти деньги пропали, будетъ понамарь до новаго года даромъ по мертвымъ душамъ звонить. А если въ другой разъ поймаемъ, то ужъ на три дня и три ночи привяжемъ къ столбу, и три года будешь даромъ по мертвымъ душамъ звонить».

А если хохлы хохла поймаютъ у чужой жены, то откладываютъ наказаніе до зеленыхъ святокъ или до Рождества. Сходится все общество, отъ стараго до малаго, и сотскому общество даетъ пол-

ное право продѣлать все надъ виноватымъ по хохлацкой дисциплинѣ. Виновныхъ приводятъ въ общественный домъ и запрягаютъ виноватаго въ сани, какъ лошадь, а бабу сажаютъ въ сани и даютъ ей въ руки вожжи и кнутъ, чтобъ погоняла своего любовника. А впереди идетъ музыка, скрипка и бубенъ, и играютъ мотивъ, подходящій къ преступленію; за музыкой ѣдетъ баба съ своимъ любовникомъ и кнутомъ размахиваетъ, но бить не дозволяется, а сзади за санями идетъ сотскій и несетъ въ рукахъ розгу, а за нимъ толпа народу. Родственники прелюбодѣевъ должны итти поближе къ санямъ, какъ за покойникомъ. Это шествіе направляется по главной улицѣ села, а потомъ и по малымъ улицамъ; и на трехъ улицахъ сотскій на каждой наказываетъ прелюбодѣя пятью ударами розогъ. А бабу не бьютъ, только сотскій все время приказываетъ ей размахивать кнутомъ надъ своимъ любовникомъ. И, наконецъ, останавливаются около кабака, и баба слѣзаетъ съ саней и выпрягаетъ своего любовника и слегка ударяетъ его разъ кнутомъ по плечамъ и плюетъ ему въ глаза, и его отпускаютъ на свободу.

И отецъ этого понамаря-прелюбодѣя просилъ общество, чтобы подержали его сына: «я его самъ накажу». И нашлись охотники, растянули и держали его, и отецъ отъ горя дрожалъ всѣмъ тѣломъ и махалъ розгою изо всей силы и такъ жестоко билъ своего сына, что многимъ стало жалко.

X. Поросенокъ и Пасха.

Въ великій постъ у Андрея Рыбака опоросилася свинья, и кто-то передъ Пасхой укралъ у него двухъ поросятъ. И началъ Андрей думать, что тутъ дѣлать? И рѣшилъ молчать и никому объ этомъ не говорить, а въ субботу передъ Пасхой закололъ себѣ такого же поросенка на посвященіе, начинилъ его, изжарилъ, потомъ взялъ палочку и смѣрилъ своего поросенка. Потомъ взялъ другія яства: яйца, перецъ и хрѣнъ, положилъ поросенку въ зубы, приготовилъ для разговѣнія полныя ночвы [1]) печенаго и жаренаго и понесъ въ церковь святить.

Приходитъ Андрей въ церковь, а люди уже свои пасхи поприносили: «Добрый день! съ святками!»—«Будьте здоровы!»—«Христосъ воскресъ!»—«Христосъ воскресъ!»—«Христосъ воскресъ!»

И слышится любовный отвѣтъ: «Дай, Боже, здоровья вамъ! Будьте и вы здоровы! воистину воскресъ! воистину воскресъ! воистину воскресъ!»

Поставилъ Андрей ночвы, перекрестился и поклонился на три стороны; вынулъ изъ почвы палочку, пошелъ среди людей и сталъ мѣрить поросятъ. А люди въ недоумѣніи: что такое Андрей дѣлаетъ? А въ церкви справляется просвѣщеніе Христово, слышатся радостные голоса: «Просвѣтимся, людіе! пасха, Господня пасха! пасха святая, пасха непорочная, пасха вѣрныхъ, пасха, двери райскія намъ отверзающая!» А люди — кто беретъ просвирки, кто свѣчки, приготовляются разговляться. И всѣ колокола звонятъ по особому порядку, идетъ праздничное торжество.

А Андрей, мѣрилъ поросятъ, и одинъ поросенокъ пришелся какъ разъ по мѣркѣ. Ухватилъ его Андрей за ногу и понесъ въ свои ночвы и говоритъ: «Слава Богу! нашелъ одного поросенка!

[1]) Неглубокія корытца.

Богъ дастъ и другого найду». А хозяинъ поросенка, Зиновей Задворный, чувствуетъ себя непорочнымъ, и сердце у него наполнено Христовымъ благозвучіемъ, не можетъ онъ въ эту минуту разсердиться, стоитъ и оглядывается туда и сюда. И вдругъ все благозвучіе сразу пропало у Зиновея, и онъ, какъ звѣрь, бросается на Андрея. Андрей поросенка къ себѣ тянетъ, а Зиновей — къ себѣ. Разорвали поросенка на куски и начали драться. И сейчасъ же драка начала разрастаться: Андреевы родственники вступаются за Андрея, а Зиновеевы — за Зиновея, и начали топтаться по пасхамъ. И никто не знаетъ, изъ-за чего драка. Поросята и пасхи потоптали, а иные и драться успѣваютъ и забираютъ у себя подъ ногами чужія пасхи, поросятъ и колбасы, кладутъ въ свои ночвы и утекаютъ домой. А хрѣнъ ужъ никто и не беретъ: подъ ногами весь валяется.

Услыхали попъ и дьячекъ драку и крикъ народа, выбѣжали изъ церкви: «Что такое? что такое?» Имъ разсказали. А попъ и дьячекъ захотѣли устроить по закону: взяли у Андрея палочку и начали мѣрять поросятъ и намѣряли 15 поросятъ величиною съ Андрееву палочку. И остался Андрей въ убыткѣ, да еще и виноватымъ: двухъ поросятъ въ постъ украли, а третьяго, котораго принесъ святить, народъ ногами потопталъ. И Андрей сложилъ на груди руки и стоитъ, какъ пришибленный. А люди стали спорить между собою, этотъ къ этому заглядываетъ въ ночвы, а этотъ къ этому: «Это моя колбаса!» — «А это моя!» — «Это моя пасха!»— «Это мое яйцо!»

А попъ видитъ, что быть бѣдѣ, махаетъ и моргаетъ дьяку: «Пой!» И дьякъ началъ пѣть, а попъ ходитъ да кропиломъ махаетъ. Люди дерутся, а дьякъ распѣваетъ: «Пасха! другъ друга обымемъ!» А попъ: «Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!» И разошлись по домамъ. А Андрей пошелъ домой безъ ничего, идетъ и плачетъ, какъ и подобаетъ христіанину итти изъ церкви домой.

Такъ что разомъ послужили и Богу и дьяволу: отъ Христа какъ будто получили красныя яйца, а отъ дьявола красные лбы: у многихъ людей изо лба и изъ носа шла кровь.

Вотъ что наши праздники и обычаи производятъ между народомъ. По хохлацкой поговоркѣ, Богъ даетъ праздникъ, а чортъ— работу. А почему же это такъ? Потому что народъ темный, одуренный, сбитый съ толку. Онъ работаетъ, трудится, пашетъ, сѣетъ, жнетъ, молотитъ, лучшее продаетъ жидамъ, и деньги отдаетъ за подати, а остальное смолотитъ себѣ и испечетъ по обычаю пасху, изжаритъ поросенка и накладетъ яицъ, сыра и масла полныя ночвы. И сидѣлъ бы себѣ дома, съ женой и дѣтьми и ѣлъ бы, а не носилъ бы никуда, чтобъ тебѣ ихъ не пораскидали и волосы на головѣ не оборвали, да лобъ и носъ не побили бы. Цѣлую недѣлю спокойно ѣлъ бы дома съ женой и дѣтьми, и все было бы цѣло, и деньги были бъ цѣлы.

Іисусъ Христосъ не училъ, чтобъ мы къ праздникамъ прибирались, чтобъ было у насъ что ѣсть, пить и гулять; онъ, напротивъ, училъ воздерживаться отъ пьянства, ругательства, воровства, прелюбодѣйства, убійства. А лже-христы научили народъ ради своего чрева эти праздники справлять, — не христіанскіе, а фарисейскіе, тѣхъ фарисеевъ, которые Христа распяли. Христосъ не училъ, чтобы его ученіе красиво, стройно и громогласно, протяжнымъ голосомъ распѣвали темному народу, а Христосъ училъ, чтобъ на дѣлѣ исполняли его ученіе объ истинной любви. Гдѣ же теперь тем-

ному, бѣдному человѣку брать примѣръ доброй, честной и богоугодной жизни? Съ ученыхъ, образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, какъ попы и правительство? Но образованные устроили еще хуже темнаго народа. Темный народъ на Свѣтлое Христово Воскресенье только побился и поругался да потопталъ освященныхъ поросятъ, и то не живыхъ, а жареныхъ, а изъ живыхъ людей, слава Богу, ни малаго ребенка не задавили, а образованные какъ стали справлять свое празднество на коронаціи, 15-го мая 1896 года, то такъ устроили, что тамъ уже не поросятъ, а прямо людей подушили за полфунта колбасы и еще чего-то. Я читалъ въ газетѣ «Недѣля», что задавили людей 1282 человѣка. Вотъ ты и подумай...

XI. Попъ, вдова и курица.

Въ селѣ Чапыжинцахъ стали дохнуть куры. Пріѣхалъ туда попъ ходить по дворамъ съ молитвой; и пришелъ въ домъ ко вдовѣ, у которой было 5 человѣкъ дѣтей. И была у нея въ хатѣ одна курочка. Вдова накрыла столъ, положила на столъ хлѣбъ и 5 копеекъ денегъ. Прочиталъ попъ молитву, поздравилъ вдову съ постомъ, взялъ 5 копеекъ, а сторожъ взялъ хлѣбъ въ мѣшокъ; и сталъ попъ просить курицу и яицъ. Вдова отвѣчаетъ: «Батюшка! куръ у насъ теперь нѣтъ, Богъ наслалъ какую-то болѣзнь на куръ, всѣ издохли, вотъ только одна курочка осталась. Коли не вѣрите мнѣ, вѣрьте Богу, я вамъ правду сказала. Ее дѣти пріучили въ хатѣ, имъ только и потѣхи, что эта курочка».

Попъ: «Смотри! ты забыла, что Богъ не человѣкъ? Богъ зналъ напередъ, что я буду ходить съ молитвой, вотъ онъ для меня одну и оставилъ».

Ошеломилъ попъ вдову этими словами. Скривила она губы, поймала курочку, дала попу и поцѣловала у него руку. Попъ пошелъ изъ избы, а дѣти плачутъ: «Мама, на что ты отдала попу курочку? у насъ теперь не будетъ курочки!»...

XII. Поповы именины.

Въ селѣ Скибенцахъ попъ справлялъ именины, и понаѣхали къ нему гости, попы да урядники — все народъ образованный. И урядникъ Константинъ Крыжановскій призвалъ старосту и сотскаго и много съ угрозами выговаривалъ имъ за общественные безпорядки и пригрозилъ, что если не исполнятъ, то будутъ строго отвѣчать за ослушаніе.

И начали попы съ музыкой ѣсть, пить и гулять. Наѣлись, напились и поѣхали въ господскій садъ гулять (а барина не было). Пьютъ, ѣдятъ, танцуютъ, музыка играетъ. А недалеко отъ саду протекала рѣчка, стояли двѣ мельницы, и вода была глубокая. И вотъ садятся попы и попадьи, и урядники въ лодку и поплыли. И два попа заспорили между собой: одинъ попъ лучше умѣлъ грести и его сторона лодки шла впередъ; кружится лодка въ одну сторону; тотъ попъ, который хуже гребъ, старается сильнѣй грести, а тотъ, который лучше, еще сильнѣй. И завели попы на водѣ шутки и смѣхъ, и одинъ попъ говоритъ другому: «А ну, иди на мое мѣсто, а я пойду на твое». Одинъ попъ перешелъ, а тотъ, который хотѣлъ на его мѣсто, оступился и сѣлъ прямо въ воду и пошелъ ко дну,

но сейчасъ же выплылъ и ухватился за лодку и опрокинулъ всѣхъ въ воду.

А у мельницы стояло много народу, и сейчасъ же бросились вытаскивать изъ воды поповъ и попадей, а урядники сами выплыли на берегъ. Поповъ вытаскивали на островъ въ траву. Двѣ попадьи уже не дышали: ихъ положили на фаэтонъ и шибко погнали лошадей, чтобы больше трясло, и онѣ ожили.

Всѣхъ въ лодкѣ было 16 душъ; одинъ попъ, тотъ самый, который хорошо умѣлъ грести, утонулъ. Его нашли уже на другой день и тутъ же повезли хоронить (а если мужикъ утонетъ, то лежитъ около воды 5, 6 и 7 дней, пока не будетъ слѣдствія).

А затѣмъ староста и сотскій подошли къ уряднику и говорятъ: «Господинъ урядникъ! вы насъ ругали за безпорядки — а сами хорошій порядокъ устроили! Нѣтъ, ужъ избави насъ Богъ отъ такихъ порядковъ!»

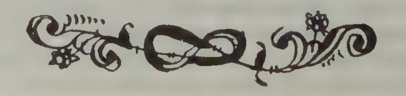
Урядникъ промолчалъ, ничего не отвѣтилъ.

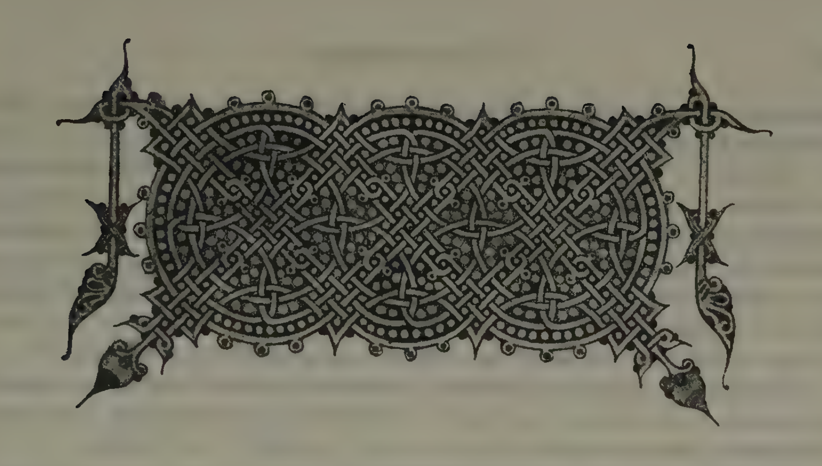
XIII. Попъ, мертвецъ и собака.

Село Татариновка и село Злодѣевка — одинъ приходъ. Пріѣхалъ разъ татариновскій попъ въ Злодѣевку хоронить мертвеца и тамъ заночевалъ. Рано утромъ всталъ хозяинъ, пришли сосѣди, а попъ еще спитъ и что-то сквозь сонъ бормочетъ. Хозяинъ съ людьми стали молиться Богу. Проснулся попъ, увидалъ, что не дома, вспомнилъ, что онъ ночевалъ, встаетъ, смотритъ — хозяинъ съ людьми Богу молится. Беретъ попъ хозяина за руку и говоритъ: «Кончай молиться, бейся уже въ грудь, да принеси мнѣ водки, я выпью и поѣду скорѣй, мнѣ еще вчера нужно было домой ѣхать. А сейчасъ я пойду на дворъ «довѣтру».

И вдругъ слышатъ люди: попъ кричитъ на дворѣ не своимъ голосомъ. Что такое? Испугались, выбѣжали на дворъ. А у хозяина была большая собака на привязи, которая никогда попа не видала. Она ухватила попа за рясу, обѣжала кругомъ попа и обмотала его веревкою за ноги. Попъ кричитъ, а собака ужъ и сама перепугалась, — хочетъ бѣжать отъ попа, да все бѣгаетъ кругомъ него и веревкой поповы ноги обматываетъ. И вотъ уже голова собаки очутилась около поповыхъ ногъ, и попъ упалъ. Попъ кричитъ, а собака душится, уже пѣну пускаетъ. Собачья голова около поповыхъ ногъ, а попова голова около собачьихъ ногъ, около самаго хвоста, и оба кругомъ катаются: то попъ сверху, то собака сверху. И собака совсѣмъ было задушилась, а попъ остался живъ, но сильно перепугался, и изъ бороды, и изъ носа кровь течетъ — собака поцарапала задними ногами. А въ ушахъ у попа и у собаки солома и конскій навозъ. И хозяинъ мигомъ взялъ ножъ, разрѣзалъ веревку и размоталъ попу ноги. Положили попа на телѣгу и повезли домой, а собака немного полежала и встала. Тѣмъ и кончилось погребеніе, и попу такъ и не удалось выпить водки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1794 годъ.

Владислава Реймонта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОСЛѢДНІЙ СЕЙМЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

Историческая повѣсть, переводъ, единственный разрѣшенный авторомъ, *Евг. Загорскаго.*

ГЛАВА I.

Наступилъ тихій и душный вечеръ, когда изъ Ботаническаго сада надъ Городницей взвилась ракета, разсѣкая тьму огненной стрѣлой.

По данному сигналу всѣ деревья и заросли расцвѣли и загорѣлись разнообразными огнями. Надъ колоннадой дворца, стоявшаго на возвышеніи, засіяли инициалы Сиверса, окруженные дубовыми вѣнками, переплетенными лентами цвѣтовъ его герба. А въ громадныхъ окнахъ засвѣтились краснымъ пламенемъ алебастровыя урны, оплетенныя плющемъ.

Вдругъ открылись широкія двери, волна свѣта хлынула на террасу, украшенную изящными богинями, амурами и мраморными вазами, и твердыми, тяжелыми шагами вошло двѣнадцать человѣкъ въ красныхъ курткахъ, обшитыхъ золотыми галунами. Они несли зажженные факелы и встали въ рядъ на нижней ступенькѣ широкой каменной лѣстницы.

Вскорѣ появился панъ Пуласкій, въ сопровожденіи многочисленнаго нарядно одѣтаго общества. Служители поспѣшно выносили за ними кресла и скамьи, но всѣ подошли къ баллюстрадѣ, обвѣшенной

вѣнками цвѣтовъ и внимательно смотрѣли на пустую дорогу, бѣжавшую въ сторону города.

Затихли шопоты и смѣхъ, и только панъ Пуласкій постоянно вертѣлся, оправлялъ поясъ, отбрасывалъ бѣлые рукава контуша, давалъ какія-то приказанія служителямъ и музыкантамъ, собравшимся въ тѣни колоннады, и все нетерпѣливѣе поглядывалъ на дорогу и освѣщенный паркъ, то и дѣло обращаясь съ сгорбленному старику, ходившему за нимъ какъ тѣнь.

— Панъ Боровскій, какъ бы не случилось чего дурного?

Боровскій низко кланялся, касаясь краями контуша земли, безпомощно разводилъ руками и молчалъ, не отступая отъ пана Пуласкаго ни на шагъ.

Друзья стали его шутя утѣшать.

— Можетъ-быть, онъ еще отдыхаетъ послѣ ужина у пани кастеланши.

— А можетъ-быть, случилось поѣхать къ королю.

— Честное слово, его должна была задержать срочная эстафета.

— Такое опозданіе еще не преступленіе.

Нѣсколько высшихъ сановниковъ, стоя въ сторонѣ, посмѣивались исподтишка надъ паномъ Пуласкимъ.

— Очевидно, небрежное отношеніе къ нему.

— Не умретъ, если еще подождетъ.

— И такъ ему еще будетъ слишкомъ много чести.

— Я думаю, что его генеральское величіе привыкло и къ еще худшимъ неожиданностямъ, — замѣтилъ, сладко улыбаясь, молодой человѣкъ съ лицомъ, острымъ, какъ бритва, одѣтый въ длинный сѣрый фракъ, серебряный жилетъ и узкіе кюлоты.

Сановники какъ будто не слышали этихъ словъ. Одинъ только изъ нихъ съ очень большимъ животомъ и отвисшими подбородками пытался шутить:

— Хуже всего то, что жаркое высохнетъ какъ подошва.

— Но шампанское успѣетъ лучше охладиться.

— Попали въ самую точку, панъ Война, я едва дышу отъ жары и заявляю, что не струшу и передъ дюжиной бутылокъ.

— Животъ вашъ выдержитъ, но хватитъ ли запаса.

— Не безпокойтесь относительно запасовъ. Напитковъ сколько угодно. Я самъ видѣлъ, какъ въ Экономію ѣхали телѣги, нагруженныя доверху. Бутылочки позванивали какъ на праздникъ.

Война пригладилъ рукой завитые волосы съ проборомъ впереди, падавшіе черными локонами на синій воротникъ фрака, и, подперевъ губы золотой рукояткой трости, небрежно замѣтилъ:

— Да, я забылъ, что издержки взяли на себя сосѣднія державы. Всѣмъ будетъ вдоволь.

— Платитъ, кто долженъ, пьетъ, кто желаетъ,—отвѣтилъ толстякъ и, понижая голосъ, прошепталъ:—Боскампъ стоитъ въ двухъ шагахъ отъ насъ.

Война воскликнулъ въ томъ же шутливомъ тонѣ:

— Пусть только плыветъ бургунское, а все остальное пустяки.

— А мнѣ венгерскаго,—вмѣшался въ разговоръ какой-то господинъ съ краснымъ лицомъ, утопавшимъ въ громадномъ галстукѣ, какъ въ бѣлой ватѣ.

— Ничего нѣтъ лучше англійскаго пива, но въ бутылкахъ,—произнесли чьи-то толстыя губы, обвисшій животъ, корявыя ноги, песочный фракъ и бѣлые чулки.

— Judica me, Domine, если я когда-нибудь былъ слишкомъ привередливъ,—хвалился толстякъ.—Всѣ могутъ засвидѣтельствовать, что я всегда на посту, когда надо, и съ каждымъ врагомъ веду бой до послѣдней капли.

— Еще бы. Всѣмъ извѣстны ваши побѣды надъ Бутылкиномъ!

Толстякъ только засмѣялся и, окинувъ всѣхъ хитрыми глазами, продолжалъ съ веселой важностью:

— Не привередничай, когда пьешь, и не спрашивай, кто платитъ. У кого такой принципъ, и къ тому же хорошій аппетитъ, тотъ много можетъ совершить въ жизни,—поучалъ онъ смѣясь.

— Подгорскій безъ причины не станетъ строить шута,—шепнулъ кто-то по сосѣдству.

— Тутъ есть какой-то секретъ.

— Кованъ на всѣ четыре ноги! довѣренный Бухгольца.

— А я думаю по всему тому, что говоритъ о себѣ панъ Подгорскій, что прусскій король имѣетъ щедрую руку и можетъ утолить такой большой аппетитъ,—дерзко произнесъ Война и отошелъ къ дамамъ.

— Подожди еще, сударь!—крикнулъ ему вслѣдъ Подгорскій, услыхавъ его замѣчаніе.—Этотъ пустоплясъ предпочитаетъ вертѣться передъ дамами, чѣмъ вести съ нами солидный разговоръ. Но сердце у него золотое, — увѣрялъ онъ присутствующихъ.

— А языкъ змѣиный.

— И слишкомъ много себѣ позволяетъ въ Гроднѣ. Нѣтъ человѣка, котораго бы онъ не уязвилъ. Ничего не уважаетъ.

— О чемъ, господа, держите совѣтъ? — спросилъ Пуласкій, подходя къ нимъ.

Но вдругъ всѣ зашумѣли и кто-то громко крикнулъ:

— Панъ маршалъ! уже слышенъ стукъ экипажа!

Застучали копыта, раздался грохотъ колесъ и вскорѣ среди густыхъ деревьевъ засіяли факелы всадниковъ, скакавшихъ во весь опоръ, а за ними выкатилась великолѣпная золоченая карета, запряженная шестеркой бѣлыхъ лошадей, хвосты и гривы которыхъ были выкрашены въ красный цвѣтъ. Карета была окружена мно-

гочисленнымъ отрядомъ казаковъ въ красныхъ, развѣвавшихся кафтанахъ и въ высокихъ черныхъ шапкахъ.

Загремѣла музыка и карета, описавъ большой полукругъ, остановилась передъ террасой. Панъ Пуласкій, сойдя на послѣднюю ступеньку, униженно кланяясь, привѣтствовалъ вышедшаго изъ экипажа Сиверса и торжественно повелъ его въ домъ. Они шли, окруженные факелами среди толпы, покорно склонявшей головы и тревожно молчавшей. За ними, нахмуривъ лицо, тяжело тащился епископъ Коссаковскій и съ нимъ пани Ожаровская.

Послѣ долгаго церемоніала представленія пани кастеланша проговорила:

— Панъ маршалъ! А гдѣ же обѣщанный сюрпризъ?

— Сейчасъ будетъ.

— Ждемъ еще графиню Камелли и остальныхъ.

— Но мы сгораемъ отъ любопытства.

— Такія чудеса разсказываютъ о необыкновенныхъ приготовленіяхъ!

— Очень трудно будетъ насъ сегодня удивить, — замѣтилъ Сиверсъ, подавая съ улыбкой Пуласкому табакерку.

— Дѣйствительно, мы пережили день, которымъ должны восторгаться.

— Эти восьмидневныя именины посла надолго будутъ въ Польшѣ памятны.

— Скажите навсегда памятны.

— Хроники разскажутъ объ этомъ будущимъ поколѣніямъ.

— Жаль, что не опишетъ ихъ Венгерскій, — насмѣшливо замѣтилъ Война, но его заглушилъ хоръ похвальныхъ голосовъ.

Слова, пьяныя отъ восторга, фразы, сіяющія какъ радуги, угодливый, какъ сладкій медъ, шопотъ, заискивающіе взгляды окружали со всѣхъ сторонъ сѣдую, завитую въ изящные локоны голову посла, который со всѣми соглашался, улыбаясь все время блѣдной, какъ бы приклеенной къ узкимъ губамъ улыбкой — милостивой и снисходительной. По временамъ онъ съ удовольствіемъ прикасался выхоленными пальцами къ широкой, голубой лентѣ Св. Андрея, полученной имъ недавно за договоръ о раздѣлѣ, медленно поправлялъ брильянтовую звѣзду, нюхалъ табакъ и, обводя сонными глазами лица собравшихся, обращался отъ времени до времени съ какимъ-то холоднымъ вниманіемъ къ Коссаковскому.

Епископъ отвѣчалъ, принуждая себя улыбаться, но взглядъ его становился все мрачнѣе, онъ нетерпѣливо подергивалъ свою мантію съ красной подкладкой и, наконецъ, рѣзко обратился къ маршалу:

— Значитъ, мы ждемъ только графиню Камелли.

— И прусскаго посла.

— Епископъ не любитъ нашей восхитительной Эвридики, — шепнулъ Сиверсъ, задѣтый его пренебрежительнымъ тономъ.

Коссаковскій сталъ галантно и восторженно хвалить голосъ и прелести графини, и примиренный этимъ посолъ взялъ его дружески подъ руку и отвелъ въ сторону, не обращая вниманія на громкій стукъ приближавшихся экипажей, которые, наконецъ, выкатились изъ чащи деревьевъ и неслись по дорогѣ среди кроваваго зарева факеловъ, звона колокольчиковъ, топота скакавшихъ лошадей, криковъ и хлопанья бичей.

Какъ буря налетѣли экипажи, кабріолеты, кареты и длинные причудливые визави, толпа веселыхъ дамъ и мужчинъ бросилась по ступенькамъ и заняла всю террасу.

Сразу всѣ стали разсказывать, стараясь перекричать другъ друга и разражаясь смѣхомъ. Графиня Камелли вмѣстѣ съ извѣстной красавицей княжной Четвертинской, дочь барона Кейкинга и камергерша Рудская окружали пани Ожаровскую, разсказывая о какомъ-то необыкновенно смѣшномъ случаѣ.

— И затѣмъ разбилъ гитару объ голову лакея, — смѣясь выкрикивала графиня, — а мы назло этому дикарю пѣли не переставая. Я думала, что онъ въ бѣшенствѣ начнетъ насъ бить, и если бы не камергерша, кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось. Онъ уже скрежеталъ зубами! — выкрикивала она, подчеркивая каждое слово, смѣясь и оживленно жестикулируя.

— Графиня, твой голосъ сокровище всего человѣчества, надо его беречь, — по-отцовски журилъ ее Сиверсъ, покрывая краснымъ шарфомъ ея обнаженную грудь. — Кто же былъ этотъ дикарь?

— Князь Циціановъ, нашъ благородный рыцарь и защитникъ,— представляла дочь барона, иронически дѣлая реверансъ передъ низкимъ длинноносымъ господиномъ неопредѣленнаго возраста съ косыми глазами.

— Который къ тому же не умѣетъ править лошадьми, — смѣялась княжна.

— Совсѣмъ несправедливые упреки, — шепнула камергерша.

— Что же мнѣ было дѣлать, если лошади боялись звуковъ гитары и то и дѣло бросались нести. Могли насъ всѣхъ убить. А дамы на всѣ мои просьбы отвѣчали только смѣхомъ, — оправдывался онъ сердито.

— И вы намѣревались насъ убить! Говорите правду! — настаивала графиня, заглядывая въ его мутные, словно вареные глаза.

— Я бы васъ, сударыня, предпочелъ живьемъ съѣсть, — проворчалъ тотъ, окидывая сладострастнымъ взглядомъ ея бюстъ, едва прикрытый красной матеріей.

— И меня тоже,—допрашивала дочь барона.

— Князь—не Иродъ и не избиваетъ невинныхъ младенцевъ,— весело защищалъ его Сиверсъ и вдругъ неожиданно повернулся, шепнулъ что-то графинѣ и отошелъ съ ней къ боковому входу на террасу, какъ бы намѣренно избѣгая Бухгольца, который въ это

время приближался къ нему, окидываемый ненавистными взглядами окружающихъ. Прусскій посолъ остановился, безпомощно оглядываясь вокругъ, тотчасъ же рядомъ съ нимъ очутились Подгорскій, маршалъ и еще нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ и съ большимъ почетомъ свели его по ступенямъ террасы внизъ, такъ какъ музыка играла уже полонезъ, и общество направилось въ паркъ.

Цѣлый лѣсъ кровавыхъ факеловъ освѣщалъ имъ дорогу.

Война шелъ одиноко, присматриваясь исподлобья къ одному юношѣ, который уже нѣкоторое время вертѣлся около него. Вдругъ они оба остановились, заглянули другъ другу въ глаза, и Война воскликнулъ съ иронической нѣжностью:

— Неужели въ самомъ дѣлѣ глаза мои могутъ вновь лицезрѣть поручика Севера Зарембу.

— Казиміръ Война! — воскликнулъ тотъ удивленно, бросаясь въ объятія. — Смерти скорѣе ждалъ, чѣмъ встрѣтить здѣсь тебя.

— Медвѣдь! пожалѣй, по крайней мѣрѣ, мою прическу.

— Такая встрѣча! Едва вѣрю своимъ глазамъ.

— Ну, такъ достаточно убѣдился на моихъ ребрахъ, — смѣялся Война, растирая бока.

— Мнѣ въ голову не приходило, что я могу тебя встрѣтить въ Гроднѣ.

— Человѣче, а гдѣ же еще я могъ быть?

— Я думалъ, что ты веселишься въ Варшавѣ или у себя въ деревнѣ.

Война меланхолически свистнулъ.

— Еще весной я проигралъ Міоничинскому послѣднюю живую душу въ Затворахъ. Все пошло къ чорту cum assistentia militari, какъ писалъ мой патронъ. А въ Варшавѣ мнѣ нечего было сидѣть, тамъ уже пахнетъ мертвецомъ, остались только старые ханжи около епископа, плаксивые довѣрители Теппера и городская сволочь. Говорю тебѣ—пустыня! Золотую монету тамъ такъ же трудно найти, какъ въ Гроднѣ женскую добродѣтель. Развѣ если искать у Игельстрома, но и тотъ уже послѣ выборовъ не такъ щедръ. Вообрази себѣ, въ концѣ-концовъ, у Яшовича мнѣ не хотѣли кредитовать ни одной бутылки! O tempora, o mores! какъ жалуется нашъ добрый Стась, когда ему Сиверсъ не даетъ аванса. Поэтому я оставилъ неблагодарный городъ и теперь вотъ провожу время въ этомъ гродненскомъ раю.

— Мнѣ говорили, что ты теперь совѣтникъ генералитета.

— Не люблю получать милостыню и обивать пороги. Къ тому же, — голосъ его сталъ печаленъ, — развѣ я могу издѣваться надъ родной матерью? Живу я попрежнему и какъ всегда обожаю женщинъ, вино и золото. Именно сегодня я далъ себѣ слово хорошо поѣсть въ честь опекуна и, если удастся, выиграть въ фараонъ горсть золота.

— Такъ это праздникъ въ честь Сиверса?

— Ты спрашиваешь, точно свалился съ седьмого неба.

— Я только сегодня утромъ пріѣхалъ, весь день спалъ, а вечеромъ меня захватилъ съ собой старый товарищъ, привезъ сюда, самъ куда-то запропастился, я встрѣтилъ тебя, и больше ничего не знаю.

— Если такъ, то заруби себѣ на носу: сегодня восьмой день именинъ Сиверса. Въ честь его и по случаю счастливаго заключенія союзнаго трактата, какъ объ этомъ громко говорится, мы будемъ сегодня пировать до утра. Запомни хорошенько этотъ четвергъ перваго августа тысяча семьсотъ девяносто третьяго года.

— А кто же это такъ щедро взялъ на себя издержки на этотъ праздникъ?

— Пуласкій, вице-президентъ Торговицы и волынскій посолъ. Но не безпокойся, шляхтичъ не нарвется, вернетъ всѣ расходы съ хорошимъ процентомъ изъ посольскихъ кармановъ. Сановники генералитета всегда очень щедры, но на чужой счетъ.

— Я, однако, радъ, что увижу здѣсь членовъ конфедераціи.

— Да, но самаго главнаго trifolium уже не увидишь. Говорятъ, что изъ дома, который долженъ обрушиться, прежде всего улетаютъ птицы. Можетъ-быть, поэтому Щенсны Потоцкій гоститъ въ Гамбургѣ, Браницкій въ Петербургѣ украшаетъ переднія Зубовыхъ, а Ржевускій сидитъ въ деревнѣ, учитъ корчмарей искусству спаивать крестьянъ и пишетъ ученые трактаты для своихъ экономовъ, какъ сдирать шкуру съ крѣпостныхъ. Иногда онъ появляется въ Гроднѣ, когда ему пригрозятъ военной экзекуціей, поругаетъ сколько слѣдуетъ пруссаковъ и короля, покричитъ о томъ, что исчезла свобода, и, умилостививъ Сиверса, исчезаетъ. Но мелкоты торговицкой здѣсь сколько угодно. Увидишь, жужжатъ надъ посольскимъ медомъ, какъ пчелы. Это въ наше время самая многочисленная партія.

— Еще не перевелись честные люди въ Рѣчи Посполитой! — воскликнулъ Заремба такъ горячо, что Война внимательно поглядѣлъ на него и шепнулъ:

— Смотри, не скажи чего-нибудь слишкомъ откровенно при людяхъ. Здѣсь стѣны имѣютъ уши, въ особенности опекунъ и наша союзница неприкосновенны. Всякое слово донесутъ немедленно. Можетъ-быть, только я одинъ имѣю привилегію говорить что угодно, потому что меня считаютъ пьяницей и кутилой, но много неосторожныхъ уже исчезло безъ слѣда.

— Ты говоришь невѣроятныя вещи! А гдѣ же свобода, гдѣ основныя права?

— Пока что право подъ залогомъ у Сиверса. Идемъ скорѣе, чтобы тамъ не заняли лучшихъ мѣстъ.

Они догнали все общество, собравшееся на берегу Городничанки и пришедшее въ восторгъ отъ неожиданнаго зрѣлища.

Надъ дикимъ поросшимъ кустами оврагомъ, на днѣ котораго бурлила рѣчка, возвышался турецкій шатеръ съ куполами, выкрашенный въ желтыя и зеленыя полосы и драпированный красной китайкой, а въ немъ громадный столъ сгибался подъ тяжестью хрусталя, серебра, фарфора и лампъ, горѣвшихъ въ алебастровыхъ вазахъ. Рядомъ съ шатромъ, вдоль волнообразнаго берега, среди искусственно насаженныхъ кустовъ стояли выпуклыя китайскія пагоды съ загнутыми крышами изъ зеленой соломы, поддерживаемыми золочеными драконами, оплетенными гирляндами цвѣтовъ. Каждый такой павильонъ былъ приготовленъ на десять персонъ и сіялъ серебромъ, канделабрами изъ золоченой бронзы, фарфоромъ и прочими аугсбургскими издѣліями, украшавшими столы.

— Да, видъ совсѣмъ необычайный!—хвалилъ Сиверсъ, и вслѣдъ за нимъ всѣ наперебой расхваливали счастливую идею маршала.

Пуласкій, довольный тѣмъ, что всѣмъ угодилъ, то и дѣло отбрасывалъ назадъ бѣлые рукава контуша и широкимъ жестомъ руки приглашалъ всѣхъ къ столамъ, самъ усаживая дамъ и болѣе вліятельныхъ гостей.

На первомъ мѣстѣ въ шатрѣ онъ посадилъ Сиверса, а вокругъ заняли мѣста послы сосѣднихъ государствъ, важныя дамы, епископы, министры Рѣчи Посполитой и наиболѣе видные послы сейма. Остальные гости заняли пагоды, группируясь по личнымъ симпатіямъ, знакомствамъ и дружбѣ.

Война повелъ Зарембу къ своимъ знакомымъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ, чтобы свободно поговорить, но Заремба не избѣжалъ навязчивыхъ женскихъ взглядовъ и улыбокъ.

— Предсказываю тебѣ большой успѣхъ у женщинъ, — шепнулъ Война, съ наслажденіемъ окидывая его смѣлую мужественную фигуру.

— Мнѣ это столь же важно, какъ прошлогодній снѣгъ.

Однако онъ покраснѣлъ.

— Значитъ, прекрасная Иза еще не забыта?

Северъ страдальчески сдвинулъ брови, точно его ударили въ самое сердце.

— Прекрасная камергерша, — продолжалъ Война, — сидитъ въ шатрѣ между англійскимъ посломъ и Мошинскимъ. Ты не замѣтилъ?

— Не интересуюсь этимъ, — отвѣтилъ тотъ, зажавъ губы.

— Это мой искренній другъ, сударыня, — представлялъ его Война женѣ подкоморія, великолѣпной дамѣ, занявшей мѣсто около нихъ.

Маленькій негритенокъ, похожій на черную обезьяну, всталъ за ея спиной, держа въ рукахъ шаль и другія мелочи туалета.

Жена подкоморія помахивала вѣеромъ, внимательно разсматривая Севера глазами знатока. Дама была уже пожилая, но еще очень красивая, цвѣтущая и до того основательно обнаженная, что Заремба не зналъ куда дѣть глаза.

— Вдова, нѣсколько тысячъ душъ въ русскихъ провинціяхъ, всю жизнь имѣетъ романы и очень щедра для своихъ друзей,— шопотомъ сообщилъ Война, забавляясь его сконфуженнымъ видомъ.

— Подержите-ка, сударь!

Голосъ ея былъ низкій, прекрасный, по-французски она говорила съ бердичевскимъ акцентомъ.

Онъ робко взялъ аппаратъ, производившій вѣтеръ, весь изъ кружевъ, шитый золотомъ; затѣмъ она бросила ему бѣлыя перчатки, раскрашенныя миніатюрными миѳологическими сценами очень свободнаго содержанія и, взявъ изъ рукъ негритенка агатовый флаконъ, серебряное зеркальце и украшенную дорогими каменьями коробочку съ пудрой, напудрила лицо, надушилась и тихо произнесла:

— Я не встрѣчала васъ нигдѣ на собраніяхъ.

— Я только сегодня пріѣхалъ, — отвѣчалъ тотъ, удивленный ея туалетнымъ церемоніаломъ и безцеремонностью обращенія.

Она улыбнулась, блеснувъ двумя рядами безупречно бѣлыхъ зубовъ и впиваясь въ него взглядомъ сильно подведенныхъ глазъ.

— Вы изъ-подъ какого знамени?

Онъ удивился ея проницательности, но медлилъ съ отвѣтомъ.

— Я узнаю воина, въ какомъ бы онъ ни былъ одѣяніи, и никогда не ошибаюсь. Каковъ родъ вашей службы?—настаивала она.

Онъ пытался отдѣлаться шутками, а Война снова шепнулъ ему:

— Предупреждаю тебя, что эти обширныя помѣстья, которыя могутъ доставить столько удовольствій, со всѣми лѣсами, полями и границами находятся уже во временной арендѣ.

И весело разсмѣялся.

Жена подкоморія сдвинула соболиныя брови, подозрительно прислушиваясь и подставляя уши, обремененныя большими алмазами. Но, къ счастью, шопотъ былъ заглушенъ взрывомъ голосовъ, такъ какъ появился панъ Боровскій, а за нимъ цѣлый отрядъ бѣлыхъ поваренковъ несъ тяжелыя серебряныя блюда, круглыя вазы, котлы и сковороды, дымившіеся благовоннымъ паромъ. Другой отрядъ въ зеленыхъ охотничьихъ костюмахъ несъ вина въ бутылкахъ, кувшинахъ и сосудахъ, покрытыхъ плѣсенью и мохомъ и украшенныхъ печатями съ черными крестами. Третій отрядъ въ красныхъ фракахъ, бѣлыхъ чулкахъ и парикахъ несъ золотистыя вазы съ ликерами, настойками и вкусными закусками, а за нимъ появились громадные гайдуки и заняли мѣста за креслами сидѣвшихъ гостей, держа на рукахъ полотенцы. Панъ Боровскій, какъ опытный вождь, далъ молчаливый знакъ, и начался пиръ.

Музыка тихими тонами доносилась откуда-то издали вмѣстѣ съ запахомъ сѣна и вянувшихъ цвѣтовъ.

Вечеръ былъ очень темный и душный, какъ будто приближалась гроза. На небѣ нависли тяжелыя оловянныя тучи и на запа-

дѣ мелькали короткія блѣдныя молніи. Со стороны Лососны доносилось пѣніе пѣтуховъ, и отъ времени до времени глухой далекій громъ потрясалъ воздухъ. Иногда срывалось сухое, горячее дуновеніе вѣтра, и тогда шумѣли вѣтви деревьевъ и меркли огни иллюминаціи.

На фонѣ этой темной безпокойной ночи освѣщенный турецкій шатеръ казался какимъ-то храмомъ, гдѣ происходила таинственная мистерія. Горѣвшія вазы и хрусталь разсѣивали вокругъ радужную пыль, и люди и вещи начинали принимать призрачныя очертанія. Все казалось какимъ-то необъяснимымъ, чудеснымъ привидѣніемъ. Взгляды блестѣли, какъ молніи, лица и обнаженныя плечи женщинъ, казалось, были изъ жемчуга и бирюзы, краски костюмовъ стали менѣе ярки, слились съ темною массою рубиновъ, изумрудовъ и золота, и какъ бы подернулись серебристымъ кружевомъ. Даже бѣлизна скатерти принимала цвѣтъ мыльныхъ пузырей, а фарфоровыя фигуры, стоявшія на столѣ, какъ бы таинственно двигались въ этомъ волшебномъ освѣщеніи, какъ хороводъ пляшущихъ музъ.

Сиверсъ, сидя въ креслѣ, золоченомъ, какъ тронъ, казался грознымъ божествомъ, къ которому покорно ползли всѣ взгляды, клонились всѣ головы и неслись всѣ вздохи. Даже молчаніе казалось полнымъ страха и раболѣпія.

Въ шатрѣ царила необыкновенная сдержанность, говорили немного и шопотомъ, взвѣшивая каждое слово, каждый взглядъ и движеніе.

Даже звонъ фарфора и серебра былъ особенно тихъ, и прислуга ходила пугливо на цыпочкахъ, какъ едва замѣтныя тѣни.

Царила торжественная скука.

Зато въ бесѣдкахъ было совершенно иное настроеніе.

Сначала и тамъ старались говорить тише, помня о высокопоставленныхъ особахъ, пировавшихъ въ шатрѣ, но послѣ нѣсколькихъ блюдъ и первыхъ выпитыхъ бокалахъ исчезла всякая сдержанность, и веселое настроеніе гостей возрастало. Шляхта ѣла и пила, проявляя прирожденную веселость.

Остроумныя замѣчанія сыпались, какъ стрѣлы, и переходили изъ устъ въ уста, вмѣстѣ съ бокалами вина возбуждали все большее веселіе. Послышались двусмысленные анекдоты о ксендзахъ, появился даже въ рукахъ напечатанный на клочкѣ бумажки очень неприличный стишокъ о Бухгольцѣ, обошелъ всѣ столы и, вызвавъ безумные взрывы хохота, исчезъ гдѣ-то безъ слѣда. Общество становилось все оживленнѣе.

Служители слѣдили за бокалами, струилось вино, лица становились красными, остроуміе росло, сердца наполнялись радостью, глаза женщинъ сіяли, какъ звѣзды, и улыбки ихъ влажныхъ губъ и обнаженныя плечи успѣли уже закружить не одну голову. За рас-

пущенными вѣерами завязались тихіе діалоги, срывались страстные вздохи и возбужденно подымались груди.

Когда пиръ становился слишкомъ шумнымъ и слишкомъ громко срывались раскаты смѣха, то здѣсь, то тамъ появлялась сгорбленная фигура пана Боровскаго, и настроеніе гостей становилось какъ-то мрачнѣе, разговоры дѣлались тише, лица суровѣе, безсильно опускались вѣера и пугливые взгляды тайкомъ обращались къ шатру.

— Пируютъ, какъ на поминкахъ,—тихо замѣтилъ кто-то.

— Гдѣ слишкомъ много священниковъ, тамъ скучная обѣдня.

— Пусть они скучаютъ, но намъ-то ради чего плакать?

— Боровскій говорилъ, что посолъ плохо себя сегодня чувствуетъ.

И лошадь бы устала, если бы ее такъ чествовали съ утра до вечера.

— Только пани Ожаровская неутомима.

— Напостилась послѣ Штакельберга и должна искать замѣстителя,—отозвался чей-то дерзкій голосъ.

Въ отвѣтъ раздался всеобщій смѣхъ, и разговоръ на эту тему принялъ такой ядовитый оборотъ и столько посыпалось злостныхъ сплетенъ, что Заремба печально замѣтилъ:

— Въ Польшѣ съ людьми легче воевать, чѣмъ вести дружбу.

— Это ты сказалъ вѣрно, — согласился Война, — у насъ не можетъ родиться Касторъ, потому что Полуксъ продалъ бы друга за первую попавшуюся остроту. Но вѣдь такъ пріятно насмѣхаться надъ своими ближними!—цинично засмѣялся онъ. — Посмотри-ка, какъ важно онъ здѣсь царитъ надъ ними,—добавилъ онъ, указывая глазами на сѣдую голову Сиверса, виднѣвшуюся поверхъ другихъ головъ сквозь раскрытыя двери шатра.

— Намъ отъ этого такая же прибылъ, какъ шведамъ отъ сапогъ Карла XII.

— А такъ какъ къ намъ относятся такимъ же образомъ, то мы приходимъ въ восторгъ. Подумай только, Рѣчь Посполитая никогда никому не оказывала такой чести. Даже сеймъ отстроченъ до субботы, чтобы не мѣшать торжествамъ. Мы стараемся ему угодить изо всѣхъ силъ, всю эту именинную недѣлю мы носимъ его на рукахъ, засыпая цвѣтами, боготворя, какъ истиннаго избавителя, а ужъ сегодня работаемъ особенно усердно. Знаешь, сегодня утромъ за его здравіе служилъ обѣдню епископъ Скаршевскій. Любопытно, что?

— Какъ его молнія не убила у алтаря! — проворчалъ Заремба.

— Жаль, видъ былъ бы очень эффектный. А затѣмъ нунцій далъ обѣдъ на шестьдесятъ персонъ. Достаточно было тамъ шампанскаго и тостовъ. Пили мы много здравицъ, и за его дочерей и внуковъ, а можетъ-быть, даже и за его лакеевъ. Чего полякъ не

сдѣлаетъ, если явится хорошее настроеніе. Затѣмъ мы поѣхали ужинать, гдѣ ждали насъ сюрпризы. Ужинъ устраивала пани Ожаровская, сюрпризы были великолѣпные и спектакль несравненный. Играли «Le Proverbe», выступили въ роляхъ прекраснѣйшія дѣвицы, демонстрировалось лучшее французское произношеніе, въ антрактѣ пѣла божественная Камелли, а братъ ея игралъ на гитарѣ, затѣмъ сладкая, добродѣтельная Юлія Потоцкая, какъ всегда, окруженная своими дѣтьми, проплясала бѣшенаго казачка. Боже мой, какая была тамъ присядка, какъ она восхитительно притоптывала! Насъ охватилъ бѣшеный восторгъ, мы плакали отъ счастья, и шампанское струилось фонтанами. А въ заключеніе было устроено нѣчто въ родѣ апоѳеоза почтеннаго именинника. Пьеса была дрянная, стихи скверные, французскій языкъ невозможный и смысла ни на грошъ. Но такъ какъ тамъ прославлялся мужъ, ниспосланный намъ Привидѣніемъ, мы нашли, что эта пьеса обворожительная, и не поскупились на хлопки автору. А создалъ этотъ шедевръ въ потѣ чела бывшій курляндскій посолъ Гейкингъ, а прекрасная дочь барона...

Онъ оборвалъ, такъ какъ вдругъ загремѣла музыка, раздались громовые крики «виватъ» и всѣ поднялись съ мѣста.

— Что случилось?

— Пуласкій предлагаетъ тостъ въ честь короля.

— Пусть будетъ ему во здравіе, — шепнулъ Война, чокаясь съ сосѣдями.

— Итакъ, прекрасная дочь барона, — продолжалъ онъ, — сыграла намъ въ заключеніе прелестную «Marquerie». Представляешь себѣ, какъ намъ было весело?

— Но почему ему оказывать столько чести?

— Спроси у тѣхъ...—онъ указалъ на шатеръ, — я только знаю, что я веселился по-царски, и счастье мнѣ особенно благопріятствовало.

Заремба хотѣлъ сказать что-то колкое, но вдругъ оглянулся, услыхавъ жалобный голосъ жены подкоморія.

— Сударь, вы мнѣ не отвѣтили!

— Онъ плохо слышитъ, — поспѣшилъ на выручку ему Война,— сталъ немного глухъ на сладкія словца,—разсмѣялся онъ.

— Вы несносный шутникъ, — прошептала та, поражая его молніеноснымъ взглядомъ.

— Но позвольте , сударыня...

— Тише, господа! тише! Пуласкій говоритъ! — раздались кругомъ возгласы, и затѣмъ наступило выжидательное молчаніе. Слышно было только, какъ разливали шампанское.

Всѣ взгляды устремились къ Пуласкому, который стоялъ противъ Сиверса и, подымая бокалъ, говорилъ громкимъ торжественнымъ голосомъ:

— Великая Государыня Императрица всей Россіи, наша милостивая союзница, да здравствуетъ!

— Да здравствуетъ! — загудѣло въ шатрѣ и зазвенѣли бокалы.

— Да здравствуетъ! браво! да здравствуетъ! — повторило сто могучихъ глотокъ у всѣхъ столовъ, и сейчасъ же грянула громовая музыка, протяжно загудѣли мѣдныя трубы, а на холмахъ рявкнули пушки и гремѣли безъ конца. Дрожала земля, и кровавыя вспышки прорѣзали темноту.

— Пей же, это не шутка! всѣ видятъ! — шепнулъ Война, почти силой заставляя Севера встать.—Немного горько, но выпить можно.

— Ни за что, ни за что,—бормоталъ тотъ растерянно. Онъ былъ блѣденъ, сердце его стучало, какъ испуганная птица, на лбу выступали капли пота, глаза дико горѣли. Имъ овладѣлъ такой гнѣвъ, что бокалъ прыгалъ у него въ рукѣ, разбрызгивая содержимое на всѣ стороны.

— Сударь, вы зальете мнѣ всю юбку! — сказала жена подкоморія отодвигаясь.

Здравіе императрицы было выпито однимъ залпомъ, и гости спѣшили подставить бокалы подъ новыя струи вина. Музыка вдругъ замолкла, снова водворилась тишина, и панъ Пуласкій, перегибаясь черезъ столъ и впиваясь круглыми ястребиными глазами въ посла, крикнулъ, какъ бы вторя пушкамъ, продолжавшимъ еще гремѣть.

— Господа, пьемъ за здоровье нашего именинника и друга! Экстраординарный, надѣленный самыми широкими полномочіями посолъ государыни императрицы всея Россіи, Яковъ де-Сиверсъ— да здравствуетъ!

Красивымъ движеніемъ отбросилъ онъ назадъ бѣлые рукава контуша и среди заздравныхъ криковъ двинулся къ послу съ бокаломъ въ рукахъ.

Сиверсъ тяжело поднялся съ мѣста и, взявъ бокалъ изъ рукъ Анквича, чокался со всѣми, искренне благодаря за память и доброжелательство.

Началась сутолока вокругъ золоченаго кресла.

— Надо итти вмѣстѣ со всѣми, — шепнулъ Война, таща за собою друга.

— Давка, какъ передъ алтаремъ.

— Кому благопріятствуетъ счастье, тому и всеобщій почетъ. Это единственное божество.

Но когда они вошли въ кругъ свѣта, расточаемаго изъ шатра, Заремба неожиданно вздрогнулъ, остановился на одно мгновеніе и словно полетѣлъ въ пропасть чьихъ-то ослѣпительныхъ глазъ въ глубинѣ шатра.

— Иза!

— Северъ! — кричали взгляды, вырвавшіеся съ самаго дна тоски, и оба, толкаемые непреодолимой силой, стали стремиться другъ къ другу, проталкиваясь сквозь толпу, окружавшую Сиверса. Были уже близко, все ближе...

— Опоздаемъ, это будетъ сочтено за небрежность, — крикнулъ Война и схватилъ его подъ руку.

Вдругъ разсѣялась радуга очарованія и въ лицо Севера взглянула насмѣшливая безжалостная дѣйствительность. Онъ понялъ и, овладѣвъ собою, гордо поднялъ голову, поклонился Изѣ холодно и высокомѣрно, ударилъ бокаломъ въ бокалъ Сиверса и, даже не оглядываясь на тѣ глаза удивленные и померкшіе, вышелъ изъ шатра. Шелъ автоматически, какъ убитый въ рядахъ живыхъ, держа въ рукѣ недопитый бокалъ и не сознавая, куда идетъ.

Очутился подъ какимъ-то деревомъ, которое выросло у него на дорогѣ, и только тогда окончательно пришелъ въ себя, разбилъ бокалъ объ землю, прижался спиной къ стволу и дѣлалъ усилія, чтобы сковать желѣзнымъ обручемъ воли обезумѣвшія чувства и мысли.

. . . .

Спустя нѣкоторое время онъ вернулся, но подъ шатромъ и въ пагодахъ толпилась уже только прислуга, допивая остатки, а все общество собралось на холмѣ за дворцомъ, гдѣ пани Ожаровская собственноручно зажигала фейерверкъ.

Взвились змѣйки красныхъ огней, взлетѣли, высоко и медленно опустились дождемъ гаснувшихъ искръ. Послышались восторженные крики, самъ Сиверсъ хлопалъ. Затѣмъ воздухъ прорѣзалъ сильный ударъ, взлетѣло въ вышину зеленое пламя и изъ глубины, точно изъ нѣдръ земли, вырвались золотисто-красные инициалы Сиверса, медленно всплыли вверхъ, спокойно и торжественно подымались все выше и разгорались все ярче и затѣмъ на продолжительное мгновеніе повисли въ черной безднѣ неба, такъ высоко, словно надъ всей Рѣчью Посполитой.

Вслѣдъ за тѣмъ взвились тысячи пламенныхъ струй, со свистомъ и трескомъ стали подыматься въ высоту, окружая инициалы цѣлой тучей огней, дыма и грома.

Всѣ онѣмѣли отъ удивленія и стояли прикованные взглядомъ къ волшебнымъ знакамъ, висѣвшимъ въ темнотѣ, какъ вдругъ среди тишины раздался чей-то гробовой голосъ:

— Mane! Tekel! Fares!

Голосъ этотъ былъ заглушенъ взрывомъ всеобщаго смѣха и безумнаго веселья. Раздалось дружное браво и виватъ въ честь Сиверса, его окружили и осыпали восторженными восклицаніями. Нѣкоторые хотѣли поднять его на руки, и Пуласкому едва удалось ихъ отъ этого удержать изъ опасенія, какъ бы не случилось чего непріятнаго. Но вотъ появились гайдуки съ громаднымъ сосудомъ, зазвенѣли стаканы, пили новыя здравицы и все громче кричали виватъ. Снова гудѣли мѣдныя трубы, гремѣли ружейные залпы, и пушки откликались тяжелымъ басомъ. Начался такой громъ и крикъ, какъ будто происходилъ грозный бой и страшная рѣзня. А когда инициалы въ воздухѣ потухли, весь паркъ и всѣ холмы

были охвачены бурей огней и, какъ вулканы, изрыгали изъ себя громы и ослѣпительныя молніи. Ежеминутно вырывались струи огня, подымались цѣлые фонтаны разнообразныхъ блесковъ, вырастали вдругъ коралловыя деревья, расцвѣтали непонятные цвѣты, появлялись звѣзды, вращавшіеся въ воздухѣ съ головокружительной быстротой и легкостью, летѣлъ каскадъ изумрудовъ, сыпался золотой дождь и рубиновый градъ. Тысячи огней подымались одновременно съ оглушительнымъ громомъ, какъ стаи разнообразныхъ птицъ.

Общество, ошеломленное этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, передвигалось съ мѣста на мѣсто безъ словъ, какъ тѣни Елисейскихъ полей. Начинало казаться, что Олимпъ спустился на землю съ недосягаемыхъ высотъ, и въ этихъ волшебныхъ рощахъ, полныхъ громовъ и молній, вмѣстѣ со смертными блуждаютъ въ тихомъ счастливомъ упоеніи богини, нимфы и дріады. То и дѣло среди разноцвѣтныхъ лучей появлялись греческія туники, обнаженныя груди и босыя ноги, какъ бы вися среди облаковъ. Мелькали блѣдныя очертанія, созданныя какъ бы лихорадочнымъ бредомъ, и затѣмъ исчезали. Снова царила только буря разнообразныхъ огней.

Видъ былъ такъ великолѣпенъ, что когда по данному знаку общество направилось домой, то всѣмъ было жаль оставить эти холмы, и взгляды то и дѣло обращались назадъ, прощаясь съ догоравшимъ чудомъ.

— Двѣ тысячи дукатовъ издержано на дымъ и смрадъ, — громко заявилъ кто-то.

— А король то и дѣло обращается черезъ Боскампа за авансами,—шепнулъ другой голосъ.

— А босое и голодное войско, не получая жалованья, расходится по домамъ, хотя врагъ находится въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, — заявилъ Заремба, подходя къ нимъ, но они испуганно взглянули на него и поспѣшили удалиться.

— Идемте танцовать! — неожиданно появился около Зарембы Война. — Гдѣ же ты пропадалъ? Жена подкоморія велѣла привести тебя къ ней. Ты очень быстро начинаешь снискивать ея милости.

— Это меня мало интересуетъ, — отвѣтилъ тотъ неохотно.

Они присоединились къ толпѣ и пошли ко дворцу, который сіялъ издали всѣми освѣщенными окнами. Рядомъ съ ними, опираясь на руку молодого ксендза, тащился епископъ Коссаковскій, храня гробовое молчаніе.

— Мнѣ пришла въ голову геніальная идея,—обратился вдругъ Война къ епископу.

Тотъ поднялъ на него злые, нахмуренные глаза.

— Мы должны дать Польшѣ новаго патрона.

Епископъ задержалъ шагъ.

— Королевство считаетъ своимъ патрономъ св. Станислава, Литва—св. Казиміра, и поэтому было бы справедливо, чтобъ Бѣлая Русь имѣла Якова.

Коссаковскій засмѣялся и продолжалъ молча слушать.

— Епископъ Скаршевскій, — продолжалъ Война совершенно серьезнымъ тономъ, — докажетъ какъ дважды два четыре и очень учено, какія чудеса творятся въ Польшѣ, благодаря новому патрону. Какимъ чудеснымъ образомъ увеличивается благосостояніе нѣкоторыхъ гражданъ, какъ ослы превращаются въ мудрецовъ и сановниковъ, какихъ страстныхъ прозелитовъ пріобрѣтаетъ русскій рубль! Всѣхъ этихъ заслугъ не переписать и на бычачьей шкурѣ. Нунцій поддержитъ насъ въ Римѣ, императрица не станетъ противиться возвеличенію своего слуги, а Рѣчь Посполитая достойно наградитъ своего истиннаго друга, который постоянно говоритъ, что все, что онъ дѣлаетъ, дѣлаетъ для нашего добра. Можемъ ли мы не обожать такого благодѣтеля, можемъ ли мы неблагодарностью отравить такое нѣжное сердце!

Заремба расхохотался, но епископъ пригрозилъ Войнѣ.

— Смотрите, какъ бы вамъ раньше не отрѣзали языкъ.

— Я положу его тогда, какъ жертвоприношеніе, на алтарь неблагодарнаго отечества.

— Вы изъ всего дѣлаете только шутки.

— А развѣ не достойно все только шутокъ?

Епископъ молчалъ и затѣмъ, когда они поднимались на террасу, произнесъ дружелюбно:

— Пожалуйте ко мнѣ обѣдать, буду очень радъ, хоть завтра.

Война поблагодарилъ, кланяясь, и доведя его до дверей дворца, взялъ затѣмъ Зарембу подъ руку и шепнулъ:

— Я долженъ тебѣ сказать, что онъ ненавидитъ Сиверса и интригуетъ противъ него, какъ только можетъ. Они оба терпѣть не могутъ другъ друга, хотя и строятъ одинъ другому сладкія физіономіи, какъ въ танцѣ. Теперь я его взялъ на удочку и потяну.

— Ненавидятъ другъ друга, но оба согласно работаютъ въ пользу Семирамиды.

— Одинъ работаетъ въ пользу своей госпожи, а другой старается урвать возможно больше для себя и своей голодной семьи. Ненасытный человѣкъ и именно поэтому страшенъ. Ты здѣсь многому научишься, имѣй только уши и глаза.

— Правду сказать, я не затѣмъ сюда пріѣхалъ, — осторожно отвѣтилъ Заремба.

— Ищешь счастья? — спросилъ Война.

— Желаю снова получить команду. Ты знаешь, я солдатъ и все остальное мнѣ чуждо.

— И будешь ты, рыцарь изъ-подъ Дубенки, побѣждать въ Гроднѣ разныхъ женъ подкоморіевъ и погибнешь славной смертью

воина на зеленомъ полѣ фараона. Я постараюсь тебѣ въ этомъ помочь, можетъ-быть, тебѣ и улыбнется счастье.

— Надо будетъ попробовать.

— Люблю смѣлыя рѣшенія. Но скажи правду, ты пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы добиться возвращенія подъ знамя? — спросилъ неожиданно Война.

— Да, и думаю, что мнѣ поможетъ дядя.

— Кастелянъ велитъ зарѣзать жирнаго быка, радуясь возвращенію блуднаго племянника, и ороситъ слезами ваше примиреніе. Но что скажутъ твои старые товарищи?

— Вѣдь я возвращаюсь, чтобы служить Рѣчи Посполитой.

— Собственно говоря, генералитету. Я видѣлъ твою подпись подъ манифестомъ.

— Но теперь nolens volens приходится смириться и просить милости.

— Король очень охотно даруетъ тебѣ эту милость, можетъ-быть, даже пообѣщаетъ тебѣ что-то, гдѣ-то, когда-то, вѣдь за обѣщаніе къ суду не потянешь. Но я изъ всего этого вижу, что тебѣ въ достаточной мѣрѣ надоѣло считать отцовскія копны и ругаться съ пейзанами.

— Да, ты угадалъ, предпочитаю имѣть дѣло съ моими гемайнами и обучать ихъ военному искусству, — весело засмѣялся онъ, радуясь, что Война его больше не допрашиваетъ.

— Что у васъ тамъ дома слышно? — разсѣянно спросилъ Война.

— О политикѣ очень мало знаю, — смутился тотъ, — теперь я не выступалъ.

Они вошли въ переднюю комнату. Изъ сосѣднихъ помѣщеній, передѣланныхъ теперь въ дамскую уборную, доносились женскіе голоса и смѣхъ.

— Ну, теперь дѣлай, что тебѣ нравится, я долженъ на нѣкоторое время удалиться,—произнесъ Война и ушелъ.

Заремба направился къ золоченымъ дверямъ, два лакея въ красныхъ фракахъ и бѣлыхъ парикахъ распахнули передъ нимъ двери.

Его обдало теплымъ, насыщеннымъ запахомъ духовъ, восковыхъ свѣчей, говоромъ и голосами настраиваемыхъ инструментовъ.

Онъ остановился, наслаждаясь видомъ великолѣпнаго зала, большого, какъ храмъ, драпированнаго красной камчатной матеріей. Въ концѣ зала возвышались поддерживаемые четырьмя бѣлыми колоннами хоры, подъ которыми золоченая дверь вела въ амфиладу дальнѣйшихъ комнатъ. Золотой широкій наличникъ тянулся вверху вдоль стѣнъ, покрытыхъ продольными плитами бѣлаго мрамора, въ которыя были вправлены овальныя зеркала и кованые изъ серебра подсвѣчники съ горѣвшими въ нихъ свѣчами. Въ высокихъ окнахъ горѣли красныя урны. Круглыя зеркала въ фарфоровыхъ рамахъ, поддерживаемыя толстыми амурами, блестѣли то

здѣсь, то тамъ, какъ мутные глаза. Люстры, какъ громадные пауки, разсѣивали блескъ свѣчей и радужное сіяніе хрусталя. На голубомъ потолкѣ обезсиленныя Горы бѣжали передъ побѣднымъ шествіемъ Авроры, надвигавшейся въ обществѣ богинь и амуровъ, натягивавшихъ серебряные луки. Паркетъ блестѣлъ, какъ ледяная плита, сквозь которую просвѣчивали чудныя арабески изъ розоваго дерева и тиса. Длинныя скамьи на золоченыхъ козлиныхъ ножкахъ, покрытыя красной матеріей, сладострастно тянулись вдоль стѣнъ. У оконъ и дверей неподвижно стояли красные лакеи, готовые ловить первое мановеніе.

На этомъ великолѣпномъ фонѣ красовалось веселое нарядное общество. Всюду было полно людей, смѣха, блеска брильянтовъ, обнаженныхъ грудей, взбитыхъ буклей волосъ, греческихъ туникъ, босыхъ ногъ, сіявшихъ отъ дорогихъ колецъ, блестящихъ вѣеровъ, огненныхъ взглядовъ, очаровательныхъ лицъ. Красота, изысканность и роскошь царили здѣсь безгранично. Рои разноцвѣтныхъ фраковъ, галстуковъ, закрывавшихъ шеи и бороды бритыхъ лицъ, длинныхъ жилетовъ, узкихъ брюкъ и головъ съ высокими прическами а ля Карачіолла,—все это бросалось въ глаза, прыгало, блестѣло, кружилось среди шума пустыхъ словъ, шопота и сдержанныхъ улыбокъ. Иногда по залу проходилъ сторонкой воеводскій контушъ, подбритая голова, тяжело свисшіе усы, золотой поясъ, красные сапоги и рука, покоившая на рукояткѣ сабли. То вдругъ мелькали бѣлые чулки въ легкихъ туфелькахъ изъ ткани или старинный шелковый робронъ, старомодныя лица, глядѣвшія жуткими глазами на полуобнаженныхъ дамъ и смущенно садившіяся гдѣ-нибудь въ тѣни хоровъ.

Иногда появлялся въ толпѣ, какъ разноцвѣтная бабочка, французскій кавалеръ ancien regime'а, украшенный жабо, и, постукивая тросточкой и красными каблуками, изящно наклонялъ напудренную голову съ парикомъ въ золотой сѣткѣ, галантно опускалъ передъ кѣмъ-нибудь шляпу, улыбался и расточалъ комплименты.

Лѣниво прохаживались дамы, шелестя шелковыми юбками, расширявшимися въ бедрахъ, съ прическами изъ сѣдыхъ локоновъ, съ декальтированной полной грудью и спиной ниже лопатокъ, съ мушками на набѣленныхъ лицахъ, съ брильянтами въ ушахъ, волоча за собою хвосты платья на пять аршинъ, блестя расшитыми золотомъ лиловыми туфельками, маленькими вѣерами, прикрывавшими сильно накрашенныя губы и сладострастно блестѣвшіе подведенные глаза.

Иногда появлялся въ толпѣ какой-нибудь франтикъ въ мантолѣ и кружевахъ, съ искусно завитыми локонами на вискахъ,—прекрасный, напудренный, душистый, съ золотой табакеркой въ изнѣженныхъ рукахъ, въ фіолетовыхъ чулкахъ и туфляхъ съ брильянтовыми пряжками,—кокетничалъ, расточалъ сладкія улыбки,

милостиво бросалъ нѣжные словца и взгляды, предлагалъ табакъ, кошачьими движеніями отирался около дамъ и, пожирая ихъ влажными глазами, велъ разговоръ на совсѣмъ невозвышенныя темы.

Среди возраставшаго шума голосовъ то и дѣло слышался какой-нибудь новый языкъ. То блеснутъ итальянскія слова, какъ шпага, выхваченная изъ бархатныхъ ноженъ, то зазвучитъ безобразная нѣмецкая рѣчь, подобная собачьему говору. Англійскія фразы напоминали скрежетъ разгрызаемыхъ камней, русскій языкъ то пѣлъ, то неожиданно переходилъ въ присядку, польскій катился то спокойной, то кипучей волной, то вдругъ переходилъ въ громъ, какъ атака крылатыхъ гусаровъ, но чаще всего раздавалось блестящее, холодное французское щебетаніе, брызжа шампанской пѣной сладострастныхъ остротъ и уколовъ. Въ особенности два офицера Сиверса, одѣтые по послѣдней модѣ, отличались остротами, иногда не совсѣмъ приличными, и довольно безцеремонно ухаживали за дамами.

Общество, хотя и имѣло блестящій видъ и манеры, было довольно смѣшанное. Вертѣлись здѣсь какія-то иностранныя фигуры, элегантныя, образованныя, часто титулованныя, но о нихъ никто ничего не зналъ навѣрняка. Можетъ-быть, знало только посольство, поддерживавшее съ ними близкія отношенія. Были даже и дамы, имѣвшія высокія рекомендаціи и принятыя въ лучшихъ домахъ, но, тѣмъ не менѣе, подозрительныя. Вертѣлись здѣсь и поляки, достаточно загадочные, носившіе неизвѣстныя до сихъ поръ имена, свидѣтельствовавшія объ очень недавнемъ присоединеніи къ дворянству. Но такъ какъ они щедро сыпали золотомъ, были мастерами въ карточной игрѣ, интригахъ и попойкахъ, то главенствовали среди молодежи, которая ихъ обожала и подражала имъ.

Все это собралось въ громадномъ залѣ, какъ бы опьяненное пустой беззаботной веселостью.

Пиръ былъ великолѣпенъ, вина прекрасны, женщины обворожительны, молоды, жадны къ развлеченіямъ; кавалеры были красивы и ихъ необузданные темпераменты едва вмѣщались въ рамки галантныхъ словечекъ, заученныхъ оборотовъ рѣчи и искусственной сдержанности.

Они двигались по залу, какъ жеребцы со спутанными ногами, глаза ихъ горѣли, и всѣ они нетерпѣливо ожидали танцевъ.

Заремба глядѣлъ на нихъ съ наслажденіемъ и безошибочнымъ взглядомъ вербовщика солдатъ, ощупывалъ эти воловьи спины, одѣтыя въ легкія ткани, эти широкія и крѣпкія кости, обтянутыя въ узкіе фраки, эти сильныя оленьи ноги, жилистыя руки и добродушныя смѣлыя лица, передѣланныя на показъ и по послѣдней модѣ въ куколъ. Онъ съ радостью думалъ, что вотъ кто-то крикнетъ надъ всей Рѣчью Посполитой:

— Къ оружію! на сѣдло!

И въ одно мгновеніе слетятъ съ нихъ разноцвѣтныя ткани, заиграетъ кровь, сердца загорятся мужествомъ и всѣ очутятся тамъ, гдѣ должны быть, на полѣ брани, бѣшено преграждая дорогу врагу.

Онъ уже видѣлъ ихъ въ яростной битвѣ, подобныхъ разъяреннымъ львамъ... но вдругъ замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Изу, поспѣшилъ смѣшаться съ толпой и незамѣтно перешелъ въ другія комнаты.

Въ послѣдней круглой комнатѣ, обитой зеленымъ шелкомъ и великолѣпно меблированной, собралось вокругъ посла все составлявшее соль земли, ѐя совѣтъ и вооруженную силу.

Сиверсъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ и пилъ воду, смѣшанную съ настойкой изъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Обводилъ усталымъ взглядомъ всѣ лица, роняя время отъ времени милостивое словцо.

Всѣ стояли вокругъ него, внимательно глядя и прислушиваясь. Когда онъ говорилъ, всѣ глаза впивались въ его блѣдныя губы, какъ пчела въ обманчивый цвѣтокъ, когда умолкалъ и нюхалъ табакъ, не предлагая никому, лица становились мрачнѣе и безпокойнѣе, а когда дѣлалъ движеніе, толпа безсознательно вздрагивала, повторяя то же движеніе, и съ радостнымъ шопотомъ шевелились головы сановниковъ, сгибаясь, какъ зрѣлые колосья, къ ногамъ хозяина.

Сиверсъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ. Передъ нимъ разступались, какъ передъ священникомъ со Св. Дарами. Подобострастные взгляды падали къ его ногамъ, подлость и прислужничество свѣтились во всѣхъ лицахъ, ожидая хоть одного словечка, хоть одной милостивой улыбки.

Заремба едва могъ сдержаться и, горя безумнымъ гнѣвомъ, бѣжалъ обратно въ залъ, забился подъ хоры и дрожалъ отъ дикой ненависти.

— Веревку имъ и палача, — шепталъ побѣлѣвшими губами.—Позоръ, позоръ! — повторялъ онъ, бичуя и мучая себя.

Вдругъ загремѣли надъ нимъ первые звуки полонеза, и залъ наполнился оживленнымъ говоромъ и криками.

— Полонезъ! Мѣста, господа, мѣста! полонезъ!

Оркестръ, сливая всѣ звуки въ одинъ торжественный голосъ, игралъ этотъ нѣжный и торжественный танецъ, лихой и въ то же время полный достоинства, радостный и гордый, полный силы и величія.

Въ золоченыхъ дверяхъ появился Сиверсъ, изящно кланяясь, подалъ руку пани Ожаровской, и они пошли въ первой парѣ полонеза. За ними двинулся длинный пестрый хороводъ и поплылъ по залу блестящей змѣей. Безконечная вереница красивыхъ движеній, милыхъ улыбокъ, низкихъ поклоновъ, перекрестныхъ воскли-

цаній подъ громъ музыки, звучавшей все шире, все глубже и торжественнѣе!

Но вотъ наступила глубокая тишина, пара за парами проплывали въ торжественномъ молчаніи, какъ яркая радужная лента, и только оркестръ расточалъ свои торжественные и нѣжные звуки. Контрабасы отзывались порой говоромъ озабоченныхъ старцевъ, мелькали иногда звуки скрипки, какъ глаза дѣвушки, орошенные слезами прощанія, віолончель отрывисто жалобно плакала, жаловался и что-то долго шепталъ клависинъ, какъ бы тоскливо кого-то призывая, флейты рыдали страстными поцѣлуями послѣдняго прощанія. И вдругъ раздались звуки трубъ, и поплыла величественная пѣснь боя и славы. Раздался могучій шумъ орлиныхъ крыльевъ, загудѣлъ тяжелый конскій топотъ, слышался лязгъ тяжелаго оружія, далекаго ржанія, голоса, пѣніе...

Вооруженные! вооруженные!

Морозъ пронизалъ тѣло до костей, сто сердецъ забилось и сто рукъ упало на рукоятки сабель. Впереди Хоткевичъ, подъ нимъ вспѣненный конь, цѣлый лѣсъ шумящихъ крыльевъ, знамя треплется по вѣтру, блестятъ копья, летитъ какъ буря конница.

Вотъ остановились плотной стѣной. Смотрятъ безстрашные, вѣрные глаза. Блеститъ оружіе, лошадь иногда заржетъ, послышится чей-то вздохъ, плывутъ послѣднія горячія молитвы.

— Съ Богомъ! Бей, руби!—раздался громовой крикъ, и стонутъ въ оркестрѣ гобои. Срывается буря, слышно, какъ ломаются копья, грудь ударяется о грудь, звенятъ панцыри, рубятъ мечи, ударяютъ, какъ молоты, ударяютъ, какъ молніи.

Мѣдныя тарелки звенятъ пламеннымъ вихремъ битвы, гремятъ турецкіе бубны, тромбоны гудятъ протяжно, какъ пушки, скрипки издаютъ свистъ какъ бы тысячей сабель, гобои мечутъ яростные удары штыковъ, барабаны стучатъ, издавая какъ бы трескъ самопаловъ. Воцаряется невыразимый шумъ, все рвется, борется, клубится, пьянѣетъ кровью и убійствомъ, и только одинъ голосъ контрабаса не переставая стонетъ—глухо, упрямо, мстительно и неумолимо:

— Бей, руби! бей, руби!

. . . .

А въ первой парѣ танцовалъ Сиверсъ и пани Ожаровская.

. . . .

И вдругъ ударили въ потолокъ зала торжественные звуки побѣды. Зашумѣли столѣтнія липы, слышны крики — виватъ! Старый деревенскій домъ дрожитъ, пылаютъ всѣ окна, кровь восторженно горитъ, руки ищутъ рукъ, встрѣчаются любовные взгляды, сердца, какъ бокалы, наполнены восторгомъ, души радостны и полны смѣлыхъ желаній.

Гей, какъ хорошо, какъ весело жить!

— Кавалеры отбиваютъ дамъ! — командуетъ дирижеръ.

Захлопали ладоши, склоняются головы, шелестятъ платья, постукиваютъ каблуки, треплются по воздуху откинутые назадъ рукава, позваниваютъ сабли.

Красивые реверансы, низкіе поклоны, неожиданныя колѣнопреклоненія, стремительные повороты, взрывы движеній, сдержанное выраженіе чувствъ, сорвавшіеся вздохи,—и полонезъ несется, вьется, переливается огненной лентой вокругъ зала въ цѣломъ морѣ огней, красокъ и опьяняющихъ звуковъ оркестра, который уже шутитъ, заигрываетъ, то начинаетъ что-то напѣвать, то разражается смѣхомъ, иногда выкидываетъ нескромныя колѣнца, то вдругъ отзовется тихой грустью и все чудеснѣе баюкаетъ, опьяняя и очаровывая.

. . . .

А въ первой парѣ танцовали Сиверсъ и пани Ожаровская.

. . . .

— Весело тебѣ? — спросилъ Война, подходя къ Зарембѣ.

— Какъ въ театрѣ, вся Рѣчь Посполитая пляшетъ передо мною.

— Вѣрнѣе вся польская сволочь во главѣ съ почтеннымъ опекуномъ.

— Я только не вижу Ожаровскаго.

— Герой, полковникъ Ожаровскій, поѣхалъ въ Петербургъ. Можетъ-быть, добивается тамъ щедрой награды за то, что вывелъ войска, а можетъ-быть, поѣхалъ только изъ дружбы къ делегатамъ отторгнутыхъ отъ Польши воеводствъ, которые отправились представляться императрицѣ.

— Ихъ принудили.

— Не совсѣмъ, но наши господа очень любятъ царскія переднія.

— Съ кѣмъ танцуетъ Пуласкій? — воскликнулъ Северъ, глядя на танцующихъ.

— Съ генеральшей Дуниной. Онъ можетъ спокойно веселиться, вѣдь ея мужъ держитъ подъ угрозой пушекъ Гродно и насъ всѣхъ. Здѣсь еще много такихъ обозныхъ дамъ. Избранное общество!

— Но жена подкоморія нашла себѣ великолѣпнаго танцора! Это графъ Анквичъ,—первая глотка въ сеймѣ, а можетъ-быть, и первый умъ, но, несомнѣнно, и первая продажная душа. Онъ получаетъ 1500 дукатовъ ежемѣсячно отъ императрицы и имѣетъ очень хорошія перспективы въ будущемъ.

И, наклонясь къ Зарембѣ, Война шепнулъ:

— Это тайный совѣтникъ Сиверса. Благодаря его остроумію и стараніямъ наступилъ день 17-го іюля. Понимаешь, какая это фигура?

— Да, необыкновенная, — согласился тотъ, впиваясь взглядомъ въ Анквича.

— Погоди, я тебѣ перечислю ихъ всѣхъ, я ихъ знаю всѣхъ наизусть. За Анквичемъ идетъ Міончинскій, этотъ еще лучше. Адъ изрыгнулъ такого мошенника изъ своихъ нѣдръ. Развратникъ, пьяница и отцеубійца. Тысяча дукатовъ ежемѣсячно и право безъ наказанія грабить все, что возможно. Глотка ненасытная, карманы дырявые, совѣсть черви проѣли, готовъ въ любой моментъ совершить величайшую подлость, къ тому же несравненный пьяница, очаровательный кутила, циникъ и самый злой остроумецъ. Онъ очень близокъ къ Игельстрому, провелъ по его указкѣ послѣдніе выборы въ Королевствѣ, — конечно, за отдѣльную плату. Танцуетъ онъ съ пани Залуской, дамой сердца своего патрона и друга, которая теперь хлопочетъ о должности казнохранителя для своего мужа. Очень хорошо подобранная парочка! Чортъ будетъ доволенъ!

— Большее право имѣетъ на нихъ палачъ,—прошепталъ Заремба, но чтобы загладить свои слова, быстро добавилъ:

— А того за ними я какъ будто знаю.

— Бѣлинскій, маршалъ сейма, тысячу дукатовъ ежемѣсячно наличными и столько же натурой въ видѣ пропитанія, квартиры и любовницъ. Честное слово, Боскампъ долженъ его ежедневно кормить, иначе ему нечего было бы ѣсть и негдѣ жить. Все проигрываетъ. Отъ Коссаковскихъ тоже получаетъ изрядно. И здѣсь стрижетъ и тамъ бреетъ.

— А этотъ рыжій кто? Мюшинскій? Какіе на немъ брильянты!

— Да, это нашъ дорогой графъ Фридрихъ, онъ, вѣроятно, думаетъ, что подъ драгоцѣнными камнями люди не увидятъ его горба и лисьей физіономіи.

— Нашъ вице-комендантъ кадетовъ. Я его едва узналъ, онъ постарѣлъ. Онъ вѣдь, навѣрное, не получаетъ жалованья, слишкомъ богатъ.

— Богатъ или бѣденъ, какое это имѣетъ отношеніе. Беретъ тотъ, кому даютъ, даромъ вѣдь никому не даютъ. Золотомъ онъ не станетъ брать, но пусть его поманятъ подканцлерскимъ титуломъ, и онъ сдѣлаетъ все, что угодно, а пока что онъ гордится табакеркой съ портретомъ императрицы, которую получилъ за договоръ. Очень гордый человѣкъ и твердъ, какъ кремень. Никому ничего не сдѣлаетъ и жаденъ, какъ еврей, къ тому же очень образованъ и трудится изо всѣхъ силъ на благо Семирамиды и Рѣчи Посполитой. У него двѣ страсти — любитъ танцовать и собираетъ драгоцѣнные камни. Посмотри, какъ онъ весь увѣшанъ. Не хуже самой Люлли. Его пряжки стоятъ около пятидесяти тысячъ дукатовъ, а эта дама, которая такъ смѣшно трясется рядомъ съ нимъ, какъ ведро съ дегтемъ, привязанное къ мужицкой телѣгѣ, это генеральша Раутенфельдъ. Съ генераломъ ты самъ скоро познакомишься и полюбишь его, такъ какъ онъ оказываетъ большія почести

сейму и присутствуетъ на засѣданіяхъ съ зажженными фитилями пушекъ. За это его всѣ здѣсь обожаютъ.

— Но эта дама имѣетъ видъ обозной маркитантки! Продолжай, я слушаю прямо съ восторгомъ.

— Въ особенности не скупись на восторгъ, — ядовито улыбнулся Война, — до конца еще очень далеко. Видишь этого въ зеленомъ фракѣ съ золотымъ шитьемъ? Это литовскій польный гетманъ Забѣлло. Можетъ-быть, ты его знаешь? Но не лишай меня удовольствія представить тебѣ его. Глазки его полны нѣжности, лицо доброе, а походка голоднаго волка. Очень почтенная фигура! Онъ ограбилъ родного брата и пустилъ его съ сумой, дѣло было громкое, на всю Рѣчь Посполитую. Онъ ставленникъ и довѣренный Коссаковскихъ во всѣхъ грабежахъ и насиліяхъ. Чтобы ты, рыцарь, могъ почувствовать достаточно глубокое уваженіе къ гетману, я тебѣ скажу, что это онъ продалъ Кречетникову брацлавскую бригаду. Объ этомъ еще говорятъ по секрету, но всѣмъ уже извѣстно, какъ онъ съ казаками ловилъ рядовыхъ и бралъ за нихъ по пяти рублей, а за офицеровъ по пятидесяти рублей, вооруженіе же и снаряды продавалъ отдѣльно. Надо еще замѣтить, что онъ долженъ былъ дѣлиться со своимъ товарищемъ Злотницкимъ. Понимаешь, какія большія общественныя заслуги онъ уже имѣетъ?

Северъ вдругъ оглянулся. У другой колонны стоялъ Яковъ Ясинскій, его бывшій полковникъ, и, казалось, внимательно прислушивался.

— Ты разсказываешь ужасныя вещи, я бы боялся столько знать.

Онъ недовѣрчиво поглядѣлъ въ сторону Ясинскаго. Война понялъ, чего онъ боится, но небрежно замѣтилъ, перебирая пальцами волосы.

— Всѣ объ этомъ знаютъ и по секрету передаютъ другъ другу, но я не обязываю тебя держать это въ секретѣ. Если желаешь, можешь разглашать.

— Я не тороплюсь повторять то, что слышу. Къ тому же это все почти невѣроятно.

— Не вѣрь, но если это тебя интересуетъ, слушай терпѣливо. Смотри, — вотъ розовый фракъ въ цвѣточки, въ парикѣ черная лента, голова напудренная, лицо замороженное, носъ красный, въ табакѣ, движенія какія-то расшатанныя, глаза безумные. Это самъ маршалъ литовскій Тышкевичъ. По рукамъ ходитъ очень остроумный стишокъ, относящійся къ нему:

«Шепчетъ, бѣгая съ тростью по заламъ,
О высокой любви къ идеаламъ,
А потомъ за свои выраженія
Онъ у Сиверса проситъ прощенія».

Онъ ненавидитъ Коссаковскихъ и очень любитъ родину, но до того боится признаться въ этомъ, что говоритъ о ней только иносказательно и называетъ ее Діаной. Часто злится на Сиверса и тайно сочувствуетъ повстанцамъ, но такъ какъ имѣетъ помѣстья въ провинціяхъ, захваченныхъ Россіей, а посолъ любитъ его по этому мѣсту щекотать военными постоями, то онъ соглашается на все. Очень почтенная и смѣшная фигура. За нимъ тащится, какъ опоенная лошадь, князь Сулковскій. Говорятъ, что это тайный совѣтникъ прусскаго короля. Онъ получаетъ свое вознагражденіе въ талерахъ. Затѣмъ прыгаетъ съ пани Виконской Рачинскій, ловеласъ, вѣрный слуга Бухгольца, но не брезгуетъ и русскими рублями.

Для полнаго состава нуженъ намъ еще Ожаровскій. Я тебѣ скажу только стишокъ, написанный однимъ изъ патріотовъ:

«Вѣдь по виду и не птица,
И не звѣрь какъ будто я.
Но къ дѣламъ кто приглядится,
Утверждаетъ, что — свинья!»

Силуэтъ очень удачный. О комъ же тебѣ еще разсказать? О епископѣ Коссаковскомъ, объ его братьяхъ ты и самъ, должно-быть, хорошо знаешь. Со временемъ ихъ общество оцѣнитъ по заслугамъ. Заслуги другихъ тоже еще ждутъ своей оцѣнки и награды. Такихъ, какъ Подгорскій, Лобажевскій, Боскампъ и многіе, многіе другіе, не приходится мѣломъ отмѣчать. Ихъ узнаешь даже ночью, такъ какъ запахъ падали можно отличить издалека. Понимаешь, какая сволочь собралась въ Гроднѣ! А для комизма попадется еще отъ времени до времени какой-нибудь добропорядочный баранъ въ контушѣ, который, какъ шарманка, выкрикиваетъ все одно и одно то же: «Свобода, равенство, вѣра и liberum veto!» Но смыслъ этихъ криковъ всегда одинъ и тотъ же: безправіе, своеволіе и жадность. Однимъ словомъ, это веселый звѣринецъ титулованныхъ прохвостовъ, — закончилъ онъ, обводя мутными глазами веселившуюся толпу.

— Не сгущаешь ли ты красокъ?

— Если вру, пусть мнѣ палачъ вырветъ языкъ, — горячо возразилъ онъ, но сейчасъ же сталъ говорить прежнимъ ироническимъ тономъ.

— Когда другіе виновны, легче прощаешь самому себѣ. Это я тебѣ говорю, не какъ моралистъ, котораго огорчаетъ упадокъ общественной нравственности, но какъ человѣкъ очень усталый. Мнѣ бы уже очень хотѣлось отдохнуть послѣ этого подлаго маскарада.

— Неужели же нельзя найти честной жизни подальше отъ этого общества?

— Гдѣ же мнѣ искать ее? Человѣкъ привыкаетъ даже къ грязи.

Полонезъ кончился, музыка затихла и залъ наполнился говоромъ.

— А въ монастырь итти у меня нѣтъ призванія, — добавилъ, помолчавъ, Война. — Если бы я былъ достаточно богатъ, чтобы купить доходное епископство, или, по крайней мѣрѣ, краковскую коадіуторію, тогда бы я устраивалъ великолѣпныя собранія для дамъ и разъѣзжалъ бы съ ними въ каретѣ, запряженной шестерней, а передо мной несли бы распятіе. Въ алтарѣ я пряталъ бы трюфели, чтобы ихъ не съѣлъ органистъ, какъ это дѣлаетъ Скаршевскій. Церковнымъ серебромъ я велѣлъ бы украшать лошадей и сбрую, какъ Коссаковскій, ну, и жилъ бы весело, какъ полагается пастырю душъ. Костелы еще не вполнѣ ограблены, и для меня бы хватило. Великолѣпная идея!

Заремба поглядѣлъ на него съ состраданіемъ.

— Смотришь на меня, какъ ворона на подыхающую лошадь,— обидѣлся Война.

— Мнѣ тебя очень жаль, но я бы могъ тебя вылѣчить.

— Догадываюсь даже, какимъ лѣкарствомъ. Спасибо, военное искусство мнѣ не по вкусу, терпѣть не могу запаха юхтовыхъ сапогъ, каши съ саломъ и дешевыхъ венеръ изъ кабачковъ.

Онъ брезгливо поморщился.

— Придетъ время, когда это будетъ единственнымъ лѣкарствомъ.

— Можетъ-быть. Но пока что, — падай на колѣни! Къ намъ приближается чудо.

Заремба уставился холодными глазами въ тонкую шатенку, которая остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ, окруженная свитой элегантныхъ юношей и привлекала къ себѣ всѣ взгляды. Она была въ костюмѣ Діаны. Въ волосахъ, высоко взбитыхъ надъ лбомъ и опускавшихся завитыми локонами, блестѣлъ великолѣпный брильянтовый полумѣсяцъ, и на спинѣ, почти совсѣмъ обнаженной, покачивался золотой колчанъ, наполненный легкими стрѣлами. Туника тонкая какъ паутина, сотканная какъ бы изъ блеска бирюзы и лучей солнца, доходила ей только до колѣнъ, ноги были украшены золотыми лентами, на пальцахъ босыхъ ногъ блестѣли жемчужины, жемчугомъ была украшена ея лебединая шея и жемчугъ же, нанизанный на золотую нитку, висѣлъ межъ ея обнаженныхъ грудей. Дѣтское лицо было необыкновенно красиво, носъ былъ орлинный, брови черныя, какъ грозно натянутые луки, глаза уличной проститутки и горячія коралловыя губы.

— Настоящая Діана! Горе Актеону! — вздохнулъ Заремба.

— Если бы тотъ не пожелалъ ее любить! Свора подъ рукой.

— Кто это? на ней жемчугъ, какого не носятъ королевы.

— Цѣну этого жемчуга знаетъ Рѣчь Посполитая. О ней ходитъ стишокъ:

«Люлли, марграфская дочь,
И съ королемъ и съ лакеемъ не прочь
Процѣловаться всю ночь—
Люлли, марграфская дочь».

Это любовница короля и многихъ другихъ.

— Дочь маркграфа?

— Одинъ Боскампъ знаетъ происхожденіе ея титула. Онъ свелъ съ ней короля, онъ ей и покровительствуетъ. Мнѣ говорили, что теперь ищутъ ей мужа. Я тебя введу къ ней въ домъ. Это единственный домъ въ Гроднѣ, гдѣ можно встрѣтить всѣ партіи, всѣ сословія, всѣ роды картежной игры. Очень веселый домъ.

— И такую принимаютъ?

— Благородный рыцарь добродѣтели! человѣкъ, напичканный предразсудками, врагъ свободы! запомни разъ навсегда, что въ образованномъ обществѣ всѣхъ націй царитъ безсмертный принципъ: «Ni maître, ni prêtre, ni Dieu».

Заремба возмутился и хотѣлъ протестовать, но Война не далъ ему говорить.

— Я долженъ въ тебѣ искоренить эту провинціальную добродѣтель. У меня есть средство противъ самой закоренѣлой нравственности. Но теперь я бѣгу поздороваться съ Діаной.

Заремба снова обратилъ вниманіе на Ясинскаго, который все еще стоялъ у колонны, и хотя глядѣлъ все время на танцующихъ, не переставалъ, однако, обмѣниваться взглядами и тихими замѣчаніями съ разными лицами.

— Онъ что-то задумываетъ, — подумалъ Заремба, и не рѣшаясь подойти къ нему, сѣлъ въ глубинѣ зала на скамьѣ, гдѣ нѣсколько пожилыхъ дамъ, вычурно одѣтыхъ, усердно мололи языками.

Музыка играла подпрыгивающій англезъ, десятка два паръ танцовало среди зала, подъ начальствомъ знаменитаго дирижера Довиньи, который въ бѣломъ парикѣ, въ бѣломъ фракѣ, въ бѣлыхъ туфляхъ и панталонахъ и въ такихъ же перчаткахъ, держа шляпу подъ мышкой и тросточку въ рукѣ, постоянно присѣдая и кланяясь, какъ въ пируэтѣ, велъ танцующія пары.

Красные лакеи въ парикахъ разносили серебряные и хрустальные кувшины съ прохладительными напитками.

Пожилыя дамы бесѣдовали все оживленнѣе, взгляды ихъ сверкали, какъ стилеты, колкія замѣчанія, ѣдкія прозвища и насмѣшки то и дѣло долетали до слуха Зарембы, но онъ мужественно продолжалъ сидѣть, какъ бы не понимая ихъ полуфранцузскаго языка, и смотрѣлъ все время на Ясинскаго, слѣдя за каждымъ его движеніемъ.

Складные лорнеты съ однимъ стекломъ то и дѣло наводились на разныхъ красавицъ, и злые языки работали безъ-устали:

— Неселовская! Voile et tunique à la Vestale! Ха, ха! точно ключница, одѣтая въ грязную простыню!

— Или вонъ та, Шигловская! Ея coiffure à l'antique похожа на охапку гороховой соломы! Это, должно-быть, въ плоцкомъ стилѣ.

— Ожаровская сегодня имѣетъ видъ стараго разбитаго дивана.

— Могла бы оставить дома свой отвисшій животъ. Противно смотрѣть.

— У Валевской туника надѣта на голое тѣло. Она не стыдится показывать всѣмъ свою прыщеватую спину. Собака, и та завоетъ при ея видѣ.

— Смотрите, жена литовскаго маршала декольтирована до самаго пупка, а сзади еще ниже!

— Танцующимъ сзади нея хотѣлось бы бѣжать отъ стыда!

— Люлли! какой жемчугъ, какая толпа за ней! парижская горничная!

— Камергерша Руцкая со своей носастой обезьяной.

Заремба вздрогнулъ и сталъ слушать внимательнѣе. Сердце его сжалось.

— Это ея новый ami. Говорятъ, что онъ издержалъ на нее уже тридцать тысячъ дукатовъ. Посылаетъ нарочныхъ въ Парижъ за нарядами и конфетами.

— Люди знающіе утверждаютъ, что она и другимъ не отказываетъ.

— Это она по добротѣ своей, въ компаніи вѣдь легче покрыть необходимыя издержки. Бѣдняжка! деньги въ наше время даромъ не даются, а камергеръ скупъ.

Заремба метался отъ бѣшенства, но видя, какъ Ясинскій стоитъ, играя кольцомъ, и какъ-то странно надѣвая его то на одинъ палецъ, то на другой, подошелъ къ нему и шепнулъ:

— Какое прекрасное кольцо!

Ясинскій подалъ ему кольцо съ любезной улыбкой.

Кольцо было золотое въ такъ называемомъ стилѣ римскихъ рыцарей, съ надписью «Fidis Manibus», помѣчено было числомъ 3-го мая, внутри было написано имя. Такія кольца носили на память о конституціи.

Заремба вынулъ изъ жилета такое же кольцо и показалъ Ясинскому.

— Похоже, — шепнулъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и ожидалъ отвѣта.

— Какъ «Богородица» и «Вѣрую»,—отвѣтилъ тотъ едва слышно.

Тогда Заремба придвинулся еще ближе и шепнулъ:

— «Господь съ тобою».

И назвалъ свою фамилію.

— Стань рядомъ со мною, внимательно наблюдай собравшихся и дѣлай видъ, что меня не знаешь. Ты вѣдь знаешь, кто я? Ты изъ какой бригады?

— Изъ второй. Кто же изъ насъ не знаетъ полковника! — весело отвѣтилъ Заремба.

— Начальникъ сообщилъ уже мнѣ о твоемъ прибытіи.

— Онъ уже въ Гроднѣ? — Заремба окинулъ глазами залъ, и хотя замѣтилъ среди танцующихъ Изу, не двинулся съ мѣста, чувствуя всю значительность встрѣчи съ Ясинскимъ.

— Будетъ на-дняхъ. Собирается совѣтъ. Гдѣ командиръ?

— Вѣроятно, уже на пути въ Краковъ.

— А сыщики искали его въ Гроднѣ и окрестностяхъ.

— Былъ такой планъ, вѣроятно, выдалъ Мирославскій. Я долженъ васъ предостеречь, онъ ведетъ какіе-то переговоры съ Тарговицей. Мнѣ надо видѣться съ Мадолинскимъ и Гроховскимъ.

— Завтра получишь указаніе. Я квартирую у гетманши Огинской, но легче всего меня можно встрѣтить на обѣдахъ у Ожаровскаго и Коссаковскаго. Не удивляйся ничему, — говорилъ онъ, придвигаясь еще ближе.—Тебѣ слѣдуетъ завести знакомство съ русскими офицерами, тебѣ поможетъ Война, онъ здѣсь со всѣми хорошо знакомъ, но съ нимъ самимъ надо быть осторожнѣе, — хитрый и болтунъ, за красное словцо можетъ продать душу. А деньги у тебя есть?

— Бэрно будетъ давать, сколько надо.

— Будь завтра у обѣдни въ монастырѣ бернардиновъ.

— Я тамъ остановился. Почта изъ Варшавы налажена?

Но вмѣсто отвѣта Заремба услышалъ, какъ тотъ быстро отошелъ отъ него, и вскорѣ увидѣлъ его въ противоположномъ концѣ зала въ свитѣ прекрасной Люлли. Онъ говорилъ ей какіе-то комплименты, присѣдалъ, раскланивался и улыбался. Въ прекрасномъ лицѣ вполнѣ отражалась его возвышенная душа, глаза горѣли затаеннымъ гнѣвомъ, но губы говорили такъ сладко, что Люлли поглядывала на него все милостивѣе и нѣжнѣе.

Онъ говорилъ быстро, то и дѣло откидывая рукой густые завитые волосы, падавшіе на воротникъ зеленаго фрака, и жестикулируя правой рукой, точно размахивая саблей.

Заремба глядѣлъ на него пламеннымъ взглядомъ поклонника и чувствовалъ себя послѣ этой неожиданной встрѣчи ободреннымъ и не такимъ уже одинокимъ среди веселившейся толпы.

«И онъ нашъ! литовская артиллерія наша!» думалъ онъ, едва сдерживая свою радость. Онъ сталъ взвѣшивать всѣ послѣдствія этого факта въ связи съ общимъ планомъ.

— Скоро вы запляшете, — невольно шепнулъ онъ, глядя неумолимо и хищно, какъ волкъ, на офицеровъ Сиверса,—скоро окончится ваша собачья свадьба!

Душа его горѣла, возмущенная царившей здѣсь безумной оргіей и видомъ продажныхъ сановниковъ, о которыхъ разсказывалъ Война. Онъ слѣдилъ взглядомъ за ними и старался подробно запомнить ихъ лица. Иза пронеслась около него въ вихрѣ танца, онъ даже не оглянулся на нее и въ первый разъ въ жизни поглядѣлъ на женщинъ съ ненавистью. Дьявольскія куклы, соблазнительницы, — съ горечью думалъ онъ и отвѣчалъ презрѣніемъ на ихъ нѣжные взгляды.

Онъ остановился въ золоченыхъ дверяхъ и безпокойно смотрѣлъ на пары, носившіяся по залу, на обнаженныя груди, босыя ноги, легкія туники, ничего не закрывавшія, на безстыдную наготу, въ которую впивались жадные взгляды, на сладострастные изгибы тѣлъ, извивавшихся въ танцѣ.

По тѣлу его пробѣжала дрожь, и сердце застучало сильнѣе. Онъ первый разъ въ жизни видѣлъ этотъ Олимпъ съ его необузданной оргіей сладострастія.

Душа его сгорала отъ стыда, но онъ не могъ оторвать глазъ и стоялъ, какъ прикованный. Передъ его воспаленными взглядами словно проносился какой-то сонъ, полный волшебныхъ искушеній, мелькалъ, увлекая и опьяняя его безконечной вереницей, хороводъ прекрасно-тѣлыхъ богинь въ облакахъ паутинныхъ покрововъ, сквозь которые просвѣчивали живыя краски тѣла и всѣ очертанія необыкновенной красоты.

Были тамъ Психеи съ грудью, подобной бутонамъ цвѣтовъ, и лицами какъ бы изъ лунныхъ лучей, были гордыя и неприступныя на видъ Діаны, пользовавшіяся упроченной славой развратницъ.

Были весталки, одѣтыя въ бѣлыя одежды, подобныя бѣлымъ лиліямъ и дерзко стрѣлявшія по сторонамъ глазами.

Были Цереры, полныя царственнаго величія и сѣявшія вокругъ страсть и опьянѣніе.

Были нимфы и дріады, одѣтыя—à la sauvage—только цвѣтами, перьями, драгоцѣнными каменьями и безстыдной наготой.

Были и молоденькія дѣвушки, едва успѣвшія вырасти, стыдившіяся своей наготы, испуганныя и въ то же время плясавшія безумно, какъ вакханки.

Было и много другихъ, одна прекраснѣе другой и каждая, согласно модѣ, показывала публикѣ все, что можно было показать и продать.

— Что же вы въ такомъ одиночествѣ!—раздался тихій, сладкій голосъ.

Заремба оглянулся. Жена подкоморія стояла передъ нимъ съ очаровательной улыбкой.

— Я заблудился въ лѣсу чудесъ, — указалъ онъ глазами на танцующихъ.

— Могу вамъ служить въ качествѣ Аріадны? — она провела языкомъ по краснымъ полнымъ губамъ. Накидка упала у нея съ плечъ, и она очутилась передъ нимъ какъ бы совсѣмъ нагая.

Онъ отступилъ назадъ, сконфуженный красотой ея полнаго тѣла и безстыдно горѣвшими глазами.

— Будете танцовать со мною англезъ? — она кокетливо ударила его въ грудь вѣеромъ.

— Несчастный! я не умѣю отличить казачка отъ менуэта.

— Жаль, а то вы мужчина хоть куда! — заявила она безцеремонно и стала разсматривать его, не скрывая своего восхищенія.

Онъ разозлился и отвѣтилъ съ той же безцеремонностью:

— Не прицѣнивайтесь напрасно, я не на продажу.

И, гордо поклонившись, ушелъ.

Дама сконфузилась, но долго за нимъ слѣдила глазами.

А онъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, ища уединенія, но всюду было полно. Въ уютныхъ боковыхъ комнатахъ, гдѣ слабый свѣтъ лампъ, помѣщенныхъ въ алебастровыхъ вазахъ, какъ бы призывалъ къ уединеннымъ размышленіямъ, раздавался любовный шопотъ или дремали утомленныя матроны. А въ парадныхъ комнатахъ послѣ отъѣзда Сиверса и всѣхъ дипломатовъ ожесточенно играли въ карты. Комнаты были переполнены, воздухъ былъ полонъ дыма, курили трубки, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ. Здѣсь царилъ всевластно фараонъ, столы осаждались, головы хищно склонялись надъ зеленымъ полемъ, лихорадочно блестѣли глаза, дрожали руки, произносились ставки, затѣмъ наступала минута мучительнаго ожиданія, слышался только сухой шелестъ картъ, взволнованное свистящее дыханіе и дрожаніе ногъ, потомъ вдругъ срывались проклятія, громкіе споры, звонъ загребаемаго золота и тяжелые вздохи проигравшихъ.

То же самое повторялось за всѣми столами и во всѣхъ комнатахъ.

Притомъ всѣ пили такъ много, что прислуга едва успѣвала подавать и наливать. Зарембѣ уже наскучилъ этотъ видъ, какъ вдругъ передъ нимъ появился Война. Глаза его странно горѣли и лицо его было красно.

— Ты, вѣроятно, все проигралъ?

— Безобразно! чуть ли не пряжки отъ костюма! Одолжи мнѣ сколько можешь.

Заремба вручилъ ему довольно туго набитый кошелекъ.

— Дукатовъ пятьдесятъ, — шепнулъ Война, взвѣшивая кошелекъ на ладони.

— Кто же это тебя такъ обыгралъ?

— Твой дорогой товарищъ, Новаковскій.

— Хорошо, что ты напомнилъ мнѣ о немъ, мнѣ надо его видѣть.

— Только не играй съ нимъ, ему всегда такъ везетъ, точно у него тайный союзъ съ Счастьемъ. Сидитъ въ круглой комнатѣ. Чувствую, что сейчасъ отыграюсь! Спасибо тебѣ!

Онъ хлопнулъ рукой по отдувавшемуся карману и побѣжалъ.

Но Заремба вдругъ потерялъ желаніе видѣть Новаковскаго. Онъ вернулся въ залъ на прежнее мѣсто подъ колоннами хоровъ и слѣдилъ глазами за Изой. Она гуляла въ обществѣ длинноносаго блѣднаго господина, который прыгалъ передъ ней, какъ собачка, и о чемъ-то настойчиво ее просилъ. Она не отвѣчала, блуждая вокругъ нахмуреннымъ взглядомъ. Нѣсколько разъ Заремба почувствовалъ на себѣ ея проницательный, но какъ бы ничего не видящій взглядъ.

Прошла мимо него обиженная жена подкоморья, но онъ не замѣтилъ, прошелъ Ясинскій — онъ тоже не видѣлъ, какіе-то юнцы, стоя за нимъ, сообщали другъ другу интимныя подробности о разныхъ красавицахъ — онъ даже не слышалъ ихъ голосовъ. Только ее одну видѣлъ онъ во всемъ залѣ, только ее...

Но онъ не желалъ даже подойти къ ней, предпочитая глядѣть издали, стараясь запомнить навсегда ея прекрасныя черты. Больше ему ничего не надо! наглядится и уйдетъ! — такъ рѣшалъ онъ, не имѣя силы двинуться съ мѣста. Она замѣтила его и остановилась, впиваясь въ него испытующимъ взглядомъ. Загадочная улыбка блуждала на ея губахъ. А у него безумно забилось сердце.

Она ушла и затерялась въ толпѣ. Снова загремѣла музыка и начались новые танцы. Довиньи, какъ бѣлая вѣтреная мельница, размахивалъ руками, разставляя по мѣстамъ непослушныя, веселыя пары.

Вдругъ Заремба пошатнулся, точно ему нанесли смертельный ударъ. Сердце его похолодѣло. Она шла къ нему съ какимъ-то тихимъ призывомъ, губы ея дрожали, какъ бы произнося его имя. Она плыла, какъ волна, разметая съ царственнымъ величіемъ по пути толпу. Черные завитые локоны падали ей на лобъ, виски и шею, высокая открытая грудь дерзко выпячивалась впередъ, движенія ея были подобны движеніямъ покачивающагося на стеблѣ цвѣтка. По временамъ она тонула и исчезала въ танцующей толпѣ. Онъ ждалъ съ мучительной дрожью, когда она снова выплыветъ, когда снова блеснетъ ея золотистая туника, осыпанная маленькими розами, и блеснутъ тонкія обнаженныя до колѣнъ ноги. На губахъ у нея была какая-то радостная и неопредѣленная улыбка, каріе глаза блестѣли, какъ у притаившагося тигра.

Она подходила все ближе, онъ уже слышалъ стукъ ея сандалій. Все тѣло горѣло, сердце билось все сильнѣе. Ему хотѣлось упасть передъ ней ницъ, но онъ не двинулся съ мѣста, и вдругъ, дѣлая отчаянныя усилія, сталъ заковывать себя въ панцырь равнодушія и иронической улыбки.

— Я ждала, думала, что ты пожелаешь со мной поздороваться.

Онъ вздрогнулъ. Это она говоритъ, протягиваетъ руку и ея каріе глаза смотрятъ на него.

— Какъ же я могъ, камергерша, какъ же я могъ осмѣлиться?..

И онъ вдругъ замолчалъ. Собственный голосъ показался ему какимъ-то чужимъ и отвратительнымъ. Она глядѣла удивленно и все еще выжидая, но онъ не произнесъ больше ни слова, только пронизывалъ ее безжалостнымъ холоднымъ взглядомъ.

— Пани камергерша! ждемъ! — звалъ кто-то, подбѣгая къ ней. Она подала руку и отошла, скрывая гнѣвъ.

Заремба сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за ней, но толпа ихъ раздѣлила и оттолкнула его на прежнее мѣсто.

Громадный залъ закружился передъ его глазами, все слилось въ одинъ вращающійся омутъ, — и огни, и красные обои, и люди, и блестящія зеркала, а во главѣ всей этой вереницы бѣлый Довиньи все размахивалъ тросточкой, обвитой лентами, прыгалъ, какъ паяцъ на веревочкѣ и кричалъ козлинымъ старческимъ голосомъ.

Заремба крѣпче прислонился къ колоннѣ и не сводилъ глазъ съ Изы. Онъ не сожалѣлъ ни о чемъ, заглушалъ въ себѣ тоску, былъ совершенно спокоенъ. Но это торжество надъ самимъ собою было какое-то безнадежное и мучительное.

А Иза теперь танцовала какъ бы исключительно для него.

Проносилась все время передъ его глазами, какъ золотистое облако.

Казалась легкимъ цвѣткомъ, луннымъ видѣніемъ и въ то же время безуміемъ страсти.

Лицо ея горѣло, глаза метали молніи, полныя губы алѣли кровавой полоской, томная улыбка, томные изгибы тѣла призывали и будили желанія.

Каждое ея движеніе было пѣсней тоски, напоминаній и любовнаго зова.

— Не соблазнишь меня! — отвѣчалъ ей гордый, вызывающій взглядъ. — Не позволю больше мучить себя. Ты убила мою любовь! — думалъ онъ, и въ мозгу его пронеслись воспоминанія забытыхъ клятвъ и огненныхъ поцѣлуевъ. Онъ гналъ отъ себя прочь эти воскресавшія видѣнія, стараясь исторгнуть ихъ изъ памяти, но не могъ отвести отъ нея глазъ и уйти, хотя внутренно рѣшалъ это сдѣлать.

Опомнился онъ только тогда, когда кто-то прикоснулся къ его рукѣ.

— Что тебѣ?

Передъ нимъ стоялъ его довѣренный слуга Кацперъ.

— Пріѣхалъ капитанъ и съ нимъ еще какой-то толстый господинъ, — шепнулъ тотъ ему на ухо.

— Хорошо, подавай лошадей.

— У насъ нѣтъ пропуска.

Заремба взглянулъ на него, не понимая, въ чемъ дѣло.

— По угламъ стоятъ наряды и на улицахъ казачьи патрули. Всѣ должны имѣть разрѣшеніе отъ коменданта Гродна.

— Какъ же мы вернемся домой?

— Надо ждать до утра.

— Надо возвращаться сейчасъ же, дѣло очень спѣшное. Я уже условился съ однимъ боснякомъ, онъ обѣщалъ насъ провести.

Заремба еще разъ взглянулъ на Изу. Она танцовала, глядя все время на него, улыбаясь и какъ бы безмолвно моля, — вся какъ одинъ воплощенный крикъ любви и тоски.

Онъ быстро отступилъ за толпу, окружавшую танцующихъ, и вышелъ.

Около террасы ждалъ какой-то человѣкъ, который шепнулъ:

— Идите за мной, — и пошелъ самъ впередъ, оглядываясь по сторонамъ.

На востокѣ уже занималась заря, паркъ чернѣлъ и покрывался густымъ туманомъ, надвигавшимся съ Нѣмана. Откуда-то съ луговъ доносилось ржаніе лошадей.

Заремба оглянулся и окинулъ взглядомъ дворецъ. Всѣ окна были освѣщены, гремѣлъ оркестръ, по залу проносилась танцующая толпа, слышался шумъ голосовъ, смѣхъ и топотъ.

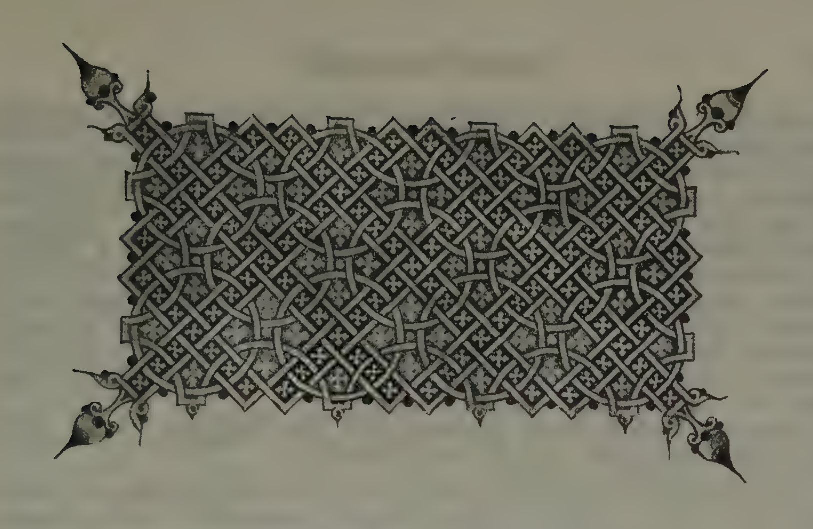
— Ты говоришь, кто меня ждетъ? — спросилъ вдругъ Заремба останавливаясь.

— Капитанъ Качановскій съ какимъ-то толстымъ господиномъ.

Заремба пошелъ такъ быстро, что тѣ за нимъ едва успѣвали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Щепкинъ и Герценъ.

Обширное письмо Щепкина, 1853 года, адресованное А. И. Герцену, извлечено изъ матеріаловъ комнаты сороковыхъ годовъ Румянцевскаго музея. Отрывки изъ этого письма были уже опубликованы Е. С. Некрасовой («Русская Мысль», 1904 г., № I), мы приводимъ его полностью.

Извѣстна друбжа Герцена и Щепкина, бывшаго своимъ человѣкомъ въ домѣ и московскомъ кружкѣ Герцена, а также разсказы Герцена объ ихъ свиданіи за границей. Эти разсказы пополняются письмами Герцена къ Маріи Каспаровнѣ Рейхель (см. «отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена», М. 1909).

Герценъ узналъ еще весною 1853 г. отъ М. К. Рейхель, что старикъ будетъ въ Парижѣ и, можетъ-быть, соберется въ Лондонъ, гдѣ только что начала свою дѣятельность вольная русская типографія. «Если я увижу Михаила Семеновича, то я съ ума сойду,— въ необыкновенномъ волненіи пишетъ Герценъ въ Парижъ. — Вотъ никакъ не ожидалъ и не думалъ... а что-то и страшно мнѣ, я бы, кажется, никого изъ старыхъ друзей видѣть не хотѣлъ. Мнѣ стыдно и больно за всѣ мои несчастія — роль, которую мнѣ приписываютъ, не блестяща, по крайней мѣрѣ»... *(2 мая)*. Герцена задѣвало и коробило отъ слуховъ, что его заграничная дѣятельность, по мнѣнію московскихъ друзей, только р о л ь. Онъ негодовалъ на нихъ за равнодушіе къ вольной типографіи и чрезмѣрную осторожность, съ какой они отнеслись къ его предложеніямъ печатать свободно въ Лондонѣ на первый разъ хотя запретныя вещи Пушкина, Лермонтова и проч., и за то, что не слали ему матеріаловъ. «Я шесть лѣтъ говорю всѣмъ отправляющимся, у Хрис. (вѣроятно, Николай Христофоровичъ Кетчеръ) есть полный списокъ ненапечатанныхъ стиховъ Пушкина. Теперь знаютъ въ Москвѣ о типографіи. При выѣздѣ никогда никого не осматриваютъ. Хотите пари держать, что и Мих. Сем. не привезетъ ихъ. Бутылку, бочку, чанъ, прудъ, озеро шампанскаго я держу» *(9 іюня)*. Такъ и вышло, но Герценъ въ каждомъ письмѣ

нетерпѣливо спрашивалъ, скоро ли будетъ Щепкинъ: «смерть хочется его видѣть» *(2 сент.)*.

Встрѣча старыхъ друзей состоялась 3-го сентября въ Фокстонѣ, Щепкинъ поѣхалъ отсюда къ Герцену въ Лондонъ, а 7 сентября (26 августа русскаго стиля) Герценъ уже проводилъ Щепкина. Послѣ радостнаго нервнаго раздраженія встрѣчи, послѣ «хохота со слезами въ голосѣ», Щепкинъ выбралъ время и со слезами на глазахъ, готовый стать на старыя колѣни, просилъ Герцена «остановиться пока есть время», бросить безплодную, на его взглядъ, агитацію, которая только «губитъ» де друзей въ Россіи, и посидѣть нѣсколько лѣтъ смирно, чтобы дать забыть о себѣ, впослѣдствіи вернуться прощеннымъ домой.

Герцену нечего было отвѣтить на эти просьбы. Разставанье было необыкновенно грустно для обоихъ.

Въ день отъѣзда Герценъ написалъ Рейхель: «Зачѣмъ я сегодня пишу—не знаю. И ничего не напишу, а такъ будто легче будетъ. Мих. Сем. проводили — и какъ пошелъ одинъ по Лондону бродить, такъ стало сиротливо, страшно — и отчего это 26 августа (именины покойной жены Герцена Натальи Александровны). Мнѣ кажется, я въ лицѣ его простился съ Русью. Мы разошлись или развелись обстоятельствами, такъ что другъ друга не достанемъ, и голосъ становится непонятенъ. Много пользы сдѣлалъ мнѣ Мих. Сем. Всѣ правды лучше лжей, чего бы ни стоили. Симпатія, можетъ, и будетъ въ будущемъ поколѣніи. А сердечна связь — съ настоящимъ... Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ въ Америку уѣхать? Да, міръ несвободный безпощадно пытаетъ осмѣливающагося стать свободно. Я на пять лѣтъ старше съ 3 сентября». 16 сентября Герценъ ей же писалъ: «Ваше письмо грустно. Знаете ли причину, Вы настолько вжились въ больную, но возбужденную среду нашу, что облако удушающей русской жизни, захваченное съ собой Мих. Сем., задавило и въ Васъ на мигъ все свѣтлое. Вотъ что было со мной дня четыре еще послѣ его отъѣзда. Самъ Мих. Сем. — лучшее доказательство, что это не въ самомъ дѣлѣ такъ,— нѣтъ, это атмосфера не Россіи, а московскихъ доктринеровъ, нашихъ состарѣвшихся друзей. — Вамъ больно, неловко. Ахъ, Марья Касп., неужели Вы можете одну минуту подумать, что мнѣ не больно, не неловко. Но — мой крестъ, который я несу съ дѣтства, это безбоязненное принятіе всякой истины. Многаго и переносить не осталось послѣ того, что потеряно, но нельзя не сознаться— наши друзья представляютъ несчастное, застрадавшееся, затомившееся, благородное поколѣніе—но не свѣжую силу, не надежду, не дѣтскій звонкій привѣтъ будущему»...

Таково было настроеніе Герцена подъ вліяніемъ встрѣчи съ Щепкинымъ. «Онъ уѣхалъ, — писалъ Герценъ въ некрологѣ М. С. чрезъ десять лѣтъ: — но неудачное посольство его все еще бродило въ немъ, и онъ, любя сильно, сильно сердился и, выѣзжая изъ Парижа, прислалъ мнѣ грозное письмо. Я прочиталъ его съ той же любовью, съ которой бросился ему на шею въ Фокстонѣ, и—пошелъ своею дорогой»...

«Грозное» письмо Щепкина, далѣе полностью воспроизводимое, едва ли заслуживаетъ этого эпитета. Это не угроза, а жгучая боль добраго сердца. Такъ можетъ писать только глубоко любящій человѣкъ родному сыну, вступившему на новый и нежеланный

старику путь, съ котораго онъ свести его не въ силахъ, не въ силахъ убѣдить и знаетъ, что не можетъ убѣдить и все-таки старается собрать мысли и убѣдить и, наконецъ, въ тоскѣ прибѣгаетъ къ послѣднему аргументу: вѣдь я же люблю тебя....

Въ общемъ, письмо Щепкина выражаетъ цѣлое міровоззрѣніе человѣка, который долгимъ рядомъ лѣтъ пріученъ къ мысли, что общественно-политическое дѣло не есть дѣло частныхъ лицъ, что для того, чтобы вмѣшиваться въ политику, нужны какія-то особенныя права, а иначе это лишь пустое самомнѣніе, дѣло каждаго человѣка, «дѣло человѣчества» добросовѣстно нести свои обязанности и дѣйствовать на общество лишь личнымъ воздѣйствіемъ и примѣромъ добросовѣстной и участливой къ людямъ жизни. Съ этой точки зрѣнія Щепкинъ, хватаясь въ пылу увлеченія за подобіе аргумента, доказываетъ, что и сами рабы въ Россіи не хотятъ вовсе той свободы, о которой для нихъ вздумалъ домогаться его чрезмѣрно пылкій другъ... А между тѣмъ Щепкинъ былъ самъ изъ крѣпостныхъ, и разсказы его о нравахъ крѣпостного быта были вѣдь однимъ изъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ въ обществѣ слагалось отвращеніе къ рабству.

17 октября Герценъ, получившій парижское посланіе Щепкина чрезъ М. К. Рейхель, писалъ ей: «Я Вамъ не писалъ еще ничего о письмѣ Мих. Сем. Я не думаю, чтобы Вы дѣлили его взглядъ— это благородная, теплая, но надломленная рабствомъ натура. Для него еще и рѣчь свободная кажется дерзостью. Положимъ, что человѣкъ ошибается, но гдѣ же преступленіе. Непривычность къ свободной рѣчи увеличиваетъ въ ихъ глазахъ опасность. Жаль, если эти мнѣнія могли имѣть вліяніе на Васъ, это мнѣнія византійскія du découragement, de l'abattement?» Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 22 октября снова упоминаніе о Щепкинѣ. Герценъ собирался посвятить Маріи Каспаровнѣ одно изъ своихъ произведеній въ видѣ надписи Маріи Р. «Написалъ я къ имени нѣсколько строкъ. Мих. Сем. опять скажетъ: «слова, слова», — да, слова, но мнѣ хотѣлось сказать Вамъ публично эти слова, потому что они у меня глубоко въ сердцѣ. Все слова — и ложь слово, и правда слово. Дѣло въ томъ, какъ говоритъ самъ Мих. Сем., что мы стали говорить на разныхъ нарѣчіяхъ».

Въ приводимомъ въ заключеніе письмѣ Щепкина къ Маріи Каспаровнѣ, написанномъ уже изъ Россіи предъ поѣздкой въ Москву, М. С. благодаритъ за гостепріимство, ему оказанное въ Парижѣ, и въ послѣдній разъ посылаетъ свой привѣтъ Герцену за море.

1.

«Не ужели я 65 лѣтъ прожилъ даромъ и изъ учая людей я совершенно ни чему не научился; это старое сердце, сочувствовавшее всему прекрасному, не ужели совершенно очерствѣло, огрубѣло до такой степени что никакая добрая мысль не расшевелитъ его; грустно, грустно и грустно; всѣ брашурки вашы исполненные ума остроты и блестящымъ на боромъ словъ не произвели во мнѣ ни чего, и я въ нихъ ничего не нашелъ другова; какъ только слова, и слова. Начиная съ самыхъ названій. Упрекъ что мы не помогли полякамъ возстановить своего королевства другими словами, что мы не помогли имъ бить себя, ибо безъ этаго нельзя

было возстановить такъ страненъ что вы сами лучше меня можете разрѣшить его: да и какъ смѣшивать дѣло человѣчества и дѣло политики; да и лучше ли было для народа въ польскомъ королевствѣ помни для народа; ты же самъ говоришь что они наказаны за то зло которое тѣрпѣлъ отъ нихъ народъ и выходитъ въ результатѣ игра въ слова. Юрьевъ день [1]) еще страннѣе; ты знаешь Россію, все ее политическое устройство, и вдругъ взываешь къ тому классу на святое дѣло, которой не хочетъ этого и не можетъ потому что это связано съ его жизненными интересами и въ жару краснорѣчія говоришь что это шагъ съ освобожденію ихъ отъ рабства; то есть ты взываешь къ тѣмъ которые не хотятъ и не могутъ уничтожить крѣпостного состоянія; а тотъ кто можетъ и хочетъ этого по твоимъ фразамъ долженъ изъ осторожности не соглашаться на это, потому что ты самъ ему указываешь что это шагъ къ разрушенію всего; мож(н)о ли до такой степени заигратся въ слова что бы самому не видать этого, и ето по твоему есть выраженіе любви къ Россіи; величайшій врагъ не написалъ бы этого, и все это пересыпано ѣдкими фразами. Не ужели человѣку слово дано только для того чтобы изрыгать безъ пользы колкости. Нельзя ли употребить его благороднѣе и полезнѣе. А къ тому же ты самъ знаешь по опыту что рабы еще не хотятъ быть свободными, съ чего напала на тебя человѣческая гордость дѣлать ихъ свободными противъ ихъ воли. Быть такъ сказать Творцомъ ихъ щастія другими словами быть двигателемъ исторіи. Исторіи не подв(и)нешь она идетъ по своимъ невѣдомымъ человѣку законамъ. Прошедшее передъ тобой; вы можете возмутить не мыслящую массу, можете взволновать и въ этой мутной водѣ люди съ вопросами могутъ изловить кое что для себя а исторія пойдетъ своимъ путемъ и народъ безъ нравственнаго развитія останется всегда народомъ.

Что же касается до равенства! то на это можетъ тебѣ служить отвѣтомъ вся природа, въ ней нѣтъ ни въ чемъ равенства, а между тѣмъ все въ полной гармоніи; оставте міръ рости (по) своимъ естественнымъ законамъ и помогайте его росту развитіемъ въ человѣкѣ нравственнаго чувства, сейте мысль но не поливайте кровью.

Представте что вопросы вашы есть слѣдствіе за блужденія и повѣрьте что у многихъ (я тебя изъ ключаю) человѣчество только предлогъ и все дѣло въ своихъ убѣжденіяхъ для которыхъ вы готовы это любимое человѣчество облить кровью и предать огню и мечу; это совершенно новая любовь; но изъ своего я изъ своей гордости вы будете упрямится а для подъ держанія своихъ не чувствуемыхъ Вами ошибокъ будете возмущать будете лить кровь любимаго вами человѣчества; а отвѣтомъ вашимъ вопросамъ все таки будетъ прошедшая всемирная исторія. Чѣмъ вы тогда искупите ваши ошибки; вы скажете что и прежде люди ошибались но дурной примѣръ не есть примѣръ. Конечно изъ ложнаго понятія о чести вамъ трудно отказаться отъ своихъ ошибокъ: но въ этомъ то и состоитъ достоинство человѣка что бы съ благородной гордостію сознаться въ нихъ. И при томъ не ужели всѣ милліоны на всемъ земномъ шарѣ глупы, а только мы избравшіе сами себя въ руководители цѣлаго міра, только мы полное совершенство и потому

[1]) Статья Герцена, одно изъ «первыхъ изданій» вольной типографіи.

имѣемъ право учить весь міръ, не слишкомъ ли самолюбиво, ежели гордость не совсѣмъ овладѣла нами, посмотримъ нѣтъ ли въ насъ какихъ либо человѣческихъ недостатковъ; и ежели они точно есть; то начнемъ уроки съ себя, можетъ быть эти уроки принесутъ большую пользу и съ исправленіемъ нашихъ собственныхъ недостатковъ не измѣнится ли и взглядъ нашъ на многіе вещи: можетъ быть исчезнетъ желаніе двигать міръ по своему произволу, а предоставимъ все естественному порядку а съ своей стороны будемъ полезны человѣчеству по нашымъ силамъ, будемъ сѣять мысль для нравственнаго состоянія человѣка и поддерживать ее примѣромъ не хватитъ силъ для всего человѣчества будемъ полезны тѣмъ на сколько насъ хватитъ, возрастимъ въ нихъ ту же мысль братскую любовь ко всему человѣчеству, въ дѣйствительной жизни фактъ сильнее словъ. Будемъ же дѣлать то что по силамъ нежели щеголять фразами только о томъ что производить время этимъ мы исполнимъ святой и истинный долгъ человѣка и принесемъ гораздо болѣе пользы всему человѣчеству потому, что вѣрь, еще повторю, примѣръ сильнее слова конечно тутъ нѣтъ ни волненія ни крови, но по моему тутъ то и кроется чистая братская любовь. Не могу высказать тебѣ всего что у меня на душе ты знаешь я неученый; да я не ученый а скажу съ гордостью что по силамъ я исполнилъ (свой) человѣческій долгъ живя трудомъ былъ ближнему полезенъ насколько хватило силъ и дѣломъ и словомъ. Есть ли не здѣлалъ больше то или по неразумѣ(ні)ю или не могъ больше, а въ сердце моемъ не изъчерпаемой источникъ для любви къ человѣку вотъ почему я и снисходителенъ къ недостаткамъ человѣка, и естьли бываю строгъ то только къ себѣ, можетъ быть скажете что этого недостаточно, но по крайней мѣрѣ я недѣлаю этимъ ближнему для мечтательнаго блага настоящаго зла; право прочь всѣ вопросы, вырви себя изъ этой волны хоть года на два (а) за дѣло уѣзжай въ Америку или какую другую страну вездѣ можно быть человѣкомъ не изтощаясь въ безъ полезныхъ остротахъ и щегольскихъ фразахъ: вспомни ты отецъ очищая дѣтямъ будущую дорогу жизни изъ своихъ жизненныхъ ошыбокъ укажи имъ только одно; быть человѣкомъ да не мечтательными фразами а дѣломъ и повѣрь что остальное пойдетъ своимъ путемъ: есть ли же и послѣ этаго опыта ты останешся съ тѣми же вопросами тогда иди куда тебя ведетъ судьба.

Прощай! Надо чтобы бы душа моя сильно страдала что бы я рѣшился такъ много наболтать что дѣлать это порокъ старости: можетъ быть тутъ нѣтъ логическаго порядка мыслей, за то нѣтъ строки которая бы не была облита горькими слезами конечно это тоже слабость но что же дѣлать я не могу сухо любить человѣка и не взирая на разность убѣжденій я не умѣю переставать любить. Отвѣта не нужно я знаю у тебя много логики и потому ты знаешь, что это будетъ не равной бой и потому это будетъ не честно; въ любви къ человѣку я бы поборолся съ тобой и тогда богъ знаетъ чья бы взяла: безъ отвѣта у меня останется надежда что ты примиришся самъ съ собой и найдешъ въ семье свое(й) хотя часть утраченнаго блага: что дѣлать утратили большее будемъ довольны малымъ.

Обнимаю тебя и можетъ быть въ послѣдній разъ а ты обними за меня дѣтей своихъ и вмѣстѣ съ ними вспоминай иногда о старикѣ.

Приписка рукою М. К. Рейхель.

Вотъ Вамъ отъ М. С. Онъ ѣдетъ въ середу хотя онъ и не проситъ объ отвѣтѣ я все-таки посылаю чтобы Вы могли написать, если захотите. Мнѣ сегодня нѣкогда писать, да и на слѣдующій недѣлѣ развѣ въ концѣ, мы переѣзжаемъ не позже 13-го, поэтому надо о всякой всячинѣ заботиться. Мнѣ больно посылать Вамъ это письмо, но Вы знаете, что оно писано любя Васъ, да и наконецъ что же мнѣ дѣлать какъ не послать. Ну прощайте, дѣтей цалую, Марихенъ [1]) большое спасибо за подробное описаніе, да не забудьте сказать ей а писать, скажите что нѣкогда. Рейхель [2]) воротился въ середу еще и кланяется Вамъ.

Addio.

Письмо Ваше сегодня получила.

2.

Отъ 7-го октября нашего стиля.
19-го вашего.

Добрая мая
Марія Кашпаровна.

Словъ благодарить васъ у меня нѣтъ, но есть старое сердце, въ которомъ вросло все ваше доброе вниманіе, и ему очень тяжело что не можетъ хоть нѣсколько поквитатся пращайте будьте здоровы поцалуйте за меня вашего бородатаго Рейхеля и дѣтву вашу; доѣхалъ благополучно 6-го то есть во вторникъ: пожалуста скажите мнѣ хоть слова два объ сынѣ какъ онъ выѣхалъ изъ Парижа въ какомъ положеніи его здоровьѣ перецулуйте всѣхъ нѣмокъ и за все это скажу вамъ только то что Корши всѣ здоровы гостинцы вручены: есть ли бы въ половину исполнилось все, то чего я вамъ отъ всей души желаю: это было бы недурно: Прощайте цалую васъ и ваши ручки много разъ не забывайте стараго болтуна. Прощайте весь вашъ

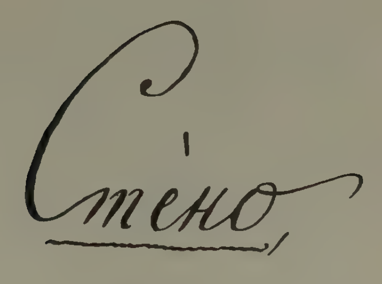
на - и - препокорнѣйшій
Михайло Щепкинъ.

Поклонитесь за море и скажите ему Богъ съ нимъ.
Послѣ завтра ѣду въ Москву.

Сообщилъ *Ч. Вѣтринскій.*

---

[1]) Бонна въ домѣ Герцена.
[2]) Мужъ М. К.

Драматическая Поэма,

Сочинение

Н. Тургенева.

Начата 21го Сентября 1834го

Окончана 13го Декабря 1834го года

Счастливъ, кто съ юношескихъ дней
Живыми чувствами убогой
Идетъ проселочной дорогой
Къ мечтѣ таинственной своей. etc.

Языковъ.

But we, who name ourselves its sovereigns, we
Half dust, half deity, alive unfit
To sink or soar, with our mix'd essence make
A conflict of its elements and breathe.
The breath of degradation and of prides... etc.

Manfred. Byron.

...fly; while thou'rt bless'd and free...

Shakespeare. Timon of Athens.

(NB позднѣйшимъ почеркомъ).

Сей экземпляръ подаренъ мною А. Я. П.

И. Т.

Сте́но.

Драматическая поэма.

Дѣйствуюшія лица:

Стѐно
Джакоппо, рыбакъ
Джулія, сестра Джакоппо.
Антоніо, монахъ.
Ріензи, докторъ.
Маттео, слуга Стено.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ РИМѢ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Ночь. Колизей.

Стѐно, *одинъ.*

Божественная ночь!.. Луна взошла;
Печально смотритъ на сѣдыя стѣны...
Покрывъ ихъ серебристой дымкой свѣта.
Какъ все молчитъ! О вѣрю я, что ночью
Природа молится Творцу... Какая ночь!
Тамъ вдалекѣ сребрится Тибръ; надъ нимъ
Таинственно склонились кипарисы,
Колебля серебристыми листами...
И Римъ лежитъ какъ саваномъ покрытъ;
Тамъ все мертво и пусто какъ въ могилѣ;
А здѣсь угрюмо дремлетъ Колизей,
Чернѣясь на лазури темной неба!

. . . .

Прошли вѣка надъ Римомъ чередой
Безмолвной и кровавой; и стирала
Ихъ хладная рука все то, что онъ хотѣлъ

Оставить намъ въ залогъ своей могучей
Великой силы... Но остался ты
Мой Колизей!..
Священная стѣна!
Ты сложена рукою римлянъ; здѣсь
Стекались властелины міра
И своды вѣковые Колизея
Тряслись подъ ними... между тѣмъ какъ въ циркѣ
Блѣднѣя, молча, умиралъ гладіаторъ
Или стоная — рабъ, подъ лапой льва.
И любо было римскому народу
И въ бѣшеномъ веселіи онъ шумѣлъ...
Теперь — какъ тихо здѣсь! Въ пыли
Высокая работа человѣка!
Лѣнивый Лазарони равнодушно
Проходитъ мимо, пѣсню напѣвая,
И смуглый Кондоттіери здѣсь лежитъ,
Съ ножемъ въ рукѣ и ночи выжидая.
. . . .
. . . .
Быть-можетъ,
Чрезъ двѣсти лѣтъ придетъ твоя пора,
Мой древній Колизей — и ты падешь
Подъ тяжкою рукой вѣковъ... какъ старый
Столѣтній дубъ подъ топоромъ. Тогда
Сюда придутъ изъ чуждыхъ, дальнихъ странъ
Потомки. Любопытные толпой
Взглянутъ на дивные твои остатки
И скажутъ: «Здѣсь былъ чудный храмъ. Его
Воздвигнулъ Римъ и многіе вѣка
Стоялъ онъ, время презирая. Здѣсь,
Да здѣсь былъ Колизей»...
(Мгновеніе молчанія).
Передо мной, какъ въ сумрачномъ видѣньи
Встаетъ безсмертный Римъ, со всѣмъ, что было
Въ немъ грознаго и дивнаго. Вотъ Римъ!
Онъ развернулъ могучею рукою
Передо мною свою жизнь; двѣнадцать
Столѣтій былъ онъ богомъ міра. Много,
О много крови на страницахъ жизни
Твоей, о Римъ! но чудной, вѣчной славой
Онѣ озарены, и Римъ исчезъ! О! много
Съ нимъ чуднаго погребено!..
Мнѣ больно;
Мнѣ душно; сердце сжалось; голова

Горитъ... О, для чего намъ жизнь дана?
Какъ сонъ пустой, какъ легкое видѣнье
Римъ перешелъ... и мы исчезнемъ такъ же,
Не оставляя ничего за нами
Какъ слабый свѣтъ луны, когда, скользя
По глади водъ, онъ быстро исчезаетъ,
Когда найдетъ на нее туча... О!
Что значитъ жизнь? что значитъ смерть? Тебя
Я, небо, вопрошаю, но молчишь
Ты, ясное, въ величіи холодномъ!
Мнѣ умереть! зачѣмъ же было жить?
А я мечталъ о славѣ... о безумный!
Скажи, что нужды въ томъ, что, можетъ-быть,
Найдешь ты мѣсто въ памяти потомковъ,
Какъ въ безднѣ звукъ! Меня, меня
Кипящаго надеждой и отвагой
Вскормила ль мать на пищу червякамъ!..
Да, эта мысль меня тѣснитъ и давитъ:
Мгновеніе — и грудь, въ которой часто
Такъ много дивнаго и сильнаго бываетъ,
Вдругъ замолчитъ — на вѣчность! Грустно! Грустно!..
Быть такъ... ничѣмъ... явиться и исчезнуть,
Какъ на водѣ волнистый кругъ... и люди —
Смѣшно — гордятся своимъ бѣднымъ,
Пустымъ умомъ, существованіемъ жалкимъ
И требуютъ почтенія отъ такой же
Ничтожной грязи, какъ они... Но Стѐно
Что за могилой?..
Когда я былъ молодъ,
Я свято вѣрилъ въ Бога; часто слушалъ
Слова святыя въ храмѣ; вѣрилъ я.
Меня судьба возненавидѣла, — и долго
Боролся я съ моимъ врагомъ ужаснымъ...
Но, наконецъ, я палъ; тогда вокругъ
Меня все стало иначе... мнѣ тяжко,
Мнѣ грустно было вѣру потерять,
Но что-то мощно мнѣ изъ сердца
Ее съ любовью вырвало... и я
Моей судьбѣ неумолимой
Отдался въ руки... съ этихъ поръ
Я часто думалъ возвратить молитвой
Огонь и жизнь въ мою холодную
Нагую душу... Нѣтъ вотще! Во мнѣ
Изсохло сердце и глаза! Ужъ поздно!
. . . .

Я сдѣлалъ шагъ и вдругъ за мною тяжко
Низринулась скала — и преградила
Мнѣ шагъ назадъ: и я пошелъ впередъ,
Пусть сбудется, чему должно! Впередъ!
(Минута молчанія).

Мнѣ дурно; сердце ноетъ... все темнѣетъ...
Вокругъ меня... О... Стѐно... это смерть!
(Падаетъ безъ чувствъ).

(За сценой слышенъ голосъ Джуліи; она поетъ).

Тихо солнце надъ водами
Закатилось. Подъ окномъ
Кто-то стукнулъ и тайкомъ,
Ярко-черными очами
Заглянулъ въ мое окно...
Я ждала тебя давно!

(Входятъ Джулія и Джакоппо).

Джулія. Кто здѣсь лежитъ, о Боже!
Джакоппо. Гдѣ?
Джулія. Мадонна!
Какъ блѣденъ онъ!
Джакоппо. Онъ умеръ.
Джулія. Нѣтъ, о нѣтъ!
Смотри, смотри... онъ дышитъ! На челѣ
Холодный потъ... уста полураскрыты.
Джакоппо...
Джакоппо. Джуліа?
Джулія. Нашъ домъ такъ близокъ;
Мой другъ... снесемъ его туда...
Джакоппо *(поднялъ Стѐно).*
Джулія. Но тише
Бери его. Ты видишь, онъ такъ слабъ...
Въ очахъ нѣтъ жизни...
Джакоппо. Пойдемъ... онъ легокъ....
Джулія. Какъ чудно блѣденъ онъ; луна
Сіяетъ прямо ему въ очи... Боже,
Какъ холодно его чело...
Джакоппо. Сестра...
Скорѣй, скорѣй, я зябну...
Стѐно *(сквозь сонъ).* Горе... горе...
Джулія. Что онъ сказалъ...
Джакоппо. Не знаю... но недвижно
Онъ все лежитъ... Пойдемъ... *(Про себя.)* Сказалъ онъ: горе!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.
(Недѣлю спустя).

(Море. Стѣно. Джуліа.)

Джуліа. Ты грустенъ, Стѣно?
Стѣно. Я? Да, Джуліа.
Джуліа. Грустенъ?
Молчишь... угрюмъ... и чѣмъ я...
Стѣно. Джуліа, Джуліа.
Я никогда не зналъ веселія.
Джуліа. Ты?
Стѣно *(подходя къ берегу)*. О, я люблю смотрѣть на это море,
Теперь оно такъ тихо и лазурно,
Но вѣтръ найдетъ и, бурное, возстанетъ,
Катя пѣнистые валы, и горе
Тому, кого возьметъ оно въ свои
Безбрежныя, могучія объятья...
Измѣнчивѣе сердца дѣвы
Оно.
Джуліа. О, Стѣно, Стѣно!
Стѣно. Да.
Моя душа — вотъ это море, Джуліа,
Когда забывъ мои страданья, я
Вздохну свободно послѣ долгой
Борьбы съ самимъ собой — я тихъ и веселъ
И отвѣчаю на привѣтъ людей...
Но скоро снова черными крылами
Меня обхватитъ грозная судьба...
Я снова Стѣно. И во мнѣ опять
Все то, что было, разжигаетъ душу
И ненавистно мнѣ лице людей
И самъ себѣ я въ тягость...
Джуліа. Стѣно,
Когда найдетъ на душу мрачный часъ
И душно тебѣ будетъ средь людей
Приди ко мнѣ... люблю тебя я, Стѣно.
И болѣе чѣмъ брата... ты мнѣ все.
Въ тебя я вѣрю, какъ бы въ Бога,
Твои слова я свято берегу..
Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя нашла
Безъ чувствъ, холоднаго у Колизея,
Мнѣ что-то ясно говоритъ: вотъ онъ,
Кого душа твоя искала...

И я повѣрила себѣ... О, Стѐно,
Мнѣ упоительно дышать съ тобой!
Люби меня... и буду я тебя
Лелѣять какъ мать сына... и когда
Свое чело горячее на грудь
Ко мнѣ ты склонишь, я сотру лобзаньемъ
Твои морщины... Стѐно...

С т ѐ н о. Джуліа, Джуліа!
Мнѣ больно тебя видѣть!
(Джуліа блѣдная падаетъ на колѣна, устремляя глаза на Стѐно и обнявъ его ноги).
И такъ и ты, несчастное созданье,
Въ мою ужасную судьбу вовлечена.
Любви ты просишь? Джуліа, это сердце...
Въ немъ крови нѣтъ... Давно, давно
Оно изсохло, Джуліа... Въ моей власти
Все, все, но не любить... Послушай...
Но, можетъ-быть, тебя разочаруютъ
Мои слова... ты еще вѣришь въ счастье.
Мнѣ, дѣва... жаль тебя...
Оставь меня... я, я любви не стою.
Мнѣ ль, изможденному, принять тебя,
Кипящую любовью и желаньемъ,
Въ мои холодныя объятья... Нѣтъ!
Прости мнѣ, Джуліа... будь мнѣ другомъ...
Но не теряй своей прелестной жизни
Любить меня...

Д ж у л і а. О Стѐно... я умру.

С т ѐ н о *(поднимаетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни).*
Не умирай, Джуліетта... О подумай,
Мнѣ ль перенесть ту мысль, что я, несчастный,
Проклятый небомъ, твой убійца... Нѣтъ!
Я буду слишкомъ тяжко проклятъ небомъ!..
Тебѣ такъ хорошо?

Д ж у л і а. О, я готова
Здѣсь умереть. Но разскажи мнѣ, Стѐно,
Молю тебя какъ друга, твою жизнь!
Ты еще молодъ, а морщины рѣзко
Змѣятся на челѣ твоемъ... И... можно ль
Мнѣ какъ сестрѣ его поцѣловать?
(Цѣлуетъ его).

С т ѐ н о. Джуліа! Джуліа!
Много ночей не спалъ я; много горя
Я перенесъ въ свою короткую,
Но тягостную жизнь... Послушай...

Я долго жилъ, какъ живутъ дѣти
Безъ горя и сознанія въ горе міра.
Я былъ невиненъ какъ ты, Джулія,
И добръ. И я любилъ людей,
Любилъ какъ братьевъ. Я узналъ ихъ послѣ...
Не зналъ я мать... Но я любилъ Природу,
Не зналъ отца... но Бога я любилъ.
И зналъ я одну дѣву... для меня
Она была всѣмъ... міромъ... и она
Меня любила. О я ее помню!
Ты на нее похожа; но глаза
Твои чернѣе ночи; у моей
Небесной были очи голубыя
Какъ это небо... я ее любилъ,
Любилъ, какъ любятъ въ первый разъ, любилъ,
Какъ Бога и свободу... *(Закрываетъ лицо руками.)*
О!

Джулiа. Ну, что же?

Стѣно. Ни слова болѣе; мнѣ больно, Джулія,
Разстравливать былыя раны.

Джулiа. Слушай,
Ты меня знаешь; я передъ тобой
Открыла свою душу: и холодно
Ты мнѣ внималъ; мое моленье
Отвергъ ты, Стѣно... Я не въ силахъ видѣть
Тебя и не любить... И такъ прости.
Ты отравилъ жизнь дѣвы... Но прощаю
Тебя я, Стѣно... Ты молчишь, прости!
А ты любилъ! *(Уходитъ Джулія.)*

(Минута молчанія).

Стѣно *(все сидя на камнѣ).*
Когда я былъ еще ребенкомъ... помню
Я этотъ день... однажды къ намъ взошла
Старуха... и потухшіе глаза
Она на мнѣ остановила... Тихо
Взглянула въ очи мнѣ и молвила печально:
«Онъ много горя испытаетъ: много
Заставитъ горя испытать другимъ».
И тихо удалилась... предсказанье
Сбылось!.. *(Молчаніе).*

Какъ это небо ясно! Чуднымъ
Оно нагнулось сводомъ надъ землей;
Тамъ тихо все; а на землѣ все бурно,
Какъ это море въ непогоду... Чѣмъ-то
Роднымъ сіяетъ небо человѣку

И въ голубыя, свѣтлыя объятья
Неслышнымъ голосомъ зоветъ. Но насъ
Къ себѣ земля землею приковала
И грустно намъ! . . . .
. . . . Вотъ снова я, проклятый,
Еще одно прелестное созданье
Своимъ прикосновеніемъ убилъ.
О, если бъ мнѣ, мнѣ одному сносить
Тяжелое ярмо моего горя!
Его бъ носилъ я гордо, молчаливо,
Безъ ропота, покамѣсто оно
Меня бы раздавило... Я бы умеръ
Такъ, какъ я жилъ... Но видѣть, что въ свое
Проклятіе другихъ я завлекаю,
Но раздѣлять свое ярмо — нѣтъ, лучше
Пускай оно меня убьетъ!
(Долгое молчаніе).
Темнѣетъ.
О, мнѣ отраднѣй ночью! Тогда темно
Все на небѣ и здѣсь какъ въ моемъ сердцѣ.
Но тихо все покоится, когда
На небо ляжетъ ночь... а мнѣ она
Не принесла мгновенія покоя!
Какъ здѣсь пустынно все! Едва, едва
Доходитъ до меня шумъ Тибра,
Носимый вѣтромъ. Море спитъ и ясно
Въ немъ отражается луна. Вонъ тамъ
Мелькнула барка, какъ предъ бурей
Надъ моремъ чайка... Тихо, тихо
Колышется угрюмый лѣсъ. Роса,
Какъ небу ѳиміамъ земли — прозрачной
Туманной пеленой по глади моря
По лѣсу стелется... Все тихо... Я одинъ
Въ семъ океанѣ тишины и мира
Стою, терзаемый самимъ собой...
. . . .
Вонъ вьется воронъ. Можетъ-быть, летитъ
Онъ къ своимъ дѣтямъ; онъ ихъ любитъ.
Но Стѐно, что *ты* любишь? Ко всему
Я чувствую невольное презрѣніе
Не потому, что лучше я людей...
Нѣтъ, нѣтъ! Я хуже ихъ! Какой-то демонъ
Отнялъ у меня сердце и оставилъ
Мнѣ жалкій умъ! *(Минутное молчаніе.)*
Пора домой.

СЦЕНА III.

Домъ Джакоппо. Джуліа одна.

Я долго не любила; долго, долго
Меня лелѣяла судьба... о, неужели
Жить и страдать одно и то же... Вотъ
Однажды что-то новое во мнѣ
Проснулось и — что это было
Я выразить не въ силахъ; но я знаю,
Что съ той поры мнѣ что-то говорило,
Что я вступаю въ жизнь иную. Я
Съ довѣрчивостью робкой въ новый міръ
Взошла. И вотъ *онъ* предо мной
Стоялъ во всемъ величіи мужчины,
Какъ царь, какъ Богъ. О, до того мгновенія
Душа ждала любви, не понимая
Любовь!.. Но онъ былъ здѣсь и глубоко запала
Она мнѣ въ грудь... Я жадно, съ наслажденіемъ
Ей предалась, дышала ей, а онъ!..
(Минута молчанія).
Какъ чуденъ онъ! Подъ мраморнымъ челомъ
Привѣтливо сіяютъ его очи,
Какъ море голубыя. Блѣденъ онъ;
И я люблю, когда мужчина блѣденъ.
Я слышала, что это признакъ гордой
И пламенной души... О, Стѐно, Стѐно,
Мнѣ долго жарко будетъ ложе
И безпокоенъ сонъ! . . . .
. . . . Но мнѣ ли,
Мнѣ ль, слабой дѣвѣ, обратить вниманіе
Царя людей... Когда я съ нимъ, во мнѣ
Сжимаетъ сердце робкій ужасъ... Что-то
Мнѣ говоритъ, что съ мощнымъ духомъ я
И никогда мой взоръ не снесъ сіянія
Его очей!..
(Входитъ Джакоппо).
Джакоппо. Я радъ тебя найти,
Послушай, сядь поближе... Помнишь, Джуліа,
Ты смерть отца?
Джуліа. Джакоппо?
Джакоппо. Передъ смертью
Онъ насъ позвалъ и молвилъ: «Мнѣ недолго
Осталось жить. И я довольно пожилъ!

Мнѣ семьдесятъ три года. Пора къ Богу!»
И мнѣ сказалъ онъ: «Слушай, тебѣ Джулію
Невинной дѣвой я отдалъ... Смотри,
Отдай ее невинной въ руки мужа!»
Я это помню.

Д ж у л і а *(встаетъ съ негодованіемъ)*. Джакоппо!

Д ж а к о п п о. Но, сестра,
Я долженъ былъ тебѣ сказать все то,
Что мнѣ давно на сердцѣ тяготило.
И я не могъ молчать. Для этого я слишкомъ
Тебя люблю. Но мнѣ отецъ сказалъ:
Придетъ онъ изъ могилы, если
Не сохраню его завѣта. — Я!
Ему поклялся я — онъ умеръ.
И я сдержу, клянусь святою дѣвой,
Этотъ обѣтъ. И мнѣ ли, мнѣ ль снести,
Чтобы... Патрицій отъ бездѣлья
Тебя бы смялъ и бросилъ... Я молчу.
(Быстро.) Ты любишь Стѐно?

Д ж у л і а *(задумчиво)*. Да... *(Быстро.)*
Нѣтъ, нѣтъ, Джакоппо!
Не вѣрь мнѣ — нѣтъ!

Д ж а к о п п о. Бѣдняжка! понимаю.
Тебѣ должно быть тяжело; но, Джуліа,
Пойду къ нему я; прямо, откровенно
Я все ему скажу, и если ты доселѣ
Была *моею* Джуліей...

Д ж у л і а. Не ходи;
О не ходи! Мой добрый другъ, Джакоппо,
Тебѣ ли сдѣлать то, чего...

Д ж а к о п п о. Ну что жъ...

Д ж у л і а. Я сдѣлать не могла!

Д ж а к о п п о. А, *вы* съ нимъ объяснялись?

Д ж у л і а. Невинна я, невинна, мой Джакоппо!
Не говори такъ съ бѣдною сестрой,
Я ужъ и такъ страдаю!

Д ж а к о п п о *(пылко)*. О!
Меня ты знаешь, Джуліа; я готовъ
За тебя дать всю мою кровь, и даже,
А это много, Джуліа, мою честь.
Но слушай. Да, ты его любишь,
Я это знаю. Сохрани, Мадонна,
Когда глядитъ онъ на тебя съ однимъ
Желаньемъ мгновеннымъ или страшно
Подумать мнѣ... *(шопотомъ)* съ презрѣньемъ...

Джуліа. О, мой другъ,
Меня не любитъ онъ.
Джакоппо. Тебя не любитъ онъ?
Джуліа. Онъ мнѣ сказалъ, что въ его сердцѣ
Страстей ужъ нѣтъ; что я ему жалка...
И... говорилъ... что онъ любилъ когда-то
И съ той поры онъ пересталъ любить.
Джакоппо. И... ты ему жалка? Мнѣ это слово
Не нравится, сестра... Но если онъ
Тобою презираетъ — неужели
Въ тебѣ нѣтъ гордости довольно, Джуліа,
Презрѣть имъ?
Джуліа. Я его забуду.
Джакоппо. Джуліа...
Ну, до свиданья!
(Про себя.) Я его спрошу,
Спрошу его, клянусь Мадонной, что
Онъ понималъ подъ словомъ жалко; Боже!
Не дай погибнуть Джуліи!
(Уходитъ Джакоппо).
Джуліа. О Мадонна!
Пойдетъ онъ къ Стѐно... брата знаю я,
Онъ вспыльчивъ... и... мнѣ сердце замираетъ...
(Бросается на колѣна.) О Боже мой... Тебя я умоляю
Спаси... спаси... кого? О я сама не знаю!
(Шопотомъ.) Спаси... *его!* *(Вскакиваетъ.)*
О! что сказала я!
И вотъ какъ *жить* я начала... О сердце!
Его холодною рукою раздавила
Моя судьба... а мнѣ шестнадцать лѣтъ!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Ночь. Внутренность готической церкви. Стѐно, одинъ.

Стѐно.
Когда мнѣ тяжко быть однимъ съ собою
И въ сердце вкрадется тоска...я часто
Хожу сюда. Мнѣ здѣсь отрадно. Нынче
Меня томилъ мой демонъ; и хотя
Привыкъ я съ нимъ бороться — но я долженъ

Былъ уступить.. Въ моей груди такъ бурно —
А здѣсь какъ дышитъ все покоемъ... Да!
Здѣсь что-то есть гораздо выше насъ!
(Минута молчанія).
Передо мною прямо, слабымъ свѣтомъ
Лампады озаренное, я вижу
Изображеніе святаго Павла.
Онъ строго, зорко смотритъ на меня
Какъ будто съ укоризной...
(Улыбаясь.) Стѣно!.. Чудный,
Прекрасный старецъ! На его челѣ
Читаешь ясно его вѣру. Важно
Его безстрастное чело... Художникъ
Исполнилъ дивно свою мысль!..
. . . . Какъ темно!
Едва змѣится свѣтъ лампадъ по мрачнымъ
И низкимъ сводамъ церкви... и луна
Сіяетъ въ узкія окошки, ясно
Рисуя ихъ на каменномъ полу,
Да, это чудно... но на это я
Не промѣняю — нѣтъ — моего неба,
Моего неба съ ясными звѣздами,
Моего моря съ бѣлыми валами.
О, это ближе мнѣ!..
(Входитъ Антоніо).
Антоніо. Благословенъ
Да будетъ Богъ!
Стѣно *(съ досадой)*. Опять! и это
Монахъ!
Антоніо *(подходя къ нему)*.
Мой сынъ...
Стѣно. Оставь меня, старикъ,
(Взглянувъ на него).
Не говори со мною, другъ... Твоей
Молитвы ждетъ твой Богъ.
Антоніо. Я это знаю;
Но я люблю уединеніе...
Стѣно. А!
Ты меня гонишь вонъ... я вижу —
Да, ты *монахъ*!
Антоніо. Я?.. Ты сюда пришелъ
Не къ Богу.
Стѣно. О, ты думаешь, что святость
Твои глаза довольно изощрила,
Чтобы читать въ моихъ?

Антоніо. Нѣтъ; я не святъ,
Но я въ твоихъ глазахъ читаю.
Стѐно. Слушай,
Ты старъ. Я это вижу. Передъ Богомъ
Ты долго былъ во прахѣ... Но повѣрь...
Я больше жилъ, чѣмъ ты. Въ твоей груди
Давно погасли страсти, а въ моей
Убито все — и доброе и злое...
Теперь здѣсь пусто... да!
Антоніо. Я тебя понялъ.
Стѐно. Нѣтъ!
Ты думаешь, что я убилъ безумно
Въ началѣ жизни мою жизнь? О нѣтъ!
Во мнѣ она погасла... Вѣрь мнѣ, старецъ!..
Послушай... ты увѣренъ сильно,
Что въ сердцѣ человѣка вмѣстѣ съ жизнью
И вмѣстѣ съ кровью вѣра есть. Но я,
Какъ неба, жажду вѣры... жажду долго,
А сердце пусто до сихъ поръ. О, если
Ты мнѣ ее, мой старецъ, возвратишь,
То я готовъ всю жизнь тебѣ отдать...
Все!.. все — но ты не можешь!
Антоніо. Ты мнѣ жалокъ.
Стѐно. *Тебѣ я* жалокъ!.. Твое имя?
Антоніо. Имя
Мое — Антоніо.
Стѐно. Ты боишься ль смерти,
Антоніо?
Антоніо. Нѣтъ.
Стѐно. А я ее боюсь. Но, старецъ,
Не думай, что какъ робкое дитя
Боюсь я жизнь покинуть. Видитъ небо!
Она была мнѣ въ испытанье! Но
Что будетъ — о скажи мнѣ — когда тѣло
Придетъ назадъ въ объятья земли —
Что будетъ тамъ? и будетъ ли, скажи мнѣ,
Антоніо, это тамъ?
Антоніо. Скажи мнѣ, Стѐно,
Что тебѣ сердце говоритъ?
Стѐно. Молчитъ.
Антоніо. Ты произнесъ свой приговоръ.
Стѐно. О старецъ!
Смотри... ни передъ кѣмъ подъ небомъ и надъ нимъ
Не преклонялъ колѣна Стѐно. Видишь —
Я предъ тобой... Старикъ, я умоляю

Тебя твоимъ спасеніемъ... О, подумай
О томъ, что ты отвѣтишь мнѣ... Но ты...
(Пристально взглянувъ ему въ глаза.)
Не въ силахъ... нѣтъ! *(Встаетъ быстро.)*

Антоніо. Я слабый смертный, Стено,
И мнѣ ли, грѣшному, произнести
Губительное слово приговора!..
Молись!

Стѐно *(быстро, съ негодованіемъ)*. Я это зналъ! Молиться!
О, если бъ видѣлъ ты, монахъ, какъ долго
Во тьмѣ ночей, въ тоскѣ прошу я Бога
Мнѣ силу дать молиться. Но напрасно
Слова святыя я произношу...
Онѣ въ душѣ отвѣта не находятъ...
Ее имъ не согрѣть, Антоніо!

Антоніо *(схвативъ его руку)*.
О, наконецъ, я понялъ тебя, Стѐно!
Какъ трудно, тяжко тебѣ жить,
Ты могъ бы быть великимъ, дивнымъ
И... Боже!

Стѐно. О Антоніо!.. Я готовъ
Отдать всю мою кровь по каплѣ,
Но дайте мнѣ мгновеніе покоя,
Но дай мнѣ слéзы! Больно мнѣ, Антоніо,
Но я не знаю друга. Въ этомъ мірѣ,
Въ этомъ огромномъ мірѣ я одинъ. И люди
Меня прозвали злымъ... Но это мнѣ не нужно,
Я выше ихъ и мнѣнія ихъ. Въ моей
Груди есть міръ: теперь онъ міръ страданія,
Онъ могъ быть міромъ силы и любви!
(Минутное молчаніе).

Антоніо. Зачѣмъ сюда пришелъ ты, Стѐно?
Стѐно. Я?
Мнѣ эти своды вѣютъ миромъ.
Антоніо. Стѐно,
Останься здѣсь.
Стѐно. На жизнь?
Антоніо. Да.
Стѐно. Нѣтъ.
Я здѣсь бы умеръ—я люблю свободу.
Антоніо. Свободу? ты?
Стѐно. О, знаю я, Антоніо,
Что я свободенъ такъ же, какъ убійца,
Которому надъ плахой сняли цѣпь.

Я не живу; но я произрастаю,
Но я дышу...

Антоніо. И это жизнь, о Стѐно?

Стѐно. Нѣтъ. Но Антоніо — мнѣ жизнь эту
Покинуть страшно. Смерти жажду я
И смерти я боюсь... И въ этой, старецъ,
Подумай, въ этой тягостной борьбѣ
Живу я... но мнѣ трудно. Я слабѣю.
И эту мысль въ могилу понесу я,
Что, когда это сердце разорвется,
Измученное горемъ и тоской,
Все то, что хоронилъ я въ своей груди,
Что мыслилъ я высокаго, всѣ думы
Моей души и все, что на землѣ
Я выстрадалъ, — вся моя жизнь, Антоніо,
Исчезнетъ безотвѣтно въ молчаливыхъ,
Безмолвныхъ нѣдрахъ вѣчности — мой старецъ,
Какъ *ты* счастливъ!

Антоніо. Послушай, Стѐно,
И я какъ ты зналъ горе. Вотъ, ты видишь,
Моя глава ужъ побѣлѣла—но
Повѣрь мнѣ, другъ, — здѣсь страсти бушевали,
Какъ и въ твоей. Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ
И *человѣкъ* давно убитъ во мнѣ,
Но часто грусть меня беретъ невольно
И давитъ слезы изъ потухшихъ глазъ. О, бурно
Провелъ я молодость. Но, наконецъ,
Мнѣ надоѣлъ развратъ и надоѣла
Мнѣ жизнь. Вотъ — Стѐно. Я однажды
Увидѣлъ дѣву... Стѐно, это было
Давно тому назадъ — но свято помню
Я мою Лору. О! она была
Прелестнѣй неба. Ожилъ я. Мнѣ снова
Привѣтно улыбнулась жизнь.
Я полюбилъ. Но не хотѣлъ Творецъ,
Чтобъ я ее, нечистый, осквернилъ
И взялъ къ себѣ на Небо. И я понялъ
Здѣсь Божій перстъ. И съ той поры къ нему
Я бросился съ любовью въ объятья,
Какъ сынъ къ отцу. И сталъ я снова жить.
Узналъ я сонъ и сладость быть слугой
Того, Кто создалъ необъятное однимъ
Всесильнымъ словомъ. И съ тѣхъ поръ я здѣсь,
Мнѣ здѣсь отрадно.

Стѐно. О Антоніо!
Я жилъ не такъ, какъ ты. Я мирно
Провелъ тѣ годы, гдѣ ты бурно жилъ.
Молчитъ у меня совѣсть. И ты видишь,
Какъ я страдаю. Я скажу тебѣ
Мое проклятіе. О старикъ, старикъ!
Молись, да не постигнетъ и тебя
Оно — старикъ — это сомнѣнье. *(Уходитъ.)*

Антоніо. Стѐно...
Онъ ужъ ушелъ. Какъ много силы въ немъ!
Какъ много въ немъ страданья. Въ немъ Творецъ
Намъ показалъ примѣръ мученій
Людей съ могучею душой, когда
Они, надежные на свои силы,
Одни пойдутъ на встрѣчу міра
И захотятъ его обнять.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Стѐно.

Стѐно *(одинъ).*
Мнѣ легче. Все, что въ моей груди
Я горя и страданія носилъ,
Я вылилъ въ грудь чужую. Этотъ старецъ —
Онъ меня понялъ. О, по крайней мѣрѣ,
Я буду знать, что есть подъ этимъ небомъ
Одно живое существо, кому
Я, можетъ-быть, могу себя довѣрить.
До этихъ поръ мои страданья я
Безмолвной ночи довѣрялъ. О, если бъ
Она могла пересказать все то,
Что здѣсь *(кладя руку на грудь)* лежитъ какъ камень на могилѣ,
Ей люди бъ не повѣрили. Нѣтъ, нѣтъ,
Они бъ меня не поняли. Меня
Съ душой обыкновенной люди,
Нѣтъ — не поймутъ. Я имъ высокъ. Когда
Я молодъ былъ душой и вѣрилъ
Въ любовь, я зналъ одно созданіе,
Которое мнѣ было равно. О,
Ее не позабыть мнѣ никогда!
Душами были мы родные
И мы другъ друга понимали. Двое
Мы составляли міръ — и онъ былъ чуденъ
Какъ все, что на землѣ не человѣкъ.

Въ ея очахъ читалъ я ея душу,
Въ моихъ очахъ была моя душа...
Но духъ ея для тѣла нѣжной дѣвы
Былъ слишкомъ моченъ и великъ.
Онъ разорвалъ съ презрѣніемъ препону
Его могучихъ силъ. — А я... проклятый
Остался здѣсь. И съ этихъ поръ напрасно
Я душу сильную, великую искалъ.
Все это такъ ничтожно передъ нею.
Съ своими мелкими страстями люди
Мнѣ опротивѣли. *Мой* міръ мнѣ опустѣлъ,
А этотъ міръ мнѣ тѣсенъ былъ. Во мнѣ
Возстало гордое желаніе, чтобы
Никто моихъ страданій не узналъ,
И я вступилъ въ борьбу съ своей судьбою.
И если я паду — тогда узнаютъ люди,
Что значитъ воля *человѣка*. Низко
Поставили они названіе это,
И я хочу его возвысить — не смотря
На то, что люди этого не стоятъ. *(Молчаніе.)*
(Подходитъ къ окну).
На небѣ буря. Вѣтеръ гонитъ тучи
Своими черными крылами. Вотъ порой
Взрываетъ молнія небо. Море ходитъ
Высокими, пѣнистыми волнами,
Какъ будто негодуя, что нельзя
На землю ему ринуться. О чудно!
Какъ я люблю, когда Природа гнѣвно
Могучая всѣ силы соберетъ
И разразится бурей. Что-то есть
Родное мнѣ въ мученіяхъ дикихъ неба,
И молніей загорится вдохновеніе
Въ святилищѣ души и мое сердце,
Какъ будто вырваться готово изъ груди...
О, я люблю — люблю я разрушеніе!
(Входитъ Маттео).
Маттео. Синьоръ. — Молчитъ. Опять! Какой-то странникъ
Васъ хочетъ видѣть.
Стѣно. Что людямъ до меня,
А мнѣ до нихъ. Кто онъ?
Маттео. Онъ умоляетъ
Васъ тѣмъ, кто спасъ васъ нѣкогда.
Стѣно. А это
Джакоппо! Ну... введи его.
(Ух. Маттео, вх. Джакоппо).

Стѐно. Джакоппо,
Тебя не ждалъ я.
Джакоппо. Право, синьоръ?
Стѐно. Право?
Что за вопросъ, рыбакъ?
Джакоппо. Да, я рыбакъ.
И слава Богу! Я не такъ какъ вы,
Не знаю то, что хорошо и худо
Между людьми. И я свободенъ, синьоръ,
Мнѣ весело на Божій міръ смотрѣть
И на людей. Мнѣ жить привольно,
Но у меня сестра.
Стѐно. А! Джуліа!
Джакоппо. Лучше—
Клянусь святымъ Геннуаріемъ [1]) — лучше бъ было,
Когда бъ не знали ея имя вы!
Да, синьоръ. И съ такимъ презрѣніемъ — гордо
Вы не смотрите на меня. Я чистъ
Предъ Богомъ и людьми и смѣло
Вашъ встрѣчу взоръ. Покоенъ я.
Стѐно. Послушай...
Ну — продолжай.
Джакоппо. Вы можетъ бы забыли,
Что я васъ нѣкогда принесъ въ свой домъ
Безъ жизни и холоднаго. Я Бога
Благодарилъ за то, что онъ позволилъ
Мнѣ сдѣлать доброе. И, синьоръ, вы
Мнѣ показались добрымъ. До тѣхъ поръ
Не знали горя мы. Моя Джуліетта
Была рѣзва и весела. Однажды
Я на глазахъ ея засталъ слезу
И грусть на молодомъ челѣ. И я
Узналъ, что она любитъ. Вы... *вы*, Стѐно,
Ей отвѣчали, что она жалка
Вамъ... синьоръ. Я поклялся Богомъ,
Что я узнаю все отъ васъ. Я здѣсь
И жду отвѣта.
Стѐно. Слушай. Хладнокровно
Тебѣ внималъ я. И мнѣ жалко стало
Тебя. Я понимаю. Но клянуся,
Что Джуліа невинна. Я не въ силахъ
Ее любить... Джакоппо, не понять

---

[1]) Святой, покровительствующій рыбакамъ.

Тебѣ меня, но я любви не знаю.
Прощай!
Джакоппо. Я вѣрю вамъ. Но моя Джуліа...
О, сколько бѣдъ вы причинили, Стѐно!
Ее это убьетъ. И предо мной
Она завянетъ. Боже! Боже — ты
Послалъ на насъ годину испытанія,
Но я клянусь вамъ, если моя Джуліа...
Если ея не станетъ — о тогда
Ненужно будетъ мнѣ знать, кто виновенъ.
Тогда пусть судитъ Богъ меня!
(Уходитъ).
Стѐно. Джакоппо...
. . . . Онъ мнѣ жалокъ. На него
Смотрѣлъ я, какъ на идеалъ того,
Чѣмъ человѣкъ былъ нѣкогда. И я
Вложилъ ему огонь мученія въ грудь
И сталъ межъ нимъ и счастьемъ. Стѐно,
Да, тебѣ тяжко будетъ умирать . . . . .
. . . .
(Громко и повелительно.) Маттео!
(Вх. Маттео).
Маттео. Синьоръ...
Стѐно *(глухо и порывисто)*.
А!.. останься здѣсь!..
Останься здѣсь, Маттео... Страшно мнѣ
Быть одному... и тайный ужасъ грудь
Тѣснитъ и жметъ... Мнѣ сердце говоритъ,
Что что-то грозное ко мнѣ подходитъ...
Ко мнѣ идетъ... мой демонъ...
Маттео. Синьоръ, синьоръ,
Мнѣ жутко...
Стѐно *(все диче и диче. Свѣчка гаснетъ)*. Близокъ онъ. На меня вѣетъ,
Маттео... чѣмъ-то неземнымъ...
Маттео. Ave Maria!
Стѐно. О... замолчи! Неслышными шагами
Подходитъ онъ и горе мнѣ!.. Но, Стѐно,
Тебѣ ль какъ робкой дѣвѣ... О, мнѣ стыдно —
Пусть моя кровь въ груди оледянѣетъ
И высохнутъ глаза при встрѣчѣ съ тѣмъ,
Кому нѣтъ имени... Но я... вотъ онъ!
Маттео. Мадонна... помоги! *(Падаетъ въ обморокъ.)*
(Въ вышинѣ слышенъ звукъ, какъ будто лопнула струна. Во мракѣ постепенно образуется бѣлая окровавленная фигура).

Голосъ *(слабо)*. Стѐно... Стѐно... Стѐно...

Стѐно *(оперся на столъ)*. Кто ты?

(Молчаніе).

. . . . О, именемъ того,
Кто власть имѣетъ надъ тобою — всѣмъ,
Что тебя выше — заклинаю я
Тебя — кто ты? *(Молчаніе.)*
Моимъ познаніемъ...
Моимъ мученьемъ заклинаю я
Тебя— кто ты?

Голосъ. Твой демонъ.

Стѐно. Ты... мой демонъ,
И эта кровь...

Голосъ. Твоя.

Стѐно. Моя!

Голосъ. Я взялъ
Чистѣйшую кровь твоей груди.

Стѐно *(шопотомъ)*. Страданіе!

Голосъ. *(Пѣніе.)* Въ тебѣ я видѣлъ дивный умъ,
Кипящій силой, полный думъ.
И я сказалъ: ему не быть великимъ.
Моимъ губительнымъ дыханіемъ
Я его душу оскверню.
Онъ будетъ мой иль я его... Съ тобой
Мнѣ труденъ былъ упорный бой,
Но я исполнилъ предсказанье...
Я твой владыка!

Стѐно. Ты... владыка, Стѐно!
И это ты мнѣ говоришь! Проклятіе!
Я вѣдаю — есть тайна, предъ которой
Ты блѣдный рабъ.
Но въ мірѣ силы нѣтъ, передъ которой
Я бы колѣна преклонилъ. И даже,
Когда въ моей груди раздавятъ сердце,
Которое страдаетъ такъ — я буду Стѐно.
Исчезни! *(Все исчезаетъ)*
О, мнѣ дурно! Онъ исчезъ,
Но знаю я, что здѣсь онъ. Не хочу
Минуты я унизиться до скорби;
Но тяжело мнѣ вѣчно быть подъ нимъ.
Мученіе! и этакъ жить! нѣтъ, лучше,
О, лучше умереть! мнѣ слишкомъ тяжко!
(Послѣ минуты молчанія).
Но, Стѐно... ты подумай... что избрать—
Ничтожество или страданіе?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(Утро. То же мѣсто, какъ въ явленіи 2-мъ дѣйствія 1-го).

Стѐно *(одинъ).*

Мнѣ все онъ отравилъ. Да, все. И это небо
Такъ ясное и свѣтлое меня
Не радуетъ. Все, что еще могло
Въ моей груди убитой — скорбь и горе
Утишить на мгновеніе — теперь
Мнѣ кажется покрытымъ чѣмъ-то мрачнымъ.
Я чувствую, что надо мною онъ
На меня вѣетъ холодомъ. Да — правда,
Судьба ожесточилась на меня
И не даетъ минуты мнѣ покоя.
Пускай! Пока паду — стоять я буду;
Но если я паду — не встану я.
. . . .
Одна дорога мнѣ осталась. Да!
Я не одинъ, преслѣдуемый рокомъ,
Но люди есть, которые тогда
Все доброе въ своей груди задавятъ
И станутъ ниже человѣка. Правда,
Тогда они несчастья не узнаютъ,
Но отъ того, что слишкомъ станутъ низки,
Они — чтобъ быть предметомъ гнѣва,
Судьба. И мнѣ ли, мнѣ, который
Такъ долго съ ней боролся, избѣжать
Ударовъ моего врага — упавъ,
Какъ подлый рабъ къ ея ногамъ. Мнѣ стыдно,
Что я мгновеніе это думать могъ.
. . . .
Но нѣтъ! Когда я, полныя тоскою
На небо очи подымаю — мнѣ
Все еще вѣетъ чѣмъ-то дивнымъ, свѣтлымъ
Отъ синяго его шатра. Я знаю
Мнѣ говоритъ мой умъ, что за могилой
Нѣтъ ничего — что все, что я желалъ,
Что все, что я мечталъ, обманъ и сонъ.
Но что-то есть во мнѣ — какой-то
Неслышный голосъ — онъ мнѣ говоритъ,
Что моя родина́ не здѣсь. Скажи —
Скажи мнѣ, небо, — о, зачѣмъ такъ свѣтло,
Тамъ высоко стоишь ты надъ землей. Въ мою

Истерзанную грудь желаніе
Врывается къ тебѣ, къ тебѣ летѣть
И я горю и что же? Бренной цѣпью
Къ землѣ прикованъ я — и нѣту силъ
Ее порвать могучею рукою...
Какъ я смѣшонъ съ моимъ умомъ!

(Вх. Джуліа, не замѣчая Стѐно.)

Джуліа. Давно
Ужъ встало солнце, а Джакоппо нѣтъ.
Тоска лежитъ на сердцѣ. Боже, Боже!
Что со мной будетъ, если онъ — который
Меня такъ горячо любилъ... о, если
Его ужъ нѣтъ — мнѣ не снести той мысли,
Что его убійца — Боже — Стѐно!
(Стѐно не примѣчаетъ Джуліи и стоитъ въ раздумьѣ).
Мнѣ что-то говоритъ: бѣжи! Но сердце
Невольно говоритъ: постой... Меня
Не видитъ онъ... И... я теперь могу
Упиться его дивной красотою.
Я не могла... тогда... глядѣть на Стѐно...
Всегда встрѣчала его очи я. Онъ чуденъ!
Безуміе гордое въ его очахъ лежитъ,
Но на челѣ его страданіе... Да —
Въ немъ страждетъ сердце...

(Минута молчанія).

Гдѣ ты, гдѣ ты
Мой другъ, мой братъ?.. *(Шопотомъ.)* Какъ блѣденъ онъ! Онъ что-то
Невнятно говоритъ.

Стѐно *(глухо).* Антоніо... да... я долженъ
Быть у него. Когда я съ нимъ, мнѣ легче,
И если онъ меня не остановитъ,
Не укротитъ моихъ мученій — я
Рѣшенъ. Въ ничтожной этой грязи
Мнѣ недолго ползать. И пускай
Между людьми, которые меня
Понять не могутъ и не въ силахъ,
Про Стено скажутъ, что онъ — робкій мальчикъ,
Не могъ снести тяжелое ярмо
Своего горя, своей жизни, что
Онъ отъ нея ушелъ въ могилу, — все мнѣ,
Все это такъ ничтожно! Не хочу
Я жить въ ихъ памяти; мнѣ было бы стыдно
Быть славнымъ у людей...

Джуліа. Я ничего не слышу,
Едва уста онъ шевелитъ — поближе.

Стѣно. Вотъ онъ опять; надъ моремъ онъ стоитъ,
Покрытый кровью; прямо въ очи
Мнѣ смотритъ онъ. Печальная насмѣшка
Въ его глазахъ и въ нихъ безсмертіе муки...
Куда я не смотрю, онъ предо мной!
Но пусть мои глаза заплачутъ кровью,
Я не закрою ихъ.
Джуліа. Какъ дико онъ
Глядитъ на море. На его челѣ
Лежитъ презрѣніе и ужасъ...
Стѣно. Онъ
Исчезъ. Но если бъ онъ еще одно
Мгновеніе бы остался — я бы умеръ:
Онъ своимъ взглядомъ тянетъ мнѣ изъ сердца
Всю кровь...
Джуліа. О Стѣно!
Стѣно *(вздрагивая)*. Кто здѣсь? Джуліа? ты?
Зачѣмъ ты здѣсь?
Джуліа. Я думала, что вы
Давно забыли, синьоръ, мое имя.
Стѣно. Зачѣмъ ты здѣсь? и...
Джуліа *(быстро)*. О, скажите мнѣ,
Гдѣ мой Джакоппо?
Стѣно. Я не знаю.
Джуліа. Богомъ
Молю я васъ, что сдѣлали вы съ нимъ?
Стѣно. Я его видѣлъ. Мы разстались мирно;
И онъ придетъ.
Джуліа. Зачѣмъ же вы такъ грустны? Я здѣсь давно.
Стѣно. Давно?
Джуліа. О, не сердитесь,
Я васъ не понимала никогда;
Вы слишкомъ для меня высоки; что-то
Вы говорили тихо... Я молчала...
И противъ воли вырвалось изъ груди
Изъ непокорной — ваше имя...
Стѣно. Джуліа...
Ты ничего не видишь тамъ... надъ моремъ...
Джуліа. Я, Стѣно? Ничего.
Стѣно. Нѣтъ? А... я вижу...
И что теперь передо мной — дай Богъ
Тебѣ, дитя, не видѣть!
Джуліа *(бретъ за руку Стѣно)*. Стѣно...
Твоя рука холоднѣй льда. Ты боленъ,
Пойдемъ ко мнѣ.

Стѐно *(мрачно)*. Прочь! Прочь! Мое дыханье
Губительно. Подходитъ онъ... подходитъ...
Я съ нимъ могу бороться. Но ты, Джуліа...
Иди, иди.
Джуліа. Нѣтъ, я останусь здѣсь.
Стѐно. Кто тебѣ право далъ?
Джуліа. Моя любовь!
Стѐно. Твоя любовь?
Джуліа. Да... да. Предъ этимъ небомъ,
Передъ тобой тебѣ я говорю —
Люблю тебя я, Стѐно... если жъ ты
Меня съ безчувственнымъ презрѣньемъ
Отринешь прочь...
Стѐно *(пронизительно глядя на нее)*. Ну, что же?
Джуліа *(падая на колѣни)*. О мой Стено!
Люби меня!
Стѐно. Ха! ха! *(Уходитъ.)*
(Джуліа остается на колѣняхъ и прячетъ руками лицо).
Джакоппо *(вбѣгая)*. Мнѣ вѣрить ли глазамъ!
Моя сестра лежитъ предъ нимъ въ пыли
И онъ... А, онъ ушелъ! И ты могла
Унизиться — ты, Джуліа, — до моленья!
И это видѣлъ я! Нѣтъ, это слишкомъ... слишкомъ.
Теперь что остается мнѣ? Мой ножъ —
Мой вѣрный ножъ — приди, приди ко мнѣ,
Не измѣни мнѣ!
Джуліа *(съ крикомъ вскакиваетъ)*. О Джакоппо!
Джакоппо. Да!
Пойдемъ! А — Стѐно, до свиданья.
(Оба уходятъ).

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Келья Антоніо. На столѣ черепъ и Библія. Въ углу распятіе).

Антоніо, *одинъ*.
Ужъ скоро полночь. Лампа догораетъ,
Но сонъ меня не клонитъ. Я привыкъ,
Когда все тихо и темно, сидѣть
Одинъ и думать думу. Въ эти

Полночные часы ко мнѣ слетаютъ
Явленія странныя и чудныя, и я
Яснѣй читаю въ книгѣ жизни. Да —
Мои глаза, потухшіе давно,
Привыкли разбирать во тьмѣ видѣній
Слова великихъ тайнъ. Но тотъ,
Котораго я встрѣтилъ въ церкви, — да
Онъ выше сталъ меня и глубже
Проникъ въ грудь міра. Но — безумецъ!
Онъ жизнью купилъ страданія. Нѣтъ,
Такого знанія не хочу я. Люди
Мнѣ еще братья до сихъ поръ.

(Слышенъ стукъ въ дверь и голосъ говоритъ).

Антоніо!

(Молчаніе).

Антоніо!

Антоніо. Кто тамъ?

Голосъ. Стѐно.

Антоніо *(молча отворяетъ дверь, входитъ Стѐно).*

Стѐно. Я пришелъ
Къ тебѣ, старикъ, за дѣломъ тайнымъ...
Твой тѣсенъ домъ, Антоніо.

Антоніо. Гробъ тѣснѣе.

Стѐно. Но тамъ нѣтъ человѣка... Въ этой кельѣ
Онъ есть и онъ тутъ весь... А! этотъ черепъ!
Зачѣмъ онъ у тебя, монахъ?

Антоніо. Мнѣ онъ
О мнѣ самомъ напоминаетъ.

Стѐно. Да —
Подъ этой желтой костью — можетъ-быть,
Таилось много думъ и много силы.
И, можетъ-быть, здѣсь страсти бушевали —
И это мертвое чело огнемъ
Любви горѣло... а теперь!..

Кто знаетъ?
И черепъ мой къ монаху попадетъ,
И онъ его положитъ подлѣ Библіи
У ногъ креста. Его возьметъ другой
И тоже скажетъ, что я говорилъ
Теперь...

Антоніо. Мой сынъ...

Стѐно. Да я забылъ. Антоніо,
Садись и слушай. Но старикъ, когда
Во время моего разсказа здѣсь

Свидѣтель будетъ третій, — и твои
Подымутся на головѣ власы,
И тайный ужасъ въ грудь тебѣ заляжетъ —
Не прерывай меня, будь твердъ, Антоніо.
(Минута молчанія).

Антоніо. Я слышалъ — говори.

Стѐно. И такъ да будетъ!

Съ тобой идемъ мы въ страшный тайный бой,
Ты съ вѣрой другъ, я съ своимъ познаніемъ
И съ муками моими. Слушай, старецъ,
Передъ тобой я душу раскрывалъ
Тогда, какъ, помнишь, въ церкви я увидѣлъ
Тебя впервые. Но я приподнялъ
Тебѣ одинъ конецъ завѣсы; я
Къ тебѣ пришелъ, самимъ собой гонимый,
И всю ее открыть передъ тобой
Хочу теперь. Моя душа холодна,
И въ сердцѣ жизни нѣтъ. Но я хочу
Дышать свободнѣй и въ чужую грудь
Излить все мое горе и страданія.
Въ удѣлъ я получилъ при колыбели
Высокій умъ. И вотъ, когда, впервые
Смотря на небо, я себя спросилъ,
Кто создалъ этотъ дивный сводъ лазурный,
Во мнѣ проснулся онъ. Тогда еще
Во мнѣ душа была яснѣе неба,
И я пошелъ за Богомъ съ теплой вѣрой,
Съ горячей, пылкой вѣрой. И тогда
Узналъ я дѣву — на призывъ любви
Ея душа отозвалась моей. Она
Мнѣ по душѣ давно была родная,
И послѣ Бога я ее любилъ.
Однажды я ее искалъ—и долго
Не находилъ я моей дѣвы. Мнѣ
Вдругъ стало безыменно грустно. Съ той
Поры ея я не видалъ. И что-то
Въ меня чужое вкралось... Жутко стало
Мнѣ слушать въ церкви гимны Богу;
Наперекоръ судьбы хотѣлъ я стать
И ввѣрился уму. Вокругъ меня
Все измѣнялось быстро — я людей
Позналъ и глубоко. Все, что прекрасно,
Что дивно мнѣ казалось на землѣ,
Мнѣ опротивѣло. И сталъ я мраченъ,
Я чувствовалъ, какъ застывала кровь

Въ моей груди — во времена былыя
Столь пламенной и чистой — какъ чело
Мое браздилось отъ глубокихъ думъ.
Я счастье сталъ терять и больно,—больно
Мечтать мнѣ было о быломъ. Но я
Тогда увидѣлъ—что напрасно
Мечтать мнѣ было о невозвратимомъ?
О, лучше быть раздавленнымъ, Антоніо,
Чѣмъ побѣжденнымъ, и не сталъ я вѣрить.
И съ той поры я умеръ для того,
Что любятъ люди. Я ужъ не страдалъ,
Во мнѣ убито было чувство горя.
Мой духъ окаменѣлъ. И думалъ я:
«Судьба меня оставитъ. Я довольно
Терпѣлъ». И вотъ однажды я въ груди
Засталъ давно погасшее волненіе
И тайный ужасъ. Надо мною что-то—
Я это чувствовалъ — ужасно тяготило...
И это былъ мой демонъ. Ты не вѣришь —
Антоніо — но знай же, что онъ здѣсь —
Мнѣ сердце говоритъ. И этотъ демонъ
Все то, о чемъ во тьмѣ ночей я думалъ,
О чемъ такъ долго, долго я мечталъ,
Мнѣ освѣтилъ, какъ будто мимоходомъ
И предо мной расторгнулъ на мгновеніе
Покровъ, лежащій на святомъ челѣ
Природы. Что же? Я увидѣлъ — бездну
Межъ мной и знаніемъ. Ожилъ я—мой взоръ,
Мой жадный взоръ хотѣлъ проникнуть тайны
Души и міра... но онѣ такъ быстро...
Мелькнули предо мной — и я не могъ
Постигнуть ихъ. Но я позналъ ничтожность
Того, что прежде думалъ я. О! О!
Здѣсь *(положилъ руку на чело)* хаосъ — а въ душѣ страданіе!
Какъ будто бы смѣяся надо мною,
Завѣсу мнѣ на мигъ онъ приподнялъ,
И снова она пала между мною
И цѣлымъ міромъ. О, это мученье
Ужаснѣй ада. Какъ? Передъ тобой
Лежитъ мѣта твоей несчастной жизни,
Ты къ ней... ты ее видишь — и нельзя!
Такъ близко быть и такъ далеко! Нѣтъ!
Пусть терпитъ рабъ — не Стѣно. Если
Меня не нужно смерти — я насильно
Отдамся ей!

Антоніо. О Стено! Никогда
Смерть не приходитъ слишкомъ поздно.
Стѐно. Нѣтъ!
Я не хочу — не долженъ жить. И что
Меня такъ тянетъ къ жизни? Я не нуженъ
Ни одному творенію на землѣ. И мнѣ
Не нужно ничего. Мнѣ въ тягость жизнь. И я
Хочу, желаю смерти.
Антоніо. Я молчу.
Когда ты самъ узналъ, то неужели
Ты думать могъ, что я, я, слабый старецъ,
Тебя рукою дряхлой подыму. Иди
Одинъ по трудному — тернистому пути
Безцвѣтной и холодной твоей жизни,
И если ты дойдешь...
Стѐно *(вскакивая)*. Молчи, молчи!
Твоя рука дрожитъ. Неправда ли, мой старецъ,
Ты видишь тамъ стоитъ онъ! онъ! все онъ — съ рукой
Поднятою, съ безжизненно-холодной
Улыбкой на сухихъ устахъ! Меня
Зоветъ онъ, я иду.
Антоніо. О Стѐно, Стѐно!
Съ твоимъ умомъ какъ низко ты упалъ!
Стѐно. Да, я упалъ. И эта мысль меня
Убьетъ. Тѣмъ лучше. Что я медлю!
Прощай! И если есть за гробомъ
Другое время — другой міръ — тогда
Мы съ тобой свидимся, Антоніо! *(Уходитъ Стѐно.)*
Антоніо. Нѣтъ.
Съ тобой не будетъ мнѣ свиданья,
И если ты насильственно взойдешь
Туда, гдѣ Судья насъ ожидаетъ,
Не искупятъ тебя твои страданья,
И съ горестью обнимешь ты тогда
Тобой давно желанное познаніе.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Джакоппо.

(Въ глубинѣ кровать, покрытая занавѣской. На авансценѣ стоятъ Джакоппо и Ріензи).

Джакоппо. Надежды нѣтъ?
Ріензи. Надежды?.. Мало.
Джакоппо. Ріензи, вы говорите брату.

Ріензи. Да, я знаю,
Вамъ грустно, больно; но я долженъ, долженъ,
Мой бѣдный другъ, васъ разочаровать.
Джакоппо *(схвативъ себя за голову)*. О этотъ Стѐно!..
И давно ли, Боже,
Моя Джуліетта въ очи мнѣ глядѣла
Съ улыбкой на устахъ! Она кипѣла жизнью
И жизнью дѣвы...А теперь — о, Ріензи,
У васъ была сестра?
Ріензи. Нѣтъ.
Джакоппо. О, мой другъ,
Если бъ вы знали, что у меня тутъ *(показывая на голову)*
И въ сердцѣ. Боже! Боже!
Ріензи. О молчите!
Вы слышите ль ея дыханіе?
Джакоппо *(остается недвижимъ; шопотомъ)*. Я?
Нѣтъ! *(Съ пронзительнымъ крикомъ бросается къ кровати и раздергиваетъ занавѣсъ.)*
Джуліа! Джуліа!
Джуліа *(слабо)*. Стѐно... *(Умираетъ)*.
Джакоппо. Ріензи, Ріензи —
Скажите мнѣ... скорѣй...
Ріензи. Закройте ей глаза.
Джакоппо. О! *(Падаетъ безъ чувствъ на трупъ Джуліи.)*
(Долгое молчаніе).
Еще одно, еще одно дыханіе,
Молю тебя, сестра, еще одно.
Подумай, ты мнѣ, своему Джакоппо,
Ни слова не сказала. Джуліа... встань,
Скажи мнѣ слово передъ смертью, Джуліа,
Которое я бъ могъ хранить какъ кладъ...
Меня всегда ты горячо любила,
И на привѣтъ привѣтомъ отвѣчала.
Теперь молчишь—ты—да! молчишь!
И твои руки такъ холодны, Джуліа?
Зачѣмъ глаза полузакрыла ты?
Ты знаешь, я люблю смотрѣться въ нихъ,
Они такъ чисты, такъ лазурны —
Какъ небо... Джуліа, Джуліа, отвѣчай...
О, она холодѣетъ!
(Быстро вскакиваетъ и схватываетъ Ріензи).
Стой! Ты отъ меня,
Убійца, не уйдешь! А что ты сдѣлалъ
Съ моей сестрой. *(Таща его къ кровати.)* Смотри, она мертва,
Но на щекахъ румянецъ не погасъ,

Ея глаза еще сіяютъ нѣгой,
И ты ее убилъ. О! дѣву... дѣву
Тебѣ не жалко было умертвить!
О, я тебя убью у ея ногъ *(вынимаетъ кинжалъ)*.
Р і е н з и *(вырываясь)*. Джакоппо! я Ріензи!
Д ж а к о п п о. Ха! ха! ха!
Какъ будто я не знаю Стѐно!
Но не уйдешь ты отъ меня,
Вотъ тебѣ жертва Джуліа!.. *(Бросается на Ріензи.)*
Р і е н з и *(становится на колѣни)*.
О пощади!
У меня есть отецъ, жена и дѣти!
Я ихъ люблю—Джакоппо—моей кровью,
Невинной кровью ножъ не обагряй,
Она падетъ на твою душу!
Д ж а к о п п о. О!
У тебя есть жена и дѣти, Стѐно,
Теперь могу я мстить сестру! Меня,
Ничтожный, ты ея лишилъ! Ни слова —
Тебѣ пощады нѣтъ!
Р і е н з и *(вскакивая)*. О, если такъ,
И если всѣ моленія напрасны...
На помощь мнѣ отчаяніе! *(Схватываетъ руку Джакоппо и смотритъ ему въ глаза.)*
Я Ріензи!
Смотри!
Д ж а к о п п о *(съ иронической улыбкой)*.
А право! *(Хладнокровно.)* Ты умрешь!
(Отталкиваетъ его—и съ бѣшенствомъ). Прочь!
Р і е н з и *(трясетъ дверь)*.
Дверь заперта! и нѣтъ спасенія!
Мадонна! помоги мнѣ!
Д ж о к о п п о. Ты зовешь
Мадонну! высоко до неба! *(Убиваетъ Ріензи.)*
Р і е н з и *(падая)*. Мои дѣти! *(Умираетъ.)*
(Молчаніе).
Д ж о к о п п о *(опомниваясь)*. На ножѣ кровь.
Чья это кровь? Не знаю.
Что было здѣсь? Кто это тамъ лежитъ
Съ кровавой раной въ лѣвой груди?
И кровь течетъ на бѣлый полъ,
Журча невнятно... Джуліа!... Молчаніе.
(Оглядывается назадъ).
О вотъ она! *(Бѣжитъ и обнимаетъ ее.)* Теперь я понимаю...
О Боже... я убійца... Ріензи... Ріензи,

Мой добрый другъ, о встань! Нѣтъ—нѣтъ.
Ударъ былъ слишкомъ вѣренъ. Сердце... сердце...
Зачѣмъ это все мнѣ!
(Молчаніе).
Чу! они идутъ...
Ко мнѣ! Куда мнѣ скрыться... нѣтъ спасенья...
Находятъ трупъ кровавый... меня ищутъ...
Я здѣсь... я здѣсь... убійца здѣсь!
Меня убейте, какъ убилъ я Ріензи!
(Молчаніе).
На площади я вижу эшафотъ.
На немъ лежитъ... блеститъ сѣкира,
Въ телѣжкѣ съ палачемъ сидитъ
Убійца. И народъ стоитъ
Вокругъ него безшумными толпами...
Пора! пора! палачъ зоветъ,
Въ послѣдній разъ взгляни на небо!
И вотъ идетъ онъ. На его челѣ
Легъ ужасъ мрачной тучей... Вотъ кладетъ
Онъ голову на плаху... Стой! палачъ!
Этотъ убійца я!
Я вижу
Передо мной стоитъ отецъ. Онъ страшенъ
И дыбомъ на его главѣ стоятъ
Его сѣдые волосы. На Джулію
Онъ кажетъ мнѣ, и дикъ, и грозенъ
Огонь его очей. О пощади!
Отецъ; я не успѣлъ ее сберечь,
Какъ ты велѣлъ мнѣ, умирая...
Ее отмстить сумѣю я!
(Сильно.) И если
Моя рука убила друга... я
Еще не отомстилъ сестру. Клянуся небомъ,
И если бъ капля крови его тамъ
Давила душу каменной горою —
Мнѣ кровь его нужна. Да Стѐно —
Отъ мести брата не уйдетъ. Клянусь
Невинной этой кровью, клянуся
Я смертью Джуліи моей,
Я не сомкну своихъ очей,
Пока съ его потухшими очами
Не встрѣтятся они. Тогда
Пойду я къ судьѣ. Ему
Скажу я, синьоръ, я убійца,
Меня судить не нужно. Палачу

Отдайте рыбака Джакоппо,
И съ радостью на плаху я склоню
Мою усталую главу.
Я смѣло стану передъ Богомъ.
Онъ видитъ все. И если мнѣ и тамъ
Удѣлъ другой, тяжелый, не будетъ данъ,
Роптать не буду я на небо,
Я искуплю своею вѣчной мукой
Мою сестру. И я рѣшенъ. Нѣтъ, нѣтъ!
Мнѣ не забыть кровавый свой обѣтъ...
Пора, пора, мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
Мой ножъ—ты здѣсь,—пойдемъ.

(Уходитъ Джакоппо).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Комната Стѐно.

С т ѐ н о, *одинъ. (У окна.)*

Проходитъ ночь. Луна блѣднѣетъ. Темя
Высокихъ горъ, покрытое снѣгами,
Алѣетъ понемногу. Римъ встаетъ
Съ его семью холмами. Тихо, тихо
День гонитъ ночь. И звѣзды убѣгаютъ
Съ своей царицею-луной. Какъ чудно
Все на небѣ и на землѣ. По Тибру
Скользятъ неслышно лодки рыбаковъ.
Вокругъ ладьи рябятся волны. Въ нихъ
Мѣшается и слабый свѣтъ денницы
И умирающій свѣтъ звѣздъ. Вотъ солнце,
Какъ царь, какъ Богъ взошло оно на небо,
И отъ него волнами свѣта
На землю льется жизнь.

. . . .

Прошло вчера. Настало нынче. Завтра
Не будетъ нынѣшняго дня. Идетъ
Мгновеніе за мгновеніемъ и проходитъ
Неслышно и незримо. Вѣчный кругъ
Есть твой символъ, Природа. Грустно! грустно!
Но если ты, прекрасная, всегда
Одна и та же, о всегда ты дивна!
Какъ велика ты для людей...
Они тебя не понимаютъ — люди!

Какое жалкое творенье — человѣкъ!..
. . . .
Онъ входитъ въ міръ. Онъ дышитъ. Вмѣстѣ съ жизнью
Его встрѣчаетъ боль. Вотъ онъ растетъ,
Не зная самъ, зачѣмъ онъ въ мірѣ. Но...
Онъ любитъ все, что видитъ онъ; ему —
Жить и любить одно и то же. Вотъ
Въ немъ разумъ понемногу разгоняетъ
Его мечты любви. Въ немъ мысль впервые
Зажглась какъ молнія въ тучѣ. Онъ живетъ.
Онъ началъ жить и ужъ узналъ страданіе,
Но въ немъ все молодо и свѣжо,
Онъ вѣритъ въ свою силу и впередъ
Идетъ безстрашно, полный вѣры. Онъ
Еще не позналъ *сердцемъ* горя,
Онъ для судьбы еще такъ малъ. Онъ видитъ
На небосклонѣ тучи—и надежный
Онъ ихъ зоветъ. Ему сразиться любо—
Онъ весь — огонь и сила. Наконецъ,
Идетъ судьба. Могучая, въ объятья
Беретъ его и мочною рукой
Она предъ нимъ открыла жизнь нагую...
И вотъ онъ узнаетъ, что все, что думалъ онъ
О добромъ, о высокомъ на землѣ —
Мечта. О, знаю я, какъ горько
Терять такъ быстро все, чему мы вѣримъ,
Къ чему прилипли мы душой. И вотъ
Она его сломала и потомъ
Съ усмѣшкой броситъ на путь жизни —
Живи! . . . .
И если въ немъ нѣтъ силы и презрѣнья
Къ землѣ, куда прикованъ онъ,
Пойдетъ впередъ онъ изможенный
И будетъ жить, пока угаснетъ онъ.
Но если въ немъ душа горда и смѣла,
Онъ разорветъ свои оковы... Мнѣ ль
Дышать, согбенному рукою
Судьбы? Нѣтъ! нѣтъ! Пора, пора!
. . . .
И для чего я жилъ? О, для того ли,
Чтобы познать, какъ эта жизнь низка,
Чтобы встрѣчать бездушныхъ тварей въ людяхъ;
Не въ состояніи понять, что я
Имъ говорилъ изъ глубины души...
Имъ слишкомъ темны были мои рѣчи...

Они не въ силахъ думать... Ни одной
Не встрѣтилъ я высокой думы
Между милліонами людей. И вотъ,
Кому дана въ владѣніе Природа!

(Онъ впадаетъ въ задумчивость).

Передо мною вижу я порогъ —
Онъ жизнь и вѣчность раздѣляетъ,
Я у него стою. Напрасно очи
Туда за нимъ я устремляю. Все,
Что тамъ насъ ждетъ — подернуто туманомъ,
О, если бъ могъ я тайну разгадать,
Я бъ отдалъ за нее все мое знаніе.
. . . .
Но если я на мигъ остановлюсь
И оглянусь... я вижу мою жизнь...
Я вижу все — какъ жилъ я, что́ я думалъ,
И глубоко я грустенъ этимъ взглядомъ.
Какъ мало было въ этой жизни
Отраднаго... О, для кого же жизнь?
И неужели этимъ людямъ? Имъ?
Имъ столь ничтожнымъ? имъ столь низкимъ?
А между тѣмъ тому, кто надъ толпой
Поднимется, ее глубоко презирая,
И къ небу смѣло полетитъ
Исполненный отвагою и силой,—
Тому одинъ обманъ! Тому жизнь въ наготѣ!
Какъ будто бы мы пасынки судьбы,
А эти люди ея дѣти!

(Стѐно подходитъ къ столу и беретъ съ него заряженный пистолетъ).

Приди ко мнѣ. Я не беру тебя,
Какъ многіе — съ отчаяніемъ и горемъ —
Нѣтъ,—я тебя беру какъ друга.
Ты разрѣшишь мнѣ тайную задачу —
Ты мнѣ откроешь все. О, легче мнѣ
Быть подъ тяжелымъ игомъ вѣчной скорби,
Чѣмъ жить одно мгновеніе, какъ я жилъ!

(Подходитъ къ окну).

И такъ мнѣ будетъ этотъ день послѣднимъ,
Такого дня не стою я. Со мной
Прощается Природа. Но напрасно
Она такъ щедро расточаетъ
На небо и на землю свѣтъ и жизнь...
Меня не можетъ это удержать. Прекрасно

Лазоревое небо надо мной,
Лазоревое море подо мной,
Меня не можетъ это удержать. Прости,
Земля со всѣмъ твоимъ чудеснымъ,
Прости, прости! О, не сіяй мнѣ въ очи
Ты золотое око небо. Все,
Что я любилъ, ты мнѣ воспоминаешь,
Прочь! Прочь!

(Онъ отходитъ отъ окна и лицо закрываетъ руками).

Я вижу мою мать. Зачѣмъ, скажи, зачѣмъ
Ты смотришь съ укоризною на сына?
Давно душею умеръ я. Зачѣмъ,
Зачѣмъ мнѣ жить въ разлукѣ съ нею.
Къ тебѣ, — къ тебѣ, — скорѣй. Возьми къ себѣ,
О, моя мать, твоего Стѐно!
Чело мое горитъ... О, этотъ пламень
Пора на вѣчность погасить!
Моя душа нетерпѣливо ждетъ, —
Я это чувствую, — свое освобожденіе, —
Ей тѣсно здѣсь. — Туда, туда ее
Влечетъ неотразимое желанье.
Свободы часъ насталъ!
Я чувствую, пора стряхнуть мнѣ цѣпи,
Обнять всѣ тайны міра! Я готовъ!
Свободенъ я — тебѣ привѣтъ мой, небо!

(Стрѣляетъ и падаетъ мертвый).

Маттео *(вбѣгаетъ).*
О Боже, Боже! Синьоръ! онъ убитъ
И нѣтъ спасенія — нѣтъ! Его чело
Раздроблено. Мой бѣдный, — бѣдный баринъ!
Но очи его цѣлы, — какъ онъ страшенъ, —
Его глаза закрою я...

(Слышенъ голосъ Джакоппо).

Гдѣ Стѐно?
Маттео *(вскакивая).* Вамъ нуженъ Стѐно. Вотъ онъ!
Джокоппо. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?
А? Онъ меня предупредилъ!..
. . . . Холодный
Съ раздробленнымъ челомъ лежитъ онъ предо мной
И эта кровь мнѣ шепчетъ: примиренье!
Холодную возьму я твою руку,
Прости мнѣ, Стѐно — мнѣ пора! *(Уходитъ.)*
Маттео. Пойти къ отцу Антоніо. *(Уходитъ.)*

(Все дѣлается мрачно. Въ вышинѣ слышно).

1-й голосъ.

Подъ скалою воетъ море,
Надъ скалою я леталъ —
Тайну мрачную свершалъ
И роптало: горе! горе
Вѣчно стонущее море!

2-й голосъ.

Вѣтеръ, мой вѣтеръ, тучи гони!
Черными волнами море шуми!
Тихо! все тихо! луна не сіяетъ!
Мрачно! все мрачно! звѣзда не блистаетъ,
Отвсюду, отвсюду я тайныхъ зову
Скорѣе, скорѣе, на небѣ молчанье
Онъ найдетъ, его ждетъ здѣсь:
Вѣчность! Страданіе!

1-й голосъ.

Тайна свершилась. Молчаніе! Молчаніе!

И. Тургеневъ.

Конецъ.

Послѣсловіе [1].

Подлинная рукопись «Стѣно», съ которой печатается здѣсь эта поэма, сохранилась въ архивѣ А. В. Никитенка. На задней сторонѣ первой страницы рукописи написано рукою Тургенева, почеркомъ болѣе позднимъ, чѣмъ текстъ: *Сей экземпляръ подаренъ мною А. Я. П.* Эти иниціалы обозначаютъ, безъ сомнѣнія, Авдотью Яковлевну Панаеву, жену Ив. Ив. Панаева; по всей вѣроятности, рукопись и подарена Никитенкѣ Панаевой. Возможностью ознакомить читателей съ этимъ неизданнымъ юношескимъ произведеніемъ Тургенева мы обязаны душеприказчику наслѣдниковъ Никитенка, А. И. Старицкому.

Рукопись, вся писанная рукою Тургенева, представляетъ сшитую тетрадь въ листъ писчей бумаги, — очевидно, перебѣленный экземпляръ, почти безъ помарокъ. Текстъ воспроизводится здѣсь съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи и пунктуаціи подлинника.

I.

Многіе, вѣроятно, помнятъ разсказъ Тургенева (въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ») о томъ, какъ онъ зеленымъ юношей

---

[1]) Настоящая статья была въ первоначальной формѣ напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" 1912 г. Здѣсь она является въ измѣненномъ видѣ, значительно дополненнымъ.

принесъ на судъ своему профессору русской словесности, П. А. Плетневу, «одинъ изъ первыхъ плодовъ своей музы» — фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ подъ заглавіемъ «Стеніо», какъ Плетневъ съ каѳедры разобралъ это «совершенно нелѣпое произведеніе, въ которомъ съ дѣтской неумѣлостью выражалось рабское подражаніе байроновскому «Манфреду», и какъ потомъ, съ глазу на глазъ, отечески пожурилъ молодого автора, при чемъ, однако, замѣтилъ, что въ немъ «что-то есть». Это воспоминаніе было записано Тургеневымъ въ 1868 году, когда онъ уже неясно помнилъ даже заглавіе своей юношеской драмы: въ дѣйствительности она называлась не «Стеніо», а «Стѐно», съ удареніемъ. Но сохранилось и другое, современное событіямъ, свидѣтельство Тургенева объ этой драмѣ, — именно его письмо отъ 26-го марта 1837 года къ А. В. Никитенкѣ. Неувѣренный въ себѣ, подобно всякому начинающему писателю, онъ жаждалъ авторитетнаго отзыва о своихъ литературныхъ попыткахъ: не удовлетворившись отзывомъ Плетнева, онъ обратился къ Никитенкѣ. «Препровождая вамъ мои первые, слабые опыты на поприщѣ русской поэзіи, — писалъ онъ Никитенкѣ [1]), — я прошу васъ не думать, чтобы я имѣлъ малѣйшее желаніе ихъ печатать; и если я прошу у васъ совѣта, то это единственно для того, чтобы узнать мнѣніе ваше о моихъ произведеніяхъ, — мнѣніе, которое я цѣню очень высоко. Я колебался, долженъ ли я былъ послать *драму*, писанную мною 16-ти лѣтъ, мое первое произведеніе. Я столько вижу въ ней недостатковъ, и вообще весь планъ ея мнѣ теперь такъ не нравится, что если бы я не надѣялся на вашу снисходительность, а главное, если бы я не думалъ, что по первому шагу можно, по крайней мѣрѣ, предузнать будущее, я никогда не рѣшился бы вамъ ее послать. Съ годъ тому назадъ я ее давалъ П. А. Плетневу. Онъ мнѣ повторилъ то, что я давно уже думалъ, — что все преувеличено, невѣрно, незрѣло... и если есть что-нибудь порядочное, то развѣ нѣкоторыя частности, очень немногочисленныя. Считаю долгомъ замѣтить, что (вы, конечно, это тотчасъ замѣтите) размѣръ стиховъ очень неправиленъ. Передѣлывать ихъ теперь не стоило труда, и я было хотѣлъ ее предать совершенному забвенію, когда ближайшее знакомство съ вами побудило меня показать ее вамъ».

Неизвѣстно, какъ оцѣнилъ Никитенко это и другія доставленныя ему произведенія Тургенева, но ни одно изъ нихъ не увидѣло свѣта. Безслѣдно исчезли и самые подлинники ихъ, уничтоженные или растерянные Тургеневымъ; уцѣлѣла только эта рукопись «Стѐно», — повидимому, та самая, которая была въ рукахъ Плетнева. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой рукописи текстъ справа или слѣва отчеркнутъ карандашемъ, кое-гдѣ подчеркнуты отдѣльные стихи или реченія, и сбоку, кажется, почеркомъ Плетнева, карандашемъ же написаны замѣчанія. Такъ, подчеркнуты слова: (небо молчитъ) *въ величіи холодномъ*, и сбоку написано: *очень хорошо;* въ одномъ мѣстѣ замѣтка: *exageration*; слова: *могучія объятья* (моря) одобрены: *это хорошо*, а противъ непосредственно слѣдующаго за ними стиха: «Измѣнчивѣе сердца дѣвы оно» (море) написано: *а это, кажется, неправда.*

---

[1]) «Русск. Старина», 1896 г., декабрь, стр. 588.

II.

Тургеневу было 16 лѣтъ, когда онъ писалъ «Стѐно». Пробывъ годъ въ Московскомъ университетѣ, онъ осенью 1834 года, съ переѣздомъ семьи въ Петербургъ, перешелъ въ Петербургскій университетъ; здѣсь, съ сентября по декабрь, и былъ написанъ «Стѐно». Какъ разъ въ это время заболѣлъ предсмертной болѣзнью и умеръ 30-го октября его отецъ въ отсутствіе Варвары Петровны, бывшей за границей.

Мы ничего не знаемъ о томъ, какъ шло развитіе будущаго писателя въ эти ранніе годы; поэтому даже такія мелкія черты, какъ свидѣтельство объ его знакомствѣ съ поэзіей Байрона и Шекспира и знаніи англійскаго языка, представляетъ извѣстный интересъ. Еще несравненно важнѣе, конечно, содержаніе и смыслъ самой драмы.

И надо сказать заранѣе: какъ художественное произведеніе она во всѣхъ отношеніяхъ крайне плоха, какъ говорится, ниже всякой критики. Дѣйствительно, критику нечего съ ней дѣлать: фабула, психологическое обоснованіе поступковъ, стихи,—все въ ней такъ чудовищно дурно, что разбирать и оцѣнивать ее невозможно. Она — только документъ, въ которомъ выразились настроенія и мысли юноши-Тургенева; она представляетъ исключительно біографическій интересъ, но зато очень большой.

Какъ извѣстно, «Запискамъ охотника», положившимъ начало широкой популярности Тургенева, предшествовалъ цѣлый *первый* періодъ его литературной дѣятельности, протекшій въ сравнительной безвѣстности и до сихъ поръ мало кому знакомый. Этотъ періодъ приходилось до сихъ поръ начинать съ появленія «Параши» весной 1843 года; въ ближайшіе затѣмъ четыре года Тургеневъ напечаталъ кромѣ этой поэмы еще три: «Разговоръ», «Андрей» и «Помѣщикъ», да длинный рядъ лирическихъ стихотвореній. Эти произведенія составляютъ замкнутую группу, рѣзко отличаясь отъ всего дальнѣйшаго творчества Тургенева не только своей стихотворной формой, но и своимъ содержаніемъ. Послѣдовательный разборъ этихъ поэмъ, представленный нами въ другомъ мѣстѣ [1]), привелъ къ заключенію, что въ нихъ преобладаетъ субъективный, автобіографическій элементъ, что онѣ въ гораздо большей степени и, главное, несравненно откровеннѣе, чѣмъ позднѣйшіе повѣсти и романы, являлись выраженіемъ личныхъ настроеній Тургенева и его размышленій о самомъ себѣ. Онъ предстаетъ предъ нами болѣзненно-раздвоеннымъ, угнетаемымъ мыслью объ омертвѣлости своего духа, — человѣкомъ, въ которомъ разъѣдающая мысль, «рефлексія», убила всякую вѣру и всякую способность непосредственныхъ чувствованій. Въ соотвѣтствіи съ этимъ личнымъ самосознаніемъ онъ упорно воспроизводитъ въ своихъ раннихъ поэмахъ два координирующихъ образа: мужчину съ опустошенной душой, раба своей мысли, неспособнаго на порывъ и страсть, и женщину, цѣльную въ своихъ чувствахъ, беззавѣтно отдающуюся любви. Извѣстно, что личныя настроенія могутъ быть очень искренни, вовсе не будучи оригинальными. Въ общемъ и самосознаніе Тургенева, и тѣ два образа, которые оно породило, отнюдь не были ориги-

---

[1]) «Поэмы И. С. Тургенева», въ книгѣ «Образы прошлаго», М. 1912.

нальны; напротивъ, они являлись излюбленными сюжетами западной и русской литературы въ эпоху разложенія романтизма, т.-е. начиная съ 20-хъ годовъ; достаточно напомнить о Байронѣ и о такихъ русскихъ контрастахъ, какъ Онѣгинъ и Татьяна, Печоринъ и княжна Мэри. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на раннемъ творчествѣ Тургенева очень сильно отразились литературныя вліянія, но это нисколько не умаляетъ коренной самостоятельности его настроеній, засвидѣтельствованной и искренностью тона его поэмъ, и совершенно личнымъ характеромъ обработки темы, трактуемой въ нихъ, и, можетъ-быть, еще гораздо болѣе—всѣмъ его дальнѣйшимъ творчествомъ, осью котораго является все та же безсмѣнная мысль (и тоска) о нераздвоенномъ чувствѣ и цѣльной волѣ, и гдѣ въ болѣе сложной исторической обстановкѣ неизмѣнно другъ другу противостоятъ тѣ же два типа: безвольный, рефлектирующій мужчина, «лишній человѣкъ», и великая цѣльностью своего чувства русская дѣвушка.

И. С. Тургеневъ (портр. 1838 г.).

Въ связи этихъ наблюденій и открывается важное значеніе «Стѐно» для исторіи тургеневскаго творчества, ибо эта полудѣтская драма 16-лѣтняго поэта, какъ оказывается, написана на ту же тему и построена по плану того же контраста мужчины и женщины, какъ поэмы 1843—1846 годовъ. Въ частности «Стѐно» 1834 года представляетъ какъ бы первую редакцію поэмы «Разговоръ», написанной 10 лѣтъ спустя, уже послѣ «Андрея Колосова». До знакомства со «Стѐно» можно было думать, что поэмы Тургенева возникли изъ подражанія Лермонтову; «Разговоръ» казался даже просто попыткой иллюстрировать въ образахъ «Думу» Лермонтова. Но «Стѐно» написанъ задолго до «Думы», а въ немъ, хотя и дѣтской рукой, уже намѣчены всѣ черты, которыми обрисовалъ Лермонтовъ свое поколѣніе и которыя позднѣе Тургеневъ придаетъ герою своего «Разговора».

III.

Съ неопытностью начинающаго Тургеневъ въ первой же сценѣ пытается раскрыть передъ зрителемъ душу Стѐно до самаго дна. Дѣйствіе происходитъ въ Римѣ. Драма начинается монологомъ Стѐно, безъ свидѣтелей, лунной ночью въ Колизеѣ. Онъ размышляетъ о минувшемъ величіи Рима. Куда дѣвалось все? Время стерло слѣды могучихъ подвиговъ; Римъ — грозный, міродержавный Римъ, — лежитъ во прахѣ. Мысль Стѐно невольно обращается на него самого, на бренность всего земного. Для чего же дана намъ жизнь? Римъ исчезъ, какъ сонное видѣніе, — такъ и мы исчезнемъ безъ слѣда. Взываешь къ небу: что значитъ жизнь? что значитъ смерть? но небо не даетъ отвѣта. Мечтаешь о славѣ, — но что пользы въ томъ, что твое имя прозвучитъ въ памяти потомковъ, какъ въ безднѣ звукъ, когда ты самъ, кипящій надеждами

и отвагой, обреченъ въ пищу червякамъ? А за могилой что? «Когда-то, въ молодости, — говоритъ Стѐно, — я вѣрилъ въ Бога; потомъ, когда на меня обрушились удары судьбы, я утратилъ вѣру; съ тѣхъ поръ я тщетно силюсь вернуть молитвой жизнь въ мою холодную, нагую душу, — мое сердце изсохло. За мною точно обрушилась скала, преграждая мнѣ путь назадъ, и я иду впередъ, во что бы то ни стало».

Стѐно становится дурно, онъ теряетъ сознаніе и падаетъ.

Этотъ монологъ — какъ бы основа драмы. Въ немъ авторъ *представилъ* своего героя зрителямъ; теперь онъ покажетъ его имъ *въ дѣйствіи*, гдѣ окончательно должны обнаружиться типичныя черты такой душевной омертвѣлости. Литературные образцы, можетъ-быть, Пушкинъ съ его «Кавказскимъ плѣнникомъ» и «Алеко», подсказали юному поэту избрать, какъ наиболѣе сильный реактивъ для вящшаго раскрытія мужской души, женскую любовь. Можетъ-быть, тѣ же образцы навели его на мысль противопоставить мужской раздвоенности цѣльную и наивную женскую душу, — во всякомъ случаѣ онъ уже здѣсь употребляетъ этотъ пріемъ, которымъ неизмѣнно пользуется потомъ и въ поэмахъ 40-хъ годовъ, и въ своей позднѣйшей прозѣ.

Этотъ контрастъ рѣзко подчеркнутъ въ первой же сценѣ. Въ ту самую минуту, когда Стѐно послѣ своего манфредовскаго монолога падаетъ безъ чувствъ, за сценою раздается пѣсенка 16-лѣтней Джуліи, непосредственная и радостная, какъ пѣнье птички, но вмѣстѣ звучащая томнымъ ожиданьемъ любви.

Эта встрѣча и служитъ завязкою драмы. Джулія и ея братъ, молодой рыбакъ Джакоппо, переносятъ безчувственнаго Стѐно въ свою хижину; когда, недѣлю спустя, оправившись, онъ уходитъ отъ нихъ, Джулія уже навѣки прикована къ нему беззавѣтной любовью. Между завязкой и развязкой нѣтъ никакого дѣйствія, — все только монологи Стѐно или діалоги между нимъ и Джуліей или Джакоппо, между Стѐно и старымъ отшельникомъ Антоніо; и внезапно наступаетъ развязка: Джулія умираетъ отъ нераздѣленной любви, Джакоппо, обезумѣвъ, убиваетъ надъ ея трупомъ врача, потомъ, опомнившись, бѣжитъ убить Стѐно, но находитъ его уже бездыханнымъ: Стѐно за нѣсколько минутъ до того обрываетъ свою жизнь револьвернымъ выстрѣломъ не изъ-за Джуліи, а чтобы положить конецъ своимъ душевнымъ терзаніямъ. Такъ что романъ Джуліи, собственно, ни при чемъ: онъ не вплетенъ въ душевную драму героя; да и драмы въ обычномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ, такъ какъ нѣтъ столкновенія двухъ или нѣсколькихъ воль или (по античному представленію) воли съ судьбою: есть только психологическій этюдъ, изложенный въ монологахъ и діалогахъ. Позднѣе Тургеневъ, разрабатывая ту же тему, т.-е., точно такъ же желая нарисовать *портретъ*, примѣняетъ болѣе искусные пріемы: онъ уже не прибѣгаетъ къ драматической формѣ и уже не оставляетъ своего героя отрѣшеннымъ отъ вызванныхъ имъ коллизій. Въ «Стѐно» художественная планомѣрность есть, и даже очень строгая; но она односторонняя, и чѣмъ строже проводится, тѣмъ она одностороннѣе. Всѣ остальныя дѣйствующія лица, вся дѣйствительность и всѣ событія сами по себѣ нисколько не интересуютъ автора: онъ изображаетъ ихъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой они ему нужны для болѣе яркаго освѣщенія личности героя.

Онъ окружилъ Стѣно самыми заурядными людьми. Джуліа и Джакоппо живутъ, монахъ Антоніо раньше жилъ, непосредственными чувствами, не мудрствуя, не споря съ судьбой. Оттого они счастливы, покойны. Въ ихъ непосредственности есть своеобразная красота, — красота самой природы, съ которою они еще нераздѣльны. Такой благоуханный естественный цвѣтокъ, напримѣръ,— любовь Джуліи. Въ первую же минуту, когда она увидала безчувственнаго Стѣно въ Колизеѣ, ей что-то ясно сказало: «Вотъ онъ, кого душа твоя искала», и съ первой же минуты она предается ему безвозвратно: «Ты мнѣ — все, въ тебя я вѣрю какъ бы въ Бога». Позднѣе, въ своихъ поэмахъ, Тургеневъ возведетъ въ перлъ созданія эту непосредственность чувствъ, эту естественность; теперь, въ 16 лѣтъ, онъ еще далекъ отъ этого: онъ ясно даетъ понять, что эта естественная красота въ человѣкѣ, — красота низшаго сорта, что есть нѣчто высшее ея, именно красота собственно-человѣческая, красота смѣлаго и гордаго духа, сознавшаго свою самостоятельность предъ лицомъ природы и судьбы и зовущаго ихъ къ отвѣту. Таковъ, по мысли Тургенева, его Стѣно. Той, гармоничной, природной красоты въ немъ нѣтъ и тѣни; напротивъ, въ немъ все болѣзненно, все мятежно: онъ — полный контрастъ природы. Позднѣе, въ поэмахъ, и еще позже, напримѣръ, въ «Поѣздкѣ въ Полѣсье», Тургеневъ будетъ горько скорбѣть объ этомъ своемъ выпаденіи изъ природнаго строя; сейчасъ онъ только констатируетъ его какъ неизбѣжный и нормальный фактъ: миръ — природѣ и душамъ еще не пробужденнымъ, душѣ же, сознавшей себя, — тревога и страданье.

Стѣно нѣсколько разъ по частямъ разсказываетъ свое прошлое. Ему данъ отъ природы могучій умъ. Его мысль проснулась въ ту минуту, когда онъ впервые, глядя на небо, спросилъ себя, кто создалъ этотъ дивный сводъ лазурный. Тогда еще въ немъ душа была яснѣе неба, и онъ отдался Богу съ горячей вѣрой. Но вскорѣ его постигъ страшный ударъ; онъ полюбилъ дѣвушку, родную ему по духу; двое они составляли міръ, — «и онъ былъ чуденъ, какъ все, что на землѣ не человѣкъ». И вотъ эта дѣвушка внезапно умерла или исчезла. Тогда Стѣно ожесточился противъ Бога, вѣра въ немъ умерла, — онъ ввѣрился уму, и умъ быстро разоблачилъ предъ нимъ обманы земныхъ успѣховъ, ничтожество людей. Ему опротивѣлъ міръ, онъ умеръ для всего, что любятъ люди, его духъ окаменѣлъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, не страдалъ, онъ только прозябалъ въ сонной апатіи. И вдругъ онъ ожилъ для новаго, уже неизлѣчимаго страданія: мысль, подспудно работая, поставила предъ нимъ страшный вопросъ о смыслѣ жизни, т.-е. объ ея безцѣльности.

Такимъ онъ и предстаетъ предъ нами въ пьесѣ, уже безвозвратно обреченнымъ смерти. Каждый часъ, каждый мигъ его жизни — пытка. Никакая радость, никакая красота его не радуетъ; онъ презираетъ все земное и презираетъ людей, привязанныхъ къ земному. Въ этомъ огромномъ мірѣ онъ одинокъ, люди называютъ его злымъ, и самъ себѣ онъ въ тягость. Демонъ отнялъ у него сердце и оставилъ ему только жалкій умъ. Онъ страстно жаждетъ покоя, забвенья, но едва онъ забудется на мигъ, является его демонъ — мысль — и принимается терзать его. Онъ знаетъ, что его могла бы спасти вѣра, но онъ *не можетъ* вѣрить. Онъ проситъ помощи у отшельника:

«Я,
Какъ неба, жажду вѣры... жажду долго,
А сердце пусто до сихъ поръ. О, если
Ты мнѣ ее могъ, старецъ, возвратить,
То я готовъ всю жизнь тебѣ отдать».

Старецъ знаетъ одно стереотипное средство: «молись!» Но оно не годится для Стѐно:

«Слова святыя я произношу:
Они въ душѣ отвѣта не находятъ»...

Онъ жаждетъ смерти — и боится ея; его мучитъ вопросъ, что̀ будетъ *тамъ* и есть ли это *тамъ*, и еще болѣе, до ужаса, терзаетъ его мысль о томъ, что вмѣстѣ съ его жизнью безслѣдно исчезнутъ всѣ чувства и думы, волновавшія его духъ, — цѣлый міръ страданій, стремленій, высокихъ помысловъ. И все же онъ долженъ умереть, — ему нестерпимо жить подъ властью своего демона. Правда, онъ могъ бы смириться и тѣмъ купить себѣ покой; такъ обыкновенно поступаетъ человѣкъ толпы; но онъ съ негодованіемъ отвергаетъ эту мысль.

И онъ уходитъ изъ жизни измученный, но не побѣжденный; взявъ въ руки револьверъ, онъ привѣтствуетъ его, какъ друга: «Ты разрѣшишь мнѣ тайную задачу, ты мнѣ откроешь все». Еще раньше онъ такъ опредѣлялъ свое назначеніе.

«...Если я паду—тогда узнаютъ люди,
Что значитъ воля *человѣка.* Низко
Поставили они названье это,
И я хочу его возвысить».

Обыкновенные люди — какъ дѣти: тѣшатся погремушками, убаюкиваютъ себя вѣрой; Стѐно — какъ бы первый человѣкъ, выросшій изъ дѣтскихъ одеждъ; онъ одинъ, вооруженный только силой своего духа и мыслью, выступилъ предъ лицомъ природы съ заявленіемъ своихъ человѣческихъ правъ. Тургеневъ много разъ на протяженіи пьесы характеризуетъ Стѐно какъ человѣка исключительной духовной силы. Старецъ говоритъ Стѐно: «Ты могъ бы быть великимъ, дивнымъ», и самъ Стѐно, говоря о своемъ презрѣніи къ людскому мнѣнію, заявляетъ, что въ немъ самомъ есть цѣлый міръ: «Теперь онъ міръ страданья, — онъ могъ быть міромъ силы и любви».

«Могъ бы», — очевидно, описка: Тургеневъ опредѣленно говоритъ, что для людей, подобныхъ Стѐно, нѣтъ другого исхода, кромѣ смерти; Стѐно, каковъ онъ есть, уже *не можетъ* быть ни сильнымъ, ни счастливымъ. Счастье — для тѣхъ, кто еще не проснулся, еще не отдѣлился отъ природы, еще не сталъ собственно человѣкомъ; но разъ ты открылъ глаза, тебѣ не найти покоя раньше могилы, ибо передъ тобою встанетъ неразрѣшимая задача жизни, неразрѣшима же она потому, что духъ человѣка двойственъ. Такъ самъ Стѐно опредѣляетъ причину своей тоски: какой-то неясный голосъ говоритъ ему, что его родина — не здѣсь; ему хотѣлось бы летѣть къ небу, а онъ прикованъ къ землѣ.

IV.

Съ перваго взгляда ясно, что «Стѐно» — сколокъ съ Байроновскаго «Манфреда». Сходство начинается уже съ заглавія, которымъ въ обоихъ произведеніяхъ служитъ имя героя, и съ об-

щаго обоимъ подзаголовка — «драматическая поэма». Изъ «Манфреда» Тургеневъ заимствовалъ самую идею своей поэмы, идею-образъ человѣка, утверждающаго свою самочинность предъ лицомъ естества, гибнущаго въ этой борьбѣ, но не смиряющагося. Этимъ основнымъ сходствомъ обоихъ характеровъ обусловлено и сходство ихъ въ главныхъ психологическихъ чертахъ: Стѣно, какъ Манфредъ, страдаетъ невыразимо, но ни за что въ мірѣ не отрекся бы отъ своего страданія; оба жаждутъ смерти-забвенія, и оба страшатся ея, потому что не знаютъ, чѣмъ наполнено загробное безсмертіе; оба мертвы для міра, оба осуждены не знать болѣе — это слова Манфреда — «ни трепета надеждъ или желаній, ни радости, ни счастья, ни любви» [1]), и оба, какъ огонь, испепеляютъ все, что къ нимъ приблизится; наконецъ, оба благоговѣютъ предъ красотою мірозданія, и оба презираютъ человѣчество. У Байрона взялъ Тургеневъ и многія звенья своей фабулы: обморокъ Стѣно, спасаемаго Джуліей и Джакоппо (въ 1-ой сценѣ), списанъ съ той сцены въ «Манфредѣ», гдѣ Манфреда на краю обрыва въ Альпахъ спасаетъ охотникъ, и самый этотъ охотникъ — въ основѣ, конечно, прототипъ тургеневскаго Джакоппо, именно человѣкъ еще не выпавшій изъ природнаго строя, прекрасный своей близостью къ природѣ, но жалкій, своей зависимостью отъ нея. Въ Стѣно, какъ и въ Манфредѣ, душевный переломъ былъ вызванъ утратою любимой женщины; въ «Манфредѣ», какъ и въ «Стѣно», фигурируетъ «аббатъ», пытающійся обратить невѣрующаго на путь вѣры; Стѣно, какъ и Манфреду, является воочію «духъ», и вторично этотъ «духъ» является при Антоніо, какъ въ «Манфредѣ» — при аббатѣ и т. д. Наконецъ, и въ изложеніи Тургеневъ неоднократно слѣдовалъ за Байрономъ, подчасъ спускаясь почти до пересказа, если не перевода, цѣлыхъ отрывковъ изъ «Манфреда». Такъ, первый монологъ Стѣно — не что иное, какъ перифразъ слѣдующаго монолога Манфреда.

Манфредъ, одинъ.

Сверкаютъ звѣзды, — снѣжныя вершины
Сіяютъ въ лунномъ свѣтѣ. — Дивный видъ!
Люблю я ночь, — мнѣ образъ ночи ближе,
Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи
Ея спокойной, грустной красоты
Я постигаю рѣчь иного міра.
Мнѣ помнится, — когда я молодъ былъ
И странствовалъ, — въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственнаго Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
На синевѣ полуночной темнѣя,
Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
Протяжный стонъ совы, и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.
Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,
Стояли кипарисы — и казалось,
Что ихъ каймá была на горизонтѣ,
А между тѣмъ лишь на полетъ стрѣлы
Я былъ отъ нихъ. — Гдѣ Цезарь жилъ когда-то

[1]) «Манфредъ» цитируется по переводу И. А. Бунина, изд. «Знаніе», 1904 г.

И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растетъ
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще донынѣ,
Еще хранитъ въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.
И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость запустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ временъ!

О дѣвушкѣ, которую онъ любилъ, Манфредъ говорилъ такъ:

И лишь одна, одна изъ всѣхъ...
Она была похожа на меня...
Насъ
Сближали одинаковыя думы,
Любовь къ уединенію, стремленье
Къ таинственнымъ познаніямъ и жажда
Обнять умомъ вселенную, весь міръ...

Почти тѣми же словами характеризуетъ свою возлюбленную Стѐно.

...Я зналъ одно созданье,
Которое мнѣ было равно...
Душами были мы родные
И мы другъ друга понимали...

Манфредъ отвѣчаетъ охотнику:

Терпѣніе! — Нѣтъ, не для хищныхъ птицъ
Придумано терпѣніе: для муловъ!
Прибереги его себѣ подобнымъ,—
Я изъ другой породы.

Стѐно повторяетъ эти слова: «Пусть терпитъ рабъ — не Стѐно». Въ нижеслѣдующихъ трехъ отрывкахъ изъ «Манфреда» читатель легко узнаетъ источникъ соотвѣтственныхъ мѣстъ въ поэмѣ Тургенева.

Контрастъ между Манфредомъ (Стѐно) и охотникомъ (Джакоппо): «Я вижу», говоритъ охотнику Манфредъ,

Тебя, сынъ горъ, и самого себя,
Твой мирный бытъ и кровъ гостепріимный,
Твой духъ, свободный, набожный и стойкій,
Исполненный достоинства и гордый,
Затѣмъ, что онъ и чистъ, и непороченъ,
Твой трудъ, облагороженный отвагой,
Твое здоровье, бодрость и надежды
На старость безмятежную, на отдыхъ
И тихую могилу подъ крестомъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ. — Вотъ твой удѣлъ. А мой —
Но что о немъ, — во мнѣ ужъ все убито.

Презрѣніе къ людямъ:

Ни въ чемъ съ людьми я сердцемъ не сходился
И не смотрѣлъ на землю ихъ глазами;
Ихъ цѣли жизни я не раздѣлялъ,
Ихъ жажды честолюбія не вѣдалъ.
Мои печали, радости и страсти
Имъ были непонятны. Я съ презрѣньемъ
Взиралъ на жалкій обликъ человѣка...

Аббатъ о Манфредѣ (какъ Антоніо о Стѣно).

Онъ могъ бы быть возвышеннымъ созданьемъ.
Въ немъ много силъ, которыя могли бы
Создать прекрасный образъ, будь онѣ
Направлены разумнѣе: теперь же
Царитъ въ немъ страшный хаосъ...
Онъ стремится
Къ погибели, но долженъ быть спасенъ,
Затѣмъ, что онъ достоинъ искупленья...

И совершенно такъ же охотникъ говоритъ о Манфредѣ (какъ Джулія и Джакоппо—о Стѣно).

И съ такою
Душой, высокой, нѣжной, быть злодѣемъ!..
Не вѣрю!

Кажется, болѣе нѣтъ надобности умножать эти выдержки: ясно, что юный русскій авторъ близко держался своего подлинника, все время имѣлъ предъ глазами текстъ «Манфреда» и, не стѣсняясь, бралъ изъ него то, что ему было нужно. Но тѣмъ разительнѣе выступаютъ на этомъ фонѣ подражательности черты свободнаго Тургеневскаго творчества, тѣмъ болѣе личными и сознательными должны быть признаны элементы, внесенные имъ отъ себя въ заимствованную картину. А внесъ онъ многое, и многое измѣнилъ на свой ладъ.

Поэма Байрона — символическое произведеніе. «Манфредъ»— не человѣкъ между людьми, не личность, хотя бы исключительная: онъ воплощеніе того мятежнаго начала, которое отъ вѣка присуще человѣческому духу, олицетвореніе нѣкоторой духовной стихіи; такимъ, въ конкретности, человѣкъ никогда не бываетъ, но во всякомъ сильномъ человѣкѣ болѣе или менѣе живетъ духъ Манфреда. Сообразно съ этой символической концепціей образа Манфреда все дѣйствіе Байроновской поэмы символично; дѣйствующія лица—не реальные образы, а Духи, Парки, Ариманъ, Немезида, Фея Альпъ, Призракъ Астарты, — съ ними борется, ихъ нудитъ или проситъ Манфредъ, и арена дѣйствія—не міръ, а его собственный духъ, въ которомъ міръ содержится; даже охотникъ и аббатъ — только символы, только воплощенія нѣкоторыхъ вѣковѣчныхъ влеченій человѣческаго духа, отвергаемыхъ Манфредомъ внутри своего сознанія.

Всю эту символику «Манфреда» Тургеневъ съ удивительной для его возраста планомѣрностью свелъ на землю, облекъ въ конкретность, хотя, разумѣется, очень условную; здѣсь важно не достиженіе, а замыселъ. Его Стѣно—не воплощеніе мятежа противъ природныхъ опредѣленій, а человѣкъ, въ которомъ мятежное сознаніе проснулось, — исключительная, сильная, но личность, — не фантомъ; и потому онъ и живетъ въ пьесѣ какъ человѣкъ, и въ пьесѣ, вокругъ Стѣно, развивается вполнѣ реальная фабула. Что Тургеневъ сдѣлалъ эту перелицовку вполнѣ сознательно, это доказывается послѣдовательностью, съ какою онъ провелъ ее чрезъ всю пьесу и всѣ характеры.

Разумѣется, и Байронъ, во избѣжаніе аллегоричности, долженъ былъ сдѣлать Манфреда хоть въ минимальной степени личностью. Какъ личность, «Манфредъ» абсолютно цѣленъ, сверхъестественно-цѣленъ. Онъ родился такимъ, какимъ умеръ; онъ «отъ самыхъ юныхъ лѣтъ» былъ отчужденъ отъ человѣчества; его де-

моническій духъ непреклоненъ, недоступенъ слабостямъ, соблазнамъ, унынію, и съ отвращеніемъ отвергаетъ религію, какъ гнилую подпорку; и любилъ онъ едва ли смертную женщину, — имя его возлюбленной — Астарта, и онъ убилъ ее, потому что не могъ не убить: ея сердце заглянуло въ его сердце и увяло. Напротивъ, Стѐно — вполнѣ человѣкъ. Ребенкомъ, юношей онъ вѣрилъ въ Бога и любилъ людей, какъ братьевъ, его душа была яснѣе неба; жизненный опытъ, а главное — *мысль* убили въ немъ эту вѣру и любовь, но онъ страстно жаждетъ вѣры, въ полную противоположность символическому Манфреду. Онъ еще и теперь минутами бываетъ тихъ и веселъ, и отвѣчаетъ на привѣтъ людей. Онъ въ замыслѣ автора—конкретное лицо, и окруженъ живыми же людьми: вотъ Джуліа влюбляется въ него, страдаетъ и умираетъ, Джакоппо тревожится за сестру, и дѣйствуетъ, и впадаетъ въ преступленіе; вотъ отшельникъ Антоніо разсказываетъ о своемъ прошломъ. Они также символизированы, но они — не голые символы, какъ охотникъ и аббатъ въ «Манфредѣ», и дѣйствіе пьесы — вполнѣ конкретное. Словомъ, «Стѐно» — тотъ же Манфредъ, но сведенный изъ сферы умопостигаемой на землю, влотную приближенный къ подлинному человѣку во плоти. «Манфредъ» Байрона — символическая картина, въ родѣ Врубелевскаго Демона; «Стѐно» задуманъ какъ символическій *портретъ*, т.-е. какъ индивидуальный образъ, въ которомъ художникъ захотѣлъ выявить нѣкоторую имманентную идею.

V.

Подражательная и слабая драма шестнадцатилѣтняго юноши сама по себѣ не могла бы привлечь нашего вниманія; но этотъ юноша сталъ позднѣе Тургеневымъ, и полудѣтское произведеніе становится вѣхой, по которой, идя назадъ, отъ позднѣйшихъ точекъ, мы можемъ до нѣкоторой степени опредѣлить раннюю стадію развитія Тургенева. Мы знали уже, что не «Записки охотника» (1847 — 1851) составляютъ первый этапъ его литературной дѣятельности, что имъ предшествовалъ періодъ поэмъ и лирики (1841 — 1846); теперь оказывается, что былъ еще болѣе ранній періодъ его творчества, — именно тотъ, отъ котораго до насъ дошла писанная въ 1834 году драма «Стѐно». Это была, повидимому, дѣйствительно цѣлая особенная полоса творческой дѣятельности. «Стѐно» былъ не единственнымъ продуктомъ тѣхъ лѣтъ. Въ томъ письмѣ къ Никитенкѣ отъ 26-го марта 1837 года, которое цитировано въ началѣ этой статьи, Тургеневъ перечислялъ цѣлый рядъ произведеній, написанныхъ имъ въ послѣдніе три года, т.-е. 1834—1836 гг.: «Стѐно» — 1834 года, его «первое произведеніе»; неоконченная поэма «Повѣсть старика» — 1835 года; 1836 годъ, пишетъ онъ, былъ посвященъ переводу байроновскаго «Манфреда», «Короля Лира» — съ большими пропусками, и «Отелло» до половины 2-го акта; въ концѣ того же года начата была драма, которой первый актъ и весь планъ уже кончены, — осенью онъ надѣется привезти ее изъ деревни готовой. Сейчасъ онъ работаетъ надъ произведеніемъ «Нашъ вѣкъ», «начатымъ въ нынѣшнемъ году въ половинѣ февраля, въ припадкѣ злобной досады на деспотизмъ и монополію нѣкоторыхъ людей въ нашей словесности». Кромѣ того, у него есть три маленькихъ оконченныхъ поэмы: «Штиль на морѣ»,

«Фантасмагорія въ лунную ночь» и «Сонъ» да около 100 мелкихъ стихотвореній. Къ этому изрядному перечню готовыхъ и начатыхъ произведеній 18-лѣтняго «писателя» надо прибавить еще большую прозаическую статью о книгѣ А. Муравьева «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ русскимъ», которою Тургеневъ дебютировалъ въ печати въ 1836 году.

По содержанію «Стѐно» и заглавіямъ остальныхъ опытовъ того времени можно догадываться, что весь этотъ первый періодъ литературной дѣятельности Тургенева (1834 — 1837) прошелъ подъ знакомъ юношески-мрачнаго пессимизма; можно думать далѣе, что онъ былъ отмѣченъ преобладаніемъ драматической формы («Стѐно», начатая драма, переводы), какъ слѣдующій за нимъ — 1840-хъ годовъ, — преобладаніемъ стихотворнаго повѣствованія, а послѣдній, и главный (съ 1847 г. и до конца), — преобладаніемъ художественной прозы. Но ближе опредѣлить направленіе этого перваго періода, разумѣется, невозможно за утратой всѣхъ произведеній, написанныхъ въ тѣ годы, кромѣ «Стѐно». Зато о «Стѐно», который теперь отыскался, можно говорить съ полной достовѣрностью.

Это первое произведеніе Тургенева оказывается во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ. Въ немъ поражаетъ прежде всего глубина и сложность вопросовъ, волновавшихъ 16-лѣтняго отрока, и еще болѣе, можетъ-быть, тождество этихъ вопросовъ *по существу* съ тѣми, которые занимали его впослѣдствіи на протяженіи долгихъ лѣтъ. «Стѐно» — не случайное подражаніе байроновскому «Манфреду», оно не стоитъ особнякомъ въ творчествѣ Тургенева: чрезъ поэмы 1840-хъ годовъ оно органически примыкаетъ къ его позднѣйшимъ произведеніямъ, какъ первое звено единой цѣпи или какъ первый отпечатокъ единаго развивающагося въ опытѣ, міровоззрѣнія. Съ насъ достаточно будетъ на этотъ разъ указать связь «Стѐно» съ этими поэмами.

Выше уже было упомянуто, что поэма «Разговоръ», отдѣленная отъ «Стѐно» десятилѣтнимъ промежуткомъ, обнаруживаетъ чрезвычайно близкое сходство съ этой ранней драмою, являясь какъ бы позднѣйшей обработкой того же сюжета. Юноша въ «Разговорѣ» боленъ тою же болѣзнью, что Стѐно: раздвоенностью духа, гипертрофіей ума; такъ же, какъ Стѐно, онъ влачитъ праздное существованіе, ни во что не вѣря, ничего не любя, презирая людей, снѣдаемый тоскою и глухой внутренней тревогой. Оба они, несомнѣнно, — одно и то же лицо; но какъ различно отношеніе къ нимъ Тургенева! Въ 1834 году Тургеневъ въ «Стѐно» видѣлъ героя, настоящаго человѣка; правда, Джуліа прекрасна, но это — красота цвѣтка, элементарная естественная красота, а не красота человѣка; красота человѣка, т.-е. «Стѐно», на первый взглядъ можетъ показаться уродствомъ, но она безконечно выше, величественнѣе всякой природной красоты. Не то въ «Разговорѣ»: здѣсь — то же самое явленіе опредѣленно характеризуется какъ ненормальное, какъ болѣзнь, и ему въ качествѣ нормы противопоставляется душевная цѣльность, непосредственность чувства. И сообразно съ этой различной *оцѣнкой*, тамъ преимущественно выставлены на видъ героическія черты явленія: міровая скорбь, метафизическія сомнѣнія, гордое самоутвержденіе, здѣсь — пошлыя и трагическія стороны того же явленія. Поразительно, какъ неуклонно мысль Тургенева шла по одному и тому же пути отъ юности до зрѣлаго

возраста; 26-ти лѣтъ онъ поглощенъ тѣмъ же вопросомъ, какъ и въ 16 лѣтъ: отчего происходитъ распаденіе природнаго единства въ человѣкѣ, и что оно есть — благо или зло? Въ 40-хъ годахъ послѣдній вопросъ былъ для него уже окончательно рѣшенъ; всѣ его поэмы этого времени написаны на эту же тему и всѣ даютъ тотъ же отвѣтъ, какой данъ въ «Разговорѣ»: распаденіе личности есть уродство и зло, цѣльность и непосредственность чувства — здоровье и благо. Отсюда въ этихъ поэмахъ противопоставленіе женской цѣльности мужскому безволію, мужской рефлексіи, — мотивъ, намѣченный уже, хотя и въ иномъ освѣщеніи, въ «Стѐно». Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе Тургенева обращается отъ метафизическихъ причинъ болѣзни, каковы двойственность человѣческаго духа и неразрѣшимость вѣчныхъ вопросовъ, къ бытовымъ условіямъ, которыя ее питаютъ (таковы поэмы «Параша», «Андрей»),— и такъ послѣдовательно, все время на почвѣ того же вопроса, совершается переходъ къ его позднѣйшимъ повѣстямъ и романамъ. Раздумье о раздвоеніи личности и о цѣльномъ человѣкѣ проходитъ красной нитью черезъ все это творчество; «Стѐно» — первый изъ «лишнихъ людей» Тургенева, Джулія — первая изъ его сильныхъ цѣльностью духа дѣвушекъ, но только съ обратнымъ знакомъ.

Съ этой точки зрѣнія подражательность «Стѐно» теряетъ всякое значеніе. Трагедія «Стѐно», какъ и юноши изъ «Разговора», — трагедія самого Тургенева. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ былъ написанъ «Стѐно», Тургеневъ прямо обрисовалъ *самого себя* тѣми же чертами, какими обрисованъ Стѐно. Въ «Посвященіи» къ «Разговору» онъ разсказываетъ, какъ онъ бродилъ вечеромъ среди великой тишины, исполненный раздумья:

«...Спящій міръ дышалъ безсмертной красотой...
Но глазъ не поднималъ и проходилъ я мимо;
О жизни думалъ я, объ Истинѣ святой;
О всемъ, что на землѣ навѣкъ неразрѣшимо.
Я небо вопрошалъ... и тяжко было мнѣ,—
И вся душа моя пресытилась тоскою...
А звѣзды вѣчныя спокойной чередою
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ».

Это — раздумье Стѐно и его же тоска: и здѣсь — то же противопоставленіе истерзаннаго духа гармоничной красотѣ мірозданія, какъ въ «Стѐно».

Это «Посвященіе» было написано въ іюлѣ 1844 г., а незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ написалъ другое стихотвореніе — «Толпа» (напечатано въ январской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1844 г.), въ которомъ отъ собственнаго лица излагалъ чувства и мысли, характерныя для Стѐно или юноши изъ «Разговора». Совершенно такъ, какъ они, онъ говоритъ о себѣ:

«Среди людей, людей близкихъ и чужихъ,
Скитаюсь я безъ цѣли, безъ желанья».

Онъ страдаетъ, но толпа не признаетъ тѣхъ страданій,

«И что въ душѣ «задумчивой» живетъ,
Болѣзнію считаетъ своенравной».

И толпа права, говоритъ онъ; она велика и сильна.

«Гордись, толпа! Ликуй, толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо».

Но онъ не дастъ ей ни одной слезы, не разскажетъ ей своихъ думъ, онъ останется одинокимъ.

Тѣ же признанія мы слышали изъ устъ «Стѐно», но въ мрачно-героическомъ тонѣ. «Я не знаю друга. Въ этомъ огромномъ мірѣ я одинъ», «Меня съ душой обыкновенной люди, — нѣтъ, — не поймутъ. Я имъ высокъ», ему «ненавистно лицо людей», ко всему онъ чувствуетъ невольное презрѣніе:

И отсюда выводъ:

«Я не нуженъ
Ни одному творенью на землѣ, и мнѣ
Не нужно ничего. Мнѣ въ тягость жизнь. И я
Хочу, желаю смерти».

Въ «Толпѣ» Тургеневъ изъ тѣхъ же фактовъ дѣлаетъ для себя уже другой выводъ:

«И потому мнѣ *жить* не суждено,
И я тяну съ усмѣшкой торопливой
Холодной злости — злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино».

Въ этомъ вся разница между его отношеніемъ къ міру въ 1834 и въ 1844 годахъ: тогда Стѐно былъ для него героемъ, теперь онъ констатируетъ въ себѣ то же распаденіе личности, какъ неизбѣжный, можетъ-быть, но уродливый фактъ. «Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ», — говоритъ онъ,—

«Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья».

Было бы, разумѣется, любопытно знать, въ силу какихъ причинъ и въ частности, подъ какими литературными вліяніями такъ рано овладѣли Тургеневымъ міровая скорбь и рефлексія. Можетъ-быть, это и удастся сдѣлать со временемъ, когда будетъ хоть сколько-нибудь изучена исторія молодости Тургенева, теперь еще совсѣмъ неизвѣстная. Но каковы бы ни были результаты такого изслѣдованія, они не могутъ подорвать достовѣрности фактовъ, устанавливаемыхъ путемъ сличенія произведеній Тургенева съ его личными признаніями. Путь отъ «Стѐно» къ поэмамъ 40-хъ годовъ есть путь, пройденный самимъ Тургеневымъ въ его внутреннемъ развитіи за эти годы; идея «Стѐно» не случайно запала въ душу Тургенева: вся его внутренняя работа въ ближайшія десять лѣтъ совершается вокругъ этой же идеи. Нетрудно понять, какія важныя указанія вытекаютъ отсюда для изученія дальнѣйшей, т.-е. главной, эпохи его творчества. На первой очереди стоятъ здѣсь «Записки охотника». До нихъ личная и творческая мысль Тургенева двигалась непрерывно въ одномъ направленіи; «Записки охотника» представляютъ ли продолженіе этого пути, или ими Тургеневъ вступилъ на какой-нибудь иной путь? Другими словами: разрабатывалъ ли онъ и здѣсь, хотя бы въ новыхъ формахъ и въ иномъ смыслѣ, ту же идею о раздвоеніи личности, которая такъ сильно занимала его въ первыя десять лѣтъ его литературной дѣятельности, или другія мысли и чувства овладѣли теперь его душою?

М. Гершензонъ.

Письмо И. С. Тургенева императору Александру II.

Въ 1858 г. Іосафатъ Огрызко, служившій, со слѣдующаго года въ министерствѣ финансовъ, началъ издавать (по мысли К. Д. Кавелина), въ С.-Петурбургѣ газету на польскомъ языкѣ «Slowo», съ цѣлью сближенія поляковъ съ русскими, но за помѣщеніе въ № 15 за 1859 статьи Лелевеля «Wyjatek zlistu I. Lelewela do I. Ohryzko» газета была запрещена, а Огрызко, по высоч. повелѣнію, былъ посаженъ въ крѣпость, изъ которой былъ вскорѣ освобожденъ. Письмо Лелевеля, не имѣющее «ничего политическаго» было «преступное» потому, что оно доказываетъ «связь редактора съ государственнымъ преступникомъ», какъ записалъ въ своемъ дневникѣ извѣстный проф. Никитенко. Но письмо эмигранта было напечатано съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа И. Д. Делянова. Арестъ Огрызко произвелъ сильное впечатлѣніе на общество, отвыкшее за первые годы царствованія Александра II отъ такихъ жестокихъ мѣръ по отношенію къ печати. «Огрызко сдѣлался предметомъ всеобщихъ толковъ», записываетъ тотъ же Никитенко. Мѣра, принятая по отношенію къ Огрызко, вызвала разногласія и въ бюрократическихъ кругахъ. Въ результатѣ и было скорое освобожденіе [1]). Впослѣдствіи, въ 1864 г., І. Огрызко былъ привлеченъ къ дѣлу о польскомъ возстаніи и приговоренъ къ смертной казни, замѣненной, по конфирмаціи ген.-губернатора Кауфмана, двадцатилѣтнею каторгою въ рудникахъ.

Печатаемыя ниже письма московскаго г.-губернатора гр. Закревскаго и И. С. Тургенева касаются эпизода съ закрытіемъ газеты «Slowo».

I) *Письмо А. А. Закревскаго.*

«Любезный другъ, князь Алексѣй Федоровичъ [2]).

«Здѣсь ходитъ по рукамъ письмо Тургенева къ Государю по поводу ареста *Огрызко* и запрещенія издававшагося имъ въ Петербургѣ польскаго журнала. На всякій случай посылаю тебѣ копію съ него. Говорятъ, что Государю писали о томъ же Жемчужниковъ и другіе литераторы. Подобныя письма, такъ какъ и дерзкое посланіе Погодина къ министру просвѣщенія [3]), имѣютъ дурное, противное началамъ нашего правительства, вліяніе на общество. Если бы эти господа дѣйствовали точно благонамѣренно, то не разглашали бы своихъ писемъ». 17 марта 1859 г.

II) *Письмо И. С. Тургенева.* [4])

«Я нѣсколько разъ колебался, прежде чѣмъ рѣшился писать къ В. В. — Я знаю все, что подобный поступокъ можетъ предста-

---

[1]) Ср. объ этомъ инцидентѣ *Барсуковъ.* «Жизнь и труды Погодина», т. XVI, 1902 г., стр. 362—267. (*Ред.*)

[2]) Князь Орловъ.

[3]) Рѣчь идетъ объ объясненіи М. П. Погодина съ м. н. просв. Евг. Ковалевскимъ по поводу признанія его статьи: «*Прошедшій годъ въ русской исторіи*», напечатанной во 2 № газеты «*Парусъ*», неблагонамѣренною въ числѣ статей, изъ-за коихъ Главное Управленіе Цензуры прекратило изданіе «Паруса» въ 1859 г. А. П. См. *Барсуковъ XVI*, 348 и слѣд. *Ред.*

[4]) Фактъ обращенія И. С. Тургенева къ государю съ письмомъ въ защиту Огрызко извѣстенъ давно. П. В. Анненковъ видѣлъ «черновую этого всеподданнѣйшаго письма» и «на память» передалъ его содержаніе («Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ» въ «В. Евр.», 1885, апрѣль, стр. 472). Но Анненковъ ошибочно датируетъ письмо къ 1862 г. и нарушаетъ послѣдовательность событій, называя Огрызко журналистомъ, «уличеннымъ въ связяхъ съ польскимъ возстаніемъ».—«Письмо,—говоритъ Анненковъ,—конечно, не имѣло никакихъ послѣдствій для Тургенева и оставлено было безъ отвѣта. Турге-

вить не благовиднаго, но какъ русскій, какъ Вашъ подданный, какъ человѣкъ, за котораго Вамъ было угодно нѣкогда заступаться, и который умѣетъ помнить благодѣянія, я почитаю священнымъ долгомъ объясниться передъ Вами, Государь; въ чистотѣ моихъ намѣреній я увѣренъ: прошу В. В. извинить меня, если выраженіе ихъ покажется неумѣстнымъ.

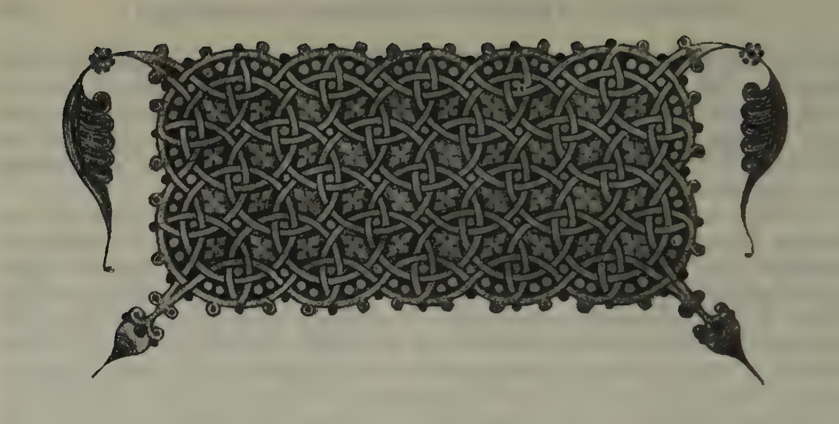
«Мнѣ не нужно говорить о тѣхъ чувствахъ, которыя я питаю къ Вашей особѣ; я ихъ раздѣляю со всѣми русскими; Монархъ, который мудро началъ и съ твердостью продолжаетъ великое дѣло освобожденія крестьянъ, — уже тѣмъ однимъ навсегда упрочилъ за собою и благословеніе потомства, и любовь своихъ подданныхъ; но моя совѣсть велитъ мнѣ довести до свѣдѣнія Вашего, Государь, что именно тѣ изъ Вашихъ подданныхъ, которымъ болѣе всѣхъ драгоцѣнна Ваша слава, не могутъ признать въ послѣднихъ дѣйствіяхъ правительства того духа, которымъ, къ счастію Россіи, доселѣ ознаменовано Ваше царствованіе. Заключеніе лица невиннаго, если не передъ буквой, то передъ сущностію закона, запрещеніе журнала, имѣвшаго цѣлію самостоятельное, т.-е. единственно-разумное соединеніе и примиреніе двухъ народностей — эти мѣры, и другія съ ними однородныя, опечалили всѣхъ искренно-преданныхъ В. В. людей, устрашили возникавшее довѣріе, потрясли чувство законности, столь еще, къ сожалѣнію, слабое въ народномъ нашемъ сознаніи, отсрочили эпоху окончательнаго слiянія государственныхъ и частныхъ интересовъ; того слiянія, въ которомъ власть находитъ самую надежную для себя опору. Никогда еще, Государь, въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, общественное мнѣніе такъ единодушно не выражалось противъ правительственной мѣры. Не позволяя себѣ судить, насколько слѣдуетъ дальновидному Правительству принимать во вниманіе подобныя выраженія, считаю своею обязанностью повергнуть этотъ фактъ на обсужденіе Вашего Величества.

«Я знаю, что мой одинокій голосъ ничего не значитъ, хотя счастливы тѣ времена, когда и одинокій голосъ свободно достигаетъ до трона. Но я имѣю несомнѣнные признаки думать, что я выражаю убѣжденіе общее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣжденіе людей, которые, быть-можетъ, заподозрѣны предъ Вашимъ Величествомъ, но которые, смѣю увѣрить Васъ, Государь, не уступятъ никому въ преданности Вамъ и всѣ свои надежды возлагаютъ на Васъ. Съ преуспѣяніемъ Правительства сопряжено въ ихъ глазахъ то благоденствіе, то развитіе Россіи, для котораго они готовы принести всевозможныя жертвы. Позвольте же имъ, Государь, продолжать питать вѣру въ прекрасную и славную будущность нашего отечества, ту вѣру, которая и возбуждена во всѣхъ лучшихъ сердцахъ и поддерживается въ нихъ надеждою на Ваше Величество».

С.-Петербургъ, мартъ, 1859 г.

Сообщилъ *Алексѣй Попельницкій.*

невъ разсказывалъ только потомъ, что, встрѣтившись съ государемъ на улицѣ и поклонившись ему, онъ могъ примѣтить строгое выраженіе на его лицѣ, а въ глазахъ прочесть какъ бы упрекъ: «Не мѣшайся въ дѣло, котораго не разумѣешь». Свѣдѣніями, сообщенными о письмѣ Тургенева Анненковымъ, воспользовался Н. М. Гутьяръ и далъ имъ надлежащее освѣщеніе въ статьѣ «И. С. Тургеневъ и польскій вопросъ» (въ книгѣ «И. С. Тургеневъ», Юрьевъ, 1907). *(Ред.)*

Изъ жизни французской провинціи въ 1790—91 гг.

Еще совсѣмъ недавно вниманіе историковъ французской революціи приковывалось почти исключительно къ парижскимъ событіямъ — выступленія парижской толпы, рѣчи знаменитыхъ ораторовъ, дѣятельность законодательныхъ собраній, коммуны и клубовъ. Картина эпохи носила односторонній и всегда немного искусственный характеръ. Но по мѣрѣ того, какъ къ изученію привлекался все болѣе и болѣе богатый архивный матеріалъ, въ частности матеріалъ провинціальныхъ архивовъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица революціи все болѣе выдвигался истинный герой ея— весь французскій народъ въ его многочисленныхъ культурныхъ, географическихъ и соціальныхъ развѣтвленіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ и событія ея развертывались передъ взоромъ историка все съ большей конкретной полнотой, становясь болѣе понятнымъ намъ, облекаясь въ живую историческую плоть.

Одинъ изъ уголоковъ этого ожившаго прошлаго — жизнь маленькаго провинціальнаго городка Франціи въ эпоху патріотическаго объединенія французскихъ коммунъ возникшихъ на развалинахъ старыхъ провинцій — открываетъ намъ статья Эдуарда Шапюиза въ послѣднемъ номерѣ «La Révue histoirique de la Revolution Française». (Ed. Chapuisat. Une Commune Française au temps de la Fédération).

Мѣстечко Кюссэ (Cusset) въ провинціи Бурботнэ, — административный и экономическій центръ контона, когда-то крѣпость и резиденція богатаго аббатства — ничѣмъ не выдѣляется изъ сотенъ и тысячъ другихъ мѣстечекъ и городовъ Франціи, но именно это обстоятельство и дѣлаетъ его особенно цѣннымъ предметомъ наблюденія въ глазахъ историка общественнаго движенія. На основаніи протоколовъ, извлеченныхъ изъ мѣстнаго муниципальнаго архива, авторъ воспроизводитъ одну за другой рядъ картинъ мѣстной политической жизни за періодъ отъ апрѣля 1790 года по іюнь 1791 годъ.

Первая изъ нихъ застаетъ Кюссэ подъ впечатлѣніемъ февральскихъ событій въ Парижѣ — рѣчи короля въ Національномъ собраніи, присяги Собраніе и обращенія его къ французскому на-

роду. Члены муниципальнаго корпуса [1]) въ засѣданіи 4-го апрѣля волнуются и жалуются на медленность сообщеній съ центромъ, на отсутствіе офиціальныхъ свѣдѣній о парижскихъ событіяхъ. «О насъ забываютъ, — восклицаетъ предсѣдатель,—и уже не первый разъ: необходимо обратиться къ собранію народныхъ представителей съ почтительнымъ по этому поводу представленіемъ».

Собраніе постановляетъ въ первое же воскресенье послѣ вечерни въ приходской церкви устроить на городскомъ бульварѣ (promenade publique) «торжество принесенія гражданской присяги, первый примѣръ который былъ данъ Франціи Національнымъ Собраніемъ». Оповѣщеніе жителей было постановлено произвести какъ путемъ печатныхъ объявленій, такъ и съ церковной каѳедры при помощи священника. Національная гвардія приглашалась присутствовать ex officio.

Церемонія состоялась 11-го апрѣля.

Идиллія патріотическаго единодушія въ своей первоначальной чистотѣ сохранялась, однако, недолго: среди населенія Кюссэ обнаружились коренныя противорѣчія интересовъ и настроеній; перестройка жизни на новыхъ началахъ оказывалась задачей болѣе сложной, чѣмъ это казалось вначалѣ благодушнымъ членамъ муниципалитета Кюссэ. 5-го мая въ Кюссэ пріѣхали два крестьянина изъ сосѣднихъ приходовъ Сэнъ-Жерменъ-Лепинасъ и Сэнъ-Воннэ-Декаръ за купленной у мѣстнаго жителя рожью. Едва успѣли они нагрузить зерно на свои ручныя телѣжки, какъ ихъ окружила толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, вырвала у нихъ хлѣбъ и принялась дѣлить его между собой. Члены муниципалитета, явившіеся на мѣсто происшествія, старались всячески возстановить порядокъ, ссылались на распоряженіе Національнаго Собранія о свободной циркуляціи хлѣба, на крайнюю нужду въ немъ сосѣднихъ жителей, — напрасно: толпа стояла на своемъ и не позволяла вывозить изъ города хлѣбъ; «хлѣбъ, — заявила она, — слишкомъ дорогъ, и въ городѣ его недостаточно».

Члены муниципалитета предложили тогда толпѣ взять хлѣбъ, но заплатить, по крайней мѣрѣ, владѣльцамъ по рыночной цѣнѣ, но и на это толпа не пошла. «Къ удивленію своему, — разсказываютъ въ отчетѣ члены муниципалитета, — мы слышали со всѣхъ сторонъ громкіе крики, что хлѣбъ не отдадутъ и подѣлятъ его не платя, что мы напрасно тратимъ слова, что хлѣбъ выпущенъ не будетъ и торговцы не получатъ ничего». Пришлось обратиться къ національной гвардіи. Забили тревогу, и муниципалитетъ вернулся къ толпѣ уже съ вооруженной силой. Между тѣмъ рожь отвозили уже къ амбарамъ, и никакіе уговоры не могли остано-

---

[1]) Напоминаемъ читателю, что ноябрьскій и декабрьскій декреты Національнаго Собранія узаконили слѣдующіе, фактически возникшіе еще съ іюля 1789 г., органы мѣстнаго муниципальнаго управленія: во главѣ каждой коммуны ставился *мэръ*, *прокуроръ* и *Коммунальный Совѣтъ*, распадавшійся на двѣ части—*Муниципальный корпусъ*, вѣдавшій текущія дѣла коммуны, и *Нотаблей*, присоединявшихся къ нему въ особо важныхъ случаяхъ. Въ началѣ 1790 года было введено новое административное дѣленіе Франціи на *департаменты* и *дистрикты* (въ составъ каждаго дистрикта входило нѣсколько кантоновъ и коммунъ), во главѣ администраціи которыхъ ставились выборные *директоріи* и *прокуроры-синдики*. Въ муниципальныхъ какъ и законодательныхъ выборахъ приглашались участвовать только такъ называемые «активные», т.-е. удовлетворявшіе извѣстному цензу, граждане.

вить толпу. Слышались крики, что лучше дадутъ убить себя, чѣмъ выпустятъ изъ города хлѣбъ. Грозили при этомъ ударить въ набатъ. Пролитія крови муниципальный корпусъ желалъ избѣжать во что бы то ни стало, и потому ему не оставалось ничего, какъ ретироваться, что, уже около девяти часовъ вечера, онъ и сдѣлалъ. На другой день созвали коммунальный совѣтъ. О событіяхъ извѣстили прокурора бальяжа, а приходскаго священника попросили съ церковной каѳедры обратиться къ народу для разъясненія ему законовъ о свободной циркуляціи хлѣба, о неприкосновенности личности и личной собственности, о взиманіи налоговъ и, наконецъ, военнаго закона о сборщикахъ. Кромѣ того, «для успокоенія легковѣрныхъ умовъ» было рѣшено осмотрѣть въ городѣ всѣ житницы и привести въ извѣстность наличное количество хлѣба. Оказалось, что «тревога населенія не имѣла для себя никакой почвы»: въ городѣ обнаружилось болѣе 30.000 четвертей пшеницы, ржи и ячменя. Тѣмъ не менѣе, для предупрежденія недостатка въ хлѣбѣ и успокоенія населенія были приняты экстренныя мѣры — установлено количество хлѣба, допустимое къ принятію на каждую мельницу, введена такса за помолъ. Спокойствіе мало-по-малу возстановилось.

Наступало 14-е іюля, годовщина взятія Бастиліи, которую въ силу декрета Національнаго Собранія предстояло отмѣтить новой патріотической манифестаціей, праздникомъ федераціи французскихъ коммунъ. Для торжественнаго принесенія на «алтарѣ отечества» федеральной присяги въ Парижъ ѣхали депутаціи отъ національной гвардіи всѣхъ дистриктовъ и ото всѣхъ полковъ и морскихъ экипажей. Одновременно съ Парижемъ, въ одинъ и тотъ же часъ, именно въ полдень, торжественный обрядъ присяги долженъ былъ быть совершенъ во всѣхъ коммунахъ Франціи. Іюльская манифестація въ Кюссэ носила болѣе офиціальный и пышный характеръ, чѣмъ манифестація въ апрѣлѣ. Кромѣ муниципалитета и членовъ бальяжа въ ней приняли участіе и дистриктскія власти: директорія, прокуроръ-синдикъ и секретарь. Между директоріей и муниципалитетомъ (совсѣмъ по уѣздному!) вышла даже легкая ссора изъ-за мѣста въ процессіи, мирно разрѣшившаяся, впрочемъ, въ пользу директоріи. Къ мѣсту манифестаціи двинулись попарно — директорія, муниципальный корпусъ, нотабли, а на городскомъ бульварѣ ихъ ждали уже въ полномъ составѣ національные гвардейцы: «сельскія работы, бывшія въ полномъ разгарѣ, никому изъ нихъ не помѣшали явиться на праздникъ». Кромѣ нихъ явились: «кавалерійскій отрядъ Гіэнскаго королевскаго полка, церковная процессія съ кюрэ, викаріемъ и хоромъ пѣвчихъ, члены бальяжа въ полномъ составѣ съ предсѣдателемъ Клодъ Ругановъ де Принса во главѣ, «господа парикмахеры» [1]) Жозефъ Бизеръ, Жанъ Бессэ и Франсуа Руссо, «господа изъ маршальства» (конная жандармерія старыхъ временъ), бригадиръ Боколэнъ, Блэзъ Газъ, Бугарэль и Жимонэ, ученики и учебная корпорація гимназіи съ директоромъ-законоучителемъ Дюраномъ, процессія канониковъ въ церковномъ облаченіи съ хоромъ пѣвчихъ, отцемъ настоятелемъ (père

[1]) Въ концѣ XVIII вѣка, въ виду особенностей тогдашней моды, парикмахеры были очень богатой и вліятельной корпораціей. По соціальному положенію они принадлежали иногда къ верхнимъ слоямъ буржуазіи.

gardien) и двумя братьями-капуцинами, три солдата, находящіеся въ отпуску въ Кюссэ: Сэтэ изъ пѣхотнаго полка Дофина, Бордэ изъ полка Арманьяка и Нивелонъ изъ полка Фуа, — кортэжъ изъ 20 мѣстныхъ дамъ и дѣвицъ и большая толпа другихъ гражданъ». По сторонамъ алтаря, воздвигнутаго на концѣ бульвара, расположилось духовенство, направо отъ него директорія, налѣво — муниципалитетъ; національная гвардія образовала прямоугольникъ, внутри котораго размѣстились всѣ вышеупомянутыя «корпораціи».

Торжество открылось мессой, отслуженной членомъ муниципальнаго корпуса кононикомъ Делеромъ, и рѣчью мэра, начинавшейся словами: «вы долго стонали, братья, подъ игомъ ужаснѣйшаго рабства». Въ полдень раздался пушечный выстрѣлъ, и мэръ немедленно прочелъ для всѣхъ слова присяги: «Мы клянемся всегда хранить вѣрность націи, закону и королю, всѣми силами поддерживать конституцію, декретированную Національнымъ Собраніемъ и принятую королемъ, содѣйствовать безопасности личности и частной собственности, свободной циркуляціи хлѣба и всякихъ продуктовъ внутри королевства, а также взиманію общественныхъ повинностей, въ какой бы формѣ онѣ ни осуществлялись и хранить неразрывными узы братства со всей страной». Всѣ подняли руки и поклялись. Только чины директоріи потребовали предварительно, чтобы формула была прочитана для нихъ ихъ президентомъ. Затѣмъ приблизились дамы, и Mademoiselle Тузэ старшая, прославляя патріотическія чувства женщинъ Кюссэ, просила допустить къ присягѣ и ихъ, въ отвѣтъ на что мэръ произнесъ похвальное слово въ честь этихъ «гражданокъ avant la lettre».

Пѣніе Te Deum и иллюминація по очереди зажженная представителями всѣхъ корпорацій, и въ томъ числѣ госпожой Тузэ, завершили торжество.

Прошло полгода, и въ Кюссэ опять принимали присягу, но на этотъ разъ уже не все населеніе, а одно духовенство: законы о гражданскомъ устройствѣ духовенства (іюль—ноябрь 1790 г.) обязывали его присягать въ качествѣ корпораціи, несущей общественныя функціи. Присяга эта послужила, какъ извѣстно, поводомъ къ расколу среди французской церкви и сигналомъ къ активному выступленію реакціонныхъ силъ: большая часть священниковъ, подъ вліяніемъ своихъ епископовъ и внушеній изъ Рима, отказалась принять присягу, и начала агитацію противъ Національнаго Собранія и конституціи. Однимъ изъ немногихъ исключеній явилось духовенство нашего мѣстечка Кюссэ: оно, какъ мы видѣли, съ самаго начала проявляло сочувствіе новому строю и не отступило отъ своихъ симпатій и теперь. 23-го января 1791 года оно въ полномъ почти составѣ (отказался одинъ только священникъ) принесло въ приходской церкви установленную закономъ присягу. Въ числѣ присягавшихъ были уже знакомые намъ — настоятель приходской церкви Гутэ, его викарій и законоучитель гимназіи Дюранъ, и кромѣ нихъ еще нѣсколько священниковъ-духовниковъ (les confesseurs) и трое священниковъ, «не находящихся на службѣ» (non fonctionnaires publics). Въ церкви служилась торжественная месса въ присутствіи муниципальнаго корпуса. Послѣ евангелія Гутэ прочелъ съ каѳедры законъ 27-го ноября и произнесъ соотвѣтствующую случаю рѣчь въ защиту декретовъ Нац. Собранія.

Другую, болѣе длинную рѣчь произнесъ одинъ изъ священниковъ передъ самой присягой. Она начиналась словами: «Французы, патріоты, братья! бываютъ минуты, когда молчаніе преступно!» Рѣчь эта произвела на присутствующихъ такое сильное впечатлѣніе, что Коммунальный Совѣтъ постановилъ напечатать ее въ протоколахъ цѣликомъ. Замѣчательна она не столько аргументами въ пользу права государства вмѣшиваться въ административныя дѣла церкви, сколько непреклонностью и глубокимъ убѣжденіемъ въ единствѣ истинныхъ интересовъ церкви и революціи. По мнѣнію оратора, того, что сдѣлало Національное Собраніе, «давно уже ждали отъ государства, и справедливый голосъ земли, и ясно выраженное велѣніе неба». Единодушная оппозиція «князей церкви» объясняется внушеніями самолюбія и другихъ чуждыхъ религіи мотивовъ: «кто же не знаетъ, что именно великимъ людямъ свойственны великія страсти, которыя такъ легко затемняютъ разумъ?» «Я полонъ благоговѣнія передъ моими отцами по вѣрѣ, но должно ли оно замыкать уста правды... Дорогіе патріоты и братья, еще немного, и всѣ поймутъ, сколько благъ несетъ для васъ революція и въ дѣлахъ свѣтской жизни, и въ области вѣры. Потомки ваши вкусятъ ея сладчайшіе плоды, и грядущая раса благословитъ нашу память... Одна лишь опасность грозитъ намъ, это — повѣрить тѣмъ выраженіямъ любви, которыя страхъ вырываетъ у нашихъ общихъ враговъ, и дать имъ возможность, раздѣливши насъ, съ небывалой силой обрушиться на насъ, потомъ...Вы вѣруете въ Бога, въ Іисуса Христа и Святую церковь Его,—единую, католическую, апостольскую и римскую,—такъ знайте же, что съ радостью принимаютъ они ѳиміамъ вашихъ молитвъ, возносимыхъ къ небу свободными сердцами; благородныхъ усилій для спасенія отечества Богъ не оставитъ своей наградой. Возлюбимъ Бога, возлюбимъ братьевъ нашихъ, но не забудемъ никогда, что нужно жить свободными или умереть!»

Эта рѣчь католическаго священника, произнесенная 23 января 1791 года въ приходской церкви городка Кюссэ и сохраненная въ архивахъ мѣстной мэріи, вноситъ интересную черту въ наши представленія объ общественномъ движеніи этого года и о роли въ немъ различныхъ общественныхъ группъ.

Послѣдніе два протокола, воспроизводимые Шапюиза, переносятъ насъ въ болѣе тревожную эпоху, отмѣченную уже приближеніемъ террора. Послѣ бѣгства и ареста короля въ Вареннѣ (21 іюня 1791) отъ прежняго оптимистически-восторженнаго настроенія страны не осталось и слѣда: «лучшій изъ королей» оказался въ станѣ враговъ, чего же хорошаго было ждать отъ будущаго? 23-го іюня муниципальный корпусъ Кюссэ собрался для выслушанія циркуляра прокурора-синдика дистрикта, въ которомъ говорилось о «прошлой опасности, грозящей общественному дѣлу», и о необходимости экстренныхъ мѣръ въ родѣ ареста всей корреспонденціи, отправляющейся изъ Кюссэ въ Виши и адресованной находящимся на водахъ больнымъ: «положеніе настолько серьезно, — писалось въ циркулярѣ,— что добрые граждане сами спѣшатъ раскрыть свои мысли, поступки и связи». Муниципальный корпусъ немедленно принялъ предложеніе прокурора-синдика и съ своей стороны вынесъ резолюцію о необходимости всѣмъ гражданамъ, въ виду опасности, грозящей отечеству, становиться подъ ружье, и о томъ, чтобы національная

гвардія переизбрала своихъ командировъ, въ цѣляхъ установленія между ними и гвардіей безусловнаго и полнаго довѣрія.

На слѣдующій день въ 10 часовъ вечера корпусъ снова собрался на экстренное засѣданіе. Оказалось, что въ сосѣднемъ кантонѣ, неподалеку отъ Кюссэ были арестованы два человѣка съ тюками «зажигательныхъ и противныхъ революціи брошюръ»; это были аббатъ Портьэ, бывшій директоръ Билломскаго колледжа, и его двоюродный братъ Жанъ Гутандье. Муниципальному корпусу былъ предъявленъ протоколъ ареста, вслѣдъ за чтеніемъ котораго послѣдовалъ допросъ. Обвиняемые отрицали свою вину и объясняли находку у нихъ брошюръ случайностью. Въ виду возбужденнаго настроенія уличной толпы арестованныхъ пришлось оставить въ сосѣдней харчевнѣ подъ стражей, а документы и вещественныя доказательства въ видѣ сабли и заостренной палки были отправлены директоріи...

Ив. Херасковъ.

Статьи въ текущихъ журналахъ.

I. Всеобщая исторія.

П. А. Флоренскій. Напластованія эгейской культуры. Съ рисунками. *(Бог. В.*, № 6). **Овсянникова.** Пѣсни великой революціи (*Сѣв. Зап.*, № 6). **В. А. Бутенко.** Изъ исторіи французскаго законодательства о печати. 1817 — 1820 гг. *(Вѣст. Евр.*, № 7). **Г. Плехановъ.** Французскій утопическій соціализмъ XIX в. *(Сов. М.*, № 7*)*. **А. А. Шалландъ.** Иммитетъ народныхъ представителей. (Учен. Зап. Имп. Юр. Унив., № 5, 6).

II. Русская исторія.

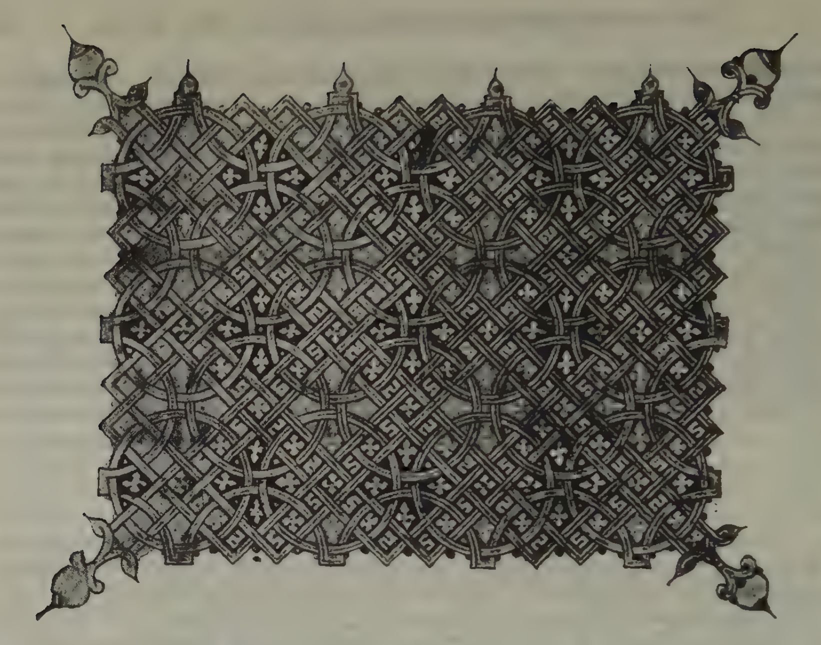
А. В. Тищенко. Къ исторіи Колы и Печенги въ XVI в. (*Журн. Мин. Н. Пр.*, № 7). **Г. А. Скворцовъ.** Патріархъ Адріанъ (его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ русской Церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII в. (*Прав. Соб.*, № 6). **И. М. Покровскій.** Русскія епархіи въ XVIII в. (*Прав. Соб.*, № 6). **Ив. Бронскій.** Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго: письмо Н. О. Кутятбицкаго Н. С. Мордвинову 1815 (о Наполеонѣ, о Макарьевской ярмаркѣ и др.) *(Рус. Арх.*, № 6*)*. **В. Крыжановскій.** Варіаціи на тему «Кронштадтъ». Статья декабриста бар. Штейнгеля, предназначенная авторомъ въ 1836 г. для «Сѣверной Пчелы». *(Рус. Арх.*, № 6*)*. Воспоминанія А. К. Лелонгъ *(Рус. Арх.*, № 6*)*. **Н. Т. Высоцкій.** А. В. Горскій въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ *(Рус. Арх.*, № 6*)*. **Н. А. Морозовъ.** На перепутьи. Изъ воспоминаній *(Совр. Міръ*, № 7*)*. **Б. Камковъ.** Историко-философскія воззрѣнія П. Л. Лаврова *(Завѣты*, № 6*)*. Письма А. Н. Плещеева къ А. М. Жемчужникову заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя черты для характеристики журналистики 60—70 гг. (*Рус. М.*, № 7). **Л. Г. Дейчъ.** Наша эмиграція въ 70 гг. *(В. Евр.*, № 7*)*. **Л. Дейчъ.** Шагъ назадъ. По поводу книги Богучарскаго Активное Народничество. *(Сов. М.*, № 7*)*. **В. И. Засуличъ.** «Вольное Слово» и эмиграція. *(Совр.* № 6*)*. **А. А. Корниловъ.** Къ исторіи конституціоннаго движенія конца 70 и нач. 80 гг. (*Рус. М.*, № 7). **К. Горенко.** Тимоѳей Абрамовичъ Бондаревъ. По личнымъ воспоминаніямъ. *(Ист. В.*, № 7*)*. **С. Б—ій.** Изъ воспоминаній рядового о русско-японской войнѣ. (*Ж. для всѣхъ*, № 6). **В. Г. Короленко.** Третій элементъ. Памяти Н. Ѳ. Анненскаго *(Рус. Б.*, № 7*)*. **Н. Левинъ.** Редакторъ-гуманистъ. Памяти В. М. Соболевскаго. *(Сов. М.*, № 7*)*. **Н. Геккеръ.** В. Г. Короленко въ борьбѣ (*Сѣв. Зап.*, № 6). **Ал. Ожиговъ.** В. Г. Короленко (*Совр.*, № 7).

III. Исторія литературы.

Е. В. Аничковъ. Изъ прошлаго каликъ перехожихъ. *(Жив. Ст.*, вып. I*)*. **Б. М. Соколовъ.** Шуринъ Грознаго, удалой бойецъ Мамстрюкъ Темрюковичъ *(Ж. М. Н. Пр.*, № 7*)*. **В. Ѳ. Миллеръ.** О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго. *(Ж. М. Н. Пр.*, № 7*)*. **А. В. Марковъ.** Повѣсть о горѣ-злочастіи. *(Жив. Ст.*, вып. I). **В. Я. Богучарскій.** Письма Герцена къ Тургеневу *(Совр.*, № 6*)*. **В. Евгеньевъ.** Предсмертныя думы Н. А. Некрасова. (*Завѣты*, № 6) **Л. С. Козловскій.** В. М. Гаршинъ (*Ж. для всѣхъ*, № 6). **А. Машинъ.** Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. **М. Горькій.** М. М. Коцюбинскій *(В. Ев.*, № 7*)*.

IV. Искусство.

Е. Браудо. Вагнеръ и Сѣровъ. Два неопубликованныхъ письма. *(Сѣв. Зап.*, іюнь*)*.

Критика и библіографія.

Pierre Kropotkine. La Science Moderne et l'Anarchie. Biblioth. sociologique № 49. Paris. 1913. Ed. Stock et C-ie. Стр. XI + 391. Prix 3 fr. 50 c.

Новая книга П. А. Кропоткина трактуетъ объ основныхъ проблемахъ коммунистическаго анархизма. Характеризуя послѣдній какъ строго научное міросозерцаніе, авторъ стремится показать, что успѣхи анархизма идутъ параллельно съ успѣхами естествознанія и что философія анархизма должна занять самостоятельное мѣсто въ ряду современныхъ попытокъ построенія синтетической философіи.

Этимъ вопросамъ удѣлено обширное разсужденіе (стр. 1 — 135) — «Современное знаніе и анархія», представляющее изъ себя переработку брошюры, выпущенной подъ тѣмъ же названіемъ еще въ 1904 г. (русск. изд. 1906 г.). Вторая глава — «Коммунизмъ и анархія» — посвящена анализу, собственно, коммунистическаго міросозерцанія и критикѣ индивидуализма (стр. 137 — 168). Третья и четвертая главы — государству. Въ 3-й главѣ (стр. 169 — 231) авторъ трактуетъ объ исторической роли государства (эта часть была также опубликована ранѣе въ видѣ отдѣльной брошюры), въ 4-й (стр. 233 — 333) о современномъ государствѣ. Къ книгѣ приложенъ небольшой живо составленный очеркъ философіи Г. Спенсера (стр. 364 — 388) и популярный толкователь, дающій объясненіе нѣкоторыхъ научныхъ терминовъ и біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, на которыхъ есть ссылки въ книгѣ (стр. 335 — 364).

Книга представляетъ выдающійся интересъ, и не только по важности трактуемыхъ авторомъ проблемъ, но и благодаря личности самого автора. Прежде всего новая книга есть соціально-философское credo одного изъ основоположниковъ коммунизма, и въ этомъ смыслѣ въ своей большей части является оригинальнымъ, самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Затѣмъ Кропоткинъ принадлежитъ къ числу немногихъ въ наше время изслѣдователей, обладающихъ почти универсаль-

ной образованностью. Наконецъ авторъ являетъ собой еще болѣе рѣдкій типъ научнаго изслѣдователя, сумѣвшаго сохранить къ преклоннымъ годамъ силу чисто юношескаго энтузіазма, воспитавшаго въ себѣ истинно боевую натуру, не довольствующуюся академическими компромиссами и исканіемъ золотой средины, а страстно и съ полной логической неустрашимостью защищающую свою правду.. Эта черта агитатора, борца никогда не оставляетъ Кропоткина. Въ числѣ упрековъ въ общемъ симпатичному ему Спенсеру онъ дѣлаетъ упрекъ въ отсутствіи у него боевого темперамента (l'esprit d'attaque, l'esprit combattif).

Самой крупной заслугой новой книги Кропоткина, по нашему мнѣнію, является то, что автору удалось показать, что анархизмъ не есть только соц.-политич. программа, но цѣлостное міросозерцаніе. «Анархизмъ, — говоритъ Кропоткинъ, — есть міропониманіе, базирующее на механическомъ (или, лучше сказать, кинетическомъ) истолкованіи явленій, міропониманіе, объемлющее всю природу, включая и жизнь обществъ. Методъ анархизма — методъ естественныхъ наукъ. Его тенденція — построеніе синтетической философіи, обнимающей всѣ факты природы. Какъ законченное матеріалистическое міровоззрѣніе анархизмъ полагаетъ, что всякое явленіе природы можетъ быть сведено къ физическимъ или химическимъ процессамъ и потому получаетъ естеств.-научное объясненіе. Анархизмъ есть безповоротный отказъ отъ всякаго религіознаго или метафизическаго міровоззрѣнія.

Самъ Кропоткинъ прежде всего — біологъ и его солидная подготовка въ этомъ направленіи отражается и на его соціологическихъ построеніяхъ. Въ его концепціи соціальная жизнь не есть какой-либо самостоятельный типъ существованія, не имѣющій себѣ подобныхъ, но лишь особая форма органическаго міра.

Дарвинизмъ, по убѣжденію Кропоткина, совершилъ революцію и въ области соціальнаго знанія. Оперируя принципами преемственнаго развитія или эволюціи и постепеннаго приспособленія существъ и обществъ къ новымъ условіямъ можно было поставить за послѣднее 50-лѣтіе изученіе исторіи соціальныхъ учрежденій на столь же солидную научную базу, какъ и изученіе развитія любого вида растеній или животныхъ.

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что Кропоткинъ далекъ отъ того ортодоксальнаго пониманія дарвинизма, которое весь жизненный процессъ сводитъ къ неограниченной и безпощадной борьбѣ за существованіе. Какъ и въ раннихъ своихъ сочиненіяхъ («L'entr'aide: un facteur de l'évolution»), Кропоткинъ, опираясь на Дарвина и нѣкоторыхъ предшественниковъ (русскій зоологъ Кесслеръ въ 1879 г.), развиваетъ свою любимую идею о взаимопомощи, какъ факторѣ, регулирующемъ жизнь человѣческихъ обществъ. Кропоткинъ отмѣчаетъ, что еще Дарвинъ предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ переоцѣнки его термина «борьбы за существованіе», понятаго слишкомъ узко. Въ «Происх. человѣка» Дарвинъ писалъ, что «тѣ общества, которыя будутъ заключать наибольшее количество членовъ, наиболѣе симпатизирующихъ другъ другу, будутъ и наиболѣе процвѣтать и оставятъ наибольшее количество потомковъ». Такимъ образомъ, соціальный инстинктъ есть такой же законъ животной жизни, какъ и взаимная борьба. И человѣкъ, по мнѣнію Кропоткина, не является исключеніемъ въ природѣ. Онъ также подчиненъ великому принципу взаимной помощи, гарантирующей наилучшіе шансы выжить и оставить потомство.

Въ этихъ положеніяхъ заключено ядро всѣхъ дальнѣйшихъ соціально-политическихъ построеній Кропоткина. Переходя къ изученію со-

ціальной жизни, Кропоткинъ указываетъ на народъ, массы, трудящихся, какъ могучій родникъ соціальнаго творчества, отвѣчающаго идеямъ взаимопомощи. Самый анархизмъ есть продуктъ творческой силы массъ; подобно всякому революціонному движенію онъ родился не въ кабинетѣ ученаго, не въ университетахъ, а въ нѣдрахъ народа, въ шумѣ борьбы. Къ этой идеѣ народнаго творчества Кропоткинъ возвращается непрестанно. Всѣ учрежденія, имѣвшія задачей взаимопомощь и миръ, были выработаны анонимной «толпой».

Могучему народному инстинкту, творящему истинное справедливое право, Кропоткинъ противопоставляетъ маговъ, жрецовъ, ученыхъ, законниковъ, государство, несущихъ въ соціальную жизнь ложь и тиранію. Даже когда революціонныя волны взмываютъ къ кормилу правленія людей одаренныхъ и преданныхъ народному дѣлу, и тогда они — по увѣренію Кропоткина — не остаются на высотѣ задачи. Общественное переустройство требуетъ «коллективнаго разума массъ, работы надъ конкретными вещами», свободной отъ утопическихъ, метафизическихъ бредней.

И наиболѣе цѣлесообразную форму общественной организаціи Кропоткинъ видитъ въ общинѣ, коммунѣ, представляющей реальные интересы входящихъ въ нее членовъ, стремящейся къ широчайшему въ предѣлахъ возможнаго обезпеченію развитія ихъ личности. Кропоткинъ не отрицаетъ, что и коммуна знаетъ борьбу. Но... есть борьба убивающая, есть борьба, двигающая человѣчество впередъ. Коммуна боролась за человѣческую свободу, за федеративный принципъ; войны, которыя вели и ведутъ государства, влекутъ ограниченія личной свободы, обращеніе людей въ рабовъ государства.

Государству, прошлому и современному, посвящены два большіе очерка. Мы не останавливаемся на нихъ, ибо антигосударственная концепція анархизма вообще и Кропоткина въ частности достаточно извѣстна, чтобы нужно было о ней говорить въ бѣглой рецензіи. Но замѣтимъ, что эти двѣ главы мы считаемъ удачнѣйшими во всей книгѣ. Онѣ написаны съ глубокой страстной любовью къ «народу», широкой эрудиціей, яркими историческими иллюстраціями. Кропоткинъ неустанно разоблачаетъ, одно за другимъ, «государственныя благодѣянія» и нѣтъ и не можетъ быть апологіи государственности, которая бы устояла передъ такимъ разъѣдающимъ анализомъ человѣческой совѣти. Съ неменьшей страстностью обрушивается Кропоткинъ и на соціалистическихъ реформаторовъ, проектирующихъ соціальную революцію черезъ государство.

Намъ говорятъ, восклицаетъ Кропоткинъ, зачѣмъ разрушать государство, если можно его использовать? Оно работаетъ назло, потому что оно въ рукахъ эксплоататоровъ. Если же оно будетъ въ рукахъ народа, ничто не можетъ помѣшать использовать его въ его благо. Это — безплодныя мечты! Кто думаетъ такъ или не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о дѣйствительной исторической роли государства, или приписываетъ соціальной революціи такое мелкое ничтожное значеніе, которое ничего общаго не можетъ имѣть съ истинно-соціалистическими устремленіями. Можетъ ли государство, исторически сложившаяся форма для эксплоатаціи массъ привилегированными классами, стать орудіемъ ихъ освобожденія? Нѣтъ, новыя функціи требуютъ и новыхъ органовъ; массы, которыя все производятъ, должны найти способы развернуть свои творческія силы и выработать самостоятельно новыя эгалитарныя формы потребленія и производства. Государство и національное представительство — безсильны.

Столь же категорически осуждаетъ Кропоткинъ и всѣ современныя попытки огосударствленія предпріятій. Безумно, по его мнѣнію, вооружать современное буржуазное государство новой гигантской силой въ формѣ руководства мощными экономическими монополіями въ добавленіе къ имѣющимся уже у него политическимъ монополіямъ. Старый режимъ во Франціи рухнулъ въ 89 г. подъ напоромъ революціонныхъ волнъ, но современное государство устоитъ, ибо владѣетъ грандіознымъ имуществомъ, открывающимъ ему кредитъ. И чѣмъ богаче государство, тѣмъ большую силу сопротивленія революціи оно можетъ развить.

Мы исчерпали все наиоолѣе существенное въ книгѣ Кропоткина. На ряду съ крупными достоинствами она имѣетъ и недостатки. Наиболѣе существенными являются методологическія неясности въ историческихъ конструкціяхъ автора.

Критикуя современныхъ экономистовъ, Кропоткинъ устанавливаетъ понятіе соціологическаго закона. Онъ указываетъ, что всякій законъ имѣетъ условный характеръ, имѣетъ свое «если». Соціологи и экономисты обычно совершенно забываютъ объ этомъ условномъ характерѣ ихъ законовъ и изображаютъ «факты, явившіеся слѣдствіемъ извѣстныхъ условій, какъ неизбѣжные, неизмѣнные законы». Въ эту ошибку впадаетъ, по мнѣнію Кропоткина, и соціалистическая (марксистская) экономія. Между тѣмъ политическая экономія (какъ и всякая вообще частная соціологическая дисциплина. А. Б.) должна конструироваться какъ «естественное знаніе», она должна стать «физіологіей обществъ», должна изучать «экономическія отношенія такъ, какъ изучаются факты естественной науки». И Кропоткинъ заканчиваетъ разсужденіе даже замѣчаніемъ, что «научный изслѣдователь, незнакомый съ естеств.-научнымъ знаніемъ неспособенъ понять истинный смыслъ, заключенный въ понятіи закона природы» (стр. 110 — 117). Мы не можемъ входить здѣсь въ обсужденіе поставленнаго вопроса по существу, также какъ считаемъ лишнимъ останавливаться на томъ, что подобныя указанія по адресу полит. экономіи дѣлались и раньше и не изъ анархистической среды и не приводили непремѣнно къ «либертарному коммунизму», какъ полагаетъ Кропоткинъ. Для насъ сейчасъ важно лишь прослѣдить примѣненіе самимъ авторомъ его метода къ соціологическому изслѣдованію. И здѣсь, даже раздѣляя основы соц.-полит. міровоззрѣнія автора, мы наталкиваемся на рядъ недоумѣній.

Вся книга Кропоткина является по существу сплошнымъ обвинительнымъ актомъ по адресу государства, государства-злодѣя, государства-узурпатора. И такая точка зрѣнія была бы совершенно понятной, если бы мы подходили къ государству въ любой изъ его историческихъ формъ съ этическимъ мѣриломъ. Но если примѣнять методъ естествознанія, какъ только что совѣтовалъ авторъ, надо помнить, что нѣтъ законовъ, которые бы не носили неизбѣжно условнаго характера, и тогда громы Кропоткина противъ государства вообще становятся мало обоснованными. Въ своемъ историческомъ изслѣдованіи онъ самъ приходитъ къ выводу, что исторія не знаетъ непрерывной эволюціи, что различныя области по очереди были театромъ историческаго развитія; при этомъ каждый разъ эволюція открывалась фазой родового общежитія, потомъ приходила деревенская коммуна, позже свободный городъ; государственной фазой эволюція кончается. «Приходитъ государство, имперія и съ ними смерть», восклицаетъ Кропоткинъ (стр. 229 — 230).

Вотъ именно этотъ-то *«соціологич. законъ», представляющійся Кропоткину постояннымъ и неизмѣннымъ*, и долженъ былъ бы поставить

передъ нимъ вопросъ объ исторической необходимости государства. Онъ, какъ натуралистъ, долженъ былъ искать причинъ, почему исторія любого человѣческаго общежитія, начавъ съ «свободы», кончаетъ неизбѣжно «государствомъ-смертью», которое у Кропоткина является внезапно, какъ deus ex machina, разрушая все созданное предшествующими творческими эпохами.

Послѣ увлекательнаго повѣствованія о средневѣковой общинѣ Кропоткинъ говоритъ, что въ XVI в. пришли новые варвары и остановили, по крайней мѣрѣ, на два или на три столѣтія все дальнѣйшее культурное развитіе. Они поработили личность, разрушили всѣ междучеловѣческія связи, провозгласивъ, что только государство и церковь имѣютъ монополію объединять разрозненныя индивидуальности. Кто же они эти варвары? «Это — государство, тройственный союзъ военачальника, судьи и священника» (198). Хотя далѣе Кропоткинъ и даетъ нѣкоторое историческое объясненіе этому внезапному вторженію варваровъ, однако объясненіе далеко недостаточное. И именно здѣсь — слабый пунктъ всей исторической аргументаціи автора. Онъ почти не изучаетъ, или не интересуется процессомъ внутренняго разложенія тѣхъ общежитій, которыя представляются ему если не идеальными, то наиболѣе цѣлесообразными. Онъ изслѣдуетъ внѣшнюю политику по отношенію къ средневѣковой коммунѣ, городу, ремеслу и не замѣчаетъ внутренняго раскола, находящаго себѣ часто иное объясненіе, чѣмъ злая только воля заговорщиковъ противъ сосѣдскаго мира. Въ развитіи общественнаго процесса онъ почти игнорируетъ его техно-экономическую сторону, онъ не входитъ въ изученіе причинъ, повлекшихъ внутреннее разложеніе цехового строя, для него остается невыясненнымъ промышленный взрывъ конца XVIII в. и еще ранѣе блестящее развитіе мануфактуры. Остановившись бѣгло на меркантилистической эпохѣ и сдѣлавъ общія указанія на однобокую политику государства, онъ дѣлаетъ категорическое завѣреніе объ умираніи промышленности въ XVIII в. Этой неполнотой историческаго анализа объясняется и нѣкоторая романтичность въ его характеристикѣ средневѣковья.

Въ результатѣ у нашего автора является стремленіе къ идеализаціи всякой коммуны, на какой бы низкой ступени правосознанія она не стояла. Едва ли съ этимъ можно согласиться, именно оставаясь на почвѣ анархистическаго міросозерцанія. Если современному передовому правосознанію претитъ государственная форма общежитія, убивающая личную инціативу, налагающая на освободившуюся внутренно личность путы внѣшняго принужденія, безплодно расточающая человѣческія силы, утверждающая общественную несправедливость своимъ пристрастнымъ служеніемъ господствующимъ экономическимъ интересамъ, то въ отдѣльныхъ догосударственныхъ формахъ общежитія мы найдемъ ту же способность убивать свободную личность и свободное творчество, какъ и въ современномъ государствѣ. И, конечно, у государства, играющаго въ изложеніи Кропоткина безсмѣнно роль гробовщика свободнаго общества, были причины появленія болѣе глубокія, чѣмъ рисуетъ Кропоткинъ. Общество истинно свободныхъ людей не можетъ породить рабства, истинно свободная коммуна не привела бы къ рабовладѣльческому государству. Но смѣшанное общество, гдѣ на ряду съ свободными были и несвободные, гдѣ свобода другого цѣнилась и уважалась постольку, поскольку это не вредило собственнымъ интересамъ, гдѣ взаимопомощь диктовалась не любовью, а грубымъ эгоистическимъ расчетомъ,—не могло не породить эксплоататоровъ и эксплоатируемыхъ, прійти къ разложенію и закончиться государственнымъ компромиссомъ.

Мы не можемъ согласиться также съ той характеристикой, которую Кропоткинъ даетъ французской общественной мысли XVIII в. Если говорить о томъ значительномъ и индивидуальномъ, что связывается обычно съ представленіемъ о просвѣтительной публицистикѣ XVIII в., то придется отмѣтить, конечно, ярко раціоналистическій характеръ ея политическихъ и правовыхъ утвержденій. Гоббсъ и Локкъ, Г. Гроцій и Спиноза, Пуфендорфъ и Кантъ, Руссо и Монтескье — вотъ имена, связанныя навсегда съ раціоналистической идеологіей. И XVIII вѣкъ есть вѣкъ полнаго торжества раціоналистической мысли, «естественнаго права», «договорной теоріи государства» и т. п.

Кропоткинъ, характеризуя XVIII в., впадаетъ въ противорѣчіе. Съ одной стороны, отмѣчая слабые пункты «договорной теоріи», онъ признаетъ теорію «ложной» и, дѣлая ссылки на міръ животныхъ обществъ, указываетъ въ противоположеніе раціонализму, что общество не создано человѣкомъ, что общество есть фактъ изначальный, что мы не знаемъ ничего объ изолированномъ человѣческомъ существованіи и т. д. (стр. 173 и слѣд.). Съ другой стороны, авторъ восхваляетъ мыслителей XVIII в. за то, что они отказались отъ метафизическихъ пріемовъ мышленія, отъ «объясненій» громкими словами. Мыслители XVIII в., по его мнѣнію, *безразлично занимались ли они астроном., физ.-хим. или эконом. и полит. изслѣдованіями*, пользовались всегда методомъ индуктивнымъ; они объясняли вселенную и ея явленія натуралистическимъ методомъ. «*Не было ни одной области*, пишетъ онъ, *въ которой изслѣдованіе не было бы поставлено на почву фактовъ*», *не повѣрялось бы опытомъ* (стр. 10—12).

Подобная характеристика *общественной мысли* XVIII в., помимо того, что противорѣчитъ другой, выше изложенной характеристикѣ автора, неправильна и по существу. Извѣстно, какимъ глубочайшимъ презрѣніемъ ко всему историческому, ко всему соціальному, къ факту проникнуты историко-политическіе этюды Вольтера, Дидро и др.; разнообразныя формы народнаго творчества — его вѣрованія, миѳы, пѣсни,— все было подвергнуто осмѣянію. Ни одинъ фактъ не могъ устоять передъ критикой раціоналистической гордыни XVIII в. Абсолютное отсутствіе историческаго чувства, игнорированіе предшествовавшаго историческаго матеріала, стремленіе къ радикальному переустройству вселенной на принципахъ отвлеченнаго разума, таковы, существенныя черты этой стадіи соціальнаго мышленія.

Наконецъ, и при самомъ враждебномъ отношеніи къ метафизикѣ, едва ли можно такъ презрительно отмахиваться отъ нея, какъ это дѣлаетъ Кропоткинъ по отношенію, напр., къ Канту (см. стр. 10 или 386) или Бергсону, неправильно при этомъ характеризуемому (пред. стр. IX).

Несмотря на эти отдѣльныя замѣчанія, нельзя не рекомендовать горячо эту книгу вниманію читателя. Въ этой книгѣ писатель, владѣющій рѣдчайшимъ искусствомъ писать кровью своего сердца, борется за высокое и благородное дѣло. Защищая свой идеалъ, онъ подрываетъ вѣру въ могущественнѣйшіе общественные предразсудки нашего времени, свергаетъ идолы, на которые молится еще затемненное сознаніе.

Алексѣй Боровой.

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. Зн. Смутное время въ Московскомъ государствѣ. Редакція В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье и В. И. Пичета. Изд. «Задруга». Москва. 1913 г. Стр. 284. Цѣна 1 р. 50 к. Съ иллюстр.

Выпущенная Историческою Комиссіею въ связи съ юбилеемъ 1913 года книга предназначается—какъ говоритъ предисловіе—для потребно-

стей средней школы и самообразованія и имѣетъ задачею популяризировать достигнутые современною наукою результаты въ области исторіи Смутнаго времени. Эта задача выполнена Исторической Комиссіею вполнѣ удачно: съ одной стороны, согласно съ тѣмъ пониманіемъ «Смуты», которое твердо установлено въ наукѣ послѣ работъ Ключевскаго, Платонова, Покровскаго, Смута трактуется въ книгѣ какъ грандіозная сложная борьба общественныхъ классовъ; съ другой стороны, книга, въ общемъ, изложена просто, популярно и должна быть доступна всякому читателю, располагающему знаніями по исторіи въ размѣрѣ курса средней школы.

Благопріятнаго впечатлѣнія, производимаго книгою, не могутъ нарушить немногочисленныя уклоненія отъ общаго ея характера въ статьяхъ отдѣльныхъ авторовъ. Такъ, г. Боголюбовъ въ статьѣ «Земщина въ эпоху Смуты» объясняетъ перипетіи перваго земскаго движенія не столько противорѣчіями интересовъ служилыхъ и казаковъ, сколько подъемомъ и упадкомъ «порыва національнаго чувства» (стр. 157, 158, 161); онъ же считаетъ возможнымъ говорить о «сознаніи русскаго человѣка» вообще, а не того или иного класса (стр. 161), о «народѣ», какъ о чемъ-то единомъ (стр. 162). Г-жа Булгакова въ статьѣ «Патріархъ Гермогенъ и Троицкая Лавра» считаетъ второе земское движеніе «*народнымъ* возстаніемъ» (195 стр.), а въ объясненіи поведенія и роли Гермогена, Палицына и другихъ лицъ выдвигаетъ не столько соціально-политическіе моменты, сколько свои собственныя моральныя оцѣнки.

Не роняютъ цѣнности книги въ цѣломъ, хотя и портятъ отдѣльныя ея мѣста, и нѣкоторые редакціонные недосмотры. На стр. 169 и 195 чувствуются какіе-то перерывы въ изложеніи, очевидно, благодаря какимъ-то сокращеніямъ. На стр. 213 и 215 (въ статьѣ г. Алексѣева) благодаря на этотъ разъ уже совершенно явнымъ купюрамъ, оказались испорченными два чрезвычайно важныхъ для *юбилейной* книги мѣста: одно—о причинахъ избранія Михаила Ѳедоровича, другое—объ ограниченіи его власти записью; на стр. 211 въ текстѣ имѣется даже ссылка автора на выпавшую при редактированіи часть его статьи: «Можетъ-быть здѣсь (т.-е. въ симпатіяхъ низшихъ классовъ къ Романовымъ), помимо, *какъ увидимъ ниже*, агитаціи, играла роль близость Романовыхъ къ Тушину»...; а «*ниже*» читатель объ этой агитаціи ничего не находитъ.

Редакціонными недостатками являются также нѣкоторые неровности и пробѣлы въ планѣ книги. Такъ, вступительная—правда, очень важная въ общей конструкціи книги—статья г. Пичета непропорціонально растянулась, занявъ шестую часть всего сборника въ 15 статей. Пробѣломъ въ книгѣ является отсутствіе очерка соціальныхъ и политическихъ отношеній при Годуновѣ: и г. Пичета во вступительной статьѣ и г. Сивковъ въ своей характеристикѣ царя Ѳедора и Бориса касаются этихъ отношеній лишь вскользь, мимоходомъ.

Но всѣ эти отдѣльные недостатки, повторяемъ, не мѣшаютъ признать книгу удачной. Сборникъ Исторической Комиссіи выгодно выдѣляется среди юбилейной литературы своею солидностью, свѣжестью матеріала и точекъ зрѣнія, своимъ спокойнымъ тономъ, чуждымъ какой-либо тенденціи знати и специфической возбужденности.

Издана книга весьма опрятно и даже изящно.

Б. Сыроѣчковскій.

Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Е. Шмурло. Выпускъ I (XVIII вѣкъ). С.-Петербургъ, 1912 г. 108—161 стр. Ц. 3 р.

Настоящее изслѣдованіе г. Шмурло является—какъ на это указываетъ и самъ авторъ—новой «переработкой статей ранѣе появившихся»

въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и отчасти отдѣльнымъ изданіемъ. Вторичное изданіе переработаннаго труда г. Шмурло получило въ новой редакціи и новое заглавіе, выписанное нами выше. Нельзя сказать, однако, чтобы перемѣна эта была сдѣлана вполнѣ удачно. Прежнее заглавіе «Петръ Великій въ русской литературѣ» съ разъясняющимъ подзаголовкомъ «опытъ историко-библіографическаго обзора» гораздо болѣе и точнѣе соотвѣтствовало содержанію настоящаго труда, чѣмъ его новый титулъ, слишкомъ много обѣщающій и потому нѣсколько вводящій въ заблужденіе читателя. Очень жаль, что авторъ не нашелъ при этомъ возможнымъ болѣе или менѣе отчетливо выяснить читателю, какія цѣли поставилъ онъ, главнымъ образомъ, себѣ въ своей работѣ, тѣмъ болѣе, что уже съ 1-ой главы своей книги г. Шмурло значительно выходитъ за предѣлы «историко-библіографическаго обзора» и обращается прямо къ историко-критической интерпретаціи изслѣдуемой имъ литературы. Подобнаго рода отношеніе автора къ собранному имъ матеріалу, при отсутствіи положительныхъ разъясненій съ его стороны, значительно затрудняетъ критическій разборъ его собственной книги, такъ какъ, не зная того заданія, которое поставилъ себѣ самъ авторъ, невольно можно навязать ему такія цѣли, какихъ онъ себѣ, можетъ-быть, и не ставилъ, но которыя какъ бы проглядываютъ въ его работѣ. А изъ книги г. Шмурло мы, именно, вынесли вполнѣ опредѣленное двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны, авторъ, несомнѣнно, ведетъ свой трудъ въ духѣ «библіографическаго обзора», съ другой же—многое, о чемъ онъ говоритъ въ своемъ 1 выпускѣ, очевидно, выходитъ за предѣлы подобнаго обзора и какъ будто сбивается на самостоятельное изслѣдованіе *по существу* проблемы о Петрѣ В. «въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства», такъ какъ авторъ дѣлаетъ попытки выяснить *причины* того или иного отношенія къ Петру со стороны его противниковъ и защитниковъ. Однако, какъ только мы встанемъ вмѣстѣ съ авторомъ на такую точку зрѣнія, какъ тотчасъ же приходится признать, что въ указанномъ смыслѣ изслѣдованіе его лишь поверхностно задѣваетъ чисто *историческую* тему и не только не вскрываетъ причинъ образованія различныхъ оцѣнокъ Петра и его дѣла въ глазахъ его современниковъ и потомковъ, но и не даетъ достаточно полной, хотя бы и общей характеристики взглядовъ цитируемыхъ имъ авторовъ или того, или другого источника. А между тѣмъ авторъ уже на первыхъ страницахъ своего труда дѣлаетъ попытку какъ бы выяснить читателю, откуда возникла столь страстная полемика о Петрѣ, являвшемся въ глазахъ его критиковъ то земнымъ Богомъ и несравненнымъ геніемъ добра, то «міроѣдомъ» и проклятымъ «антихристомъ». И хотя самъ авторъ говоритъ при этомъ, что теперь уже настало время для спокойно-объективной оцѣнки Петра, тѣмъ не менѣе, начинаетъ онъ свою первую главу весьма запоздалой защитой «противниковъ Петра»,—защитой, которая ведется въ повышенномъ полемическомъ и ораторскомъ тонѣ. Авторъ на *кого-то* нападаетъ и съ кѣмъ-то оживленно споритъ: «скажутъ (говоритъ онъ) приверженные къ буквѣ и формѣ (противники Петра), они пугались не столько знанія, сколько той оболочки, въ которой оно заносилось къ намъ. А хотя бы и такъ? Чѣмъ это было хуже того фанатизма, съ какимъ противная сторона доказывала, будто, только оголивъ подбородокъ и облачившись въ кургузое платье, можно стать образованнымъ человѣкомъ?» (стр. 4). И такъ не одна страница! Намъ неизвѣстно, какихъ сторонниковъ «оголеннаго подбородка» имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ авторъ, но тонъ цитированной взволнованной тирады не говоритъ въ пользу авторскаго объективизма, фактическихъ

же подтвержденій своей антитезы онъ не приводитъ ни на 4-ой, ни на иной какой-нибудь страницѣ. Впрочемъ, всѣ эти и подобныя имъ разсужденія автора на протяженіи всей книги носятъ настолько общій характеръ, что по существу, кромѣ утвержденія, что у Петра были какъ ярые панегиристы, такъ и столь же ярые хулители, читатель въ книгѣ г. Шмурло ничего не найдетъ. Дѣленіе или классификація слишкомъ упрощенная! въ то время какъ вопросъ объ источникахъ петровской оппозиціи и защиты оказывается почти цѣликомъ обойденнымъ авторомъ. Какую роль въ данномъ случаѣ помимо «оголенныхъ подбородковъ» и «короткополыхъ кафтановъ» (стр. 4) сыграли при этомъ сословные интересы, непосильныя матеріальныя тяготы петровской реформы съ ея системой «подушныхъ», рекрутчиной, усиленіемъ обязательной дворянской службы (всѣхъ «выволокъ на службу») и т. п. явленіями—все это обойдено авторомъ, хотя косвенно ему и приходится задѣвать нѣкоторые изъ отмѣченныхъ фактовъ. Но и въ болѣе близкой автору сферѣ онъ также многое обходитъ совершеннымъ молчаніемъ. Такъ автору, быть-можетъ, слѣдовало бы установить болѣе опредѣленное отношеніе литературной полемики о Петрѣ къ до-петровской литературѣ и общественнымъ теченіямъ мысли и настроеніямъ, такъ какъ и «программа» петровской реформы, и сопутствующее ей латиноборство съ идеологической охраной старины и даже пророчество объ «дядѣ антихристѣ» и его близкомъ пришествіи,— все это далеко не было новостью «петровской» литературы объ «оморокѣ»-царѣ. Совершенно неясно поставленъ въ книгѣ г. Шмурло также и вопросъ объ отношеніи «народа» къ Петру и его реформѣ. Съ одной стороны, авторъ утверждаетъ, что народъ проклиналъ антихриста-императора (гл. II) и что взглядъ его на Петра «по существу оказался отрицательнымъ» (стр. 31) и *неизмѣнившимся* въ теченіе *двухъ вѣковъ*, съ другой стороны, оказывается, что «въ народныхъ преданіяхъ» и пѣсняхъ мы находимъ не одни проклятія, но и гимны «батюшкѣ» Петру, изъ которыхъ видно, что «народный умъ сумѣлъ, въ концѣ-концовъ, отдѣлить внѣшность отъ содержанія и простить реформѣ ея темныя стороны» (стр. 28), при чемъ это «въ концѣ концовъ» восходитъ «къ самой эпохѣ Петра»! Но при такихъ условіяхъ авторъ едва ли былъ вполнѣ правъ и тогда, когда онъ заявлялъ на 13 стр. своей книги, что у Петра были друзья и враги, «одни — это Россія официальная, правительственная, и другіе — та многомилліонная масса, для которой вся «реформа» пока еще сводилась къ одному (?) надруганію надъ самымъ святымъ и завѣтнымъ». Очевидно, что и на этотъ разъ линія разграниченія друзей и враговъ Петра — «Россія официальная» и «народъ» — проведена авторомъ неправильно и прежде всего слишкомъ внѣшне и элементарно. Между тѣмъ и съ той, и другой стороны отношеніе къ Петру было гораздо сложнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ это представляетъ себѣ авторъ. Враговъ было у Петра немало и въ рядахъ «официальной» Россіи, смерть же его искренне оплакала народная пѣснь. Дѣятельность Петра, говоря словами Ключевскаго, «способна была воспитывать не одинъ страхъ грозной власти, но и обаяніе нравственнаго величія» и это «обаяніе» одинаково передавалось и массѣ, и «официальной» Россіи, среди представителей которой было немало *неофиціальныхъ*, искреннихъ сподвижниковъ великаго реформатора и глубоко преданныхъ ему людей. Своеобразное сочетаніе геніальности и варварства въ лицѣ коронованнаго плотника и матроса не только озадачивало и возстановляло современниковъ и враговъ Петра противъ него, но и обращало его въ живую легенду, и очаровывало очевидцевъ его «дѣяній». Къ сожалѣнію, авторъ совершенно обо-

шелъ эту внутреннюю сложность затронутой, однако, имъ проблемы, сведя рѣшеніе своей задачи къ очень упрощенному положенію, неоднократно имъ повторенному, что «подобно первой» и «вторая половина XVIII в... такъ же двойственно смотрѣла на Петра В.» (стр. 90), т.-е. что одни его бранили, другіе возносили въ похвалахъ.

Соотвѣтственно выводамъ и самая характеристика литературныхъ памятниковъ о Петрѣ отличается у г. Шмурло такой же упрощенностью и носитъ, такъ сказать, бѣглый характеръ. Авторъ обычно характеризуетъ того или иного писателя двумя-тремя выписками, сопровождая ихъ общимъ указаніемъ, къ какому разряду оцѣнщиковъ Петра относится данный писатель, хулителямъ или хвалителямъ его. Къ исторіи самаго памятника или его текста, зависимости его отъ тѣхъ или иныхъ литературныхъ или общественныхъ теченій—авторъ даетъ лишь очень скупыя указанія. Мѣстами онъ довольствуется просто голымъ перечнемъ заглавій сочиненій, ничего не сообщая при этомъ отъ себя (51 стр.). Конечно, г. Шмурло въ правѣ на многія изъ нашихъ замѣчаній заявить отводъ, сославшись на то, что онъ имѣлъ въ виду вовсе не изслѣдованіе по существу постановленной имъ въ заголовкѣ книги темы, а библіографическій обзоръ, но мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ также замѣтить на это, что авторъ—если такова была его прямая задача—придалъ своему труду такую форму и выставилъ въ немъ такія положенія, на которыя чисто библіографическія изысканія его вовсе не уполномочивали. Авторъ такимъ образомъ самъ нарушилъ въ указанномъ смыслѣ границы своего «обзора» и тѣмъ самымъ далъ намъ право послѣдовать за нимъ въ сферу такихъ его построеній, которыя далеко выходятъ за предѣлы исторической библіографіи. Что же касается этой послѣдней, то авторъ, несомнѣнно, собралъ немало цѣннаго матеріала, большая часть котораго, впрочемъ, давно уже вошла въ научный оборотъ. Но если главная цѣль автора, дѣйствительно, была «историко-библіографическій обзоръ», какъ таковой, то едва ли правильно съ его стороны было *выносить* главную часть своего труда изъ текста книги въ примѣчанія, разбивъ при этомъ свой трудъ на двѣ неравныя половины, изъ коихъ большая отведена для примѣчаній (145 стр., текстъ же занимаетъ 108 стр.) Такимъ образомъ историко-библіографическій матеріалъ оказался какъ бы исключеннымъ изъ самаго текста книги, куда немало попало совершенно посторонняго матеріала (о нарышкинской «бородѣ» и т. п.). При этомъ нерѣдко тамъ, гдѣ мы въ правѣ были ожидать отъ автора соотвѣтствующихъ изысканій къ исторіи текстовъ и памятниковъ имъ называемыхъ, мы слышимъ отъ него заявленія, что будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ еще всѣмъ этимъ заняться. Несомнѣнно, однако, что самая цѣнная часть труда г. Шмурло лежитъ въ его примѣчаніяхъ, хотя библіографическія указанія автора и не представляются намъ исчерпывающими предмета. Далеко не исчерпана старообрядческая литература о Петрѣ, почти совсѣмъ не затронута «литература» Преображенскаго приказа, въ дѣлахъ котораго особенно ярко запечатлѣлась «оцѣнка» императора, сложившаяся въ извѣстныхъ кругахъ общества. Нельзя не отмѣтить пропуска Ив. Посошкова, стоявшаго—такъ сказать—вполоборота къ реформѣ преобразованія. Едва ли правильно игнорированіе и такихъ источниковъ, какъ мемуары к.-ю. Берхгольца и т. п., отразившихъ въ себѣ личность Петра въ моментъ близкаго и непосредственнаго ея созерцанія современникомъ эпохи. Всѣ эти пробѣлы, указанія на которые мы не будемъ умножать, конечно, не умаляютъ оріентирующаго значенія «библіографическаго обзора» г. Шмурло, трудъ котораго, конечно, замѣчательно облегчитъ послѣдующимъ

изслѣдователямъ изученіе Петровской эпохи съ указанной ея стороны. Съ этой точки зрѣнія обзоръ г. Шмурло является полезнымъ пособіемъ для дальнѣйшихъ историческихъ розысканій въ данной области.

Б. И. Сыромятниковъ.

К. А. Пажитновъ. Городское и земское самоуправленіе. СПБ. 1913. Стр. 114. Ц. 1 р.

Работа г. Пажитнова является однимъ изъ выпусковъ извѣстнаго изданія «Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ». Работа эта не представляетъ изъ себя самостоятельнаго изслѣдованія по первоисточникамъ; это популярное изложеніе по общеизвѣстнымъ матеріаламъ, и въ этомъ смыслѣ она имѣетъ значеніе. Изложеніе живое, общедоступное. Но книга г. Пажитнова слишкомъ поверхностна и не гармонируетъ съ первоначальнымъ планомъ изданія «Великія реформы». Въ главахъ о земствѣ ни слова не говорится о попыткахъ правительства реформировать земское хозяйство въ первой половинѣ XIX вѣка,—попыткахъ, завершившихся изданіемъ акта 1 января 1864 г. Слабо освѣщены условія, при которыхъ вырабатывалось положеніе 1864 г., еще менѣе обрисованы идеи Пазухина и гр. Толстого, легшія въ основу закона 1890 года. Содержаніе земской работы авторъ не очертилъ совсѣмъ.

Литература о городскомъ самоуправленіи у насъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ о земскомъ; но все же имѣется рядъ данныхъ, которыя использовать было необходимо. Такъ, г. Пажитновъ не далъ представленія объ «упрощенномъ» городскомъ устройствѣ и въ связи съ этимъ не привелъ свѣдѣній о числѣ городовъ, управляющихся на основаніи разныхъ Положеній. Не сказано ничего опять - таки о содержаніи и объемѣ работы городского самоуправленія, о его средствахъ и т. д.

Работу г. Пажитнова слѣдуетъ рекомендовать въ качествѣ первоначальнаго популярнаго руководства для ознакомленія съ земскимъ и городовымъ устройствомъ, согласно законамъ 1864, 1870, 1890 и 1892 г.

Б. Веселовскій.

Б. Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1888 г.). Историческіе очерки. Часть I, съ 4 портретами и иллюстраціями, XII+528 стр. Часть II, съ 59 портр. и иллюстрац. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1913. Цѣна за двѣ части 5 р. 50 к.

«Настоящая книга, — читаемъ въ предисловіи, довольно широковѣщательномъ,—является непосредственнымъ продолженіемъ ранѣе изданнаго труда автора «Борьба за конституцію», и такимъ образомъ, обѣ книги, читаемыя одна за другою, рисуютъ всю борьбу русскихъ общественныхъ силъ съ древнѣйшихъ временъ до мученической кончины императора Александра II, какъ въ лицѣ ея умѣренныхъ, такъ и крайнихъ элементовъ, за преобразованіе существующаго государственнаго строя»... Авторъ старался «прослѣдить отраженіе этой борьбы въ реальныхъ фактахъ русской жизни вплоть до начала 1881 г.» и обѣщаетъ дать и третій томъ, доведенный до 17 октября 1905 года. «Авторъ,—читаемъ еще,—слѣдуя совѣту восточнаго мудреца изображать и побѣды, и пораженія, какъ таковыя, держался объективнаго метода изслѣдованія и возможной прагматической связи, излагалъ весь ходъ историческихъ событій, вошедшихъ въ составъ его книги»... Цѣль ея «дать правильное понятіе о судьбахъ родной земли за вторую половину XIX вѣка».

Ни «всей борьбы» русскихъ общественныхъ силъ, ни отраженій ея «въ реальныхъ фактахъ», ни объективнаго метода изслѣдованія чита-

тель, однако, не найдетъ въ книгѣ г. Глинскаго. Авторъ болѣе близокъ къ истинѣ, когда въ концѣ своего предисловія оговаривается, что «не претендуя на оригинальность своей работы, отводитъ ей скромное мѣсто популяризаціи [1]) уже имѣющихся въ печати источниковъ, разбросанныхъ въ многочисленныхъ журналахъ, книгахъ и брошюрахъ, вышедшихъ по преимуществу въ 1905—6 гг.», и вполнѣ правъ, когда называетъ ее еще просто «популярной компановкой».

Методъ работы г. Глинскаго былъ весьма простъ. Запасшись достаточнымъ количествомъ книгъ и брошюръ, касающихся общественности за вторую половину вѣка, онъ подобралъ ихъ въ хронологическомъ приблизительномъ порядкѣ, и дѣлаетъ отовсюду огромныя по нѣскольку страницъ выписки, соединяя эти вырѣзки бѣлыми нитками. Собственныхъ мнѣній никакихъ авторъ большею частью не имѣетъ и, не разбирая внутренней цѣнности своихъ вырѣзокъ и выписокъ, съ первой же главы, цитируетъ рядомъ какъ одинаково правдивое и цѣнное описаніе фактовъ и явленій и записки князя Мещерскаго, и дневники Валуева и Никитенка, и статьи Чернышевскаго, и книги Татищева, и Маслова.

Этотъ механическій способъ работы приводитъ компилятора даже къ такимъ недосмотрамъ, что нѣкоторыя страницы выписокъ, неизвѣстно для какой причины, повторены полностью по два раза. Такой казусъ случился со страницами второго тома 173—175, повторенными на стр. 336 и слѣдующихъ, и со страницей 309, повторенной на стр. 330.

Въ итогѣ получился пестрый наборъ пестрыхъ фактовъ, происшествій, сужденій и отзывовъ компетентныхъ и некомпетентныхъ лицъ и участниковъ событій, кое-какъ нанизанный на хронологическую нить. Авторъ легко и быстро скользитъ по поверхности историческихъ событій, не пытаясь ни освѣтить ихъ какимъ-нибудь общимъ взглядомъ на эволюцію русской жизни за данный періодъ, ни дать хотя бы сводъ провѣренныхъ и воедино сведенныхъ данныхъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ. Лишь время отъ времени онъ разсуждаетъ и скорбитъ о недальновидности правительства или фанатизмѣ революціонеровъ, о судьбѣ Александра II и т. п. Можно усмотрѣть также нѣчто лично автору принадлежащее въ уклонахъ его мысли въ сторону націоналистическихъ пристрастій, тамъ и сямъ разсѣянныхъ, въ родѣ упрека «полунѣмецкому нашему правительству», не оцѣнившему идей К. Аксакова, или въ родѣ подчеркиванія тамъ и сямъ роли въ революціонныхъ явленіяхъ поляковъ, армянъ, евреевъ... Новы въ книгѣ только два-три факта до нельзя мелкихъ, напр., упоминаніе о томъ, что въ числѣ корреспондентовъ Герцена былъ нѣкогда и В. Буренинъ, сообщившій въ «Колоколъ» о собраніи литераторовъ по поводу ареста Михайлова (I, 107), или о томъ, что Гольденбергъ, выдавшій «Народную Волю», былъ отпущенъ на свободу и живъ до сихъ поръ (II, 460). Въ изложеніи извѣстнаго попадаются довольно существенные пропуски, рядомъ съ очень пространными и совершенно произвольными цитатами обо всемъ, что подвернулось подъ руку. Такъ, изъ внѣшней исторіи шестидесятыхъ годовъ ничего не разсказано о пресловутыхъ пожарахъ 1862 года, источника которыхъ Герценъ совѣтовалъ поискать въ III Отдѣленіи. Весьма сбивчиво изложена исторія революціонныхъ кружковъ семидесятыхъ годовъ, при чемъ иногда авторъ просто приводитъ объ одномъ явленіи два противорѣчивыхъ мнѣнія (напр., XI глава второго тома о возникновеніи «Народной Воли», гдѣ просто приведены слова объ этомъ гг. Пле-

---

[1]) Однако въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ г. Глинскій именуетъ свои работы «изслѣдованіемъ» по исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи. *Ред.*

ханова и Морозова). Съ грѣхомъ пополамъ книга пригодна, какъ обильный сырой матеріалъ, для справокъ, но не имѣетъ указателя именъ.

Ч. Вѣтринскій.

Проф. Д. М. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Третье изданіе, исправленное и дополненное. «Научное Слово». Москва. 1913 г. IV + 380 стр. Ц. 2 р. 60 к.

Впервые вышла книга Д. М. Петрушевскаго въ 1907 г., а въ текущемъ году уже понадобилось ея третье изданіе. Нельзя не порадоваться, что книга получила такое распространеніе. Содержаніе ея хорошо извѣстно людямъ, интересующимся исторіей.

Она годится, съ одной стороны, для образованнаго читателя изъ большой публики, интересующагося не только исторіей, но и соціологіей, а съ другой стороны, служитъ очень хорошимъ пособіемъ при первоначальномъ болѣе детальномъ изученіи, ранняго средневѣковаго общества и государства.

Третье изданіе, сравнительно съ предшествующими является не только дополненнымъ, но и исправленнымъ. Авторъ выбросилъ очень немногое, но внесъ цѣлый рядъ исправленій, иногда весьма несущественныхъ, однако способствующихъ лучшему пониманію.

Вставки въ новое изданіе подчасъ весьма малы по объему, что, однако, не лишаетъ ихъ значенія. Одна изъ такихъ вставокъ на стр. 111 указываетъ, что цитата взята изъ книги пр. Гревса. Вѣроятно, *изучающіе* книгу были бы довольны, если бъ были вскрыты анонимы также на стр. 73, 179, 188, 336.

Вообще измѣненія, внесенныя авторомъ въ новое изданіе, имѣютъ въ виду больше изучающихъ раннее средневѣковье, чѣмъ простыхъ читателей. Этимъ объясняется, съ одной стороны, большее сравнительно съ прежнимъ число текстовъ, а съ другой стороны, то, что указаны главнѣйшія сочиненія и на иностранныхъ языкахъ. Дѣлая эти указанія, авторъ не стремится къ библіографической полнотѣ, и рецензентъ привѣтствуетъ это, ибо какъ изъ опыта, такъ и изъ наблюденій онъ вынесъ убѣжденіе, что многочисленныя голыя указанія на заглавія книгъ для лицъ только что приступающихъ къ занятіямъ — безполезны.

Въ заключеніе рецензіи отмѣчу нѣсколько представившихся недоразумѣній. Почему на стр. 44 утверждается, что 500 югеровъ—около 250 десятинъ. Вѣдь югеръ равенъ приблизительно четверти десятины. Въ какомъ отношеніи надо представлять себѣ остготскій раздѣлъ земель (стр. 262) къ раздѣлу Одоакра (стр. 183). По изложенію автора выходитъ (стр. 280), будто въ германскихъ государствахъ аріанство первымъ начало борьбу противъ католицизма; на дѣлѣ борьбу начали католики. Врядъ ли можно остготскихъ сойоновъ (стр. 276) приравнивать нашимъ генералъ-адъютантамъ; судя по донесеніямъ Варій Кассіодора, имъ поручались дѣла не совмѣстныя со столь высокимъ званіемъ.

Наконецъ выскажу пожеланіе по адресу издателя, чтобъ будущее изданіе не такъ прогрессировало въ цѣнѣ: цѣна перваго изданія за 324 стр.—1 р. 70 к., а третьяго за 380 стр. — 2 р. 60 к., т.-е. страница перваго изданія стоитъ 0,53 коп., а третьяго—0,68 к.

В. Протопоповъ.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1912 г.

Въ этихъ отчетахъ нашихъ научно-просвѣтительныхъ учрежденій наибольшее значеніе имѣетъ помѣщеніе описей документовъ и матеріаловъ, хранящихся въ учрежденіяхъ. Они являются необходимыми спра-

вочниками. Въ послѣднемъ отчетѣ Румянцевскаго музея обращаетъ прежде всего вниманіе каталогъ рукописей акад. Н. С. Тихонравова, пріобрѣтенныхъ музеемъ при посредствѣ бр. Сабашниковыхъ. Лишь 15 февраля 1912 г. собраніе Тихонравова окончательно вошло въ составъ отдѣленія рукописей музея и въ отчетѣ за истекшій годъ мы имѣемъ уже напечатанный каталогъ, заключающій въ себѣ 703 названій и указатель. Нельзя не привѣтствовать такое быстрое опубликованіе, дающее возможность пользоваться драгоцѣннымъ рукописнымъ собраніемъ всѣмъ желающимъ. Интересныя пріобрѣтенія сдѣланы музеемъ и по другимъ отдѣленіямъ. Въ приложеніи къ отчету данъ, между прочимъ, каталогъ инкунабуловъ (т.-е. книгъ, вышедшихъ въ первый періодъ изобрѣтенія книгопечатанія) изъ собранія А. С. Норова, принадлежащаго музею — ихъ 155 номеровъ. Въ отчетѣ по библіотекѣ приложена интересная таблица, показывающая ростъ требованій, которыя обслуживаетъ музей. Въ 1897 г. было 46.464 посѣщеній; въ 1912 г. — 120.812.

Факты и матеріалы.

Бюрократы Николаевскаго времени.

Вышелъ II т. воспоминаній бар. А. И. Дельвигъ. Ихъ общая характеристика была дана нами въ отчетѣ о первомъ томѣ («Гол. Мин.», № 2). Воспоминанія отличаются длиннотами, отступленія въ мало интересныя перипетіи личной жизни, служебной дѣятельности дѣлаютъ ихъ въ сущности нѣсколько тягучими для чтенія. Но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ разсѣяно много яркихъ бытовыхъ чертъ, разсказовъ о встрѣчахъ, литературныхъ знакомствахъ, почему воспоминанія представляютъ несомнѣнное историко-литературное значеніе. Второй томъ посвященъ почти исключительно описанію служебной дѣятельности автора по устройству путей сообщенія. Онъ служилъ подъ начальствомъ знаменитаго Клейнмихеля, о которомъ исторія сохранила весьма печальную память. Бар. Дельвигъ, разсказывая о своихъ сношеніяхъ съ гр. Клейнмихель, сообщаетъ любопытные штрихи для характеристики любимца Николая I, попутно обрисовывая и другихъ бюрократовъ низшаго ранга. Въ общемъ получается довольно жизненная картина эпохи. Воспоминанія автора, конечно, очень субъективны. Надо помнить, что гр. Клейнмихель, слывшій и у современниковъ подъ титуломъ «звѣрь», благоволилъ къ автору воспоминаній. Естественно, что это отношеніе должно было отразиться на характеристикѣ патрона бар. Дельвига. хотя и записанной только въ воспоминаніяхъ. Служить и быть любимымъ гр. Клейнмихелемъ—чего-нибудь да стоило! Впрочемъ, читатель даже изъ фактовъ, разсказанныхъ бар. Дельвигомъ, увидитъ, что изъ себя представлялъ знаменитый министръ николаевскаго времени.

Въ царствованіе Александра I Клейнмихель сдѣлалъ карьеру въ качествѣ начальника штаба военныхъ поселеній. Этого уже достаточно, чтобы получить достойное представленіе о выученикѣ Аракчеева. Но Клейнмихель почти что превзошелъ своего наставника (отзывъ Закревскаго Киселеву въ 1819 г.). По удаленіи Аракчеева отъ дѣла, разсказываетъ Дельвигъ, о Клейнмихелѣ говорили: «Аракчеева нѣтъ, но зубы его остались». При Николаѣ I карьера К. пошла еще быстрѣе — импе-

раторъ любилъ усердныхъ служакъ, какимъ выказывалъ себя К., къ тому же здѣсь примѣшались отношенія къ императору родственницы К.—Нелидовой, жившей въ его домѣ. Волею судебъ К. въ 1842 г. сдѣлался главноуправляющимъ путей сообщенія, не имѣя никакого представленія по этому вопросу и не видавъ даже ни разу желѣзной дороги. Авторъ приводитъ довольно яркіе примѣры общаго невѣжества графа. Такъ, К. ругалъ московскихъ часовщиковъ, узнавъ, что «въ Москвѣ часы идутъ около получаса впередъ противъ часовъ въ Петербургѣ». И въ полное негодованіе пришелъ въ Нижнемъ, когда оказалось, что здѣсь часы идутъ впередъ на 30 м. противъ московскихъ. «Опять будутъ увѣрять,—заявилъ главный начальникъ по инженерной части,—что этому причиною какой-то меридіанъ; послѣ этого всякій паршивый городишко будетъ имѣть свой меридіанъ»; не понявъ «дурацкихъ» часовъ, К. уже совсѣмъ возмутился, когда увидалъ книгу съ наименованіемъ «геологія»: «французишки выдумаютъ всякій вздоръ, а мы готовы имъ вѣрить и теряемъ время въ чтеніи ихъ фантазіи»... Но не даромъ за возобновленіе сгорѣвшаго Зимняго дворца въ «необыкновенно короткій срокъ» К. получилъ графскій титулъ съ девизомъ въ гербѣ: «усердіе все превозмогаетъ». Бѣда небольшая, что завѣдываніе К. путями сообщенія обходилось государству непомѣрно дорого—зато все дѣлалось быстро. Авторъ опровергаетъ существовавшія въ публикѣ «ложныя мнѣнія, что К. наживалъ отъ своей должности милліоны рублей». Клейнмихель былъ честный человѣкъ. Впрочемъ, понятіе относительное, ибо, какъ свидѣтельствуетъ бар. Дельвигъ, К. часто не раздѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ казны: «это было одно и то же». Мелочной, но яркій примѣръ. К. жилъ въ своемъ имѣніи близъ Бѣлгорода. «Испортится самая дешевая лампа; починка ея стоитъ рубль; между тѣмъ снаряжается курьеръ изъ казенно-служащихъ; ему выдаются прогонныя деньги на три лошади до Харькова и обратно и суточныя по положенію. Все это изъ казенныхъ суммъ». На поѣздки К. выдавались деньги изъ департамента хозяйственныхъ дѣлъ. Но ассигновокъ не хватало; и всегда приходилось выписывать за такія поѣздки, которыхъ К. не дѣлалъ. Впрочемъ, бывали и случаи болѣе простые, когда поставщики уплачивали долги жены К. (напр., купецъ Смолинъ свыше 100 т. р.)... Бар. Дельвигъ разсказываетъ любопытнѣйшій эпизодъ изъ исторіи хозяйничанія К.—особенно интересный по своему эпилогу. Подрядъ на постройку шоссе отъ Малоярославца до Бобруйска былъ сданъ за 5 м. р. нѣкоему Вонлярлярскому въ угожденіе В. А. Нелидовой «безъ торговъ и безъ смѣтъ». Эта цѣна, по расчету Дельвига, была «въ 6 разъ болѣе дѣйствительной». Кромѣ того, «въ угожденіе Нелидовой» Вонлярлярскому сверхъ контрактной суммы было выдано еще около 4 м. р. Понятно, что подрядчикъ такъ быстро разбогатѣлъ, что «заслужилъ названіе Монте Кристо». Но въ 1851 г. К. поссорился съ Вонлярлярскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому времени началось и охлажденіе Николая I къ своему любимцу. Вонлярлярскій представилъ неосновательныя претензіи по уплатѣ будто бы причитающихся ему суммъ. Клейнмихель отказалъ. Дѣло перешло въ Совѣтъ Главнаго Управленія путей сообщенія, который призналъ требованіе В. неосновательными. Но государь «самымъ грубымъ образомъ выгналъ К. изъ своего кабинета, сказавъ, что Совѣтъ Гл. Упр. путей сообщенія лжетъ». Дѣло передано было на разсмотрѣніе наслѣдника, котораго неблаговоленіе къ Клейнмихелю было извѣстно, и затѣмъ особой комиссіи изъ близкихъ императору лицъ (гр. А. Ѳ. Орловъ, П. Д. Киселевъ и др.). Комиссія предложила передать дѣло на разсмотрѣніе Сената. Но Государь рѣшилъ по-иному: всѣ претензіи были признаны

справедливыми и приказано было уплатить «все, по нимъ причитающееся». Выдано было 900 т. р. Мотивомъ рѣшенія было то, что императоръ заподозрилъ всѣхъ въ потворствѣ Клейнмихелю. Вонлярлярскій же прекрасно воспользовался этими деньгами: не уплатилъ рабочимъ, и многіе помѣщичьи крестьяне, имѣвшіе съ дозволенія помѣщиковъ артели рабочихъ изъ своихъ односельчанъ и обязанные за нихъ уплатить помѣщикамъ оброкъ, были посланы въ Сибирь на поселеніе, такъ какъ не могли выполнить своихъ обязательствъ.

Такимъ образомъ вообще не приходится удивляться безхозяйственности въ періодъ Клейнмихельскаго управленія и особенно въ то время, когда К. былъ въ милости. Послѣдній мало считался съ законами. По его представленіи въ 40 гг. послѣдовало Высочайшее повелѣніе разжаловать въ рядовые трехъ портупей-прапорщиковъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и дать имъ 300 розогъ за участіе въ освистаніи одного изъ ротныхъ офицеровъ. А молодые люди были «дворяне, которые по закону были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія». (Любопытно, что послѣ этого эпизода, когда жена К. появилась въ ложѣ театра, ее встрѣтили криками: «вотъ жена палача»).

Клейнмихель былъ не только жестокъ, но и самодуръ, который, естественно, не могъ себѣ представить, что существуетъ какое-то «общественное мнѣніе». При имп. Александрѣ II К. получилъ отставку. Государь писалъ ему «о необходимости его удаленія въ виду общественнаго противъ него мнѣнія».—«Говорятъ,—сообщаетъ Дельвигъ,—что Клейнмихель, при прочтеніи письма, сказалъ: «Государь находитъ нужнымъ, чтобы я удалился въ виду общественнаго мнѣнія; это что значитъ? Развѣ у него нѣтъ своего мнѣнія?»

Клейнмихель всѣмъ говорилъ «ты». Этой фамильярности не избѣгъ и бар. Дельвигъ, разсказывающій удивительные примѣры грубости К., а вмѣстѣ съ тѣмъ и холопства окружающихъ, которые, по мнѣнію автора воспоминаній, «можно объяснить только духомъ времени, въ которое приходилось подчиняться всему, что приходило въ голову начальника, пользующагося милостью государя; иначе можно было умереть съ голода». А въ «голову начальника, дѣйствительно, приходили удивительныя вещи. К. обращался самымъ неприличнымъ образомъ» со своимъ сверстникомъ, инспекторомъ института инженеровъ путей сообщенія Языковымъ: хваталъ, напр., его табакерку и выбрасывалъ въ окно. «Ругалъ неприличными словами» петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генерала-отъ-инфантеріи Шульгина, такимъ же образомъ разругивалъ «неприличнымъ образомъ» занимавшаго важный постъ Войцеховича, впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта. А эти окружающія К. лица доказывали за то, что «лицо графа должно служить прекраснымъ типомъ для написанія лика Спасителя». Клейнмихель «часа четыре въ кухнѣ» выдерживалъ нижегородскаго губернатора Урусова, а бывшій впослѣдствіи губернаторомъ юго-западныхъ губ. Бороздинъ «лобызалъ то грудь, то плечо Клейнмихеля» и т. д. «Казарменное неприличіе въ его (т.-е. Кл.) обращеніи доходило до невѣроятія», заключаетъ Дельвигъ.

Надо сказать, что маленькіе Клейнмихели, ждавшіе начальника на кухнѣ, совершенно такъ же поступали со стоящими ниже ихъ. Таковъ былъ нижегородскій губернаторъ Урусовъ въ 40 гг., любопытные штрихи изъ дѣятельности котораго сообщаетъ Дельвигъ. Въ городскомъ клубѣ устраивался ситцевый вечеръ. Урусовъ обѣщался пріѣхать и сказалъ, что будетъ въ сюртукѣ. Всѣ военные пріѣхали въ мундирахъ и должны были поѣхать переодѣться. Однако самъ Урусовъ не явился. Прибыла

только его жена, нашедшая, что неприлично быть на танцовальномъ вечерѣ въ сюртукахъ, и потребовавшая, чтобы всѣ, одѣтые въ сюртуки, удалились изъ танцовальной залы. Пришлось еще разъ съѣздить домой и переодѣться вновь въ мундиры. Нижегородскій помпадуръ помимо высокомѣрія отличался еще и тѣмъ, что «не платилъ за забираемые для его дома припасы». Передъ нами въ воспоминаніяхъ Дельвига проходитъ много и другихъ извѣстныхъ намъ лицъ изъ бюрократическаго міра николаевскаго царствованія. Вотъ извѣстный Бибиковъ (съ 1852 г. мин. внут. дѣлъ), человѣкъ съ подобострастіемъ относившійся къ Клейнмихелю и бывшій чрезвычайно крутымъ и часто дерзкимъ съ польскими помѣщиками управляемаго края. «Правитель его канцеляріи Писаревъ и другія подчиненныя Бибикову лица выдумывали заговоры и раздували ихъ важность съ цѣлью выслужиться». Не брезгали они и взятками. Передъ нами другой нашъ знакомецъ — московскій генералъ-губернаторъ Закревскій, управлявшій Москвою какъ хорошій помѣщикъ въ своемъ имѣніи. За нимъ идетъ попечитель московскаго учебнаго округа Назимовъ, пріобрѣтшій безсмертную извѣстность тѣмъ, что 12 января 1855 г. на праздновании столѣтія Московскаго университета былъ чрезвычайно разсерженъ, что въ залѣ «не приготовили для симметріи десятой музы». Объ умѣ его Дельвигъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ. Въ 1853 г. былъ голодъ въ Смоленской, Витебской и Могилевской губ. На одномъ обѣдѣ шелъ разговоръ, какъ доставить необходимые для прокормленія крестьянъ продукты. «Удивительно,—сказалъ Назимовъ автору,—что такіе умные люди затрудняются въ столь простой вещи. Стоитъ только послать въ эти губерніи войска... съ тѣмъ, чтобы каждый солдатъ пришелъ... съ двойнымъ пайкомъ: одинъ для себя, а другой для крестьянъ»... Портретная галлерея изъ воспоминаній Дельвига можетъ быть пополнена изображеніемъ не только типовъ бюрократовъ николаевскаго времени. Здѣсь будетъ фигурировать и московскій старожилъ кн. Д. А. Волконскій, ѣздившій въ гости къ незнакомымъ купцамъ, полагая, что имъ «пріятно будетъ» принять князя, и многіе другіе.

Попутно Дельвигъ разсказываетъ о венгерской кампаніи, о Севастополѣ, о Чаадаевѣ, Герценѣ и т. д. Кое-какіе штрихи и здѣсь можно было бы отмѣтить. Второй томъ воспоминаній Дельвига заканчиваютъ николаевскую эпоху и переходятъ въ новое царствованіе. И здѣсь мы встрѣчаемся съ любопытнѣйшими фигурами крѣпостниковъ, которые не могли себѣ представить Россіи «безъ тѣлеснаго наказанія». Къ таковымъ принадлежалъ «дикій графъ» Н. С. Толстой—публицистъ охранительнаго лагеря.

С. Мельгуновъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Барацъ, Г. М. Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси. Ц. 60 к.

Въ помощь учителю. Вопросы, планы и темы. Пособіе для занятій по хрестоматіи «Изъ родной литературы», мл. возр.; ч. I. Составили: Н. Н. Городецкій, П. Ѳ. Дворниковъ и др. Ц. 60 к.

Ек. Долгова. Флоренція и ея окрестности, ч. II — IV. Съ рисунками и планами. Ц. 2 р.

Дѣйствія Нижегородской губ. Учен. Арх. Комиссіи, т. XV, вып. I, II.

Сергій Евремов. За рік 1912 - й. Статі, фельетони, замітки. Київъ 1913. Ц. 1 карб.

В. Ключевскій. Исторія сословій въ Россіи. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Очерки и рѣчи. Второй сборникъ статей. Ц. 2 р. 50 к.

П. Мельгуновъ. Первые уроки исторіи. Древній Востокъ. Изд. 9-ое, переработанное подъ редакціей Н. М. Никольскаго. Изд. «Задруги». Ц. 1 р. 25 к.

Могилянскій, Н. К. Матеріалъ для географіи и статистики Бессарабіи. Ц. 1 руб.

И. Ф. Павловскій. Первое дополненіе къ краткому біографическому словарю ученыхъ и писателей Полтавской губ. съ половины XVIII в. Изд. Полт. Учен. Арх. Ком. Ц. 50 к.

В. Пархоменко. Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X вв. Полтава. Ц. 1 р. 50 к.

Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ. Подъ ред. К. В. Сивкова.

Соллогубъ, Ѳ. Собраніе сочиненій. Т. XIII. Изд. «Сиринъ». Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статей въ честь Дмитрія Ѳомича Кобеко (цѣна не обозн.).

Средневѣковье въ его памятникахъ. Пер. Н. А. Гейнике, Д. Н. Егорова. В. С. Протопопова и И. И. Шитца. Подъ ред. Д. Н. Егорова. Ц. 1 р. 75 к.

Ю. В. Татищевъ. Вильна и литовскія губерніи въ 1812—1813 гг. Сборникъ документовъ архива управленія Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго Ген. Губ. Ц. 5 р.

Ѳирсовъ, Н. Н., проф. 1812 годъ въ соціолого-психологическомъ освѣщеніи. (Общая характеристика). М. 1913 г. Цѣна не обозначена.

П. Я. (П. Якубовичъ — Л. Мельшинъ). Стихотворенія, т. I—7-ое изд., ц. 1 р. 25 к.; II—5 изд., ц. 1 р. Изд. «Русскаго Богатства».

Новыя книги[1]).

Акты Сійскаго монастыря. Вып. I. Грамот. патріарха Филарета (1619—1633.) Изд. Арханг. епарх. церк.-археол. комиссіи.

Бурцевъ, А. Е. Мой журналъ. Для любителей русскаго искусства и старины. В. 5. Посвящается худож. произвед. Ѳ. В. Шаврина.

Браунъ, О. Шеллингъ и наше время. Пер. съ нѣм. С. С. Розанова.

Врангель. Сто портретовъ дѣятелей русскаго искусства.

Галкинъ, А. Академія въ Москвѣ въ XVII ст.

Гастфрейндъ, Н. А. Ив. Ив. Пущинъ.

Гриммъ, Г. Микель Анджело Буонаротти.

Заіончковскій. Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ея политической обстановкой, т. II.

Кузнецовъ, Н. А. Опытъ по исторіи политическихъ идей въ Англіи (XV—XVIII в.). Изд. Восточнаго Института.

Памятники Музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ.

Фарфоровскій, С. В. Источники русской исторіи. Русь допетровская. Пособіе для самообразованія.

Bord. Louis XVII est-il mort au Temple. Доказывается на основаніи документовъ, что Людовикъ XVII умеръ въ Тамплѣ, а не бѣжалъ оттуда. *(Annales).*

Ernest Daudet. La police politique de la Restauration. Додэ, воспользовавшись архивомъ тайной полиціи, сообщаетъ массу интимныхъ документовъ, относящихся ко времени реставраціи. Тутъ и всѣ члены семьи Бонапартъ, и самъ Людовикъ XVIII, мадамъ де Сталь, Бенжаменъ Констанъ, братья Гумбольты, Шатобріанъ, въ ихъ письмахъ масса анекдотовъ о всѣхъ дѣятеляхъ эпохи. *(Les Annales).*

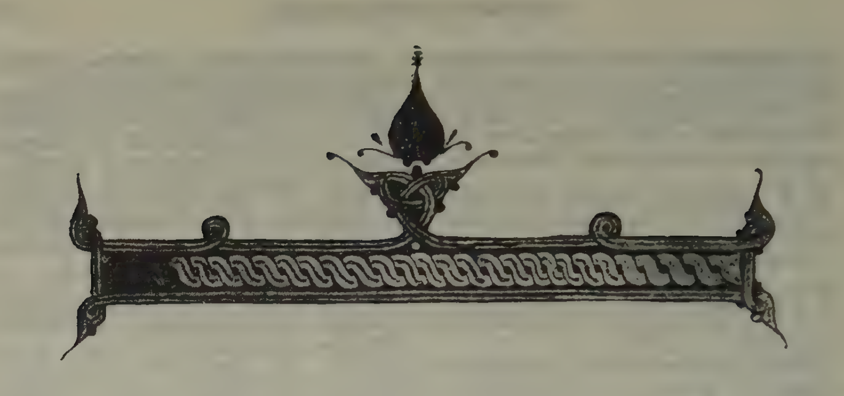
Docteur Bartez. L'empire à Biarritz. Письма доктора Бартэ, лейбъ-медика Наполеона III, сообщаютъ много интересныхъ подробностей о жизни императорской семьи въ Сенъ-Клу и Біаррицѣ. Послѣднее письмо писано на другой день послѣ смерти наслѣднаго принца. *(Illustration).*

E. Scheiber, Die Septembermorde und Danton. 1912. Авторъ вопреки Мишле и Олару считаетъ сентябрьскія убійства не результатомъ внезапнаго взрыва народнаго негодованія, а планомѣрнымъ замысломъ парижской коммуны, но, вопреки Зибелю и Тэну, не считаетъ Дантона организаторомъ рѣзни. *(Lit. Centr.)*

Fr. I. Bichringer, Kaiser Friedrich II, 1912. Популярная, полная бытовыми подробностями біографія одного изъ самыхъ блестящихъ государей средневѣковья. *(Lit. Centr.)*

---

[1]) Русскія книги отмѣчаются по «Книжной Лѣтописи Главнаго Управленія по дѣламъ печати».

ХРОНИКА.

Памяти С. М. Блеклова.

15 мая 1913 г. на далекомъ одинокомъ островѣ Средиземнаго моря — Корсикѣ, въ полномъ одиночествѣ скончался русскій эмигрантъ С. М. Блекловъ.

Эта одинокая смерть виднаго русскаго общественнаго дѣятеля вдали отъ родины и близкихъ, которые узнали о ней изъ офиціальной переписки мера корсиканскаго городка Піано съ меромъ Парижскаго предмѣстья, гдѣ раньше проживалъ съ семьей С. М., особенно ярко подчеркиваетъ печальную судьбу русскаго эмигранта, выброшеннаго, обратной волной освободительнаго движенія на далекій «другой берегъ».

С. М. скончался скоропостижно по дорогѣ въ Италію, гдѣ онъ разсчитывалъ провести лѣто; онъ ушелъ изъ жизни преждевременно, если эту преждевременность можно оцѣнить по тому запасу энергіи, силъ и интересовъ, которыми онъ былъ еще преисполненъ. Сообщая за нѣсколько дней до своей кончины въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей въ Россіи о настроеніяхъ среди русской эмиграціи, обманувшейся въ своихъ надеждахъ на февральскую амнистію, С. М. писалъ: «... запасемся опять терпѣніемъ и, можетъ - быть, дождемся - таки болѣе свѣтлыхъ временъ. Досадно только, что теперь, когда силъ еще достаточно и можно было бы хорошо поработать и душа еще открыта для новыхъ впечатлѣній, приходится сидѣть здѣсь... Но все-таки и при этой перспективѣ я къ меланхоліи не склоненъ».

С. М. родился въ 1860 г. въ Тулѣ въ довольно зажиточной семьѣ, первоначальное образованіе получилъ въ Тульской классической гимназіи, а затѣмъ въ 1884 г. окончилъ естествен-

ный факультетъ Московскаго университета.

Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса С. М. пріобщился къ земской статистикѣ, которая сдѣлалась главной его спеціальностью и въ которой онъ, занявъ видное положеніе, оставилъ по себѣ замѣтный слѣдъ. Время статистической работы С. М—ча совпало съ наиболѣе яркимъ расцвѣтомъ земской статистики, которая въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія привлекла въ свои ряды цѣлую плеяду талантливыхъ изслѣдователей, освѣтившихъ своими трудами тяжелыя условія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства.

По земской статистикѣ С. М. работалъ съ перерывами около 15 лѣтъ въ цѣломъ рядѣ губерній — Полтавской, Тверской, Московской, Тульской, Орловской и Таврической, при чемъ въ двухъ послѣднихъ онъ состоялъ завѣдующимъ и руководителемъ статистическихъ изслѣдованій. Какъ извѣстно, земскія статистическія работы весьма часто осложнялись недружелюбнымъ и подозрительнымъ отношеніемъ администраціи и извѣстныхъ группъ земскихъ дѣятелей, которые обвиняли работниковъ статистики въ тенденціозномъ отношеніи къ фактамъ экономической дѣйствительности, что особенно часто имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда со статистикой связывались задачи установленія оцѣночныхъ картъ, которыя вполнѣ естественно обычно выводились статистиками въ болѣе высокихъ цифрахъ для частновладѣльческихъ земель по сравненію съ крестьянскими надѣльными. Въ работѣ С. М—ча также случались подобныя осложненія и въ результатѣ одного изъ нихъ ему пришлось въ 1902 г. покинуть Таврическую статистику, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже навсегда прекратить свою практическую работу на этомъ поприщѣ.

Съ самаго начала своей сознательной жизни и практической работы С. М. тяготѣлъ въ сторону народнической идеологіи; эти принципы и идеалы не только не тускнѣли, но еще болѣе крѣпли въ немъ съ годами зрѣлости, по мѣрѣ накопленія житейскаго опыта и подъ вліяніемъ богатаго запаса фактовъ и впечатлѣній, какъ это часто случается, собранныхъ имъ въ результатѣ непосредственнаго изученія условій жизни трудового крестьянства въ разныхъ концахъ Россіи. Эти принципы въ чистотѣ были донесены С. М—чемъ до могилы и опредѣлили ту линію его общественно-политической работы, которая привела его къ отлученію отъ русской жизни въ роли эмигранта. Будучи надѣленъ живыми общественно-политическими интересами, С. М. вездѣ, гдѣ ему приходилось работать, помимо своей непосредственной профессіональной работы принималъ живое и дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ и организаціяхъ и вносилъ въ своемъ лицѣ въ среду ихъ ферментъ политическихъ интересовъ, поскольку проявленіе таковыхъ было возможно въ тѣ доконституціонныя времена.

Съ 1903 г. С. М. переселился въ Москву, каковое время совпало съ началомъ того общественно-политическаго подъема, который привелъ къ 17 октября 1905 г. Въ это время онъ являлся дѣятельнымъ участникомъ Московской группы союза освобожденія и сотрудникомъ журнала «Освобожденіе».

Въ это же время С. М. принялъ самое активное участіе въ дѣятельности Московскаго общества сельскаго хозяйства, которое въ то время служило представительству узко-классовыхъ землевладѣльческихъ интересовъ и, руководимое своимъ президентомъ — извѣстнымъ кн. А. Г. Щербатовымъ, играло значительную роль, весьма шумно выражая якобы общественное мнѣніе для поддержанія многихъ реакціонныхъ мѣропріятій правительства. С. М. поступилъ однимъ изъ первыхъ застрѣльщиковъ открытой оппозиціи противъ резюме кн. Щербатова, каковая оппозиція дружными усиліями сломила старый порядокъ въ обществѣ и привела къ полному обновленію его состава и рѣшительному повороту его курса; въ 1905—1906 г. С. М—чу при новомъ составѣ должностныхъ лицъ пришлось нести обязанности члена совѣта этого общества.

Съ возникновенiемъ союзнаго движенiя въ 1905 г. С. М. принялъ и въ немъ дѣятельное участiе, явившись однимъ изъ организаторовъ союза статистиковъ и агрономовъ и присутствуя на 3 первыхъ съѣздахъ союза союзовъ. Но наиболѣе живое и близкое участiе С. М. проявилъ въ организацiи и дѣятельности всероссiйскаго крестьянскаго союза, вложивъ въ это дѣло всю свою душу и силу своей энергiи, а равно и богатый запасъ знанiй психологiи и бытовыхъ условiй жизни крестьянства и тѣсно связавъ свою собственную жизнь къ судьбами этой оригинальной и самобытной организацiи. Послѣ второго делегатскаго съѣзда крестьянскаго союза 6—10 ноября 1905 г., состоявшагося уже при обновленномъ строѣ, С. М. вмѣстѣ съ рядомъ другихъ лицъ, близкихъ къ организацiи союза, былъ арестованъ 14 ноября 1905 г. Интересно отмѣтить, что это былъ чуть ли не первый въ Россiи послѣ манифеста 17 октября 1905 г. политическiй арестъ на основанiи положенiя объ усиленной охранѣ. Пребыванiе въ Таганской тюрьмѣ въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 г. было сравнительно легко перенесено С. М—чемъ, бодрость котораго сообщалась и другимъ товарищамъ по заключенiю. По отбытiи тюремнаго заключенiя и нѣсколькихъ мѣсяцевъ домашняго ареста С. М—чу былъ предъявленъ обвинительный актъ по дѣлу всероссiйскаго крестьянскаго союза. Однако ему не пришлось дождаться судебнаго процесса по этому дѣлу, первое слушанiе коего состоялось лишь въ декабрѣ 1908 г., такъ какъ въ концѣ 1907 г. онъ былъ вновь арестованъ, но, не желая подвергнуть себя неопредѣленности административнаго ареста, избѣгъ его посредствомъ побѣга и эмигрировалъ за «предѣлы досягаемости».

Послѣдующiя 5 лѣтъ С. М. прожилъ съ семьей въ Парижѣ, занимая видное положенiе въ средѣ русской эмиграцiи и неустанно работая надъ посильнымъ облегченiемъ тяжелыхъ въ моральномъ и матерiальномъ отношенiи условiй эмигрантской жизни. Органически присущее С. М—чу чувство справедливости, его прямота и объективность всегда привлекала къ нему всеобщее уваженiе и довѣрiе. Благодаря этимъ свойствамъ характера С. М—ча, по свидѣтельству одного изъ ближайшихъ его товарищей по эмиграцiи, понесенную въ его лицѣ утрату особенно сильно чувствують и еще сильнѣе почувствуютъ «невольные обитатели» за границы—всѣ тѣ, которымъ и безъ того невесело живется и которые въ семьѣ Блекловыхъ въ тихой улицѣ «Шатильона неизмѣнно находили тепло, привѣтъ и помощь, и также и радость отъ общенiя съ бодрымъ, сердечно-добрымъ и чистымъ человѣкомъ». Благодаря этимъ же свойствамъ характера С. М—ча, русская эмигрантская колонiя въ Парижѣ, забывъ свои партiйныя группировки, споры и разногласiя, необычайно дружно откликнулась на понесенную въ его лицѣ утрату и въ день погребенiя его праха 26 мая на парижскомъ кладбищѣ Montparnasse собралась у его гроба, чтобы отдать ему послѣднюю дань уваженiя, любви и благодарности.

Во всѣ перiоды своей жизни съ самыхъ молодыхъ лѣтъ С. М. принималъ дѣятельное участiе въ литературной, главнымъ образомъ, публицистической работѣ. Помимо цѣлаго ряда провинцiальныхъ органовъ, въ коихъ онъ сотрудничалъ, его статьи и работы печатались въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ», «Курьерѣ», «Сынѣ Огечества», «Нашихъ дняхъ», «Правѣ», «Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства» и пр. Изъ отдѣльныхъ работъ С. М—ча нельзя не упомянуть очень ярко написанный полубеллетристическiй сборникъ «За фактами и цифрами» (записки земскаго статистика 1894 г. 207 стр.), въ популярной и мѣстами художественной формѣ знакомящiй съ сущностью и прiемами работы земской статистики, а также публикацiю на французскомъ языкѣ «Travaux statistiques des zemstvos russes» (1893 г.), преслѣдовавшую цѣль ознакомленiя западной Европы съ успѣхами русской земской статистики. Въ извѣстномъ сборникѣ «Мелкая земская единица» перу С. М—ча принадлежитъ очеркъ, выясняющiй постепенное

развитіе идеи мелкой земской единицы въ земскихъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ. За послѣдніе годы С. М. принималъ участіе въ издательствѣ Граната, главнымъ образомъ, въ Энциклопедическомъ словарѣ. С. М., несомнѣнно, обладалъ нѣкоторымъ беллетристическимъ талантомъ, о чемъ, кромѣ упомянутаго выше полубеллетристическаго сборника «За фактами и цифрами», свидѣтельствуетъ разсказъ «Домой вернулся», который былъ написанъ имъ уже во время пребыванія за границей и который, будучи затѣмъ изданъ подъ псевдонимомъ Степанова, имѣлъ очень большой успѣхъ, но былъ конфискованъ и изъятъ изъ обращенія. Въ 1905 г. въ журналѣ «Право» (№ 38) вскорѣ послѣ учредительнаго съѣзда крестьянскаго союза С. М. далъ очень ярко написанный очеркъ впечатлѣній отъ этого съѣзда и посредствомъ него ознакомилъ всю Россію съ сущностью и характеромъ этой новой организаціи, привлекавшей къ себѣ всеобщее вниманіе и интересъ.

Безспорно, самъ С. М. являлся однимъ изъ главныхъ идеологовъ крестьянскаго союза, служа своимъ литературнымъ талантомъ формулированію тѣхъ чаяній и мало оформленныхъ требованій крестьянства, изъ которыхъ должна была составиться стройная и законченная программа крестьянскаго союза. Вмѣстѣ съ тѣмъ безъ преувеличенія можно сказать, что и вся жизнь С. М—ча въ ея цѣломъ была направлена къ той же цѣли: лучшіе годы своей жизни онъ, въ качествѣ земскаго статистика, использовалъ на изученіе глубинъ крестьянской жизни, ея нуждъ и потребностей, а закончилъ онъ свою жизнь на службѣ тому же крестьянству, на работѣ по укрѣпленію тѣснаго союза между народомъ и интеллигенціей.

Ал. Левицкій.

† Адемаръ Эсменъ.

8—21 іюля въ Парижѣ скончался профессоръ парижскаго юридическаго факультета А. Эсменъ, имя котораго уже давно получило европейскую извѣстность и было достаточно популярно среди русской учащейся молодежи и образованнаго общества, хорошо знакомаго съ его «Основными началами государственнаго права», вскорѣ послѣ ихъ выхода въ свѣтъ (1895 г.) появившимися и въ русскомъ переводѣ (1898 г.).

Въ лицѣ проф. Эсмена «республика наукъ», несомнѣнно, понесла крупную потерю, а Франція лишилась одного изъ лучшихъ своихъ представителей современной научной мысли, съ такимъ успѣхомъ потрудившагося надъ утвержденіемъ *историческаго* метода во французской юридической наукѣ.

Curriculum vitae почившаго маститаго ученаго не богато внѣшними событіями. Вся его жизнь прошла за скромной кабинетной работой, въ тѣсномъ кругу академической семьи.

Э. родился въ Труверакѣ (деп. Шарантъ) 1 февраля 1848 г. и получилъ свое образованіе въ Парижѣ въ Ecole de droit, гдѣ, послѣ краткаго пребыванія въ качествѣ agrégé de droit въ Дуэ (1875—79 гг.), онъ затѣмъ и выступилъ преподавателемъ съ 1880 г. Когда въ 1889 г. во Франціи была создана каѳедра исторіи французскаго права и современнаго государственнаго права Франціи, Эсменъ занялъ ее и съ неослабѣвающимъ успѣхомъ въ теченіе четверти вѣка продолжалъ руководить подрастающими поколѣніями молодыхъ юристовъ. Въ то же время онъ читалъ курсъ каноническаго права въ Ecole pratique des hautes études (съ 1886 г.), состоя вмѣстѣ съ тѣмъ и ея директоромъ, велъ занятія въ Ecole libre des siences politiques и принималъ дѣятельное участіе, какъ одинъ изъ соредакторовъ, въ хорошо извѣстномъ среди спеціалистовъ научномъ изданіи «Nouvelle revue historique de droit français etétranger», сотрудничая одновременно и въ другихъ журналахъ (Journal des savants, Bibliothéque de l'école des h. études). Съ 1904 г. онъ вступаетъ въ Akadémie des sience morales et politiques и регулярно посѣщаетъ ея субботнія засѣданія. Такъ протекла жизнь проф. Эсмена между кабинетомъ ученаго, каѳедрой профессора и редакціей «Revue».

Результатомъ этой непрерывной сосредоточенной дѣятельности и явилось то научное наслѣдство, которое покойный оставилъ послѣ себя, какъ яркое свидѣтельство своихъ недюжинныхъ силъ и широкой ученой эрудиціи, гармонически соединявшейся въ немъ съ рѣдкой простотой и изяществомъ формы теоретическихъ построеній и литературнаго изложенія.

Несомнѣнно, главной заслугой проф. Эсмена въ прошломъ и настоящемъ науки права во Франціи, было—какъ мы уже отмѣтили выше—укорененіе *научныхъ основъ* исторической школы въ сферѣ изученія какъ стараго, такъ и новаго, дѣйствующаго права родной ему страны. Чуждый тѣхъ романтическихъ и націоналистическихъ тенденцій, которыя пустили такіе глубокіе корни въ нѣмецкой исторической наукѣ, Эсменъ въ своихъ изслѣдованіяхъ всегда выступаетъ, какъ строго объективный ученый во всеоружіи «cette érudition si calme, si simple, si haute», о которой еще въ 1872 г. говорилъ Фюстель-де-Куланжъ въ своей программной статьѣ «De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis 50 ans» (Revue des deux mondes, t. 101). Изученіе *историческихъ судебъ права* на широкомъ *историко-сравнительномъ базисѣ*—такова была та задача, которую поставилъ передъ собой и мастерски разрѣшилъ Эсменъ въ процессѣ своего научнаго служенія. Въ этомъ отношеніи и имя его можетъ быть поставлено рядомъ съ именами Шарля Жиро [1]), которому Эсменъ посвятилъ особый этюдъ, и Фюстель-де-Куланжемъ, хотя послѣднему Эсменъ и уступаетъ въ оригинальности и силѣ таланта.

Естественно, что при такихъ условіяхъ научный интересъ Эсмена прежде всего былъ устремленъ въ область *исторіи права*. И онъ сразу заявилъ себя на этомъ поприщѣ, какъ выдающійся спеціалистъ. Его «Исторія уголовнаго процесса во Франціи съ XVII ст. до нашихъ дней» (Histoire de la procédure criminelle en France, et spécialement de la procedure inquisitoire depuis le XVII siécle jusqu'a nos jours, 1881) справедливо считается классическимъ изслѣдованіемъ въ европейской литературѣ предмета. Подобно нѣкоторымъ позднѣйшимъ произведеніямъ автора, трудъ этотъ былъ премированъ «Академіей моральныхъ и политическихъ наукъ». Вслѣдъ за тѣмъ появился рядъ изслѣдованій Эсмена въ области древняго французскаго, каноническаго и римскаго права, въ которыхъ авторъ обнаружилъ тѣ же достоинства своего таланта. Таковы были его Etudes sur les contrats dans le trés ancien droit français (1883), Mélanges d'histoire du droit et de critique. Droit romaine (1886) и Etudes sur l'histoire du droit canonique privé—Le mariage en droit canonique (1891). Къ этому же періоду относится и новое, редактированное, дополненное и снабженное примѣчаніями Эсменомъ, изданіе извѣстной монографіи П. Жиде «Etudes sur la condition privée de le famme dans le droit ancien et moderne» 1875), а также помянутый выше этюдъ о Ш. Жиро (Notice sur la vie et les oeuvres juridiquès de Ch. Giraud. N. R. H. 1883 г.) и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ очерковъ и статей (Note pour l'histoire de institutions primitives и др.). Какъ бы завершеніемъ, и завершеніемъ блестящимъ, всѣхъ этихъ экскурсовъ въ область исторіи права явился образцовый университетскій курсъ А. Эсмена по «Исторіи французскаго права», выдержавшій въ короткій срокъ цѣлый рядъ изданій (Cours élémentaire d'histoire du droit français. 1 édit. 1892; въ 1912 г. вышло 11 изд.). Объемистый томъ (болѣе 800 стр.) этого курса отразилъ въ себѣ, можно сказать, всѣ характерныя черты научнаго творчества его автора. Богатая эрудиція, широкое примѣненіе сравнительнаго метода (авторъ дѣлаетъ даже мѣстами, правда, робкія сближенія съ исторіей русскаго права), ясность и точность языка, осторожность въ выводахъ, строгая фактичность и объективность изложенія—всѣ эти качества дѣлаютъ изъ даннаго

[1]) Авторъ двухтомнаго «Опыта исторіи французскаго права въ средніе вѣка». 1864 г.

«курса» дѣйствительное, незамѣнимое до сихъ поръ и превосходное академическое пособіе, которое въ свое время было одинаково благосклонно встрѣчено и ученымъ трибуналомъ Академіи, премировавшей новый трудъ Эсмена, и широкой публикой, этимъ «le souverain juge», по выраженію самого автора въ предисловіи ко второму изданію его книги (1894). Думаемъ, что переводъ этого «Курса» на русскій языкъ имѣетъ за себя многія основанія и могъ бы оказаться весьма полезнымъ также и въ нашей университетской учебной практикѣ.

Послѣ изданія своего курса по «Исторіи французскаго права» Эсменъ изъ сферы историко-правовыхъ изысканій и цивилистики обращается къ проблемамъ публичнаго права и политической теоріи. Въ результатѣ этихъ новыхъ работъ, плодами которыхъ онъ дѣлился со своими университетскими слушателями въ аудиторіи, а со своими коллегами — на страницахъ спеціальныхъ изданій (напр., въ «Журналѣ публичнаго права») и явился, въ концѣ-концовъ, новый, ставшій тоже уже классическимъ трудъ его «Eléments de droit constitutionel». Трудъ этотъ сразу занялъ во французской юридической литературѣ такое же положеніе, какъ, напр., трактатъ Дайси о конституціонномъ правѣ Англіи — въ англійской. И дѣйствительно, въ «Основахъ» Эсменъ далъ весьма оригинально задуманное и изящно законченное построеніе системы французскаго конституціоннаго права, въ высшей степени удачно сочетавъ при этомъ въ своемъ изслѣдованіи историческую интерпретацію дѣйствующаго во Франціи «droit contitutionel» съ догматическимъ его изученіемъ, вставленнымъ въ широкую раму общей теоріи современнаго правового государства.

Такимъ образомъ экскурсы въ область исторіи политическихъ ученій и учрежденій тѣсно переплелись въ книгѣ Э. съ данными сравнительнаго правовѣдѣнія, конституціонной практики и общаго ученія о государствѣ, при чемъ на этомъ широкомъ, мастерски зачерченномъ фонѣ рельефно выступаетъ передъ читателемъ во всѣхъ своихъ деталяхъ государственное зданіе великой французской республики. Мы не сказали бы, что въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ Э. обнаруживаетъ въ этомъ своемъ трудѣ достаточную оригинальность. Въ общемъ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія господствовавшей до послѣдняго времени государственно-правовой доктрины, которая лишь очень недавно сдѣлалась предметомъ живой критики (Duguit—во Франціи). Но если мы вспомнимъ, что Э. своими «Основами» окончательно сдалъ въ архивъ старое формально-догматическое направленіе, царившее до того въ «практической» наукѣ публичнаго права во Франціи, и поставилъ эту науку на прочный фундаментъ историко-теоретическаго и сравнительнаго изученія, то намъ станетъ совершенно ясно крупная заслуга маститаго «мэтра» передъ лицомъ государственной науки во Франціи.

Но Э. по призванію былъ и остался историкомъ. Вотъ почему, закончивъ свои «Éléments de droit constitutionel», онъ въ послѣдніе годы своей жизни вновь вернулся къ историческимъ изслѣдованіямъ. Его уже давно плѣняла мысль завершить свой курсъ «Исторіи французскаго права», прерванный имъ на 1788 г., доведя его до новѣйшей эпохи, т.-е. мысль связать «Cours élémentaire» съ «Éléments de droit constitutionel», пополнивъ такимъ образомъ исторію стараго французскаго права, его исторіей за время революціи и имперіи. Въ 1908 г. Э. удалось отчасти осуществить свою любимую мысль выпускомъ въ свѣтъ *первой части* задуманнаго имъ труда. Это были «Précis élémentaire de l'histoire du droit français de 1789 à 1814». Къ сожалѣнію, смерть не позволила ему завершить этой его работы, на которой лежитъ та же печать присущихъ автору научныхъ достоинствъ. На ряду съ названнымъ солиднымъ (381 стр.) руководствомъ Э. за тотъ же періодъ времени появился цѣлый рядъ другихъ его историческихъ очерковъ, этюдовъ и изслѣдованій, изъ коихъ назовемъ: Saint Cylard, patron d'Angoulême (1906 г.), Gouverneur Morris

Un témoin américain de la révolution française (1907), монографія, посвященную Гинкмару Реймскому, одному изъ яркихъ дѣятелей каролингской эпохи и, наконецъ, сборникъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ родномъ ему Шарантѣ (La vielle Charante. Chansons ct croquis saintongeais, Contes populaires 1910).

Таковы были результаты неутомимой научной дѣятельности Адемара Эсмена. Они безспорно даютъ ему полное право занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ современной науки права и ея исторіи въ особенности, и мы не сомнѣваемся, что скорбь французскаго общества по поводу смерти одного изъ выдающихся его представителей раздѣлитъ съ нимъ и русское ученое и образованное общество, ибо кто съ такимъ успѣхомъ потрудился для своего народа, тотъ потрудился для всего человѣчества.

Б. Сыромятниковъ.

Шекспиръ, Бэконъ и т. д.

Тайна, окружающая жизнь Шекспира до сихъ поръ, полное почти отсутствіе достовѣрныхъ источниковъ о его умственной жизни, уже давно ставятъ втупикъ изслѣдователей. Какъ могъ сынъ разорившагося поселянина изъ Страдфорда, неграмотный (онъ не могъ подписать свое имя) мясникъ Уильямъ Шекспиръ, бывшій потомъ актеромъ на послѣднія роли и нажившій деньги браконьерствомъ—написать и хроники, и римскія драмы, и Отелло, и Лира, и Гамлета?

Этотъ вопросъ, трудно поддающійся разрѣшенію, уже съ середины XIX в. вызывалъ гипотезы, авторы которыхъ старались доказать, что Шекспиръ не былъ творцомъ своихъ произведеній и что они написаны кѣмъ-нибудь другимъ. Кѣмъ же? Наиболѣе популярна гипотеза, приписывающая созданіе шекспировскихъ драмъ Фрэнсису Бэкону, основателю эмпирической философіи и министру Якова I. Вопросъ этотъ разрабатывается до сихъ поръ. Существуетъ даже цѣлый журналъ, посвященный подтвержденію Бэконовской гипотезы.

Но Бэконъ—не единственный претендентъ на вѣнецъ Шекспира. Есть и другіе: графъ Саутгэмптонъ, лордъ Пэмброкъ и др. Списокъ этихъ претендентовъ обогатился недавно еще однимъ. Бельгійскій писатель Селестенъ Дамблонъ выпустилъ недавно книгу, заглавіе которой формулируетъ ея основное положеніе «Lord Rutland est Shakespeare».

Дамблону, какъ и его предшественникамъ, гораздо больше удалась разрушительная часть книги: доказательство, что историческій Шекспиръ, т.-е. мясникъ, браконьеръ и ростовщикъ, неумѣвшій писать, не былъ творцомъ «Ромео и Джульеты» и «Лира», не могъ имъ быть. Другая половина темы: доказательство авторства лорда Рэтланда, молодого, разносторонне образованнаго, много путешествовавшаго аристократа (род. въ 1576 г. и ум. въ 1611 г.), гораздо менѣе убѣдительна.

Правда, кое-какія данныя даютъ основаніе для выводовъ. Шекспиръ былъ близокъ къ семьѣ Рэтландовъ, жилъ въ ихъ имѣніи и послѣ смерти старшаго брата, того, которому Дамблонъ приписываетъ авторство, получилъ отъ его душеприказчика 44 шиллинга золотомъ за «полупрофессіональныя услуги». Дамблонъ предполагаетъ, что Шекспиръ былъ подставнымъ лицомъ за Рэтланда. У благороднаго лорда была страсть къ писательству и актерству, своего рода hobby, которую онъ считалъ несовмѣстимой со своимъ положеніемъ при дворѣ. И онъ столковался съ проходимцемъ-Шекспиромъ, который любилъ деньги и выпивку: что будетъ подъ его именемъ выпускать свои пьесы и участвовать въ спектакляхъ. Шекспиръ согласился.

Что Рэтландъ могъ написать классическія драмы,—понятно: онъ получилъ гуманистическое образованіе. Что онъ могъ написать итальянскія пьесы, тоже понятно: онъ долго жилъ въ Италіи. Шекспиръ же, браконьеръ, умершій отъ излишествъ въ пищѣ и питьѣ, едва умѣвшій читать и не умѣвшій писать—совершенно недопустимый кан-

дидатъ въ авторы всѣхъ этихъ пьесъ и еще вдобавокъ пяти психологическихъ шедевровъ: Гамлета, Лира, Отелло, Макбета, Ромео.

Книга Дамблона полна мелкими доказательствами и остроумными сопоставленіями, подтверждающими его мысли. Но рѣшительнаго доказательства въ пользу Рэтланда она все-таки не содержитъ.

Его книга не пройдетъ безслѣдно, но не дастъ ничего поразительнаго.

Если, однако, Дамблонъ строитъ свое зданіе не изъ того надежнаго матеріала, то другая книга, касающаяся шекспировскаго вопроса лишь отчасти и посвящающая свое вниманіе, главнымъ образомъ, Бэкону, уже совсѣмъ переходитъ въ область фантастическихъ измышленій.

Живущая въ Бостонѣ нѣмка — баронесса Аделаида фонъ-Бломбергъ только что выпустила сенсаціонную книгу, подъ длиннымъ заглавіемъ: «Бэконъ-Шекспиръ? Честь — правдѣ! Отзывъ къ бэконовско-шекспировскому вопросу».

Трудъ этотъ основанъ на опытахъ расшифрованія нѣкоей мистриссъ Галлупъ, которая сдѣлала новыя и, якобы, поражающія открытія. Извѣстно, что поборники Бэкона видѣли въ разныхъ его литературно-историческихъ и философскихъ работахъ, какъ имъ казалось, условный пріемъ письма (т.-е. извѣстный «шифръ»), маскирующій для непосвященнаго читателя содержаніе, которымъ бэконовское авторство въ шекспировскихъ драмахъ устанавливается неопровержимо.

По крайней мѣрѣ, теперь мистриссъ Галлупъ рѣшительно убѣждена въ нахожденіи ею разъясняющаго ключа и путемъ крайне сложнаго метода (который приводитъ баронесса фонъ-Бломбергъ) считаетъ, что обнаружила глубочайшія тайны. Этотъ «шифръ» Бэкона долженъ подтвердить его авторство не только въ пьесахъ Шекспира, Марло и Грина, но и въ знаменитой «Королевѣ фей» Спенсера, — словомъ, чуть ли не во всей драматической литературѣ бэконовской эпохи.

Но, кромѣ этихъ не столь уже новыхъ выясненій, баронесса фонъ-Бломбергъ увѣряетъ, что секретъ Бэкона, еще болѣе существенный, былъ искуснѣйшимъ образомъ скрытъ въ его произведеніяхъ.

Бэконъ сообщаетъ тамъ современникамъ и потомству, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ родной сынъ графа Лестера и королевы Елисаветы, которую царствовавшая еще тогда Марія Католическая держала въ Турѣ плѣнницей. Но такъ какъ при тайномъ обрядѣ вѣнчанія, къ которому Лестеръ угрозами понудилъ священника изъ монастырской братіи, не присутствовало ни одного свидѣтеля, а позже всѣ сомнѣвались въ наличности самого брака, они, вслѣдствіе этого, приказали безъ всякой пышности, но при соотвѣтствующемъ числѣ почтенныхъ особъ обвѣнчать ихъ вторично въ домѣ графа Пэмброка, предварительно устранивъ со своего пути Лестерову законную супругу, Эми Робсартъ.

Кромѣ того, оказалось, что рожденіе Роберта Деверё, графа Эссекскаго, второго сына отъ этого брака, не было вовсе отмѣчено въ спискахъ семьи Эссексовъ, между тѣмъ какъ имена всѣхъ прочихъ дѣтей, т.-е. его предполагаемыхъ братьевъ и сестеръ, точно указаны. Впрочемъ, послѣ появленія на свѣтъ второго сына, королева велѣла распространять слухъ, будто у нея — оспа: Елисавета оказалась единственной больной своего времени, которая не сохранила знаковъ оспы на лицѣ.

Когда родился Бэконъ, она воскликнула: убейте, убейте, убейте!

Но «нѣжнѣйшая» леди Анна Бэконъ, какъ онъ ее потомъ часто называлъ, вступилась за невинное дитя, сказавъ:

— Отдай его лучше мнѣ, — я хочу воспитать этого ребенка, на что королева заставила ее поклясться, что она никогда не выдастъ никому настоящаго происхожденія мальчика. Леди Анна сама ждала къ тому времени появленія младенца, но онъ родился мертвымъ. Тѣмъ легче уда-

лось соблюсти секретъ. Только, когда Френсису минуло 16 лѣтъ, узналъ онъ тайну собственнаго рожденія. Одна изъ молодыхъ придворныхъ дамъ что-то сболтнула, узнавъ тайну отъ исконнаго бэконовскаго врага, лукаваго Роберта Сесиля, лорда Бёрли. Сплетня распространившись достигла слуха Елисаветы, которая пришла отъ нея въ ярость, и злополучной болтуньѣ жестоко досталось. Когда же Бэконъ попытался ее защитить, гнѣвъ королевы обратился на сына, и она себя передъ нимъ выдала. Молодой человѣкъ рѣшилъ изъ этой неистовой вспышки, что онъ — незаконный отпрыскъ ея величества, и внѣ себя бросился къ благодѣтельницѣ, леди Аннѣ, умоляя сообщить ему только правду, и та разсказала все.

Чтобъ удалить сына отъ своего двора, Елисавета отправила его съ серомъ Аміасомъ Паулетомъ во Францію, гдѣ онъ увлекся Маргаритой Наварской, будущей «королевой Марго». Ей посвящены многіе изъ его сонетовъ и другія безчисленныя любовныя стихотворенія.

Она явилась его Юліей, и, если мы узнаемъ отъ самого Бэкона, что онъ былъ собственнымъ Ромео, то вся его литературная дѣятельность представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ.

Рьяная «бэконіанка», баронесса фонъ-Бломбергъ ищетъ опоры еще и для дальнѣйшихъ своихъ гипотезъ. Что королева Елисавета держала втайнѣ свой бракъ съ Робертомъ Дѣдли, графомъ Лестеромъ, выводитъ писательница, было только естественно. Она «кокетничала» съ различными властителями Европы, съ политическими цѣлями, и ей неудобно было имѣть мужа.

Далѣе Бэконъ обстоятельно разсказываетъ въ «шифрѣ» про одну связь, которую еще задолго до вступленія на престолъ, въ возрастѣ около 15 лѣтъ, Елисавета имѣла съ адмираломъ Сеймуромъ; своего ребенка, рожденнаго отъ него, дочурку, при первомъ же ея вздохѣ, она сама задушила.

Значитъ, согласно выпущенной баронессою по обѣимъ сторонамъ океана, на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, книгѣ, — королева Елисавета завѣдомая дѣтоубійца, а ея старшій сынъ отъ связи съ лордомъ Лестеромъ сэръ Френсисъ Бэконъ не только «настоящій Шекспиръ», но и чуть не наслѣдникъ Великобританіи. Второй сынъ ея величества—лордъ Эссексъ, котораго родная мать велѣла казнить, подъ предлогомъ государственной измѣны, а въ процессѣ его собственный братъ, Бэконъ явился адвокатомъ общей матери, Елисаветы, — вотъ что новая книга, главнымъ образомъ, старалась обнаружить въ бэконовскомъ шифрѣ.

Выставка 1863 г.

28 іюня ст. стиля открылась во Львовѣ выставка картинъ фотографіи и вещественныхъ памятниковъ, относящихся къ польскому возстанію 1863 г. 7000 экспонатовъ, собранныхъ въ 12-ти выставочныхъ залахъ, наглядно иллюстрируютъ все движеніе, начиная съ первыхъ революціонныхъ организацій 1857 г., и даютъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ условіями, въ которыхъ протекала послѣдняя вооруженная борьба поляковъ за свою свободу. Картины Сохачевскаго, Матейки, Гротчера, Герымскаго, Августиновича, Коссака, Бенедиктовича и мн. друг. художниковъ, собранныя въ количествѣ болѣе 300 экземпляровъ, представляютъ эпизоды и сцены изъ эпохи возстанія и портреты главныхъ дѣятелей его. Повстанцамъ, расплатившимся за свои порывы ссылкой въ сибирскіе рудники, посвящена особая «сибирская зала», заполненная фотографіями поляковъ каторжанъ съ съ поименованіемъ ихъ фамилій, витринами съ казенной одеждой, этюдами и сценами изъ жизни ссыльныхъ. Въ украшенной повстанческими знаменами и оружіемъ «залы повстанцевъ» выставлены изображенія около 4000 участниковъ возстанія, разстрѣлянныхъ, повѣшенныхъ и павшихъ въ сраженіяхъ; тутъ же—tableau съ 83 фотографіями живущихъ еще во Львовѣ повстанцевъ Въ сплошь покрытой чер-

нымъ крепомъ «траурной залѣ» расположены объявленія о смерти погибшихъ въ бояхъ, которыя появлялись на стѣнахъ польскихъ городовъ. Далѣе слѣдують отдѣлы, иллюстрирующіе дѣятельность польской женщины и польскаго крестьянства въ возстаніи; затѣмъ собранія приказовъ, прокламацій и манифестовъ народоваго ржонда, рѣдкіе экземпляры современныхъ подпольныхъ изданій, автографы вождей возстанія, Босака, Ружицкаго, Лангевича, Чаховскаго и др., ихъ знаки отличія и предметы, имъ принадлежавшіе, работы изъ кости и хлѣба, исполненныя плѣнными поляками и т. п.

И. Р.

Къ юбилею Т. Шевченко.

Въ будущемъ 1914 году исполнится сто лѣтъ со дня рожденія Т. Шевченко. Въ украинскомъ обществѣ уже теперь начались приготовленія къ увѣковѣчению и чествованію его памяти. Особенно широко предполагаютъ чествовать въ Галиціи. Въ концѣ марта въ Львовѣ по приглашенію львовской «Просвиты» состоялось собраніе представителей отъ 28 украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, которыя предполагаютъ цѣлый рядъ начинаній въ память своего національнаго генія. Среди этихъ предположеній необходимо отмѣтить: новое изданіе произведеній поэта латинскими буквами и изданіе, богато иллюстрированное, спеціально для молодежи; основаніе академіи искусствъ и общества украинскихъ художниковъ; изъ представителей всѣхъ украинскихъ обществъ предположено организовать бюро для веденія украинскихъ культурныхъ дѣлъ; въ день юбилея устроить всеукраинскій съѣздъ ученыхъ, писателей, артистовъ и журналистовъ, пригласивъ и представителей славянскихъ народовъ; положить основаніе памятника поэту, а также открыть рядъ народныхъ школъ имени Шевченка. «Научное общество имени Шевченка» начало подготовлять изданіе сборника, посвященнаго Шевченку.

(*Укр. Ж.*).

Русская литература въ Японіи.

Первымъ изъ русскихъ литературныхъ произведеній, переведенныхъ на японскій языкъ, является разсказъ Тургенева «Свиданіе». Разсказъ этотъ, переведенный покойнымъ нашимъ писателемъ *Хасегава*, отличался тогда для насъ новизной содержанія и способа изложенія. Прекрасное описаніе природы и безстрастность парня, играющаго въ любовь съ малоопытной деревенской дѣвушкой,—все это представлялось нашимъ читателямъ, привыкшимъ къ болѣе яркому выраженію чувствъ, чѣмъ-то сухимъ, безстрастнымъ и наивнымъ. Что же касается способа изложенія, то переведенный разсказъ былъ громаднымъ отступленіемъ отъ правилъ предшествующихъ нашихъ писателей: *Цикамацу и Сайкаку*, которые главное вниманіе обращали лишь на красочность словъ и формы изложенія.

Въ переводѣ ярко отражается большое стараніе изобразить истинную природу и психику человѣка, при чемъ переводчикъ смѣло примѣняетъ письменно-разговорный языкъ (генбунитчи) который впослѣдствіи получилъ широкое распространеніе.

Послѣ «Свиданія» покойный *Хасегава* одинъ за другимъ перевелъ слѣдующія произведенія того же автора: «Ася», «Три встрѣчи», «Рудинъ».

Въ то время японскіе критики, *Коіо* и *Роханъ*, цѣликомъ занятые своими писателями, не обратили на эти гереводы никакого вниманія, несмотря на то, что они, несомнѣнно, оказали большое вліяніе и вызвали новое теченіе въ японской литературѣ. Около того времени *Хасегава* напечаталъ свое собственное произведеніе «Укигумо», на которое повліяла русская литература. Онъ совершенно не упоминаетъ въ немъ объ исторіи красавицы и генія, служившихъ до тѣхъ поръ обычными дѣйствуюшими лицами для японскихъ писателей, и взялъ совершенно новый типъ.

Въ это время *Куникида* написалъ цѣлый рядъ небольшихъ, но занима-

тельныхъ разсказовъ, которые прошли незамѣченными японскими критиками; однако съ момента возникновенія натурализма въ Японіи, послѣ послѣдней войны, его замѣтили и сразу возвели на высоту первокласснаго писателя.

Первыя произведенія его проникнуты тургеневскимъ духомъ. Разсказъ ведется въ первомъ лицѣ, что до него было совершенно чуждо японской литературѣ. Эта форма создалась, несомнѣнно, подъ вліяніемъ Тургенева, съ которымъ онъ впервые познакомился въ переводѣ *Хасегава*, а дальше началъ изучать его въ англійскихъ переводахъ.

Съ появленія вышеупомянутаго натуралистическаго направленія въ Японіи русскіе писатели, какъ и французскіе, охотно читались японскими читателями въ англійскихъ переводахъ.

Произведенія Горькаго заинтересовали японскую публику, но интересъ къ нему скоро ослабѣлъ, быть-можетъ, вслѣдствіе того, что японцамъ, при совершенно иномъ складѣ ихъ жизни, не могло не надоѣсть описаніе безконечнаго угнетенія народа. Въ японскомъ переводѣ есть слѣдующія его произведенія: «Каинъ и Артемъ», «Тоска», «Сборникъ разсказовъ» (Челкашъ, Осенняя ночь, Синяя кошка).

Гуманность Толстого долгое время не вызывала сочувствія среди эгоистически настроенныхъ нашихъ писателей, но скоро послѣ его смерти громко раздался голосъ, призывающій къ его изученію. Въ японскомъ переводѣ имѣются: «Воскресеніе», «Дѣтство, Отрочество, Юность», «Казаки», «Крейцерова соната», «Власть тьмы». Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ и переводъ «Анны Карениной».

Изъ произведеній Гончарова переведено на японской языкъ лишь одно: «Обыкновенная исторія», но оно не имѣло успѣха.

Достоевскаго японскіе читатели знаютъ только въ англійскомъ переводѣ. «Преступленіе и наказаніе» оказало огромное вліяніе на японскую литературу. «Хакай», популярнѣйшее произведеніе одного изъ выдающихся писателей современной Японіи, по своему духу имѣетъ много общаго съ произведеніями Достоевскаго.

Тургенева теперь мало цѣнятъ въ Японіи, находя въ немъ слишкомъ много романтизма и сентиментализма. Въ переводѣ, кромѣ вышеуказанныхъ, имѣются слѣдующія его произведенія— «Наканунѣ», «Отцы и дѣти», «Дворянское гнѣздо». Скоро будетъ переведена и «Новь».

Новые русскіе поэты-символисты по вкусу японскимъ читателямъ. Ихъ переводятъ г. *Нобори* и другіе.

Въ Японіи, быстро измѣняющейся и торопливо захватывающей въ какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ многовѣковую культуру Запада, уже погасла страсть къ натурализму и наступаетъ новая эра символизма и неоромантизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ наше общество начинаетъ охотно читать новыхъ русскихъ писателей—Андреева, Зайцева, Сологуба, Арцыбашева и Каменскаго.

Но до серьезнаго и совершеннаго изученія русской литературы въ Японіи очень далеко.

Ожидаютъ съ большимъ интересомъ появленія въ свѣтъ разсказа Куприна «Поединокъ», который переводится г. *Нобори*.

Ф. Міякава.

въ себѣ. Бываетъ такое утомленіе чувствъ, которое представляетъ самыя подходящія условія для того, чтобы голова вступила въ свои неограниченныя верховныя права. Тогда-то я сталъ смотрѣть на Неккера глазами его дочери и нашелъ въ немъ учителя и даже друга. Если бъ вы чаще встрѣчались съ нею, — я надѣюсь, M-me Сталь сумѣетъ постепенно завладѣть вами, несмотря на ваши насмѣшки надъ ея излюбленными общественными играми, которыя вы называете «пляской ума на канатѣ»,— то вы согласились бы съ нею, что единственнымъ спасеніемъ Франціи можетъ быть только учрежденіе конституціонной монархіи по англійскому образцу. Но въ то время какъ англоманія французскаго свѣтскаго общества наноситъ опасный ущербъ его свѣтскому остроумію, его художественному вкусу, а драгоцѣнныя французскія деньги обмѣниваются на англійскихъ лошадей, англійскіе костюмы и экипажи, мы все же не можемъ рѣшиться перенять лучшее, что создалъ нашъ «исконный врагъ» — его государственную форму!

Вы видите, дорогая маркиза, какъ необходимо мнѣ ваше присутствіе. Будь вы здѣсь нѣсколько дольше, я бы не смогъ говорить съ вами о политикѣ.

Посылаю вамъ обѣщанную программу лицея. Хорошо бы, если бъ вы такъ же увлеклись ею, какъ дамы нашего общества, тогда я могъ бы надѣяться встрѣчать васъ и тамъ! Кондорсе сдѣлалъ очень хорошее вступленіе къ своему математическому курсу, — который очень усердно посѣщается прекрасными слушательницами, — сказавъ: «Всѣ претензіи одинаково вытекаютъ изъ невѣжества людей и еще изъ большаго невѣжества тѣхъ, кто эти претензіи признаетъ. Поэтому мы думаемъ, что лучшимъ средствомъ уменьшить количество претензіи, это — уменьшить число ими обманутыхъ. Знанія, какого бы рода они ни были, полезны только тогда, когда они составляютъ общественное достояніе. Нѣтъ такого знанія, которое не было бы вреднымъ, если только небольшое число привилегированныхъ обладаетъ имъ».

Онъ не могъ сказать ничего болѣе подходящаго къ данному случаю— открытію общедоступныхъ лицеевъ, и въ то же время ничѣмъ не могъ такъ возбудить противъ нихъ духовенства! Старые и молодые, — въ особенности женщины, — всѣ стремятся на его лекціи.

Разрѣшите ли вы мнѣ проводить васъ на одну изъ ближайшихъ лекцій? Если бъ я зналъ, что это пробудитъ вашъ интересъ, то я бы нашелъ время всегда находиться тамъ въ вашемъ обществѣ. Въ настоящее время встрѣчаются передъ каѳедрой, точно такъ же, какъ раньше встрѣчались въ салонахъ.

Вслѣдствіе введенія значительныхъ реформъ въ арміи, съ которыми мнѣ приходится напряженно работать, — умершій Фридрихъ Прусскій только теперь оживаетъ для насъ,—сообщенія бѣднаго барона ф. Пирша извлекаются изъ пыли архива, — я, разумѣется, и очень занятъ теперь.

Но мое сердце, прекрасная маркиза, свободно!

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинъ.

Парижъ 4 іюля 1786 г.

Уважаемая маркиза. Лицей—свободное государство, и туда открытъ доступъ даже горбатымъ. Послѣ того какъ слуга маркиза не принялъ горшка съ цвѣтущимъ растеніемъ, — хотя онъ былъ присланъ какъ будто бы по вашему заказу, при чемъ спрятанное въ немъ письмо благополучно вернулось ко мнѣ, — я выбираю этотъ, болѣе удобный путь. Если не получу отъ васъ другого приказанія, то буду держаться этого способа переписки.

Такъ какъ вы были столь добры, что справились о моей судьбѣ, — чего никогда не приходило въ голову никому! — то я осмѣливался приложить къ письму принца и это письмо.

Мнѣ живется недурно. Женщина, которая въ минуту слабости произвела меня на свѣтъ, уже умерла. Съ помощью грязныхъ денегъ, накопленныхъ ею, я содержу ребятъ. Нѣсколько парней, бѣжавшихъ изъ монастыря состоятъ ихъ руководителями. Я же самъ пишу статьи, памфлеты, пѣсенки, и такъ какъ въ матеріалѣ для этого никогда недостатка не бываетъ, то нѣтъ недостатка и въ людяхъ, которые за это платятъ.

«Путь открывается таланту!..» — эти слова Бомарше становятся истиной. Я и дальше оставался бы преданъ тому, кто произнесъ ихъ, — онъ охотно позволялъ мнѣ составлять для него мемуары и политическія статьи,—если бъ не то, что для него это не являлось конечной цѣлью. Съ тѣхъ поръ, какъ королева позволила ему диктовать ей слова и поступки, его тщеславіе побѣдило въ борьбѣ съ его остроуміемъ. Онъ выстроилъ себѣ дворецъ, какъ разъ противъ Бастиліи, на углу улицы, по которой ежедневно проходятъ толпы бѣдныхъ рабочихъ изъ предмѣстій! Они начинаютъ понимать, что говорятъ камни: замокъ героя слова и крѣпость тираніи!

Въ первый разъ я испыталъ смущеніе, когда онъ выступилъ въ защиту компаніи парижскихъ водъ противъ графа Мирабо. Я зналъ, что у него есть акціи этой компаніи, цѣнность которыхъ возросла втрое, такъ какъ эта настоятельнѣйшая потребность народа сдѣлалась предметомъ самой беззастѣнчивой спекуляціи. Отвѣтъ Мирабо былъ ударомъ молніи для высохшаго дерева его славы. Даже успѣхъ его оперы не спасъ его. Слова нашего великаго мыслителя слушали охотно, но дѣйствія они не имѣли. Я отказался помогать ему. Тогда же я впервые пришелъ къ заключенію, что христіанская добродѣтель поддерживать слабыхъ является преступленіемъ. Надо итти только съ побѣдителями.

И я нашелъ этихъ побѣдителей въ предстоящихъ битвахъ, я иду съ ними шагъ за шагомъ и осуществленіе нашихъ надеждъ держу въ своихъ рукахъ, потому что я дѣйствую! Это помогаетъ мнѣ радоваться жизни. Моя послѣдняя брошюра «Долой Бастилію!» выпущенная мною аноним-

но, — нельзя легкомысленно подставлять свою шею подъ ножъ другихъ, когда надо наточить собственный ножъ! — была, конечно, конфискована. Но многія сотни успѣли ее прочесть и тысячи уже знаютъ, что Бастилія — не простое зданіе, которое сторожатъ устарѣвшія пушки и полуинвалиды, а само государство!

Простите меня, маркиза! Мое перо уже привыкло къ свободѣ, такъ же, какъ и я. Я не хотѣлъ васъ пугать, вѣдь вы живете на другой звѣздѣ. Если бъ я могъ, то сохранилъ бы вамъ эту звѣзду. Но вѣдь и для васъ это не была счастливая звѣзда!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 4 іюля 1786 г.

Дорогая Дельфина! Несмотря на то, что я могъ въ полумракѣ комнаты держать твою руку въ своей рукѣ, могъ слегка коснуться губами твоей мягкой щечки, я все же прошу тебя прекратить посѣщеніе Пюи Сегюра. Ты недостаточно сильна, чтобы со спокойствіемъ установившагося ума слушать рѣчи сомнамбулы. И я самъ долженъ признаться, то впечатлѣніе, которое производитъ эта бѣдная крестьянская дѣвушка Вогезъ, когда она говоритъ во снѣ, очень сильно. Я сдѣлалъ сегодня опытъ, въ присутствіи одного только Пюи Сегюра. Она описывала сцены изъ американскаго похода, которые только я одинъ могъ бы такъ отчетливо изобразить, когда же мы стали разспрашивать о будущемъ, то ее снова охватилъ такой же мучительный страхъ. Она бормотала: «Кровь!.. Кровь!..» въ ужасѣ закрывала лицо руками, какъ будто она видѣла что-то страшное своими закрытыми глазами, и на цыпочкахъ, высоко подчявъ юбку, проходила по комнатѣ, говоря со стономъ: «Кровь поднимается... поднимается!..»

Я бы, конечно, не сталъ придавать ея предсказаніямъ больше значенія, чѣмъ выходкамъ какого-нибудь безумнаго больного, потому что я вѣрю лишь тому, что можетъ быть доказано, — мы уже уразумѣли, что «Система природы» Гольбаха является скорѣе продуктомъ человѣческаго высокомѣрія, нежели человѣческой мудрости! — если бы не возникали повсюду подобныя же явленія. Мой старый рейткнехтъ пережилъ нѣчто подобное въ одномъ постояломъ дворѣ Сентъ Антуанскаго предмѣстья. Одна маленькая танцовщица въ Воксгаллѣ, заснувшая во время репетиціи, имѣла страшныя видѣнія. Во всѣхъ кругахъ населенія можно встрѣтить людей, охваченныхъ великимъ страхомъ, точно болѣзнью.

Можетъ - быть, моя единственная возлюбленная, мы съ тобою не такъ легко поддались бы этой заразѣ, если бъ наша преслѣдуемая любовь не была полна страха. Чѣмъ это кончится?!

Такъ какъ маркизъ хочетъ въ воскресенье поѣхать въ Сенъ-Клу, то, наконецъ, у насъ будетъ возможность увидѣться наединѣ, будь въ пол-

ночь подъ большой липой, въ саду своего отеля. Я знаю такой входъ, который защититъ меня отъ всѣхъ нескромныхъ взоровъ. Мы должны поговорить, хотя я впервые испытываю ощущеніе, что я обманываю человѣка, который мнѣ довѣряетъ.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Замокъ Сенъ - Клу, 25 іюля 1786 г.

Прекраснѣйшая маркиза! Мы только теперь узнаемъ о вашемъ пребываніи въ Парижѣ. Не потеряли ли Вы, въ концѣ - концовъ, свое сердечко, отдавъ его какому-нибудь Мирабо — теперь это въ модѣ — что вы такъ безжалостно позабыли насъ? Принцесса Ламбаль одновременно пишетъ вамъ, чтобы пригласить васъ въ Сенъ-Клу, а я стараюсь пришпорить коня моего остроумія, чтобы онъ могъ конкурировать съ умомъ парижанъ. Вѣдь вы, какъ я узнаю объ этомъ, къ великому своему смущенію, тоже состоите ученицей лицея! Знаете вы прелестную пѣсенку о лицеѣ? Вы ее получите, когда пріѣдете сюда. А покамѣстъ — въ видѣ приманки! — я сообщаю вамъ лишь ея заключеніе.

Craignons, qu'une jalouse fée
Bornant les sages du Lycée
    Dans leurs projets,
Hors du giron de la science
Ne les change par sa puissance
    En perroquets [1]).

Считаете вы въ самомъ дѣлѣ возможнымъ, что мужчины и женщины, сидя вмѣстѣ цѣлыми часами въ одномъ помѣщеніи, могутъ долго выдержать, и живое чувство не возьметъ верхъ надъ сухой наукой? Или же бѣдная любовь должна обратиться въ бѣгство передъ всѣми этими теоріями и принципами, которые кажутся мнѣ школьниками, вооруженными сѣткой для ловли прелестныхъ мотыльковъ, чтобы потомъ посадить ихъ на булавку? Признаковъ для этого накопилась достаточно.

Возьмемъ хотя бы одежду для женщинъ — полумѣшокъ, полурубашка; для мужчинъ — темный фракъ и жилетъ,—указывающую, повидимому, что она болѣе не желаетъ выполнять свою задачу: украшать и подчеркивать прелести носительницъ. Но тамъ, гдѣ прекращается желаніе нравиться, возникаетъ грубость нравовъ, разговоръ становится тяжеловѣснымъ, фантазія уступаетъ мѣсто разсудительности, искусства падаютъ. Умъ общества воспитывается только въ такихъ

---

[1]) Боимся, чтобы какая-нибудь завистливая волшебница, ограничивъ мудрецовъ лицея въ ихъ проектахъ, внѣ лона науки, не превратила бы ихъ, своимъ могуществомъ, въ попугаевъ.

кругахъ, гдѣ мужчины, находясь возлѣ женщинъ, подстрекаемые желаніемъ нравиться, стараются блистать своимъ остроуміемъ и изощряютъ всѣ способности своего ума, а женщины, въ своей тихой борьбѣ за достойнѣйшаго, постоянно помнятъ, что онѣ—прекраснѣйшее произведеніе искусства природы.

Но философія нашихъ дней, поучающая насъ, не вѣрящихъ въ безсмертіе, что никакая потеря не можетъ быть такъ невознаградима, какъ потеря времени и ничто такъ не драгоцѣнно, какъ время! — безпощадною рукой разрушила эту привлекательность нашей общественности. Наслаждаться хотятъ, но не давая себѣ труда нравиться. Безъ твердой увѣренности въ скоромъ обладаніи женщинѣ почти уже не оказываютъ вниманія. На каждое женское существо смотрятъ какъ на куртизанку, и если она хочетъ имѣть успѣхъ, то должна конкурировать съ куртизанкой.

Мы, моя красавица, — маленькая кучка приверженцевъ прошлаго— бѣжали въ Сенъ-Клу отъ Парижа и его реформъ и теперь съ содроганіемъ замѣчаемъ, что эти реформы слѣдуютъ за нами въ образѣ Калонна.

Покупка Сенъ-Клу, къ которой королева принудила его, окончательно лишила его спокойствія. Даже для Полиньякъ, которая предпочла титулу герцогини его всегда открытый кошелекъ, онъ является теперь человѣкомъ съ плотно застегнутыми карманами.

Пріѣзжайте, дорогая Дельфина, чтобы богатствомъ своей красоты и своего ума заставить насъ позабыть о зіяющихъ пустыхъ кладовыхъ казначейства. Привезите съ собой королевѣ свѣжій воздухъ Вогезъ. Она очень страдаетъ, а маленькій дофинъ является какъ бы воплощеніемъ ея заботъ. Но ее всегда можетъ развеселить какое-нибудь радостное событіе.

Когда прелестная графиня Тюрпенъ обручилась съ маркизомъ Лемьеръ, то это послужило поводомъ къ празднеству. Мы всѣ явились въ костюмахъ регентства и воображали, что вернулись эти счастливыя времена. Одно мѣткое замѣчаніе остроумнаго отца невѣсты переходило изъ устъ въ уста. Лемьеръ изъ-за своихъ долговъ, которые, впрочемъ, уплатила королева, не пользовался расположеніемъ Тюрпена и поэтому всячески старался поддѣлаться къ нему. Однажды онъ сказалъ ему: «Достаточно увидѣть васъ, чтобы повѣрить, что вы отецъ Туанеты!» Графъ возразилъ ему съ самымъ серьезнымъ видомъ: «Вы забываете, monsieur, что мы имѣемъ счастье жить въ такое время, когда уже ничему больше не вѣрятъ!»

Изъ этого длиннаго письма вы можете составить себѣ понятіе, какіе длинные разговоры ожидаютъ васъ здѣсь. M-me Кампанъ слышала, что новѣйшей модой въ Парижѣ является презрѣніе къ свѣтской болтовнѣ. Недавно какой-то герой перъ высказалъ въ «Mercure de France», что это — «презрѣнное искусство паразитирующей придворной сволочи!» Любезный тонъ, который принимаютъ по отношенію къ намъ, пользуясь

ругательнымъ лексикономъ, введеннымъ парижскимъ парламентомъ и старательно имъ обогащаемымъ! — Онъ добавилъ, что слѣдовало бы, наконецъ, перестать обучать юношество этому искусству, тѣмъ болѣе, что оно самое безхлѣбное изъ всѣхъ искусствъ!

Въ самомъ дѣлѣ, идеалисты такого сорта, какъ Лафайетъ, не могутъ натворить столько зла, сколько дѣлаютъ революцiонные филистеры, которые преклоняются передъ цѣлью, какъ передъ божествомъ. Они еще превратятъ наши замки въ казармы и будутъ въ нашихъ розовыхъ садахъ сажать рѣпу!

Вы знаете, что полемъ моихъ битвъ всегда былъ паркетъ. Только недавно я велѣлъ наточить свою шпагу, и ношу пистолеты въ карманахъ плаща, потому что я твердо рѣшилъ, что сдамся парижской черни только тогда, когда буду уже не я, а комокъ кровавыхъ лохмотьевъ!...

Принцъ Фридрихъ Евгенiй Монбельяръ—Дельфинъ.

Парижъ, 2 августа 1786 г.

Ты спрашиваешь меня, должна ли ты ѣхать въ Сенъ-Клу? Ужъ одно то, что ты можешь объ этомъ спрашивать, возлюбленная моя, заключаетъ въ себѣ отвѣтъ. Мы не должны, щадя, обманывать другъ друга, это было бы началомъ духовной разлуки. Отсутствiе радости тяжело ложится на нашу любовь, на нашихъ тайныхъ свиданiяхъ тяготѣетъ сознанiе вины! Поѣзжай спокойно, моя бѣдная голубка, можетъ-быть, вдали отъ меня тебѣ легче будетъ дышать.

Я нашелъ сегодня на стѣнахъ Парижа прибитыми стихи, объявляющiе счастливыми тѣхъ ягнятъ, которыхъ пастухъ окружалъ изгородью, чтобы волки и лисицы не могли ихъ напугать. Въ заключенiе говорилось:

Mais si ces mêmes loups avaient formé l'enceinte
Pour vous mieux dévorer sans péril et sans crainte
Du berger vigilant, de la garde des chiens,
Que seriez vous, hélas?... De pauvres parisiens [1]).

Мнѣ кажется, какъ будто и мы принадлежимъ къ ихъ числу!

Графъ Гиберъ—Дельфинъ.

Парижъ, 26 августа 1786 г.

Дорогая маркиза. Только теперь я узнаю, что вы промѣняли Парижъ на Сенъ-Клу. Дурной знакъ, сказалъ бы я, если бъ дѣло касалось

---

[1]) Но если эти самые волки построили ограду, чтобы можно было васъ пожрать безъ опасенiя и страха передъ бдительнымъ пастухомъ и сторожевыми псами, то чѣмъ вы будете тогда... увы? Бѣдными парижанами!

кого-нибудь другого, а не васъ, потому что тотъ, кто отправляется ко двору въ настоящее время, не будучи къ тому вынужденнымъ, принадлежитъ къ его партіи.

Вамъ, вѣроятно, представятъ совсѣмъ другую картину путешествія короля въ Нормандію, чѣмъ та, которую я нарисовалъ вамъ. Будутъ говорить о дѣвушкахъ въ бѣлыхъ платьяхъ, о растроганныхъ до слезъ крестьянахъ, о народѣ, кричащемъ «ура», о мужчинахъ и женщинахъ, почитающихъ себя счастливыми, если имъ удается поцѣловать край одежды монарха! Каждый властитель видитъ своихъ подданныхъ только такими, хотя бы они тайно носили подъ плащомъ кинжалъ, намѣреваясь всадить его въ грудь ему. Корона и церковь, когда они являются во всемъ своемъ блескѣ, обладаютъ точно такой же обвораживающей силой. Мистическое очарованіе, окружающее ихъ, дѣйствуетъ даже на невѣрующихъ.

И въ полкахъ, которые осматривалъ король, онъ видѣлъ только красивые мундиры! Что въ этихъ полкахъ находятся члены того самого народа, который во всѣхъ постоялыхъ дворахъ осмѣиваетъ короля въ шутливыхъ пѣсняхъ и судитъ обо всемъ, что дѣлаетъ правительство и что недовольство собственнымъ положеніемъ, какъ и положеніемъ Франціи, одинаково охватило, какъ офицеровъ, такъ и нижніе чины и что армія, которая еще недавно вызывала опасеніе, что она неготова для встрѣчи съ врагомъ, потому что ея начальники слишкомъ много веселятся, теперь находится въ другой опасности и готова возстать противъ своего верховнаго вождя оттого, что ея начальники слишкомъ много думаютъ—этого обыкновенно не видитъ ни одинъ король!

Въ Брестѣ, какъ я слышалъ, хотятъ соорудить Людовику XVI памятникъ. Даже при великомъ королѣ это было предоставлено потомству. Ужъ не потому ли такъ торопятся теперь, что опасаются, какъ бы потомство этого не позабыло? Калоннъ, разумѣется, постарается представить это королю, какъ доказательство вѣрноподданныхъ чувствъ народа, между тѣмъ какъ въ сущности это есть лишь одно изъ проявленій раболѣпства нѣкоторыхъ, жаждущихъ титуловъ буржуа.

Я бы желалъ, конечно, чтобы вы, при вашемъ умѣ и вашей преданности королю, постарались бы уничтожить вліяніе Полиньякъ на Марію Антуанету. Но королева уже окончательно лишилась популярности, благодаря процессу Рогана и покупкѣ Сенъ-Клу. Въ самомъ дѣлѣ, около милліона затрачено на покупку новаго дворца, въ то время какъ парижскій народъ лишенъ возможности ѣсть мясо, вслѣдствіе всеобщаго вздорожанія!

Въ церкви св. Женевьевы освященъ новый порталъ, выстроенный по инициатив́ѣ королевы. Онъ такъ великолѣпенъ, что если бы Господу Богу захотѣли отвести лучшее мѣсто въ церкви, то пришлось бы посадить Его передъ дверью! Народъ стоялъ кругомъ во время церемоніи освященія и сочинялъ по этому поводу злыя шутки. «Австріячка намъ даритъ двери, и въ благодарность мы вѣжливо выведемъ ее черезъ нихъ!»

M-me Сталь, бывшая свидѣтельницей этой сцены, тотчасъ же занесла ее въ свою записную книжку. Она очень сожалѣетъ, дорогая маркиза, что лишена вашего общества. Въ ея салонѣ господствуетъ новая страсть: всѣ стараются превзойти другъ друга въ изобрѣтеніи исторій на одинаковую тему, безуміе любви. Но она сама всѣхъ превзошла въ своемъ разсказѣ: «Безумцы Сенарскаго лѣса».

Такъ какъ мнѣ придется въ скоромъ времени дѣлать докладъ королю объ успѣхахъ реформъ въ арміи, то я надѣюсь еще увидѣть васъ въ Сенъ-Клу. Никакой другой личной притягательной силы для меня тамъ не существуетъ. Даже мое честолюбіе не можетъ рѣшить, долго ли можно будетъ считать за честь его удовлетвореніе на службѣ у такого правительства!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 27 августа 1786

Любимая моя! Поразительное извѣстіе о созывѣ нотаблей, которое ты мнѣ сообщаешь, вынуждаетъ меня ѣхать въ провинцію. Такъ какъ отъ ихъ собранія будетъ очень многое зависѣть, то я долженъ употребить всѣ усилія, чтобы повліять на мои круги. Конечно, я никому не говорилъ о твоемъ сообщеніи, но думаю, что это дѣло станетъ извѣстнымъ раньше, чѣмъ это желательно Калонну. Для него собраніе нотаблей является соломинкой, за которую хватается утопающій, такъ какъ реформы налоговъ, предлагаемыя имъ, — и отъ которыхъ ты при твоемъ, легко воспламеняемомъ энтузіазмѣ, ожидаешь спасенія міра, — въ сущности представляютъ лишь сладкую конфетку, чтобы скрыть горькое лѣкарство-дефицитъ, которое придется проглотить этому большому ребенку — Франціи. И все же я долженъ признаться, что привѣтствую такое развитіе вещей, потому что оно внесетъ ясность въ наше положеніе, и даже если эта ясность будетъ ужасна, все же она предпочтительнѣе вѣчныхъ сумерекъ, въ которыхъ мы обрѣтаемся.

Что маркизъ всѣми силами противился этому и даже не побоялся навлечь на себя немилость короля, — это тоже вполнѣ понятно. Въ его глазахъ такое обращеніе къ какой бы то ни было корпораціи, хотя бы это было его собственное сословіе, является уступкой общественному мнѣнію. Для него реформы и въ особенности предложеніе о распространеніи поземельнаго налога на дворянство, равносильны капитуляціи передъ третьимъ сословіемъ. Я думаю также, что онъ боится опубликованія дефицита, такъ какъ онъ тѣсно связалъ съ большими банками, и поэтому всеобщее финансовое разстройство не можетъ не отразиться на немъ.

Можетъ-быть, — и эта надежда укрѣпляетъ во мнѣ силы для предстоящей борьбы, — онъ дастъ тебѣ свободу, если не будетъ больше нуждаться въ наслѣдникѣ!

Наша переписка станетъ еще затруднительнѣе, чѣмъ прежде. Мое открытое несогласіе съ политическими взглядами маркиза окажетъ свое дѣйствіе на узенькую полосу земли, отдѣляющую Монбельяръ отъ Монжуа, и гнѣвъ его противъ меня еще усилится. Можешь ли ты пенять на меня, моя возлюбленная, что эта вражда внутренно освобождаетъ меня? Пусть будетъ, что будетъ, но мы не будемъ разъединены, даже тогда, когда будемъ казаться недосягаемыми другъ для друга! Умѣть молчать, но не терять другъ друга, — это пробный камень любви.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Сенъ-Клу, 3 сентября 1786 г.

И вы могли насъ покинуть, прекрасная Дельфина. Ибо на этотъ разъ вы насъ дѣйствительно покинули. Королева, державшая себя, дѣйствительно, по-королевски во время послѣдней аудіенціи, — она улыбалась вамъ, собственноручно надѣвая вамъ на шею цѣпочку со своимъ портретомъ какъ доказательство, что поведеніе маркиза отнюдь не ставится вамъ въ упрекъ, она шепнула вамъ «до свиданія!» — и рыдая бросилась въ объятія Ламбаль, какъ только двери закрылись за вами.

Вы пошли къ королевскимъ дѣтямъ. Вскорѣ послѣ того пришелъ дофинъ къ своей августѣйшей матери. Онъ шелъ медленно, погруженный въ раздумье, и его темные глаза на худенькомъ личикѣ вопросительно смотрѣли на нее. Онъ протянулъ къ ней свою маленькую, блѣдную ручку и сказалъ, качая головкой: «Мнѣ кажется, и маркиза Монжуа плакала!..»

Развѣ нужны были эти слезы, моя прелестная пріятельница? Развѣ какъ разъ теперь не былъ подходящій моментъ, для того... чтобы остаться, предоставивъ маркизу уѣхать? Когда, годъ тому назадъ, мы получили извѣстіе о рожденіи вашего ребенка и когда потомъ маркизъ, преисполненный отцовской гордости, говорилъ о своемъ сынѣ и наслѣдникѣ, то мнѣ тотчасъ же стало ясно, что вы исполнили только свой долгъ. Но теперь, когда вы уже избавлены отъ него,—возвращайтесь же къ намъ, прекрасная маркиза, возвращайтесь, пока пропасть, раздѣляющая насъ, не сдѣлалась непроходимой!

Моимъ девизомъ остается: «Ma vie au roi, mon coeur aux dames» [1]). Будьте же милосердны и не становитесь причиной того, что первая часть девиза вступитъ въ борьбу со второй!

---

[1]) Моя жизнь королю, мое сердце дамамъ.

Графъ Гиберъ—Дельфинъ.

Парижъ, 9 сентября 1786 г.

Уважаемая маркиза. Съ поспѣшностью, похожей на бѣгство, семья Монжуа покинула Парижъ. А между тѣмъ, какъ было бы интересно поговорить съ вами о многознаменательныхъ событіяхъ послѣдняго времени.

Калоннъ былъ вынужденъ необходимостью къ такому шагу, который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ сдѣлаться началомъ конституціоннаго развитія, — конечно, не съ нимъ, а противъ него! Въ кругу Неккера господствуетъ сильная тревога. Неккеръ опасается, что Калоннъ побуждаемый временными заботами и ослѣпленный минутнымъ успѣхомъ, не оказался бы достаточно неблагоразумнымъ и не разоблачилъ бы финансовое положеніе такимъ образомъ, что авторитетъ правительства былъ бы окончательно погребенъ. Неккеръ, — я могу довѣрить вамъ это, такъ какъ я въ свое время безпощадно отзывался о немъ, какъ о министрѣ — сообщилъ мнѣ наединѣ, что онъ, въ отчетѣ 1781 г., сознательно скрылъ истину, и теперь въ этомъ направленіи питаетъ самыя серьезныя опасенія.

Знаете ли вы что-нибудь объ этомъ?

Можетъ-быть, возможно было бы предупредить серьезныя послѣдствія, если бъ можно было своевременно получить надлежащія свѣдѣнія. Напишите мнѣ, прошу васъ, также и о своихъ ближайшихъ планахъ. Останетесь ли вы до собранія нотаблей во Фробергѣ? Моя служба, быть-можетъ, приведетъ меня въ Эльзасъ, и я, конечно, не упущу случая поцѣловать ручку прекраснѣйшей женщины Франціи.

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинъ.

Парижъ, 11 октября 1786 г.

Уважаемая маркиза. Съ радостью исполняю ваше желаніе, жалѣя только о томъ, что его такъ нетрудно исполнить! Вы всегда будете знать мой адресъ, хотя бы онъ часто мѣнялся. Мое перо, которое, — по увѣренію никого другого, какъ самого начальника полиціи Ленуара — пишетъ не чернилами, а ядомъ, вынудитъ меня оставаться въ тѣни, во время собранія нотаблей. Даже изъ моихъ единомышленниковъ лишь очень немногіе понимаютъ мой восторгъ, по поводу надежды на событія будущаго года.

Нотабли, которые все еще умѣютъ ослѣплять наивныхъ людей блескомъ своего выступленія и искусными формами своего обхожденія, будутъ теперь вынуждены передъ цѣлымъ міромъ раскрыть свою внутреннюю сущность, и тогда всѣ увидятъ, что даже ихъ лучшими поступками руководитъ только себялюбіе!

Благодѣянія ихъ — это опіумъ для народа. Ихъ вѣрность королю, только средство обезпечить себѣ богатѣйшіе приходы, ихъ гордость— маска, скрывающая ихъ внутреннюю пустоту!

Только среди женщинъ есть исключенія. Я узналъ это путемъ самаго прекраснаго и самаго горькаго опыта моей жизни. Есть одна, которая соединяетъ въ себѣ всѣ добродѣтели и всѣ преимущества дворянства, точно такъ же, какъ я зналъ другую, душа которой представляла открытую сточную канаву, воспринимавшую въ себя грязныя воды всѣхъ пороковъ третьяго сословія. Это была моя мать. Понимаете вы, маркиза, почему самымъ горячимъ желаніемъ всей моей жизни было — держаться отъ нея какъ можно дальше и почему вы для меня являетесь звѣздой, къ которой тянется мое искалѣченное тѣло?

Дѣти будущаго не должны имѣть такихъ матерей, какъ моя мать. Это высшая цѣль революціи.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинъ.

Монбельяръ, 20 октября 1786 г.

Возлюбленная! Наконецъ посылаю тебѣ нѣжный привѣтъ по вѣрному пути. Какъ благодаренъ я тебѣ, моя ненаглядная, за всѣ милыя, полныя любви, записочки, которыя ты мнѣ посылала. Я ношу ихъ на своемъ сердцѣ. Онѣ могутъ защитить меня отъ враждебныхъ ударовъ, какъ защищаетъ меня твоя любовь, дѣлая меня неуязвимымъ ко всякому личному страданію.

То, что ты пишешь о нашемъ сынѣ, глубоко радуетъ меня. Его крѣпкія силы сдѣлаютъ его способнымъ сопротивляться бурямъ будущаго. И какъ тебѣ помогаетъ ребенокъ забывать муки настоящаго,— «когда я вижу его — я вижу тебя», пишешь ты, — такъ и мнѣ помогаетъ въ этомъ моя работа.

Нигдѣ, среди сельскаго дворянства, не замѣчается вѣянія новаго духа. Какъ разъ это обстоятельство, что дворянство обѣднѣло, дѣлаетъ его неспособнымъ къ воспринятію современныхъ идей. Но оно тѣмъ легче откажется отъ своихъ привилегій, въ отношеніи налоговъ, если увидитъ, что и финансисты и тѣ, кто владѣетъ бумагами, будутъ обложены новыми налогами, но съ крупными землевладѣльцами дѣло обстоитъ иначе. Маркизъ Монжуа находитъ среди нихъ самыхъ сильныхъ приверженцевъ. И когда этотъ стройный старикъ, съ орлинымъ профилемъ и спокойными движеніями, протянетъ свою длинную, съ синими жилками руку передъ собраніемъ, чтобы двинуть противъ нашего новаго, еще неиспытаннаго, блестящаго оружія свои почтенныя орудія традиціи, то можно заранѣе предсказать, что онъ выиграетъ игру. Онъ отвергаетъ всякую общность интересовъ съ третьимъ сословіемъ и особенно энергично отрицаетъ эту общность съ выскочками, говоря:

«Оттого, что они захватили мѣста, принадлежащія намъ по праву, они думаютъ, что они намъ равны? Богатымъ можно сдѣлаться, но знатнымъ надо быть!» Даже въ борьбѣ со мной наружное спокойствіе не покидаетъ его и только я замѣчаю болѣе рѣзкій тонъ его голоса и сверканіе непримиримой ненависти въ его глазахъ. Но мы находимся еще въ періодѣ стычекъ на форпостахъ, настоящая же битва начнется въ Парижѣ.

Одинъ единственный диссонансъ внесло твое письмо, моя любимая жена, въ чистый аккордъ твоихъ ласковыхъ словъ. Ты хочешь оставаться во время собранія нотаблей во Фробергѣ ради своего ребенка, которому парижскій воздухъ не очень полезенъ. Ты даже радуешься, что останешься съ нимъ одна и будешь избавлена отъ постоянной муки, которую доставляютъ тебѣ нѣжныя ласки, расточаемыя маркизомъ ребенку! А я? А то, что мы можемъ пропустить подходящій моментъ, чтобы вполнѣ принадлежать другъ другу?!

Пораздумай, моя любимая, своимъ сердцемъ, которое въ сущности вѣдь является головой женщины.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 16 февраля 1787 г.

Любезная моя! Знать, что тебя нѣтъ здѣсь — достаточно мучительно для меня, но думать, что ты находишься одна во Фробергѣ, во власти мрачныхъ мыслей — просто невыносимо, и разрываетъ мое сердце! Мнѣ кажется, будто на бумагѣ твоего письма лежала твоя рука, которую ты только что прижимала къ своему пылающему лбу и какъ будто около каждаго твоего слова слышится глубокій вздохъ. И все же одной единственной мысли должно быть достаточно, чтобы ободрить тебя, — вѣдь наша судьба зависитъ только отъ твоей воли! Если ты хочешь разстаться съ человѣкомъ, который употребляетъ доброту, вниманіе, благородство, чтобы, прикрываясь ими, какъ можно больше мучить тебя, то ты можешь это сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, ты уже достаточно отблагодарила его за всѣ его жестокія благодѣянія. Возьми на руки своего ребенка и прійди ко мнѣ. Если кто-нибудь будетъ презирать тебя за это, то вѣдь его приговоръ насъ не коснется!

Мрачныя предчувствія, говоришь ты, повидимому, нарушили спокойный сонъ маркиза. Часами слышала ты, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по ночамъ и когда онъ — что вошло у него недавно въ привычку — отправлялся изъ новаго замка въ старый, покинутый бургъ, то ты видѣла, какъ въ его окнахъ свѣтъ то появлялся, то снова исчезалъ. И въ одну изъ такихъ ночей, твое сострадательное сердце заставило тебя пойти къ нему, и ты молча протянула ему руку...

Какъ могу я сердиться на тебя за это ты, моя единственная? Не забывай только, что другой человѣкъ еще болѣе достоинъ состраданія!

Члены собранія нотаблей, должно-быть, уже прибыли въ полномъ числѣ. Парижане, которые, однако, не могутъ видѣть пьесы, разыгрывающейся за закрытыми дверями, ведутъ себя точно дѣти передъ спущенной занавѣсью театра Петрушки. Повидимому, у всѣхъ теперь есть свободное время, такъ какъ всѣ высыпали на улицу. Шутятъ, смѣются, но это веселье, которое точно легкое дуновеніе вѣтерка вызываетъ красивую рябь на поверхности воды, не позволяетъ, однако, забывать, что буря можетъ взволновать темныя воды этого потока до самаго илистаго дна.

Когда сдѣлалось извѣстно, что Калоннъ заболѣлъ и распространился слухъ, что онъ харкаетъ кровью, то газетные остряки спрашивали: чьей кровью, своей или кровью націи? Когда же онъ въ первый разъ вышелъ изъ дому, то нашелъ на своихъ собственныхъ дверяхъ такой аншлагъ: «Актеры министра финансовъ будутъ играть пьесы»: «Лишняя предосторожность» и «Обманчивыя надежды». Роль суфлёра исполнитъ онъ самъ. — Въ театрѣ Версаля была поставлена опера «Теодоръ» Паёзіелло. Когда главный герой, покинутый король, сталъ изливать свое горе, изъ партера вдругъ раздался голосъ: «Позовите же нотаблей!» Громкій смѣхъ и безконечные крики «браво» заставили прервать представленіе. Хотѣли арестовать виновника безпорядка, но королева возстала противъ этого. Публика же отнеслсь къ ея добротѣ, какъ къ слабости, къ заискиванію передъ нею, и сопровождала громкими свистками отъѣзжающій экипажъ королевы.

Тотъ, кто пытается защищать въ газетахъ или въ жаркихъ спорахъ реформы, содержаніе которыхъ отчасти стало извѣстно, всегда встрѣчаетъ сильное неудовольствіе. «Мы не хотимъ милостей, мы требуемъ правъ! — крикнулъ недавно Гальяръ одному изъ такихъ тайныхъ эмиссаровъ правительства.—Человѣкъ рождается свободнымъ, а между тѣмъ онъ повсюду въ оковахъ. [1]) Реформы представляютъ не что иное, какъ только новое средство сдѣлать его покорнымъ властителемъ. Мы ихъ отвергаемъ. Мы требуемъ признанія суверенитета народа, а не утоленія нашего голода посредствомъ хлѣбныхъ крошекъ, которыя падаютъ со стола богатыхъ».

Нотабли наружно спокойны, но тѣмъ взволнованнѣе они внутренно. Это совсѣмъ иное дворянство, чѣмъ дворянство Версаля, на которое теперь съ изумленіемъ взираютъ парижане. Много мужчинъ съ громкими именами появляются въ заштопанной одеждѣ, а священники имѣютъ огрубѣлыя отъ работы руки.

Прежде чѣмъ ты получишь это письмо, мы уже всѣ соберемся. Только что появившаяся брошюра еще усиливаетъ всеобщее возбужденіе. Она называется: «Послѣднія мысли короля прусскаго», и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія фразы, которыя сегодня уже выступали огромными буквами на плакатахъ, расклеенныхъ на углахъ улицъ!

---

[1]) Первая фраза «Общественнаго договора». *Ред.*

«Націи, которыя ведутъ войны на занятыя дѣньги, никогда не будутъ знать мира. Послѣ войны съ сосѣдомъ, начинается война съ кредиторами, и народъ никогда не знаетъ покоя. Остается одинъ только выходъ — банкротство, и оно неизбѣжно».

Маркизъ Монжуа—Дельфинъ.

Парижъ, 3 марта 1787 г.

Моя милая, необыкновенно напряженная работа третьяго бюро собранія нотаблей только сегодня доставила мнѣ возможность поблагодарить васъ за желательныя для меня регулярныя сообщенія. Я радъ слышать, что вы и Годфруа вполнѣ здоровы.

Хотя тайна переговоровъ не дозволяетъ мнѣ подробно разсказывать вамъ о нихъ, тѣмъ не менѣе, я считаю себя обязаннымъ, довѣряя вашему ненарушимому молчанію — всякое оглашеніе фактовъ можетъ повлечь за собой неисчислимыя бѣдствія—не скрывать отъ васъ серьезности положенія.

Пораженные намеками министра финансовъ на величину долговъ и возмущенные требованіемъ обложенія насъ новымъ поземельнымъ налогомъ, — французское дворянство до сихъ поръ само облагало себя налогамъ крови и жизни за короля, потому не можетъ позволить, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ лавочникомъ третьяго сословія, котораго надо принуждать къ жертвамъ для отечества, — мы потребовали отчета, чтобы сравнить его съ Compte rendu Неккера. Вчера этотъ отчетъ былъ данъ самымъ недостаточнымъ образомъ. Изъ него, повидимому, слѣдуетъ, что долгъ съ 81-го года, когда былъ констатированъ излишекъ въ 10 милліоновъ, возросъ до 112 милліоновъ, это означаетъ — если цифры правильны и нельзя создать новые источники для уплаты — что намъ грозитъ государственное банкротство, и если это огласится, то произойдетъ страшное финансовое разстройство. Я прошу васъ имѣть это въ виду и приготовиться къ тому, что я могу потерять большую часть, если не все свое состояніе при этомъ, такъ какъ банкирскій домъ Сентъ-Джемса долженъ пострадать очень сильно.

Само собою разумѣется, что мы дѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы предотвратить несчастье. Но точно такъ же, само собою понятно, что мы не можемъ превратиться, какъ это, повидимому, ожидаетъ отъ насъ правительство, въ безвольное орудіе его желаніе. Всѣ семь бюро,— несмотря на страстное сопротивленіе Лафайета и его приверженцевъ, повидимому, добивающихся одобренія уличныхъ политиковъ, — отклонили поземельный налогъ, пока намъ не будутъ даны подробнѣйшія свѣдѣнія о финансовомъ положеніи. Неужели мы должны быть вынуждены взвалить себѣ на плечи послѣдствія чудовищной расточительности и позорной недобросовѣстности въ нѣдрахъ самого правительства?

Король, слушающій дурныхъ совѣтниковъ, сумѣлъ сдѣлать такъ, что дворянство, на которое только онъ и могъ опереться, находится теперь въ лагерѣ его противниковъ.

Если произойдетъ что-нибудь необыкновенное, то я пришлю вамъ извѣстіе съ экстреннымъ курьеромъ.

Графъ Гиберъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 22 марта 1787 г.

Уважаемая маркиза. Вашъ отвѣтъ на мое письмо былъ такъ дипломатиченъ, что я снова убѣдился въ способности женщинъ къ политикѣ.

Между тѣмъ событія оправдали мои предсказанія. Калоннъ будетъ ими свергнутъ, въ особенности теперь, когда его необдуманное обращеніе къ гласности оказалось ударомъ по водѣ. Народъ стоитъ на сторонѣ нотаблей, только потому, что они франдеры. Цифры, которыя, несмотря на самыя строгіе запреты и требованія молчанія, все же проникаютъ наружу, усиливаютъ волненіе и лишаютъ насъ всякаго кредита и всякаго престижа. Говорятъ о тайныхъ вооруженіяхъ Англіи, о прусскихъ войскахъ, стягивающихся къ голландской границѣ. Смерть Верженна, способнаго человѣка, умѣвшаго управлять нашей внѣшней политикой въ самыя трудныя времена, неспособность этого лакея Монморена—преемника Верженна — все это предвѣстники смутныхъ дней.

Но не для того пишу я вамъ сегодня, чтобы напугать васъ, а чтобы просить васъ о милостивомъ разрѣшеніи посѣтить васъ во время моей инспекторской поѣздки въ Эльзасъ. Если въ маѣ вы уже не будете во Фробергѣ, то я надѣюсь получить отъ васъ извѣстіе объ этомъ. Или же вообще я могу надѣяться получить отъ васъ нѣсколько строкъ, несмотря на явную немилость, въ которой я нахожусь? Моя непоколебимая преданность вамъ можетъ, по крайней мѣрѣ, разсчитывать на дозволеніе поцѣловать вашу руку!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ 9 апрѣля 1787 г.

Возлюбленная Дельфина. Спѣшу сообщить тебѣ съ экстреннымъ курьеромъ новость, которая близко касается насъ и тебя. Калоннъ получилъ сегодня отставку. Въ парижскомъ населеніи уже не существуетъ болѣе никакихъ сомнѣній насчетъ ужасающихъ размѣровъ дефицита. Банкирскіе дома Сентъ Джемсъ и Бутенъ со вчерашняго дня закрыты. Въ сегодняшнемъ засѣданіи маркизъ имѣлъ видъ призрака, но держался безукоризненно и съ достоинствомъ. Онъ просилъ, какъ я слышалъ, объ отпускѣ. Въ какой степени онъ можетъ пострадать отъ разоренія Сентъ Джемса—этого не знаетъ никто.

Я твердо надѣюсь, что эти строки ты получишь до его прибытія, и что твое доброе сердце не встрѣтитъ неподготовленнымъ постигшее его бѣдствіе.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 9 апрѣля 1787 г.

Моя милая, опасенія оправдались, хотя это уже не поразило меня. Я потерялъ свое состояніе. То немногое, что мнѣ удалось спасти въ теченіе послѣднихъ дней, хватитъ только на то, чтобъ избавить насъ отъ лишеній. Я сожалѣю о такомъ положеніи только изъ-за васъ, потому что вы привыкли къ роскошной жизни. Но для моего наслѣдника, наоборотъ, я готовъ даже считать это счастьемъ. Богатство ставило французское дворянство въ такія условія, которыя отнимали у него лучшія силы,—бѣдность же неминуемо выдвинетъ передъ нимъ альтернативу либо погибнуть, либо вернуть богатство. Будущее требуетъ желѣзнаго поколѣнія.

Я не оставлю своей супругѣ и своему наслѣднику никакихъ другихъ драгоцѣнностей, кромѣ моего честнаго имени. И я жду,—это единственное, что я еще могу ждать отъ жизни,—что они окажутся достойнымъ этого сокровища.

Я слѣдую за этимъ письмомъ, такъ какъ мнѣ нужно было уладить нѣкоторыя дѣла въ Страсбургѣ. Фробергъ остается намъ. Но намъ придется ограничиться только замкомъ.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Сенъ-Клу, 4 мая 1787 г.

Дорогая Дельфина! Несчастье, постигшее васъ, глубоко огорчило меня, хотя я и принадлежу къ старой школѣ и поэтому не могу публично проливать слезы объ этомъ. Вы знаете, даже нотабли плакали, когда Калоннъ, этотъ бѣдняга, пострадавшій за грѣхи другихъ, удалился, а король обѣщалъ имъ докладъ о всѣхъ счетахъ. Очевидно, они, какъ слѣдуетъ, подѣлили свои слезныя железы, чтобы проливать слезы и отъ горя и отъ радости.

Королева буквально остолбенѣла, когда узнала о вашей участи. Она какъ разъ пришла изъ комнаты больного дофина, гдѣ уже оставила весь свой запасъ слезъ. Сегодня она сказала мнѣ, чтобы я передалъ вамъ: она почитаетъ себя счастливой, что еще можетъ помочь вамъ. «Что маленькая маркиза должна будетъ продать свое жемчужное ожерелье, это не такъ волнуетъ меня, — прибавила королева. — Быть-можетъ, съ этимъ великолѣпнымъ украшеніемъ связано какое-нибудь злое проклятіе. Но то, что она будетъ осуждена жить въ этомъ

мрачномъ бургѣ, точно райская птичка, привыкшая къ солнцу и посаженная въ клѣтку — вотъ что меня приводитъ въ содроганіе!» Она предлагаетъ вамъ вступить въ ея придворный штатъ и даетъ вамъ тайкомъ средства для этого изъ своей собственной шкатулки.

Развѣ мы не можемъ, среди мрачнаго бушующаго океана, населить островъ блаженныхъ бѣглецами съ другого берега? Недавно мы почувствовали возможность этого.

Гимаръ танцовала на сценѣ маленькаго театра, вмѣстѣ съ Лаурой, самой младшей, безподобной ученицей Вестриса, едва достигшей двѣнадцатилѣтняго возраста. «Прошедшее и будущее» — такъ называлась пантомима, которую онѣ представляли. Гимаръ изображала маркизу Помпадуръ въ пышномъ придворномъ платьѣ, осыпанномъ сверкающими драгоцѣнностями, а маленькая Лаура, въ развѣвающейся рубашонкѣ, вмѣсто всякаго украшенія, обернула свою головку краснымъ плэткомъ, въ видѣ тюрбана. Она приподнималась и опускалась, порхала и кружилась вокругъ маркизы, торжественно выступающей въ паменуэта, и это «будущее» должно будетъ побѣдить каждаго!

Королева распорядилась пригласить танцовщицъ къ ужину. Еще разъ богиня радости вложила свой скипетръ въ руки королевы. Снова взлетали къ потолку пробки шампанскаго и точно стрѣлы Амура попадали въ обнаженныя груди нарисованныхъ наядъ, и все смѣлѣе становились пѣсни, прерываемыя жемчужнымъ смѣхомъ королевы....

Было совсѣмъ какъ прежде!

Въ полночь открылись двери въ покои короля. Онъ вошелъ съ мертвенно блѣднымъ лицомъ. Пѣніе смолкло, танцовщицы остановились, и дрожащее «будущее» боязливо укрылось въ объятіяхъ блѣднаго «прошедшаго». Король пошептался со своей супругой и свѣтъ въ ея глазахъ угасъ.

Это былъ день, когда Ломени де Бріеннъ сдѣлался министромъ финансовъ, а Калоннъ бѣжалъ въ Англію и зловѣщее слово «государственное банкротство» была впервые произнесено въ собраніи нотаблей!

Слишкомъ скоро вернулись мы съ острова блаженныхъ на берегъ дѣйствительности! Но когда вы, очаровательница, будете съ нами, то мы не дадимъ себя изгнать оттуда.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 27 мая 1787 г.

Возлюбленная моя! Я ничего о тебѣ не слышу и чувствую сильную тревогу. Такъ какъ я не знаю, что случилось и что можетъ случиться, то не рѣшаюсь довѣрить это письмо почтѣ или обыкновенному курьеру. Гальяръ взялъ на себя доставить это письмо въ твои руки.

Я умоляю тебя сообщи, наконецъ, маркизу свое рѣшеніе. Онъ дастъ, онъ долженъ дать тебѣ свободу теперь, когда ему уже нѣтъ

надобности считаться ни со своимъ положеніемъ при дворѣ ни со своей общественной ролью. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то рѣшись, наконецъ, милая Дельфина, и пріѣзжай, подъ защитой Гальяра, ко мнѣ. Не въ Этюпъ и не въ Монбельяръ, гдѣ тебя стали бы искать, а въ тихое гнѣздышко, недалеко отъ Парижа, которое мы нашли.

Моя любовь превратилась въ страстную тоску. Даже сумятица послѣднихъ дней, роспускъ нотаблей, бурныя требованія созыва генеральныхъ штатовъ,—что въ сущности является нашимъ объявленіемъ войны королю,—ни на мгновеніе не могли заглушить громкаго голоса моего сердца, призывающаго тебя, моя ненаглядная!

Во времена опасности любящіе должны быть вмѣстѣ. А теперь, когда все рушится, когда боги, передъ которыми мы нѣкогда преклоняли колѣна и съ искреннею вѣрой приносили жертву за жертвой ихъ ненасытной алчности, оказались глиняными идолами, когда твердый кулакъ желѣзной эпохи сорвалъ со всѣхъ святынь, — брака, семьи, дружбы и вѣрности королю,—украшенныя драгоцѣнностями одежды, въ которыя ихъ нарядили столѣтія, и обнажилъ ихъ жалкіе остовы,— теперь, моя Дельфина, освобожденные люди въ правѣ протянуть другъ другу руки надъ этими развалинами! И они будутъ не только строителями новаго человѣческаго счастья, но рѣшили также соорудить храмъ и новаго божества.

Но зачѣмъ я все это говорю тебѣ? Развѣ нужно уговаривать тамъ, гдѣ ничто не должно рѣшать, кромѣ твоего внутренняго чувства?

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 19 іюня 1787 г.

Моя Дельфина—моя, вопреки всему! Я далъ утихнуть первому взрыву бури въ моей душѣ..... теперь осталось только опустошеніе.

Если бъ маркизъ держалъ тебя въ глубокой темницѣ, если бъ ты носила желѣзныя цѣпи на рукахъ и на ногахъ,—я бы тебя завоевалъ! Но ты сама, сама накладываешь на себя цѣпи,—кто же можетъ освободить тебя?

Знаешь ли ты, что ты написала мнѣ, понимаешь ли ты, какія раны нанесли моему сердцу твои даже самыя ласковыя слова?

«Маркизъ съ желѣзной силой воли сохранялъ свое самообладаніе въ Страсбургѣ. Когда опустѣли конюшни и нагруженные мебелью возы, одинъ за другимъ, съ грохотомъ колесъ и щелканьемъ бича, выѣзжали изъ Монжуа и старый садовникъ дрожащими руками накладывалъ ставни на темныя, зіяющія окна опустошеннаго замка, а слуги безконечной вереницей подходили прощаться,—онъ стоялъ прямо и гордо и для каждаго у него нашлась улыбка, какъ во время торжественныхъ пріемовъ».

Развѣ этими словами ты не восхваляешь жестокосердаго старика, который находитъ улыбку для уходящихъ подчиненныхъ, а для жены не знаетъ ничего другого, кромѣ пытки?

«Но вечеромъ единственный старый слуга, котораго мы у себя оставили, нашелъ его безъ чувствъ, возлѣ его письменнаго стола. Только послѣ многихъ тревожныхъ дней (ты тревожишься о человѣкѣ, который тебя купилъ?!) онъ пришелъ, наконецъ, въ себя. Съ тѣхъ поръ ходить и разговаривать ему трудно. Онъ неустанно заставляетъ себя возить въ креслѣ по угрюмымъ пустымъ комнатамъ. Только руками онъ можетъ двигать, какъ всегда....»

Чтобы удерживать тебя, тебя и нашего ребенка!

«Но какъ разъ теперь, въ минуту страшной нужды, я должна уйти отъ него, должна покинуть человѣка, который все потерялъ, внушить ему мысль, что я могла, конечно, пользоваться его богатствомъ, но не могу дѣлить его бѣдность? Вопросъ, который ты требуешь, чтобы я поставила ему, и побѣгъ, который остается для меня единственнымъ выходомъ, если его отвѣтомъ будетъ жестокое «нѣтъ!» — это должно будетъ убить ослабленнаго человѣка. Можешь ли ты требовать отъ меня, чтобы я была его убійцей?»

Но чтобы онъ убивалъ въ насъ все, что составляетъ счастье и надежду, слѣдовательно, нѣчто, гораздо болѣе важное, чѣмъ жалкое существованіе человѣка, уже отмѣченнаго смертью,—ты на это соглашаешься?

Я не могу иначе! У меня невольно сжимаются кулаки противъ тебя, Дельфина!..

Разсказъ Гальяра дополнилъ картину, которую ты мнѣ нарисовала. Я никогда не видѣлъ этого сильнаго, почти грубаго человѣка такимъ разстроеннымъ.

«Она такъ поблѣднѣла, такъ похудѣла! — говорилъ онъ. — Она бродитъ по высокимъ мрачнымъ комнатамъ, которыя всегда внушали ей трепетъ, съ тѣхъ поръ, какъ она въ первый разъ вступила въ нихъ. И подъ бѣлымъ платкомъ, въ который она кутается, ея плечики вздрагиваютъ, несмотря на лѣто. Она подноситъ малютку къ каждому солнечному лучу, который врывается въ глубокія окна то здѣсь, то тамъ, съ тѣхъ поръ какъ поселяне, узнавъ о поведеніи маркиза въ собраніи нотаблей, привѣтствовали криками «ура» опустошеніе увеселительнаго замка въ паркѣ, а маленькій, грязный мальчуганъ бросилъ въ ея сына камнемъ, когда маркиза гуляла съ нимъ, то она больше не рѣшается выносить его изъ узкаго замковаго двора».

Ты съ ума сошла, Дельфина. Неужели ты хочешь принести въ жертву старику твоего собственнаго ребенка?

«Не пиши мнѣ больше! — просишь ты. — Твоя страсть такъ раздуваетъ пламя моей любви, что она грозитъ сжечь все то мужество и чувство долга, которое у меня остается...» Наперекоръ разстоянію, наперекоръ всѣмъ опасностямъ я отправлялъ бы къ тебѣ своихъ курьеровъ ежедневно, если бъ ты свое желаніе обосновала только этой фра-

зой, потому что все, все надо сжечь, чтобы твоя любовь ярко засіяла, какъ сигналъ побѣды! Но ты прибавляешь другія слова! Ты говоришь: «Каждое твое слово—это ядъ для огромной зіяющей раны моего сердца. Я погибаю, а между тѣмъ я должна жить ради того единственнаго, что у меня осталось отъ кратковременнаго счастья, — ради нашего ребенка!..»

Я умолкаю, Дельфина. Можетъ-быть, полное спокойствіе поможетъ тебѣ найти рѣшеніе. Всѣ сомнѣнія въ твоей любви, въ твоей вѣрности, которыя поднимаются во мнѣ, я постараюсь заглушить, постараюсь подавить всѣ страстныя желанія избыткомъ работы, которая намъ предстоитъ.

Прощай!

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 25 іюня 1787 г.

Уважаемая маркиза. Исполняя свое обѣщаніе, я посылаю вамъ сегодня свой первый отчетъ. Даже безъ всякаго настоятельнаго требованія я намѣренъ говорить вамъ правду, безъ всякихъ стѣсненій.

Принцъ совершенно подавленъ горемъ. Онъ плакалъ внутренними слезами, какъ всѣ сильные люди. Цѣлыми днями онъ запирался одинъ. Только извѣстіе, которое принесъ ему маркизъ Лафайетъ, что оба министра, военный и морской, подали въ отставку, въ виду угрожающаго поведенія прусскихъ войскъ на границѣ Голландіи и пустой казны Франціи, вывела принца изъ состоянія апатіи.

Онъ человѣкъ дѣйствія, маркиза, поэтому онъ не погибнетъ!

Распространившійся слухъ, что мы будемъ вынуждены поступить безчестно и оставить безъ помощи своего голландскаго союзника, приводитъ парижанъ въ сильнѣйшее негодованіе. На площади Дофинэ сожгли портреты министра финансовъ, насильственно взятые изъ книжныхъ магазиновъ. Передъ Версальскимъ дворцомъ пробовали даже устроить шумную демонстрацію. Произошло бы, вѣроятно, столкновеніе со швейцарской гвардіей замка, если бы не распространилась вѣсть, что новорожденная принцесса только что скончалась. Народъ спокойно разошелся. Въ настоящее время народъ пока еще покорный ребенокъ!

Мой адресъ вамъ извѣстенъ. Я не подписываю этого письма. Сношенія со мной могутъ оказаться опасными для васъ.

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 19 августа 1787 г.

Уважаемая маркиза. Принцъ покинулъ Парижъ. Только на короткое время, сказалъ онъ, чтобы познакомиться съ настроеніемъ въ провинціи. Уѣхали также Лафайетъ и Мирабо. Я думаю, съ тѣхъ поръ какъ

парламентъ королевскимъ приказомъ отправленъ въ Труа, что они хотѣли избѣжать такой же участи.

Мы живемъ въ постоянномъ волненіи. Мы насильственно открыли себѣ доступъ въ парламентъ во время бурныхъ преній. Я старался сохранить, насколько могъ, хладнокровіе и вижу въ отклоненіи поземельнаго и штемпельнаго налога не столько признакъ всеобщаго демократическаго духа, не желающаго преклоняться передъ властнымъ словомъ абсолютнаго монарха, сколько доказательство эгоизма сословій. Будь они такіе патріоты, какъ они увѣряютъ, то не стали бы они, въ моментъ величайшей опасности, когда правительство апеллируетъ къ ихъ самопожертвованію, такъ судорожно сжимать рукой свои кошельки!

Мнѣ и моимъ единомышленникамъ такое разоблаченіе мотивовъ ихъ поведенія очень на руку. Оно даетъ намъ возможность съ еще большей энергіей выставить въ подходящій моментъ — на ряду съ заявленнымъ ими требованіемъ буржуазной свободы—и свое требованіе соціальнаго равенства.

Въ политическихъ клубахъ это требованіе раздается достаточно громко. И полиція давно уже слышала его. Недавно какой-то необузданный человѣкъ крикнулъ въ Пале-Роялѣ черезъ головы фланёровъ: «Кишками послѣдняго священника мы задушимъ послѣдняго короля!» Хотѣли его арестовать, но потомъ отпустили, когда къ посрамленію полицейскихъ чиновниковъ оказалось, что эта фраза взята у Дидро, въ память котораго, какъ разъ въ этотъ день, произнесена была въ академіи громкая хвалебная рѣчь!

Насильственная регистрація налоговъ,—король хочетъ доказать свое самодержавіе въ такую минуту, когда оно является только химерой!—постоянно вызываетъ бурныя сцены. Графа Артуа вчера освистали по дорогѣ въ Счетную палату. Ни одинъ сборщикъ налоговъ,—я въ этомъ увѣренъ!—не найдетъ въ себѣ мужества выполнить приказаніе короля противъ желанія парламента.

Простите меня, если моя страстность далеко увлекла меня, за предѣлы даннаго мнѣ порученія.

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 26 сентября 1787 г.

Благодарю васъ, уважаемая маркиза, за ваше письмо. Я внутренно радуюсь, что могу оказать вамъ нѣкоторую помощь, поддерживая вашъ интересъ къ политическимъ событіямъ.

Принцъ вернулся. Провинціальныя собранія, которыя происходятъ теперь вездѣ, охвачены, по его словамъ, одинаковымъ настроеніемъ. «Я пожалѣлъ однажды о смерти Руссо, Вольтера и Дидро. Но теперь я знаю,—прибавилъ онъ,—что о мертвыхъ нечего жалѣть, когда духъ ихъ безсмертенъ!»

Король думалъ, что ему можно обойти парламенты. Онъ обращался съ ними, какъ съ непослушными дѣтьми, но долженъ былъ убѣдиться, что передъ нимъ не дѣти, а мужчины. Взятіе назадъ уже зарегистрированныхъ эдиктовъ о налогахъ было признаніемъ его смущенія и его слабости, и этому не помогутъ никакія громкія рѣчи монархистовъ. Вступленіе Вильгельма Оранскаго въ Гаагу съ помощью прусскихъ войскъ приводитъ въ ярость честную Францію, окончательно потерявшую уже всякій остатокъ уваженія къ своему верховному военачальнику. Мы всадили милліоны въ военныя гавани, суда и реформы арміи и даже настолько не обладаемъ политическимъ могуществомъ, что не можемъ себя оградить отъ злораднаго смѣха нашихъ сосѣдей! Прусскіе и англійскіе дипломаты, которые здѣсь солидарны, безъ труда достигаютъ своихъ цѣлей. Въ высшей степени удивительно, что г. маркизъ хочетъ присутствовать на провинціальномъ собраніи въ Страсбургѣ. Можетъ-быть, я долженъ увѣдомить принца, что въ это время вы будете одна?

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинъ.

Версаль, 22 ноября 1787 г.

Прекрасная маркиза, до сихъ поръ я колебался отвѣчать вамъ, такъ какъ что же мнѣ оставалось сказать? Долженъ ли я былъ жаловаться, что вы не можете пріѣхать? Долженъ ли я высказывать надежды, которыя были бы только пустыми словами? Или я долженъ, для вашего увеселенія, описывать вамъ тономъ парижскихъ парламентскихъ совѣтниковъ «пышную придворную жизнь», «упоеніе удовольствіями», среди котораго мы живемъ, и «золотой дождь, который на насъ изливается, въ то время, какъ народъ бѣдствуетъ и погибаетъ?»

Вмѣсто этого представлю вамъ картину дѣйствительности. Въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ самыхъ вѣрныхъ своихъ приближенныхъ королева шла по пустыннымъ садамъ Тріанона, на которые осень уже наложила свою печать. Смерть новорожденной принцессы нанесла ей ударъ, отъ котораго она еще не оправилась, тѣмъ болѣе, что какая-то старуха, среди окружающихъ ее, сказала ей, что это зловѣщій знакъ. Она была, какъ и всѣ мы, въ траурной одеждѣ. Маленькій дофинъ попрежнему цѣплялся за ея руку, и его черное платьице еще рѣзче выставляло его блѣдность. Цѣлью нашей прогулки былъ хуторъ.

— Я хочу хоть одинъ разъ доставить себѣ радостный день,—сказала королева съ грустной улыбкой и взяла полный кошелекъ, чтобы раздать деньги обитателямъ маленькихъ домиковъ, которымъ она покровительствовала.

Когда мы приблизились, къ намъ навстрѣчу вышли лакеи, посланные впередъ, чтобы оповѣстить о визитѣ королевы. Они имѣли смущенный видъ. «Люди на работѣ», сказали они. Королева прикусила нижнюю

губу: «Мы подождемъ», отвѣтила она и сѣла на каменную скамью. Люди выглядывали въ маленькія окошечки, то тамъ, то сямъ, и тотчасъ же исчезали. Наконецъ показалась веселая толпа ребятишекъ, бѣжавшихъ съ луга намъ навстрѣчу. Королева позвала ихъ, взяла самаго маленькаго на колѣни, поцѣловала его и каждому сунула въ руку золотую монету. Родители же украдкой смотрѣли на это изъ-за изгороди.

— Еще годъ тому назадъ они всѣ лежали въ прахѣ передо мной!— горько проговорила королева.

Мы молча пошли назадъ. Только она шла передъ нами, гордо поднявъ голову, съ высокомѣрно презрительной улыбкой на устахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ мы всѣ обратили вниманіе на перемѣну настроенія не только у нея, но и у короля, который, болѣе чѣмъ когда-либо, выказываетъ склонность къ секретнымъ совѣщаніямъ со своей супругой и никогда не упускаетъ случая привлечь ее въ совѣтъ министровъ. Но мѣра его добродушія, повидимому, наконецъ, истощилась.

— Новаторы хотятъ перестроить Францію по англійскому образцу,— сказалъ онъ недавно съ горечью, а затѣмъ, во время послѣдняго офиціальнаго пріема въ Версали, громко заявилъ: «Идея создать постоянные генеральные штаты носитъ характеръ, подрывающій монархію. Если она осуществится, то между королемъ и народомъ останется только одна промежуточная сила—армія».—Всѣ были удивлены, такъ какъ король впервые напомнилъ о силѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ происходило парламентское засѣданіе въ присутствіи короля, и на этомъ засѣданіи еще ярче выразилась его перемѣна настроенія. Вы знаете, что до сихъ поръ я избѣгалъ политики еще больше, чѣмъ некрасивыхъ женщинъ. Если же я отправился на это засѣданіе, то только потому, что этого рода зрѣлища нарушаютъ все-таки жизненную пустоту, съ тѣхъ поръ, какъ театры стали дѣлаться все скучнѣе, танцовщицы старѣе и даже сомнамбулы, которыя раньше вызывали у насъ такой пріятный трепетъ, стали заниматься политическимъ ясновидѣніемъ.

Впрочемъ, оказалось, что на это засѣданіе стоило итти. Хранитель печати, надутый и красный, какъ индѣйскій пѣтухъ, держалъ во имя короля рѣчь— грозную филиппику и послѣ каждой фразы останавливался, чтобы наблюдать за ея дѣйствіемъ.

— Только король одинъ имѣетъ верховную власть въ государствѣ!.. (Нѣсколько совѣтниковъ замѣтно пожимаютъ плечами). Самъ Господь Богъ даровалъ ему эту власть и онъ отвѣтственъ только передъ Богомъ!.. (На всѣхъ лицахъ появляется насмѣшливая улыбка). Законодательная власть находится только въ рукахъ короля»... Громкое «ого!» раздается въ залѣ.

Затѣмъ прочитывается эдиктъ о займѣ—дѣло идетъ о кругленькой суммѣ въ 400 милліоновъ!—и шлюзы краснорѣчія открываются.

Какихъ только водопадовъ не увидали мы! Въ особенности выдавался одинъ господинъ, Дюваль д'Эпремениль. Онъ развернулъ весь катихи-

зисъ энциклопедистовъ: «Права человѣка», «Суверенитстъ народа», «Общее благо», «Общая воля...» Даже во снѣ все это продолжало звучать въ моихъ ушахъ! О займѣ никто и слышать не хотѣлъ, напоминая отчасти дрессированную собачонку, у которой слюнки текутъ при видѣ жирнаго кусочка, но которая, косясь на него, все же отворачиваетъ голову, когда ей говорятъ: «Пфуй—это отъ короля!»

Однако, несмотря на всѣ возраженія, велѣно зарегистровать эдиктъ. Ропотъ неудовольствія поднялся въ залѣ. Этимъ моментомъ воспользовался герцогъ Шартрскій,—мнѣ непріятно давать ему титулъ его славнаго, покойнаго отца, герцога Орлеанскаго,—и объявилъ, что поведеніе короля незаконно!

Послѣдовала короткая пауза всеобщаго смущенія, но, къ сожалѣнію, никто не воспользовался ею, чтобъ предложить корону новому народному герою, хотя M-me Жанлисъ способна даже безъ суфлёра играть роль Помпадуръ.

— Это законно, потому что я этого хочу!—прозвучалъ громко и ясно голосъ короля въ залѣ. И дворъ удалился вмѣстѣ съ его свитой.

Сегодня уже изгнанный герцогъ превратился въ мученика народной свободы! Я знаю достаточное количество членовъ третьяго сословія, которые проливаютъ о немъ горькія слезы. Это—малютки изъ опереточныхъ залъ и жрицы Венеры изъ Пале-Рояля!

Такого рода фарсы напоминаютъ мнѣ «буку», которымъ насъ пугали въ дѣтствѣ. Если «великая революція», которой стараются напугать взрослыхъ, ничего другого не умѣетъ дѣлать, какъ только грозить розгой да забрасывать гнилыми яблоками и пестрыми пряниками, то!..

Ахъ, если бъ могли снова вернуться дни Шантильи! Вѣдь мы такъ еще молоды, прекрасная Дельфина!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Страсбургъ, 12 декабря 1787 г.

Моя милая. Засѣданія Провинціальнаго собранія протянутся до конца мѣсяца. Я чувствую себя достаточно крѣпкимъ, чтобы выдержать это, хотя мое положеніе не изъ легкихъ. Большинство членовъ склоняется въ пользу поземельнаго налога. Что Роганъ черезъ посредство своего викарія присоединилъ свой протестъ къ моему протесту, конечно, больше повредило нашему дѣлу, нежели принесло пользы. Баронъ Флаксланденъ съ удивленіемъ спросилъ меня, почему я такъ упорствую, вѣдь мнѣ уже нечего бояться этого обложенія? Знаменіе времени: не могутъ понять, что человѣкъ можетъ безкорыстно защищать принципы и поступать сообразно съ этимъ!

Во всѣхъ же другихъ вопросахъ царитъ отрадное единодушіе. Желаніе ограничить всѣми способами полновластіе правительства, сдѣлать не-

возможными злоупотребленія интендантовъ, разбогатѣвшихъ вслѣдствіе нашей уступчивости.—вотъ что занимаетъ преобладающее мѣсто въ переговорахъ.

Очень сожалѣю, что непрекращающіеся проливные дожди вызываютъ непріятную сырость въ замкѣ. Оставайтесь по возможности въ одной комнатѣ, гдѣ каминъ долженъ постоянно топиться, чтобы ребенокъ не испытывалъ вреда отъ сырости.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 15 декабря 1787 г.

Мое страстное желаніе побѣждаетъ мою гордость и мой разумъ. Ты одна. Я прошу тебя передай рейткнехту твой отвѣтъ на мой вопросъ: могу ли я видѣть тебя?

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 18 декабря 1787 г.

«Я не выдержу,—говоришь ты,—глаза у меня зальются слезами, если я когда-нибудь выйду изъ бурга на яркій дневной свѣтъ. Сердце у меня разорвется, когда я увижу тебя...»

Если бъ я не зналъ навѣрное, что никого нѣтъ у тебя... Честное слово, Дельфина, я бы долженъ былъ думать, что у меня есть соперникъ! Призраки прошлаго встаютъ передо мной. Хорошо, что начинаются жаркія битвы, куда я могу ринуться...

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинѣ

Парижъ, 11 мая 1788 г.

Уважаемая маркиза. Что я обѣщалъ, того я не забываю. Если я не писалъ до сихъ поръ, то только потому, что я потерялъ принца изъ глазъ на многіе мѣсяцы и боялся показаться навязчивымъ, не имѣя возможности сообщить о немъ никакого извѣстія.

Только вчера я впервые увидалъ его среди мятежа въ Пале-Роялѣ. Онъ пожалъ мнѣ руку. «Дѣло становится серьезнымъ», сказалъ онъ мнѣ, указывая глазами на жестикулирующую кричащую толпу. «Начинается агонія абсолютной монархіи», отвѣчалъ я. Онъ кивнулъ головой и вскорѣ опять затерялся въ толпѣ.

Начиная съ 4 мая, когда король лишилъ власти парламентъ, волненіе возрастаетъ. Парламентскіе совѣтники, аристократы и священники братаются на улицахъ съ лавочниками, рабочими и журналистами. А ослѣпленному народу они внезапно представляются какъ настоящіе герои свободы!

Бурный потокъ изъ Парижа разливается по провинціи и точно состязается съ непогодой, которую посылаютъ намъ небеса. Призванные стражи престола, священники и дворяне, поднимаютъ противъ него оружіе, предназначенное для его защиты, и тѣмъ разрушаютъ въ народѣ послѣдніе остатки дѣтскихъ грезъ о неприкосновенной святости королей.

А король старается укрѣпиться въ обветшавшей крѣпости абсолютизма, не замѣчая, что она уже превратилась въ развалину.

Графъ Гиберъ—Дельфинѣ.

Гренобль, 20 іюня 1788 г.

Дорогая маркиза. Моя поѣздка въ Эльзасъ не состоялась въ прошломъ году изъ-за слуховъ о войнѣ. А въ этомъ году ей чуть было не воспрепятствовала внутренняя война. Я пережилъ такіе дни, которые не легко забываются, и въ моей душѣ происходила тяжелая борьба между солдатомъ и гражданиномъ.

Мы узнали въ Парижѣ, что регистрація новыхъ эдиктовъ въ Дофинэ происходила при помощи штыковъ и вызвала вооруженное сопротивленіе населенія. Комендантъ, герцогъ Тоннеръ, просилъ о помощи. Меня послали на рекогносцировку въ Гренобль, и едва я туда прибылъ, какъ испуганные поселяне тотчасъ же наполнили улицы.

— Вся горная область возстала,—разсказывали они.—Мужчины въ кожаныхъ курткахъ и зашнурованныхъ башмакахъ, вооруженные косами и цѣпами, навозными вилами и дубинами, точно дикіе, устремляются съ горъ цѣлыми толпами. Я вызвалъ гарнизонъ, но было поздно. Въ городъ уже ворвались массы людей страшнаго вида, огромнаго роста, съ большими всклоченными бородами. Герцогъ Тоннеръ, на котораго они напали въ его дворцѣ, былъ тяжело раненъ. Генералъ Жукуръ, призванный на помощь, сказался больнымъ, а первый же офицеръ, отрядъ котораго былъ посланъ навстрѣчу мятежникамъ, бросилъ свою шпагу и протянувъ руки, крикнулъ: «Мы не стрѣляемъ въ своихъ отцовъ и братьевъ!»

Только послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ стычекъ намъ удалось, наконецъ, овладѣть этимъ отчаяннымъ положеніемъ. Но мы чувствовали себя какъ въ непріятельской странѣ. Самый крошечный мальчишка старался доказать свою любовь къ отечеству тѣмъ, что показывалъ языкъ каждому человѣку въ мундирѣ!

Вы знаете мои взгляды и поэтому поймете, что я съ радостью слѣдую приказу отправиться на маневры въ Эльзасъ, такъ какъ это избавляетъ меня отъ необходимости исполнять далѣе роль защитника абсолютизма.

Въ будущемъ мѣсяцѣ я уже буду въ Страсбургѣ и оттуда буду имѣть смѣлость нанести вамъ визитъ во Фробергъ.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Версаль, 10 августа 1788 г.

Прекраснѣйшая! Въ Версалѣ передается съ рукъ на руки рисунокъ Гибера: подъ мрачными сводчатыми воротами бурга видна прелестная фигура женщины, нѣжной и изящной, словно фея. Мягкими складками ниспадаетъ бѣлое платье вокругъ ея стройныхъ членовъ, а на ея тонкомъ личикѣ блестятъ огромные, испуганные дѣтскіе глаза. «Дельфина»—стоитъ внизу надпись среди пылающаго сердца.

Дельфина! Какое очарованіе снова охватываетъ меня! Какъ я завидую счастливцу, который могъ васъ увидѣть! Какъ прославляю я несчастье, которое дѣлаетъ васъ еще красивѣе!

Съ тѣхъ поръ, какъ Дофинъ покинулъ насъ,—онъ въ самомъ дѣлѣ какъ будто не умеръ, а тихо ушелъ отъ насъ,—королева ни разу больше не засмѣялась. Только ваше изображеніе вызвало на лицѣ ея подобіе улыбки.

— Я нѣжно цѣлую мысленно милую, маленькую маркизу,—сказала она.

И еще другая, совсѣмъ другая женщина улыбнулась вашему изображенію. Это была Гимаръ.

«На послѣдній танецъ», такъ пригласила она своихъ друзей. Ея отель сіялъ огнями сотенъ свѣчей, ея столъ сгибался подъ тяжестью серебряныхъ приборовъ, а потолокъ украшенъ былъ сѣткой изъ чудныхъ розъ. Она еще разъ протанцовала всѣ танцы, которые нѣкогда были ея тріумфомъ, но танцовала ихъ медленно, нерѣшительно, точно во снѣ. А въ это время съ потолка сыпался дождь изъ розовыхъ листьевъ.

— Розы вянутъ!—замѣтила она грустно.

— Отъ васъ зависитъ, чтобы онѣ расцвѣли снова —Какъ можете вы уходить отъ насъ?—Что такое опера безъ васъ?—кричали ей со всѣхъ сторонъ. Но ея рѣшеніе покинуть сцену оставалось непреклоннымъ.

— Парикмахеры и лакеи стали теперь судьями талантовъ,—сказала она.—Я же своими успѣхами обязана была только приговору лучшихъ круговъ. Неужели же теперь я могу допустить, чтобы меня критиковалъ всякій сбродъ!—объявила она, и мы больше не противорѣчили ей.

Спустя два дня она прислала мнѣ карикатуру: скелетъ женщины, съ нарумяненной мертвой головой, въ парикѣ, украшенномъ перьями и въ розовой, газовой юбочкѣ, танцуя, взбрасываетъ на воздухъ кости ногъ. «Скелетъ граціи»—стояла подпись, а на другой сторонѣ почеркомъ Гимаръ было написано: «Благодарность парижанъ!»

Въ вашемъ старомъ бургѣ, съ его привидѣніями, милая Дельфина, пожалуй, все же уютнѣе теперь, чѣмъ въ Парижѣ!

Графъ Гиберъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 23 августа 1788 г.

Моя дорогая маркиза. Я все еще чувствую вашу атмосферу вокругъ себя, хотя уже двѣ недѣли нахожусь въ Парижѣ. Я думаю, что эта атмосфера не можетъ испариться, потому что вы скоро и ясно дали мнѣ понять, что это не раздушенный воздухъ салоновъ, наполненный мимолетною игрой въ любовь и легко улетающій въ открытыя окна, а суровый воздухъ Вогезъ.

Я знаю женщинъ—очень мало, впрочемъ!—нашедшихъ въ бракѣ осуществленіе своихъ мечтаній о счастьѣ. Около васъ царитъ такое же спокойствіе. Никакое легкомысленное желаніе не можетъ существовать возлѣ васъ! Какъ это случилось, что возлѣ васъ я чувствовалъ себя, какъ возлѣ этихъ счастливицъ, хотя въ вашихъ чертахъ ясно были написаны страданія и лишенія?

Я грезилъ объ этомъ въ теченіе всей своей дороги, поэтому картины пути почти безслѣдно проходили передо мной. Плохое лѣто, весеннія наводненія,—все это придавало ландшафту такой же печальный видъ, какъ и людямъ. Но странно, какъ сіяетъ лицо каждаго крестьянина, какъ только упоминается о генеральныхъ штатахъ! Народъ ожидаетъ отъ своихъ представителей—какъ прежде ожидалъ отъ Бога — избавленія отъ всѣхъ своихъ золъ.

Со времени призванія назадъ Неккера,—что казалось мнѣ единственнымъ выходомъ, какъ я уже говорилъ вамъ,—и я тоже начинаю въ это вѣрить. Онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе созвать генеральные штаты и вернуть парламентамъ всю ихъ власть. Въ данный моментъ это, конечно, представляется какъ бы пораженіемъ короля, но это единственная возможность установить прочное конституціонное королевство.

Въ настоящее время на Парижъ сыплется дождь изъ брошюръ Ленге, который не можетъ вынести, чтобы о немъ забывали, предлагаетъ самымъ серьезнымъ образомъ, для успокоенія умовъ,—какъ «Символъ свободы», — снести Бастилію! Анонимное «Письмо одного гражданина» разсыпается въ чрезмѣрныхъ похвалахъ третьему сословію, «которое одно только создаетъ богатство націи и только изъ него выходятъ руководящіе умы науки и искусства!» Въ другой брошюрѣ говорится «о чистыхъ нравахъ добродѣтельнаго народа, который, сознавъ свою силу, сломитъ тиранію дворянства, какъ уже сломилъ тиранію королевства!»

Въ такомъ тонѣ написаны почти всѣ брошюры, и мелкій людъ, видя постоянно такіе низкіе поклоны, которые отвѣшиваютъ ему черезчуръ ревностные народные трибуны, скоро долженъ будетъ вообразить себя единственнымъ призваннымъ властителемъ Франціи.

Когда я высказалъ это Неккеру, то онъ возмутился. Онъ преувеличиваетъ уваженіе къ общественному мнѣнію, увѣряя, что только имъ будетъ руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Говорятъ, впрочемъ, о новомъ собраніи нотаблей, которое должно будетъ обсуждать число депутатовъ, размѣры представительства сословій и др. вопросы. Не буду ли я имѣть счастье тогда снова увидѣть васъ въ Парижѣ?

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинъ.

Парижъ, 8 октября 1788 г.

Уважаемая маркиза. Принцъ впервые спросилъ меня вчера о васъ и о томъ, имѣю ли я о васъ какія-нибудь извѣстія? Я отвѣчалъ отрицательно, согласно данному обѣщанію. Принцъ былъ чрезвычайно взволнованъ, что при теперешнихъ условіяхъ можетъ быть замѣчено у отдѣльнаго лица лишь тогда, когда степень его волненія въ значительной степени превышаетъ господствующее кругомъ всеобщее возбужденіе.

Повидимому, сама судьба теперь противъ правительства, что бы оно ни дѣлало, чтобы укрѣпить свое положеніе, все это ведетъ къ его ослабленію!

Король разрѣшилъ созывъ генеральныхъ штатовъ. Это могло бы либо всѣхъ примирить съ нимъ, либо, по крайней мѣрѣ, объединить всѣ три сословія въ мирной работѣ. Но онъ хочетъ сдѣлать еще больше, хочетъ заставить позабыть о своемъ диктаторскомъ выступленіи 8-го мая и поэтому спрашиваетъ своихъ добрыхъ гражданъ ихъ мнѣніе о числѣ депутатовъ каждаго сословія. Этимъ актомъ онъ бросилъ яблоко раздора въ ихъ среду. Привилегированные, которые только что были передовыми борцами за свободу, являются противниками соціальнаго равенства. Третье сословіе видитъ передъ собой своихъ враговъ!

Я ждалъ этого момента многіе годы, маркиза. Но никогда я не думалъ, что это произойдетъ по иниціативѣ короля.

Теперь наступаетъ расплата! Теперь мы развертываемъ счетъ столѣтія. Дефицитъ государства — ничто передъ этимъ счетомъ!

Рабство, барщина, плети, голодъ, кровь мужчинъ, честь дочерей народа, — все это стоитъ въ этомъ счетѣ и требуетъ уплаты!

Въ обществѣ знатныхъ людей, какъ мнѣ разсказывали, одинъ господинъ, по имени Казоттъ, имѣлъ видѣніе: онъ увидалъ ихъ головы подъ мечомъ палача. Они смѣялись надъ сумасшедшимъ ясновидцемъ и затѣмъ, въ своихъ клубахъ, съ циничными шутками, бросали кости, дѣлая ставкой свои собственныя головы. Безумцы, они не хотятъ знать, что кости уже брошены!

Не пугайтесь, уважаемая маркиза. Вы знаете, мнѣ всегда снились кровавые сны. Но никогда, пока я живъ, ни вамъ ни маленькому Годфруа, никто не посмѣетъ нанести ни малѣйшаго вреда. Развѣ я

могу позабыть когда-нибудь, что онъ, своей крошечной ручонкой, гладилъ меня по щекѣ, какъ будто и не замѣчая моего горба! Порою мои мысли такъ путаются, что я не могу рѣшить, чего я желаю пламеннѣе: Францію ли освободить отъ тираніи или васъ обоихъ, изъ вашего мрачнаго замка!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 8 ноября 1788 г.

Я видѣлъ твое изображеніе, подъ которымъ нарисовано было пламенное сердце и на немъ твое имя. Я разговаривалъ съ графомъ Гиберъ, который прожилъ у тебя цѣлыя недѣли и приходитъ въ восторгъ, какъ только услышитъ твое имя. Я видѣлъ въ собраніи нотаблей маркиза. Онъ не имѣетъ вида ни больного ни параличнаго. Онъ только похудѣлъ и немного больше постарѣлъ...

Я требую отъ тебя правды — самой безусловной истины. И то, о чемъ я, ослѣпленный любовью, осмѣливался только просить, теперь я требую, полная разлука или соединеніе! Никакая горестная жалоба не можетъ теперь поколебать меня.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 22 ноября 1788 г.

Моя милая. Вы снова требуете отъ меня свободы, послѣ того какъ я уже твердо увѣровалъ, что ваши романтическія грезы разлетѣлись какъ и всѣ грезы въ наше разсудочное время. Я узнаю, кромѣ того, что вы принесли себя «въ жертву» мнѣ, изъ состраданія къ больному, къ обѣднѣвшему? Плаксивые слабые люди могутъ, пожалуй, находить трогательнымъ такое поведеніе. Я — нѣтъ! Потому что вы сдѣлали только то, что было вашимъ долгомъ, ничего больше!

Въ одномъ пунктѣ вы правы: старый, бѣдный человѣкъ не можетъ служить обществомъ для молодой красивой женщины. Я дѣлаю выводъ изъ этого признанія и даю вамъ свободу. Вамъ — одной, само собою разумѣется. Потому что вашъ ребенокъ, передъ глазами свѣта, мой сынъ и остается наслѣдникомъ моего имени.

Разводъ въ такія возбужденныя времена не встрѣтитъ никакихъ непреодолимыхъ препятствій. Я сдѣлаю всѣ необходимости, предварительные шаги, какъ только вы рѣшите основной вопросъ: ребенокъ или свобода?

Я пріѣду, чтобы лично переговорить съ вами, — въ полномъ спокойствіи, — разумѣется, не прибѣгая къ жаргону парижскихъ улицъ,— но въ данный моментъ я не могу уѣхать, потому что каждый изъ

насъ необходимъ, такъ какъ правительство хочетъ уравнять съ нами третье сословіе въ числѣ его представителей.

Вашего отвѣта я жду съ тѣмъ же курьеромъ.

Разлука съ Годфруа, само собою разумѣется, должна быть окончательной и безвозвратной.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 3 декабря 1788 г.

Любимая, единственная, прости меня, ты, ненаглядная, прости. Твои письма, — письмо маркиза, — сообщенія Гальяра, — восторгъ и возмущеніе, радость и страхъ разрываютъ мнѣ душу! Моя бѣдная голубка, какъ ты страдаешь, и такъ страшно одинока! Ты надѣешься смягчить маркиза послѣ того какъ первый шагъ уже сдѣланъ. Я же боюсь, что пораженіе его партіи окончательно ожесточило его. Честь сословія, честь имени — вотъ его единственный идолъ. Если бы онъ оставилъ намъ ребенка, то это было бы признаніемъ его позора. Онъ никогда на это не согласится. Намъ остается только одно — побѣгъ. Такъ какъ я увѣренъ въ твоей любви, то и предлагаю тебѣ его. Если ты готова, то все остальное — не болѣе какъ дѣтская игра.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 10 декабря 1788 г.

Вы имѣете мое послѣднее слово. Я не намѣренъ отступать ни на одинъ шагъ. Лишь настолько я могу пойти навстрѣчу вашимъ желаніямъ, что не требую отъ васъ немедленнаго рѣшенія. Я даю вамъ годъ на размышленіе. Въ теченіе этого времени вы должны избѣгать всякихъ непосредственныхъ сношеній съ принцемъ. Но вамъ дается право въ этотъ промежутокъ выбрать самой подходящую воспитательницу для ребенка.

Я слышалъ, что холодъ въ Эльзасѣ еще сильнѣе, чѣмъ здѣсь. Такъ какъ у насъ можетъ не хватить дровъ, то я далъ порученіе свалить деревья въ паркѣ.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 23 декабря 1788 г.

Моя любимая Дельфина. Внизу ликуетъ народъ. Несмотря на морозную ночь, толпы поющихъ людей проходятъ по улицамъ. Я бы хотѣлъ заткнуть себѣ уши, чтобы не слышать нечего, напоминающаго о радости.

Ты не можешь бѣжать. Ты не можешь подвергнуть бѣдствію и позору твое дитя, которое можетъ когда-нибудь спросить тебя: «Кто мой отецъ, тотъ ли, чье имя я ношу, или тотъ, чья ты любовница?»— «Я сама, — пишешь ты, — все, съ улыбкой, готова была бы вынести, ради тебя, но ради ребенка — я не должна!»

О, вы женщины! Вы такъ свободны и сильны и въ то же время такъ слабы и связаны!

Но ты хочешь ждать и надѣешься смягчить окаменѣлое сердце старика! Я хочу укрѣпить себя твоей надеждой, любимая моя. Вѣдь онъ долженъ носить камень въ груди вмѣсто сердца, если твои просьбы не въ состояніи будутъ смягчить его!

Я остаюсь пока здѣсь. Отчетъ Неккера о генеральныхъ штатахъ, — гдѣ правительство признаетъ за представителями націи право устанавливать налоги и бюджетъ и уравниваетъ число депутатовъ третьяго сословія съ числомъ депутатовъ двухъ первыхъ сословій, — умнѣе, чѣмъ я ожидалъ отъ него, и, конечно, представляетъ единственный путь къ успокоенію возбужденныхъ умовъ. Мы теперь можемъ надѣяться на спокойное, конституціонное развитіе.

Прощай, мое горячо любимое дитя. Поцѣлуй нашего сына, котораго я нѣжно люблю, хотя ужасная судьба ставитъ его между нами, — его, который долженъ былъ бы еще тѣснѣе соединить насъ!..

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 5 января 1789 г.

Уважаемая маркиза. Ваша судьба сразила меня болѣе жестоко, чѣмъ когда-либо могла сразить моя собственная судьба. Но какъ несомнѣнно то, что я—горбатый сынъ публичной дѣвки и дворянина и ни во что не вѣрю, какъ только въ свою силу, — такъ и вѣрно и то, что выходъ найдется, какъ найдется взходъ и для Франціи! Я, Люсьенъ Гальяръ, закончу дѣло вашего освобожденія, которое было начато Іоганномъ фонъ Альтенау.

Я бы хотѣлъ имѣть возможность внушить вамъ надежду, которая составляетъ увѣренность, охватывающую всѣхъ насъ. Сознаніе силы сдѣлало ее возможнымъ, — той силы, которая превратила въ оружіе въ нашихъ рукахъ каждую фразу превосходной брошюры: «Что такое третье сословіе?» Она появилась вчера, и къ вечеру была уже въ рукахъ у всѣхъ, а сегодня ея слова звучатъ въ ушахъ всѣхъ привилегированныхъ. «Что удерживаетъ вмѣстѣ общество? Промышленный и духовный трудъ. Кто совершаетъ его? Третье сословіе. На кого взваливается въ арміи, въ церкви, въ судопроизводствѣ, въ управленіи все то, что требуетъ напряженнаго труда и усилій и не приноситъ ни почестей ни богатства? На третье сословіе!» Эти слова запечатлѣваются неизгла-

димо даже въ самомъ тупомъ мозгу. «А кто, наоборотъ, занимаетъ лучшія мѣста, самыя доходныя должности, кто управляетъ не только государствомъ, но и королемъ, кто окружаетъ его какъ бы стѣной, чтобы онъ не могъ видѣть собственнаго народа? — Аристократія!» Это пробуждаетъ ненависть даже въ самой безстрастной душѣ, — ненависть, хватающуюся за топоръ и прибѣгающую къ поджогу тамъ, гдѣ нѣтъ умѣнья владѣть мечомъ.

Терпѣніе, маркиза. Третье сословіе, которое само себя освободило, освободитъ и всѣхъ угнетенныхъ и порабощенныхъ, а также и васъ!

Графъ Гиберъ—Дельфинъ.

Парижъ, 26 февраля 1789 г.

Дорогая маркиза. Ваше молчаніе заставляетъ меня опасаться, не оскорбилъ ли я васъ безсознательно? Я бы искренно пожалѣлъ объ этомъ! Именно теперь, когда привыкаютъ относиться недовѣрчиво къ своимъ лучшимъ друзьямъ, — партійные раздоры проникаютъ даже въ самый интивный кругъ, — не хотѣлось бы порывать связи, какъ бы она ни была тонка.

Избирательная борьба въ провинціяхъ буквально насытила воздухъ взрывчатыми веществами. Даже Неккеръ встревоженъ и пробуетъ обуздать требовательность третьяго сословія. Но печать не признаетъ больше никакихъ церемоній. Въ ея глазахъ конституціонная монархія, которую генеральные штаты должны были еще только создать, представляетъ уже превзойденную ступень.

Суровая зима, послѣдовавшая за плохимъ урожаемъ прошлаго года, гонитъ всѣхъ бродягъ Франціи въ Парижъ, и они держатъ себя самымъ непринужденнымъ образомъ и говорятъ рѣчи на всѣхъ площадяхъ города. Дворянинъ, нежелающій подвергаться оскорбленіямъ, вынужденъ носить гражданскую одежду.

Вы, вѣроятно, уже слышали объ агитаціи графа Мирабо въ Провансѣ. Путемъ своихъ декламацій о свободѣ и равенствѣ онъ желаетъ очистить себя отъ своего прошлаго, а народъ встрѣчаетъ его восторженно, гдѣ бы онъ ни показывался. Мы не можемъ закрывать глаза на то, что зажигательныя рѣчи честолюбцевъ и фанатиковъ возбуждаютъ такія дикія вожделѣнія въ массахъ, о которыхъ до сихъ поръ онѣ, въ своей скромности, не имѣли понятія. Я прочелъ не безъ глубокой тревоги, что даже болѣе спокойное населеніе Эльзаса оказывается затронутымъ, но надѣюсь все-таки услышать отъ васъ, что вашъ тихій замокъ, столь далекій отъ міра, такъ же далекъ и отъ его битвъ!

Люсьенъ Гальяръ—Дельфинъ.

Парижъ, 12 іюля 1789 г.

Уважаемая маркиза. Необычайная быстрота, съ которой совершаются событія, заставила меня замолчать, но не могла заставить меня забыть свой обѣтъ. Вы знаете изъ газетъ, что произошло: пораженіе короля, удивительное возвышеніе третьяго сословія, начало національнаго собранія! У его дверей ждетъ народъ, готовый къ битвѣ и къ тому, чтобы, если понадобится, превратить свои слова въ дѣйствія!

16 іюля.

Чрезвычайное свершилось. Извѣстіе объ отставкѣ Неккéра и созывѣ враждебнаго народу министерства прервало мое начатое письмо. Я бросился въ Пале-Рояль.

— Они обсуждаютъ въ Версали Варѳоломеевскую ночь патріотовъ! — кричали мнѣ встрѣчные.

Дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ Демуленъ призывалъ гражданъ къ орудію. Точно подгоняемые какою-то посторонней силой, тысячи людей шли сомкнутыми рядами въ томъ же направленіи. Изъ всѣхъ боковыхъ улицъ человѣческія массы вливались въ нашъ движущійся потокъ. Весь Парижъ былъ охваченъ однимъ только чувствомъ!...

Испуганный неисчислимыми толпами народа, который стекался къ площади Людовика XV, гдѣ стояли войска, маршалъ Безанваль отдалъ приказъ къ отступленію. Ужасный планъ властителя рушился.

На слѣдующее утро Парижъ напоминалъ военный лагерь, и 14-го іюля, утромъ, какъ только разсвѣло, всюду раздались громкіе крики: «къ Бастиліи!» Каждый изъ насъ зналъ, какъ будто сама судьба диктовала намъ поступки, куда мы должны итти. Я не хочу терзать ваше мягкое сердце описаніями того, что заставляетъ мою кровь застывать отъ одного только воспоминанія. Я скажу только, что произошло: Укрѣпленный замокъ палъ. Это первый изъ огромнаго числа тѣхъ замковъ, которые кругомъ, въ странѣ грозно направляютъ на насъ свои пушки, скрывая въ своихъ погребахъ сокровища, накопленныя ихъ владѣльцами, вѣками грабившими насъ и удерживавшими въ заточеніи, въ своихъ темницахъ несчастныхъ людей, которыхъ нужда дѣлала ворами и убійцами и передовыми борцами за свободу.

У меня есть къ вамъ настоятельная просьба, маркиза, касающаяся вашей собственной безопасности.

Найдите какой-нибудь предлогъ для своего переселенія въ ближайшее время во дворецъ въ паркѣ. Я имѣю сношенія съ эльзасскими крестьянами. Если такъ долго подавляемая ненависть вложитъ и имъ въ руки факелъ для поджога, то цѣлью ихъ будетъ укрѣпленный замокъ, а не маленькій покинутый дворецъ...

Принцъ Фридрихъ Евгенiй Монбельяръ—Дельфинѣ.

Безансонъ, 23 iюля 1789 г.

Моя любимая! На пути къ тебѣ, — тревога заставляетъ меня забывать обо всемъ, — я долженъ былъ временно остановиться здѣсь. Моему курьеру поручено передать тебѣ это письмо и ждать меня. Вся провинцiя охвачена мятежомъ. Горящiе замки точно чудовищные факелы освѣщаютъ ночи, насыщенныя грозой. Я съ трудами избѣжалъ неистовства крестьянъ, которые подожгли Амбли, гдѣ я ночевалъ. Они связали меня, и я долженъ былъ безпомощно глядѣть, какъ они закололи Шевалье и срывали одежду съ его несчастной жены. Забыли ли обо мнѣ въ суматохѣ грабежа? Или мнѣ помогъ неизвѣстный другъ? Я не знаю ничего! Кто-то перерѣзалъ мои веревки... Я нашелъ свою лошадь и ускакалъ сюда, гдѣ далъ себѣ сдѣлать перевязку. До этой минуты я не обратилъ вниманiя на свою раненую руку.

Черезъ 24 часа я надѣюсь уже быть возлѣ тебя. Не выходи изъ замка. Вели поднять флагъ на сторожевой башнѣ въ доказательство, что ты тамъ находишься.

Принцъ Фридрихъ Евгенiй Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 6 августа 1789 г.

Все кончено. Я прекращаю борьбу. Только одно остается мнѣ — проститься съ тобой. Ты рѣшила противъ меня, Дельфина! Ежечасно, днемъ и ночью, я переживаю тотъ моментъ, когда надъ нашей жизнью былъ произнесенъ послѣднiй приговоръ!

Какъ все произошло — навсегда останется для меня тайной, потому что уста Гальяра сомкнулись навѣки. Я привезъ его трупъ на своей лошади сюда и похоронилъ. Маркизъ бросилъ бы его на растерзанiе волкамъ въ лѣсу.

Замокъ уже былъ въ огнѣ, когда я прiѣхалъ. Гальяръ крикнулъ съ выраженiемъ непоколебимой увѣренности только два слова: «во дворцѣ!» Я бросился въ паркъ. Какъ безумный стучалъ я въ закрытыя ставни. Гнилое дерево поддалось моимъ усилiямъ. Я пробѣжалъ по комнатамъ, наполненнымъ запахомъ тлѣнiя, громко призывая тебя. Тебя тамъ не было! Опрометью я бросился назадъ...

Возлѣ трещащихъ балокъ, обнятыхъ огнемъ, я увидѣлъ маркиза съ лицомъ, залитымъ кровью. На одной рукѣ онъ держалъ плачущаго мальчика, въ другой дымящiйся пистолетъ, умирающiй Гальяръ лежалъ у его ногъ, а ты, какъ безжизненная, ухватилась за его колѣни... Я оторвалъ тебя. Ты взглянула на меня точно помѣшанная...

Маркизъ рѣзко расхохотался. «Поджигатель!» крикнулъ онъ. Я хотѣлъ уже броситься на него, но онъ заслонилъ себя ребенкомъ — моимъ ребенкомъ!

— Дельфина! — крикнулъ я.

— Свобода или ребенокъ! — прозвенѣлъ его голосъ, сквозь грохотъ обрушивавшихся стѣнъ.

Тогда ты отвернулась отъ меня... Я не упрекаю тебя. Ты не могла поступить иначе. Я навсегда прощаюсь съ тобой!

ЭПИЛОГЪ.

Принцъ Фридрихъ Евгенiй Монбельяръ—Дельфинѣ.

Этюпъ, 21 іюня 1827 г.

Дорогая маркиза. Со вчерашняго дня я примирился съ жизнью.

Послѣ цѣлыхъ десятилѣтій жизни, богатой приключеніями, я, наконецъ, вернулся въ тѣ мѣста, гдѣ каждое дерево, каждый цвѣтокъ священны для меня, гдѣ я, почти еще мальчикъ, впервые заключилъ въ свои объятія единственное счастье моего сердца.

Я шелъ по аллеѣ мимо высохшаго пруда, заросшихъ изгородей, къ маленькому, бѣлому замку, который задумчиво выглядывалъ въ зелени мнѣ навстрѣчу.

И вотъ я увидѣлъ на полуразрушенныхъ каменныхъ ступеняхъ какую-то черную фигуру, которая сидѣла, опустивъ на руки голову, окутанную вуалью.

Когда же я поспѣшно подошелъ къ ней, то на меня внезапно взглянули глаза, — тѣ глаза, которые точно звѣзды сіяли мнѣ всюду, вплоть до ледяныхъ полей Россіи! — твои глаза, Дельфина!..

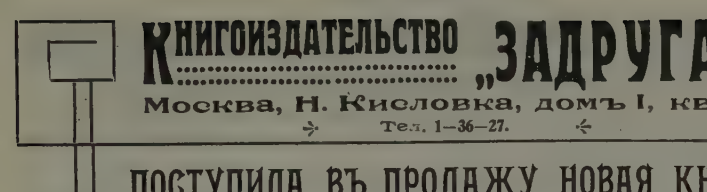
Мы плакали оба... Мнѣ кажется это были слезы радости!

Завтра я возвращаюсь въ Италію. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ императоръ, Франція мнѣ стала чужой.

Я нарушаю обѣщаніе, которое я тебѣ далъ. Я не вернусь больше въ Лаваль...

Я не хочу никакой унылой старческой дружбой разрушать свѣтлое воспоминаніе о твоей вѣрности и твоей любви...

Конецъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Арестъ снятъ.

ВОЙНА И МИРЪ

Памяти Л. Толстого

Сборникъ

Подъ редакціей Т. И. Полнера и В. П. Обнинскаго

M.CM.XII.

Книгоиздательства

ЗАДРУГА.

Ц. **3** р. **50** коп.

О подпискѣ на „Голосъ Минувшаго“.

Подписка на ½ года—**4** руб., на годъ—**8** руб., 9 мѣсяцевъ съ апрѣля—**6** р. **50** к., 1 мѣсяцъ—**1** р., за границу—**10** р. принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, 48, въ Петербургѣ и др. городахъ, въ отдѣленіяхъ **Т-ва И. Д. Сытина**.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ своевременно извѣщать контору о каждой перемѣнѣ адреса, прилагая на 25 коп. марокъ.

Въ послѣдующихъ книгахъ „Голоса Минувшаго“, между прочимъ, будутъ печататься слѣдующія статьи, воспоминанія и матеріалы:

ВЪ ОТДѢЛѢ СТАТЕЙ:

М. О. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва.
А. К. Дживелеговъ. Пьетро Арентино и Возрожденіе.
И. И. Игнатовичъ. Продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наканунѣ освобожденія.
А. С. Лаппо-Данилевскій. Изъ исторій политич. ученій въ Россіи.
С. П. Мельгуновъ. Романъ Мережковскаго «Александръ I».
Ю. М. Стекловъ. Интернаціоналъ послѣ Гаагскаго конгресса.
Е. И. Терасовъ. Русскіе «геттингенцы» первой четверти XIX вѣка и вліяніе ихъ на развитіе либерализма въ Россіи.
А. А. Чебышевъ. Арестъ Грунера. (Изъ исторіи патріотическаго движенія въ Германіи 1812 г.).

ВЪ ОТДѢЛѢ ВОСПОМИНАНІЙ.

Изъ дневниковъ кн. **Д. М. Волконскаго** (1803—1834 гг.).
А. Колянковскій. Воспоминанія о проф. А. Г. Брикнеръ.
А. Ѳ. Кони. Изъ воспоминаній о М. Т. Лорисъ-Меликовѣ.

Кудрявцева. Краткіе отрывки жизни моей (конецъ XVIII вѣка и начало XIX вѣка).
Изъ записокъ декабриста **М. И. Муравьева-Апостола.**
М. Новорусскій. О Шлиссельбургскомъ архивѣ.
К. А. Тимирязевъ. Изъ воспоминаній о Московск. университетѣ.

ВЪ ОТДѢЛѢ МАТЕРІАЛОВЪ:
Письма **Гончарова** къ Мусиной-Пушкиной. Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина.
Переписка **М. Н. Муравьева-Виленскаго** съ мин. госуд. имущ. Зеленымъ о событіяхъ въ Сѣв.-Западномъ краѣ во время польскаго возстанія 1863 г. Съ предисловіемъ В. И. Семевскаго.
Изъ писемъ **Л. Н. Толстого** къ художнику Башилову по поводу иллюстрацій къ «Войнѣ и миру» (съ иллюстраціями).
И. Ф. Павловскій. Кременчугская фабрика для евреевъ въ нач. XIX вѣка.
Письма М. Н. Невзорова къ кн. А. Н. Голицыну (1820 г.).
Т. О. Соколовская. Сокровенность масонскихъ списковъ.
В. В. Каллашъ. Замѣтки о Гоголѣ.
М. К. Лемке. Матеріалы по исторіи русской цензуры.
Л. Ѳ. Пантелѣевъ и А. С. Попельницкій. Матеріалы по исторіи Московскаго университета въ 50 гг.
Дѣло Ситникова (1831 г.); проектъ вѣчевого устройства.
А. С. Пругавинъ. Политическіе ссыльные въ далекомъ сѣверѣ (60 гг.).
М. Н. Коваленскій. Изъ неизданныхъ курсовъ Грановскаго.

Содержаніе вышедшихъ книгъ „Голоса Минувшаго":

№ 1. (Январь).

№ 2. (Февраль).

I. Статьи:

В. И. Пичета. Смутное время въ русской исторіографіи.
А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймѣ (убійство Коцебу).
Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „украинской школы“.
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители нач. XIX в.
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. Воспоминанія:

Дневникъ Дюмона 1803 г. (съ портретомъ). Съ предисловіемъ С. М. Горяинова.
Записки А. В. Поджіо.
П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка“.

III. Матеріалы:

Дѣло о декабристѣ (кн. В. М. Голицынѣ).
М. О. Гершензонъ. Н. П. Огаревъ.
Изъ дневника А. И. Эртеля.

IV. Критика и библіографія.

V. Обзоръ журналовъ:

1) С. П. Мельгуновъ. „Настоящая Россія“ (по поводу статьи А. А. Кизеветтера о Растопчинѣ).
2) Н. Л. Бродскій. Изъ исторіи русской литературы.
3) А. М. Васютинскій. „Французское общество въ началѣ второй имперіи. Новое о Стендалѣ“.
4) В. Н. Перцевъ. „Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры“.

VI. Хроника:

М. А. Дьяконовъ. Н. Е. Энгельманъ.
Ч. Вѣтринскій. Архивныя комиссіи.
К. С. Кузьминскій. Зауэрвейдъ (по повод. помѣщаемыхъ рисунковъ).
В. Н. Тукалевскій. Выставка въ память И. И. Срезневскаго.
Н. И. Херасковъ. Конгрессъ общества экономической исторіи революціи.

VII. Романъ:

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 3. (Мартъ).

I. Статьи:

А. К. Дживелеговъ. „Памяти Т. Н. Грановскаго“.
М. М. Покровскій. Греческіе, римскіе и новѣйшіе гуманисты о женщинѣ и ея образованіи.
В. Викторовъ-Топоровъ. „Светозаръ Марковичъ“ (изъ исторіи общественнаго движенія въ Сербіи).
А. Е. Грузинскій. Источники разсказа Л. Н. Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.
В. И. Семевскій. М. В. Петрашевскій-Буташевичъ (характеристика).

II. Воспоминанія:

Дневникъ Дюмона 1803 г. Сообщ. С. М. Горяиновъ.
Записки Поджіо (окончаніе). Сообщ. А. И. Яковлевъ.
Записки Л. В. Дубельта. Сообщено Л. Ѳ. Пантелѣевымъ. Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова.
П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка“.

III. Матеріалы:

1) Изъ неизданной переписки Н. В. Гоголя. Сообщ. В. В. Каллашомъ и П. Н. Сакулинымъ. 2) „Грановскій и Шевыревъ“ Ю. Соколова. 3) Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщ. В. И. Семевскимъ. 4) „Забота о довѣріи об-ва къ суду“. Сообщ. В. Богучарскимъ.

IV. Обзоръ журналовъ:

А. А. Кизеветтеръ. „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова“. 2) Н. С. Русановъ. „Воспоминанія г. Вырубова о П. Л. Лавровѣ“. 3) Н. Л. Бродскій. „Изъ исторіи русской литературы“. 4) А. М. Васютинскій. „Тайная полиція во Франціи и Австріи въ эпоху реставраціи. Мемуары гр. Аппоньи“.

V. Критика и библіографія:

VI. Хроника:

Т. И. Полнеръ. „В. В. Самойловъ“. Съ рисунками.
Л. И. Гальберштадтъ. „Къ юбилею Румянцевскаго музея“.
М. С. Сергѣевъ. „Выставка древне-русскаго искусства“.
В. Н. Щепкинъ. „Миніатюра Сійскаго Евангелія 1339 г.“ (къ рисунку).
И. Н. Романовъ. „Литографія Э. Манэ «La Barricade». (Рисунокъ).

VII. Романъ.

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 4. (Апрѣль).

I. Статьи:

В. М. Фриче. „К. Гольдони“ (обществ. значеніе его комедій).
И. Н. Игнатовъ. „Театръ и зрители II. Послѣ Отечественной войны“.
Н. О. Лернеръ. „Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова“.

К. Н. Левинъ. „Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена". (По неизданнымъ матеріаламъ).

В. И. Семевскій. „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Пятницы Петрашевскаго въ 1845—48 гг.".

II. Воспоминанія:

„Дневникъ Э. Дюмона. 1803 г.". Сообщ. С. М. Горяиновъ.

Максимовъ. В. М. „Автобіографическія записки". Съ предисловіемъ И. Е. Рѣпина.

Бѣлоконскій, И. П. „Отрывки изъ воспоминаній".

III. Матеріалы:

„Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи". Сообщ. В. И. Семевскій. „Къ біографіи Т. Н. Грановскаго". Сообщ. Д. М. Щепкинъ. „Неизвѣстная сатира". Сообщ. Н. П. Кашинъ.

IV. Критика и библіографія:

V. Обзоръ журналовъ:

С. П. Мельгуновъ. 1) „Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ". 2) Н. Л. Бродскій. „Новое о Пушкинѣ". 3) И. В. Лучицкій. „О феодализмѣ при Людовикѣ XVI". 4) А. М. Васютинскій. „Дж. Мадзини на защитѣ римской республики 1849 г. Новый варіантъ Мефистофеля. Faустъ въ балаганѣ".

VI. Рисунки:

Портреты (дуплексъ): Гольдони; Н. А. Спѣшнева и В. М. Максимова. Картина И. Е. Рѣпина. „Арестъ" (въ краскахъ). Заставки изъ изданій Струйскаго XVIII в.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы".

№ 5. (Май).

I. Статьи:

И. И. Шрейдеръ Джузеппе Мадзини о національномъ вопросѣ. R. „Валеріанъ Лукасинскій".

Е. Колосовъ, М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

В. М. Максимовъ. Автобіографическія замѣтки (продолженіе).

И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминанія (оконч.).

Н. М. Іорданскій. Изъ недавняго прошлаго.

Проф. І. А. Артоболевскій. Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ.

Н. Н. Степаненко. Воспоминанія о Засодимскомъ. Автобіографическая замѣтка П. В. Засодимскаго. Сообщ. Ч. Вѣтринскій.

III. Матеріалы:

С П. Мельгуновъ. Московскій университетъ въ 1894 г. (по поводу записокъ проф. Боголѣпова).

Черткова, А. К. Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно-православной литературой (по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ о немъ).

Письма В О. Ключевскаго.

Гершензонъ, М. О. О способахъ распространенія „Колокола".

(Письмо неизвѣстнаго къ А. И. Герцену). Гр. В. Н. Панинъ о Герценѣ.

IV. Обзоръ журналовъ:

1) Н. Л. Бродскій. Новое о Гаршинѣ.
2) А. М. Васютинскій и А. К. Дживелеговъ. М-ль Сталь, вел. кн. Екатерина Павловна и Наполеонъ.

V. Критика и библіографія.

VI. Рисунки.

Портретъ В. Лукасинскаго. Картины Максимова.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы".

№ 6. (Іюнь).

I. Статьи:

К. Н. Успенскій. Юстиніанъ и крупное землевладѣніе сенатской знати.

В. А. Филипповъ. Факты и легенды въ біографіи Ѳ. Г. Волкова.

В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Е. Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI. Переводъ съ франц. Е. П. Чалѣевой.

В. М. Хижняковъ. Изъ разсказовъ бабушки.

В. М. Максимовъ. Автобіографическія записки.

№ 7. (Іюль).
